

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1871.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, января 7 дня 1871 г.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

СТАРЫЙ ИЕРУСАЛИМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПИОЛА-ПАЛОМНИКА (1857—1860 г.).

Латины (католики).

Францисканская миссія въ Иерусалимѣ.—Ея исторія.—Латинскій патриархъ—Валерга, его отношеніе къ консуламъ католическихъ державъ и Францисканамъ.—Заведенія Францисканъ въ Палестинѣ.—Латинскіе богомольцы.—Загородный замокъ Валерги.—Грекоунитскій патриархъ.—Рыцари Гроба Господня.

Католики въ св. градѣ обычно называются *Латинами*. Говоря о нихъ, православные Греки и Арабы никогда не употребляютъ слово *католикъ*, считая это названіе также неправильно присвоеннымъ ими, какъ нашими раскольниками названіе *старообрядцевъ*; Греки употребляютъ слово: католики, въ примѣненіи къ Латинамъ въ иномъ значеніи,—произнося его раздѣльно, они говорятъ: *като-лики*, что значитъ въ переводѣ съ греческаго: «прочъ волки!»

Представителями латинскихъ интересовъ въ Иерусалимѣ, послѣ крестовыхъ походовъ и до нашего времени, были исключительно *Францискане*, прибывшіе, по словамъ историковъ ихъ ордена, въ св. градъ босыми и съ крестомъ въ рукахъ, въ то самое время какъ рыцари, овладѣвшіе имъ съ помощію огня и меча, вынуждены были тѣми же самыми средствами оставить его. Францискъ изъ Асижа (городъ Неаполитанскаго королевства) въ 1219 году высадился въ Штолемаидѣ (нынѣшней Акрѣ), въ сопровожденіи 12-ти монаховъ основаннаго имъ ордена, и основалъ королевство, несравненно сильнѣйшее королевства Готфрида Бульонскаго. Умирая

онъ оставилъ множество учениковъ въ Акрѣ и Іерусалимѣ. Тѣ и другіе нашли смерть: одни въ храмѣ Гроба Господня, другіе въ Птолемаидѣ въ 1291 году. Такимъ образомъ началась Францисканская миссія въ Палестинѣ. Въ томъ же году пало Латинское государство въ Палестинѣ, а съ нимъ и незаконный латинскій патріархатъ Іерусалимскій и его четыре архіепископства—въ Кесаріи, Назаретѣ, Каракѣ и Тирѣ и девять епископій: въ Лиддѣ, Хевронѣ, Бейрутѣ, Птолемаидѣ, Сидонѣ, Панеи, Севастіи, Тиверіадѣ и въ Синаѣ, и множество монастырей женскихъ и мужскихъ, которые густою сѣтью оцѣпили всю св. землю съ цѣлю отторгнуть отъ православія ея древнее достояніе. Ученики Франциска (почитаемаго латинскою церковію за святаго) сцѣпили заступитъ мѣсто изгнанныхъ крестоносцевъ и въ 1299 году получили нѣкоторыя права. Турки, по внѣшнимъ регуламъ ихъ ордена принимая ихъ за дервишей, оказывали имъ нѣкоторое вниманіе, уступили имъ жилище на Сіонѣ и позволили нѣсколькимъ челоувѣкамъ пребывать и въ храмѣ Гроба Господня. Папа Климентъ, внимательный какъ и всѣ папы ко всѣмъ частнымъ усиліямъ послѣдователей своей религіи и не скупившійся на благословеніе всего, что служитъ къ расширенію папскаго вліянія,—подтвердилъ ихъ духовныя права особой буллою 1342 года. Санха, супруга сицилійскаго короля Роберта, приказала построить на горѣ Сіонѣ прекрасный монастырь и пожертвовала его на содержаніе 12 монаховъ и 3 братій. Вотъ краткая исторія утвержденія Францисканъ въ Іерусалимѣ. Нельзя не отдать имъ справедливости, что они преслѣдовали свою цѣль съ терпѣніемъ и искусствомъ, несмотря на многія неудачи и препятствія, общія для всѣхъ христіанъ. Такъ въ 1368 году Турки вырѣзали ихъ поголовно. Новая колонія изъ братіи того же ордена заступила мѣсто убитыхъ. Турки убили четырехъ изъ нихъ въ 1391 году. Въ 1482 году убили Іоанна Калабрійскаго, монаха Сіонскаго монастыря, а въ 1537 году собрали всѣхъ ихъ и заперли частію въ Дамаскѣ, частію въ замкѣ Пизанскомъ въ Іерусалимѣ. Католическій паломникъ писатель Шатобріанъ собралъ порядочный списокъ Францисканъ, сдѣлавшихся жертвою

своей привязанности къ Св. землѣ. Въ 1551 году подъ предлогомъ, что гора Сіонъ командуеъ надъ городомъ и всякое зданіе на немъ могло бы послужить христіанамъ для нападенія на оный, равно какъ и потому, что не слѣдуетъ, чтобы «псы гяуры» владѣли гробомъ Давида, къ которому Турки питаютъ большое уваженіе, — Францисканъ выгнали изъ Сіонскаго монастыря. Преданіе о гробѣ Давида на горѣ Сіонъ, служило лишь видимымъ предлогомъ для овладѣнія монастыремъ; церковь его немедленно обращена въ мечеть, а монастырь заняли Сантовы.

По другимъ преданіямъ изгнаніе Францисканъ изъ Сіонскаго монастыря приписываютъ проискамъ жидовъ, въ отмщеніе за то, что Латины не пустили одного изъ нихъ на поклоненіе ко гробу Давидову; оскорбленный такимъ отказомъ, богатый Еврей поклялся отмстить Латинамъ и поѣхавъ въ Константинополь, цѣною золота купилъ ихъ изгнаніе изъ заветнаго святилища.

Однако Францисканъ не выгнали вовсе изъ города: Турки взамѣнъ отнятаго у нихъ на Сіонѣ монастыря, уступили имъ за небольшую сумму церковь и монастырь Спасителя, который прежде принадлежалъ Грузинамъ, какъ и многіе другіе Іерусалимскіе монастыри, и по обѣдѣніи Грузинъ пришелъ въ запустѣніе. Въ то время искусственно возбужденный въ западной Европѣ жаръ къ завоеванію Св. мѣсть уже охладѣлъ и никто изъ западныхъ государей и не думалъ о Св. мѣстахъ. Карлъ IX царствовалъ во Франціи, Елизавета въ Англіи, Фердинандъ I въ Германіи, а Солиманъ II въ Константинополѣ. Реформація мстила латинству въ Европѣ за его гнѣтъ умственный и религіозный: цѣлыя области одна за другой отпадали отъ узъ, скрѣплявшихъ ихъ съ папскимъ треномъ. Но таково свойство папства во всѣ періоды его исторіи: въ то время когда ему рубятъ одну голову, у него растетъ другая. Въ то время какъ папство теряло въ Европѣ, Францискане, не требуя отъ св. отца ничего другаго, кромѣ благословенія *на вся* и имѣя его, повидимому забытые всѣми, кромѣ Испаніи и отчасти Неаполя, трудились усердно надъ расширеніемъ власти папской на Востокъ: стерегли св.

Гробъ, соединяли во едино свое разбѣянное по Палестинѣ стадо, утверждали его въ религіи, строили церкви и монастыри и съ теченіемъ времени, когда о нихъ вспомнила наконецъ политика, — приготовили сильный элементъ, если не для преобладанія, то для уравновѣшенія Латинянъ съ православіемъ.

Только въ началѣ XVII вѣка Франція впервые вспомнила о правѣ своего протекторства надъ св. мѣстами—титулъ, который признала такъ называемая столица Апостольская—Римъ за Людовикомъ XIV, но котораго исключительность не была признана никогда ни европейскими державами, ни даже Оттоманскою Портою. И хотя духъ XVIII столѣтія и наступившая вслѣдствіе онаго французская революція, снова отвратили вниманіе отъ вопроса о св. мѣстахъ, но латинскіе монахи продолжали постоянно пользоваться этимъ протекторствомъ, употребляя его то какъ угрозу, то какъ протестъ, противъ православной греческой общины, поддерживаемой вліяніемъ Россіи. Впрочемъ, вліяніе Россіи, которому французскіе писатели приписываютъ въ вопросѣ о св. мѣстахъ слишкомъ много, съ цѣлью уменьшить заслуги Грековъ, ограничивалось по большей части лишь денежною помощію и то не отъ правительства, а какъ и нынѣ, посредствомъ частной благотворительности собираемую. Францискане, почти оставленные Франціею въ XVIII столѣтіи относительно политической и денежной поддержки (ибо, по словамъ ихъ писателей, Франція почти со времени Людовика XV не посылала имъ ни людей, ни денегъ), въ то же время продолжали получать поддержку отъ другихъ католическихъ державъ: Австріи, Испаніи и Неаполя. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 1849 года. Восточная война измѣнила его вовсе: нота, поданная французскимъ посланникомъ въ Константинополь въ концѣ 1849 или въ началѣ 1850 года, вызвала такъ-называемый вопросъ о св. мѣстахъ, который, составляя лишь часть доселѣ не разрѣшеннаго *восточнаго вопроса*, имѣетъ значеніе болѣе политическое, нежели религіозное, и не трудно предвидѣть, что срокъ его разрѣшенія, сколько ни стараются повидимому отдалить его, прибли-

жается. Римъ давно уже предвидѣлъ это и на восстановление въ Иерусалимѣ Патріархата (возникшаго при крестоносцахъ и окончившагося вмѣстѣ съ ихъ изгнаніемъ) можно смотрѣть, какъ на духовное средство къ разрѣшенію вопроса о св. мѣстахъ. Не трудно догадаться, что побужденіемъ къ восстановленію патріархата со стороны папы было желаніе объединить и слить въ одно цѣлое вліяніе государствъ католическихъ въ Палестинѣ, а поставленіемъ своего представителя устранить всякій антагонизмъ между католиками, усилить ихъ согласіемъ и сильнѣе подкрѣпить ихъ общіе интересы. Но послѣдствія не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Столь восхваляемый своими и чужими Иерусалимскій латинскій патріархъ понялъ свою миссію не съ той стороны, что зависитъ отъ его личнаго характера. При замѣчательномъ умѣ, способностяхъ и научномъ образованіи (онъ знаетъ нѣсколько восточныхъ языковъ и вполне приготовленъ къ настоящему служенію прежними опытами миссіонерскаго служенія), онъ обладаетъ непомѣрнымъ честолюбіемъ, которое не даетъ ему покоя и побуждаетъ къ дѣйствіямъ, которыя противорѣчатъ дальновиднымъ разсчетамъ столицы Апостольской. Удивляться нечему, — не даромъ же сказано: уловляетъ Богъ хитрыхъ въ лукавствѣ ихъ, а хитрѣе монсиньора *Валерги* въ св. градѣ трудно найти человѣка. Какъ истинный іезуитъ, онъ не устаетъ примѣнять ихъ коренное правило: «раздѣляй и царствуй» — для утвержденія своего личнаго вліянія, пользуясь для примѣненія его несогласіями между собою католическихъ державъ. Франція не желаетъ поступиться для мира ни одной изъ своихъ привилегій прежде добытыхъ; такъ напри- мѣръ въ храмѣ Гроба Господня только одинъ французскій консуль имѣетъ кресло (при богослуженіи), а консулы другихъ католическихъ державъ не могутъ имѣть ихъ въ томъ же самомъ (переднемъ) ряду; далѣе, всѣ возникающія въ Иерусалимѣ человѣколюбивыя учрежденія должны носить названіе учреждений *французскихъ*, хотя бы средства къ ихъ поддержанію доставляли и другія католическія державы и т. д. А черезъ это происходитъ постоянное соперничество между консулами французскимъ и австрійскимъ. Такъ графъ

Пиддомани (австрійскій консуль) никогда не бываетъ при служеніи у Гроба Господня, и въ церкви бичеванія, чтобы не сидѣть позади французскаго консула де-Баррера. Нежеланіе австрійскаго правительства, чтобы жертвуемыя имъ на благотворительныя заведенія суммы шли во славу, ежели не на помощь той странѣ, которая сама меньше всѣхъ участвуетъ въ денежныхъ пособіяхъ, заставило австрійскаго консула дѣйствовать отдѣльно.

Вообще же Австрійцы жалуются, что латинскій патріархъ со времени своего поступленія на это мѣсто оказываетъ явно свои симпатіи къ Франціи и даетъ ей во всемъ первенство. А Французы съ своей стороны полагаютъ, что этому такъ и быть слѣдуетъ. Такимъ образомъ возникъ въ латинской средѣ вопросъ о Іерусалимскомъ Патріархатѣ, имѣющей, какъ и всѣ вопросы на свѣтѣ, своихъ защитниковъ и противниковъ, другая сторона котораго, сторона матеріальная, еще несравненно запутаннѣе. Положеніе латинскаго патріарха въ Іерусалимѣ требуетъ, чтобы онъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи значительныя суммы для поддержанія своего громкаго титула, какъ передъ другими вѣроисповѣданіями, такъ и передъ Турками. А какъ столица Апостольская, благословляя своего питомца—Валергу на вся въ честь и славу папства, положительно объявила ему, что снабжать его нужными для сего деньгами не можетъ, то онъ и нашелся вынужденнымъ испросить себѣ у папы благословеніе, пользоваться изъ казны францисканскихъ монастырей св. земли, которые, какъ извѣстно, сами содержатся ежегодными милостынными подаваніями Австріи, Испаніи и Неаполя.

Прежде эти пособія главнымъ образомъ шли отъ Испаніи: она присылала до 300,000 фр. ежегодно. Въ послѣдніе годы цифра эта, уменьшаясь постепенно, доходитъ лишь до 20,000 фр. Португалія, которая высылала прежде 200.000 франковъ на поддержаніе латинскихъ учрежденій въ Палестинѣ, съ нѣкотораго времени не присылаетъ ничего. Франція, нѣкогда столь щедрая на религіозныя пожертвованія во время Карла X, присылала ежегодно лишь по 2000 франковъ, но и то не всегда исправно. Государя Италіи, исключая Рима, также уменьшили

свои подаянія. Неаполь и Сардинія, которые прежде отличались обильными дарами, въ послѣднее время (предъ объединеніемъ Италіи) присылали гораздо менѣе. Австрія отъ 1755 до 1782 выслала 113.264 дуката. Іосифъ II упразднилъ комиссаріатъ св. земли въ Вѣнѣ и запретилъ пересылку подаяній за границу. Это запрещеніе продолжалось полвѣка. Въ 1842 году императоръ Фердинандъ возстановилъ комиссаріатъ и позволилъ пересылать милостыню, которая въ томъ году простиралась на сумму 64.249 рейхсталеровъ. Словомъ, въ теченіи 1849, 1850 и 1851 годовъ сумма ежегодныхъ подаяній, входившихъ въ казну францисканскихъ монастырей, простиралась до 500,000 франковъ (125.000 руб. сер). Расходы превышали эту сумму, а ежегодный дефицитъ простирался до 25,000 франковъ. Итакъ доходы, которыхъ обыкновенно недоставало на покрытіе огромныхъ нуждъ латинскихъ благотворительныхъ заведеній въ Палестинѣ, на милостыню, плату турецкимъ властямъ и т. д., теперь должны еще покрывать расходы патріарха и его свиты (изъ іезуитовъ). Различныя платы турецкимъ властямъ (бакшиши), хотя вслѣдствіе ближайшаго вліянія французскаго консульства значительно уменьшились, но все еще довольно значительны. Кромѣ всего этого не могло быть конечно пріятно францисканамъ и ослабленіе ихъ исключительнаго шести-вѣковаго вліянія въ св. землѣ, — властію духовнаго сановника, окруженнаго іезуитами, которымъ справедливо не сочувствуютъ францискане наравнѣ со всѣми другими монашескими орденами латинской церкви. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Австрія перестала посылать свои пожертвованія прямо въ монастырскую кассу, а поручила непосредственное распоряженіе ими консульству, которое уже выдаетъ ихъ собственно на монастырскія нужды. Вѣроятно по этому же поводу Испанія назначила въ Іерусалимъ особаго консула и поставила монастырскіе доходы подъ его контроль. Такимъ образомъ патріархъ латинскій относительно вещественныхъ средствъ по необходимости поставленъ въ полную зависимость отъ свѣтской власти и поневолѣ долженъ будетъ служить ея политическимъ цѣлямъ, чего не было во время исключитель-

наго вліянія Францисканъ.—Въ такомъ-то состояніи была въ мое время латинская миссія въ св. градѣ.

Теперь остается сдѣлать краткій обзоръ всѣхъ заведеній отъ нея зависящихъ:

1. Въ *Іерусалимѣ*—монастырь Спасителя, церковь, гостиница (Casa Nuova), 28 ксендзовъ ^(а), 32 брата, 940 прихожанъ муж. пола католиковъ, школа для мальчиковъ, состоящая изъ двухъ отдѣленій съ 68-ю учениками. Съ 1851 года заведена и школа для дѣвочекъ, состоящая подъ руководствомъ 3-хъ монахинь св. Іосифа. Въ храмѣ Гроба Господня 10 или 12 ксендзовъ для стражи св. мѣсть и богослуженія; число это удваивается во время нарочитыхъ празднествъ.

Латинскій монастырь *Спасителя* въ Іерусалимѣ—зданіе обширное и древнее. Церковь находится на первомъ этажѣ, также и библіотека и кельи монаховъ. Нижній этажъ весь состоитъ изъ комнатъ подъ сводами, занятыхъ главными складами хозяйственныхъ вещей. Ворота желѣзныя совершенно соотвѣтствуютъ чрезвычайной толстотѣ стѣнъ, которыя въ случаѣ надобности могли бы выдержать внезапную осаду и нападеніе. Замѣтимъ, что почти всѣ латинскія заведенія въ св. землѣ построены этимъ способомъ, то есть въ родѣ укрѣпленныхъ замковъ,—предосторожность нелишняя, по крайней мѣрѣ противъ туземцевъ и черни.—Въ монастырѣ *Спасителя* въ Іерусалимѣ живетъ начальствующій надъ всѣми латинскими монастырями въ св. землѣ. По уставу ордена (Францисканскаго) онъ долженъ быть непременно изъ Итальянцевъ и, если не ошибаюсь, даже изъ папскихъ подданныхъ. Онъ зависитъ отъ генерала своего ордена, который имѣетъ пребываніе въ Римѣ, и отъ Пропаганды. Онъ именуется префектомъ миссій въ Сиріи, Кипрѣ и Египтѣ, стражемъ горы Сіонской и св. Гроба, блюстителемъ святой земли, имѣетъ право служить какъ епископъ (in pontificalibus), титулуется отцемъ *реверендиссимусомъ*. Второе лицо въ мона-

(а) Подъ именемъ *ксендзовъ* разумѣются священники монашескаго чина (тоже что наши іеромонахи), а подъ именемъ *братівъ* всѣ остальные.

стырской іерархіи—викарій реверендиссимуса; по статуту орденна это мѣсто долженъ занимать французъ, но по неимѣнію до 1852 года въ братствѣ францисканскомъ монаховъ изъ Французовъ, мѣсто это занималъ также Италіянецъ, а въ 1852 году монсиньоръ Валерга съ цѣлю имѣть опору въ своемъ вліяніи на монастырь или, проще говоря, съ цѣлю прибрать къ рукамъ его денежныя средства, пользуясь упомянутою статьею статута, посадилъ на это мѣсто Француза Іосифа Арэзо. Третью степенъ въ монастырѣ Спасителя занимаетъ генеральный прокураторъ. Онъ исправляетъ обязанность казначея и занимается внѣшней и внутренней администраціей ордена. На этомъ мѣстѣ долженъ быть всегда Испанецъ.

Начальникомъ 10 человекъ францисканъ, пребывающихъ поспѣнно (черезъ каждые три мѣсяца мѣняются) въ храмъ св. Гроба, въ мое время былъ по происхожденію Нѣмецъ; онъ носитъ титулъ президента. Орденъ имѣетъ 10 духовниковъ, которые могутъ принимать исповѣдь на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ. Согласно статуту ордена, францискане св. земли могли прежде возвращаться въ свое отечество (Италію и Испанію) по истеченіи трехъ лѣтъ службы на Востокъ; но съ 1841 года терминъ этотъ продолженъ для рядовыхъ братій до 6-ти, а для миссіонеровъ до 12 лѣтъ. Архивъ монастырскій заключаетъ въ себѣ послужные списки всѣхъ реверендиссимусовъ; отъ водворенія ордена въ Іерусалимѣ число ихъ отъ 1226 года по 1850 простирается до 170-ти.

II. *Въ Виолемъ*—монастырь, церковь, гостинница, 10 ксендзовъ, 6 рядовыхъ братій, 1500 прихожанъ и школа съ 90 учениками.

III. *Въ Горней* (близъ Іерусалима): монастырь, гостинница, церковь на мѣстѣ рождества св. Іоанна Крестителя, 3 ксендза, двое братій, нѣсколько прихожанъ.

IV. *Въ Назаретъ*—монастырь съ особою (т. е. внѣ монастырскихъ стѣнъ) гостинницею для пилигримовъ; нѣсколько св. мѣстъ; 10 ксендзовъ, 7 братій; 600 прихожанъ латинскаго исповѣданія и 400 маронитовъ; школа мужская съ 80-ю учениками и женская съ 60-ю ученицами.

V. *Въ Тиверіадѣ*—церковь, монастырь для пріема чужеземцевъ, одинъ ксеудзъ и нѣсколько прихожанъ.

VI. *Въ Дамаскѣ*—монастырь, церковь, 2 ксеудза, 1 братъ; 5000 прихожанъ разныхъ обрядовъ; школа на 100 дѣтей, кромѣ школы Лазаритовъ.

VII. *Въ Гаррисѣ на Ливанѣ*—монастырь, предназначенный собственно для миссіонеровъ, прибывающихъ изъ Европы съ цѣлью обученія арабскому языку.

VIII. *Въ Алеппѣ*—монастырь, церковь; 5-ть ксеудзовъ, трое братій; 600 прихожанъ.

IX. *Въ Рамлѣ*—церковь, большой монастырь для богомольцевъ, 5-ть ксеудзовъ, двое братій, нѣсколько прихожанъ.

X. *Въ Яфѣ*—церковь, монастырь, гостинница, по латинскому предавію, стоящіе на мѣстѣ дома Симона усмаря; 3 ксеудза, двое братій, 200 прихожанъ, школа съ 12-ю учениками.

XI. *Въ Акрѣ*—монастырь, церковь, гостинница, 2 ксеудза, 1 братъ, 1200 прихожанъ, почти всѣ Марониты.

XII. *Въ Саидѣ* (древнемъ Сидонѣ)—монастырь, церковь, гостинница, 2 ксеудза, 1 братъ, 500 прихожанъ.

XIII. *Въ Бейрутѣ*—монастырь, церковь, гостинница, 3 ксеудза, 1 братъ, 3000 прихожанъ.

XIV. *Въ Триполи*—монастырь, церковь, гостинница, 2 ксеудза, 500 прихожанъ.

XV. *Въ Латакіи*, древней *Лаодикіи*—монастырь, церковь, одинъ ксеудзъ, нѣсколько прихожанъ латинскаго исповѣданія, 260 Маронитовъ, школа на 200 дѣтей.

XVI. *Въ Никосіи* (на островѣ Кипрѣ)—монастырь, церковь, 2 ксеудза, школа съ 25-ю учениками.

XVII. *Въ Ларнакѣ* (на островѣ Кипрѣ)—монастырь, церковь, 2 ксеудза, нѣсколько прихожанъ.

XVIII. *Въ Каирѣ*—монастырь, церковь, 6 ксеудзовъ, 3 брата, 1200 прихожанъ, школа для мальчиковъ изъ двухъ отдѣленій на 200 учениковъ, школа для дѣвицъ подъ руководствомъ монахинь «добраго пастыря» съ 68-ю ученицами.

XIX. *Въ Александріи* монастырь, церковь, 5 ксеудзовъ, 3 брата, 4000 прихожанъ, школа съ 30-ю учениками.

XX. *Въ Файумъ* (въ Нижнемъ Египтѣ)—гостинница, одинъ ксендзъ, нѣсколько прихожанъ.

XXI. *Въ Розеттѣ*—то же самое, что и въ Файумѣ.

Изъ этого списка, составленнаго въ началѣ 1850 годовъ, видно, что въ 21 станѣ, принадлежащемъ Францисканской миссиі въ св. землѣ, или какъ они себя именуютъ, «въ Миссиі отцевъ св. земли», числилось 97 ксендзовъ, 67 рядовыхъ братій, а всего 161 человекъ; 16 приходовъ, 10 школъ, учениковъ и ученицъ въ нихъ 694, а прихожанъ до 12,000 человекъ муж. пола. Сверхъ стражи надъ св. мѣстами Францисканамъ ввѣрено вообще духовное попеченіе о всѣхъ католическихъ общинахъ въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и отправленіе духовныхъ требъ, какъ собственно для католиковъ, такъ и для всѣхъ состоящихъ въ единеніи съ латинскою церковію, какъ-то: Маронитовъ, Мельхитовъ, а также и униатовъ изъ числа Коптовъ, Армянъ и Яковитовъ и Несторіанъ.

Если изъ вышеозначеннаго числа исключить тѣхъ, которые живутъ въ Египтѣ, Сиріи и на островѣ Кипрѣ, то на всю Палестину останется не болѣе 4000 прихожанъ католическаго исповѣданія. Дѣтей, посѣщающихъ устроенныя орденомъ школы, монастыри снабжаютъ не только учебными предметами, но и пищею, а нерѣдко и одежду. Одинъ монастырь Спасителя (въ Иерусалимѣ) содержитъ около 80 убогихъ старцевъ, вдовъ и сиротъ, живущихъ въ городѣ, въ домахъ принадлежащихъ монастырю. Больныхъ пользуется монастырскій врачъ (изъ братіи); услуга и лекарства даровыя.

Богомольцы не доставляютъ Францисканскимъ монастырямъ большихъ доходовъ; притомъ же ихъ бываетъ очень мало, и то по большей части бѣдныхъ. Князь Радзивиллъ (XVI вѣка) приводитъ въ своемъ сочиненіи списокъ 10-ти пилигримовъ, которые были одновременно съ нимъ у св. Гроба въ 1583 году. Шатобрианъ приводитъ въ этомъ отношеніи цифры тоже неутѣшительныя для латинъ: въ 1589 году было всего 7 богомольцевъ латинскаго исповѣданія въ Иерусалимѣ. Зеетценъ былъ единственный латинскаго исповѣданія поклонникъ, посѣтившій Иерусалимъ на праздникъ Пасхи въ 1806 году. О. Жерамбъ пишетъ, что въ 1831 году было 4 католическихъ

богомольцевъ на 4000 богомольцевъ греческихъ, а именно: портной Полякъ изъ Одессы съ женою, другой тоже Полякъ и онъ самъ (о. Жерамбъ). Монсеньоръ Мислинъ (Misline) вспоминаетъ въ своемъ сочиненіи, что въ 1848 году находилось въ Іерусалимѣ кромѣ его 6-ть чужеземцевъ латинскаго исповѣданія, но за то въ томъ числѣ было разомъ три католическихъ прелата. Въ 1853 году на Пасху было до 40 богомольцевъ католиковъ. Но съ тѣхъ поръ по мѣрѣ улучшения способовъ сообщенія съ Іерусалимомъ число богомольцевъ и латинскихъ замѣтно увеличивается съ каждымъ годомъ; во Франціи образовались компаніи, облегчающія для желающихъ посѣщеніе св. земли. Австрійское правительство, замѣтивъ, что его католическіе подданные (изъ Славянъ) останавливаются въ греческихъ страннопріимныхъ домахъ, гдѣ сближаются съ своими единоплеменниками, русскими и турецкими Славянами, посѣщило устроить свой страннопріимный домъ для ближайшаго наблюденія за своими богомольцами.

Сдѣлавъ очеркъ дѣятельности Францисканскаго ордена въ св. землѣ, теперь посмотримъ, что сдѣлалъ здѣсь патріархъ латинскій съ 1818 года, то-есть со времени водворенія своего во св. градѣ? Находя его тѣснымъ для своей лихорадочной дѣятельности, онъ во время такъ называемой восточной войны, захватилъ силою участокъ земли въ православномъ арабскомъ селеніи *Беджала*, лежащемъ между Іерусалимомъ и Виелеемомъ. Бѣдные феллахи осадили временное жилище латинскаго патріарха и отомстили ему за свою обиду личнымъ оскорбленіемъ. Онъ не преминулъ воспользоваться этимъ для окончательнаго завладѣнія занятой землей въ видѣ удовлетворенія за обиду. А по окончаніи войны воздвигнулъ на столь достохвально пріобрѣтённомъ мѣстѣ готическій замокъ и большую часть времени лѣтомъ проводитъ въ немъ съ своимъ клиромъ, посѣщая Іерусалимъ лишь изрѣдка наѣздами. Въ своемъ замкѣ онъ немедленно основалъ замкнутое училище для 12-ти Арабовъ католиковъ, изъ которыхъ подъ руководствомъ своихъ собратій іезуитовъ приготовляетъ будущихъ пособниковъ для осуществленія своихъ религіозно-политическихъ цѣлей. Но Разоряющій совѣты князей едва ли будетъ

способовать широко властолюбивымъ цѣлямъ одного изъ князей римской церкви. Палаты латинскаго патріарха, какъ сказываютъ посѣщавшіе оныя, довольно представительны. «Мы были приняты, пишетъ одинъ католическій поклонникъ, въ длинной залѣ, уставленной по обычаю восточному вокругъ стѣнъ диванами. Патріархъ, родомъ изъ Генуи, имѣетъ на видъ отъ 40 до 50 лѣтъ, высокаго роста и величественной фигуры; черты лица его благородны, глаза голубые, быстрые; борода темнорыжая, чрезвычайно длинная, упадаетъ весьма красиво на фіолетовое одѣяніе; драгоценный крестъ на золотой цѣпочкѣ украшаетъ его грудь. Онъ говоритъ пофранцузски свободно, какъ Французъ; всѣ восточные языки знакомы ему хорошо. Будучи еще молодымъ, онъ исходилъ Азію вдоль и поперекъ и отличался въ миссіяхъ энергіею и мужествомъ. Два раза въ пустынѣ впалъ въ руки Туркменовъ, которые, поразивши его копьемъ, оставили полумертвымъ, и потому во всей фигурѣ монсеньора Валерги проглядываетъ миссіонерская смѣлость и увѣренность». Что касается до внѣшности г. Валерги, — этотъ портретъ вѣренъ.

Его іерусалимскій домъ боковымъ своимъ фасадомъ выходитъ на главную іерусалимскую площадь, а съ другой стороны отдѣляется узкою улицею отъ дома греко-унитскаго патріарха Климента ⁽⁶⁾, который въ концѣ моего пребыванія въ Іерусалимѣ, т. — е. въ 1859 году, былъ вынужденъ, по поводу смутъ происшедшихъ между греко-унитами (Мельхитами) отъ насильственнаго введенія у нихъ латинскаго (грегоріанскаго) календаря, сперва сложить съ себя званіе патріарха и удалиться въ монастырь, а потомъ пріѣхалъ въ Іерусалимъ, откуда монсеньоръ Валерга повезъ его обратно въ Дамаскъ водворять на пошатнувшейся каедрѣ. Вслѣдствіе этого волненія часть греко-унитовъ съ нѣсколькими епи-

(6) Въ послѣднее время латинскій патріархъ устроилъ себѣ новое обширное помѣщеніе въ томъ же кварталѣ съ храмомъ и всѣми удобствами, соотвѣтствующими его сану и мѣсту. Устройство это стоило не малыхъ средствъ и видно, что хозяинъ воздвигнутаго вновь палацо умѣлъ опереться въ этомъ дѣлѣ на чью-то сильную и щедрую руку.....

скопами отдѣлилась отъ своего патріарха и стала было помышлять о воссоединеніи съ православной церковію; но племенные неудовольствія противъ Грековъ не позволили имъ сдѣлать это безусловно. Торжественная поѣздка начальника русской духовной миссіи въ Дамаскъ и свиданіе съ нимъ нѣкоторыхъ отложившихся отъ своего патріарха греко-унитскихъ епископовъ возбудили у нихъ и ихъ паствы надежду имѣть въ Русскихъ посредниковъ своего воссоединенія съ православной церковію. Дѣло это, какъ извѣстно, кончилось лишь присоединеніемъ одного архимандрита *Джибарры* съ небольшою паствою, для которой пособіемъ русской миссіи устроена въ Бейрутѣ небольшая церковь, и хотя обратившіеся доселѣ еще нуждаются въ опорѣ духовной и матеріальной, не приставъ къ Грекамъ и не получивъ всего того, что обѣщано Русскими, но въ свое время дѣло это сильно встревожило и Валергу, и іезуитовъ, и французскаго консула, а дамаская рѣзня подоспѣла очень кстати, чтобы уничтожить опасенія латинъ и надежды греко-унитовъ.

Домъ греко-унитскаго (мельхитскаго) патріарха въ Іерусалимѣ построенъ прочно и удобно. Церковь большая, съ открытымъ алтаремъ. Въ пріемной комнатѣ, убранной по восточному диванамъ, виситъ портретъ 1-го греко-унитскаго патріарха Максима, который, отдѣлившись отъ греческой церкви (въ XVIII столѣтіи) по желанію образовать самостоятельную арабскую іерархію и войдя для сего въ унію съ Римомъ, въ продолженіи всего долгаго управленія своего дѣйствовалъ такъ умно и уклончиво, что ни подъ какимъ предлогомъ не допущалъ латинъ вмѣшиваться ни прямо, ни косвенно въ дѣла своей паствы. Латинны терпѣливо переносили это, но едва умеръ Максимъ, на мѣсто его былъ назначенъ изъ Рима духовною главою образованной имъ іерархіи нынѣшній патріархъ Климентъ, воспитанный въ іезуитской коллегіи, человѣкъ недалекій по способностямъ, съ слабымъ характеромъ, который и сдѣлался такимъ образомъ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ Рима и его клеветовъ. Исторія уніи вездѣ одна и та же!... Лестъ въ началѣ, потомъ терпѣливое выжиданіе благопріятныхъ обстоятельствъ и наконецъ насиліе.

Папа при назначеніи монсиньора Валерги въ званіе латинскаго іерусалимскаго патріарха далъ ему привиллегію посвящать въ рыцари Гроба Господня. Какъ слышно, прелать этотъ имѣлъ намѣреніе употребить это средневѣковое учрежденіе для того, чтобы увеличить число, если не защитниковъ св. Гроба, въ которыхъ онъ теперь не нуждается, то по крайней мѣрѣ защитниковъ папства, о чемъ такъ усердно хлопочуть всѣ іезуиты и вмѣстѣ и каждый порознь. Въ этомъ духѣ онъ измѣнилъ статутъ этого ордена, почему главныя обязанности новопосвященныхъ рыцарей нынѣ состоятъ въ слѣдующемъ: слушать св. литургію сколь возможно чаще и подвизаться явно и мужественно въ защитѣ латинской церкви и ея духовенства; вразумлять (?) всѣхъ касательно вопроса о св. мѣстахъ и правѣ (?) латиновъ въ Палестинѣ; избѣгать дуэлей, ссоръ, споровъ и поступать въ духѣ христіанской любви и послушанія. Обрядъ принятія въ званіе рыцарей св. Гроба описалъ подробно Шатобріанъ и по слѣдамъ его нашъ паломникъ А. Н. Муравьевъ; обрядъ отправляется и теперь тѣмъ же самымъ порядкомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Гроба Господня и съ тѣмъ же самымъ мечемъ въ рукахъ, принадлежавшимъ вождю первыхъ крестоносцевъ Готфриду Бульонскому, отъ котораго, по свидѣтельству самихъ латинскихъ историковъ, такъ рознились послѣдующіе. Что же сказать о нынѣшнихъ рыцаряхъ, посвящаемыхъ монсиньоромъ Валергою? Не похоже ли это посвященіе скорѣе на кощунство, мало приличное времени и вовсе не приличное мѣсту, гдѣ оно совершается? Впечатлѣніе же, производимое зрѣлищемъ этого латинскаго іезуитскаго представленія, малымъ чѣмъ разнится отъ впечатлѣнія, производимаго комедійнымъ зрѣлищемъ такъ-называемаго *плица* іерусалимскихъ Евреевъ у останковъ ограды Соломонова храма (о чемъ см. ниже). Но авторы обоихъ этихъ зрѣлищъ имѣютъ въ виду лишь одинъ эффектъ, а до остальнаго имъ нѣтъ дѣла!

А. Л—з

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА XXXI. (а)

Благотворное правленіе митрополита Петра Могилы.—Кіевская коллегія.—
Преподобные Аванасій Брестскій и Іовъ Ночаевскій.

Величайшій благодѣтель кіевской школы, Петръ Могила, происходилъ отъ князей молдавскихъ, былъ внукомъ волошскаго князя Іоанна и сыномъ молдавскаго князя Симеона. Онъ принадлежалъ къ тому семейству, которое всегда славилось своею ревностію по православію и любовію къ благолѣпію храмовъ Божіихъ. Въ кіевскомъ каталогѣ митрополитовъ сказано, что Петръ Могила получилъ воспитаніе въ парижскомъ университетѣ, гдѣ выслушалъ полный курсъ словесныхъ наукъ и богословія; другіе же пишутъ, что онъ обучался во львовской школѣ. Не утверждая ни того, ни другаго мнѣнія, видимъ только, что Могила совершенно былъ знакомъ съ европейскимъ образованіемъ: онъ лучше всѣхъ усмотрѣлъ то, чего тогда не доставало нашему отечественному просвѣщенію. Въ молодости онъ находился въ военной службѣ и отличился въ рядахъ польскихъ войскъ подъ Хотиномъ. Неизвѣстно, что заставило Петра Могилу протѣять блестящее поприще, ожидавшее его въ мірской жизни, на скромную долю инока: пути Промысла неисповѣдимы, и часто вопреки всѣмъ предположеніямъ, ведутъ они человѣка къ

(а) Начало главы въ декаб. книжкѣ 1870 года.

цѣли высокой, которой съ другаго противоположнаго пути и не видно. Печерскій архимандритъ Захарія Копыстинскій (1624 — 1626) принялъ его въ число святаго братства. Здѣсь, въ общеніи съ учеными братіями, которые единственною цѣлю своихъ мирныхъ занятій поставляли поддержаніе православія, онъ ближе могъ ознакомиться съ состояніемъ и нуждами русской церкви, и довершить свое образованіе, полученное имъ въ мірѣ.

Обитель Кіевопечерская была тогда одною изъ главныхъ опоръ гонимаго православія. Заведенная въ ней архимандритомъ Елисеємъ Плетенецкимъ типографія издавала необходимыя книги для православныхъ церквей и возникавшихъ училищъ. Святогорскіе иноки: Кипріанъ, образовавшійся въ Венеціи и Падуѣ, Іосифъ, протосинкелль александрійскаго патріарха, виленскій проповѣдникъ Лаврентій-Зизаній Густановскій, Памва Берннда и Тарасій Земка приготовляли переводы писаній отеческихъ. Архимандритъ лавры, Захарія Копыстенскій, кромѣ переводовъ, писалъ защищеніе православнаго ученія отъ нападенія латвіянъ и другихъ иновѣрцевъ ^(с). Такимъ образомъ въ Кіевопечерской лаврѣ, несмотря на гоненія отъ враговъ, все одушевлено было ревностію по православію; ученые иноки старались и въ прочихъ братіяхъ и служителяхъ церкви возбудить усердіе къ православно-й вѣрѣ и слову Божію. Потомокъ княжескаго рода, имѣв-

(с) Важнѣйшее изъ сочиненій Захаріи «Палинодія, или оборона св. католической Церкви» къ сожалѣнію донынѣ остается въ рукописяхъ. Здѣсь отецъ Захарія съ силою мысли и теплотою чувства поражаетъ противника на каждомъ шагу его и предлагаетъ много любопытнаго о состояніи православной Церкви. Въ другомъ сочиненіи: «Предисловіе къ толкованію посланій апостольскихъ», Захарія предлагаетъ прекрасное увѣщаніе духовнымъ и мірянамъ изучать священныя книги.

шій, конечно, значительныя связи, отлично образованный Могила и въ санѣ простаго іеромонаха пользовался особеннымъ вліяніемъ на дѣла церковныя. Онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ и къ митрополиту Іову и къ архимандриту печерской лавры Захаріи. Съ ними-то онъ думалъ думу крѣпкую о бѣдственномъ положеніи Церкви православной; съ благословенія ихъ онъ исполнилъ замысль, дотоѣ небывалый. Не столько боясь огня и меча враговъ вѣры истинной, сколько зловреднаго и хитро-обольстительнаго ихъ ученія, Петръ Могила рѣшился образовать достойнѣйшихъ имъ соперниковъ. Для этой цѣли, выбравъ нѣсколько способныхъ молодыхъ людей изъ иноческаго и свѣтскаго званія, онъ отправилъ ихъ на собственномъ своемъ иждивеніи за границу, для усовершенствованія въ высшихъ наукахъ.

Когда архимандритъ Захарія скончался (въ апрѣлѣ 1626 г.), и братія лавры, по своимъ правамъ, приступили къ избранію новаго настоятеля вольными голосами, то нашлось много голосовъ въ пользу іеромонаха Петра, знатнаго родомъ, истиннаго ревнителя о благѣ Церкви, хотя ему едва было тридцать лѣтъ отъ роду, и прошло не болѣе двухъ лѣтъ, какъ онъ вступилъ въ монастырь. Правда, были и несогласные на это избраніе, и обитель довольно времени оставалась безъ настоятеля: но наконецъ ученые братія восторжествовали. Патриархъ константинопольскій Кириллъ Лукаръ, отъ котораго зависѣла лавра, какъ его ставропигія, утвердилъ избраніе.

Кіевопечерская лавра только съ половины XVI столѣтія начала возставать изъ развалинъ. Сколько позволяли обстоятельства, настоятели ея: Мелетій, Елисей и Захарія, заботились объ улучшеніи наружнаго ея состоянія. Петръ Могила, будучи архимандритомъ лавры и въ санѣ митрополита въ продолженіе девятнадцати лѣтъ, не жалѣлъ ни своихъ денегъ, ни трудовъ на ея устройства. Онъ обновилъ извнѣ и внутри

церковь Успенія Божіей Матери, украсилъ св. пещеры, возстановилъ упавшія церкви. При немъ въ первый разъ издано описаніе житій преподобныхъ, подвизавшихся въ пещерахъ, или Патерикъ, въ прославленіе памяти древнихъ подвижниковъ ^(г). При немъ описаны и совершившіяся при св. мощахъ угодниковъ Божіихъ чудеса, которыя, вопреки несправедливымъ толкамъ враговъ православія, не изсякали и по отпаденіи уніатовъ; а вмѣстѣ описана и лавра съ ея пещерами ^(г). Онъ возвратилъ подъ управленіе лавры древній монастырь въ Кіевѣ Пустынно-Николаевскій, основалъ Голоубѣвскую пустыню и на свой счетъ завелъ богадѣльню.

Другое дѣло, постоянно занимавшее Петра, было учрежденіе высшаго училища въ Кіевѣ для образованія достойныхъ защитниковъ православія. Училище, существовавшее въ Бо-

(г) Трудъ Сильвестра Коссова, въ то время префекта Кіевской Коллегіи, изд. въ Кіевѣ 1635 г., на польскомъ языкѣ. Въ предисловіи Сильвестръ пишетъ: «Посѣщая пещеры Кіевскія и гробы св. отцевъ, и чудясь негдѣню святыхъ тѣлъ ихъ, не разъ я горько плакалъ, что несчастливое завистливое время до сей поры не явило свѣту избранныхъ Божіихъ, которыхъ прославилъ самъ Богъ. Когда же нынѣшній нашъ архипастырь (Петръ Могила) изъявилъ свое пощеченіе и волю, чтобы житія святыхъ были очищены отъ праха и изданы въ свѣтъ, тогда я охотно углубился въ хроники и лѣтописи греческія, славянскія, латинскія, русскія и польскія, чтобы узнать—кто были сіи избранные Божіи и когда они жили»

(у) Аѳанасій Кальнофойскій, иннокъ пещернаго-монастыря, сочинилъ на польскомъ языкѣ «Тератургима или чудеса, какъ въ самомъ Печерскомъ монастырѣ, такъ и въ обѣихъ св. пещерахъ», съ историческими замѣчаніями. Набожный повѣствователь исчисляетъ до 64 чудесъ современныхъ ему (1594—1638), присовокупляя клятвенное свидѣтельство отъ каждаго объявлявшаго о чудѣ, совершившемся надъ нимъ. Все это описаніе предпринято и совершенно было съ тѣмъ, чтобы опровергнуть злонамѣренныя клеветы уніатовъ и іезуитовъ, будто въ православной Церкви нѣтъ болѣе чудесъ.

гоявленскомъ Братскомъ монастырѣ, не достигало этой цѣли: потому что не доставляло высшаго образованія богословскаго. Между тѣмъ для желающихъ такого образованія изъ униатовъ открытъ былъ доступъ въ collegію, основанную папою Григоріемъ XIII для грековъ въ Римѣ, гдѣ по просьбѣ униатскаго митрополита кievскаго назначено было постоянно содержать на казенный счетъ четырехъ воспитанниковъ изъ Русскихъ. Многіе изъ учившихся въ этой collegіи заняли потомъ значительныя мѣста въ греко-унитской іерархіи. Подобную же collegію или семинарію положили основать въ Минскѣ униатскіе епископы.

Петръ Могила дождался возвращенія изъ-за границы своихъ питомцевъ, другихъ ученыхъ взялъ изъ львовскаго православнаго братства, и назначилъ имъ пребываніе въ лаврѣ, обязавшись письменнымъ условіемъ доставлять имъ содержаніе и всякія пособія. Патріархъ Константинопольскій Кирилль Лукарь и управлявшій митрополіею кievскою Исаія Копинскій преобладали благословеніе на сіе святое дѣло. Епископы: луцкій, пивскій и хельмскій, знатнѣйшее духовенство кievское и почетное братство лаврское письменно изъявили на то свое согласіе. Какъ велика была ревность къ святому дѣлу въ лаврѣ, доказываетъ подпись одного изъ числа братіи ея, Антонія Мужиловскаго, который подписался такъ: «Антоній Мужиловскій, іеромонахъ и старецъ монастыря печерскаго, при томъ кровь свою пролить готовъ».

Однакоже вскорѣ, по прошенію главныхъ сословій: православнаго духовенства, войска казацкаго и обывателей города Кіева, Петръ Могила рѣшился соединить свое вновь заводимое училище съ Богоявленскимъ. Причиною такой перемѣны съ одной стороны было опасеніе, чтобы училище Богоявленское совсѣмъ не упало, имѣя столь значительнаго соперника въ училищѣ лаврскомъ, у котораго были лучшіе на-

ставники, съ другой, быть можетъ, и желаніе самого Петра скорѣе достигнуть цѣли трудовъ своихъ, такъ какъ въ училищѣ братскомъ воспитанники уже были готовы для высшаго образованія, тогда какъ въ лаврѣ надлежало бы еще готовить ихъ. Петръ Могила удержалъ за собою званіе старшаго брата въ Богоявленскомъ братствѣ, опекуна, смотрителя и защитника въ братскомъ училищѣ. Такимъ образомъ давнее желаніе его исполнилось; кругъ образованія духовнаго былъ расширенъ и приняты въ преподаваніи наукъ лучшія методы, какія существовали тогда въ иностранныхъ училищахъ.

На сеймѣ 1632 года, бывшемъ по смерти короля Сигизмунда и избравшемъ на престолъ польскій сына его Владислава, знаменитый архимандритъ Печерскій былъ въ числѣ депутатовъ отъ Малороссіи. При усиленныхъ стараніяхъ его и православныхъ его сотоварищей, въ первый разъ послѣ водворенія уніи, было торжественно признано правительствомъ существованіе православной митрополіи и четырехъ епархій. Тогда положено: 1) быть двумъ митрополитамъ, уніятскому и благочестивому (т.-е. православному); 2) въ Подоцкой епархіи быть двумъ епископамъ и благочестивому имѣть пребываніе въ Могилевѣ; 3) въ епархіяхъ перемышльской и львовской всегда быть благочестивымъ епископамъ; 4) луцкую епископію уступить имъ же; 5) благочестивымъ свободно относиться къ священникамъ и епископамъ хотя бы другой епархіи. Возвратить имъ нѣсколько монастырей и храмовъ, отнятыхъ уніитами. Жарко спорили ляхи и униты, не допуская внести сей актъ въ актовыя книги; но успѣли только въ томъ, что исполненіе его отложено до времени. На сеймѣ коронаціонномъ (13 февраля 1633) Владиславъ возобновилъ актъ, предоставлявшій свободу православнымъ и присягнулъ въ охраненіи безопасности православія. Тогда же вся Рѣчь Посполитая подтвердила дипломъ, выданный королемъ.

Въ то же время всѣ православные, бывшіе на сеймѣ, единодушно избрали въ санъ митрополита кievскаго Петра Могилу. Ему хорошо было извѣстно, что іезуиты и униаты не отдадутъ безпрекословно того, что они уже привыкли считать свою собственностію, что съ ними надо будетъ дѣйствовать энергически. Съ другой стороны онъ видѣлъ, что жезлъ кievской іерархіи въ дряхлыхъ уже рукахъ, что старецъ Исаія не выдержитъ ожидаемаго напора со стороны враговъ Церкви восточной; поставляя все это на видъ православнымъ, собравшимся на сеймѣ, онъ не сталъ отказываться отъ единодушнаго избранія, несмотря на то что Исаія былъ еще живъ. Петръ не могъ не видѣть, что оказывается какъ бы неблагодарнымъ къ своему ближайшему благодѣтелю, что дѣло это можетъ лечь пятномъ на достославную его память: но, имѣя цѣлю умиротвореніе страждущей Церкви и оборону ея отъ враговъ, онъ рѣшился пожертвовать своею личною безукоризненностію, и принялъ жезлъ архипастырскій ^(*).

(*) Митрополитъ Евгений замѣчаетъ, что съѣхавшіеся на сеймъ православные депутаты признали престарѣлаго Исаію неспособнымъ, а можетъ быть онъ не былъ еще и посвященъ. Ни Сильвестръ Коссовъ, ни кievскій каталогъ не полагаютъ его въ числѣ кievскихъ митрополитовъ. (Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи. Кіевъ. 1825, стр. 166 и 174). Нѣкто Ерличъ, въ своей лѣтописи, писанной на польскомъ языкѣ, обвиняетъ Петра Могилу въ низверженіи Исаіи и грубыхъ поступкахъ съ нимъ. Но Ерличу нельзя вѣрить, потому что онъ, какъ шляхтичъ, не любилъ казаковъ, а Петръ Могила былъ всегда къ нимъ благосклоненъ, и опирался на казачество; а потому шляхетство старалось всячески очернить его. Скорѣе можно думать, что старецъ-подвижникъ Исаія, дряхлый и немощный, самъ благословилъ любимаго имъ архимандрита печерскаго искать себѣ первосвятительскаго мѣста. Еслибы избраніе Могилы было не по мысли Исаіи, онъ успѣлъ бы предупредить исполненіе придуманнаго дѣла, продолжавшагося почти годъ, и не преминулъ бы писать объ этомъ и къ православнымъ, бывшимъ на сеймѣ,

Получивъ королевское утвержденіе и испросивъ благословеніе патріарха Цареградскаго, Петръ Могила вызвалъ во Львовъ валашскаго митрополита съ епископами и принялъ отъ него посвященіе (28 апрѣля 1633 г.). Послѣ того онъ снова воротился въ Краковъ и присутствовалъ при коронаціи короля Владислава IV, послѣдовавшей 6 февраля того же года. Во время торжествъ и церемоній, Могила не терялъ изъ виду своего возлюбленнаго училища. Испросивъ себѣ позволеніе, и въ санѣ митрополита оставаться архимандритомъ Кіевопечерской лавры, а также и Никольскаго монастыря блюстителемъ, Могила началъ ходатайствовать о дозволеніи преобразовать кіево-братскія Богоявленскія школы въ православную академію. Но сколь легко достигъ онъ утвержденія первой своей просьбы, столь же трудно было ему отстоять послѣднее требованіе. Особенно непріятно это было католическому и уніатскому духовенству: оно ясно видѣло, что заведеніемъ первокласснаго училища готовится неизбѣжный подрывъ всему тому, что воздвигали они столько лѣтъ и съ такими непріятностями и трудами. Нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ чиновъ сейма рѣшительно отвергли просьбу Петра Могилы: но когда Владиславъ IV, по неотступному его ходатайству, изъявилъ твердую свою волю о преобразованіи кіево-братскаго училища, тогда заспорили о переименованіи его

и къ подвѣдомственнымъ ему епископамъ и даже къ самому королю; а мы не видимъ ни протеста, ни жалобы. По прибытіи новаго митрополита, Исаія спокойно и благодушно сходитъ съ утомившаго его поприща, конечно, благословляя въ душѣ сильнаго умомъ и волею мужа, подъявшаго тяжкое бремя на рамена свои. Лѣтописецъ кіевскій скромно замѣчаетъ объ Исаіи: «Сѣдѣше на митрополіи яко двѣ лѣтъ со всякимъ бѣдствованіемъ и остави престолъ судомъ нѣкимъ Божиимъ, понеже изнемоглъ бѣ старостію». Блаж. старецъ почилъ въ печерской лаврѣ въ 1634 году.

въ академію. Могила уже не счелъ нужнымъ гнаться за именемъ, когда самое дѣло было сдѣлано и получилъ желаемую привиллегію на образованіе «коллегіи», въ которой введено было пространное преподаваніе философіи и богословія.

Первопрестольный городъ православія въ Россіи, послѣ многократнаго разоренія Монголами и Литовцами, надолго оставленный своими митрополитами, во время Петра Могилы имѣлъ не болѣе десяти или двенадцати церквей православныхъ. Софійскій кафедральный храмъ, или монастырь, со времени уніи принадлежавшій уніатскимъ митрополитамъ, былъ въ запустѣніи. Петръ Могила, возвративъ его въ свое вѣдѣніе, первое стараніе употребилъ на возстановленіе этого священнаго памятника благочестія Ярославова, если не въ прежнемъ величіи, то по крайней мѣрѣ въ достойномъ его благолѣпіи. Не укрылись отъ его благочестивой попечительности и другіе памятники древней святыни. Онъ возобновилъ древній храмъ Спаса въ Берестовѣ, возстановилъ монастырь Выдубицкій, началъ возобновлять церковь Десятинную, подъ развалинами которой обрѣлъ священные останки св. в. к. Владиміра. Такими услугами святитель Петръ засвидѣтельствовалъ не только свое благочестіе, но и глубокое сочувствіе ко всему древне-русскому. Заботясь объ удовлетвореніи главнѣйшихъ потребностей своей паствы, Петръ Могила обратилъ вниманіе и на изданіе церковныхъ книгъ. Онъ требовалъ, чтобы никакія церковныя книги не выходили вновь, безъ сличенія съ греческими, — и самъ трудился надъ ихъ пересмотромъ и исправленіемъ. Этимъ благовременнымъ распоряженіемъ онъ устранилъ отъ своей Церкви тѣ смуты, какія произошли въ Церкви великороссійской отъ первыхъ неисправныхъ изданій, выходившихъ болѣе полустолѣтія. Еще будучи архимандритомъ лавры, Петръ Могила, вмѣстѣ съ соборомъ малороссійскихъ епископовъ, занимался пересмотромъ Служебни-

ка. Послѣ того онъ трудился надъ приготовленіемъ къ изданію Цвѣтной Тріоди и особенно Потребника. Этотъ послѣдній трудъ, кромѣ своей обширности, важенъ и по тѣмъ представленіямъ, какія предлагаются для священнодѣйствующаго о существѣ и образѣ совершенія св. таинствъ.

Особенное защищеніе православной вѣры и богослуженія издано было Петромъ Могилою противъ сочиненія бывшаго ректора кievскаго училища, потомъ архимандрита Дубенскаго, Кассіана Саковича, который сперва обратился въ унию, а послѣ совсѣмъ перешелъ въ Римскую Церковь. Этотъ отступникъ православія издалъ книгѹ, исполненную самой злобной клеветы противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ—православныхъ и униатовъ, въ которой особенно нападалъ на богослуженіе и обряды православной Церкви, остававшіеся и у униатовъ, по большей части, неприкосновенными, и обвинялъ православныхъ въ усвоеніи себѣ реформатскихъ мнѣній. При такомъ нападеніи на православіе, ревностный архипастырь не могъ оставаться безотвѣтнымъ. Онъ издалъ опроверженіе на клеветы Кассіана, въ книгѣ, подъ названіемъ: «Λεθός, или Камень съ пращи истинной святой православной Церкви Русской», скрывъ свое имя подъ названіемъ Евсевія Пимина, т. -е. благочестиваго или православнаго пастыря. Съ отчетливымъ знаніемъ дѣла, онъ опровергъ хулы на православное чиноположеніе въ совершеніи таинствъ и обрядовъ богослуженія, представилъ несправедливость укоризнь, дѣлаемыхъ русскому духовенству, и доказалъ неосновательность ученія Римской Церкви о главенствѣ папы и объ исхожденіи Святаго Духа «и отъ Сына».

Въ 1640 г. Петръ Могила пригласилъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ на соборъ. Съ 8 сентября начались засѣданія и читанъ былъ Катихизисъ, сочиненный въ Кіевѣ. Предварительныя разсужденія о спорныхъ предметахъ проис-

ходили между учеными архимандритами и игуменами, под председательством Самуила Шацека, ученаго архимандрита Слуцкаго, а соборныя опредѣленія записывали разумные и очень ученые отцы Іосифъ Константиновичъ, ректоръ кievскій, бывший потомъ епископомъ мстиславскимъ и Іннокентій Гизель, ректоръ Гойскихъ школъ. Тогда же разсуждали и составили опредѣленіе не только «о состояніи свитыхъ, но и о состояніи вообще душъ умершихъ, о частномъ судѣ, о чистилищѣ, о формѣ таинства евхаристіи». Въ этихъ опредѣленіяхъ видимъ, что соборъ съ одной стороны опровергалъ римское мнѣніе о чистилищѣ, съ другой—осуждалъ и крайность реформаціи, введшей, по враждѣ къ Риму, ученіе, что святые до будущаго суда не наслаждаются блаженствомъ, а всѣ вообще души умершихъ остаются до суда въ какомъ-то снѣ, въ состояніи безсознательномъ. Такимъ образомъ соборъ старался отклонять православныхъ сколько отъ ошибокъ папизма, столько же отъ своеволій реформаціи. Въ этомъ духѣ пересмотрѣно и «исповѣданіе вѣры». Назвавъ его «изложениемъ вѣры Руссовъ» (*ἐκθέσις τῆς τῶν Ρῥῶσων πίστεως*), соборъ отправилъ его на греческомъ языкѣ на разсмотрѣніе восточныхъ пастырей. Яскій соборъ 1642 г. при депутатахъ русской Церкви снова пересмотрѣлъ его и отправилъ къ патріарху. «По настоянію нашей русской Церкви, — писалъ Петръ Могила, — Церковь Константинопольская произнесла проклятіе на всѣ кальвинскіе, еретическіе артикулы вѣры, изданные подложно подъ именемъ св. памяти отца Кирилла (Лукаря), патріарха константинопольскаго, на соблазнъ вѣрныхъ Божиихъ чадъ восточной Церкви». Это опредѣленіе мая 1642 г., запятывшее честь патріарха Кирилла, за подписомъ патріарха Паревенія, препровождено было къ кievскому митрополиту и было подписано имъ самимъ и всѣми епископами южной Россіи. «Пусть это обратится въ стыдъ тебѣ и каждому дру-

тому, несправедливо обвиняющему насъ въ потворствѣ кальвинизму и лютеранству», говорилъ митр Могила отступнику Кассіану Саковичу. Въ маѣ 1643 г. одобрено было всеми восточными патріархами изложеніе вѣры Руссовъ и названо «православнымъ исповѣданіемъ католической и восточной Церкви» ^(х). Но книга осталась еще на востокѣ. Митрополитъ два года ждалъ ее. Въ 1645 г. онъ издалъ сокращеніе православнаго исповѣданія вѣры: объ артикулахъ вѣры, сперва на польскомъ, потомъ на русскомъ языкѣ; на польскомъ для того, какъ сказано въ предисловіи къ русскому изданію, чтобы «заградить уста безстыднымъ клеветникамъ, которые на томъ же языкѣ дерзаютъ обвинять предъ свѣтомъ Церковь православно-католическую въ разныхъ ересяхъ». Хотя пространное исповѣданіе вѣры оставалось еще 29 лѣтъ неизданнымъ, вопреки надеждамъ Могилы ^(ц), но опредѣленіе границъ, отдѣляющихъ православіе отъ папизма и реформаціи, уже сдѣлалось общеизвѣстнымъ.

Забываясь непрестанно о созданной имъ кievской коллегіи, святитель Петръ далъ ей приличное помѣщеніе въ выстроенномъ на его иждивеніе каменномъ домѣ, назначилъ изъ своего имѣнія и изъ волостей лаврскихъ нѣсколько деревень на ея содержаніе, и вообще оказывалъ учащимъ и учащимся всякаго рода вспоможеніе. Предоставивъ высшее образованіе юношества коллегіи кievской, онъ завелъ другое низшее училище въ Винницѣ. Онъ приготовилъ своимъ воспитанникамъ

(х) Это исповѣданіе вѣры, приписываемое позднѣйшими писателями самому Петру Могилѣ, составлено игуменомъ Кіево-Николаевскаго монастыря Исаіею Трофимовичемъ и пересмотрѣно митрополитомъ (Обзоръ рус. дух. литературы ч. I, стр. 271).

(ц) Исповѣданіе вѣры на греческомъ языкѣ въ первый разъ издано Панагіотомъ въ Амстердамѣ 1662 года. Въ переводѣ на славянскій митр. Варлаама Ясинскаго издано по благословенію патріарха Адріана 1696, въ Кіевѣ.

руководство для упражненія въ молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ, въ книгѣ, названной имъ: «Анеологіонъ, или собраніе цвѣтовъ». Посвящая сію книгу «благонравнымъ студеомъ (студентамъ) школъ кіевскихъ», онъ писалъ юношамъ: «часто приходило мнѣ на мысль, что въ семъ училищѣ не только должны быть преподаваемы высшія науки; но и особенно должно быть посвящено въ сердцахъ вашихъ, юноши, благочестіе. Посему я перевелъ нѣкоторыя духовныя размышленія, и рѣшился самъ въ настоящее цвѣтущее весеннее время, въ видѣ отдыха отъ ежедневныхъ трудовъ и хлопотъ, собрать, для вашего цвѣтущаго-юношескаго и дѣтскаго возраста, благоухающіе цвѣты благочестивыхъ размышленій и умилительныхъ молитвъ, на лугахъ богодухновенныхъ церковныхъ ученій и Св. Писанія, и въ знакъ моего отцовскаго усердія, принести ихъ въ даръ всему вашему содружеству, т. — е. конгрегаціи школъ кіевскихъ».

Современники увѣряютъ, что ревностный къ вѣрѣ и просвѣщенію архипастырь, видя неустройство и безначаліе Польши, встрѣчая на всякомъ шагѣ нетерпимость и фанатизмъ папистовъ, совѣтовалъ вождамъ казацкой рати искать себѣ спасенія въ союзѣ съ единокровнымъ и единовѣрнымъ Московскимъ государствомъ. Но Петру Могилѣ не суждено было дожить до соединенія Малой Руси съ Великою: еще не достигши преклонныхъ лѣтъ, онъ уже приблизился къ концу своего земнаго поприща. Обращая взоръ на протекшую свою жизнь, онъ могъ сказать: «все что имѣлъ я, то посвятилъ, вмѣстѣ съ собою, на хвалу и служеніе Богу». Той же цѣли посвятилъ онъ и остатки своего имущества. Въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ за восемь дней до кончины, онъ объявилъ первую свою наследницею Кіевскую Коллегію, которой существованіе, какъ «единственный залогъ свой» (*unicum pignus meum*) желалъ уврочить и на будущія времена.

Ей оставилъ онъ значительныя суммы на содержаніе, свою библіотеку на разныхъ языкахъ и недвижимую собственность, для нея приобретенную; поручалъ ее покровительству знатнѣйшихъ тогда защитниковъ православія и умолялъ ихъ милосердіемъ Божиимъ о сохраненіи ея навсегда, а наставниковъ ея обязывалъ, чтобы они жили по даннымъ отъ него правиламъ и, по смерти его, въ каждый четвертокъ совершали о немъ поминовеніе. Прочее свое имущество Петръ Могила раздѣлилъ кievскому собору, лаврѣ, бѣднымъ монастырямъ и церквамъ, имъ воздвигнутымъ изъ развалинъ. — Нѣсколько оставшихся отчинъ онъ передалъ своему брату Моисею, единственному тогда потомку рода Могила.

Приснопамятный и досточтимый архипастырь преставился 31 декабря 1646 года; тѣло его, согласно съ завѣщаніемъ, положено въ склепѣ Великой церкви Кіевопечерской лавры.

Во время первосвятительства митрополита Петра, въ юго-западной Руси подвизались угодники Божіи: преподобный Аѳанасій Брестскій, мученикъ, и преподобный Іовъ (по прозванію Желѣзо) игумень Почаевскій; подвижникъ и чудотворецъ.

Первый изъ нихъ былъ сынъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, получилъ въ молодыхъ годахъ своихъ высокое образованіе, такъ что могъ учить другихъ языкамъ латинскому, польскому и русскому. — Въ 1622 г. гетманъ литовскій Левъ Сапѣга, по волѣ короля, отдалъ ему на воспитаніе мнимаго сына Марины Мнишекъ, шляхтича Лубу, котораго іезуиты готовили на самозванство, чтобы вновь поднять смуты въ Россіи; по распоряженію Сигизмунда отпускали на содержаніе дорогаго человѣка до 6000 золотыхъ въ годъ; наставникъ жилъ съ питомцемъ своимъ семь лѣтъ въ Брестскомъ монастырѣ; потомъ, принявъ иночество въ Вильнѣ, въ 1629 году, по гоненіямъ отъ униатовъ, принужденъ былъ переходить съ одного мѣста на другое. Онъ жилъ въ обите-

ляхъ: Кутейнской, Межигорской, Дубовской, что подъ Пинскомъ. Въ 1636 г., по распоряженію канцлера Радзивила, Дубовскій монастырь отданъ былъ іезуитамъ и православные иноки выгнаны были изъ своей обители. Блаж. Аѳанасій перешелъ въ Купятицкій монастырь: но и здѣсь не было ему покоя отъ папизма. Въ 1637 г. онъ отправился для сбора милостыни въ Бѣлороссію и оттуда въ Москву. Полный помысловъ и заботъ о благѣ православія, представивъ царю Михаилу Феодоровичу печальной судьбѣ своей, онъ, для успѣховъ св. вѣры надъ ея врагами, совѣтовалъ изобразить на военныхъ хоругвяхъ образъ Божіей Матери въ крестѣ, по его видѣнію ^(ч). По возвращеніи изъ Москвы, онъ назначенъ былъ игуменомъ Симеоновскаго монастыря въ г. Брестъ-Литовскомъ. По долгу званія своего, вступивъ въ споръ объ имѣніяхъ обители, рѣзко обличалъ онъ поклонниковъ папы въ жадности къ корысти и въ проискахъ злостныхъ. Это навлекло на него непріятности: но митрополитъ Петръ Могила защитилъ его.

Провождая житіе въ страхъ Господнемъ, игуменъ училъ тому же и братію и настоячиво внушалъ—не слушать новыхъ учевій, разсѣваемыхъ отступившими отъ восточной католической вѣры; особенно же въ скорбяхъ времени ожидалъ онъ помощи Божіей и проводилъ дни и ночи въ молитвѣ. Положивъ себѣ за правило читать каждую субботу акаѳистъ Божіей Матери, онъ съ точностію выполнялъ свое правило. Мать Божія утѣшила подвижника своего. «Иди, слуга мой,—сказала она блаженному Аѳанасію въ видѣніи,— смѣло говори сенату и королю, дабы не тревожили святой православной вѣры. Если они не послушаютъ тебя, то на-

(ч) На подобіе Купятицкой Богородичной иконы, находящейся нынѣ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

лекуть на себя судъ Божій, — преданы будутъ во власть сильнаго царя и народа». Повинуясь Матери Божіей смѣлый подвижникъ правды объявлялъ въ слухъ сенаторовъ, что ляхи должны ожидать себѣ кары небесной за кровавыя притѣсненія православію. Тогда въ Варшавѣ находились послы православнаго царя. Блаженный Аѳанасій открылъ имъ, что іезуиты скрываютъ у себя лице опасное для Россіи, мнимаго сына Марины Мнишекъ, шляхтича Лубу, бывшаго у него на воспитаніи, а теперь уже 15 лѣтъ проживающаго у іезуитовъ; игумень доставилъ посламъ и нѣсколько писемъ Лубы, гдѣ тотъ называетъ себя царевичемъ. По волѣ царя, послы потребовали, чтобы выданъ имъ былъ самозванецъ, но паны увѣрили, что Луба—бѣдный шляхтичъ, невинный ни въ чемъ и Польша не можетъ выдать его для казни. Блаженный Аѳанасій твердо повторялъ сенаторамъ, что напрасно худые люди строятъ ковы противъ православнаго царства, — себѣ во вредъ преслѣдуютъ они православіе. Отъ него требовали доказательствъ, что воспитанникъ его—не сынъ Марины. «Ни покойный Саѣга, ни Мнишки не признавали Лубу за царевича», отвѣчалъ онъ. Блаженный Аѳанасій содержался въ оковахъ, и былъ освобожденъ только тогда, когда Русское посольство перестало требовать выдачи Лубы. Послѣ того, въ Кіевѣ, невинный страдалецъ докончилъ свой дневникъ, сохранившійся до нашего времени ^(ш). Началась кровавая борьба казаковъ съ ляхами. Отъ блаженнаго Аѳанасія потребовали, чтобы онъ призналъ законность уніи; за несогласіе же съ произволами человѣческими заключили его въ брестскую подземную темницу и заковали по рукамъ и ногамъ въ кандалы. —Твердый исповѣдникъ смѣло объявлялъ гнѣвъ Божій польскому правительству за оскорбленіе правъ человѣчества и за защиту, ока-

(ш) «Діаріушъ Аѳанасія Фидиповича» въ Синод. Библ. № 856.

зывается тѣмъ, которые нагло оскорбляли Церковь Божию для прихотей человѣческихъ. Ляхи рѣшили предать его позорной смерти. Тогда онъ въ слухъ сказалъ! «конечно отступники отъ св. вѣры, надменные ложнымъ просвѣщеніемъ, еще не малое время будутъ преслѣдовать исповѣдниковъ истины небесной; но будетъ время, когда въ Брестѣ и во всей окрестной странѣ процвѣтетъ православіе и сіяніе его уже не померкнетъ; тамъ, гдѣ будетъ лежать тѣло мое, козни враговъ, отступниковъ отъ св. вѣры, будутъ безсильны». — Св. исповѣдникъ былъ обезглавленъ 5 сентября 1748 г. ^(ш).

Преп. Іовъ, въ крещеніи Іоаннъ, сынъ православныхъ родителей изъ Шокутя, прозываемыхъ Желѣзо, положилъ начало подвижнической жизни въ Угорницкомъ Спасскомъ монастырѣ, въ Червонной Руси. Сюда поступилъ онъ 10 лѣтъ и спустя два года былъ постриженъ въ монашество. Возрастая послушаніемъ, чистотою и кротостію въ жизни духовной, онъ утѣшалъ друзей благочестія жизнью своею. Здѣсь же въ 30-лѣтнемъ возрастѣ, удостоился онъ противъ воли своей и по волѣ настоятеля, сана священства. Извѣстность добродѣтелей его разносилась по Украинѣ. По любви къ благочестію и чистой вѣрѣ, кн. Константинъ Константиновичъ Острожскій, узнавъ о духовной жизни его, выпросилъ его у Угорницкаго игумена для должности настоятеля Дубенской обители своей. Дубенскій крестный монастырь расположенъ былъ на острову, омываемомъ съ трехъ сторонъ рѣкою, близъ г. Дубно ^(з). Благочестивый князь вызвалъ блаж. Іова въ свою обитель, чтобы поддержать искрѣнное благочестіе въ инокахъ

(ш) Мощи преподобно-мученика Аѳанасія почиваютъ открыто въ Брестскомъ Симеоновскомъ монастырѣ, подъ аркою между соборною церковью и придѣломъ св. архидіакона Стефана

(з) Теперь на этомъ мѣстѣ находится приходская Воздвиженская церковь.

среди разливавшейся порчи нравовъ, растлѣваемыхъ папизмомъ. Ревностный игумень собралъ въ обитель свою многочисленное братство, которое по его наставленію усердно занималось изученіемъ писаній св. Отцевъ. Къ нему приходили многіе слушать наставленія его въ благочестіи. Строгій подвижникъ твердо боролся съ скорбями времени и утѣшалъ другихъ въ скорбяхъ.

По кончинѣ приснопамятнаго князя Константина, при отступникѣхъ отъ вѣры отеческой, сынъ его Янушъ, начались жестокія гоненія на православныхъ. Блаж. Іовъ болѣе 20 лѣтъ управлялъ Дубенскимъ монастыремъ, но когда увидѣлъ, что нельзя уже ему оставаться болѣе въ томъ краѣ безъ вреда себѣ и другимъ, удалился въ Почаевскую обитель.

Успенская обитель на Почаевской горѣ уже славилась тогда чудесами Богоматери ^(ы). Принявъ на себя, по неоступной просьбѣ братіи, настоятельство, блаж. Іовъ встрѣтилъ и здѣсь новыя скорби, но уже не отъ папистовъ, а отъ протестанта Форлея, наслѣдника благочестивой Анны Гойской. Онъ отнялъ у обители имѣнія, пожертвованныя ей Гойскою и всячески тѣснилъ иноковъ, разгонялъ богомольцевъ и хотѣлъ совсѣмъ раззорить монастырь. Въ 1623 году послалъ онъ толпу слугъ въ монастырь, разграбить его. Въ исполненіе воли пана ограблены были всѣ драгоценныя утвари обители и

(ы) Чудотворная икона Богоматери принесена была греческимъ митрополитомъ Неофитомъ въ 1537 году. (Свѣд. о монастыряхъ, стр. 83). Вскорѣ послѣ Брестскаго собора 1596 г., ревнительница православія, помѣщица Анна Гойская соорудила въ 1597 году на горѣ Почаевской обитель, чтобы доставить въ ней безопасное убѣжище гонимому православію, и чтобы молъ покровомъ ея воспитывались защитники и поборники православной вѣры. Чудо отъ иконы Богоматери надъ татарами было въ 1607 году. Впрочемъ при Успенскомъ храмѣ живали иконы и прежде Гойской, но по временамъ разгоняемы были татарами.

унесенъ былъ чудотворный образъ Богоматери. Для Форлея и этого было мало. Онъ нарядилъ жену свою въ священныя одежды іерейскія, далъ ей въ руки св. Потиръ и она стала прозносить хулы на св. Евхаристію и на Богоматерь. Но въ то же мгновеніе, злой духъ овладѣлъ богохульною женою. Страшныя ея муки прекратились только тогда, когда чудотворная икона была благоговѣнно возвращена въ монастырь.

Множество подвиговъ преп. Іова, какъ замѣчаетъ писатель житія его ⁽⁴⁾, «можно уподобить развѣ безчисленному множеству звѣздъ на тверди небесной, и они извѣстны единому Богу, прозирающему въ тайныя изгибы сердець человѣческихъ». И преп. Іовъ дѣла благотворительности, подвиги поста совершалъ въ тайнѣ, равно какъ и подвиги молитвъ въ изрытой имъ уединенной пещерѣ. Днемъ онъ упражнялся въ разныхъ рукодѣліяхъ и особенно любилъ заниматься садоводствомъ; онъ собственными руками насаждалъ плодовые деревья, прививалъ ихъ, окапывалъ, устраивалъ садъ. Самъ же копалъ озеро и обносилъ его плотинами ⁽⁵⁾. Съ братіями обходился кротко и ласково: никто не слышалъ отъ него слова рѣзкаго. Изъ устъ его всего чаще слышались слова: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшнаго». Разъ проходя чрезъ гумно монастырское, засталъ онъ человѣка, крадущаго пшеницу. Воръ въ испугѣ палъ къ ногамъ игумена и умолялъ не объявлять о его поступкѣ. Преподобный не только не укорилъ его ни однимъ словомъ, но еще самъ поднялъ на плеча его мѣшокъ и отпустилъ съ миромъ, напомнивъ ему только о томъ отвѣтѣ, который должны мы дать за дѣла свои предъ судомъ Божиимъ.

(4) Житіе преп. Іова писано ученикомъ его Доспѣеємъ.

(5) Это озеро, за оградю Почаевской лавры, и садъ у подножія горы, существуетъ и теперь.

За нѣсколько лѣтъ до кончины, преп. Іовъ принялъ великую схиму, съ именемъ Іоанна. Большую часть времени проводилъ онъ теперь въ пещерѣ, въ строгихъ подвигахъ поста и молитвы. «Еслибы каменная пещера, въ которой тайно подвизался преподобный, имѣла уста, говорить ученикъ его Досиѳеѣй, она о многомъ повѣдала бы намъ». Впрочемъ не оставлялъ онъ заботъ и объ инокахъ обители; въ 1649 г. надъ его смотрѣніемъ построенъ былъ великолѣпный храмъ Св. Троицы. Въ пещеру затворялся онъ иногда на три дня, иногда на цѣлую недѣлю, чтобы проливать слезныя молитвы за себя и за бѣдствующее православіе края. Однажды во время пламенной молитвы его, небесный свѣтъ осіялъ пещеру его и отразился изъ глубины пещеры на храмъ обители. Свидѣтель сего чуда Досиѳеѣй палъ въ ужасъ. Отъ подвиговъ стоянія молитвеннаго, ноги преп. Іова отекали и покрылись ранами. Это можно видѣть и понынѣ на нетлѣнныхъ мощахъ его. Гниеніе страдавшихъ ногъ было такъ сильно, что тѣло кусками отпадало отъ костей: но блаж. подвижникъ переносилъ страданія съ дивнымъ терпѣніемъ, по примѣру древняго Іова. Въ такихъ подвигахъ дожилъ онъ до ста лѣтъ и, предсказавъ день смерти своей за недѣлю, тихо, безъ всякихъ страданій, почилъ 28 октября 1651 г. ^(а).

Надъ мощами преп. Іова являлся свѣтъ. Спустя семь лѣтъ по преставленіи, блаж. игуменъ Почаевскій явился Діонисію

(а) Хотя въ то время, какъ Почаевскою обителью владѣли униаты, нетлѣнные останки преп. Іова оставались подъ спудомъ, но православный народъ не переставалъ притекать къ гробу преп. Іова, какъ притекаетъ и нынѣ.—Мощи преп. Іова почиваютъ теперь открыто въ гробницѣ серебряной, пожертвованной благочестивою графинею А. А. Орловою-Чесменскою, въ пещерной церкви, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ блаж. труженикъ подвизался во время земной своей жизни.

Болобану, митрополиту кievскому, и сказала, что Господу угодно открыть мощи его. Видѣніе повторилось въ другой и въ третій разъ, и сопровождалось угрозою гѣва Божія за неисполненіе воли Божіей. Наконецъ митр. Діонисій съ архимандритомъ Теофаномъ и съ братіею обители (8 августа 1659) открылъ гробъ преп. Іова и мощи его обрѣтены нетлѣнными. При этомъ послѣдовали исцѣленія. Самое замѣчательное изъ нихъ совершилось надъ больнымъ Почаевскимъ игуменомъ Досіеемъ. Наканунѣ праздника Воздвиженія креста Господня, прибывшая въ обитель благородная панна Домашевская услышала съ прислугою своею необыкновенное пѣніе, исходившее изъ храма, тогда какъ въ окнахъ свѣтился огонь ^(ю). Сперва подумала она, что иноки совершаютъ всеобщее бдѣніе. Посланная служанка Анна нашла церковныя дѣри открытыми, въ храмѣ слышала пѣніе, и когда вошла въ храмъ, увидѣла преп. Іова среди свѣтлыхъ мужей, совершающихъ молитву. Въ страхъ стояла она неподвижно: но угодникъ Божій, обратясь къ ней, сказалъ: «не бойся, дѣвушка, иди и позови ко мнѣ игумена обители Досіея». Онъ лежитъ на смертномъ одрѣ, отвѣчала Анна. Преподобный подаль ей шелковый платъ, омоченный въ муро и велѣлъ отнестъ къ больному. Анна пошла, и у дверей кельи стала звать игумена въ храмъ отъ имени преп. Іова. Больной сперва принявъ этотъ зовъ за мечту; потомъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, взявъ платъ, положилъ его на себя и почувствовавъ себя окрѣпшимъ, всталъ съ постели и пошелъ въ храмъ. Эклесіархъ, пришедшій къ началу утрени, изумился, увидавъ того, кто вчера лежалъ на смертномъ одрѣ. Какъ это ты, отче, пришелъ сюда? спросилъ онъ игумена. «Отецъ

(ю) Еще цѣло въ Почаевской обители завѣщаніе Домашевской, которымъ она проситъ похоронить ее въ церкви, построенной ею, «по чину восточнаго православнаго исповѣданія».

нашъ Іовъ молится за насъ и послалъ мнѣ исцѣленіе, отвѣчалъ игумень. Припомнимъ еще одно чудо изъ нашихъ временъ: въ 1832 году дѣвица Матрона изъ Оренбургской губерніи три года страдавшая головою болью и отвращеніемъ ко всему святому, приведена была на богомолье въ Кіевъ. Тамъ увидѣла она во снѣ старца, украшеннаго сѣдинами и близъ него вѣкую Жену въ бѣломъ одѣяніи. По слухамъ о чудесахъ Почаевской иконы Богоматери отправилась она въ Почаевскій монастырь и здѣсь надъ мощами преп. Іова получила облегченіе, а предъ чудотворною иконою Богоматери полное исцѣленіе ^(а). Это было за семь лѣтъ до уничтоженія въ предѣлахъ Русской земли той уніи, отъ которой такъ много страдали православные въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Графъ М. Толстой.

(а) Христ. Чтеніе 1834, 1, 113—116.

О МИРѢ СРЕДИ БРАНИ И О БРАНИ СРЕДИ МИРА.

С Л О В О

въ день Рождества Христова ^(а).

Славы въ вышнихъ Богу и на земли миръ (Лук. 2. 14).

Услышати имате брани и слышанія бранемъ; зрите, не ужасайтесь (Мф. 24, 6).

Болѣ осьмнадцати вѣковъ прошло съ того времени, какъ св. Ангелы Божіи возвѣстили миръ землѣ при рожденіи Господа нашего Іисуса Христа; но и доселѣ нѣтъ мира на землѣ! Христіанскіе народы далеко превзошли язычниковъ въ измышленіи орудій истребленія и направляютъ ихъ противъ себя самихъ. Вотъ въ самый день ангельскаго благовѣстія мира землѣ одна изъ обширнѣйшихъ церквей свѣтло празднуетъ память дарованнаго ей мира, но послѣ дѣлаго ряда жесточайшихъ браней, когда-либо потрясавшихъ христіанскія царства. Небесные посланники! Вы возвѣстили миръ землѣ: но есть ли полный миръ у васъ, небожителей? Не ведете ли вы постоянную борьбу съ обширнымъ царствомъ отпадшихъ духовъ? Раздѣленные на чины и степени, не носите ли всѣ имени воинствъ небесныхъ и не одно ли изъ славнѣйшихъ именъ Божіихъ: *Господь Саваоѳъ*, т.-е. Господь воинствъ, Гос-

(а) Произнесено въ Моск. Успенскомъ соборѣ 1870 г.

подъ силъ? Если нѣтъ мира у жителей неба, возможенъ ли онъ на землѣ? Если же есть миръ у жителей неба, какъ онъ возможенъ среди борьбы?—Подлинно возможенъ! Онъ всегда былъ и есть въ сердцахъ истинно вѣрующихъ; онъ всегда былъ и есть у Ангеловъ Божіихъ; и если возможна самая жестокая тайная брань среди внѣшняго мира, почему не возможенъ внутренній миръ среди внѣшней борьбы?

Представимъ человѣка, непоколебимо вѣрующаго въ Господа Иисуса Христа и Его св. Евангеліе. Что можетъ нарушить миръ души его? Пусть онъ окруженъ величайшими несчастіями,—пусть тѣснить его бѣдность, тѣло его сковано болѣзнями, имя его покрыто позоромъ, враги его сильны, пусть онъ видитъ предъ собою одинъ густой мракъ большихъ скорбей и лишеній: все это еще мало можетъ нарушить миръ души его; онъ взираетъ на Господа Иисуса и видитъ, что Онъ Всевятыи началъ жизнь Свою въ ясляхъ и кончилъ на крестѣ; онъ слышитъ сладостный гласъ Его: *прїидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи. Въ минуты самыя тяжкія дѣйствительно Господь посылаетъ ему утѣшенія внутреннія, которыхъ миръ ни дать, ни взять не можетъ: по множеству болѣзней моихъ въ сердце моемъ утѣшенія твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19), благодарственно зывалъ одинъ древній праведникъ. Одно, что наиболѣе можетъ потрясти миръ души христіанина, это грѣхопаденія его; но и они, сколько бы велики ни были, не свергнутъ его въ бездну отчаянія; онъ твердо вѣруетъ, что заслуги воплотившагося Сына Божія на землѣ съ преизбыткомъ могутъ покрыть всѣ грѣхи цѣлаго міра. Св. вѣнценосный пророкъ Давидъ имѣлъ величайшее несчастіе вдругъ впасть въ два тяжкія преступленія, но истинное покаянiе возвратило ему милость и благодать Божію; священныя пѣсноуѣнія его, переходя изъ роду въ родъ на разныхъ нарѣчіяхъ земли,

сколько пролили утѣшенія и мира въ сердца сокрушенныя! Если въра ветхозавѣтныхъ мужей въ грядущаго Христа исполняла сердца ихъ великимъ миромъ, то тѣмъ большій миръ изливается въ сердца вѣрующихъ послѣ освященія земли стопами и кровію Господа нашего. Невозмутимое спокойствіе св. мучениковъ, иѣснопѣнія ихъ въ славу Божию среди самыхъ жестокихъ страданій, приводившія то въ ярость, то въ удивленіе мучителей, ясно показали, что Господь принесъ на землю истинный миръ, который, по слову апостола, превосходитъ всякій умъ (Филип. 4, 7). Пламенная любовь мучениковъ къ Господу, среди мученій еще болѣе возгоравшаяся подъ вліяніемъ Духа Святаго, возбуждала духъ ихъ до такой степени, что они нерѣдко совершенно не чувствовали страданій тѣлесныхъ и потому исполнялись большей сладости духовной. Дивно ли, что и борьба св. Ангеловъ Божіихъ съ темными духами злобы и раздора, еще болѣе возбуждающая пламенную ревность ихъ къ славѣ Отца небеснаго, по дѣйствию силы Божіей, не нарушаетъ блаженства небожителей?

Если такова сила небеснаго мира, принесеннаго на землю Господомъ Иисусомъ Христомъ, отчего же нѣтъ мира между многими изъ христіанъ и цѣлыми племенами и царствами христіанскими? Безъ сомнѣнія отъ того, что они хотятъ слѣдовать болѣе закону своей воли, чѣмъ закону Христову. Конечно между существами столь ограниченными, какъ люди, возможны разнаго рода недоразумѣнія; но отъ этого далеко еще до самоизбіенія. Желанія и намѣренія противоположныя, могутъ быть у самихъ Ангеловъ небесныхъ при встрѣчѣ обязанностей одного съ обязанностями другаго. Это ясно можно видѣть изъ книги св. пророка Даніила. Когда сей дивный мужъ молилъ Бога о изведеніи Іудеевъ изъ 70-лѣтняго плѣна вавилонскаго, то явившійся ему Ангелъ возвѣстилъ, что

Ангелы, хранители царствъ персидскаго и греческаго, къ которымъ имѣло перейти управленіе Вавилономъ, противостояли освобожденію Іудеевъ изъ плѣна, но архангелъ Михаилъ, хранитель Іудеевъ, и онъ, явившійся пророку, содѣйствовали исполненію его молитвы (Дан. X.). Какъ содѣйствовали? Безъ сомнѣнія, силою своей ходатайственной молитвы предъ Богомъ, а не грубою междуособною борьбой. И вотъ Іудеи добровольно, съ честію возвращены царемъ персидскимъ въ отечество ихъ. О, еслибы воля Божія также исполнялась на земли, какъ она исполняется на небеси! Давно бы люди расковали мечи своя на орала и копыя свои на серпы (Ис. 2, 4). Приходитъ на мысль и другое замѣчательное событіе изъ исторіи народа еврейскаго. Когда десять колѣнъ еврейскаго царства отпали отъ дома св. Давида при внуцѣ его Ровоамѣ: царь Ровоамъ, полагаясь на силу оставшихся вѣрныхъ ему колѣнъ, а болѣе на свое право и слѣдовательно на особенную помощь Божию, собралъ всѣхъ способныхъ къ оружію преданныхъ ему Евреевъ, дабы идти войною на отпавшія колѣна; но вотъ открылось слово Божіе Самею, человеку Божию, и сказано ему: «скажи Ровоаму, сыну Соломонову, царю іудейскому, и всему дому Іудину и Веніаминову и прочему народу: такъ говоритъ Господь: не ходите и не начинайте войны съ братьями вашими, сынами израилевыми; возвратитесь каждый въ домъ свой; ибо отъ Мена это было. И послушались они слова Господня и пошли назадъ по слову Господню» (3 Цар. 12, 22—24). Не послужитъ ли сей подвигъ вѣры къ обличенію на судѣ многихъ правителей и поколѣній христіанскихъ, которые, вопреки закону св. Евангелія, изыскиваютъ самые ничтожныя предлоги къ пролитію потоковъ крови христіанской и даже для земныхъ своихъ цѣлей готовы всѣми силами поддерживать народы, Христу враждебные? Исторія христіанскихъ царствъ также представляетъ при-

мѣры того, что Господь открывалъ волю Свою касательно мира и войны, если того съ вѣрою искали.

Впрочемъ не подлежитъ сомнѣнію, что Всевышній и безъ непосредственнаго откровенія Своей воли, Своею промыслительною десницею награждаетъ народы благодѣянiями мира или счастливой войны по той мѣрѣ, какъ они исполняютъ святой законъ Его. Можетъ ли быть благословеніе мира тамъ, гдѣ правительство не знаетъ, куда склониться, на сторону вѣры или невѣрія, гдѣ оно, будучи потому предоставлено Богомъ собственнымъ силамъ или, лучше, собственному безсилію, не можетъ найти и соблюсти предѣла между требованiями истинной свободы и совершеннаго своеволія, проникающаго въ самые ряды воинскіе, гдѣ оно для поддержанія себя должно истощать огромныя сокровища народныя, всѣми способами собираемыя, и наконецъ для прекращенія внутреннихъ раздоровъ принуждено изыскивать внѣшнихъ враговъ и вести съ ними борьбу, для себя и для своей страны опасную? Пусть поклонники естественнаго разума утѣшаютъ себя надеждою, что родъ человѣческой собственными силами, внѣ закона евангельскаго, достигнетъ нѣкогда вождѣльнаго всеобщаго мира. Тотъ, Который принесъ съ неба истинный миръ земнороднымъ, зная, что многіе не примутъ или лицемерно примутъ Его; посему Онъ предсказалъ вѣрнымъ сынамъ мира: *услышати имате брани и слышанія бранемъ; зрите, не ужасайтесь: подобаетъ бо вѣмъ симъ быти.* (Мѡ. 24, 6).

Подобаетъ вѣмъ симъ быти! Если люди, утучнѣвъ отъ благодѣвій мира, дойдутъ до такого самозабвенія, что дарованный имъ Богомъ миръ обратятъ во вражду на Бога и будутъ метать стрѣлы слова противъ Его св. закона; если народы во время мира втайнѣ одни отъ другихъ будутъ измышлять и безъ мѣры умножать смертоносныя орудія брани

не съ цѣлю самосохраненія, а въ видахъ властолюбія; если они, однимъ словомъ, самый миръ обратятъ въ войну, то пусть же на самомъ дѣлѣ до дна изопьютъ всю чашу бѣдствій и ужасовъ войны и тогда обратятся къ Богу и Его св. закону и лучше оцѣнятъ, хотя на время, благодѣянія мира. Въ концѣ вѣковъ, когда св. Евангеліе будетъ проповѣдано всей твари, а между тѣмъ Сынъ Божій едва обрящетъ вѣру на земли; когда послѣ страшныхъ потрясеній воинскихъ сосредоточитъ въ своихъ рукахъ власть надъ всеми племенами сынъ беззаконія, явный противникъ Христу, тогда дѣйствительно скажутъ: вотъ настало время мира и безопасности; но, говоритъ апостоль, *егда рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство* (1 Сол. 5, 3), т. - е. откроется страшный судъ Божій.

Господи Боже нашъ! Ты испытывалъ отцовъ нашихъ бранями страшными и продолжительными и обращалъ сердца ихъ къ Себѣ. Не оставилъ Ты и наше поколѣніе безъ разумленій грозныхъ; но мы не можемъ сказать, что приняли ихъ съ должнымъ вниманіемъ, что у насъ довольно истинно добрыхъ дѣлъ христіанскихъ. Господи! у Тебя всегда готовы молніи Твои! Но прими нашу вѣру вмѣсто дѣлъ и миръ подаждь намъ.

Начинаетъ слабѣть и вѣра наша въ крѣпости своей: тамъ и здѣсь, болѣе и болѣе слышатся вопли невѣрія или въ пользу иновѣрія, въ древнія лѣта въ сей странѣ неслыханныя. Господи! Помози нашему невѣрію и маловѣрію и молитвами избранныхъ земли русской миръ подаждь намъ.

Сказалъ Ты нѣкогда сынамъ Израилевымъ: *еще станутъ Моисей и Самуилъ предо Мною, нѣсть душа Моя къ людемъ симъ* (Іер. 15, 1). И совершилось слово Твое надъ ними. Видѣли и отцы наши, какъ за грѣхи живущихъ на земли врагами невѣрными и иновѣрными нарушенъ былъ по-

кой самыхъ угодниковъ Твоихъ въ сихъ святыхъ храмахъ Твоихъ. Господи! Если беззаконія наши превосходятъ ходатайственныя молитвы св. угодниковъ Твоихъ, не щадившихъ своей жизни за вѣру православную, то ради безмѣрнаго Твоего человеколюбія и неисчетныхъ заслугъ Единороднаго Сына Твоего, насъ ради воплотившагося, прощеніе грѣховъ и миръ подаждь намъ. Аминь.

Архим. Серій.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

XXXI. Паремія на вечернѣ во вторникъ 6-й седмицы великаго поста. Быт. 31, 3—16.

Въ сей пареміи повѣствуется о приготовленіи Іакова къ возвращенію изъ Харрана на родину.

Гл. 31. ст. 3. Рече Господь ко Іакову: возвратися въ землю отца твоего, и въ родъ твой, и буду съ тобою.

Іаковъ прожилъ у тестя своего Лавана, въ Харранѣ, 20 лѣтъ. Первыя семь лѣтъ онъ работалъ на него, чтобы получить въ супружество младшую дочь его Рахиль; но будучи обманутъ и получивъ вмѣсто нея старшую Лію, Іаковъ согласился имѣть обѣихъ и за сіе служилъ у Лавана еще семь лѣтъ. По прошествіи втораго седмилѣтія, Іаковъ сталъ просить Лавана, чтобы онъ отпустилъ его съ женами и дѣтьми въ Ханаанскую землю. Но Лавану не хотѣлось отпустить Іакова; онъ признался Іакову, что за него Господь благословилъ его умноженіемъ его скота, и уговорилъ Іакова остаться у него для продолженія службы за вознагражденіе. Условіе вознагражденія состояло въ агнцахъ и козлятахъ извѣстнаго цвѣта, какіе народятся въ той части стада Лаванова, какая поручена будетъ надзору Іакова. И по благословенію Божию агнцы и козлята нарождались большею частію того цвѣта, какой назначенъ былъ въ награду Іакову. Такимъ образомъ

въ теченіи шести лѣтъ Іаковъ разбогатѣлъ: чрезъ продажу мелкаго скота онъ пріобрѣлъ себѣ и рабовъ, и верблюдовъ и другаго рода крупный скотъ. Обогащеніе Іакова возбудило къ нему зависть въ домѣ Лавана. Сыновья его явно говорили, что Іаковъ обогатился имѣніемъ отца ихъ, и самъ Лаванъ съ завистью и недоброжелательствомъ смотрѣлъ на зятя своего (Быт. 30. 31, 1—2). Оставаться долѣе у Лавана было не безопасно Іакову, и вотъ самъ Господь является ему и повелѣваетъ ему возвратиться въ землю отца и въ родъ свой, и обѣщается быть съ нимъ: *и буду съ тобою*. Ближайшимъ образомъ это обѣщаніе относится къ предстоявшему путешествію Іакова, весьма трудному въ началѣ и въ продолженіи пути, ибо и Лаванъ, когда узнаетъ о тайномъ удаленіи Іакова со всѣмъ семействомъ и имуществомъ, погонится за нимъ, — и при вступленіи въ Ханаанскую землю Іаковъ будетъ бояться недружелюбной встрѣчи съ старшимъ своимъ братомъ Исавомъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ Господь, согласно Своему обѣщанію, не оставитъ Іакова и выручитъ его изъ затрудненій, ибо и Лаванъ, нагнавъ его на пути къ родинѣ, не обидитъ его и разстанется съ нимъ мирно, и Исавъ встрѣтитъ его по-братски.

4. 5. Пославъ же Іаковъ, призва Лію и Рахиль на поле, идѣже бяху стада. И рече имъ: вижду азъ лице отца вашего, яко нѣсть ко мнѣ, якоже вчера и третійго дне: Богъ же отца моего бѣ со мною.

Іаковъ, получивъ повелѣніе возвратиться на родину, сообщаетъ о томъ не Лавану, ибо не надѣется получить отъ него добровольное согласіе на удаленіе отъ него, а своимъ женамъ, чтобы приготовить ихъ къ разлукѣ съ отеческимъ домомъ. Іаковъ объявляетъ имъ повелѣніе Божіе не въ домѣ ихъ отца а въ полѣ, изъ опасенія, чтобы домашніе Лавана

какъ-нибудь не провѣдали о содержаніи рѣчей мужа съ женами и не воспрепятствовали бѣгству его, которое предполагалось устроить тайно. Онъ говоритъ Лии и Рахили: *вижду азъ лице отца вашего, яко нѣсть ко мнѣ, якоже вчера и третіаго дне*, — т.-е. отецъ вашъ смотритъ на меня не съ прежнею благосклонностію: суровое выраженіе лица его при встрѣчахъ и разговорахъ со мною свидѣтельствуєтъ о его недоброжелательствѣ ко мнѣ и зависти. — *Богъ же отца моего бѣ со мною*: не знаю, чѣмъ заслужилъ немилость отца вашего. Все, что я пріобрѣлъ, живя у него, пріобрѣлъ по благоволенію Господа, Который такъже ко мнѣ милостивъ, какъ милостивъ къ отцу моему. Если по условію съ отцемъ вашимъ мнѣ досталась въ награду значительная часть его имущества, на сіе была воля Божія, которой онъ долженъ покориться, а не гнѣваться на меня.

6. И вы сами вѣсте, яко всею силою моею работахъ отцу вашему.

Іаковъ внушаетъ своимъ женамъ, что обогащеніе его значительною частію имущества Лаванова есть дѣло справедливости, и въ доказательство ссылается на то, что онъ работалъ на Лавана со всею усердіемъ и самоотверженіемъ върнаго слуги, заботясь въ первыя два седмилѣтія только о выгодахъ его и забывая о своихъ. Въ послѣдствіи Іаковъ, достигнутый въ бѣгствѣ Лаваномъ, скажетъ ему самому: «Двадцать лѣтъ я у тебя: овцы твои и козы твои не выкидывали; овновъ стада твоего я не ѣлъ. Растерзаннаго звѣремъ я не носилъ тебѣ,—это была моя бѣда; ты съ меня взыскивалъ, днемъ ли что пропадало, ночью ли пропадало. Я томился днемъ отъ жара, а ночью отъ стужи, и сонъ убѣгалъ отъ глазъ моихъ» (Быт. 31, 38—40).

7. 8. Отецъ же вашъ обидѣ мя и измѣни мзду мою десяти агнцевъ: но не даде ему Богъ зла сотворити мнѣ. Аще сиче речеть: пестрыя будетъ твоя мзда, и родятся вся овцы пестрыя. Аще же речеть: бѣлыя будутъ твоя мзда, и родятся вся овцы бѣлыя.

Обида, или несправедливость Лавана, на которую жалуется Іаковъ, состояла въ измѣненіи условій договора о вознагражденіи его. Лаванъ первоначально согласился предоставить ему въ награду агнцевъ и козлятъ пестрыхъ, какіе народятся въ стадѣ, отданномъ ему для стереженія. Но несмотря на то, что это стадо нарочно собрано было Лаваномъ изъ одного бѣлаго скота, отъ него раждались агнцы и козлята большею частію пестрыя, т.-е. такого цвѣта, какой назначенъ былъ въ пользу Іакова. Лаванъ, видя выгоду на сторонѣ одного Іакова, не разъ мѣнялъ условіе касательно цвѣта скота, какой долженъ дѣстаться въ награду Іакову. Выраженіе: «измѣни мзду мою десяти агнцевъ», или проще и точнѣе съ еврейскаго: «десять разъ перемѣнялъ награду мою», — можно понимать буквально, если принять во вниманіе, что овцы и козы раждали два раза въ году. Но можно также полагать, что круглое число *десять* употреблено въ неопредѣленномъ знаменованіи множества, чему примѣры встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ Писанія (Лев. 26, 26. Числ. 14, 22). Сколько разъ однако ни измѣнялъ Лаванъ условій награды Іакову, выгода всегда оставалась на сторонѣ послѣдняго. Онъ говоритъ: *не даде ему (Лавану) Богъ зла сотворити мнѣ. Аще речеть: пестрыя будетъ твоя мзда, и родятся вся овцы пестрыя* и т. д. Подъ овцами здѣсь разумѣются не однѣ овцы въ собственномъ смыслѣ; но также и козы, судя потому, что самъ Іаковъ при заключеніи договора съ Лаваномъ выразился: *всякая овца въ козахъ* (Гл. 30, 32). — *Вся*

овцы,—не безусловно всё, но большая часть ихъ, потому что нѣкоторыя изъ нихъ раждались съ шерстью такого цвѣта, по которому, согласно договору, должны были доставаться Лавану,—это тѣ, которыя раждались отъ слабаго скота (30, 42). Что слово *весь* не всегда имѣеть безусловный смыслъ, видно между прочимъ изъ того, что Иудеи, недоброжелательные Иисусу Христу, говорили о Немъ: «весь міръ по немъ идетъ» (Іоан. 12, 19), тогда какъ не только не весь міръ, не все люди на свѣтѣ, но даже Иудеи далеко не все становились въ ряды Его послѣдователей.

9. И отъя Богъ вся скоты отца вашего, и даде я мнѣ.

Вся скоты,—опять разумѣются не все скоты безусловно, а большая часть стада Лаванова, ввѣреннаго Іакову, именно приплодъ отъ скота этого стада, извѣстнаго цвѣта, съ каждымъ годомъ умножавшійся въ пользу Іакова.—*Отъя Богъ у Лавана и даде мнѣ*, т.-е. силою благословенія Божія произведено то, что большая часть скота изъ стада Лаванова, по договору съ Лаваномъ, перешла въ мою собственность.

10. 11. 12. И бысть егда зачинаху овцы во чревѣхъ приемяще, и видѣхъ очима мояма во снѣ: и се козлы и овны восходяще бяху на овцы и козы, бѣловатыя (*тыя*) и пестрыя (*рыя*), и нецеловидныя (*ныя*) пестрыя (*рыя*). И рече ми ангель Божій во снѣ: Іакове! Азъ же рѣхъ: что есть? И рече: возри очима твоима, и видѣ козлы и овны, восходящія на овцы и козы, (*козлы и овны*) бѣлыя и пестрыя, и нецеловидныя пестрыя: видѣхъ бо, елика тебѣ Лаванъ творить.

Видѣніе во снѣ Іаковъ пересказываетъ своимъ женамъ съ цѣлю указать имъ на особенное участіе промысла Божія въ

томъ, какъ онъ разбогатѣлъ. Первоначальное условіе съ Лаваномъ о вознагражденіи Іакова извѣстно. Трудно было Іакову, судя по естественному порядку вещей, надѣяться на значительное вознагражденіе при такомъ, мало общающемся условіи, трудно было ему ожидать, что отъ бѣлаго скота будетъ въ пользу его плодиться скотъ пестрый. И если Лаванъ, при корыстолюбіи своемъ, съ радостію согласился на предложенное самимъ Іаковымъ условіе вознагражденія его, то согласился по увѣренности, что не онъ останется въ убыткѣ (Быт. 30, 34). Но Іаковъ надѣялся на покровительство Божіе, и надежда его была не тщетна. Хотя ему порученъ только бѣлый скотъ, но въ видѣніи, которое онъ имѣлъ по заключеніи договора съ Лаваномъ, его взору представлена картина оплодотворенія, которою ему давалось знать, что приплодъ отъ бѣлаго скота будетъ такой, какого естественно ожидать отъ скота пестраго и смѣшаннаго цвѣта. Показаны ли ему при семъ тѣ средства, какими онъ могъ достигнуть того, чтобы скотъ раждался такого цвѣта, какой назначенъ ему въ награду, неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ успѣхъ тѣхъ искусственныхъ средствъ, какія дѣйствительно употреблены были Іаковымъ для сей цѣли ^(а), зависѣлъ отъ Бога, Который видѣніемъ во снѣ предрекъ ему умноженіе награды и обнадежилъ его въ семъ. Самъ Іаковъ, какъ мы видѣли (ст. 8. 9), приписывалъ свое обогащеніе особенному покровительству Божію, и это тѣмъ болѣе несомнѣнно, что при неоднократ-

(а) Вотъ эти средства: во время оплодотворенія бѣлаго скота, онъ полагалъ передъ глазами его испестренные прутья съ цѣію цвѣтомъ прутьевъ подѣйствовать на воображеніе зачинающихъ животныхъ и чрезъ воображеніе на видъ зародыша. Полученный такимъ образомъ разноцвѣтный приплодъ Іаковъ разлучалъ отъ бѣлаго, такъ чтобы во времена зачатія разноцвѣтный скотъ, по возможности, былъ въ глазахъ бѣлаго, но не наоборотъ. Разсчитать былъ опять на воображеніе зачинающихъ животныхъ (30, 37—41).

номъ измѣненіи условій награды, Іаковъ едва ли могъ каждый разъ придумывать новыя искусственныя средства къ тому, чтобы не только не лишиться условленной награды, но и умножить ее, — о нихъ и не упоминается въ повѣствованіи Моисея. — *Видѣхъ бо, велика тебѣ Лаванъ творитъ.* Господь, обнадеживъ Іакова, посредствомъ видѣнія, въ Своемъ покровительствѣ, объявляетъ, что покровительствуетъ ему по состраданію къ нему, ибо видитъ несправедливость къ нему Лавана, который ничѣмъ не вознаградилъ его за четырнадцати-лѣтнюю работу. Въ видѣніи является бесѣдующимъ съ Іаковомъ *Ангелъ Божій*, но въ слѣдующемъ стихѣ сей Ангелъ самъ называетъ себя Богомъ, слѣдственно Онъ есть Сынъ Божій, великаго совѣта Ангелъ (Иса. 9, 6).

13. *Азъ есмь Богъ явивыйся тебѣ на мѣстѣ Божіи, идѣже помазалъ ми еси тамо столпъ, и обѣтовалъ ми еси тамо обѣтъ. Нынѣ убо востани, и изыди отъ земли сея, и иди въ землю рожденія твоего, и буду съ тобою.*

На мѣстѣ Божіи, или въ Веѣилѣ, что значитъ домъ Божій (см. XXX паремію въ декабр. книжкѣ). Господь напоминаетъ Іакову о веѣильскомъ Своемъ явленіи ему, бывшемъ за двадцать лѣтъ въ день бѣгства его изъ родины, съ цѣлію внушить ему, что взираетъ на него съ тѣмъ же благоволеніемъ, какое показалъ ему тогда, что остается тѣмъ же неизмѣннымъ покровителемъ его, какимъ явился тогда, что Онъ обѣщаніе Свое благополучно возвратитъ его на родину и сопровождать его повсюду, данное тогда, готовъ исполнить теперь, и что слѣдственно нечего бояться тому, кто имѣетъ такого всемогущаго и всеблагаго покровителя и защитника. — *Идѣже помазалъ еси столпъ и обѣтовалъ обѣтъ.* Въ Веѣилѣ, по пробужденіи отъ сна, въ которомъ видѣлъ

тайственную лѣствицу, Іаковъ, полный благоговѣнія къ мѣсту богоявленія и благодарности къ Явившемуся за Его обѣтованія, обратилъ камень, который служилъ ему изголовьемъ, въ священный памятникъ, принесъ на этомъ столпообразномъ памятникѣ безкровную жертву, возливъ на него свой дорожный елей, и далъ обѣтъ: «Если Богъ сохранить меня въ пути моемъ, дастъ мнѣ хлѣбъ ѣсть и одежду одѣться, и я, съ помощію Божіею, благополучно возвращусь въ домъ отца моего: то этотъ камень, поставленный теперь памятникомъ, будетъ у меня мѣстомъ молитвы; и изъ всего, что ты, Боже, даруешь мнѣ, я посвящу тебѣ десятую часть» (Быт. 28, 20—22). Напоминаніемъ о всеильскомъ памятникѣ и обѣтѣ Господь хотѣлъ оживить и утвердить въ Іаковѣ ту преданность къ Нему, во свидѣтельство которой поставленъ былъ памятникъ и произнесенъ обѣтъ,— преданность, столь нужную Іакову всегда, особенно же въ обратномъ путешествіи на родину, предпринять которое Господь повелѣваетъ въ слѣдующихъ словахъ: *востани нынѣ и изыди въ землю рожденія твоего.* — *Нынѣ*,—когда же именно? Судя по тому, что это повелѣніе входитъ въ составъ разсказа Іакова о сонномъ видѣніи, бывшемъ, какъ видно, въ началѣ послѣднихъ шести лѣтъ службы его у Лавана, нельзя думать, что это повелѣніе одно и то же съ тѣмъ, о которомъ было упомянуто выше въ ст. 3-мъ, и которое дано было въ концѣ сей службы. Должно полагать, что повелѣніе: *востани нынѣ* и д., дано и къ исполненію его приступлено еще прежде договора съ Лаваномъ о наградѣ (Быт. 30, 25), но что договоръ сей удержалъ Іакова отъ возвращенія въ отечество до новаго повелѣнія, даннаго, какъ мы замѣтили, въ концѣ шестилѣтней службы у Лавана.

14. 15. И отвѣщавше Рахиль и Лія, рекостѣ ему (Іакову): еда есть намъ еще часть или наслѣдіе въ

дому отца нашего? Не яко ли чужія вмѣнихомся ему? продаде бо насъ и снѣде снѣдію сребро наше.

Рахиль и Лія, выслушавъ рѣчь мужа своего, клонившуюся къ тому, что ему нельзя долѣе откладывать возвращеніе на родину, заявляютъ, что и для нихъ нѣтъ никакихъ побужденій оставаться въ домѣ отца своего. *Еда есть намъ еще часть или наслѣдіе въ дому отца нашего?* т.-е. сколько бы времени мы ни прожили еще у отца нашего, онъ по скупости своей ничего не удѣлитъ намъ въ собственность при жизни и ничего не оставитъ намъ въ наслѣдство по смерти.—*Не яко ли чужія вмѣнихомся ему?* Онъ смотритъ на насъ не какъ на дочерей, а какъ на рабынь; относится къ намъ, не какъ отецъ, а какъ корыстолюбивый рабовладѣлецъ.—*Продаде насъ и снѣде снѣдію сребро наше.* Ты, мужъ нашъ, не могъ дать за насъ вѣна отцу нашему, потому что пришелъ къ намъ съ пустыми руками, и вотъ онъ вмѣсто вѣна пользовался, въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, твоею работою какъ цѣною за насъ. И хотя единственно тебѣ обязавъ своимъ обогащеніемъ, онъ ничѣмъ изъ нажитаго твоими работами имущества своего не подѣлился ни съ тобою, ни съ нами; одинъ воспользовался тѣмъ серебромъ, которое накопилъ, продавъ насъ тебѣ какъ товаръ за твою работу.

16. Все богатство и слава, юже отъя Богъ отъ отца нашего, намъ будетъ и чадомъ нашимъ. Нынѣ убо, елика тебѣ рече Богъ, твори.

Эти слова, составляющія продолженіе рѣчи Рахили и Ліи къ мужу, могутъ быть изложены такъ: нашъ отецъ по заключеніи договора съ тобою о наградѣ, не разъ вмѣнялъ условія съ цѣлію уменьшить тебѣ награду. Но Богъ не далъ тебя въ обиду ему. При Его благословеніи большая часть агнцевъ

и козлятъ въ стадѣ Лавановомъ, порученномъ тебѣ, рождались всегда съ такимъ цвѣтомъ, какой назначаемъ былъ тебѣ въ награду. Такимъ образомъ, что было для отца нашего ущербомъ, которымъ справедливо наказалъ его Господь за его корыстолюбіе и скупость, то послужило выгодною для тебя и для насъ съ дѣтьми нашими, которую мы и должны удерживать за собою. Но мы не можемъ быть спокойными за нашу собственность, пока будемъ жить у отца нашего; положеніе твое и наше таково, что нельзя долѣе оставаться у него. Поэтому если Богъ повелѣлъ тебѣ возвратиться на родину, поспѣши исполнить Его повелѣніе, а мы готовы всюду слѣдовать за тобою.

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе приключеній Іакова на пути къ родинѣ и въ самой родинѣ, не входящее въ пареміи.

Свящ. Вас. Нечаевъ.

О ЗНАЧЕНИИ ВПЕЧАТЛѢНІЙ

РАННЯГО ДѢТСТВА ВЪ ДѢЛѢ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ (а).

Если человекъ дѣтство и юность провелъ подѣ влияніемъ по преимуществу непріятныхъ, мрачныхъ впечатлѣній; если судьба послала ему суровыхъ воспитателей, которые за каждую неисправность, шалость подвергали его строгому наказанію; если ему пришлось рано испытать много огорченій, лишеній, неудачъ и мало радостей и удовольствій, то у него современемъ можетъ образоваться мрачный характеръ, расположенный постоянно ожидать себѣ несчастій; мысль о неудачѣ преслѣдуетъ его при каждомъ предпріятіи, дѣлаетъ его мнительнымъ, робкимъ, чрезчуръ осторожнымъ, лишаетъ его энергіи и вѣры въ свои собственныя силы, такъ что наконецъ онъ дѣйствительно нерѣдко терпитъ неудачу въ своихъ дѣлахъ не отъ недостатка способностей и силъ, а отъ недостатка твердости, смѣлости, увѣренности.

Напротивъ, если человекъ росъ и воспитывался при совершенно противоположныхъ условіяхъ, то у него можетъ образоваться характеръ *легкомысленный*. Легкомысліе есть слабость главныхъ силъ душевныхъ—поверхностность ума, который ни на одномъ событіи жизни не можетъ остановиться со

(а) Продолженіе. Предшествующія статьи см. въ книжкахъ Душ. Чтенія за 1869 и 1870 годы.

вниманіемъ и поразмыслить о немъ серьезно, а разсматриваетъ его только бѣгло и мимоходомъ,—неспособность сердца къ глубокимъ и продолжительнымъ чувствованіямъ и наконецъ слабость воли, которая уступаетъ каждому желанію и увлекается каждымъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ, такъ что воспитанникъ никогда не помнитъ себя, не сосредоточивается въ себѣ, но вмѣсто того; чтобы для своихъ дѣйствій находить твердую опору и ясное руководство въ своемъ сознаніи, всѣми мыслями и чувствами отдается наслажденію минуты. Не забывая того, что здѣсь имѣетъ весьма большое значеніе темпераментъ и природныя задатки человѣка, мы постараемся теперь по возможности уяснить, какія впечатлѣнія дѣтства содѣйствуютъ развитію легкомыслія.

Развитію легкомыслія весьма много содѣйствуетъ черезчуръ большая заботливость о дѣтяхъ, слишкомъ нѣжная любовь къ нимъ. Вредныя послѣдствія такой заботливости чаще и больше всего испытываютъ дѣти у такихъ родителей, которые имѣютъ по одному только дѣтищу, — дѣти въ такихъ семьяхъ, гдѣ на одного ребенка насчитывается значительное количество взрослыхъ, наконецъ дѣти, почему-нибудь особенно любимыя своими родителями. Когда дитя становится предметомъ такой любви, то родители превращаются въ самыхъ покорныхъ и услужливыхъ рабовъ, готовыхъ исполнять всѣ малѣйшія его желанія, заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ его дѣйствительныхъ и мнимыхъ потребностей и въ этомъ доходятъ до возможной крайности. Они заботятся объ удовлетвореніи его желаній, нуждъ и потребностей не только въ періодъ ранняго дѣтства, когда дитя ихъ безпомощно, само по себѣ не можетъ удовлетворить ни одной своей потребности и требуетъ со стороны родителей весьма внимательнаго ухода и попеченія; но и тогда, когда дитя достаточно выросло; окрѣпло для того, чтобы собственными

своими средствами и силами удовлетворять нѣкоторымъ изъ своихъ нуждъ: вмѣсто того, чтобъ ограничиться указаніемъ и наставленіемъ, какъ нужно дѣйствовать въ томъ или другомъ случаѣ, такіе родители обыкновенно не допускаютъ, чтобъ дитя само сдѣлало что-нибудь, употребило какое-нибудь усиліе, дало упражненіе своимъ умственнымъ и физическимъ силамъ, но сами исполняютъ все для него. Положимъ, что дитя ихъ достигло 4—5 лѣтняго возраста; конечно въ это время оно само можетъ одѣться и обуться, снять съ себя одежду и обувь, положить ее въ надлежащее мѣсто, въ извѣстной степени быть услужливымъ по отношенію къ своимъ родителямъ, подать или отнести для нихъ ту или другую вещь и такимъ образомъ упражнять по немного свои силы и способности, развивать добрыя нравственныя качества, привыкать къ порядку и самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ. Но родители, въ избыткѣ пѣжности къ своему дѣтищу, и при пятилѣтнемъ его возрастѣ смотрятъ на него, какъ на столь же беспомощное существо, какимъ оно было въ колыбели: они по прежнему сами его одѣваютъ и раздѣваютъ, обуваютъ и разуваютъ, приносятъ ему все необходимое для его туалета; избалованный ребенокъ побросаетъ принадлежности своего костюма—ихъ собираютъ и относятъ въ надлежащее мѣсто, и все это на томъ основаніи, что дитя, по ихъ воззрѣнію, еще слишкомъ мало, неразумно и потому—де нельзя требовать, чтобъ оно все это исполняло само. Дитя достигаетъ того возраста, когда ему пора учиться, посѣщать школу; мать одѣвши и обувши его собираетъ ему книжки, укладываетъ и увязываетъ ихъ; приходитъ ребенокъ изъ школы—его окружаютъ та же родительская пѣжность и услужливость, такъ что ему нечѣмъ заняться, не о чемъ подумать, не къ чему приложить своихъ рукъ—все за него сдѣлано, все обдуманно, соображено. Для облегченія ему труда

приготовленія къ классу сдѣлано все: если сами родители неспособны или не имѣютъ времени помогать ему при умственныхъ занятіяхъ, нанимается репетиторъ, который долженъ сдѣлать все, что только можетъ сдѣлать здѣсь посторонній человѣкъ; еслибы возможно было, такіе родители, кажется, сами выучили бы урокъ за своего любимца, сами бы за него ходили въ школу и отвѣчали наставнику; весь этотъ трудъ предоставляется самому ребенку единственно потому только, что здѣсь уже невозможно предложеніе услугъ родительской любви. По своей небрежности, разсѣянности ребенокъ не выучилъ урока; вмѣсто того, чтобы взыскать съ него строго, подвергнуть его наказанію, они ограничиваются легкимъ упрекомъ, потомъ придумываютъ какой-нибудь предлогъ къ его извиненію, даже иногда освобождаютъ его отъ необходимости идти въ классъ съ невыученнымъ урокомъ. Ребенокъ изорвалъ платье по своей небрежности, потерялъ необходимую вещь, напр. книгу, по своей разсѣянности не выслушалъ, что дано ему на урокъ; во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ такіе родители дѣйствуютъ наперекоръ благоразумію: благоразуміе требуетъ, чтобъ дитя испытало непріятныя послѣдствія своей разсѣянности, небрежности; пусть ему не дадутъ до извѣстнаго времени новаго и крѣпкаго платья, пусть оно само потрудится навести справки о томъ, какой данъ ему урокъ и пусть оно испытаетъ хоть разъ, съ какими затрудненіями соединено добываніе книги, когда она всѣмъ нужна; но родители какъ только узнаютъ, что баловень ихъ попалъ въ подобную непріятность, спѣшатъ къ нему на помощь и стараются поскорѣе избавить его отъ всякаго безпокойства и труда.

Столь же излишнюю внимательность, предупредительность обнаруживаютъ подобные родители и въ охраненіи своихъ дѣтей отъ всякаго ощущенія физической боли.

Ихъ стараются предохранить отъ всякаго даже малѣйшаго толчка, ушиба и потому устраняють отъ нихъ всё вещи, которыя могли бы причинить имъ рану, ушибъ, уколъ. Конечно неблагоразумно было бы со стороны родителей оставить свое дитя безъ всякаго надзора: по своей неопытности оно могло бы весьма легко попасть въ бѣду—или разбиться весьма опасно, или сломить себѣ ногу, вывихнуть руку и пр. и пр. Но съ другой стороны не хорошо, если родители впадаютъ въ противоположную крайность—въ чрезвычайно мелочную заботливость о дѣтяхъ, желающую предохранить ихъ отъ всякой даже незначительной физической боли и непріятности, которымъ дѣти въ раннемъ возрастѣ то и дѣло подвергаются. Терпя маленькій ущербъ или непріятность, дѣти пріобрѣтають значительный запасъ опытности, осторожности и рассудительности. Если дитя разъ упало черезъ порогъ, обрѣзалось ножомъ, уколосось вилкой, обожглось о свѣчку и т. п.,—черезъ это оно узнаётъ, что ему вредно и гдѣ угрожаетъ ему опасность, и получаетъ значительно сильное побужденіе—учиться обходить опасность, осторожнѣе обращаться съ извѣстными предметами, лучше пользоваться своими силами, размышлять о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій. Слѣдовательно тѣ родители, которые по излишней любви къ дѣтямъ, стараются предохранить ихъ отъ подобныхъ маленькихъ непріятностей, лишаютъ ихъ тѣмъ самымъ возможности пріобрѣтать необходимую опытность, осторожность,—побужденій дѣйствовать своими органами цѣлесообразно, соображать свои силы съ тѣмъ или другимъ положеніемъ и такимъ образомъ упражнять свои умственные способности,—развивать разсудокъ, сообразительность, находчивость.

Отъ этого слишкомъ нѣжнаго, заботливаго, предупредительнаго воспитанія происходятъ жалкія, весьма вредныя для дитяти послѣдствія. Такъ какъ родители почти постоянно были

покорными и предупредительными исполнителями всѣхъ его желаній, нуждъ и потребностей, были заботливыми охранителями его особы отъ всѣхъ непріятныхъ ощущеній, такъ что ребенку оставалось беззаботно и весело пользоваться плодами родительскихъ заботъ и попеченій, радоваться при удовлетвореніи своихъ потребностей, наслаждаться на пиру жизни; то естественно у него должны развиться тѣ свойства, которыя составляютъ характеристику легкомысленнаго человѣка: у него развивается *необдуманность и неразумительность*, которыя обнаружатся въ его дѣйствіяхъ, какъ только ему придется сдѣлать хоть одинъ самостоятельный шагъ. Въ самомъ дѣлѣ какъ могъ образоваться изъ него человѣкъ разсудительный, когда онъ постоянно пользовался только уготованными удовольствіями, когда онъ и не подозрѣвалъ, какихъ думъ, заботъ стоило его родителямъ исполнять его желанія? Что заставитъ его быть предусмотрительнымъ, что побудитъ его проникать въ послѣдствія своихъ дѣйствій, когда въ немъ не утвердилась, да и не могла утвердиться память о томъ, что всякое наше дѣйствіе влечетъ за собою тѣ или другія послѣдствія, что разумныя, обдуманныя дѣйствія сопровождаются хорошими для насъ послѣдствіями, что напротивъ каждый необдуманный, глупый шагъ приноситъ вредъ какъ намъ самимъ, такъ и окружающимъ насъ лицамъ? Да еслибы онъ и помнилъ это и отъ души желалъ поступать разсудительно, то не въ состояніи былъ бы достигнуть этого: для того, чтобы дѣйствовать основательно, нужны пониманіе окружающихъ обстоятельствъ и опытность, которыя могли бы служить ему руководствомъ въ дѣятельности; но можетъ ли быть у него опытность, когда онъ привыкъ жить чужимъ умомъ и трудомъ? Въ ребенкѣ развивается *разстѣянность и забывчивость*. И неудивительно. Такъ какъ его пріучили наслаждаться только настоящимъ положеніемъ

безъ всякихъ думъ о томъ, какъ оно устроилось, безъ всякихъ помышленій о будущемъ, то впечатлѣнія и удовольствія настоящей минуты имѣютъ на него полное, увлекающее вліяніе; подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія онъ совсѣмъ забываетъ отомъ, на что онъ рѣшился прежде, и дѣйствуетъ совсѣмъ наперекоръ тому, какъ и что хотѣлъ дѣлать прежде. вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ развивается *безусловная готовность даже на такія дѣла или предпріятія, которыя далеко превосходятъ его силы*. Подобное свойство характера—естественный результатъ упомянутаго воспитанія. Случается, что тѣ или другія дѣла и предпріятія, особенно если они искусно и легко совершаются людьми опытными въ нихъ, намъ кажутся легкими и простыми: быстрота и легкость ихъ исполненія иногда вводитъ насъ въ обманъ; кажется, что и мы, не имѣя опытности въ этихъ дѣлахъ, легко можемъ исполнить ихъ, лишь только стоитъ намъ приняться за нихъ. Въ подобномъ самообольщеніи чаще, чѣмъ кто-нибудь, можетъ находиться тотъ, кто съ ранняго возраста былъ избалованъ излишнимъ вниманіемъ, услужливостію своихъ воспитателей и потому мало имѣлъ случаевъ и побужденій къ упражненію своихъ силъ и способностей, слѣдовательно мало имѣлъ возможности оцѣнить ихъ свойство и мѣру. Потому неудивительно, что если онъ и понимаетъ, что извѣстное дѣло и предпріятіе соединено съ значительными трудностями, то онъ почти всегда воображаетъ, что у него слишкомъ достаточно силъ для преодоленія этихъ трудностей. Но на самомъ дѣлѣ по большей части бываетъ наоборотъ, и легкомысленный часто терпитъ постыдныя неудачи въ своихъ предпріятіяхъ. Наконецъ упомянутое воспитаніе доводитъ до безпорядочности и небрежности въ жизни, во всѣхъ словахъ и дѣлахъ. Рѣдко, но случается, что оно дѣлаетъ человека ребенкомъ на всю жизнь во многихъ отношеніяхъ. Достигаетъ.

человѣкъ зрѣлаго возраста, но не умѣеть — стыдно сказать — самъ безъ посторонней помощи одѣться, обуться и исполнить того, что такъ легко и проворно исполняютъ семилѣтнія дѣти. Такой человѣкъ во всю жизнь нуждаться будетъ въ нянькѣ, опекѣ, въ постороннемъ надзорѣ.

Если крайняя заботливость о дѣтяхъ ведетъ ихъ къ легкомыслию; то къ тому же результату можетъ приводить ихъ противоположная крайность въ поведеніи родителей — именно безопасность ихъ какъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ и по отношенію къ службѣ, къ своему хозяйству. Къ несчастію безопасность родителей — явленіе вовсе нерѣдкое въ жизни многихъ семействъ. Въ такихъ семействахъ всякое дѣло, требующее осмотрительности, труда, настойчиваго терпѣнія, разсматривается какъ тяжелое бремя, невыносимое иго; его стараются обойти, отложить какъ можно на дальнѣйшій срокъ, сдать его, если можно, на чужія руки; не только откладываютъ исполненіе его день ото дня, но и мысль о немъ гонятъ изъ своей головы; въ настоящемъ у нихъ всегда бываетъ множество препятствій къ немедленному исполненію своего дѣла — и посѣщеніе гостей, и недоброе расположеніе духа, и легкое нездоровье, — всѣ эти и подобныя ничтожныя затрудненія для беззаботныхъ людей бываютъ непреодолимыми препятствіями къ немедленному исполненію дѣла, тогда какъ слѣдующій день, будущая недѣля и другой болѣе или менѣе отдаленный срокъ представляются воображенію такихъ людей временемъ самымъ удобнымъ, свободнымъ отъ всякихъ препятствій для ихъ дѣятельности. Но конечно на самомъ дѣлѣ этого по большей части не бываетъ. Приходитъ слѣдующій день, наступаетъ будущая недѣля и приносятъ съ собою еще больше препятствій и мнимыхъ и дѣйствительныхъ, и дѣло снова откладывается на неопредѣленный срокъ. А какъ много семействъ, гдѣ развлеченія, удовольствія свѣта наполняютъ

большую часть жизни, а исполненію главныхъ и неотложныхъ обязанностей посвящается незначительная доля времени, вниманія и труда! Въ нашихъ семействахъ страсть къ развлеченіямъ и удовольствіямъ такъ сильна, что ради нея забываютъ всякое серьезное дѣло, всякую обязанность по службѣ, по дому, въ надеждѣ, что все это устроится *какъ нибудь и когда нибудь* при удобномъ случаѣ, при помощи добрыхъ людей, или при помощи подчиненныхъ и наемныхъ рукъ. Отъ того и бываетъ, что дѣла начальниковъ исполняютъ ихъ подчиненные, дѣлами имѣній и дома завѣдуетъ исключительно управляющій, а сами хозяева освобождаютъ себя отъ всѣхъ заботъ по управленію своимъ имуществомъ, не хотятъ вникнуть въ подробности своего хозяйства, узнать свои доходы и расходы и живутъ нисколько не думая о томъ, соотвѣтствуетъ ли ихъ жизнь ихъ средствамъ. Отъ того часто случается, что преданные разбѣянной жизни хозяева поздне всѣхъ даже постороннихъ людей узнаютъ о разстройствѣ своего имущества, о безпорядкахъ своего хозяйства,— начальники—о крайней запутанности дѣлъ, ввѣренныхъ ихъ управленію. Въ такихъ семействахъ и воспитаніе дѣтей находится въ крайнемъ пренебреженіи. Конечно и такимъ семействамъ присуще сознаніе обязанности дать дѣтямъ приличное воспитаніе и образованіе; но важность этой обязанности сознается слишкомъ слабо и отъ того обязанность эта считается исполненною, если для дѣтей наняты гувернеръ и учителя, или если дѣти ихъ ходятъ въ школу, или отданы въ то или другое учебное заведеніе. А какъ ведутъ себя ихъ дѣти въ школѣ по отношенію къ товарищамъ и наставникамъ, какъ они готовятся къ классу, какіе оказываютъ успѣхи въ наукахъ, о томъ и не думаютъ навести справки. Мало того: такимъ родителямъ бываетъ непріятно, если добросовѣстный гувернеръ или учитель обратятъ ихъ вниманіе на дурное

поведеніе или неисправность ихъ дѣтей и посовѣтуютъ употребить строгія мѣры для ихъ исправленія: такимъ родителямъ скучно слушать о такихъ ничтожныхъ предметахъ, какъ шалости и неисправность дѣтей, и заниматься ими и потому они ограничиваются только легкимъ и равнодушнымъ выговоромъ своимъ дѣтямъ, которымъ изъ тона родительскаго обличенія ясно, что оно дѣлается только для формы, для утѣшенія гувернера или учителя: нельзя же дѣтямъ сказать прямо, что они по прежнему могутъ быть грубы, неисправны. Кромѣ того безпечные родители и потому иногда не могутъ быть строгими и взыскательными къ своимъ дѣтямъ, что сами сознаютъ себя виновными въ неисправности своихъ дѣтей: время, необходимое для занятія дѣломъ, дѣти провели вмѣстѣ съ своими родителями или у знакомыхъ, или на гуляньѣ, или занимая и развлекая такихъ же, какъ они, праздныхъ сверстниковъ. Въ такихъ семействахъ дѣтямъ никто не напомнитъ объ ихъ прямой обязанности прежде исправно приготовиться къ классу, а потомъ уже оставшимся свободнымъ временемъ воспользоваться, если угодно, для игръ и развлеченій, свойственныхъ дѣтскому возрасту; никто не обратитъ вниманія на то, что имъ дано на урокъ и какъ они приготовились къ классу; и отъ того дѣти по своей разсѣянности шалаятъ и рѣзвятся съ утра до поздней ночи, забываютъ о своемъ урокѣ и вспоминаютъ о немъ тогда, когда останется слишкомъ мало времени для исправнаго его приготовления.

Нетрудно понять, какъ отразится на дѣтяхъ вліяніе подобной семейной жизни. Если родители исполняютъ свои дѣла съ небрежностью, любятъ откладывать ихъ на неопредѣленный срокъ, не выказываютъ стремленія къ быстрому исполненію ихъ несмотря на встрѣчающіяся препятствія, напротивъ подають соблазнительный примѣръ уступчиво-

сти предъ всякимъ даже ничтожнымъ препятствіемъ, имѣють привычку дѣлать дѣло какъ нибудь и когда нибудь; если дѣла, касающіяся ихъ лично и непосредственно, стараются отбывать чрезъ постороннія и наемныя руки; если въ жизни хотятъ пользоваться только удовольствіями, а въ трудахъ и заботахъ не желаютъ принимать ни малѣйшаго участія; если наконецъ съ небрежностью относятся къ великому дѣлу воспитанія своихъ дѣтей: то удивительно ли, что и дѣти ихъ пріобрѣтутъ тѣже привычки, склонности и возрѣнія на жизнь и сдѣлаются людьми легкомысленными? Дѣти по самой свойственной имъ возрасту живости и впечатлительности склонны къ легкомыслію, разсѣянности, склонны руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ только настоящими впечатлѣніями и желаніями. Если взрослые не надзирають за ними, не пріучають ихъ помнить объ испытанныхъ ими неудачахъ и не представляютъ имъ взору вредныхъ послѣдствій разсѣяннаго ихъ поведенія; если въ добавокъ ко всему сами подають имъ примѣръ легкомысленной и разсѣянной жизни, то навѣрное можно сказать, что легкомысліе, свойственное дѣтскому возрасту, будетъ составлять отличительную черту ихъ характера и въ лѣта зрѣлости.

Наконецъ развитію легкомыслія могутъ благопріятствовать рассказы, которыми няньки, прислуга и даже родители стараются занять дитя и въ которыхъ только и повѣствуется что о будущемъ его счастіи: ему рассказываютъ о безчисленныхъ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, ожидающихъ его въ жизни, о великомъ богатствѣ, которымъ оно будетъ обладать, о почестяхъ и славѣ, которыми оно будетъ окружено, о великомъ удовольствіи и радости, съ которыми будутъ повсюду встрѣчать его и т. п. Словомъ: всѣ эти рассказы развивають ту мысль, что въ жизни ожидаютъ чѣловѣка только радости и удовольствія, что міръ есть великій храмъ

наслажденій. Благодаря такимъ разсказамъ душа ребенка наполняется только пріятными образами, воображеніе его, и безъ того живое, воспламеняется и наполняется мечтами объ удовольствіяхъ; у него рождается мысль, что жизнь не подвигъ для достиженія высшихъ цѣлей, а погоня за наслажденіями и удовольствіями, образуется крайне веселый и легкій взглядъ на все, который на послѣдокъ можетъ привести чело-вѣка къ крайнему нравственному разслабленію и къ унынію при встрѣчѣ съ суровою дѣйствительностію.

Къ развитію легкомыслія могутъ приводить также разсказы дѣтямъ о чародѣяхъ, волшебникахъ, волшебницахъ, невидимо покровительствующихъ людямъ, устрояющихъ ихъ дѣла, предохраняющихъ ихъ отъ несчастій, награждающихъ своихъ любимцевъ великимъ богатствомъ и счастіемъ, разсказы о разныхъ вещахъ и талисманахъ, обладающихъ чудесной силой мгновенно доставлять все, что только пожелается чело-вѣку. Если подобные разсказы повторяются часто, то могутъ располагать дѣтей къ фальшивому представленію, что дѣла людей могутъ устроиться сами собой, безъ ихъ усилій и заботъ, благодаря невидимому содѣйствію такихъ чудесныхъ силъ, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, — могутъ развить и утвердить въ нихъ склонность дѣйствовать на удачу, на авось, слѣпо полагаться на свое счастье, отдаваться теченію обстоятельствъ; а все это мѣшаетъ развитію въ нихъ привычки дѣйствовать обдуманно, принимать въ расчетъ различныя обстоятельства и условія жизни и пользуясь ими, достигать своихъ цѣлей.

Едва ли можно указать другой нравственный недостатокъ, который отличался бы такою же измѣнчивостію и неостоянствомъ въ своемъ обнаруженіи, какими отличается легкомысліе. Не только въ различныхъ людяхъ, при различныхъ условіяхъ и отношеніяхъ, но и въ одномъ и томъ же чело-

вѣкъ, въ различныя времена оно принимаетъ различную физиономію; горькое и сладкое исходитъ здѣсь изъ одного источника. Легкомысленный то по капризу отказываетъ въ милостынѣ; то подѣ вліяніемъ минуты щедро раздаетъ ее, даже иногда слишкомъ щедро, нисколько не обращая вниманія на свои собственныя нужды и потребности, не сообразуясь съ своими средствами; подѣ вліяніемъ минутнаго раздраженія онъ доходитъ до звѣрской жестокости въ обращеніи съ другими, а въ другое время бываетъ уступчивъ до крайней слабости. При этомъ часто случается, что легкомысленные люди отличаются рѣдкими у другихъ услужливостью, благотворительностію и миролюбіемъ и тѣмъ заставляютъ другихъ благосклонно и снисходительно судить о себѣ. Оттого нерѣдко даже случается, что этотъ нравственный недостатокъ на первый взглядъ представляется намъ привлекательнымъ добродушіемъ. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ такими людьми конечно скоро приходится исправить ошибку своего сужденія о нихъ: необдуманность, вѣтренность, невнимательность, забывчивость, безпорядочность въ жизни и по преимуществу ихъ измѣнчивость не замедлятъ открыться предъ нами во всемъ ихъ непривлекательномъ видѣ. Легкомысленное дитя пачкаетъ и рветъ свою одежду, разбиваетъ, теряетъ свои вещи, ранитъ само себя, постоянно мѣняетъ свои игры, не обращаетъ вниманія на предостереженія, забываетъ наказанія, бросаетъ на вѣтеръ всякое наставленіе и портится отъ своей привязанности къ удовольствіямъ и многочисленнымъ развлеченіямъ. Легкомысленный мальчикъ и юноша разстроиваетъ свое здоровье всевозможными развлеченіями и разсѣянностію, ослабляетъ свой умъ, тратитъ время своего образованія, словомъ: губитъ свои силы въ зародышѣ. Легкомысленный мужъ играетъ, пьетъ, нерадивъ къ своему дѣлу, къ своей должности и наконецъ подвергаетъ

безчисленнымъ бѣдствіямъ и себясамого и свою жену и своихъ дѣтей. Никто такъ не жалокъ, никто такъ не достоинъ самаго искренняго участія и состраданія, какъ тотъ человекъ, который свою жизнь проводитъ среди постоянныхъ мученій раскаянія, самообвиненія, борьбы съ самимъ собою, не обладая достаточнымъ запасомъ силъ для осуществленія хоть одного изъ многихъ своихъ стремленій къ лучшей жизни, виѣшнимъ и внутреннимъ образомъ падаетъ все глубже и глубже и наконецъ унижается до такой степени, что нельзя уже больше назвать его легкомысленнымъ: или имъ овладѣваетъ какая нибудь преступная страсть, или же нравственная слабость и бѣдность превращаются въ совершенное безсиліе, пустоту и совершенную тупость къ нравственнымъ воздѣйствіямъ; у него замѣчается значительный недостатокъ стыда и чувства чести; еще шагъ впередъ, и онъ легко можетъ превратиться въ безчестнаго и безвозвратно погибшаго человека. Если для смягченія этого мрачнаго образа указываютъ на то, что легкомыслію не свойственно намѣренное стремленіе къ злу, или въ немъ нѣтъ злобы въ собственномъ смыслѣ; то съ другой стороны всѣ педагоги опытомъ дозволяли, что ихъ легкомысленные воспитанники при извѣстныхъ обстоятельствахъ легко могутъ совершить и въ собственномъ смыслѣ злое дѣло и даже могутъ иногда поразить жестокостью преступленія. Въ объясненіе этого достаточно сказать, что они никогда не владѣютъ собою.

Чѣмъ и какъ можно предупредить и остановить въ дѣтяхъ развитіе легкомыслія, это уже отчасти можно видѣть изъ того, что нами сказано объ условіяхъ, благопріятствующихъ развитію его въ дѣтяхъ. Пусть родители не дѣлаютъ изъ своего дѣтища идола себѣ, которому они приносятъ въ жертву всю свою любовь, внимательность, трудъ,—которому они безъ устали служатъ и угождаютъ; пусть они не забы-

вають, что не можетъ же ихъ дитя весь вѣкъ свой прожить подъ ихъ охраной и опекой, что для него наступитъ время самостоятельной и независимой жизни, что потому нужно готовить его къ ней, давая ему возможность упражнять свои силы, развивать способность дѣйствовать благоразумно, разсудительно, обходиться безъ посторонней помощи. Если въ дитяти замѣчается легкомысліе, то весьма полезно бываетъ допустить, чтобъ дитя само испытало вредныя и непріятныя послѣдствія, происходящія отъ легкомыслія. Если напр. дитя по разсѣянности испачкало одежду, то пусть оно лишится прогулки, свиданія съ товарищами; если разбило тарелку, то пусть оно получитъ свое кушанье гораздо позже обыкновеннаго; если оно съ жадностью бросится на кушанье и готово глотать его горячимъ, то для вразумленія его полезно позволить ему это: получивши обжогъ, оно будетъ впослѣдствіи осторожнѣе и благоразумнѣе. Чтобъ научить дитя осторожно обращаться съ ножомъ, вилокъ, ножницами и другими острыми инструментами, полезно допустить, чтобъ оно подъ надзоромъ родителей слегка ранило себя ими. Не велика бѣда, если легкомысленный ребенокъ сильно ушибъ себѣ голову, поранилъ руки, — сокрушаться объ этомъ много не слѣдуетъ: ничто въ жизни не дается даромъ, и цѣною такихъ непріятностей дитя пріобрѣтаетъ осторожность и разсудительность. Для развитія же и укрѣпленія въ дитяти внимательности, по совѣту опытныхъ воспитателей, надобно поручать ему совершеніе такихъ дѣлъ, гдѣ требуется отъ него особенная осмотрительность, внимательность; полезно напр. заставить его срывать такіе цвѣты или плоды, которые растутъ между тернами, — переносить такія вещи, которыя очень вѣжны и хрупки, а между тѣмъ для него очень цѣнны, и т. п. Меньше всего приносятъ пользы легкомысленнымъ дѣтямъ обличенія и увѣщанія: вслѣдствіе именно своего легкомыслія

они неспособны бывать обратить на них надлежащаго вниманія; чѣмъ продолжительнѣе бываютъ эти увѣщанія и обличенія, тѣмъ вреднѣе они для легкомысленныхъ дѣтей, потому что они развиваютъ въ нихъ привычку выслушивать увѣщанія воспитателя безъ смысла и вниманія. Пусть родители и воспитатели *самихъ* дѣтей заставляютъ какъ можно больше дѣлать и думать и не стоятъ около нихъ постоянно на стражѣ съ своею помощью, совѣтами, предостереженіями. Пусть взрослые дѣти постоянно привлекаются къ участию во всѣхъ важныхъ семейныхъ происшествіяхъ; болѣзни, смертные случаи, потеря состоянія и другія подобныя несчастія и огорченія не должны быть чуждыми для нихъ; пусть они мыслію и сердцемъ участвуютъ въ нихъ, помогаютъ, чѣмъ могутъ, своимъ родителямъ переносить тяжелыя невзгоды жизни и такимъ образомъ мало по мало приучаются къ суровой школѣ жизни и усвояютъ приличный ей образъ мыслей и чувствъ. Но приличный такимъ обстоятельствамъ образъ мыслей и чувствъ состоитъ конечно не въ малодушныхъ жалобахъ и плачѣ, отъ чего скорбь одного увеличивается скорбію другаго, — и еще менѣе во взаимныхъ упрекахъ и жалобахъ, но въ исполненной любви и мужества поддержкѣ, оказываемой членами семьи другъ другу во время семейныхъ несчастій. Пусть сами родители подаютъ своимъ дѣтямъ примѣръ разсудительности, осмотрительности, строгаго исполненія своихъ обязанностей; пусть вся жизнь ихъ служитъ яснымъ доказательствомъ того, что строгое и честное исполненіе своего дѣла занимаетъ ихъ мысль прежде всего и больше всего. Пусть они и въ дѣтяхъ своихъ стараются развить и укрѣпить тотъ же образъ мыслей и чувствъ и требуютъ отъ нихъ внимательнаго и неопустительнаго исполненія своего долга. А для достиженія этой цѣли, давая своимъ дѣтямъ возможную долю самостоятельности и свободы въ дѣй-

ствіяхъ, тутъ постоянно и зорко слѣдятъ за всѣмъ ихъ поведеніемъ. Дѣти по живости и впечатлительности своей склонны увлекаться, забывать о своемъ дѣлѣ; для нихъ необходимо что нибудь сдерживающее ихъ мысли отъ разсѣянiя. Такой сдерживающей силой и можетъ быть мысль о постоянномъ, неусыпномъ надзорѣ родителей за всѣмъ ихъ поведеніемъ, — мысль, внушенная имъ дѣйствительнымъ неусыпнымъ надзоромъ за ними.

Тамъ, гдѣ легкомысліе значительно развилось, иногда лучшимъ средствомъ противъ него служитъ «горькій опытъ и школа жизни». Если ни наставленія, ни увѣщанія, ни строгій надзоръ, ни даже строгая взыскательность не оказываютъ вліянія на легкомысленнаго юношу, не удерживаютъ его отъ разсѣянной жизни: родители или воспитатели, не теряя его изъ виду, могутъ дать ему полную свободу въ той надеждѣ, что несчастія, страданія въ томъ или другомъ видѣ не замедлятъ познакомиться съ нимъ и своими суровыми уроками образумятъ его и приведутъ къ убѣжденію, что главная причина его страданій въ его легкомысленной жизни и что, если онъ хочетъ избавиться отъ нихъ, то непременно долженъ измѣнить свой образъ жизни. Что суровая школа жизни можетъ иногда приводить къ такимъ желаннымъ результатамъ, это подтверждаетъ св. Писаніе въ притчѣ о блудномъ сынѣ (Лук. 15). Если же несчастія и страданія и не приводятъ прямо къ этимъ послѣдствіямъ, то почти всегда готовятъ путь къ нимъ, возбуждая въ легкомысленномъ больше вниманія къ словамъ родительскаго обличенія и вразумленія.

П. К.

(Продолженіе будетъ).

О ПОКАЯНІИ.

ТРИ ПОУЧЕНІЯ ПОКОЙНАГО ПРОТОІЕРЕЯ ИПОПОЛИТА
МИХАЙЛОВИЧА БОГОСЛОВСКАГО-ПЛАТОНОВА ^(а).

Поученіе 1-е.

Покаяніа отверзи ми двери, Жизнодавче.

Уже неоднократно слухъ нашъ оглашался сею покаянною молитвою: но шумъ мірскихъ забавъ, съ такимъ напряженіемъ усиливаемый предъ временемъ поста и покаянія, не допускалъ сихъ святыхъ звуковъ у нѣкоторыхъ до сердца, у другихъ, можетъ быть, даже и до слуха. Теперь, когда этотъ зловредный шумъ смолкъ хоть не надолго, и Церковь не перестаетъ повторять свой умиленный призывъ къ покаянію; когда съ одной стороны благочестивый примѣръ нѣкоторыхъ братій нашихъ, уже отверзшихъ свои сердца предъ Господомъ и очищенныхъ Его благодатію, съ другой стороны сознаніе христіанскаго долга, хотя, можетъ быть темное и холодное, располагають каждого очистить совѣсть покаяніемъ, —

(а) И. М. Богословскій-Платоновъ, протоіерей Московской Троицкой на Арбатѣ церкви, скончавшійся въ декабрь 1870 года, оставилъ по себѣ память отличнаго академическаго преподавателя, законоучителя, благоговѣйнаго священнослужителя, благолѣпіемъ служенія привлекавшаго въ свою церковь многочисленныхъ богомольцевъ, опытнаго духовника, проповѣдника, знатока церковной музыки, общественнаго дѣятеля. Его глубокомысленныя и близкія къ жизни проповѣди неразвѣ помѣщаются въ Душев. Чтеніи.

теперь по крайнѣй мѣрѣ да не останутся закрытыми для насъ двери покаянія! Что это за двери, братія? Двери ли милосердія Божія? Такъ. Къ чему иному обратится грѣшникъ, какъ не къ безприкладному милосердію Божію, которое одно можетъ покрыть безчисленные грѣхи его? Будемъ же умолять Премилосердаго о прощеніи. Его отеческое сердце легко раскрывается для кающагося, всегда готово умиротворить сокрушенную душу. Къ сожалѣнію не такъ легко отверзаются для покаянія двери собственнаго нашего сердца. Господь стоитъ при дверяхъ его и ударяетъ, возбуждая къ покаянію; но оно часто остается заключеннымъ, отзываясь холоднымъ, только наружнымъ исполненіемъ долга, или даже вовсе не отзываясь.

Что же приводитъ душу въ такое безчувственное состояніе? Есть въ грѣхѣ двоякій ядъ: одинъ поражаетъ душу временною, обманчивою сладостію, за которую слѣдуетъ разстройство душевныхъ силъ; другой, еще опаснѣйшій, дѣлаетъ ее нечувствительною къ своему состоянію. Такимъ образомъ, самый грѣхъ, который долженъ быть предметомъ покаянія и побужденіемъ къ нему, можетъ быть и причиною нераскаянности. Въ предстоящихъ благочестивыхъ собраніяхъ нашихъ, слушатели, обратимъ вниманіе на тѣ опасныя состоянія души, въ которыхъ она дѣлается нечувствительною къ своей грѣховности.

Душа человѣческая способна до того огрубѣть въ грѣхахъ, что никакая сила не можетъ потрясти ее и вывести изъ безчувственности, изъ того жалкаго состоянія невѣрія и упорства, когда на помощь развращенному сердцу приходятъ живыя умышленія, которыми извращаются понятія разума до того, что онъ не хочетъ видѣть очевиднѣйшихъ свидѣтельствъ истины; когда по устраненіи всякой мысли о Богѣ и вѣчности, о душѣ и ея истинномъ назначеніи, всякое чувство и желаніе добра погребено бываетъ подъ тяжестью холоднаго

самолюбія и необузданныхъ страстей. Трудно было бы повѣрить, что земля можетъ носить такихъ ожесточенныхъ грѣшниковъ, еслибы въ исторіи беззаконій рода человѣческаго не сохранились мрачныя свидѣтельства о существованіи ихъ. Самъ Богъ обличалъ Каина и призывалъ къ покаянію, но братоубійца не отозвался на голосъ милосердія Божія и мрачную тайну преступленія схоронилъ въ душѣ своей. Страшною гибелью грозилъ людямъ проповѣдникъ покаянія во дни потопа; но его проповѣдь встрѣчала только невѣріе и посмѣяніе. Ни кроткія вразумленія, ни грозныя обличенія Спасителя не тронули ослѣпленныхъ страстями книжниковъ и фарисеевъ, и въ ожесточенныхъ сердцахъ зрѣла тайна преступнаго Богоубійства. «Одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша и очи свои смѣжиша, да некогда узрятъ очима и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся и исцѣлю ихъ» (Мѡ. 13, 15). Такъ говорилъ Господь о сихъ живыхъ мертвецахъ. Притупленному страстями чувству недоступны тихія внушенія природы и совѣсти; самыя ясныя уроки Провидѣнія, совершающіеся въ судьбахъ людей и народовъ, такіе люди или не хотятъ видѣть, или толкуютъ превратно, по внушенію своего развращеннаго сердца; самыя поразительныя явленія милости и даже гнѣва Божія не имѣютъ надъ ними силы. «Билъ еси Господи», говоритъ о нихъ пророкъ, «и не поболѣша, сокрушилъ еси ихъ, и не восхотѣша пріяти наказанія: ожесточила лица своя паче камене, и не восхотѣша обратитися. Еда о сихъ не посѣщу; рече Господь: или языку сицевому не мститъ душа моя» (Іерем. 5, 3, 9). И страшно сіе послѣднее посѣщеніе Божіе! Страшно заживо такъ умереть, что на землѣ уже не находится средства къ обращенію! Страшна вѣчность для ожесточеннаго сердца! Если и между нами, братія, есть люди, въ которыхъ даже и сіи святые дни, покаян-

ная молитва Церкви не пробуждаетъ умиленія, — помолимся за нихъ Жизнодавцу, да отверзетъ имъ дверь покаянія, ими же вѣсть судьбами. Но обратимся и къ себѣ, слушатели. Если не всегда и во всемъ заключились для покаянія сердца наши, по крайней мѣрѣ пусть каждый спроситъ свою совѣсть, нѣтъ ли въ немъ такого грѣха, который онъ полюбилъ до того, что даже не въ силахъ отказаться отъ него въ самую минуту покаянія, — такой страсти, которой преданъ до того, что самое опасное служеніе ей уже перестаетъ тревожить его. Страшисъ такого состоянія, христіанинъ! Одна такая язва можетъ заразить всю душу и сдѣлать ее нечувствительною ко всѣмъ паденіямъ. «Тогда болѣе всего страшитесь, говоритъ св. Златоустъ, когда не чувствуете угрызевія совѣсти. Доколѣ есть въ больной части тѣла чувство боли, надежда исцѣленія не потеряна; но когда она до того поражена болѣзнью, что уже нѣтъ въ ней ни чувства, ни движенія, всему тѣлу угрожаетъ вѣрная смерть». Тоже бываетъ и съ душею человѣка. Это ли назвать покаяніемъ, когда приступаютъ къ нему холодно и небрежно, какъ къ обычному обряду? когда самыя постыдныя дѣла обнаруживаются спокойно, безъ боли сердечной потому, что привыкли къ нимъ, и они сдѣлались общими и легкими въ глазахъ міра? когда не столько обвиняютъ себя, сколько спѣшатъ извиниться слабостію и примѣромъ другихъ? когда даже въ сіи страшныя минуты предъ очами Всевидящаго Судіи не ужасаетъ душу гнѣвъ Божій на грѣшника, оскорбляющаго Его величіе, не трогаютъ и страданія Спасителя за нее, не сокрушаетъ ее множество зла, которое принесли другимъ дѣла ея, вѣдомаго и невѣдомаго, не смущаетъ ее мысль о будущемъ; о вѣчности, которая можетъ быть тѣмъ ближе къ ней, чѣмъ далѣе отдаляетъ она отъ себя сію мысль? Не думай, что можно спокойно грѣшить. Можно только насильственно успокоивать

свою совѣсть, и этотъ покой, дѣлающійся привычнымъ, есть преддверіе вѣчной смерти; тогда весь ядъ грѣха, сосредоточенный въ сердцѣ, производитъ въ немъ внутреннее гніевіе, которое рано или поздно должно раскрыться страшными нескончаемыми муками.

Да не постигнетъ насъ сія неизцѣльная язва души. Немного дней предстоитъ намъ употребить на трудный подвигъ покаянія; но чѣмъ менѣе времени, тѣмъ болѣе покажемъ усердія. Бывали случаи, хотя очень рѣдкіе, что и въ одинъ часъ грѣшники совершали всецѣлое, дѣйствительнѣйшее покаяніе: таково было покаяніе разбойника, въ которомъ душевная скорбь о грѣхахъ преоблѣдала чувство крестныхъ мученій. Если мы не можемъ возвыситься до такой крѣпости духа, по крайней мѣрѣ постараемся воспользоваться нѣсколькими предлагающимися намъ днями покаянія. Для сего Церковь отверзаетъ намъ все сокровища своихъ духовныхъ наставленій, молитвъ, пѣснопѣній и священнодѣйствій, Будемъ же внимательны къ ея материнскимъ урокамъ, неопустительно посѣщая храмъ Божій; и за стѣнами храма да умолкнетъ въ сіе святое время говоръ пустыхъ и вредныхъ бесѣдъ, шумъ забавъ и развлеченій; да разсѣется туча праздныхъ мыслей объ удовольствіяхъ и повседневныхъ заботъ, которыя толпятся въ ней и не даютъ взглянуть внутрь себя. Уединясь въ самого себя, пусть каждый приведетъ на память дѣла свои, повѣритъ свои расположенія и всю жизнь съ закономъ Божиимъ, чтобы предстать предъ Господа съ яснымъ сознаніемъ своихъ грѣховъ и съ глубокимъ сокрушеніемъ о нихъ. Аминь.

Поученіе 2-е.

Покаяніе отверзи ми двери, Жизнодавец!

Время покаянія сокращается, братіе! А мы вступили ли по крайней мѣрѣ въ сей трудный подвигъ? Воспользовались

ли священной тишиной протекшихъ дней, чтобы войти въ себя и ближе разсмотрѣть свою душу и свою жизнь? Правда, тяжела эта духовная бѣда съ собой, особенно для того, кто привыкъ къ непрестанной смѣнѣ лицъ и впечатлѣній, къ празднои игрѣ словами, понятіями, убѣжденіями; встрѣтиться лицомъ къ лицу съ своимъ внутреннемъ безобразіемъ горько для насъ, привыкшихъ красоваться передъ собою и передъ людьми. Что почувствуетъ каждый изъ насъ, братіе, когда, пробудившись отъ духовнаго усыпленія, разорвавъ завѣсу ложныхъ извиненій, сотканную самолюбіемъ, всмотрится въ свою душу, исполненную слабостей, страстей и студныхъ дѣяній? Ужасаюсь, видя, какъ выступаютъ передо мною эти мрачные образы, одинъ другаго страшнѣе и отвратительнѣе. Какое множество зла въ одномъ гниломъ словѣ, въ одномъ даже необдуманномъ только проступкѣ! А сколько такихъ словъ! Сколько темныхъ дѣлъ совершенныхъ намѣренно или по небрежности! Обращаю смущенный взоръ къ протекшему времени жизни, и вотъ дни и цѣлыя годы погублены въ праздности, въ пустыхъ занятіяхъ, въ низкомъ служеніи страстямъ: а какъ много добраго истинно, полезнаго можно было сдѣлать въ это время! Съ чѣмъ сравню я чувство боли, отъ душевныхъ ранъ, когда самоиспытующая совѣсть срываетъ съ нихъ повязку, умощенную безпечностію и обманчивою слабостію грѣха? А когда видишь, что такими ранами изъязвлено все существо души, такъ что «отъ ногъ даже до главы, по выраженію пророка, вѣсть въ немъ цѣлости, то струпь, то язва, то рана палящая; вѣсть пластыря приложить, ниже елея, ниже обязанія». (Ис. 1, 6); когда замѣчаешь, что грѣшныя склонности пустили уже въ сердце слишкомъ глубокіе корни, такъ что и оставшія еще въ душѣ не многія добрыя расположенія заражаются примѣсью нечистыхъ побужденій и самоуслажденія; когда всмотришься

такимъ образомъ въ свою духовную нищету и безсиліе, сколько должно перечувствовать скорби, стыда, страха и обращенія къ себѣ! Погруженный въ грѣхахъ, чего могу я ждать, какъ не вѣчной казни? Чѣмъ покрою свое душевное безобразіе, когда оно должно будетъ открыться предъ всѣми на судъ Божию? Съ возрастающей силой грѣха и безсиліемъ воли—чего могу я ожидать въ будущемъ, въ вѣчности, какъ не совершенной гибели? Какъ подняться изъ этой бездонной пропасти, въ которую болѣе и болѣе повергаю себя непрестающимъ служеніемъ грѣху? Таково горнило скорбныхъ мыслей и чувствъ, въ которое необходимо вступаетъ душа, желающая очипенія. Таково начало покаянія, но только еще начало, а не совершеніе. Оставшись съ страшными образами своихъ пороковъ, съ однимъ только чувствомъ собственного безсилія, можно придти къ унынію и отчаянію, а не къ спасительному покаянію. И дѣйствительно: увидѣвъ себя въ мрачной безднѣ грѣха и безсилія, душа поражается ужасомъ; и если сквозь этотъ мракъ не просіяваетъ вѣра въ милосердіе Божіе, то самое сознаніе безмѣрной тяжести грѣховъ можетъ заглушить въ ней послѣднюю искру добра, всякое движеніе къ обращенію, — и тогда муки совѣсти разрѣшаются не воплемъ къ Богу о помилованіи, но нѣмымъ и мертвымъ стономъ отчаянія. Кто привыкъ довѣрять только себѣ, полагаться только на собственныя силы, безъ вѣры въ помощь высшую, тому страшно увѣряться въ своемъ развращеніи и безсиліи: съ горькимъ чувствомъ пораженнаго самолюбія видитъ онъ навсегда разрушенный покой души, доселѣ безпечной, отуманенной страстями и ложнымъ мнѣніемъ о себѣ; безотрадною является предъ нимъ будущая жизнь, исполненная угрызеній совѣсти. Тогда замираетъ въ душѣ всякое чувство кромѣ страха, который напрасно усиливается грѣшникъ подавить въ себѣ необузданно предаваясь новымъ тягчай-

шимъ преступленіямъ: неотразимый какъ тѣнь слѣдуетъ за нимъ страшный образъ его грѣховности, всюду угрожая опасностію, казнию. «Велико преступленіе мое и непростительное», вопіетъ обличенный братоубійца, «и будетъ всякъ обрѣтаый мя убіетъ мя» (Быт. 4, 14), и съ этимъ страхомъ въ душѣ, стѣня и трясейся доживаетъ въ грѣхахъ бѣдственную жизнь свою. «Согрѣшихъ, предахъ кровь неповинную» (Матѣ. 27, 4), исповѣдуются предъ незаконнымъ сонмищемъ, пораженный невѣдомымъ страхомъ, предатель, и страшнымъ путемъ самоубійства стремится въ бездну ада. Такіе примѣры слишкомъ ужасны, подумаетъ ктонибудь, и по самой чрезмѣрности грѣха чужды обыкновенному теченію нашей жизни. Такъ, но вполне ли чуждо намъ то чувство, которое приводитъ человѣка къ этой страшной гибели? Развѣ невозможнымъ считаешь въ своей душѣ такое раскрытіе совѣсти, что возстанутъ одишь за другимъ образы темныхъ дѣлъ, возчувствуется сила грѣшныхъ привязанностей и немощь воли, снадетъ съ духовныхъ очей обманчивая завѣса самолюбія и обнажится душа, полная нечистоты, безсильная, погибающая? Ты не находишь своего душевнаго состоянія вообще страшнымъ, близкимъ къ отчаянію; но не замѣчаешь ли въ себѣ какойнибудь страсти, которой предался потому, что послѣ не многихъ слабыхъ усилій навсегда отчаялся одолѣть ее? Не встрѣчаются ли и между вами такія души, въ которыхъ сокрушеніе о своихъ слабостяхъ переходитъ въ болѣзненную раздражительность и уныніе?

Къ тебѣ-то, безмѣрно сѣтующая душа, обращаетъ Спаситель слово Свое полное утѣшенія: «приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы» (Матѣ. 11, 28). Да не отступитъ отъ тебя кроткій образъ Его, пришедшаго призвать не праведныхъ, но грѣшныхъ на покаяніе. Всегда предъ

тобой сей милосердый Врачъ, Который не гнушается самыми нечистыми язвами, не заставляетъ долго ждать себя, Самъ спѣшитъ къ болящей душѣ и всемогущею благодатію возвращаетъ ей здравіе. Всегда близокъ къ тебѣ сей добрый Пастырь, ищущій заблудшую овцу Свою; на Себя беретъ Онъ всю тяжесть грѣховъ твоихъ, вводитъ въ среду святыхъ Своихъ и радуется съ ними о твоёмъ обращеніи. Издалече встрѣчаетъ тебя любвеобильный Отецъ, и едва вымолвишь слово покаянія, уже принимаетъ тебя въ Свой объятія, очищаетъ, питаетъ Божественною пищею, украшаетъ драгоценнѣйшими дарами Духа. Не страшень сей Заимодавецъ для кающагося: тьму талантовъ отпускаетъ, раздирая рукописаніе грѣховъ. Не притязателень сей Домовладыка: нищихъ и худородныхъ съ распутій жизни вводитъ въ домъ Свой, только убѣли душу свою слезами покаянія. Не говори, что уже далеко зашелъ въ беззаконной жизни и поздно обращаться: нѣтъ мѣры Его щедротамъ, и въ послѣдній часъ пришедшимъ въ виноградникъ даетъ по динарію. Петръ плакалъ и прощень, несмотря на то, что отрекся отъ своего Господа. Блудница припадаетъ со слезами къ Нему и разрѣшается отъ многихъ грѣховъ. «Капли слезъ, пролитыя грѣшницей были для Него лучше всякаго питія, и вздохи, которые Онъ услышалъ въ дому Симона, были для Него вожделѣннѣе приготовленнаго пиршества. Велика, безмѣрна любовь Его. Какъ ближній и другъ обходится Онъ со всякимъ, кто взываетъ къ Нему и умоляетъ о прощеніи; какъ Благій, всѣмъ отпускаетъ грѣхи. Приглашаютъ ли Его мытари: съ искреннею любовію приходитъ Онъ. Приходятъ ли блудницы, чтобы исходатайствовать себѣ слезами прощеніе,—омываетъ ихъ отъ беззаконій. Даже, когда просятъ Его фарисеи, Онъ идетъ и не отказываетъ въ своей помощи никому, имѣющему въ ней нужду.

Просили у Него хлѣба въ пустынѣ, и изобильно насытилъ ихъ. Всякій просящій получаетъ изъ богатой сокровищницы Его. Отвсюду окружены мы милосердіемъ и щедротами Его» (Св. Ефр. Сир. сл. о покаяніи). «Возвратитесь же сынове возвращающіеся и исцѣлю сокрушенія ваша» (Іер. 3, 22). «Обратитесь ко Мнѣ и обращуся къ вамъ» (Зах. 1, 3). Такъ взываетъ Онъ къ грѣшникамъ. Кто боленъ, приходи и изцѣлишься; вступи на стезю покаянія, и срѣтитъ тебя челоувѣколюбіе Его. Бѣги грѣховной тьмы, пока свѣтитъ еще свѣтъ, солнце щедротъ, и не настала ночь, «егда никтоже можетъ дѣлати» (Іоан. 9, 4). Не медли, пока возможенъ входъ въ чертогъ, гдѣ вечеряющіе ожидаютъ тебя, пока не вовсе угасъ въ тебѣ свѣтильникъ вѣры. Волны грѣховъ готовы потопить тебя; спѣши, пока не заключилась дверь спасительнаго ковчега. Припади къ ногамъ Іисусовымъ, и услышишь блаженный гласъ: отпущаются тебѣ грѣхи.

Поученіе 3-е

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче.

Такъ продолжаетъ Церковь молитвенное призваніе къ покаянію. Для чего же повторяется еще сей призывный гласъ? Развѣ не для всѣхъ насъ доступенъ онъ, какъ всѣ мы доступны грѣху? Трудно представить, чтобы въ грѣшномъ мірѣ нашелся челоувѣкъ, который бы не призналъ себя грѣшнымъ предъ Богомъ: для сего надобно совсѣмъ потерять совѣсть. Но слово Божіе указываетъ намъ подобныхъ людей въ лицѣ фарисея, который считалъ себя праведнымъ, потому что не зналъ за собой тяжкихъ преступленій и зналъ многія повидимому достойныя похвалы дѣла. Такая увѣренность въ

своей мнимой праведности, эта успокоительная мысль, что нѣтъ важныхъ грѣховъ на совѣсти, и изъ насъ многимъ заграждаетъ путь къ покаянію.

Величайшее зло для человѣка въ томъ, что чувство добра отъ частаго противодѣйствія мало по малу теряетъ свою впечатлительность и силу, такъ что обыкновенныя, ежедневныя, или лучше ежеминутныя грѣхопаденія наши проходятъ незамѣченными: невѣрная совѣсть молчитъ, не зная за собою паденій тяжкихъ, которыя одни своею новостью и необыкновенностью могутъ смущать и потрясать ее. Встрѣчая такія паденія въ другихъ, и, сравнивая себя съ ними, легко увлечся чувствомъ самодовольства; а въ той мѣрѣ, какъ наполняется сердце внутреннимъ самоуслажденіемъ, менѣе и менѣе доступны становятся ему чувства сокрушенія и умиленія. «Боже», говорилъ безумный фарисей, «хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь якоже прочіе человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь» (Лук. 18, 11). «Особенно тяжкихъ грѣховъ нѣтъ на мнѣ, въ обыкновенныхъ слабостяхъ повиненъ какъ человѣкъ»: такъ каются многіе изъ насъ, братіе! Но всмотримся ближе въ то, что называемъ мы обыкновеннымъ грѣхомъ слабости. Не всякій ли грѣхъ страшенъ, потому что оскорбляетъ безпредѣльное величіе и святость существа Божія? Не за каждое ли преступленіе наше пролита безцѣнная кровь Господа? Не повторяется ли каждый проступокъ нашъ во множествѣ важнѣйшихъ паденій, служа для другихъ соблазномъ и поводомъ къ новымъ грѣхамъ? Живя въ грѣхѣ, дыша грѣхомъ, мы перестаемъ чувствовать его тяжесть; но возвратимся хотя мысленно къ тому свѣтлому времени жизни, когда чистое сердце возмущалось стыдомъ и негодованіемъ при одной мысли, при одномъ нескромномъ словѣ о томъ, что такъ равнодушно совершается теперь са-

мымъ дѣломъ. Для насъ удивительно, что люди, всю жизнь посвятившіе Богу и, при помощи Его, достигшіе высокой степени духовнаго совершенства, не переставали глубоко сокрушаться и плакать о своей грѣховности: покаяніе пережило въ нихъ всѣ страсти и паденія; потому что чѣмъ чище жизнь человѣка, тѣмъ тоньше и сильнѣе въ немъ нравственное чувство, тѣмъ замѣтнѣе и больнѣе ему даже малыя, незамѣтныя для другихъ, пятна. Перестанемъ же утѣшать себя мыслию, что не имѣли въ жизни тяжкихъ паденій: и великое преступленіе можетъ быть очищено соразмѣрно глубокимъ раскаяніемъ; и въ обыкновенныхъ, общихъ всѣмъ слабостяхъ, можно погибнуть оставаясь безпечнымъ и нераскаяннымъ.

Ты не считаешь себя грѣшникомъ, потому что жизнь не омрачена тяжкими преступленіями, но отсутствіе ихъ не есть еще святость: для сего надобно чувствовать стремленіе къ добру, находить утѣшеніе во всемъ, что истинно высоко, и благотворно, нужны труды для Бога и для блага людей.

Конечно мнимые праведники не затруднятся оправдать себя и съ этой стороны. Иной съ самодовольствомъ вспомнить дѣла вѣшняго благочестія, хотя они совершаются можетъ быть безъ участія сердца, по привычкѣ, по приличію, по необходимости, или даже по расчетамъ тщеславія: не вѣдая истиннаго благочестія, уклоняясь отъ многотрудныхъ, хотя и не столь явныхъ подвиговъ христіанской любви, онъ довольствуется наружнымъ исполненіемъ закона Божія и думаетъ покрыть имъ скудость и грѣховное безобразіе души: «пощуся дважды въ субботу, десятину даю всего, елика притяжу,» говоритъ съ фарисеемъ. «Горе вамъ лицемѣры,» вразумляетъ таковыхъ Господь, «яко одесятствуете мяту, и копръ и киминъ, и остависте вѣщія закона, судъ

и милость и вѣру: сія же подобаше творити, и онѣхъ не оставляти» (Матѳ. 23, 23). Иной утѣшается ежедневнымъ исполненіемъ обязанностей общественныхъ и домашнихъ, которыя, поглощая большую часть времени и дѣятельности, заслоняютъ отъ вниманія его высшія обязанности христіанскаго званія. Думая, что чрезъ это выполняется совершенно священный долгъ любви къ ближнимъ, онъ считаетъ себя свободнымъ отъ всѣхъ другихъ подвиговъ, касающихся нравственнаго очищенія, внутренняго возвышенія духа; и чѣмъ обширнѣе кругъ многодѣльной жизни такихъ людей, тѣмъ глубже они дремлютъ въ совѣсти въ отношеніи къ высшему духовному совершенству. Отецъ семейства проводитъ жизнь въ заботахъ и трудахъ, чтобы обезпечить содержаніе, воспитаніе, устроеніе дѣтей: священное призваніе, трудъ достойный почтенія! Но пусть разсудитъ онъ безпристрастно, всегда ли чистое чувство родительской любви одушевляетъ его въ этой дѣятельности, или можетъ быть часто примѣшивается къ нему тщеславіе, боязнь отстать отъ другихъ, потерять лестное мнѣніе свѣта? Заботясь объ образованіи дѣтей, служить ли онъ прежде всего для нихъ примѣромъ благочестія, терпѣнія, справедливости, кротости и вообще христіанской жизни, или можетъ быть считаетъ для сего достаточными одни словесныя собственныя или чужія внушенія, позволяя себѣ вознаграждать себя за свои труды высокоомѣремъ, гнѣвливіостію, нечистыми удовольствіями? Слуга отечества жертвуетъ общественному благу своими способностями, трудомъ и временемъ: высокое служеніе! Но если оно обращается только въ средство къ удовлетворенію собственныхъ нуждъ житейскихъ, въ служеніе своему честолюбію или своекорыстію: то гдѣ же тутъ добродѣтель, гдѣ заслуга, гдѣ надежда на оправданіе? Блажени алчущіе и жаждущіе правды! Бла-

женъ тотъ, въ комъ желаніе правды, стремленіе ко всему доброму и богоугодному господствуетъ надъ всѣми другими заботами, какъ бы ни казались онѣ законны и возвышенны,— какъ чувство голода или жажды заставляетъ молчать въ чело­вѣкѣ всѣ другія чувства и желанія! Но тамъ, гдѣ при наружной благовидности дѣйствій, сердце закрыто для чувствованій истинно христіанскихъ, гдѣ при всей по видимому полезной дѣятельности, ни горе, ни радость ближняго не находятъ въ душѣ живаго сочувствія, гдѣ при всей твердости и настойчивости въ дѣлахъ житейскихъ нѣтъ внутренняго самообладанія, господства надъ движеніями гордости, гнѣва, неводержанія, нѣтъ постояннаго наблюденія за душевными перемѣнами, нѣтъ глубокаго сокрушенія о своемъ духовномъ убожествѣ и святой ревности къ духовному совершенству, гдѣ въ чувствѣ добра есть какое-то равновѣсіе тепла и холода: тамъ нѣтъ ничего праведнаго, успокоительнаго для совѣсти. «Ни студенъ еси, ни теплъ», говорилъ Господь такому самозванному праведнику,—«глаголеши, яко богатъ есмь и обогатихся и ничесоже требую, и не вѣси, яко ты еси ока­ненъ и бѣденъ, и нищъ и слѣпъ и нагъ» (Ап. 3, 15. 17).

Оживить такое полумертвое сердце, возбудить въ немъ искреннее сознаніе своей нравственной нищеты при всей наружной полнотѣ достоинствъ—вотъ чего желаетъ теперь Церковь въ своихъ умиленныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ. Откроемъ же входъ въ сердца наши святымъ впечатлѣніямъ, да прольется въ нихъ лучъ Божественнаго свѣта. Душа наша подобна храминѣ, въ которой мы обитаемъ. Часто намъ кажется, что все въ ней чисто и нѣтъ нигдѣ праха; но вотъ проникаютъ въ нее лучи солнца, и по направленію ихъ вы видите цѣлый споллъ пыли доселѣ не зримой. Такъ часто обманывается и наше самолюбіе: все въ насъ кажется при-

личнымъ и даже украшеннымъ; но откроемъ сердце предъ Господомъ: пусть свѣтъ благодати Его озаритъ глубины души, и тогда увидимъ множество нечистоты и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, и въ дѣлахъ нашихъ.

Господи и Владыко живота моего! Даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія.

О САМОИСПЫТАНІИ

КАКЪ ВАЖНѢЙШЕМЪ РУКОВОДСТВѢ КЪ ПОСТЕПЕННОМУ И НЕОСЛАБНОМУ ПРЕСПѢЯНІЮ ВЪ ХРИСТІАНСКОМЪ БЛАГОЧЕСТИИ.

(ОПЫТЪ ПРАВСТВЕННО-АСКЕТИЧЕСКІЙ).

Священное Писаніе многократно побуждаетъ насъ къ самоиспытанію и вмѣстѣ внушаетъ, съ какою тщательностію должны мы испытывать и распознавать духъ свой, наблюдать за своими поступками и бѣдѣть надъ собственнымъ сердцемъ. Такъ, раскроемъ ли Писаніе Ветхозавѣтное, — встрѣчаемъ тамъ слѣдующія изреченія, обращающія взоръ нашъ на самихъ себя: «внемли себѣ (Второз. 4, 3). Всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце (Прит. 4, 23). Яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитеся (Псал. 4, 5). Прежде суда испытай себе, и въ часъ посѣщенія обрящещи очищеніе (Сир. 18, 20). Чадо искуси въ животѣ твоемъ душу твою, и виждь, что ей зло есть, и не даждь ей» (Сир. 37, 30). Обратимся ли къ Писанію Новозавѣтному, — и здѣсь находимъ сильныя побужденія къ самоиспытанію. «Себе искушайте, аще есте въ вѣрѣ, себе искушайте» (2 Кор. 13, 5), говоритъ св. Апостоль. «Дѣло свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе да имать, а не во ипомъ (Гал. 6, 4). Да искушаетъ же человекъ себе» (1 Кор. 11, 28) и проч. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христъ, строго запрещаая осуждать дру-

гихъ, всѣмъ и каждому заповѣдуетъ судить только (Мат. 7, 1—5) себя, и учениковъ Своихъ, просившихъ у Него повелѣнія истребить огнемъ не пріавшихъ Его, обличилъ въ невѣдѣніи собственнаго духа: «не вѣсте, коего духа есте вы» (Лук. 9, 55).

Нѣтъ сомнѣнія, что Слово Божіе, до основанія проникающее и испытующее нашу душу и духъ (Евр. 4, 12), заповѣдуетъ намъ такъ часто и настоятельно испытывать самихъ себя не безъ особенной цѣли и не безъ важныхъ причинъ. Ближайшая и непосредственная цѣль, для коей намъ нужно испытывать себя, есть та, чтобы вѣрнѣе познавать самихъ себя ^(а) въ отношеніи нравственномъ, познавать свои слабости и недостатки, свои расположенія и наклонности, свои силы и способности естественныя и дарованія благодатныя. Такое самопознаніе, достигаемое чрезъ самоиспытаніе, весьма важно и необходимо для насъ: не зная собственныхъ слабостей и недостатковъ, можемъ ли мы восчувствовать когда-либо нужду исправленія оныхъ, и не станемъ ли даже считать ихъ совершенствами? Не познавая душевныхъ своихъ расположеній и наклонностей, можемъ ли дать вѣрный судъ о нравственномъ ихъ достоинствѣ въ отношеніи къ Богу и вѣчному спасенію? Не испытывая силъ и способностей своихъ, и благодатныхъ дарованій Духа Святаго (1 Кор. 12, 7—11), можемъ ли съ пользою употреблять тѣ и другія по заповѣди Спасителя и Св. Его Апостоловъ (Матѣ. 5, 14. Рим. 12, 4), и упражнять въ той мѣрѣ, въ какой имѣемъ?—Нѣтъ, пренебрегая самоиспытаніемъ, имѣющимъ цѣлю нравственное самопознаніе, мы все болѣе и болѣе закоснѣвали бы въ грѣ-

(а) Святій Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: «ежели хотимъ самихъ себя познати,—то да не престанемъ входить въ свою совѣсть» (Степ. 25). *Себе искушайте*, говоритъ Св. Апостолъ,—или не знаете себе? (2 Кор. 13, 5).

ховномъ состояніи, все далѣе и далѣе уклонялись бы отъ своего назначенія, нерадя о воздѣльваніи талантовъ, даруемыхъ намъ Господомъ, и наконецъ, оставаясь въ невѣдѣніи о томъ, близки или далеки мы отъ спасенія, лишились бы истиннаго утѣшенія въ жизни и христіанскаго упованія по смерти (Іоан. 5, 13), ибо не могли бы сказать съ Апостоломъ: «о семъ разумѣмъ, яко въ Немъ пребываемъ, и Той въ насъ», не могли бы свидѣтельствовать и исповѣдать, «яко Иисусъ есть Сынъ Божій» (1 Іоан. 4, 15).

Съ другой стороны, казалось бы даже нравственною невозможностію оставлять въ небреженіи священную обязанность самоиспытанія по слѣдующимъ причинамъ:

Вопервыхъ, кто изъ здравомыслящихъ пожелалъ бы ежеминутно подвергаться обольщенію касательно нравственнаго своего состоянія? Но сердце человѣческое такъ глубоко и такъ обманчиво, что, если не испытывать его со всею тщательностію и не бдѣть надъ нимъ постоянно, то легко впасть въ самообольщеніе, легко подвергнуться преткновенію на пути нравственномъ. Не отъ сего ли человѣкъ грѣшникъ и не успѣваетъ въ своемъ исправленіи, даже не чувствуетъ нужды самоисправления?

Вовторыхъ, извѣстно, что всѣмъ намъ «лежитъ единою умрети, потомъ же судъ» (Евр. 9, 27), что есть адъ и рай, что грѣшниковъ ожидаютъ нескончаемое мученіе, а праведникамъ уготовано вѣчное блаженство. Не естественно ли при этомъ обратить все вниманіе на себя самихъ и изслѣдовать со всею основательностію, — можемъ ли мы надѣяться на блаженную будущность людей праведныхъ, или должны страшиться правосуднаго воздаявія людямъ грѣшнымъ? Чтобы не колебаться между страхомъ и надеждою, очевидно, надобно испытать себя прежде смерти и суда (Сирах. 18, 20). Вотъ сколь важно и необходимо для насъ самоиспытаніе!

Сознавая неоспоримую важность и безусловную для всѣхъ необходимость самоиспытанія, мы остановимъ вниманіе на слѣдующихъ вопросахъ: 1) Какіе входят или должны входить предметы въ кругъ самоиспытанія? 2) Какія потребны съ нашей стороны условія для вѣрнаго успѣха въ самоиспытаніи? 3) Какія трудности и препятствія могутъ встрѣчаться при самоиспытаніи? 4) Какіе можно употребить способы къ облегченію однихъ и преодолѣнію другихъ? Наконецъ 5) не излишне будетъ опредѣлить, — какъ часто можно и должно намъ производить самоиспытаніе?

Вотъ главные и необходимые пункты, на которые и обращаемъ вниманіе благочестиваго читателя.

I.

Какіе предметы должны входить въ кругъ самоиспытанія?

Обращая испытательный взоръ на самихъ себя, — на свои силы и способности душевныя, на свои наклонности и расположенія внутреннія, и на всю свою жизнь и дѣятельность нравственную, — прежде всего спросимъ себя: находимся ли мы въ состояніи благодатномъ — въ прямомъ отношеніи къ Богу и вѣчному спасенію, — иначе: принадлежимъ ли мы по своей жизни и дѣятельности, по своимъ расположеніямъ и наклонностямъ къ числу людей спасающихся, или къ числу погибающихъ? Рѣшеніемъ этого вопроса обнимается общій предметъ самоиспытанія. Но для того, чтобы, сколько возможно, яснѣе открылось предъ нами отношеніе наше къ спасенію, т. е. близость къ нему, или отдаленность отъ него, нужно еще войти въ подробнѣйшее изслѣдованіе нашего нравственнаго состоянія; нужно, какъ можно чаще обращаться къ испытанію нашей совѣсти относительно всего нашего пове-

денія добраго и худаго. Этимъ изслѣдованіемъ будетъ опредѣляться предметъ самоиспытанія частнѣйшій.

Итакъ, какимъ образомъ узнать, принадлежимъ ли мы къ сонму людей спасаемыхъ, или къ числу погибающихъ? Сколь ни трудно рѣшеніе этого вопроса (какъ увидимъ ниже), однакожь и не совсѣмъ невозможно. Слово Божіе открываетъ намъ признаки, отличающіе состояніе людей спасаемыхъ, чрезъ приложеніе которыхъ къ себѣ самимъ можемъ судить, принадлежимъ ли и мы къ числу ихъ. Такъ обрѣтаемъ ли въ себѣ чистоту и святость наклонностей, желаній и намѣреній? Если обрѣтаемъ,—то можемъ имѣть надежду наслѣдовать спасеніе; ибо имѣющіе наслѣдовать спасеніе, по ученію Апостола, того только и желаютъ и къ тому только стремятся, «елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика добродѣтельна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала» (Фил. 4, 8). Имѣемъ ли вѣру въ Господа Иисуса, Сына Божія, и любовь христіанскую, коими должна повѣряться самая чистота и святость нашихъ наклонностей, расположеній и намѣреній? «Аще кто вѣрою исповѣсть, яко Иисусъ есть Сынъ Божій, говоритъ св. Апостоль Іоаннъ Богословъ, Богъ въ немъ пребываетъ и той въ Бозѣ» (1 Іоан. 4, 15). Или: «вѣруяй въ Сына Божія, имать свидѣтельство въ себѣ: и сіе есть свидѣтельство, яко животъ вѣчный далъ есть намъ Богъ» (1 Іоан. 5, 10—11). Въ числѣ наслѣдниковъ живота вѣчнаго или возрожденныхъ сыновъ Божіихъ находится и тотъ, коего сердце исполнено христіанскою любовью: «всякъ любяй отъ Бога рожденъ есть и знаетъ Бога» (— 45). «О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, говоритъ Самъ Спаситель нашъ, аще любовь имате между собою» (Іоан. 13, 35). Но истинная вѣра и любовь не могутъ оставаться безъ свойственныхъ себѣ плодовъ—добрыхъ дѣлъ (1 Іоан. 2, 5); посему, чтобы увѣриться намъ

въ истинности нашей вѣры и любви, какъ признаковъ нашего спасенія, необходимо вопрошать себя: соблюдаемъ ли заповѣди Господни, совершаемъ ли благія дѣла, безъ которыхъ и вѣра наша мертва и любовь не дѣйствительна? «Испытай себя», говоритъ святой Василій Великій (въ словѣ изъ текста: «внемли себѣ»), «по заповѣди ли ты проводишь жизнь свою». При постоянномъ же и дѣятельномъ усиліи проводить жизнь по заповѣдямъ Божиимъ, совершать дѣла, по вѣрѣ и любви, угодныя Богу,—никто, конечно, не можетъ обойтись безъ особаго, сроднаго ему, крестоношенія. Итакъ несемъ ли благодушно и мы «крестъ собственный», заповѣданный намъ Спасителемъ нашимъ? «А иже не носятъ креста своего и въ слѣдъ Его грядеть, не можетъ быть Его ученикомъ» (Лук. 14, 27), и слѣдовательно не можетъ имѣть части избранныхъ Божиихъ. Наконецъ невозможно намъ ни соблюсти чистоту и святость наклонностей, ни стяжать истинную вѣру и любовь, не только совершить, даже и помыслить что-либо доброе (2 Кор. 3, 5.), не только понести, даже и представить себѣ безъ огорченія (Матѣ. 19, 22) тяжкій крестъ Христовъ,—невозможно, говоримъ, обнаружить въ себѣ ни одного изъ этихъ признаковъ святой и богоугодной жизни, если не ощущаемъ въ сердцахъ нашихъ благодатнаго присутствія и содѣйствія Духа Святаго. Посему причастіе Святаго Духа есть самый главный и самый необходимый признакъ и залогъ спасаемыхъ. Ибо что иное можетъ увѣрить насъ въ дѣйствительности нашего благоугожденія Богу, кромѣ внутреннѣйшаго о семъ свидѣтельства Самого Духа Божія? Такъ говорятъ о себѣ и о всѣхъ благоугождающихъ Господу истинные причастники Духа Святаго: «о семъ разумѣемъ, яко въ Богѣ пребываемъ, и Той въ насъ, яко отъ Духа Своего далъ есть намъ» (1 Іоан. 4, 13). Самый сей Духъ свидѣтельствуемъ духови нашему, яко есмь чада Божія. Аще же чада, и наслѣдницы»

(Рим. 8, 16). Пусть же испытаетъ себя каждый, обитаетъ ли въ немъ пренебесный и чистѣйшій залогъ живота вѣчнаго.

Впрочемъ, какъ бы ни была очевидна необходимость показанныхъ признаковъ для распознаванія того, принадлежимъ ли мы къ царству сыновъ Божіихъ, или, при явномъ недостаткѣ ихъ, должны причислить себя къ области сыновъ погибельныхъ,—не всѣ эти признаки могутъ быть присущи нашему сознанию въ равной мѣрѣ и во всякое время, не всѣ могутъ быть намъ очевидны при самоиспытаніи. Несезіе креста Христова, будетъ ли сей крестъ слагаться изъ разнообразныхъ бѣдствій и скорбей жизни настоящей, или вообще состоять въ непрерывной борьбѣ со врагами духовными,—это крестоношеніе, дающее само ощущать себя своею тяжестью, конечно, есть признакъ весьма ясный и всегда ощутительный для каждаго. Казалось бы, нѣтъ особенной трудности испытывать себя и въ совершеніи добрыхъ дѣлъ, потребныхъ для спасенія,—подобно тому, какъ нѣтъ никакого труда распознавать свойство дерева по его плодамъ. Но если, при оцѣнкѣ нашихъ дѣлъ, не станемъ обращать строгаго вниманія на всѣ побужденія, по которымъ совершаемъ оныя, будемъ опускать изъ виду цѣль, для которой совершаемъ, и обстоятельства, при которыхъ обнаруживаются наши поступки,—то не рѣдко и весьма удобно можемъ подвергаться самообольщенію. Правда, явныя дѣла плоти, исчисляемыя Апостоломъ (Гал. 5, 19—21), никогда не могутъ имѣть нравственнаго достоинства въ очахъ здравомыслящихъ: но за то, какъ часто дѣла духовныя (въ послан. къ Галат. 5, 19—21) могутъ только казаться неопытнымъ въ жизни духовной истинными плодами духа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ истекаютъ изъ нечистаго источника ⁽⁶⁾ и, по существу своему, совершенно

(6) Не отсюда ли всѣ религіозныя крайности: фанатизмъ, мистицизмъ, піетизмъ и проч.

сходствуютъ съ дѣлами плотскими! Если же дѣла наши не всегда могутъ быть очевиднымъ для насъ призвакомъ богоугодной жизни, — то и самая наша вѣра и любовь, не испытанная въ горнилѣ искушеній, или свидѣтельствуемая дѣлами, не выражающими истиннаго духа ихъ, легко могутъ вводить въ заблужденіе касательно своего состоянія тѣхъ изъ насъ, кои, по Апостолу, чѣмъ-либо «неискусни» (2 Кор. 13, 5). Рѣдко мы слышимъ, еще рѣже, можетъ быть, сами произносимъ искреннее признаніе въ слабости вѣры и любви: «вѣруемъ, Господи! помози нашу невѣрію». Большая часть христіанъ готовы утверждать противное, готовы сказать съ Апостоломъ: «еще и вси соблазнятся» (Мат. 26, 33), мы же никогда! Но эта готовность, не оправдываемая самымъ опытомъ, бываетъ причиною недостатка вѣры живой и любви нелицемѣрной.

Еще менѣе можетъ быть очевиднымъ при самоиспытаніи, дѣйствительно ли чисты и святы наши наклонности, расположенія и намѣренія. Поврежденная и грѣхлюбивая природа наша такъ хитра и сокровенна для нашего наблюденія, что иногда весьма трудно бываетъ различить самолюбивыя ея движенія отъ благодатныхъ возбужденій Духа Святаго. Кому не извѣстно изъ жизнеописаній Святыхъ Божіихъ, что и они подвергались нерѣдко самообольщенію относительно своихъ совершенствъ, почитали чистыми и святыми свои наклонности, которыя оказывались еще весьма нечистыми предъ очами Всесовершеннѣйшаго? Кому не извѣстно, что и великіе праведники, возмнивши, по наущенію духа злобы, о своей праведности и святости, въ послѣдствіи горько оплакивали свои непроизвольныя паденія? Преподобный Іоаннъ Прозорливый повѣствуетъ объ одномъ великомъ старцѣ, который, провождая строгую, пустынную жизнь, свачала преуспѣвалъ со дня на день въ добродѣтеляхъ, но потомъ вдругъ

приходить ему мысль, будто онъ болѣе всѣхъ отшельниковъ предъ Богомъ,—приходить мысль, будто онъ не можетъ и поскользнуться на пути благочестивой жизни. Затѣмъ, подвергшись еще большимъ искушеніямъ, онъ началъ переходить отъ одной слабости къ другой, и наконецъ совершенно ниспалъ съ той высоты, на какой мнилъ себя быть (см. Чет. Мин. Март. 27). Удивительно ли послѣ сего, что люди обыкновенные, готовые иногда самыя страсти извинять благовидными предлогами, удобно ослѣпляются минутными впечатлѣніями добра, почитая ихъ уже навичными расположеніями своего сердца, и такимъ образомъ усваиваютъ себѣ совершенство, которое должно быть еще цѣлю ихъ стремлений и усилій? Удивительно ли, что сіи люди, вмѣсто того, чтобы «возирѣвать въ себѣ даръ Божій, и вестись на совершеніе (2 Тим. 1, 6.) и ревновать дарованій большихъ» (1 Кор. 12, 31), ограничиваются только естественными влеченіями къ добру, только временными возбужденіями къ благочестію, къ которымъ часто примѣшиваются тонкіе оттѣнки самелюбія, лицемѣрія и тщеславія? Такимъ образомъ нравственная чистота и святость наклонностей есть такой признакъ состоянія людей спасаемыхъ, по которому испытующіе себя, относительно сего состоянія, весьма легко могутъ погрѣшать и ослѣпляться.

Что сказать о послѣднемъ признакъ состоянія благодатнаго—причастія Духа Святаго, подъ условіемъ котораго получаютъ истинный характеръ признаки вышеупомянутые? Утвердительно можемъ сказать, что этотъ признакъ менѣе всѣхъ прочихъ доступенъ нашему сознанію, и потому, испытывая себя по этому признаку, мы бываемъ въ опасности гораздо чаще, впадать въ самопрельщеніе. Ибо, какъ можетъ подлежать испытанію конечнаго духа нашего Духъ безконечный, премудрый, неизслѣдимый? «Божія никтоже вѣсть

точію Духъ Божій» (2 Кор. 2, 11), который, «идѣже хоцетъ, дышетъ, и гласъ Его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ, и камо идетъ» (Іоан. 3, 8). Посему, если нужно намъ чрезъ самоиспытаніе непогрѣшительно увѣриться въ дѣйствительности пребыванія въ насъ Духа Божія, какъ залога нашего спасенія, то для этого необходимо уже имѣть въ себѣ сего нестижимаго Духа: Онъ самъ, когда ему благоугодно, да извѣщаетъ насъ о своемъ таинственномъ присутствіи, Самъ да научаетъ насъ тому, «яже суть Божія! Душевенъ человекъ не пріемлетъ яже Духа Божія, и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется. Мы же, говоритъ св. апостоль отъ лица вѣхъ причастниковъ Духа Божія, мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ» (1 Кор. 2, 12. 14). Впрочемъ, глубины Духа Божія такъ таинственны, что, по особенному Его намѣренію, нерѣдко остаются сокровенными и для тѣхъ, кои имѣютъ въ сердцѣ своемъ залогъ спасительнаго Ему обрученія. Пренебесный Посѣтитель, обитая въ сердцѣ человека, Самъ не благоволитъ иногда открывать Себя сознанію человека, освящаетъ и животворитъ духъ его, такъ сказать безъ его вѣдома; тяжкія искушенія, постигавшія св. угодниковъ Божіихъ, но благодушно ими претерпѣнныя, неопровержимо подтверждаютъ эту высокую истину. Посему дабы не подвергнуться обольщенію при испытаніи себя въ томъ, обитаетъ ли въ насъ Духъ Святый, необходимо знать: какія причины тому, что сей Духъ утаеваетъ иногда благодатное Свое присутствіе даже отъ людей, его удостоенныхъ?

Слово Божіе увѣряетъ насъ, что благодатное присутствіе Духа Святаго въ душахъ нашихъ должно свидѣтельствоваться сладчайшими плодами сего Духа, каковы: «любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, вѣра, кротость, воздержаніе» (Гал. 5, 22—23). Дѣйствительное вкушеніе cadaго изъ

этихъ плодовъ, безъ сомнѣнія, должно ощущаться въ сердцѣ вкушающаго сладостнымъ умиленіемъ и небеснымъ утѣшеніемъ (Псал. 93, 19. Фил. 4, 7). «Богъ, говоритъ одинъ благочестивый писатель, даетъ вкушать небесныя утѣшенія людямъ посвятившимъ себя служенію Его, дабы отвлечь ихъ отъ земныхъ удовольствій и укрѣпить сердца ихъ въ любви своей. Но Богъ же, по прошествіи нѣкотораго времени, отнимаетъ у нихъ медъ и млеко благодати своей для того, чтобы пріучить ихъ къ пищѣ твердѣйшей, т.-е. чтобы пріучить ихъ къ подвигамъ благочестія ради самаго благочестія, хотя бы оно казалось горькимъ и непріятнымъ, а не ради его духовной сладости, подобно тому, какъ мать отучаетъ своего младенца отъ груди, намазывая ее чѣмъ нибудь горькимъ, дабы мало по-малу пріучить его къ пищѣ болѣе твердой и чрезъ то болѣе укрѣпить силы своего дитяти»⁽⁶⁾. Премудрый и всеблагій Богъ часто лишаетъ возлюбленныхъ своихъ сладостнаго ощущенія благодати своей и для того еще, чтобы предохранить сердце ихъ отъ гордости и самообольщенія (2 Кор. 12, 7), и вмѣстѣ дать имъ почувствовать крайнюю немощь природы человѣческой. Нерѣдко случается, что развращенная природа наша готова бываетъ превратить въ пищу страстей и самыя благодатныя дарованія Духа Святаго. «Посему-то, продолжаетъ тотъ же писатель, какъ мать отнимаетъ сахаръ у своего дитяти, когда оно бываетъ подвержено глистамъ; такъ и Богъ лишаетъ насъ утѣшенія своей благодати, когда въ сердцѣ нашемъ зараждается духовный червь гордости, и мы начинаемъ нравиться сами себѣ. Благо мнѣ, яко смирился еси, взываетъ къ Богу св. Давидъ, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ». Посему-то великіе изъ подвижниковъ

(6) См. Руководство къ благоч. жизни Франциска де-Саля ч. IV гл. 15.

христіанскихъ, достигши высоты безстрастія, по пламенной любви къ Богу, сами просили, чтобы Онъ ослабилъ въ сердцѣ ихъ радость о Дусѣ Святѣ и даже попустилъ бы на нихъ прежнія страсти. Такъ свидѣтельствуеть о сихъ необыкновенныхъ людяхъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ: «Безстрастія при-
«мѣръ въ себѣ явилъ намъ той, иже рекъ: умъ Господень
«имаю; явилъ и египетскій подвижникъ (Антоній вел.), сіи
«слова произнесшіи: нѣтъ мнѣ причины ужасатися Бога.
«Явилъ и тотъ, который просилъ Бога, чтобы отступившія
«отъ него страсти пакі къ нему возвратилися..... Преслав-
«ный во пророцѣхъ Давидъ глаголетъ къ Богу: ослаби ми,
«да почию; а подвижникъ Божій Ефремъ Сиринъ вопіеть:
«ослаби ми волны благодати Твоея» (Степ. 29). Отсюда мы
выводимъ слѣдующее заключеніе: полнота благодатныхъ утѣ-
шеній Пресвятаго Духа, избытокъ пренебесной радости о
семъ Дусѣ бываютъ даже невыносимы въ этомъ мірѣ для
слабаго сосуда сердца человѣческаго, и Господь, щадя не-
мощь избранныхъ своихъ, умяляетъ въ нихъ благодатныя
свои утѣшенія или даже, сокрывая отъ нихъ благодать свою,
попускаетъ дѣйствовать страстямъ, не преставая однакожъ
и при этомъ поущеніи обитать въ нихъ святымъ Духомъ
своимъ. Святитель Ростовскій Димитрій вотъ что говоритъ
объ одной благочестивой женѣ Екатеринѣ (которая долгое
время смущаема была хульными и скверными помыслами отъ
бѣсовъ): «когда она успѣла наконецъ съ помощію Божіею
отъ нихъ освободиться, и къ ней явился Самъ Іисусъ Хрис-
тось; то на вопросъ ея: гдѣ былъ ты доселѣ сладчайшій мой
Іисусе? Господь отвѣчалъ: Я былъ въ сердцѣ твоємъ. Она
опять спросила: какъ могъ Ты быть въ сердцѣ моемъ, испол-
ненномъ скверными мыслями? Господь сказалъ: потому и ра-
зумѣи, что Я былъ въ сердцѣ твоємъ, что ты ни мало не
предалась своею любовію къ нечистымъ мыслямъ, но еще

тѣмъ сильнѣе скорбѣла, чѣмъ болѣе старалась освободиться отъ нихъ, не могли освободиться: тѣмъ самымъ ты и со-творила мнѣ мѣсто въ сердцѣ твоемъ» (см. Врачество духовное на смущеніе помысловъ въ «дух. Алфавитѣ»). Такъ сокровенны и непостижимы дѣйствія Святаго Духа даже для сознанія тѣхъ, въ сердцахъ которыхъ благоволилъ Онъ обитать Своею силою: какъ же послѣ сего трудно намъ по этому признаку опредѣлить, принадлежимъ ли мы къ числу чадъ Божіихъ и наслѣдниковъ спасенія!

Итакъ поистинѣ трудно испытывать себя по изчисленнымъ признакамъ благодатнаго состоянія людей спасающихся съ тою цѣлю, чтобы убѣдиться по нимъ въ собственномъ спасеніи, или въ томъ, находимся ли и мы въ благодатномъ состояніи чадъ Божіихъ. Впрочемъ эта трудность ни мало не освобождаетъ насъ отъ выполненія священнаго долга самоиспытанія, столь многократно заповѣданнаго намъ въ Словѣ Божіемъ. Пусть мы не можемъ съ достовѣрностію опредѣлить въ себѣ самыхъ точныхъ и безошибочныхъ признаковъ спасенія и съ несомнѣнностію убѣдиться по нимъ въ своемъ спасеніи, ибо Господь одинъ знаетъ «сущія своя» (2 Тим. 2, 19); для насъ довольно и того, если чрезъ приложеніе къ себѣ вышеизложенныхъ признаковъ (будутъ ли они представляться намъ ясно, или темно и неопредѣленно) будемъ познавать, стоимъ ли мы по крайней мѣрѣ на пути ко спасенію и стремимся ли къ нему неослабно. Кому бы болѣе быть увѣреннымъ въ высокомъ званіи чадъ Божіихъ, какъ не Богоизбранному сосуду благодати, св. апостолу Павлу? Но и онъ сознавался въ своемъ невѣдѣніи: «братіе», говорилъ онъ, «азъ себе не у помышляю достигша: однакоже, задняя убо забывая, въ предняя убо простираяся, къ намѣренному теку, къ почести вышняго званія о Христѣ Іисусѣ» (Филип. 3, 13

и 14). И вообще скажемъ, что святые Божіи, въ коихъ являлись всѣ признаки состоянія благодатнаго, никогда не могли съ полною самоувѣренностію знать о своемъ спасеніи (безъ особеннаго о томъ увѣренія свыше), но со страхомъ и трепетомъ продолжали содѣвать оное; ибо и они, по причинамъ выше показаннымъ, не могли ясно и всегда сознать въ себѣ дѣйствительнаго бытія признаковъ людей спасаемыхъ. Отсюда-то проистекаетъ непрестанный плачь ихъ о себѣ самихъ и благоговѣйный трепеть смерти и дня суднаго (см. Хр. Чт. ч. XXIV, стр. 63, также за 1821 г. ч. II стр. 82). Но если и великіе угодники Божіи, подвергавшіе себя строгому испытанію, иногда не замѣчали въ себѣ извѣстныхъ признаковъ святой и благоугодной жизни, и потому не могли быть совершенно увѣрены въ своемъ спасеніи: тѣмъ болѣе намъ, при постоянномъ, можетъ быть, недостаткѣ этихъ признаковъ, нельзя съ полною увѣренностію причислять себя къ числу спасаемыхъ.

Что же мы должны думать о себѣ въ отношеніи къ спасенію, когда при самоиспытаніи замѣтимъ, что удобно увлекаемся нечистыми помыслами, склонностями и пожеланіями, на время отпадаемъ отъ духа любви и вѣры христіанской, часто нарушаемъ заповѣди Господни, нерѣдко отрекаемся отъ крестношенія и находимся даже въ опасности лишиться Духа благодати? То ли, что мы уже въ числѣ совершенно и безнадежно погибающихъ? И этого не можемъ рѣшительно утверждать о себѣ,—ибо не должны, по безконечному милосердію Божію, отчаяваться въ своемъ спасеніи. Остается намъ думать о себѣ только то, что мы въ отношеніи къ спасенію нашему находимся въ положеніи болѣе или менѣе опасномъ, смотря по тому, въ какой мѣрѣ и какихъ признаковъ спасенія не примѣтно въ насъ въ извѣстное время, и какъ продолжи-

тельно это время, опасное для нашего спасенія. Размышляя о семъ и стараясь узнать, близко или далеко отстоимъ мы отъ пути къ вѣчному спасенію, взвѣшивая при этомъ признаки по частямъ, и потомъ обращая вниманіе на всѣ въ совокупности, — мы должны обозрѣвать все наше поведеніе внутреннее и внѣшнее, доброе и худое, или, иначе сказать, должны взвѣшивать на вѣсахъ самоиспытанія всѣ наши недостатки и наши совершенства, дабы съ возможною ясностію и вѣрностію познать нравственное свое состояніе. Это значитъ, не довольно знать намъ вообще, къ какому разряду людей мы принадлежимъ — къ лику ли спасаемыхъ, или къ числу погибающихъ, стоимъ ли на пути, ведущемъ къ небу, или на пути низводящемъ въ адъ, — намъ нужно испытать себя въ частности: какъ именно велики успѣхи наши въ дѣлѣ спасенія и нравственнаго исправленія, или какъ далеко зашли мы по пути гибели и нравственнаго развращенія, т.-е. мы должны разсмотрѣть слѣдующіе главные вопросы: началось ли въ насъ дѣло нравственнаго исправленія, или еще не началось? Если, къ несчастію, мы не примѣчаемъ въ себѣ и начатковъ истиннаго исправленія: то долгъ нашъ точнѣе изслѣдовать, — въ чемъ преимущественно обнаруживается наше нравственное поврежденіе, — чѣмъ оно поддерживается и усиливается? Если же, напротивъ, положено въ насъ начало истинному исправленію: то нужно еще испытать, какъ далеко мы простерлись въ этомъ исправленіи, и почему не сдѣлано нами большихъ успѣховъ? Если наконецъ, по благодати Божіей, не только положено въ насъ начало истинному исправленію, но мы идемъ уже прямо по пути ко спасенію: то надобно смотрѣть, какъ идемъ по этому пути, съ тою ли силою и съ тѣмъ ли преспѣваніемъ, какое отъ насъ требуется? Вотъ частвѣйшіе предметы самоиспытанія, гдѣ мы необходи-

мо обращаемся съ одной стороны къ испытанію нашихъ недостатковъ нравственныхъ, съ другой нашихъ совершенствъ ^(к).

Такъ, кому не сродны недостатки и злыя склонности, которыя, обнаруживаясь въ самой колыбели, сопутствуютъ намъ по всѣмъ возрастамъ жизни и, можетъ быть, къ несчастію нашему, не оставляютъ насъ при самомъ переходѣ въ жизнь загробную? Но, еслибы человѣкъ, живущій въ непрестанномъ разсѣяніи и самозабвеніи, хотя на мгновеніе обратилъ испытательный взоръ на себя, то, повсей вѣроятности, открылъ бы, что его недостатки, порочныя склонности, желанія и отвращенія такъ противозаконны и богопротивны, что онъ еще вовсе не начиналъ нравственнаго исправленія и находится въ положеніи крайне опасномъ и гибельномъ. И трудно ли увѣриться такому человѣку въ опасности и гибельности своего состоянія? Стоитъ только представить ему при самоиспытаніи, что онъ съ полною свободою и сознаніемъ предавался и предается злымъ своимъ склонностямъ, безъ всякаго раскаянія проводить жизнь порочную и разсѣянную, любить даже увлекаться обольщеніями тройственной похоти (1 Іоан. 2, 26), съ намѣреніемъ изыскивая случаи къ ея возбужденію,—и тогда нѣтъ болѣе сомнѣнія, что погибель ожидаетъ его, что путь спасенія весьма далекъ отъ него, и что онъ, оставаясь во всецѣломъ порабощеніи грѣху и нечувствіи духовномъ, даже и не думалъ вступать на этотъ путь. Въ самомъ дѣлѣ, увлекается ли онъ непреодолимымъ желаніемъ чувственныхъ наслажденій, уязвляя сердце свое «сластями житейскими»: непремѣнно становится «врагомъ креста Христова» (Гал. 5, 24). Предается ли страсти корыстолюбія,

(к) «Да изслѣдываемъ самихъ себе непрестанно, говоритъ св. Іоаннъ Лествичникъ, въ твореніи всѣхъ нашихъ пороковъ и добродѣтелей, дабы узнать, гдѣ мы находимся—въ началѣ ли, въ срединѣ ли, или при концѣ» Степ. 26.

или страждетъ недугомъ честолюбія: явно расторгаетъ отношенія свои къ Богу и ближнему, теряетъ истинную вѣру въ Бога, поставляя идоломъ своимъ богатство, на которое возлагаетъ все свое упованіе (Ефес. 5, 5. 1 Тим. 4, 17), изгоняетъ изъ сердца своего и любовь христіанскую, почитая себя одного средоточіемъ любви и уваженія, — при чемъ не только не способенъ уже питать къ ближнему искренней расположенности, но скорѣе готовъ жертвовать въ угожденіе себя долгомъ справедливости (1 Цар. 8, 3) и самую жизнь ближняго (Матѣ. 26, 15). А человекъ, зараженный плотоугодіемъ, потерявшій чувство вѣры и любви и, такъ сказать, съ ногъ до головы покрытый язвами грѣховными, очевидно, не можетъ быть достойнымъ причастникомъ Всесвятаго. Гдѣ же въ немъ признаки истиннаго обращенія на путь спасенія?

При видѣ столь опаснаго своего положенія, угрожающаго вѣчною гибелью, останется ли кто празднымъ только созерцателемъ, такимъ, который бы, посмотрѣвши на себя, отошелъ, «и абіе забы, каковъ бѣ?» (Іак. 1, 24). Нѣтъ; если подвергшіеся опасной болѣзни тѣлесной, прежде нежели станутъ употреблять средства къ ея уврачеванію, тщательно осматриваютъ, въ чемъ она состоитъ, отъ чего приключилась, что ее усиливаетъ и проч., то не съ большею ли подробностію и тщательностію должны осматривать себя тѣ, кои одержимы бываютъ тяжкимъ недугомъ душевнымъ, глубоко заражены и проникнуты ядомъ грѣха? Такого рода недужнымъ непременно надобно изслѣдовать: въ чемъ именно обнаруживается ихъ недугъ или нравственная порча, какіе главные ихъ недостатки и злыя склонности: страждетъ ли умъ ихъ невѣріемъ въ истинны Евангелія, или воля коснѣетъ въ упорномъ противленіи волѣ Божіей, или сердце чрезъ мѣру уязвлено любовію къ міру и его обаяніямъ? Надобно изслѣдовать, къ какимъ преимущественно порокамъ влекутъ ихъ злыя склонности.

къ тѣмъ ли, которые явны и для очей самоиспытующихъ, или къ порокамъ, болѣе отъ нихъ скрытныиъ. Богохульникъ, нечестивецъ, обманщикъ, клеветникъ, тать, прелюбодѣй не могутъ не быть примѣтными и въ собственныхъ глазахъ. Но зараженные гордостію, тщеславіемъ, завистію, недоброжелательствомъ и подобными симъ дѣлами тьмы, рѣдко могутъ видѣть себя во всемъ безобразіи, — ибо они бываютъ прикрыты мрачнымъ покровомъ самолюбія, не позволяющаго имъ смотрѣться въ зеркало собственной совѣсти. Пусть же всѣ таковые, если желаютъ вступить на путь нравственнаго исправленія и взойти потомъ въ царство сыновъ Божіихъ, непременно займутся тщательнымъ пересмотромъ каждой злой наклонности порознь, каждаго порока въ частности и особенно порока въ нихъ господствующаго ^(к); пусть разсмотрятъ его силу, ядовитость, гнусность и гибельность, обозрятъ и самыя обстоятельства, располагавшія ихъ ко грѣху и доселѣ удерживающія въ грѣховномъ и гибельномъ закоснѣніи. Быть можетъ, послѣ внимательнаго и неоднократно повтореннаго обзора опаснаго своего положенія, не только откроется предъ ними въ возможной ясности степень и начало нравственнаго развращенія, но и возникнетъ въ нихъ желаніе узнать, что нужно предпринять для своего исправленія, или какой духовный пластырь приложить къ уврачеванію глубокихъ ранъ души своей. Вообще же находящимся въ этомъ состояніи трудно вникнуть въ царствіе Божіе.

Но если, при надлежащемъ самоиспытаніи, замѣтимъ, что дѣло нравственнаго исправленія нами уже начато, что выше-

(к) Ибо онъ есть средоточіе, отъ котораго исходитъ большая часть нашихъ порочныхъ мыслей, желаній и дѣйствій; есть корень, отъ котораго прорастаютъ злыя наши намѣренія, мысли и дѣла; есть источникъ, изъ котораго все порочное изливается въ нашу жизнь. См. Хр. Чт. 1824 г. ч. II, стр. 87.

показанные признаки спасаемыхъ начинаютъ уже, по крайней мѣрѣ по частямъ, обнаруживаться въ нашей жизни: то на насъ лежитъ обязанность испытать себя, сколько оказали мы успѣха въ дѣятельномъ самоисправленіи, и почему оказали столько, а не болѣе. Поелику это есть состояніе людей, только лишь вступившихъ на путь спасенія, съ котораго они удобно могутъ совратиться при отбрывшихся къ тому случаяхъ: то находящимся въ этомъ состояніи необходимо производить самоиспытаніе по слѣдующимъ вопросамъ совѣсти, какъ внутреняго своего судіи: много ли остается въ нихъ худыхъ наклонностей и слабостей прежняго состоянія, которое дѣлало ихъ рабами собственныхъ похотѣній, и какія именно эти наклонности и слабости, не престающія по временамъ возмущать и омрачать духъ ихъ? Можетъ быть, они еще колеблются въ вѣрѣ и готовы увлечься «всякимъ вѣтромъ ученія», предлагаемаго съ хитрымъ искусствомъ обольщенія (Ефес. 4, 14); можетъ быть, имъ представляется еще тяжкимъ и неудобноносимымъ благое и легкое иго Христово (Матѣ. 11, 30); можетъ быть, они подвергаются сильнымъ искушеніямъ и соблазнамъ со стороны міра, плоти діавола: какіе же эти соблазны и искушенія, — постоянныя или случайныя, произвольныя или непроизвольныя, то-есть, какъ часто, и съ какимъ расположеніемъ мы увлекаемся ими ко грѣху, не такъ ли, какъ «песъ возвращается» на прежнюю «свою блевотину» (2 Петр. 2, 22); менѣе ли, чѣмъ прежде до своего обращенія, встрѣчаемъ мы препятствій и затрудненій въ исполненіи той или другой обязанности; и какія эти затрудненія и препятствія, встрѣчающіяся намъ на пути къ высшему совершенству, а равно и какія могутъ быть средства къ устраненію этихъ препятствій? Представится ли намъ при самоиспытаніи, что нѣкоторые злыя навыки нами уже оставлены: необходимо смотрѣть еще, не привзошли ли на мѣсто ихъ новыя

въ наше сердце. Замѣтимъ ли въ себѣ нѣкоторыя худыя склонности ослабленными: надобно наблюдать, не усиливаются вмѣсто ихъ другія сходныя или даже противоположныя ^(а). Но что можетъ быть необходимѣе для вступившихъ на путь нравственнаго исправленія, какъ непрестанная внимательность къ тому, искореняются ли ими съ особенною ревностію прежнія господствующія страсти и пороки, которые, большею частію оставаясь сокровенными, вдругъ воспламеняются, наподобіе горючихъ веществъ, при открывшихся случаяхъ къ ихъ возбужденію? Стоитъ только представить всю гибельность и ядовитость господствующей страсти, чтобы возстать противъ нея со всею силою, чтобы слѣдить за нею со всею внимательностію и осторожностію ^(а).

Наконецъ, если бы, чрезъ содѣйствіе благодати Божіей, намъ было явлено при самоиспытаніи, что мы не только положили начало нравственному исправленію, но, вступивши въ благодатное царство Божіе и стяжавши христіанскія добродѣтели, совершаемъ уже прямой путь ко спасенію; то и въ этомъ случаѣ долгъ нашъ обращаться къ собственной совѣсти съ подобными предыдущимъ вопросами, именно: съ того времени, какъ произведенъ нами послѣдній предшествующій обзоръ нравственнаго нашего состоянія, далеко ли простерлись мы по пути нравственнаго совершенства, который для насъ нескончаемъ? Такъ ли идемъ по этому пути, чтобы никогда не уклонялись ни «на десно,» ни «на шуе?» Не замѣчаемъ ли

(а) Напр. человекъ прежде разсѣянный и легкомысленный, начавши дѣло самоисправленія, не становится ли слишкомъ унылымъ и суровымъ; преданный нѣкогда роскоши и забавамъ, но пришедшій потомъ въ себя, не испытываетъ ли состоянія духа мрачнаго и безнадежнаго и т. д.

(в) Въ Хр. Чт. за 1821 г. (ч. II, стр. 87) показаны развитіе и гибельное вліяніе господствующей страсти на всю дѣятельность человека.

въ себѣ какихъ-либо еще недостатковъ и погрѣшностей, требующихъ неукоснительнаго исправленія? Извѣстно, что для состоянія благодатнаго потребна вся полнота духовныхъ совершенствъ и въ отношеніи ко всему существу нашему (1 Сол. 5, 23), и въ отношеніи ко всему кругу нашей дѣятельности (Лук. 1, 6), и въ отношеніи ко всему времени нашей жизни (—75); но какъ бы мы ни усовершенствовали себя, до какой бы степени нравственной чистоты и святости ни восходили, никакъ не смѣемъ почестъ себя вполнѣ совершенными (Еккл. 7, 21; 1 Іоан. 1, 8), достигшими въ мѣру возраста исполненія Христова (Ефес. 4, 13). Напротивъ, по внимательномъ и безпристрастномъ наблюденіи надъ собою, непремѣнно найдемъ въ себѣ много слабостей и несовершенствъ (Іак. 3, 2), для усмотрѣнія коихъ необходимо обратиться и къ испытанію самыхъ совершенствъ или нашихъ добродѣтелей; ибо самолюбіе наше, уменьшая въ глазахъ нашихъ или совѣмъ скрывая наши недостатки, всегда готово преувеличить наши совершенства и даже приписать намъ такія, какихъ мы во все не имѣемъ. Что же намъ должно наблюдать при испытаніи собственныхъ совершенствъ или добродѣтелей?

Обращая полное вниманіе на каждый нашъ успѣхъ въ дѣлѣ благочестія, мы можемъ, конечно, испытывать наши добродѣтели по отличительнымъ ихъ свойствамъ, принадлежащимъ каждой изъ нихъ въ особенности; но для краткости и большаго удобства можемъ и должны проводить ихъ, для нравственной оцѣнки, по крайней мѣрѣ, по главнымъ свойствамъ, общимъ для всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. Такъ, пусть каждый христіанинъ, желающій истиннаго преспѣванія въ духовной жизни, непрестанно вопрошаетъ себя: съ какою цѣлю совершаетъ онъ извѣстныя добродѣтели, съ тою ли, чтобы угодить единственно Богу, Который долженъ быть началомъ и концемъ всѣхъ нашихъ поступковъ, или съ цѣлю

угодить только самому себѣ? Какими побужденіями руководится онъ при совершеніи своихъ добродѣтелей: побужденія ли это чисто нравственныя, или вмѣстѣ и религіозныя, — проистекають ли изъ ожиданія наградъ, или изъ страха наказаній? И какія награды одушевляють его на поприщѣ христіанской дѣятельности, тѣ ли, кои уготованы всеѣмъ любящимъ Господа на небѣ, или тѣ, кои состоятъ въ благословеніи Божиѣмъ на землѣ? Равнымъ образомъ, какія наказанія воснящаютъ ему путь порока и нечестія—временныя ли только, или по преимуществу вѣчныя и нескончаемыя? Пусть разбираетъ каждый изъ насъ въ судилищѣ своей совѣсти: какіе обстоятельства сопутствовали совершенію нашихъ добродѣтелей—благопріятныя ли и счастливыя, не стѣснявшія нашей оубоды, или трудныя и неблагопріятныя, соединенныя съ насиліемъ и принужденіемъ свободѣ нашей? Извѣстно, что истинная добродѣтель тѣмъ выше и совершеннѣе, чѣмъ съ большими трудностями соединяется ея исполненіе, и тѣмъ нравственное ея достоинство ниже, чѣмъ менѣе требовалось усилій къ осуществленію добрыхъ нашихъ расположеній. Пусть далѣе вопрошаемъ самихъ себя: какъ обширенъ кругъ нашихъ добродѣтелей въ отношеніи къ нашимъ обязанностямъ частнымъ или общественнымъ, въ отношеніи къ Богу, ближнимъ и себѣ самимъ? Какъ долго, и какъ много подвизались мы въ совершеніи добродѣтелей, — съ такимъ ли постоянствомъ, по которому онѣ повторялись бы всякій разъ, какъ скоро открывался къ тому случай, съ такимъ ли усердіемъ, которое никогда не должно ослабѣвать въ истинномъ послѣдователѣ Христовомъ? Если этого постоянства и усердія недостаетъ намъ, то можемъ и должны подозрѣвать, что наши добродѣтели—мнимыя, совершеніе коихъ было либо только мгновеннымъ проблескомъ вѣры и любви христіанской, либо свидѣтельствомъ мгновенно возбужшагося въ сердцѣ страха

Божія. Не совмѣщаются ли наши добродѣтели явно или тайно въ нашемъ сердцѣ съ однимъ или многими обычными намъ пороками, тогда какъ истинная добродѣтель несовмѣстна ни съ какимъ закоренѣлымъ порокомъ въ сердцѣ? ^(а) Зиждется ли ваше преспѣваніе въ духовной жизни на единственномъ основаніи всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей—глубокомъ смиреніи, или примѣшивается къ нему тайная гордость—отличительный признакъ добродѣтелейминыхъ? (Лук. 18, 10—14)? Ощущаемъ ли въ сердцѣ нашемъ, по совершеніи всякой добродѣтели, чистую радость и миръ внутренній, какъ сладчайшіе плоды Всесвятаго Духа, содѣйствующаго намъ въ истинномъ добротвореніи? (Филип. 2, 13)? Наконецъ, поелику сладость истинной добродѣтели такого свойства, что чѣмъ болѣе вкушаемъ ее, тѣмъ большая въ душѣ возбуждается алчба и стремленіе къ ней: то пусть испытываетъ каждый, имѣють ли это свойство и его добродѣтели, исполняютъ ли сердце его непреоборимымъ желаніемъ непрестанно возрастать въ нихъ, и все болѣе и болѣе приближаться къ совершенству?—Таковы предметы, входящіе въ кругъ самоиспытанія, разсматриваемаго въ отношеніи къ нашему спасенію!

(Продолженіе будетъ.)

Г. Горскій.

(а) Разительный примѣръ на сіе въ Уч. Благоч. ч. III, стр. 102.

О ЗНАЧЕНИИ ВПЕЧАТЛЕНІЙ

РАННЯГО ДѢТСТВА ВЪ ДѢЛѢ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ ^(а).

Корыстолюбіе и скупость, повидимому, несвойственны дѣтскому возрасту. Правда, дѣти совсѣмъ не расположены бывають отдавать другимъ то, что имъ доставляетъ какое нибудь удовольствіе, напротивъ они желаютъ имѣть какъ можно больше тѣхъ вещей, которыя имъ нравятся. Но это едвали можно почесть за признакъ жадности или скупости: проходитъ нѣсколько времени, сила непосредственнаго наслажденія или удовольствія исчезаетъ, а вещь теряетъ интересъ новизны для ребенка, и тогда онъ съ охотой отдаетъ ее другимъ. Такъ онъ поступаетъ не только по отношенію къ тѣмъ вещамъ, которыя составляютъ для него предметъ мимолетной забавы и удовольствія, но и съ тѣми, которыя впоследствии окажутся существенно необходимыми для него самого. Это объясняется тѣмъ, что умственное развитіе дѣтей такъ ограничено, опытность ихъ такъ мала, что они не могутъ еще думать о будущемъ и входить въ соображенія о томъ, что имъ будетъ нужно или не нужно впоследствии. Отъ того дѣти живутъ только для настоящей минуты: что не интересуетъ ихъ, что кажется имъ не нужнымъ *теперь*,

(а) Продолженіе.

тѣмъ они обыкновенно нисколько не дорожатъ. Итакъ казалось бы, что дѣтямъ при правильномъ развитіи, по крайней мѣрѣ лѣтъ до десяти, не свойственно обнаруживать въ себѣ предрасположеніе къ жадности и скупости; но къ несчастію на самомъ дѣлѣ бываетъ не такъ: благодаря неправильному вліянію взрослыхъ дѣти и въ этомъ отношеніи равно начинаютъ портиться.

Войдите въ дѣтскую въ то время, какъ нянька или мать кормить дитя, и присмотритесь къ тому, что тамъ дѣлается въ это время: дитя не обнаруживаетъ особенно сильнаго аппетита къ предлагаемой ему пищѣ или потому, что оно достаточно уже насытилось, или потому, что предлагаемая ему пища не вполне удовлетворяетъ его вкусу, или наконецъ потому, что какой нибудь посторонній предметъ занялъ вниманіе ребенка до того, что онъ забылъ о пищѣ. Но нянькѣ или матери некогда ждать, когда онъ вспомнитъ о пищѣ, или ей непременно хочется, чтобъ онъ кушалъ съ такимъ же аппетитомъ какъ и прежде. Послушайте, что обыкновенно говоритъ нянька или мать ребенку для возбужденія въ немъ вниманія и аппетита къ предложенной пищѣ: «кушай, кушай, не то—я отдамъ твое кушанье братцу или сестрицѣ»; или: «если не будешь сейчасъ ѣсть, то я сама съѣмъ». Этими словами, а еще болѣе тономъ, съ которымъ они произносятся, дитя встревожено и начинаетъ ѣсть съ торопливостію. Тогда для успокоенія его и какъ бы въ награду за желаніе поскорѣе истребить предложенную ему пищу говорятъ: «нѣтъ, мы никому не дадимъ». Такіе и подобные разговоры съ дѣтьми очень обыкновенны и никто не думаетъ, къ какимъ послѣдствіямъ они могутъ вести дѣтей. А между тѣмъ ими внушается мысль что если ребенку дается какая нибудь вещь, то онъ долженъ употреблять ее исключительно въ свою пользу и хранить ее для себя даже и тогда, когда она ему совсѣмъ не нужна; они при-

водятъ къ тому ложному представленію, что только тотъ отдаетъ другому чтонибудь изъ своихъ вещей, кто поступаетъ нехорошо и кого нужно подвергнуть наказанію за это. Удивительно ли, что дитя на доброту душевную начинаетъ смотрѣть какъ на вѣчто непріятное, и начинаетъ чувствовать страхъ предъ возможностью подѣлиться чѣмънибудь съ другими, быть имъ полезнымъ? А подобное настроеніе души не отнимаетъ ли у ребенка возможности испытать сладость щедрости и не есть ли самая благопріятная почва для развитія жадности и скупости? И дѣйствительно дурныя послѣдствія подобныхъ внушеній обнаруживаются скоро, дитя со страхомъ смотритъ на другихъ дѣтей, если они приближаются къ нему, когда оно ѣсть чтонибудь, кричитъ и старается спрятать отъ нихъ свое кушанье, прикрыть его своими рученками. Оно сыто, ему надоѣла игрушка забавлявшая его прежде; но попробуйте отдать другому ребенку остатки его кушанья, опостылѣвшую ему игрушку, то и другое опять становится для него дорогимъ; дитя плачетъ и старается отнять ихъ у товарища; каждая вещь, каждая игрушка, которую оно за минуту бросило, становится ему опять дорогою, какъ только увидитъ ее въ рукахъ другаго дитяти. Что это? Не признакъ ли жадности, скупости?

Развитію въ дѣтяхъ скупости немало помогаютъ тѣ люди, которые имѣютъ обычай давать чтонибудь имъ тайкомъ отъ другихъ. Такъ поступаютъ чаще всего родители съ особенно любимыми ими дѣтьми, бабушки съ избранными своими внучатами, няньки, сильно привязавшіяся къ комунибудь изъ выннеченныхъ ими дѣтей. Желая выразить свою особенную привязанность къ любимому дѣтищу, они пользуются всякимъ случаемъ сунуть въ руку своему баловню тайкомъ отъ другихъ дѣтей какоенибудь лакомство, гостинецъ или же деньги на подобныя вещи. Такіе потаенные подарки они

любятъ давать особенно предъ разлукой съ своимъ баловнемъ, отправляющимся напр. въ школу. Самой таинственностью такихъ подарковъ выражается желаніе, чтобъ дитя даннымъ ему подаркомъ воспользовалось исключительно само, чтобъ другіе никакъ не имѣли участія въ немъ, и въ большинствѣ случаевъ это желаніе въ точности исполняется ребенкомъ: къ этому побуждаетъ его отчасти чувство благодарности за полученный, а отчасти надежда на будущій подарокъ и т. п. Отъ неоднократнаго повторенія подобныхъ дѣйствій въ дитяти легко образуется склонность—и вообще вещи, которыя попадають въ его распоряженіе, употреблять исключительно въ свою пользу и устранять другихъ отъ возможности пользоваться ими,—склонность, препятствующая развитію въ дитяти доброты, щедрости и благотворительности и располагающая его къ черствости, холодности и невнимательности къ нуждамъ и потребностямъ другихъ.

Но къ таинственности подарковъ нерѣдко присоединяется и прямое наставленіе и даже приказаніе не показывать ихъ никому изъ братьевъ и сестеръ или изъ школьныхъ товарищей, особенно если дитя добродушно и не можетъ не подѣлиться съ своими товарищами тѣмъ, что оно имѣетъ. Въ досадѣ на то, что подарки попадають въ руки другихъ дѣтей, и желая предохранить своего любимца отъ убыточной для него щедрости, къ приказанію присоединяють еще насмѣшку, именно стараются побудить дитя скрывать отъ глазъ товарищей подаренныя ему вещи—тѣмъ, что щедрость и доброту его выставляютъ въ смѣшномъ видѣ, называютъ ее простоватостью, едва не глупостью, которою ловко умѣють пользоваться его смышленные товарищи. Подобныя внушенія, если они повторяются довольно часто, должны очень вредно подѣйствовать на душу ребенка. Не надобно забывать, что многія дѣти весьма чувствительны къ насмѣшкамъ взрос-

лыхъ. Если щедрость дитяти выставляютъ въ смѣшномъ видѣ, то удивительно ли, что оно захочетъ измѣнить свое поведеніе и пріобрѣсть репутацію умнаго человѣка, приберегая данныя ему вещи исключительно для себя? Удивительно ли, что это стремленіе мало по малу укрѣпится и превратится въ привычку—на щедрость и состраданіе къ другимъ смѣрять какъ на свойство людей недалекихъ, простоватыхъ, а ко всякому обращающемуся съ просьбой о помощи относиться съ недовѣріемъ, какъ къ человѣку хитрому, желающему пожить на чужой счетъ? А подобный взглядъ на людей бѣдныхъ, вопіющихъ о помощи, не составляетъ ли одного изъ отличительныхъ признаковъ человѣка скупаго, который въ каждомъ бѣдномъ, просящемъ у него помощи, видитъ пройдоху, разчитывающаго на его простоту, а на человѣка щедраго смотритъ какъ на глупца, равнодушнаго къ своимъ собственнымъ выгодамъ?

Далѣе къ развитію жадности или скупости можетъ приводить нѣкоторыхъ дѣтей, особенно отличающихся впечатлительной натурой, случайное знакомство съ удовольствіями и удобствами богатой и роскошной жизни, между тѣмъ какъ постоянно пользоваться ими они не могутъ вслѣдствіе бѣдности роднаго семейства. Подобными слѣдствіями можетъ сопровождаться временное пребываніе ребенка въ домѣ богатыхъ родственниковъ или знакомыхъ. Жизнь, исполненная удобствъ роскоши, наслажденій и удовольствій, возможныхъ только при значительномъ богатствѣ, производитъ на дитя обаятельное впечатлѣніе, возбуждаетъ въ немъ расположеніе къ подобной жизни, къ подобнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ и дѣлаетъ для него возвращеніе къ жизни среди семейной обстановки, исполненной бѣдности и лишеній, весьма тягостнымъ; вслѣдствіе того и другаго является у него желаніе выбиться изъ-подъ гнета бѣдности и нужды; мечта сдѣ-

латься обладателемъ значительнаго состоянія, чтобъ имѣть возможность удовлетворять упомянутымъ желаніямъ, которыя сильно возбуждены и раздражены, но далеко не удовлетворены,—становится его завѣтной мечтой. Все это приводитъ иныхъ дѣтей къ рѣшимости копить деньги, сберегать вещи, которыя могутъ увеличить ихъ состояніе, извлекать изъ всего выгоду, отдавать въ займы деньги за проценты и и. п. Конечно эта дѣятельность, направленная къ приобрѣтенію и наживанію состоянія, въ лѣта дѣтства незначительна, но съ лѣтами, съ развитіемъ ума, съ укрѣпленіемъ воли, при большемъ знакомствѣ съ жизнью, получаетъ все большіе и большіе размѣры. Впослѣдствіи мысль такого человѣка тѣмъ только и бываетъ занята, какъ бы ограничить свои расходы, отложить лишнюю копѣйку на черный день, какое бы болѣе выгодное употребленіе сдѣлать изъ своихъ наличныхъ денегъ, изъ тѣхъ или другихъ вещей, какъ бы извлечь возможно большую выгоду изъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ и положеній своей жизни. Подобное направленіе мыслей и желаній сначала, пока оно не настолько сильно, чтобъ принудить человѣка къ употребленію незаконныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, достойно бываетъ осужденія развѣ только за свою односторонность, но подконецъ оно становится преступнымъ, почти неминуемо превращая человѣка въ черстваго эгоиста и жестокосердаго скупца, весьма неразборчиваго на средства для увеличенія своего богатства.

Но скорѣе всего предрасположеніе къ жадности и скупости можетъ развиваться у дитяти въ такой семьѣ, гдѣ духъ стяжанія, стремленіе къ большому и большому обогащенію управляетъ всѣми явленіями семейной жизни. Въ такихъ семействахъ обладаніе огромнымъ богатствомъ, миллионными капиталами, считается высочайшимъ благомъ, и быстрое, неустанное стремленіе къ увеличенію своихъ богатствъ—послед-

нею, достойною всякихъ усилій цѣлью жизни. Здѣсь во всѣхъ ежедневныхъ заботахъ, обыденныхъ хлопотахъ, разсужденіяхъ и соображеніяхъ проглядываетъ мысль объ увеличеніи состоянія, о полученіи большихъ барышей, объ избѣжаніи убытка; здѣсь рано встають, чтобъ не опустить времени благоприятнаго для выгодной торговли; здѣсь торопятся, суетятся, вздыхаютъ, даже молятся главнымъ образомъ о томъ, чтобъ состояніе увеличивалось, росло постоянно. Вотъ отецъ семейства возвращается домой сумраченъ какъ туча, всѣ домашніе съ безпокойствомъ посматриваютъ на него. Отъ чего такой сумракъ и печаль на лицѣ его? Оказывается, что торговля идетъ плохо: товары продаются съ ничтожнымъ барышемъ, или съ значительнымъ убыткомъ. Но вотъ въ другой разъ отецъ семейства приходитъ съ сіяющимъ лицомъ; онъ ликуетъ и сообщаетъ свою радость и семейнымъ своимъ. Оказывается, что торговля идетъ весьма удачно; товары куплены по дешевымъ цѣнамъ, а продаются, когда на нихъ большой запросъ, стоятъ хорошія цѣны, и слѣдовательно въ нѣсколько времени капиталъ можетъ значительно увеличиться. Здѣсь предметомъ удивленія и уваженія служатъ тѣ люди, которые умѣли нажить огромное состояніе, умѣють во время купить, съ выгодой продать, изъ всего извлечь выгоду; здѣсь расточаются неумѣренныя и безусловныя похвалы бережливости, живо изображается сила и значеніе, которыя выпадаютъ на долю человѣка съ большимъ капиталомъ; здѣсь всякое дѣйствіе, какъ свое собственное, такъ и постороннихъ людей, привыкли оцѣнивать сообразно съ тѣмъ, выгодно ли, прибыльно ли оно и пр. На это намъ могутъ возразить: «возможно ли требовать, чтобъ въ семействахъ, которыя живутъ торговлей, не слышались разговоры о барышахъ и убыткахъ, о способахъ успѣшнаго веденія торговаго дѣла, не радовались удачнымъ торговымъ оборотамъ, не горевали при неу-

дачахъ ихъ? Торговля, какъ и всякое другое дѣло, отъ занимающагося ею требуетъ неразлучныхъ съ нею заботъ, думъ, соображеній; купцу такъ же естественно больше всего думать, говорить объ условіяхъ выгодной торговли и хлопотать, чтобъ она была ему не въ убытокъ, какъ поденщику естественно заботиться о выгодныхъ заработкахъ, чиновнику о дѣлахъ своей службы, естествоиспытателю говорить о новыхъ открытіяхъ и радоваться успѣхамъ естествознанія и вообще каждому спеціалисту интересоваться своей спеціальностью». Совершенно справедливо, что торговому чело­вѣку невозможно не думать, не говорить, не хлопотать объ удачной торговлѣ, не испытывать радостей и тревогъ душевныхъ при такомъ или иномъ ходѣ торговыхъ оборотовъ. Но мы и не думаемъ произносить осужденіе вообще надъ заботами о торговыхъ дѣлахъ, а охуждаемъ только исключительную преданность имъ: мы признаемъ вреднымъ для дѣтей вліяніе только тѣхъ семействъ, гдѣ на торговлю смотрятъ не какъ на средство для удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей, для достиженія какихъ-нибудь высшихъ цѣлей, напримѣръ блага общественнаго, нравственнаго и умственнаго развитія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа, но единственно какъ на средство для наживанія богатства ради самаго богатства и ради грубой и матеріальной силы, которую оно доставляетъ; гдѣ торговымъ интересамъ дается рѣшительное преобладаніе надъ другими высшими, религіозно-нравственными интересами; гдѣ первымъ посвящается почти вся жизнь, а вліяніе послѣднихъ почти совсѣмъ незамѣтно среди торговой суеты: о нихъ едва помнятъ, имъ посвящаютъ едва нѣсколько мгновеній жизни. Вотъ такое преобладаніе торговыхъ интересовъ достойно порицанія и можетъ весьма сильно благопріятствовать развитію въ дѣтяхъ скудости. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, если

среди подобной семьи, гдѣ высшія стремленія природы чело-
вѣческой не находятъ возбужденія и поддержки, у дитяти
значительно развивается любовь къ наживанію богатства;
нѣтъ ничего удивительнаго, если эта любовь, не умѣряемая
высшими нравственными стремленіями, совращаетъ его въ по-
слѣдствіи съ честнаго и прямаго пути и дѣлаетъ его крайне
неразборчивымъ на средства къ наживанію богатства.

Благодаря такимъ и подобнымъ впечатлѣніямъ и обстоя-
тельствамъ жизни, въ душѣ челоуѣка посѣваются и разви-
ваются сѣмена тѣхъ ужасныхъ низкихъ страстей, которыя
извѣстны подъ именемъ корыстолюбія и скупости. Подъ влі-
яніемъ этихъ страстей челоуѣкъ доходитъ до крайней нрав-
ственной низости; подъ давленіемъ ихъ всѣ добрыя чувства
и стремленія замираютъ, благородныя побужденія теряютъ
всякую силу; челоуѣкъ забываетъ о высокихъ нравственныхъ
цѣляхъ, къ которымъ онъ обязанъ стремиться, и превра-
щается въ сухаго, черстваго, безсовѣтнаго и жесткаго
эгоиста; всѣ его мысли, желанія и дѣла имѣютъ въ виду од-
но пріобрѣтеніе богатства какими бы то ни было средствами;
каждое свое дѣло, каждую должность, каждое отношеніе къ
другимъ личностямъ, каждое обстоятельство жизни онъ пре-
жде всего разсматриваетъ съ своей корыстолюбивой точки зрѣ-
нія, и весьма тонко и быстро умѣетъ сообразить, гдѣ и какъ
можно удовлетворить своему корыстолюбію. Поэтому на каж-
дую общественную должность онъ смотритъ исключительно
какъ на источникъ безгрѣшныхъ и грѣшныхъ доходовъ;
мысль о благѣ общественномъ, на служеніе которому онъ
призванъ, ему кажется пустой фантазіей; а потому благо об-
щественное, честь, благородство, совѣсть всегда приносятся
въ жертву корыстнымъ разчетамъ; изъ-за нихъ онъ можетъ
сдѣлаться безсовѣтнымъ торгашемъ, злостнымъ банкротомъ,
жестокимъ притѣснителемъ рабочихъ, недобросовѣтно

оплачивающимъ ихъ тяжелый трудъ, жестокосердымъ ростовщикомъ, опекуномъ-расхитителемъ сиротскаго имущества, фальшивымъ монетчикомъ и пр. и пр. Словомъ, нѣтъ преступленія, на которое не рѣшился бы человѣкъ, обладаемый корыстолюбіемъ, лишь бы онъ видѣлъ въ этомъ средство для удовлетворенія своей страсти, — и корыстолюбіе современемъ превращается въ скупость, скряжничество. Корыстолюбивый любить богатство не ради него самого, а за то, что оно доставляетъ ему возможность удовлетворять различнымъ его вкусамъ и желаніямъ; онъ собираетъ всеми неправдами богатство для того, чтобъ наслаждаться чрезъ него всеми благами роскошной и чувственной жизни. Но впоследствии, когда человѣкъ начинаетъ приближаться къ старости, когда слѣдственно кровь холодѣетъ, увлеченія разнаго рода проходятъ, вкусъ и способность къ чувственнымъ удовольствіямъ притупляются, корыстолюбивый легко превращается въ скрягу, т.-е. человѣка, который разными неправдами нажитое или наживаемое богатство начинаетъ любить ради него самого; онъ копить сокровища, чтобъ только беречь и любоваться ими; каждая, даже самая малая и необходимая, трата ихъ составляетъ для него мученіе; поэтому скупой моритъ голодомъ и холодомъ не только слугъ своихъ, но и своихъ семейныхъ, не только своихъ семейныхъ, но и самого себя, и обладая иногда громадными богатствами, живетъ хуже и бѣднѣ послѣдняго нищаго.

Такія ужасныя послѣдствія корыстолюбія и скупости должны служить для родителей и воспитателей сильнымъ побужденіемъ къ внимательности и осторожности въ обращеніи съ дѣтьми. Пусть они сами остерегаются и другимъ не позволяютъ употреблять при дѣтяхъ такихъ выраженій, которыми внушается страхъ предъ возможностью подѣлиться чѣмъ-нибудь съ кѣмъ-нибудь, внушается нерасположеніе къ

щедрости; не нужно давать дѣтямъ тайно отъ другихъ лакомствъ, денегъ и т. п. Самая таинственность такихъ подарковъ возлагаетъ на дѣтей какъ бы обязательство никому не показывать даннаго подарка и слѣдственно дѣлиться имъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ товарищей. Особенно вредно дѣйствуетъ на дѣтей эта таинственность, если ее сопровождаютъ ясными и прямыми наставленіями скрывать отъ другихъ подаренную вещь, если доброту дѣтей выставляютъ въ смѣшномъ видѣ. Напротивъ пусть съ самыхъ раннихъ лѣтъ пріучаютъ дѣтей дѣлиться съ другими тѣмъ, что они имѣютъ: кушаньемъ, которое они ѣдятъ, игрушками, которыми они играютъ; пусть устроятъ такъ, чтобъ они наслаждались тѣмъ, что принадлежитъ имъ, вмѣстѣ съ другими. Въ видахъ предохраненія дѣтей отъ скупости прекрасно поступаютъ тѣ родители, которые, желая одѣлать чѣмъ-нибудь дѣтей своихъ, раздаютъ имъ подарки руками кого-нибудь изъ младшихъ дѣтей; заставляютъ его сначала разнести старшимъ братьямъ и сестрамъ назначенные имъ подарки, а въ заключеніе отдаютъ и ему для него назначенный. Такимъ способомъ они пріучаютъ дитя ради собственнаго удовольствія не забывать о желаніяхъ и нуждахъ другихъ; это первая, свойственная даже и дѣтскому возрасту, школа самоотверженія. Пусть пріучаютъ дитя быть щедрымъ, относиться съ участіемъ къ бѣдности и нуждамъ другихъ дѣтей: каждое пожертвованіе ребенкомъ своихъ вещей въ пользу другихъ должно сопровождать не упрекомъ и охудженіемъ, а напротивъ одобреніемъ; надобно пристыжать дѣтей, если въ нихъ замѣчается жадность и скупость, стремленіе обогатиться какими-нибудь нечестными средствами; полезно иногда въ такомъ случаѣ болѣе взрослымъ дѣтямъ яркими красками изображать несчастное и безобразное положеніе скупаго человека, какъ онъ безчестенъ и жестокъ не только съ чужими,

но и съ своими ближайшими родными, какъ онъ бѣденъ и жалокъ при своемъ огромномъ богатствѣ, какъ онъ мучится чувствомъ недостаточности при великомъ изобиліи всего, какъ страдаетъ при каждой, даже самой малой и необходимой, тратѣ своего имущества. При этомъ будетъ весьма понятна дѣтямъ мысль, что деньги и богатство сами по себѣ весьма недостаточны для счастья и довольства человѣка.

Но лучше и сильнѣе всѣхъ наставленій, увѣщаній и обличеній предохраняетъ дѣтей отъ корыстолюбія и скупости жизнь родителей и воспитателей, представляющая примѣръ христіанскаго безкорыстія, состраданія и любви къ бѣднымъ. Если всѣ взрослые члены семьи относятся другъ къ другу съ любовію, съ постоянной готовностію помогать другъ другу всѣмъ, что каждый имѣетъ у себя; если каждый изъ нихъ больше заботится объ удовлетвореніи нуждъ и желаній другаго, чѣмъ своихъ собственныхъ; если нуждающіеся и бѣдные встрѣчаются не съ холодностію и подозрительностію, но съ участіемъ, сочувствіемъ, и получаютъ дѣйствительную сильную помощь; если всѣ дѣйствія ихъ проникнуты честностію и благородствомъ; если богатство разсматривается не какъ высшее благо, не какъ цѣль всѣхъ стремленій и думъ человѣческихъ, а только какъ средство къ достиженію высшихъ нравственныхъ благъ и наслажденій: то дѣти, незамѣтно для нихъ самихъ, усвоятъ себѣ этотъ благородный образъ мыслей, чувствованій и стремленій. Они и сами будутъ находить наслажденіе не въ копленіи денегъ и вещей, которыя попадаютъ въ ихъ руки, не въ эгоистическомъ употребленіи ихъ для своихъ личныхъ желаній, а въ томъ, что они при помощи ихъ могутъ сдѣлать что-нибудь пріятное своимъ братьямъ и сестрамъ, оказать помощь своему товарищу, вывести его изъ затруднительнаго положенія и т. п. Въ такомъ нравственномъ настроеніи дѣти получаютъ самую лучшую охрану противъ жадности, корыстолюбія и скупости.

II. К.

О ПОКАЯНІИ.

ПОУЧЕНІЕ 4-е ПОКОЙНАГО ПРОТОІЕРЕЯ ИПОПОЛИТА
МИХАЙЛОВИЧА БОГОСЛОВСКАГО-ПЛАТОНОВА. (а)

Душе моя, душе моя! возстани, что спиши.

Нѣсколько дней сряду слышали мы, братіе, и еще скоро услышимъ изъ устъ св. церкви сей умиленный призывъ къ покаянію. Какъ мать, склонившись надъ безопасно спящимъ сыномъ, она зоветъ христіанина, и какъ бы не хочетъ отойти отъ него, доколѣ не пробудится онъ и не возстанетъ на дѣланіе свое. Вѣрно, она боится за чадъ своихъ, чтобы и сіи дни духовнаго бдѣнія не прошли для нихъ въ томъже нравственномъ усыпленіи и бездѣятельности; вѣрно, она видитъ, что многіе просыпаютъ жизнь, не стараясь очнуться отъ продолжительнаго сна, и потому могутъ пробудиться уже тогда, когда окончится срокъ дѣланія и наступитъ ночь смерти.

Кто же сіи спящіе? И что это за сонъ, отъ котораго, какъ видно, не легко пробудиться? Конечно, это можетъ быть извѣстно только тому, кто самъ не спитъ и по опыту знаетъ, въ чемъ состоитъ духовное бодрствованіе.

Св. Апостолъ Павелъ, изображая внезапность послѣдняго пришествія Господня, предостерегаетъ христіанъ отъ безопасности въ ожиданіи сего великаго и страшнаго дня и возбуж-

(а) Первыя три поученія см. въ январ. книжкѣ.

даетъ ихъ къ постоянной бдительности духовной: «тѣмже убо не спимъ,» говоритъ онъ, «якоже и прочіи, но бодрствуимъ и трезвимся. Спящіи бо въ нощи спятъ и упивающіися въ нощи упиваются. Мы же, сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеса въ броню вѣры и любви и шлемъ упованія спасенія» (1 Сол. 5, 48). Ясно различаются бодрствующіе отъ спящихъ: кто облеченъ вѣрою и любовію, какъ бронею, и упованіемъ, какъ шлемомъ, тотъ бодрствуетъ, подобно воину, всегда готовому на подвигъ; но въ комъ бездѣйствуютъ сія христіанскія добродѣтели, тотъ спитъ, забывая о своемъ призваніи и опасностяхъ. Какъ въ состояніи тѣлеснаго сна прежде всего закрывается чувство зрѣнія, а за нимъ и въ прочихъ чувствахъ способность ощущенія ослабляется, такъ что спящій какъ бы разлучается съ окружающимъ его міромъ, ничего не видитъ и не слышитъ; а если и вгоргаются въ его душу какія-нибудь впечатлѣнія, то принимаютъ образы большею частію несвязныхъ и странныхъ явленій: такъ можетъ спать и душа въ отношеніи къ сродному ей духовному міру. Если святая истины вѣры не составляютъ для насъ постояннаго предмета размышленій и не ощутительна для насъ сладость слова Божія, возвѣщающаго спасеніе; если жизнь проходитъ въ непрестанной смѣнѣ занятій, огорченій и удовольствій, не освѣщаемая свѣтильникомъ закона Божія; если всякій разъ, какъ міръ наводитъ на насъ сомнѣніе въ истинѣ добра и счастья, мы впадаемъ въ уныніе, и, лишаясь удовольствій земныхъ, остаемся вовсе безъ радостей; если всѣ наши надежды и предначертанія не выходятъ изъ круга земнаго счастья и не тревожатъ насъ мыслью о другомъ, высокомъ назначеніи души: то не ясны ли это признаки духовнаго усыпленія, когда око вѣры закрыто, чувство любви и упованія бездѣйственно? Такая-то безпечность касательно истиннаго блага души, общая большій части изъ насъ, составляетъ одну изъ самыхъ труднѣй-

шихъ преградъ къ покаянію. «Исчезаетъ душа моя во спасеніе твое» (Пс. 118, 81), взываетъ Давидъ къ Господу, Котораго слово было «сладко паче меда устомъ его» (ст. 103), Котораго заповѣди онъ «возлюбилъ паче злата и топазія» (ст. 127). А наша душа не исчезаетъ ли въ однихъ земныхъ удовольствіяхъ, не истрчиваетъ ли всѣ свои силы и все время на приобрѣтеніе земныхъ сокровищъ, въ которыхъ однихъ видитъ всѣ радости, весь покой свой? А при этомъ, конечно, мало тревожитъ собственная ея бѣдность и нагота, мало огорчаетъ постоянная утрата добрыхъ свойствъ и даже самой стыдливости, мало остается времени подумать о пройденномъ пути жизни и о концѣ его, можетъ быть близкомъ; и если возникаютъ подобныя мысли, если возвышается по временамъ голосъ совѣсти, пробуждаются чувства сокрушенія и умиленія, то не такъ ли проникаютъ въ душу сіи спасительныя внушенія свыше, какъ впечатлѣнія міра видимаго проходятъ въ нее черезъ чувства спящаго человѣка?

Вотъ отъ чего наше покаяніе совершается такъ поспѣшно и холодно: безъ должнаго приготовленія и вниманія къ себѣ, безъ строгаго самоосужденія и душевной скорби приступаемъ къ нему;—едва начавъ, уже желаемъ освободиться отъ непривычнаго состоянія души, и даже во время самаго покаянія сердце остается тамъ, гдѣ его сокровище, его любимыя занятія и удовольствія; спѣшимъ имъ отдаться снова, когда, окончивъ сей малый трудъ, утѣшаемъ себя мыслию, что сдѣлали все должное.

Какая несоразмѣрность! Не должно ли покаяніе быть также глубоко, какъ глубока привязанность къ грѣху; также постоянно, какъ непрерывно служеніе страстямъ; продолжительно, какъ жизнь вся сотканная изъ непрестанныхъ паденій?—Успѣмъ еще покаяться! Часто думаемъ мы, желая успокоить вошіющую совѣсть. Но кому извѣстна мѣра долготер-

пѣнія Божія и число лѣтъ его жизни? «Сіе вѣдите, яко аще бы вѣдалъ домуладька, въ кую стражу тать пріидеть, бдѣлъ убо бы, и не бы далъ подкопати храма своего: сего сего ради и вы будите готови, яко въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческой пріидеть» (Матѣ. 24, 43,). «Будемъ наслаждаться жизнью, пока она цвѣтетъ юностью, здоровьемъ, счастиемъ, а о спасеніи успѣемъ позаботиться, когда наступитъ старость съ ея печалями и недугами»: такъ говорятъ многіе, не давая себѣ труда подумать болѣе здраво о столь важномъ предметѣ. Развѣ въ нравственномъ отношеніи перемѣниться также легко, какъ снять одно платье и надѣть другое? Да и то уже составляетъ трудъ для старости, отягченной недугами. Мы знаемъ, что для пріобрѣтенія ловкости въ тѣлесныхъ движеніяхъ необходимо прежде частое упражненіе тѣла: сколько же надобно трудиться, чтобы получить навыкъ къ благочестію, къ смиренію, тѣрпѣнію и другимъ христіанскимъ добродѣтелямъ? О, если бы можно было такъ легко и скоро пріобрѣтать ихъ, какъ привыкаемъ мы къ грѣху и порокамъ! Но и при маломъ вниманіи къ себѣ не трудно убѣдиться въ противномъ. Сѣмя растлѣнія, которое носить въ себѣ человѣкъ, дѣлаетъ быстрыми и стремительными успѣхи его въ порокахъ: отъ легкой слабости до тяжкаго грѣха часто едва одинъ примѣтный шагъ. Чтобы изъ робкаго ученика сдѣлаться опытнымъ и искуснымъ въ грѣхѣ, для этого немного потребно трудовъ и времени: проникая въ сердце, грѣхъ приводитъ съ собою легіонъ другихъ. Такъ ли легко созидать, какъ разрушать? А приступающій къ исправленію себя обреченъ на двойной трудъ: въ одно и тоже время нужно и разрушать ветхаго человѣка съ его застарѣлыми склонностями ко грѣху и созидать новаго. Это такой подвигъ, который никто бы изъ людей не могъ совершить, если бы не подавалась намъ къ тому высшая, Божественная сила. Она чудодѣйствен-

но совершаетъ обновленіе человѣка, но не противъ его воли: ее надобно привлечь къ себѣ покаяніемъ и сокрушеніемъ, — удержать терпѣніемъ и самоотверженіемъ.

Мы же, безумно отсрочивая исправленіе, тѣмъ самымъ позволяемъ грѣху усилиться въ насъ до того, что онъ дѣлается полнымъ и единственнымъ властелиномъ души. Какъ малый недугъ, оставленный въ началѣ по небреженію, обращается въ неисцѣльную язву и заражаетъ все тѣло: такъ съ усиленіемъ грѣховной склонности слабѣетъ нравственная сила, притупляется чувство совѣсти и грѣхъ становится неотвратимою потребностію души, которая переживаетъ въ насъ самое наслажденіе грѣхомъ. Не борьба обыкновенная, — а и къ ней не многіе изъ насъ способны, — но самое тяжкое самоумерщвленіе нужно для того, чтобы преодолѣть силу грѣховной привычки. Вотъ что повѣствуетъ о себѣ дивная подвижница, около 50 лѣтъ проведенная въ тягчайшихъ подвигахъ, чтобы загладить грѣхи юности. «Первыя 17 лѣтъ, говоритъ она, провела я въ ужасной борьбѣ съ моими страстями, какъ съ лютыми звѣрями. Принималась ли я за убогую пищу свою, мнѣ мечтались мяса и рыбы, которыми прельщалась я въ Египтѣ. Хотѣла ли пить: жажда вина, въ которомъ прежде не знала умѣренности, распалая меня; прежнія вожделѣнія, какъ пламень, свѣдали мою внутренность; я падала ницъ, билась объ землю и не вставала съ нея по цѣлымъ днямъ». Что же дѣлаемъ мы, братіе, когда, прилагая грѣхи къ грѣхамъ, безбоязненно сходимъ въ самую глубину зла? Развѣ также легко выйти изъ нея, какъ удобно сходить туда? «Но Богъ милосердъ, говорятъ иные. Онъ видитъ грѣхи наши и проститъ ихъ по Своей безконечной любви къ человѣку». Нужно ли обличать, сколько легкомысленнаго, безразсуднаго въ этомъ лжеупованіи на милость Божію? Не праведенъ ли въ тоже время Господь? И по непреложному закону прав-

ды Его не наказывается ли всякое преступленіе тѣмъ самымъ зломъ, которое неизбѣжно происходитъ отъ него? Господь готовъ даровать каждому прощеніе и спасеніе: но какъ спасти того, кто не хочетъ спасенія? Чтобы принять лекарство, надобно покрайней мѣрѣ раскрыть уста; чтобы получить прощеніе отъ Бога, нужно открыть передъ Нимъ свое сердце. Какимъ образомъ можетъ совершиться въ человѣкѣ спасительная перемѣна, если онъ весь преданъ влеченіямъ своего развращеннаго сердца и не хочетъ оставить любимаго грѣха? Въ десницѣ Всевышняго конечно много есть средствъ къ обращенію грѣшника: на то ли будемъ надѣяться въ своей безопасности? Будемъ ли ждать вразумленій тяжкихъ, потрясающихъ? Если сердце до того отвердѣло, что уже не ощущаетъ дѣйствій милосердія Божія, дарами счастья привлекающаго къ спасенію: то каждый развѣ мало имѣетъ лишениій и скорбей, которыя, какъ прямые плоды его слабостей и страстей, должны бы пробудить его къ самоиспытанію и исправленію?

«Братіе, часъ уже намъ отъ сна востати; нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе». Да не услышимъ сихъ грозныхъ словъ Праведнаго Судіи: «звахъ васъ, и не послушасте, простирахъ словеса, и не внимасте, но отметасте моя совѣты, и моимъ обличеніемъ не внимасте: убо и Азъ вашей погибели посмѣюся» (Прит. 1, 24—25). «Страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго (Евр. 10, 35).

СКРОПОСТИЖНАЯ СМЕРТЬ.

СЛОВО ВЪ СУББОТУ МЯСОПУСТНУЮ И ВЪ ДЕНЬ ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ,
ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО СЕРГІЯ, ЕПИСКОПА КУРСКАГО.

„Или они осьмнадцать, на нихъже паде столпъ Силоамскій, и поби ихъ, мните ли, яко тѣи должнѣйши бяху паче всѣхъ живущихъ во Іерусалимѣ? (Лук. 13, 4).

Въ настоящую субботу совершается поминовеніе усопшихъ. Сіе учрежденіе такъ важно, что праздникъ трехъ Святителей, прилучившійся нынѣ же, перенесенъ на иной день, и только тамъ празднуется на своемъ числѣ, гдѣ онъ есть вмѣстѣ храмовый праздникъ, какъ и въ этой крестовой церкви (Уст. церк. гл. 14 и Марковы главы).

Особенность нынѣшняго поминовенія—та, что положено святыми отцами творить память въ сію мясопустную субботу и молиться о погибшихъ въ огнѣ, въ водѣ, подъ землею, и о всѣхъ нечаянною смертію скончавшихся (Синакс., въ субб. мясоп.).

Постоянно нынѣ объявляются извѣстія то объ убитыхъ, то утонувшихъ, замерзшихъ, сгорѣвшихъ и иныхъ несчастныхъ, умирающихъ безъ христіанскаго напутствія. Можно отсюда понять важность челоувѣколюбиваго учрежденія Церкви, назначившей особый день для поминовенія сихъ несчастныхъ, которыхъ иногда и помянуть некому. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

нельзя не придти къ недоумѣнію: почему многихъ постигаетъ такая страшная смерть, неестественная и насильственная?

Обыкновенно смерть скоропостижную называютъ «напрасною». Это выраженіе, если принимать его въ современномъ значеніи, не совѣмъ точно. У Бога ничего не бываетъ напрасно. Какія же могутъ быть причины ея?

Не всегда грѣхи тѣхъ, которые такъ несчастно умираютъ. Упала нѣкогда въ Іерусалимѣ башня, и осмнадцать человѣкъ убила. Спаситель, указавъ на это несчастіе, спросилъ окружавшихъ Его Іудеевъ: «или вы думаете, что тѣ осмнадцать человѣкъ виновнѣе были всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ»? Симъ вопросомъ Онъ предупреждаетъ и насъ, чтобы мы не почитали какъбы за отверженныхъ Богомъ тѣхъ, которые умираютъ не естественною смертію: можетъ ова постигнуть человѣка, хотя и не безгрѣшнаго, но и не очень грѣшнаго, даже благочестиваго. У родителей Василия Великаго, кромѣ его, было четыре сына и пять дочерей. Онъ и два брата достигли архіерейскаго сана, и причислены были, какъ и двѣ ихъ сестры (Макрина и Θεосвія), къ лику святыхъ. По этому одному можно судить о высокихъ достоинствахъ сего благочестиваго семейства. Что же случилось?—Братъ Василіевъ Навкратій, еще молодой юноша, отправился въ пустыню, чтобы жить у отшельниковъ и помогать имъ въ необходимыхъ потребностяхъ. Однажды онъ и другъ его Хрисафій, лова для братій рыбу въ рѣкѣ, запутались въ рыболовныхъ сѣтяхъ, и оба утонули. (Григ. Бог. въ надгр. словѣ Навкратію, и Григ. Нисск. въ кн. о жизни Макрины).

На подобные случаи неповинной смерти святой Златоустъ даетъ такое объясненіе: «Если увидишь, что праведникъ терпитъ злую кончину, не упадай духомъ, ибо ему несчастія уготовляютъ свѣтлый вѣнецъ. Богъ наказываетъ нѣкоторыхъ на землѣ, чтобы облегчить имъ тамошнее наказаніе, или со-

всѣмъ освободить ихъ отъ онаго» (о Лаз. бес. III, § 9). Здѣсь прилично вспомнить объ одномъ пустынникѣ, котораго левъ растерзалъ. Другой, знавшій его жизнь, пришелъ въ недоумѣніе: какая же это справедливость, что жившій неукоризненно и свято подвергся такой лютой смерти?—Въ слѣдующую ночь является ему ангелъ, и говоритъ: «этотъ, растерзанный звѣремъ, имѣлъ одинъ тайный грѣхъ, за который онъ просилъ себѣ наказаніе у Бога, и послалъ ему Господь такую кончину, ради совершеннаго очищенія души его». Такъ праведные *еще предъ лицемъ человѣческимъ и муку примутъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено* (Пр. Сол. 3, 4).

Между тѣмъ всегда гибель скоропостижно умирающихъ направляется Промысломъ къ вразумленію живыхъ. Не отрицалъ Господь, что грѣшны тѣ, которые башней были убиты; но ихъ несчастіемъ призывалъ живыхъ къ покаянію: *еще не покается, вси такожде погибнетъ*. Поелику же Іерусалимяне не вразумились симъ урокомъ, не исправились, во Христа не увѣровали, а во время суда надъ Нимъ кричали: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* (Матѣ. 27, 25): то и сбылось надъ ними Его предсказаніе. Всѣ упорные въ невѣріи Іерусалимяне погибли, когда Іерусалимъ, какъ городъ мятежный, взятъ и разрушенъ былъ Римлянами (Феофил. Благовѣстн. на Ев. Лук. гл. 13). И въ наше время если иные умираютъ внезапно и насильственно, мы не должны думать, что мы безопасны, будто мы правы; напротивъ Богъ попускаетъ около насъ быть несчастнымъ случаямъ, чтобъ мы позаботились о своемъ исправленіи. «Что же, спросишь, уже ли иной погибаетъ для того, чтобы я сдѣлался лучшимъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ святой Златоустъ, не для этого онъ наказуется, а за свой грѣхъ» (о Лаз. III, 9).

Святой Василій Великій уподобляетъ Господа врачу, который, когда видитъ, что рана гніетъ и заражаетъ, отни-

маеть всю большую часть тѣла. Такъ Господь «останавливаетъ неправду прежде, нежели разлилась она до безмѣрности. Поэтому бѣдствія, если съ кѣмъ случаются, пресѣкають возрастаніе грѣха, и всенародные пороки уцѣломодриваетъ Онъ всенародными казнями. Отсюда землетрясенія, кораблекрушенія и истребленіе людей отъ воды, огня и другихъ причинъ. Все сіе имѣеть началомъ чрезмѣрность грѣха» (Твор. Вас. В. Част. IV, стр. 144, 150, 146). Точно также на вопросъ: «отъ чего землетрясенія и другія губительныя явленія»,—святой Григорій Богословъ рассуждаетъ: «То, что создано въ удовольствіе людямъ, обращается въ наказаніе нечестивымъ, чтобъ они познали силу Божию въ злостраданіяхъ, когда не хотѣли знать ее въ благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ. Бѣдственный конецъ злыхъ людей останавливаетъ стремленіе порока. Гнѣвъ Божій соразмѣряется съ грѣхами» (Твор. Гр. Бог. Част. II, стр. 51, 36, 50). «Пойдутъ, говоритъ Премудрый,—праволучныя стрѣлы молніины, и яко отъ благокругла лука облаковъ на намѣреніе полетятъ» (Прем. Сол. 5, 21). То есть: какъ изъ лука стрѣла летитъ въ цѣль, куда направляетъ ее стрѣлокъ; такъ губительныя молніи упадаютъ изъ тучи на тѣ мѣста, какія указываетъ имъ мановеніе Господне.

Однакоже не всѣ порочныя скоропостижно умирають; иные, и злодѣйствуя, долго живутъ. «Когда видишь, отвѣчаетъ Златоустъ, что нѣкоторые или при кораблекрушеніи погибли, или задавлены домомъ, или потонули въ рѣкѣ, или другимъ насильственнымъ образомъ окончили жизнь, между тѣмъ какъ иные, или подобно имъ, или еще хуже грѣшатъ, однако остаются невредимы,—не смущайся, и не говори: отъ чего это согрѣшающіе одинаково не пострадали одинаково? Богъ одному попускаетъ быть убитымъ, облегчая тамошнее наказаніе ему, или пресѣкая грѣховность его, чтобы продолжая

жизнь нечестивую, не собиралъ большее на себя осужденіе. А другому не попускаетъ такой смерти, чтобы, наученный казню перваго, онъ сдѣлался благовравнѣе. Если же вразумляемые не исправляются, виновенъ не Богъ, а безпечность ихъ» (о Лаз. III, 9).

Хотя словомъ Божиимъ и ученіемъ отцевъ нѣсколько разъясняются общія причины насильственной смерти; но почему жребій этотъ падаетъ на кого-либо именно, опредѣлить сіе весьма затруднительно, и сколько на свѣтѣ совершено убійствъ, тайна которыхъ погребена въ могилѣ убитыхъ! Изъ этой таинственности судебъ человѣческихъ вытекаютъ два намъ внушенія: первое, что будетъ судъ всемірный, когда раскроется все, здѣсь не разгаданное, и послѣдуетъ полное всѣмъ воздаяніе; въ сей конечно увѣренности Церковь нынѣ молится о скоропостижно умершихъ, а завтра воспоминаетъ страшный судъ. Второе—то, что не наше дѣло судить, кто изъ отшедшихъ больше грѣшенъ, и для кого молитва нужнѣе; а наша обязанность сливать наши воздыханія сердечныя съ гласомъ святой Церкви, которая нынѣ взывала:

«Яже покры вода, брань пожать, трусь объять, убійцы убиша, огнь попали, снѣдь звѣремъ бывшія, мразомъ измершія, имъже попустилъ еси, Господи, внезапными падежми умрети, избави муки вѣчныя, и неосужденно предстати Тебѣ, Слове, въ пришествіи Твоемъ сподоби» (Кан. субб. мясоп. пѣснь 1, 3, 5 и 9). Аминь.

ВАЖНѢЙШАЯ ОБЯЗАННОСТЬ МАТЕРИ.

Слово въ день введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы,
преосвященнѣйшаго Сергія, епископа Курскаго.

„Воспомянание пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣр-
нѣй вѣрѣ, яже вселися прежде въ бабу твою Лонду и
въ мать твою Евникію: извѣстенъ же есмь, яко и
въ тебе.“ (2 Тим. 1, 5).

Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы совершилось, когда она была трехъ лѣтъ. Отецъ Ея праведный Іоакимъ хотѣлъ исполнить надъ Нею обѣтъ посвященія Ея храму, какъ только достигла она двухъ лѣтъ; но праведная Анна уговорила его отложить сіе дѣло еще на годъ. Этимъ годомъ воспользовалась она, чтобы приготовить свое дитя къ священному его назначенію. Праведная Анна внушала своей юной дочери, что Она родилась по молитвамъ родителей, что Ей надобно жить у Бога въ храмѣ, что Ей тамъ будетъ лучше, чѣмъ въ родномъ домѣ, что Богъ, если Она будетъ любить Его, сдѣлаетъ для нея безконечно болѣе, нежели отецъ и мать.

Слѣдствіемъ сихъ внушеній было то, что Дѣва Марія охотно поселилась въ храмъ и никогда тамъ не сучала.

Примѣръ праведной Анны указываетъ на важнѣйшую изъ материнскихъ обязанностей. Нынѣ много говорятъ о вліяніи матерей на успѣхи образованія народнаго; но все это пото-

му особенно важно, что онѣ должны быть первыми наставниками для своихъ дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи.

Самая близость матери къ дѣтямъ напоминаетъ ей о семьей назначеніи. Тогда какъ отецъ семейства бываетъ отвлеченъ нуждами домашними и дѣлами своего званія, мать всегда съ дѣтьми. Если по чувству любви къ нимъ она заботится, чтобъ они были сыты и довольны; то по сему же самому побужденію не должна она забывать и о духовномъ ихъ питаніи. Эту духовную пищу составляютъ молитвы и первоначальныя объясненія въ вѣрѣ. Равно раскрывается въ дѣтяхъ любопытство, и скоро обращается къ предметамъ священнымъ: Смотритъ дитя на образъ; стремится цѣловать, и спрашиваетъ: кто, или что это? Увидитъ церковь, услышитъ звонъ, и опять возбуждается его любопытство. При всѣхъ подобныхъ случаяхъ къ кому младенецъ охотнѣе обратится съ своими полувѣсными вопросами, какъ не къ своей родной матери?

Ея даже собственная выгода побуждаетъ пещись о духовномъ воспитаніи дѣтей. Какая мать захочетъ видѣть своего сына безбожникомъ, или человѣкомъ потеряннымъ? Какая мать не содрогнется отъ боязни, какъ бы дѣти совсѣмъ не перестали ее любить? Но сынъ, если выростетъ вѣрующимъ, пребудетъ и своихъ родителей любящимъ. Сѣмена благочестія, которыя мать сѣмлетъ насадить въ дѣтяхъ, суть сѣмена и ихъ неизмѣнно почтительной привязанности къ ней. Могутъ быть ея наставленія въ вѣрѣ не обширны и не многосложны, но они негибнущи и неизгладимы. Обыкновенно, дѣтское сердце сравниваютъ съ мягкимъ воскомъ; такъ оно легко принимаетъ всякія впечатлѣнія. Но сила въ томъ, что впечатлѣнія получаемыя отъ матери остаются на всю жизнь, и если заимствуются изъ области вѣры, служатъ основаніемъ вѣрности. Какія молитвы мы съ большимъ умиле-

ніемъ уединенно читаемъ, пришедши въ зрѣлый возрастъ, — не тѣ ли, которымъ насъ научила мать? Важны эти молитвы по своему происхожденію и содержанію; но незабвенны и потому, что впервые мы ихъ слышали изъ устъ родной матери.

Апостолы просвѣщены были Святымъ Духомъ; но и они своимъ ученіемъ и примѣромъ подтвердили высокое значеніе материнскихъ наставленій. У апостола Павла былъ ученикъ Тимофей, котораго онъ называлъ *возлюбленнымъ чадомъ*, и котораго скоро сдѣлалъ епископомъ. Неоднократно хвалилъ онъ Тимофея то за искренность и твердость вѣры, то за свѣдѣнія въ священномъ писаніи. Достоинства сіи высоки и въ епископскомъ дѣлѣ нужны. Какъ же ихъ первоначально приобрѣлъ Тимофей? Сіе изъясняетъ самъ апостоль Павелъ, обращаясь къ нему съ такими словами: «Я храню въ памяти вѣру твою, которая прежде обитала въ бабкѣ твоей Лодѣ и въ матери твоей Евникіи; эта вѣра и въ тебѣ». И «ты изъ дѣтства знаешь священныя писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе» (2 Тим. 3, 15). Очевидно Тимофей своею бабкою и своею матерью такъ былъ воспитанъ и такъ былъ въ вѣрѣ наученъ, что въ юныхъ лѣтахъ сталъ показывать опыты старческой мудрости. Посему съ любовію взягъ былъ онъ апостоломъ Павломъ, къ которому мать сама привела его въ Листръ. Посему же апостоль подтверждалъ, чтобы никто не пренебрегалъ Тимофея за юность его (1 Тим. 4, 12).

Если же въ апостольскомъ чинѣ и служеніи материнскія наставленія оказались не излишни; то какъ они важны въ нашемъ современномъ обществѣ, когда для дѣтей болѣе открыто и доступно, нежели сколько слѣдовало бы по ихъ малолѣтству, когда возрастные не стыдятся при нихъ говорить и дѣлать то, о чемъ и подумать соблазнительно! «Есть у тебя младенецъ? — обращается съ совѣтомъ къ матери христіанки святой Григорій Богословъ. Не давай времени усилиться по-

врежденію; пусть онъ освященъ будетъ въ младенчествѣ. Дай ему (вѣру въ) святую Троицу, — сіе великое и доброе охраненіе» (Тв. Гр. Бог. Ч. III., стр. 287). Подобно сему и святой Златоустъ, высоко цѣнившій наставленія своей матери, совѣтуетъ женщинамъ, чтобъ онѣ воспитывали дѣтей въ благочестіи и упражняли ихъ въ священномъ писаніи. «Не думайте, говоритъ (на посл. къ Еф. бес. 21), чтобъ однимъ монахамъ нужны были наставленія въ Писаніи; онѣ потребны и для дѣтей, которыя должны вступить въ мірскую жизнь. Какъ при снаряженіи корабля бываетъ нуженъ кормчій, такъ и свѣтскому человѣку, обуреваемому треволненіями моря житейскаго, послужить кормчимъ то доброе наученіе, какое принялъ онъ въ дѣтствѣ». И нынѣ всякая добрая мать, еслибъ случилось и въ учебныя заведенія отпускать ей дѣтей, пожелаетъ, чтобъ они, тамъ развившись умомъ, обогатавшись познаніями, остались навсегда съ тѣмъ сердцемъ, съ какимъ вышли изъ дому родительскаго, съ тѣми чистыми убѣжденіями и святыми вѣрованіями, какія усвоили отъ нея въ младенчествѣ.

Въ виду великаго значенія материнскихъ наставленій премудрый Соломонъ даже и возрастному юношѣ напоминаетъ: «Не отрини заветовъ матери твоея (Притч 1. 8), да радуется о тебѣ рождающая тя» (23, 25). — Аминь.

СТРОИТЕЛЬ ІЕРОМОНАХЪ МАКСИМЪ,

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛАЕВСКАГО ПЪШНОШСКАГО МОНАСТЫРЯ (а).

Обитель Пѣшношская съ благоговѣніемъ чтить память своихъ настоятелей—архимандритовъ Игнатія († 1796 г.) и Макарія († 1811 г.), которымъ она обязана своимъ внутреннимъ и вѣшнимъ благоустройствомъ, которые ее, уже клонившуюся къ упадку и уничтоженію, высоко поставили въ ряду общежительныхъ монастырей въ Россіи; съ благодарностію воспоминаетъ она и преемниковъ ихъ настоятелей—строителя Максима († 1850 г.) и архимандритовъ: Сергія († 1857 г.) и Меодія († 1869 г.), которые твердо хранили заведенное предшественниками ихъ чиноположеніе и удержали ее на прежней степени благоустройства. Изъ учениковъ приснопамятнаго Макарія и преемниковъ его по управленію обителию особеннаго вниманія заслуживаетъ жизнь строителя іеромонаха Максима ⁽⁶⁾.

а) Пѣшношскій монастырь находится Москов. губ. въ Дмитровскомъ уездѣ, въ 25 верстахъ отъ Дмитрова и 35-ти отъ г. Клина.

б) При составленіи біографіи мы руководствовались: 1) Исторіею Пѣшношскаго монастыря, изданіе 1866 г., 2) монастырскими дѣлами въ архивѣ Москов. Духов. Консисторіи, 3) устными разсказами и 4) главнымъ образомъ записками Пѣшношскаго старца іеромонаха Іеронима.

Строитель іеромонахъ Максимъ, въ мірѣ Никита, родился въ Твери (въ 1755 г.) отъ благочестивыхъ родителей, купеческаго званія, Василия и Параскевы Погудкиныхъ. Отецъ его занимался пряничною торговлею и, какъ честный купецъ, былъ при градскомъ кафедральномъ Тверскомъ соборѣ церковнымъ старостою. Кромѣ Никиты были у Погудкиныхъ и другія дѣти; всѣ они, воспитанныя въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, были кротки и благонравны; а Никита особенно выдавался между ними: ревность къ духовному чтенію, молитва, строгое воздержаніе—все показывало въ немъ человѣка особеннаго,—не такого какъ другія дѣти. Добрые родители радовались, смотря на сына, благодарили Бога и, когда на 30-мъ году своей жизни онъ объявилъ имъ о своемъ желаніи оставить міръ, не прекословили.

Между тѣмъ дошелъ до Твери слухъ о возобновленіи обители Пѣшношской по новому общежительному уставу. Никитѣ хотѣлось видѣть эту обитель и, аще Господь изволитъ, въ ней остаться на жительство. Простившись съ родителями, онъ отправился въ путь одинъ; до Пѣшноши дошелъ благополучно, но по случаю весенняго разлива рѣки Яхромы, протекающей близъ обители, молодой путникъ долженъ былъ остановиться въ верстѣ отъ монастыря, при часовнѣ преподобнаго Меодія и ждать перевоза. Вотъ гдѣ, думалъ онъ, смотря на обитель, окруженную водами,—вотъ гдѣ тихое пристанище отъ тревоженій житейскаго моря.... Перевозчикъ явился, — это былъ молодой свѣтлорусый послушникъ, впоследствии Самуиль, строитель Голутвинскій, извѣстный своею строгою жизнію; имъ-то Никита перевезенъ въ монастырь и представленъ настоятелю, строителю іеромонаху Игнатію. О. Игнатій начало иноческой жизни полагалъ въ Саваксарской пустыни подъ руководствомъ о. Θεодора, изъ дворянъ Ушаковыхъ; а по заточеніи Θεодора въ Соловецкій

монастырь ^(в), когда вся братія Санаксарская разошлась по другимъ монастырямъ, жилъ во Введенской пустыни у о. Клеопы, строгаго подвижника благочестія. Отъ нихъ-то и стяжалъ онъ себѣ ту духовную мудрость, съ которою впоследствии, когда былъ строителемъ на Пѣшноши, а потомъ архимандритомъ въ монастыряхъ Тихвинскомъ Новгородскомъ и Симоновскомъ Московскомъ, вводилъ въ нихъ новый общежительный уставъ. Никита принялъ Игнатіемъ съ любовію и врученъ ближайшему руководству одного изъ старцевъ. Это было въ 1785 году.

Никита пришелъ на Пѣшношу въ то время, когда новый общежительный уставъ въ ней только что вводился. Много нужно было имѣть тогда ревности и терпѣнія, чтобы понести всѣ труды монастырской жизни, а обитель была не устроенная, братія малочисленная, богослуженіе продолжительное. Смотря на строгую и многотрудную жизнь иноковъ, Никита впалъ въ уныніе и рѣшился оставить обитель. Прозорливый настоятель это замѣтилъ и однажды, призвавъ его къ себѣ, долго увѣщевалъ не малодушествовать, не обращаться вспять, бороться съ искушеніемъ врага; но какъ ни увѣщевалъ, не могъ возстановить въ немъ упавшій духъ и перемѣнить его намѣреніе, — Никита оставилъ обитель и возвратился въ свой домъ.

Мірская жизнь и теперь, какъ и прежде, была ему не по сердцу,—духъ его горѣлъ любовію къ иноческимъ обителямъ. Для сего прямо изъ Твери отправился онъ на сѣверъ въ обитель Соловецкую. Пожилъ и тамъ; но суровый Соловкій климатъ показался ему невыносимымъ. Въ то же время на сѣверѣ въ обители Валаамской вводилось новое чино-

(в) Подробности этого дѣла смотр. въ Душеполез. Чт. 1866 г. мѣсяць Апрель, статья «Архимандритъ Макарій».

положеніе (Саровское) о. игумномъ Назаріемъ. Никита пришелъ на Валаамъ, былъ принятъ и думалъ остаться тамъ на вѣки; но о. Назарій, строго стѣдившій за духовнымъ развитіемъ молодыхъ иноковъ, замѣтилъ въ немъ, не по лѣтамъ его, духовную ревность и однажды разсказалъ ему въ правоученіе такую притчу: «одинъ послушникъ жилъ на Пѣшношѣ и прежде времени началъ заниматься умною Іисусовою молитвою; старецъ ему то воспретилъ, но онъ не послушался; перешелъ въ нашъ Валаамскій монастырь, и у насъ продолжалъ тою же молитвою заниматься, и здѣсь ему тоже воспрещалось; но онъ оставался непокорнымъ; чрезъ сіе онъ впалъ въ прелесть вражію: въ нѣкій праздникъ у насъ взшелъ на высокую колокольню, бросился на землю, убился до смерти и тѣмъ лишилъ себя и временной и вѣчной жизни. Это было въ недавнее время», добавилъ старецъ. Никита понялъ правоученіе и рѣшился оставить Валаамъ.

Въ Твери родители его еще были живы. Онъ снова поселился у нихъ, но поселился не надолго; желаніе иноческой жизни не оставляло его. Сдружившись съ купеческимъ сыномъ Петромъ Волковымъ, который также какъ и онъ желалъ оставить жизнь мірскую, и порѣшивъ идти вмѣстѣ въ одинъ монастырь, они испросили благословеніе родителей, законные виды и прямо пришли въ Пѣшношу. Строитель Игнатій въ то время былъ уже въ Тихвинскомъ монастырѣ архимандритомъ ^(г); его преемникомъ былъ іеромонахъ Макарій, который и принялъ ихъ обоихъ въ число братіи. Строитель Макарій былъ достойнымъ преемникомъ Игнатія. Макарій пользовался особенною любовію и довѣріемъ преосвященнаго митрополита Платона; имъ возстановлено восемь мо-

(г) Игнатій архимандритъ изъ Тихвина переведенъ въ москов. Симоновскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1796 г. августа 3 д. 65 л. отъ рожденія.

настырей; изъ учениковъ его 24 человекъ были настоятелями разныхъ обителей ^(а). Игнатій оставилъ Макарію обитель еще не устроенною; при немъ она не только возстала изъ развалинъ, но и возвеличилась и прославилась; ему же она вполнѣ обязана и введеніемъ новаго общежительнаго устава. Уставъ св. горы Аѳонской, введенный на Пѣшношѣ, простирается не на одинъ только порядокъ церковной службы, но и на все монастырское благочиніе. Послушникъ Никита, воспитанный въ страхъ Божіемъ, смиренно подчинился всѣмъ требованіямъ строгаго устава, въ молитвахъ церковныхъ и келейныхъ былъ неутомимъ, въ послушаніяхъ трудолюбивъ, въ келейныхъ подѣляхъ (слесарныхъ и сапожныхъ), столь необходимыхъ въ общежитіи, искусенъ. Макарій оцѣнилъ его труды, относился къ нему всегда съ особенною любовію и въ 1795 г. постригъ его въ мантию, назвавъ Максимомъ. Обѣты монашества еще болѣе возвысили и утвердили его въ духовной жизни, что также не укрылось отъ настоятеля, и не осталось безъ награды; въ 1797 г. онъ произведенъ въ іеромонаха, а чрезъ годъ избранъ духовникомъ братіи, сдѣлавъ ризничимъ и бібліотекаремъ. Въ 1798 г. и другъ его послушникъ Петръ постриженъ въ мантию съ именемъ Пахомія.

Сдѣлавшись духовникомъ братіи, о. Максимъ во всемъ хотѣлъ быть примѣромъ для братіи. Чтобы привести въ бездѣйствіе тѣлесныя страсти и освободиться отъ лукавыхъ помысловъ, онъ, по Исааку Сирину (слово 1), искалъ было полного пустыннаго безмолвія, но благодать Божія вела его ко спасенію другимъ путемъ. Въ 1793 г. о. Макарій, по образцу святогорскому, устроилъ въ двухъ верстахъ отъ монастыря, въ глуши монастырскаго лѣса, пустынные келліи и

(а) Біографія его напечатана въ Душен. Чт. 1866 г. апрѣль.

для своего временнаго уединенія и для другихъ любителей безмолвія. Іеромонахъ Максимъ времению также уединялся; но однажды случилось ему быть въ пустыпѣ рѣшительно одному; была полночь; Максимъ стоялъ на молитвѣ; вдругъ за стѣною его келліи послышался необыкновенный шумъ и говоръ; пустынникъ потерялъ присутствіе духа, оставилъ все и прибѣжалъ въ монастырь; послѣ сего онъ уже никогда не отходилъ на пустынное безмолвіе.

Но недолго пустыннолюбивый инокъ наслаждался мирною жизнію на Пѣшношѣ: въ 1805 г. ему пужно было разстаться съ пустынною обителію и переселиться въ столицу. Это было такъ: митрополитъ Платонъ, называя Пѣшношу *училищемъ благочестія и примѣромъ жизни монашеской*, уважая ея настоятеля Макарія, какъ мужа опытнаго въ духовной жизни, поручалъ его вѣдѣнію многія обители, въ которыхъ онъ долженъ былъ заводить общежитіе по образцу своей обители и назначать въ нихъ настоятелей изъ своей братіи. Понадобился настоятель въ московскій Срѣтенскій монастырь; изъ Пѣшношскихъ іеромонаховъ никто не хотѣлъ поступить туда; требованіе было повторено и наконецъ противъ желанія былъ представленъ іеромонахъ Максимъ, какъ «старецъ благопримѣрной жизни.» Смиранный инокъ смутился и явился лично къ преосвященному просить объ увольненіи. На этотъ разъ владыка показалъ себя строгимъ; прошеніе старца онъ принялъ за ослушаніе и, вмѣсто строительства, послалъ его въ тотъ же Срѣтенскій монастырь въ число братства. Можно понять, какъ тяжело было для Максима такое испытаніе; но по волѣ Провидѣнія оно продолжилось недолго. Въ 1806 г. опредѣленъ былъ въ Берлюковскую пустынь строителемъ другъ его іеромонахъ Пахомій: въ немъто и нашелъ себѣ утѣшеніе скорбѣвшій старецъ. Явившись къ Пахомію, онъ просилъ его избавить отъ шумной сто-

лицы и оставить при себѣ. Пахомій согласился, немедленно отправился къ преосвященному и исходатайствовалъ Максиму не только прощеніе и указъ о переводѣ въ число братства Берлюковской пустыни, но и должность казначея. Здѣсь о. Максимъ подвизался съ тою же ревностію, какъ и на Пѣшношѣ. Любя безмолвіе, онъ хотѣлъ было ископать здѣсь себѣ пещеру, но песчаный грунтъ земли и вода заставили его оставить это намѣреніе; пещера обрушилась и осталась въ неизвѣстности. О. Максимъ, конечно, думалъ здѣсь же въ Берлюкахъ и окончить свою подвижническую жизнь, но испытаніе его окончилось: Господь послалъ ему утѣшеніе снова увидѣть и переселиться на Пѣшношу.

Пѣшношскій архимандритъ Макарій скончался 1811 года мая 31 дня. По волѣ архипастыря на его мѣсто переведенъ былъ строитель Берлюковской пустыни Пахомій; вмѣстѣ съ нимъ переведенъ и Максимъ; при этомъ ему возвращена и прежняя должность казначея и духовника братіи. Съ радостію возвратился старецъ на мѣсто своего духовнаго рожденія, съ любовію принялъ прежнее, уже знакомое ему, послушаніе. Такъ было до половины слѣдующаго 1812-го года. Этотъ достопамятный бѣдствіемъ отечества и первопрестольнаго града годъ прошелъ безъ особеннаго несчастья для обители: враги не коснулись ея, подобно какъ и Троицкой Лавры; но не могли же оставаться въ покоѣ иноки обители, — неприятель былъ въ Дмитровѣ, въ 25 верстахъ; могло быть нападеніе на обитель; нужно было спасать и спасаться. Нашли нужнымъ большую часть братіи распустилъ по безсрочнымъ билетамъ въ безопасныя мѣста, а монастырскія дорогія вещи — утварь, ризы съ иконъ и всю ризницу уложить въ ящики, запечатать и на лошадяхъ съ казначеемъ Максимомъ отправить въ село Кимру, что на рѣкѣ Волгѣ, въ тверской губерніи. Въ монастырѣ остались одни только престарѣлые, готовые на стра-

данія и смерть; ими-то во все время и совершалось богослуженіе въ обители безъ звона. Какъ скоро дошелъ до о. Максима слухъ, что непріятель оставилъ Дмитровъ, онъ возвратился въ свою богохранимую обитель, представилъ всѣ вещи въ цѣлости и возблагодарилъ Господа Бога за спасеніе свое.

Въ 1819 г. строитель Пахомій отъ управленія обителию уволенъ. Митрополитъ московскій Серафимъ 31 октября того же года велѣлъ Консistorіи представить мнѣніе о томъ: «кого изъ пустынскихъ старцевъ отлично честнаго житія и благоумія и пожилыхъ лѣтъ, опредѣлить въ Пѣшношскую, *яко первѣйшую и знатнѣйшую пустынь*, въ строителя.» Консistorія мнѣніемъ положила перевести на Пѣшношу Самуила, строителя Коломенскаго Бобренева—Голутвина монастыря. Мнѣніе утверждено, но изволенія Божія на то не было. Самуиль нуженъ былъ для Голутвина, а на Пѣшношѣ былъ готовъ уже свой отецъ и наставникъ. Дѣло устроилось такъ: съ Самуиломъ не хотѣли разстаться ни иноки обители, ни граждане Коломны; первые заявили желаніе идти вслѣдъ за Самуиломъ на Пѣшношу, послѣдніе обратились ко владыкѣ съ прошеніемъ «не лишать ихъ достойнаго сего пастыря, оставить его по прежнему въ Голутвинѣ монастырѣ». Архипастырь исполнилъ общее желаніе: Самуиль оставленъ на своемъ мѣстѣ, но ему вмѣнено въ обязанность «немедленно отправиться на Пѣшношу и избрать, съ согласія лучшей братіи, достойнѣйшаго изъ нихъ въ строители ^(e)». Самуиль отправился. Начались выборы. Кто же былъ здѣсь и достойнѣе и способнѣе Максима? Онъ былъ духовникомъ братіи; его всѣ уважали, всѣ любили и всѣ единогласно желали видѣть своимъ настоятелемъ. Сего желалъ и Самуиль. Всѣ

(e) Москов. Епарх. вѣд. 1869 г. № 19.

желали, но не желалъ самъ Максимъ; по смиренію онъ долго отказывался отъ этой чести, ссылаясь, между прочимъ и на года свои и на тѣлесныя недуги ^(ж); но общее желаніе и просьбы братіи превозмогли, и онъ рѣшился принять на себя бремя правленія. Послѣ сего и Самуиль и новоизбранный отправились въ Москву. Не случайно, конечно, расположились такъ обстоятельства: Самуиль, бывши послушникомъ, во время половодья перевозилъ въ первый разъ Максима на Пѣшношу и представлялъ настоятелю; тотъ же самый Самуиль, чрезъ 34 года послѣ того, бывши благочиннымъ монастырей, избралъ въ настоятеля на Пѣшношѣ Максима и, послѣ избранія, повезъ его въ Москву для представленія архипастырю. *Путіе праведныхъ исправляются отъ Господа.*

«Вотъ, преосвященнѣйшій, лучше сего я не нашелъ въ братіи Пѣшношской», сказалъ Самуиль, представляя Максима митрополиту Серафиму. «Да на что жъ лучше-то, замѣтилъ владыка; это у насъ будетъ второй Сергій чудотворецъ». «А сколько тебѣ, старецъ, лѣтъ отъ роду?» спросилъ о. Максима владыка. «65 лѣтъ, владыко святой», отвѣчалъ Максимъ «О! еще лѣтъ десять поправишь монастыремъ». Благословивъ послѣ сего обоихъ старцевъ, владыка отпустилъ ихъ съ миромъ.

(ж) Около этого времени съ о. Максимомъ случилось странное происшествіе. Однажды ночью онъ найденъ былъ въ своей кельѣ завернутымъ въ полушубокъ, скорченнымъ и втиснутымъ подъ келейный столикъ; едва живаго вынули его изъ-подъ столика. Старецъ послѣ сего долго былъ нездоровъ, но оправился и никому никогда не говорилъ объ этомъ искушеніи. Видѣвшіе страданія его дивились, какъ онъ могъ остаться живымъ, какъ могли остаться на своихъ мѣстахъ его кости. Но Господь не попускаетъ искушеній, превышающихъ силы человѣка. Врагъ побѣжденъ, рабъ Божій прославленъ.

Съ радостію встрѣтили иноки новаго строителя; съ дѣтскою преданностію вручили они души свои его духовной опытности. О. Максимъ, избравъ въ казначеи, изъ своей же братіи, іеромонаха Пареевнѣя, поручилъ ему хозяйственныя дѣла монастыря, а самъ занялся преимущественно внутреннимъ его устройствомъ. На Пѣшношѣ какъ будто возвратились дни блаженнаго о. Макарія: тоже продолжительное богослуженіе, тоже чинное стояніе братіи, тоже стройное благоговѣйное пѣніе, внятное чтеніе, та же простота въ обращеніи и та же назидательная жизнь настоятеля.

Не иноки только, но и окрестные жители уважали о. Максима. Въ 1820 году возникли было споры съ крестьянами Рогачевской волости и сосѣднимъ помѣщикомъ Тепловымъ, изъ-за монастырской земли и монастырской мельницы; доходило дѣло и до казенной палаты, но кротостію и миролюбіемъ строителя оно скоро окончено. Послѣ сего миръ съ сосѣдями никогда не былъ нарушаемъ, крестьяне боялись чѣмъ-либо оскорбить о. Максима, — рыбы въ монастырскихъ рыбныхъ ловляхъ не ловили, лѣсу не рубили, луговъ не травили и, что особенно замѣчательно, дѣтямъ своимъ не дозволяли пѣть пѣсни въ виду монастыря; достаточные изъ нихъ благотворили монастырю чѣмъ могли, недостаточные сами получали пособіе отъ него.

Митрополитъ Серафимъ, почитая Пѣшношу, какъ онъ выражался, лучшею и первѣйшею пустынею, внимательно слѣдилъ за дѣйствіями новаго строителя и сердечно радовался, получая отъ всѣхъ хорошіе отзывы о немъ. Передавая въ 1821 г. Московскую епархію новому архіепископу Филарету, онъ указалъ на Максима, какъ на мудраго и добраго строителя. Преосвященный Филаретъ при первой же возможности посѣтилъ Пѣшношскую обитель, побесѣдовалъ съ строителемъ ея и полюбилъ его.

По молитвамъ св. отецъ, за благочестіе настоятеля и братіи благословеніе Божіе изливалось на обитель. И при-строителѣ Максимѣ она такъ же украшалась, обогащалась и прославлялась, какъ было при блаженномъ о. архимандритѣ Макаріи. Изъ множества примѣровъ укажемъ на нѣкоторые. Въ 1827 году, на 10-е число іюля, принесена была въ обитель, по особенному усердію къ ней, генеральскою дочерью дѣвицею Елисаветою Андреевною Фаминцевою въ даръ часть ризы Господней съ частями мощей разныхъ св. угодниковъ; строитель Максимъ совсѣмъ освященнымъ соборомъ, въ облаченіяхъ, со свѣщами и звономъ, за вратами обители встрѣтилъ и принялъ отъ рукъ благотворительницы сію безцѣнную святыню и, возложъ на главу свою, съ торжественнымъ пѣніемъ принесъ въ соборный храмъ, совершилъ бдѣніе и тогда же, съ общаго совѣта, узаконилъ ежегодно 10-го іюля творить бдѣніе и совершать крестный ходъ съ ризою Господнею вокругъ обители, что совершается и донинѣ. Около того же времени другая благотворительница генеральша Александра Ильинична Нефедьева на свой счетъ устроила въ соборномъ храмѣ новыя царскія врата, прорѣзныя, отличной работы, обложенныя по дереву чистымъ серебромъ, мѣстами вызолоченныя; а надъ вратами г-жа Беклемишева поставила богато украшенную икону Успенія Божіей Матери — копию съ Кіево-печерской, которая такъ же какъ и Кіевская спускается и поднимается на шнурахъ. Въ это же время при содѣйствіи разныхъ благотворителей, исправлены разныя монастырскія ветхости, построены на гостинницѣ новый корпусъ, слитъ новый колоколъ и, главное, уплачены довольно значительные долги на обители, накопившіеся при его предѣстникѣ строителѣ Пахоміи. Изъ множества благотворителей сего времени нельзя не упомянуть еще о московскомъ купцѣ Матееѣ Федотовѣ Свѣшниковѣ, который, придя на Пѣ-

пшошу, и себя самого и все свое имѣніе вручилъ въ полное распоряженіе о. Максима. Самъ Свѣшниковъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Моисея, а на капиталъ его достроена больничная церковь во имя свят. Димитрія митрополита Ростовскаго, съ келліями для старцевъ, заложенная еще при архимандритѣ Макаріи въ день кончины его (31 мая 1811 г.).

Освященіе сего храма памятно для обители. Преосвященный митрополитъ Филаретъ, получивъ донесеніе объ окончаніи больничнаго храма, самъ вызвался освятить его. Днемъ освященія назначено 29-е іюня 1829 года. Прибывъ въ обитель къ освященію храма, владыка объявилъ строителю Максиму, что онъ за труды его по управленію обители, за успѣшное окончаніе храма и, главное, за добрую монашескую жизнь намѣренъ въ день освященія храма посвятить его во игумна. Максимъ усердно просилъ избавить его отъ этого новаго бремени; когда же владыка настаивалъ, онъ рѣшительно объявилъ, что не желаетъ этой чести, и опасаясь какъ бы въ самомъ дѣлѣ не сдѣлаться игумномъ, нашелъ благовидный предлогъ и въ день освященія храма уклонился отъ служенія литургіи. Владыка понялъ и оцѣнилъ глубокое смиреніе старца и послѣ сего никогда уже не напоминалъ ему объ игуменствѣ. Пѣшшоша произвела на владыку самое доброе впечатлѣніе; при освященіи храма онъ сказалъ слово, послѣ трапезовалъ вмѣстѣ съ братією, во все время пребыванія своего былъ благодушень и, отъѣзжая, благодарилъ строителя за монастырское благочиніе.

Наступившій за сѣмъ 1830 годъ, памятный по свирѣпствовавшей въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ холерѣ, прошелъ для обители благополучно. Настоятель заповѣдалъ братіи поститься, молиться и, сколько возможно, чаще пріобщаться Св. Таинъ; по милости Божіей въ обители никто не умеръ

отъ заразы, несмотря на то, что ея храмы, гостинница и страннопріимная были отверсты для всѣхъ приходящихъ ^(в).

Мирно протекли на Пѣшношѣ и слѣдующія за симъ 5-ть лѣтъ настоятельства о. Максима. Много нужно было имѣть ему духовной опытности, чтобы 135 человекъ братіи — людей разнаго возраста, званія и образованія направить на одинъ путь, къ одной цѣли — вѣчному спасенію. Много нужно было употребить ему вниманія, терпѣнія и любви, чтобы приучить новоначальныхъ — неопытныхъ въ монашеской жизни, къ строгому монастырскому уставу. Но мудрый любвеобильный настоятель умѣлъ и вразумлять, и ободрять, и укрощать, и утѣшать. Такъ: можно ли было при немъ не явиться, или запоздать къ утреннему церковному богослуженію (въ 12 часовъ ночи), или вечернему правилу (съ умными молитвами), когда онъ самъ всегда бывалъ тамъ и всегда являлся первымъ? Можно ли было тогда отказаться отъ монастырскихъ послушаній, или съ лѣнностію проходить ихъ, когда онъ самъ подойдетъ и отечески скажетъ: «потрудитесь, отцы и братія, потрудитесь Бога ради». Или: «помози Господи! Спаси Господи!» Могъ ли тогда провинившійся въ чемъ-либо собрать не сознаться въ своей винѣ, когда, явившись къ старцу-настоятелю, услышитъ сильное его слово: «Не-

(в) Въ 1830 году сент. 17 д. скончался на Пѣшношѣ (но не отъ холеры) великій труженникъ — многострадательный схимонахъ Стефанъ. Въ 1808 году воспріявши монашество на Пѣшношѣ и того же года, по волѣ Божіей, впадши въ недугъ разслабленія, онъ принялъ великую схиму и по 22-хъ-лѣтней болѣзни скончался на 82-мъ году отъ рожденія. О. Максимъ, глубоко почитая старца, съ особою торжественностію совершилъ его погребеніе. Вскорѣ послѣ смерти сего старца было издано литографированное изображеніе его. О. Стефанъ изображенъ лежащимъ на одрѣ, въ схимѣ, съ руками сложенными на груди, съ добрымъ, покойнымъ и выразительнымъ лицомъ.

разумный! Зачѣмъ пришелъ въ монастырь? Лучше бы жилъ въ міру». Нельзя было безъ умиленія смотрѣть, какъ у этого неразумнаго совѣсть пробуждалась, появлялись слезы, онъ падалъ къ ногамъ настоятеля и въ ту же минуту получалъ прощеніе. «Ну! Богъ проститъ. Иди съ миромъ,» говорилъ о. Максимъ. Тѣмъ дѣло и кончалось. Изъ обители отлучался о. Максимъ очень рѣдко и то по крайнимъ монастырскимъ нуждамъ, ѣздилъ всегда въ той же простой кибиткѣ, въ которой ѣзжалъ нѣкогда приснопамятный о. Макарій. Жизнь о. Максима была вполнѣ безукоризненна, никто не могъ не только сказать, но даже и подумать о немъ что-либо худое; ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ онъ ничѣмъ не отличалъ себя отъ прочей братіи. Онъ горячо любилъ стройное, церковное пѣніе и хорошихъ пѣвцовъ; поэтому часто призывалъ ихъ къ себѣ, заставлялъ спѣваться, самъ подпѣвалъ и когда дѣлали ошибки, исправлялъ; когда же все шло хорошо, радовался и умилялся духомъ.

Высокая жизнь настоятеля не могла укрыться отъ людей постороннихъ. Подвижники благочестія издалека пріѣзжали на Пѣшношу и входили въ духовное общеніе съ о. Максимомъ. Таковы напримѣръ: Іосифъ игуменъ Луховскій, Никонъ игуменъ Коневскій, Θεодосій строитель Кривоозерскій, Леонидъ (въ схимѣ Левъ) старецъ Оптинской. Нѣкоторые изъ настоятелей провели послѣдніе годы свои на покоѣ подъ его духовнымъ руководствомъ; таковы: Θεофилактъ архимандритъ Даниловскій, Θεодуль строитель Бѣлопесочкій и Паисій строитель Махрицкскій ^(и). Покойный митрополитъ Филаретъ, зная

(и) Просился къ нему на жительство и другъ его по Твери, предмѣстникъ по настоятельству, бывшій строитель іером. Пахомій; онъ и хотѣлъ было принять его, но старшая братія во избѣжаніе неудовольствій, то ему отсоединила. Пахомій переведенъ въ Махру и тамъ скончался въ 1835 г. январ. 28 д.

опытность его въ духовной жизни, нерѣдко обращался къ нему съ требованіемъ указать способныхъ іеромонаховъ изъ его обители на настоятельскія должности въ другіе монастыри. О, Максимъ иногда указывалъ. Такъ іеромонахъ Николай изъ ризничихъ, по его рекомендаціи, поступилъ въ Берлюковскую пустынь въ строители, Геннадій, келейникъ его, въ Давидову пустынь, Пароеній казначей въ Махрицкій монастырь. Не только лица духовныя, но и мірскія, даже изъ высшаго свѣтскаго общества, бывая въ обители, считали непремѣнно своею обязанностию побывать у о. Максима, побесѣдовать съ нимъ и получить благословеніе. Старець не уклонялся отъ посѣтителей. Простая, сердечная бесѣда его производила на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе. О чемъ бы ни заговорили съ нимъ, но такъ или иначе онъ непремѣнно находилъ случай поговорить о смерти, страшномъ судѣ и вѣчности; при разговорахъ о дѣлахъ мірскихъ, молчалъ; если спрашивали отъзвѣта о какомъ-либо постороннемъ лицѣ, отвѣчалъ: «не знаю, не знаю, Богъ вѣсть!» Разговоры пустыхъ, шуточныхъ не терпѣлъ; рѣдко когда показывалась улыбка на устахъ его, а смѣющимся никто никогда его не видалъ. Не бесѣда только, говорили посѣтители, но и самый видъ старца, его глубокое смиреніе, благолѣпная сѣдина, поступь, взглядъ—все невольно заставляеть благоговѣть къ нему. Многія изъ лицъ свѣтскихъ имѣли его своимъ духовнымъ отцемъ. Старець не уклонялся и отъ этой не легкой обязанности. «Съ какимъ бывало умиленіемъ идешь къ о. Максиму на исповѣдь! рассказывала намъ одна изъ духовныхъ дочерей его, здравствующая донинѣ (Наталья Ефремовна Фриденталь изъ д. Майковыхъ). Сколько совѣтовъ, вразумленій, утѣшеній услышишь отъ него! Какою любовію къ Спасителю горѣло его сердце! Онъ сокрушался о грѣхахъ кающагося болѣе, нежели самъ кающійся». Пѣшношскіе старцы говорятъ, что «онъ

кому предсказывалъ что, все сбывалось». Вотъ случай его прозорливости. «Однажды я была на Пѣшношѣ вмѣстѣ съ своими родственниками, рассказываетъ помянутая г-жа Фриден-таль, и когда они стали собираться домой, я рѣшилась остаться тамъ поговѣть; но какъ денегъ съ собой не имѣла, просила родственниковъ прислать мнѣ ихъ какъ можно поскорѣе. Предъ отъѣздомъ мы все зашли къ о. Максиму. Благословивъ ихъ и сказавъ имъ нѣсколько напутственныхъ словъ, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «А ты, Наталья, останься у насъ, поговѣешь; мы исповѣдуемъ и безъ денегъ». Кто ему сказалъ, что я хочу остаться говѣть и что съ собой не имѣю денегъ? Истинно святой былъ старецъ!» такъ заключила раз-кашица.

Достигнувъ 80-ти лѣтняго возраста, строитель Максимъ, до того бодрый и крѣпкій, почувствовалъ упадокъ силъ и рѣшился оставить управленіе обителью. Почему 19 февраля 1836 г. обратился къ митрополиту Филарету съ прошеніемъ объ увольненіи. «Нынѣ по преклоннымъ моимъ лѣтамъ, писалъ онъ, началъ я чувствовать въ себѣ крайнее изнеможеніе, и притомъ внутреннюю боль, и въ ногахъ слабость. Почему и дальнѣйшее прохожденіе должности настоятеля нахожу для себя совершенно невозможнымъ». Владыкѣ не хотѣлось лишиться такого опытнаго и мудраго настоятеля, ему хотѣлось, чтобы Максимъ *послужилъ еще хотя нѣсколько* (отвѣтъ владыки). Прошло еще пять мѣсяцевъ; о. Максимъ изнемогалъ; ему хотѣлось остатокъ дней своихъ провести въ безмолвіи, да къ тому же по слабости своей онъ не могъ уже по прежнему быть духовнымъ руководителемъ братіи. Все это заставило его въ концѣ іюля того же года войти ко владыкѣ съ новымъ прошеніемъ. «Здоровье мое и силы, писалъ онъ, становятся еще слабѣе, такъ что я не только уже нынѣ весьма часто принужденъ бываю оставлять церковную

службу и монастырскія дѣла, но даже не могу входить и въ должное управленіе братіи, которая по своему числу, а болѣе новоначальные, по своей неопытности въ монашеской жизни, требуетъ отъ настоятеля всегдашняго и неубытнаго наблюденія; почему опасаясь, дабы по таковой моей немощи, будучи не въ силахъ имѣть должное о душахъ ихъ попеченіе, не подвергнуть себя отвѣту предъ Богомъ, и притимаю смѣлость ваше высокопреосвященство *со слезами просить смиренно* меня нижайшаго вашего раба отъ должности уволить, дозволивъ остаться мнѣ въ ономъ монастырѣ въ числѣ братства». Послѣ такого сильнаго прошенія владыка удерживать его болѣе не могъ. Назначивъ на его мѣсто московскаго Срѣтенскаго монастыря игумена Сергія, который начало монашеской жизни полагалъ на Пѣтинохъ при архимандритѣ Макаріи, архипастыръ соизволилъ написать на донесеніи благочиннаго: «строитель іеромонахъ Максимъ по неоднократной и настоятельной просьбѣ, отъ должности строителя увольняется съ благодарностію за понесенное имъ служеніе и съ тѣмъ, чтобы преемникъ со вниманіемъ доставлялъ старцу мирное пребываніе и упокоеніе, а старецъ преемнику споспѣшествовалъ свѣдѣніями и совѣтами ⁽¹⁾».

Игуменъ Сергіи вступилъ въ управленіе обителью 31-го августа того же года. О. Максимъ изъ настоятельскихъ келлій перешелъ въ ту самую келлію, въ которой жилъ и скончался наставникъ его схи-архимандритъ Макарій. Здѣсь-то и жилъ онъ до конца своей жизни, какъ бы заключенный во гробъ; изъ кельи, кромѣ храма, онъ никуда не выходилъ, ни въ какія дѣла, ни въ начальственные ни въ братскія не входилъ, рѣдко кто нарушалъ его безмолвіе и то только для

(1) Въ архивѣ москов. духов. консисторіи «монастырскія дѣла 1836 г.»; дѣло объ увольненіи строителя Максима.

духовной бесѣды. Какъ провелъ онъ эти послѣднія 14 лѣтъ своей жизни, извѣстно Единому Всевѣдущему. Но нельзя было не знать о его постѣ, ибо всѣ видѣли, какъ мало, какъ рѣдко и какую простую приносили ему нищу. Нельзя было не знать о его молитвѣ, ибо всѣ видѣли кожу на лбу его отвердѣвшую отъ частыхъ земныхъ поклоновъ, а одѣяніе на плечахъ протертое отъ правильныхъ крѣпкихъ изображеній креста. Нельзя было не заключать о его высокомъ цѣломудріи: ибо никто никогда не видалъ его наготы, никто не видалъ его ни въ банѣ, ни въ рѣкѣ; говорятъ даже, что онъ совершенно не мылся, изъ опасенія, при взглядѣ на свою наготу, оскверниться нечистымъ помысломъ; съ жёнщинами, если и бесѣдовалъ иногда, то только о духовныхъ предметахъ и никакъ ни ваединѣ. Любимымъ его келейнымъ подѣлемъ и теперь, какъ и во время начальствованія, было или дѣланіе коробочекъ, которыя безденежно раздавалъ братіи и мірянамъ, или переплетаніе книгъ; духовнымъ утѣшеніемъ было, по прежнему, пѣніе церковныхъ священныхъ пѣсней.

На 95-мъ году жизни своей старецъ совершенно ослабѣлъ, такъ что большаго труда ему стоило побывать въ храмѣ, но оставить службу Божию никакъ не хотѣлъ; съ первымъ же ударомъ колокола, едва передвигая ноги, поддерживаемый своимъ келейникомъ, отправлялся онъ въ церковь, становился въ олтарѣ (безъ клобука) и съ умиленіемъ выслушивалъ все богослуженіе. Господь подкрѣплялъ его силы и, какъ бы въ награду за усердіе, разсудокъ, зрѣніе и слухъ его сохранилъ неповрежденными до конца жизни. За три дня только до смерти онъ пересталъ ходить въ храмъ Божій. Въ праздникъ Благовѣщенія онъ отстоялъ послѣднюю литургію, вечеромъ былъ у игумена Сергія и, что замѣчательно, пришелъ безъ доклада, безъ обычной молитвы, началъ первый гово-

рить и все говорилъ о милосердіи Пресвятыя Богородицы, чему не мало дивились игумень Сергій и его келейникъ іеромонахъ Діонисій; но это былъ послѣдній его выходъ; въ той же noci онъ слегъ въ постель и болѣе не вставалъ. 27-го марта, онъ пожелалъ *для подкрѣпленія духа, дабы благонадежно вступить въ вѣчность* (слова самого старца), приобщиться Св. Христовыхъ Тайнъ и освятиться св. елеємъ, — что, конечно, и было исполнено; на другой день нѣкоторые изъ братіи пришли посѣтить его и предложили ему полечиться. «Нѣтъ, отвѣчалъ старецъ, лечиться я не хочу; воля Господня да будетъ со мной!» Вздохнувъ послѣ сего нѣсколько разъ, онъ вслухъ началъ молиться Пресвятой Богородицѣ, чтобы она защитила его своимъ покровомъ въ часъ смерти. Утромъ 29-го марта ему сдѣлалось легче, но это облегченіе было предсмертное; предчувствуя, что остается жить ему на землѣ нѣсколько часовъ, онъ снова приобщился Св. Тайнъ, при чемъ твердо прочиталъ молитву предъ причащеніемъ: «вѣрую Господи и исповѣдую.» Черезъ два часа послѣ сего игумень Сергій прочиталъ ему отходную; настали послѣднія минуты. Попросивъ прощенія и св. молитвъ у игумена, а чрезъ него и у всей братіи, старецъ замолчалъ, перекрестился, посмотрѣлъ на икону Богоматери, смежилъ очи, протянулъ обѣ руки, какъ бы въ объятія кому, и тихо, безмятежно предалъ духъ свой Господу. Это было 29-го марта 1850 года въ 1-мъ часу пополудни ^(к). Тѣло блаженнаго старца

(к) На третій день по преставленіи былъ снятъ съ него портретъ, чего при жизни онъ никакъ не позволялъ. О наружномъ видѣ его Пѣшношскій іеромонахъ Іеронимъ пишетъ: «Старецъ Максимъ лицомъ былъ пріятнаго вида, имѣлъ глаза сѣрые, брови наклонныя, носъ прямой, чело кругло-выпуклое, власы рѣдкіе и русые, а на брадѣ сѣдые, голосъ тихой, руки сухія, росту не-большаго, тѣломъ тощъ, походку имѣлъ всегда тихую старческую.

положено во гробъ, издавна имъ самимъ приготовленный. 2-го апрѣля въ день воскресный, при многочисленномъ стеченіи народа о. игуменомъ Сергіемъ съ 12-ю іеромонахами и 5-ю іеродіаконами совершенно отпѣваніе и погребеніе его въ настоятельской усыпальницѣ подь колокольнею. ⁽¹⁾

Донося м. Филарету о смерти и погребеніи о. Максима, игуменъ Сергій писалъ между прочимъ: «послѣ него имѣнія никакого не осталось». Владыка, глубоко чтившій старца, соизволилъ написать на донесеніи: «миръ душѣ преставльшагося.» ⁽²⁾ Этотъ миръ, немного спустя, былъ изреченъ имъ и на могилѣ старца. 9-го іюля того же года владыка освящалъ соборный храмъ на Пѣшношѣ; въ день освященія онъ зашелъ въ настоятельскую усыпальницу и тамъ на могилѣ о. Максима помолился и поклонился. Въ 1866 году была напечатана 2-мъ изданіемъ «исторія Пѣшношскаго монастыря» ⁽³⁾. О. казначеемъ Діонисіемъ (нынѣшнимъ настоятелемъ монастыря) она была представлена владыкѣ Филарету; архипастырь, при немъ же бѣгло просматривая ее, остановился на временахъ Максима и сказалъ: «о Максимѣ-то нужно бы побольше написать.» Вотъ и написано, владыко святой! Ты желалъ, конечно, сохранить память о блаженномъ старцѣ и добрымъ примѣромъ возбудить другихъ къ такому же высокому иноческому житію. Да исполнится же святое твое желаніе!

Свящ. Вас. Рудневъ.

(1) Въ 1865 г. усердіемъ архимандрита Мееодія здѣсь устроенъ престолъ въ имя преподобнаго Мееодія Пѣшношскаго.

(2) Въ архивѣ консисторіи монастырск. дѣла 1850 г. № 190.

(3) Описаніе Пѣшношскаго монастыря составлено въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія извѣстнымъ ученымъ историкомъ и археологомъ К. Ф. Калайдовичемъ и, конечно, не безъ участія тогдашняго настоятеля-строителя Максима.

СРЕДСТВА ЗАГЛАЖДЕНІЯ ГРѢХОВЪ.

Многіе изъ кающихся, будучи проникнуты чувствомъ своей виновности, и сознавая тяжесть оскорбленія нанесеннаго ими Богу, послѣ исповѣди не довольствуются тѣмъ, что получаютъ прощеніе въ грѣхахъ чрезъ священника, но выражаютъ еще желаніе какимъ-нибудь подвигомъ загладить свои грѣхи. Почему не излишнимъ представляется сказать о семъ кое-что во всеуслышаніе, дабы доставить какое-нибудь средство къ заглаженію грѣховъ своихъ и тѣмъ, коимъ не приходила на мысль сія спасительная забота.

Говоря о средствахъ къ заглаженію грѣховъ, мы не то разумѣемъ, чтобъ эти средства могли очищать или заглаждать грѣхи сами собою. Онѣ могутъ быть дѣйствительными только на основаніи заслугъ Господа нашего Иисуса Христа, «вознесшаго грѣхи наши въ тѣлѣ Своемъ на древо (1 Петр. 2, 24) и Своими страданіями и смертію удовлетворившаго за оныя Отцу небесному. Онъ одинъ есть очищеніе грѣховъ нашихъ» (1 Иоан. 1, 2). Говоря о средствахъ къ заглаженію грѣховъ, мы разумѣемъ подъ оными средства пріемлемости или усвоенія намъ заслугъ Божественнаго Искупителя, средства улучшенія исходатайствованной Имъ благодати и милости Божіей, покрывающей грѣхи наши. Мы употребили сіе выраженіе пріиспособляя отвѣтъ къ вопросамъ, которые много разъ случалось намъ слышать, встрѣчая также сіе выраженіе и въ пи-

саніяхъ свв. отцовъ подвижниковъ. Такъ преподобный Маркъ подвижникъ говоритъ: «не оставляй неизглаженнымъ грѣха даже и самаго малаго, чтобъ въ послѣдствіи онъ не повелъ тебя къ большому злу» (Сл. о зак. дух. гл. 127). Также выражается преподобный Іоаннъ Лѣтвичникъ: «какъ водою пи-мена, такъ слезами могутъ изглаждаться грѣхопаденія» (Переч. словъ гл. 43). И св. Іоаннъ Златоустый говоритъ о Коринѳянахъ, что они загладили свой грѣхъ (Толк. на 2 посл. къ Кор. въ руск. пер. Бес. 15, стр. 200).

Святые и богомудрые наставники вѣры и благочестія, на основаніи слова Божія, поучаютъ, что къ заглаженію всякаго грѣха служитъ противоположная ему добродѣтель: такъ грѣхъ сладострастія и нечистоты заглаждается цѣломудріемъ и чистотою, невоздержность и сластолюбіе — постомъ и изнуреніемъ плоти, лѣнь, нѣга, праздность — трудолюбіемъ, дѣятельностію, молитвою, другіе грѣхи — другими противоположными имъ добродѣтелями (Іоан. Злат. бес. 10 на Мат. и 34 на Іоан. Вас. Вел. вр. прав. 1, гл. 4. Іоан. Лѣтв. сл. 5, гл. 1. Луг. дух. гл. 185 и Геннад. патр. Конст. гл. 89).

Тѣ же святые отцы, руководствуясь словомъ Божиимъ и своимъ богомудрымъ разсужденіемъ, говорятъ, что милосердый Господь, снисходя немощамъ нашимъ, предлагаетъ намъ и болѣе общія средства къ заглаженію грѣховъ нашихъ, такія средства, изъ коихъ каждое достаточно къ заглаженію всѣхъ грѣховъ прежде содѣянныхъ и изъ коихъ если и однимъ воспользуется кающійся какъ должно, то несомнѣнно можетъ быть увѣренъ въ томъ, что прежніе грѣхи его не помянутъся предъ Богомъ.

Итакъ, руководствуясь словомъ Божиимъ и сказаніями святыхъ отцевъ, укажемъ на нѣкоторыя изъ сихъ средствъ благоговѣйному читателю.

Средствомъ къ заглаженію грѣховъ кающагося служить молитвенный плачь и сокрушеніе о грѣхахъ. Такъ упоминаемая въ Евангеліи Іерусалимская грѣшница получила разрѣшеніе грѣховъ сокрушеніемъ и плачемъ о нихъ при ногахъ Спасителя (Лук. 7, 36). Такъ св. апостоль Петръ горькими слезами плача омылъ грѣхъ отреченія своего отъ Господа (Лук. 22, 62). Такъ бывшій во еракійской странѣ разбойникъ улучилъ спасеніе нѣсколькими предсмертными часами плача (Прол. окт. 17). Даже нечестивый царь Ахаавъ сокрушеніемъ и сѣтованіемъ отвратилъ опредѣленіе суда Божія за свои беззаконія. Къ другимъ нечестіямъ своимъ онъ присовокупилъ и то, что убивъ Навуѡея, воспользовался виноградникомъ его. Но когда пророкъ Ілія, по повелѣнію Божію, обличилъ его и возвѣстилъ ему позорную смерть и истребленіе дома его, онъ умилился предъ лицомъ Господнимъ, и «идяше, говоритъ книга Царствъ, плачяся, и раздра ризы своя, и препоясая вретищемъ по тѣлу своему, и постися, и бѣ облеченъ во вретище отъ дне, въ онъже уби Навуѡея израильянина, и хождаше скорбенъ. И Господь объявилъ пророку, что за это сокрушеніе и умиленіе Ахаава Онъ не наведетъ зла на домъ его при его жизни» (3 Цар. 21, 19 — 29). Если Господь призрѣлъ на сокрушеніе сего нечестиваго царя израильскаго, которое было вынуждено угрозами суда Божія, то не болѣе ли будутъ пріятны Ему произвольный плачь и сокрушеніе кающагося грѣшника? Такъ, они будутъ приняты какъ благопріятная жертва; ибо сказано, что «жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ ни уничижитъ» (Псал. 50, 19). Будемъ же чаще возносить съ молитвою нашею къ Имущему власть оставлять грѣхи эту благоугодную Ему жертву, и Онъ оставитъ намъ грѣхи наши. Такъ вѣровали древніе святые и богомудрые учителя церкви, и въ своихъ писаніяхъ передали руководство

нашей немощной вѣрѣ. «Братъ спросилъ Авву Симена, говорить книга достопамятныхъ отеческихъ сказаній: что мнѣ дѣлать съ грѣхами своими? Старецъ отвѣчалъ: кто хочетъ очистить себя отъ грѣховъ своихъ, очищаетъ себя слезами». (Дост. сказ. о подв. св. отц. въ руск. пер., стр. 214, ст. 119). «Скверны аще хочещи омыти, слезами омыи; всяку бо скверну омываютъ чисто», говорить въ своихъ собесѣдованіяхъ преподобный Варсануфій (Руков. къ дух. жиз. отв. на вопр. 77). «Ты согрѣшилъ? Плачь — и разрѣшишь свой грѣхъ», говорить св. Іоаннъ Златоустый (Бес. о покаяніи). «Какъ иной, принося великій даръ царю, награждается отъ него ласковымъ взоромъ, такъ и тому, кто имѣетъ въ молитвѣ своей слезы, великій царь вѣковъ, Богъ прощаетъ всякую мѣру грѣхопадений, и награждаетъ его благовольтельнымъ взоромъ», пишетъ св. Исаакъ Сирскій (сл. 51 въ руск. пер., стр. 279). «Плачь же о беззаконіи своемъ, заключаетъ свое слово св. Златоустъ, но плачь не просто, не по виду только, но плачь горько, какъ плакался Петръ. Изъ самой глубины души твоей изведи источники слезъ, — и Господь, подвигнутый милосердіемъ, проститъ твои заблужденія. Ты повергни предъ Нимъ слезы, и Онъ даруетъ тебѣ прощеніе» (Бес. о покаяніи). Если скажешь, что нѣтъ у тебя слезъ, то можешь заглаждать грѣхи и одною скорбію о нихъ, печалію, воздыханіемъ и постояннымъ сѣтованіемъ. «Какъ иныя писмена, за недостаткомъ воды, изглаждаемъ другими средствами, говорить преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ, такъ есть души, у которыхъ нѣтъ слезъ, и онѣ стираютъ и сводятъ съ себя грѣхи печалію, воздыханіемъ и продолжительнымъ сѣтованіемъ» (гл. 14). Также говорить св. Іоаннъ Златоустый: «одна печаль о грѣхахъ полезна...: Только скорбящій о грѣхахъ пріобрѣтаетъ пользу отъ скорби: ибо истощаетъ и истребляетъ грѣхи» (Тол. на 2 посл. къ Кор. въ руск. пер. Бес. 15, стр. 202).

Средствомъ къ заглаженію грѣховъ служить смиреніе. Кто, будучи проникнутъ скорбнымъ чувствомъ своей грѣховности, не только уничижается предъ Богомъ, но и смиряется предъ людьми, по примѣру апостола Павла признавая себя первымъ изъ грѣшниковъ (1 Тим. 1, 15); кто, не обрѣтая въ себѣ силъ ко спасенію, надѣется получить оное только по милости Божіей, того Богъ, по свидѣтельству пророка Давида, не презираетъ, а спасаетъ; «сердце сокрушенно и смиренно, говоритъ онъ въ покаянномъ псалмѣ своемъ, Богъ не уничитъ» (50, 17); и въ другомъ: «близъ Господь сокрушенныхъ сердцемъ, и смиренныя духомъ спасетъ» (33, 19). Сіе увѣреніе пророка подтвердилъ Господь Іисусъ Христосъ, предоставивъ первую степень блаженства нищимъ, то-есть смиреннымъ духомъ, и не сказалъ, что «имъ оставляются только беззаконія и прикрываются грѣхи» (Псал. 31, 1. 2), но усвоилъ имъ самое царствіе: «блаженни, говоритъ, нищія духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное» (Матѣ. 5, 3). Согласно слову Божію поучаютъ и св. богомудрые отцы. «Возлюби смиреніе, говоритъ преп. Исаія отшельникъ, и оно покроетъ тебя отъ грѣховъ твоихъ» (Сл. 9 въ рус. пер., стр. 98). «Смиреніе есть спасеніе сокращенно», говоритъ преп. Варсануфій (Руков. къ дух. жиз. отв. на вопр. 62. Толков.) «Смиреніе есть дверь къ царствію», сказалъ св. Іоаннъ Златоустый (Толк. на Мѣ. въ руск. пер. ч. 3, стр. 123.). Хотите ли видѣть примѣры оправданныхъ смиреніемъ? Вы можете видѣть ихъ въ лицѣ самого пророка Давида, который не другому чему приписываетъ свое спасеніе, какъ только смиренію: «смирися, говоритъ онъ, и спасе мя Господь» (Псал. 114, 5); въ лицѣ помилованной жены хананейской, которая, прося помилованія, уподобляла себя псамъ, питающимся отъ трапезы господъ своихъ (Матѣ. 15, 27. 28); въ лицѣ блуднаго сына евангельской притчи, который бывъ про-

никнуть сознаниѣмъ тяжести своихъ грѣховъ, считалъ себя недостойнымъ имени сына (Лук. 15. 19—22); и наконецъ въ лицѣ мытаря, котораго Самъ Господь представляетъ въ примѣръ смиренія, и коего одно смиреніе, по слову Его, оправдало паче надменнаго своими добродѣтелями фарисея (Лук. 18, 14). Итакъ, скажемъ словами преп. Исаака Сирскаго, «смиреніемъ содѣлай беззаконія твои простительными.... оно можетъ сокрушить крѣпость многихъ грѣховъ, и если приобрѣтемъ оное, содѣлаетъ насъ сынами Божиими, и безъ добрыхъ дѣлъ представитъ Богу» (Сл. 46 въ русск. пер. стр. 244).

Средствомъ къ заглаженію грѣховъ служитъ омерзеніе и ненависть ко грѣхамъ, какъ сказалъ пророкъ Давидъ: «неправду возненавидѣхъ и омерзихъ» (Псал. 118, 163). «Всякъ путь неправды возненавидѣхъ» (—128). Омерзеніе и ненависть къ грѣхамъ и богомудрые отцы и учителя церкви полагаютъ признакомъ прощенія грѣховъ. «Нѣкто былъ спрошенъ, говоритъ преп. Исаакъ Сирскій: когда человекъ узнаетъ, что получилъ отпущеніе грѣховъ своихъ? И спрошенный отвѣчалъ: когда ощутитъ въ душѣ своей, что совершенно отъ всего сердца возненавидѣлъ грѣхи, и когда явно дастъ себѣ направленіе противоположное прежнему. Таковой уповаетъ, что получилъ отъ Бога оставленіе грѣхопадений, какъ возненавидѣвшій грѣхъ, по свидѣтельству совѣсти, какое приобрѣлъ въ себѣ, по апостольскому слову: не осужденная совѣсть сама себѣ свидѣтель» (Сл. 18 въ руск. пер. стр. 95).

Подобный вопросъ предлагаетъ св. Василій Великій: «когда душа несомнѣнно удостовѣряется, что Богъ отпустилъ ей грѣхи? и отвѣчаетъ: если усмотритъ себя въ расположеніи сказавшаго: неправду возненавидѣхъ и омерзихъ» (Крат. Прав. отв. на вопр. 12).

Поелику же грѣхи особенно застарѣлые, совершавшіеся долгимъ временемъ, глубоко пускають въ сердце свои корни, часто незамѣчаемые согрѣшающимъ, занимая и умъ и душу и мысли, и скрываются въ нихъ даже и тогда, когда грѣшникъ раскаевается и перестаетъ совершать оныя: то св. отцы подвижники, указуя на сіе средство прощенія грѣховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаютъ кающихся отъ грѣховныхъ движеній, которыя нерѣдко возникаютъ въ чувствахъ и помыслахъ, даже противъ воли окаевающихъ оныя, такъ что если они съ услажденіемъ занимаются ими, то не получаютъ прощенія грѣховъ своихъ.

«Одинъ братъ спросилъ преп. Варсануфія: какой признакъ прощенія грѣховъ? И преподобный отвѣчалъ: признакъ прощенія грѣховъ состоитъ въ томъ, чтобы возненавидѣть ихъ и не дѣлать болѣе, а когда человекъ размышляетъ о нихъ и сердце его услаждается ими... то это знакъ, что грѣхи еще не прощены ему» (Рук. къ дух. жиз. отв. на вопр. 540).

«Желаешь ли узнать, отпущены ли тебѣ грѣхи, говоритъ преп. Исаія отшельникъ? Да будетъ тебѣ признакомъ то, если въ сердцѣ нѣтъ болѣе никакого остатка оныхъ. Если же они доселѣ живутъ и движутся въ памяти твоей и ты не радишь объ этомъ, то это плохой признакъ. Плачь, болѣзну и трепещи, доколѣ не испросишь милосердія у Бога» (Сл. 8 въ руск. пер. стр. 83).

Въ объясненіе сихъ словъ преподобнаго Исаіи преп. Варсануфій говоритъ: «примѣръ, который сказалъ авва Исаія, относится къ услажденіямъ грѣховнымъ и къ тѣмъ, которые достигаютъ ихъ на дѣлѣ, ибо иное вспомнишь сладость меда, а другое—вспомнить и вкусить его. Итакъ тому, кому хотя и приходитъ на память грѣховная сладость, но кто не допускаетъ дѣйствій сладкихъ, а противорѣчить и подвизается

противъ оной, прощены прежніе грѣхи» (Рук. къ дух. жиз. отв. на вопр. 237).

«Егда страстныя помышленія, говоритъ преп. Феодоръ Едескій, отнюдь отъ сердца очистятся, яко ни прилагатися къ нему, тогда знаменіе является отпущенія прежнихъ грѣховъ» (Дѣят. гл. 11. Добр. ч. IV л. 171).

Итакъ желающій получить прощеніе грѣховъ долженъ возненавидѣть ихъ совершеннымъ ненавидѣніемъ, такъ чтобы ни въ сердцѣ, ни въ умѣ, ни въ помышленіи не возникало расположенія къ нимъ, или, какъ выражается преп. Феодоръ Едескій, чтобы страстныя помышленія и не прилагались (не приражались) къ сердцу; и еслибы врагъ спасенія нашего возбудилъ память и мысль о нихъ, то тотчасъ должно отсѣкать и отвергать оныя въ самомъ нахожденіи и прилогѣ, какъ сказалъ одинъ изъ богомудрыхъ подвижниковъ (Исих. пресв. гл. 44. Добр. ч. II л. 6 наобор).

Средствомъ къ заглаженію грѣховъ иногда можетъ служить даже одна рѣшимость или твердое намѣреніе прекратить грѣховную жизнь и начать жизнь богоугодную. Всевѣдущій Господь пріемлетъ эту рѣшимость за самое дѣло, и не только прощаетъ грѣхи кающихся, но и удостоиваетъ ихъ небеснаго Своего царствія. Эту истину подтверждаютъ въ своихъ писаніяхъ св. отцы подвижники и опыты улучившихъ милосердіе Божіе симъ богоугоднымъ намѣреніемъ, встрѣчаемые въ преданіяхъ церкви. «Господь много милуетъ насъ за намѣреніе наше», говоритъ преп. Маркъ подвижникъ (сл. 3 о пок. въ русск. пер. стр. 115). «Богъ за едино наше произволеніе и ко благому преклоненіе вѣчную намъ дарствуетъ жизнь», пишетъ преп. Кассіанъ Римлянинъ (сл. къ Леонтину Иг. Добр. ч. IV. л. 227). Изъ многихъ опытовъ такого милосердія Божія къ обращающимся грѣшникамъ представляемъ два примѣра къ увѣренію твоему, ревнующій о спасеніи

читатель. Въ книгѣ Синаксарій находится слѣдующая повѣсть: «въ одномъ Солунскомъ дѣвичьемъ монастырѣ была дѣвственница, которая искушеніемъ врага человѣческаго спасенія доведена до того, что бѣжала изъ монастыря и нѣсколько лѣтъ провела въ развратной жизни. Потомъ, пришедши въ чувство раскаянія, пошла опять въ свой монастырь, чтобы совершить тамъ покаяніе; но у самыхъ воротъ монастыря упала и умерла. И одному епископу было слѣдующее видѣніе о ея смерти: Ангелы держали душу грѣшницы, а демоны состязались съ ними, утверждая, что эта душа, не усѣвшая покаяться, принадлежитъ имъ. Но Ангелы отвѣчали, что Богъ уже видѣлъ сердце грѣшницы, преклонившееся къ покаянію, и что если она не продолжила покаяніе, то это потому, что не въ ея власти было жить долѣе. Услышавъ это, духи злобы съ посрамленіемъ бѣжали» (Прол. іюля 14. и Воскр. чт. г. 2 стр. 424). Подобное сказаніе находится въ Четьихъ-Минеехъ.

«Въ Египетской странѣ одна христіанская дѣвица, именемъ Таисія (въ Дост. сказ. о подв. св. отц. она называется Паисія стр. 109 сказ. 38) по смерти родителей устроила въ своемъ домѣ гостинницу для отцовъ скита, принимала ихъ и служила имъ. По времени истоцилось ея имущество, и она начала нуждаться. Къ несчастію сблизились съ нею развратные люди и совратили ее въ распутство. Услышавъ объ этомъ, скитскіе отцы призвали авву Іоанна Колова, и говорятъ ему: эта дѣвица, когда имѣла состояніе, оказывала намъ любовь свою. Теперь мы попечемся о ея спасеніи; потрудись авва сходить къ ней и по мудрости, дарованной тебѣ отъ Бога, увѣщай ее къ покаянію. Авва Іоаннъ пошелъ къ ней, и когда, послѣ доклада, вошелъ къ ней, принявъ его, она сѣла на ложе. Авва приблизясь къ ней сѣлъ подле нея, и внимательно смотря ей въ лицо, сказалъ: что худаго пришла ты во Іисусѣ, что дошла до такого состоянія? Дѣвица,

услышавъ это, говоритъ ему: есть ли, авва, для меня покаяніе? Есть, отвѣчалъ онъ. Веди же меня, куда ты хочешь, сказала дѣвица. Пойдемъ, отвѣчалъ старецъ. Она тотчасъ встала и пошла за нимъ. Удивился авва Іоаннъ, замѣтивъ, что дѣвица не сдѣлала никакого распоряженія, и даже ни слова не сказала о своемъ домѣ. Когда пришли они въ пустыню, наступилъ вечеръ. Авва сдѣлалъ небольшое возглавіе изъ песка для дѣвицы, и перекрестивъ оное, говоритъ ей: усни здѣсь. Въ маломъ разстояніи отъ нея и для себя сдѣлалъ такое же возглавіе, и, окончивъ молитвы свои, уснулъ. Проснувшись въ полночь, онъ видитъ свѣтлый путь, простиравшійся съ неба до самой дѣвицы, и видитъ ангеловъ Божіихъ, которые возносили душу ея. Вставъ, подошелъ онъ къ дѣвицѣ и толкнулъ ее ногою. Узнавъ же, что она умерла, повергся лицомъ на землю и молилъ Бога. И былъ ему гласъ, что одинъ часъ покаянія ея принять лучше покаянія многихъ, долго кающихся, но не показывающихъ такой горячности въ покаяніи» (Мин. Чет. мая 10, и Дост. сказ. о подв. св. отц. въ русск. пер. стр. 109 сказ. 38). Вотъ сколь сильна твердая рѣшимость, и что значитъ живое, сердечное обращеніе отъ грѣховной жизни къ святой, богоугодной! «Можетъ, говоритъ преи. Зосима, это-теплое произволеніе во единомъ часѣ принести Богу добродѣтель, елико не можетъ въ пятидесяти лѣтѣхъ принести произволеніе лѣностное» (Бес. душепол. См. кн. Восторгнутые классы стр: 164). Да поможетъ Богъ намъ съ тобою, ревнующій о спасеніи читатель, стяжать это твердое, горячее произволеніе!

Средствомъ къ заглаженію грѣховъ служитъ сильное подаваніе милостыни: «грѣхи твоя милостынями искупи и неправды щедротами убогихъ», — спасительный совѣтъ, данный пророкомъ Даніиломъ Вавилонскому царю Навуходоносору (Дан. 4, 24). «Огнь горящъ угаситъ вода, и милостыня очи-

ститъ грѣхи», говоритъ премудрый сынъ Сираховъ (3, 30). Милостыня такъ сильна и полновѣсна предъ Богомъ, что можетъ покрыть все грѣхи кающагося: «сколько бы ни имѣлъ ты грѣховъ, милостыня все ихъ перевѣситъ», говоритъ св. Іоаннъ Златоустый (Бес. о покаяніи). Это благодѣтельное дѣйствіе милостыни дознали на себѣ нѣкто Петръ служитель африканскаго князя (Прол. Сент. 22), Евагрій Философъ, о коемъ пишетъ Іоаннъ Мосхъ въ духовномъ Лугѣ (гл. 193), нѣкоторый Стефанъ, о коемъ рассказываетъ св. Григорій Двоесловъ въ своихъ Собесѣдованіяхъ (кн. 4, гл. 34), и царь Индіи, упоминаемый въ житіи св. апостола Ѳомы (Мин. Чет. окт. 6). Чтобы не подумалъ кто-нибудь, что это счастье — искупать грѣхи милостынею есть удѣлъ людей только достаточныхъ, Господь велитъ давать милостыню посильную, возможную для всякаго. «Подавайте милостыню, говоритъ Онъ, изъ того что у васъ есть; тогда все будетъ у васъ чисто» (Лук. 11, 41). Ясное указаніе на посильную милостыню встрѣчаемъ и въ писаніяхъ св. и богомудрыхъ учителей церкви. «Богъ требуетъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустый, посильнаго подаванія, по мѣрѣ того, кто что имѣетъ, а не по мѣрѣ того, чего не имѣетъ» (Толк. на 2 посл. къ Кор. въ руск. пер. бес. 17, стр. 225). «Богъ требуетъ того, что по силѣ человѣку», — говоритъ разсуждая о милостынѣ преподобный Варсануфій (Рук. къ дух. жиз. отв. на вопр. 627). Богъ не обидливъ. Чтобы не лишить заслугъ милостыни и бѣдныхъ, Онъ довольствуется милостынею самою малою, самою ничтожною. «Богъ, говоритъ св. Епифаній, епископъ Кипрскій, за самую малую цѣну, продаетъ оправданіе тѣмъ, которые ищутъ купить оное, какъ-то: за малый кусокъ хлѣба, за убогую одежду, за чашу холодной воды, за одинъ оволь» (Дост. сказ. о подв. св. отц. въ руск. пер. стр. 71, сказ. 16). «Никто не можетъ сказать: я нищъ, и мнѣ не изъ чего подавать

милостыню, говорить преподобный Дороей; ибо если ты не можешь дать столько, сколько оны богачи, влагавшіе дары свои въ сокровищницу, то дай двѣ лепты, подобно оной убогой вдовицѣ, и Богъ приметъ это отъ тебя лучше, чѣмъ дары оныхъ богатыхъ (Мар. 12, 42, Лук. 21, 2). Если и того не имѣешь, имѣешь силу, и можешь служеніемъ оказать милость немощному брату. Не можешь и того? Можешь словомъ утѣшить брата своего; и такъ окажи ему милосердіе словомъ, и услышишь сказанное: слово благо паче даянія» Сир. 18, 17 (Сл. 14, въ руск. пер. стр. 176). «Есть, говоритъ св. Іоаннъ Златоустый, награда и за слова, даже и за самые вздохи; и объ этомъ блаженный Іовъ говорилъ: «азъ о всякомъ немощномъ восплакахся, воздохнухъ же видя мужа въ бѣдахъ» (33, 25). «Если же есть награда и за слезы и за вздохи, то подумай, продолжаетъ онъ, каково будетъ воздаяніе, когда присоединятся къ нимъ слова, усердіе и другое подобное тому» (Бес. XV, стр. 200 на Матѣ.). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «не отказывайся своими недостатками, подай хлѣба по своему состоянію. Не имѣешь хлѣба? подай оволь. Не имѣешь овола? подай чашу холодной воды. И этого не имѣешь? пожалѣй о несчастномъ: получишь награду» (Бес. о покаяніи). Вотъ какъ милосердъ и великодаровитъ Господь нашъ! За самую малую милостыню, за слово утѣшенія, за одно состраданіе не только прощаетъ грѣхи кающимся, но и удостоиваетъ ихъ награды небесныхъ.

Средствомъ къ заглаженію грѣховъ кающагося служить неосужденіе ближняго. «Вотъ одинъ изъ самыхъ краткихъ путей, ведущихъ къ полученію прощенія грѣховъ, говоритъ преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ, а именно — не осуждать. Если не судите, то и васъ не будутъ судить». Лук. 6, 37 (Сл. 10, гл. 7). Когда ты самъ видишь согрѣшающаго, или другіе говорятъ тебѣ о грѣхахъ его, не осуждай, не прези-

рай и не уничижай его не только словомъ, но даже и мыслію, — и самъ не будешь осужденъ за грѣхи твои: «не осуждайте, да не осуждени будете» (Лук. 6, 37). Это сказалъ Самъ Господь нашъ, имѣющій судить живыхъ и мертвыхъ (1 Петр. 4, 5).

Средствомъ къ заглажденію грѣховъ кающагося служитъ непамятозловіе. Блюди твое сердце чистымъ отъ злобы, прощай обидѣвшему тебя, оставляй нанесенныя тебѣ оскорбленія, — и самъ получишь отъ Господа оставленіе грѣховъ твоихъ: «аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, говоритъ Иисусъ Христосъ ученикамъ своимъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный согрѣшенія ваши (Матѣ. 6, 14).

Изъ примѣровъ людей, оправданныхъ сими послѣдними средствами представляемъ благоговѣйному читателю одинъ весьма поучительный примѣръ, указанный у св. Анастасія игумена горы Синайской. «Нѣкоторый инокъ, говоритъ онъ, проводилъ все время жизни своей въ нерадѣніи и лѣности, не показывая никакой добродѣтели, кромѣ того, что никогда никого не осуждалъ и былъ непамятозловивъ. Приблизилась кончина его; игумень и братія сошлись къ нему, для приуготовленія его къ вѣчности. Къ удивленію всѣхъ нерадивый инокъ не только не показывалъ никакого страха смерти, но еще изъявлялъ радость и благодарилъ Бога. Откуда у тебя такая радость? спросили его присутствовавшіе. И умирающій братъ, приподнявшись на смертномъ одрѣ своемъ, рассказалъ имъ предсмертное свое видѣніе: я видѣлъ, говоритъ онъ, ангеловъ, которые раскрыли предо мною свитоки злыхъ моихъ дѣлъ, и спрашивали: знаю ли я все это? я отвѣчалъ имъ: такъ, я все это знаю, но знаю и то, что съ тѣхъ поръ, какъ оставленъ мною міръ и облекли меня въ иноческій образъ, я не осудилъ человѣка и не имѣлъ ни на кого злобы, а потому прошу, чтобъ на мнѣ исполнилось слово Христово: не осуждайте, чтобъ

вамъ не быть осужденными, оставляйте и оставится вамъ. Услышавъ это, ангелы тотчасъ раздрали свитокъ грѣховъ моихъ; и вотъ почему я съ радостію отхожу отъ этой жизни къ Богу» (Прол. Марта 22 и Воскр. Чт. ч. 2, стр. 123). Слыша объ этомъ, братія, говорить въ заключеніи поученія своего св. Анастасій, постараемся никого не осуждать и не помнить ни на кого зла, чтобы Господь Богъ не осудилъ насъ и не вспомянулъ согрѣшеній нашихъ.

Итакъ желающій загладить грѣхи свои пусть пользуется сими общими средствами, изъ коихъ, какъ мы видѣли, каждое можетъ служить къ заглаженію прежнихъ грѣховъ. Избирай себѣ какое угодно соотвѣтственно своему состоянію и своимъ силамъ. Какое бы ни избралъ ты изъ нихъ, всякое равно будетъ сильно и дѣйствительно къ исходатайствованію прощенія грѣховъ твоихъ, если только воспользуешься имъ, какъ должно. Возлюбиши ли смиреніе и уничиженіе, будешь ли сокрушаться и плакать о грѣхахъ своихъ, будешь ли подавать посильную и соотвѣтственную состоянію твоему милостыню, или возненавидѣвъ до омерзения грѣхи предпріимешь твердое и рѣшительное намѣреніе прекратить грѣховную жизнь, и положишь себѣ за правило не осуждать ближняго и прощать наносимыя тебѣ оскорбленія: будь увѣренъ, что Господь по неложному Своему обѣщанію, проститъ тебѣ согрѣшенія твои.

Можемъ указать и еще на нѣкоторыя средства, служащія къ оправданію грѣшника и покрывающія предъ Богомъ грѣхи наши. Такова искренняя любовь къ ближнему, которая, по слову св. апостола Петра, «покрываетъ множество грѣховъ» (1 Посл. 4, 8). Таково содѣйствіе къ обращенію согрѣшающихъ и благоразумное отклоненіе ихъ отъ грѣховъ, какъ говоритъ св. апостоль Іаковъ: «обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти и по-

кроетъ множество грѣховъ» (5, 20). Таково благодушное терпѣніе скорбей и несчастій, какъ сказалъ Самъ Спаситель: «претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ» (Матѣ. 10, 22). «Всякое искушеніе, говоритъ преп. Петръ Дамасскій, яко врачество отъ Бога попускается для исцѣленія немощствующія души, ибо даруетъ и прежде бывшихъ и настоящихъ оставленіе, и будущихъ золь возбраненіе» (Кн. 1 о втор. зап. Доброт. ч. III л. 19 на обор). Таково наконецъ утаеніе отъ людей добрыхъ дѣлъ нашихъ «Ежели хочешь, говоритъ преп. Маркъ подвижникъ, чтобы Господь покрылъ грѣхи твои, то не выказывай людямъ добродѣтель, если какую имѣешь. Ибо какъ мы поступаемъ въ отношеніи нашихъ добродѣтелей, такъ Богъ дѣлаетъ съ нашими грѣхами» (Сл. 2 о тѣхъ, кои дум. оправд. дѣлами гл. 135).

Но предпринявъ какое-нибудь изъ показанныхъ средствъ и неуклонно шествуя избраннымъ путемъ, не спѣши, возлюбленный собратъ, увѣрять себя въ заглаженіи грѣховъ твоихъ, а смиренно признавай себя повиннымъ и должнымъ прогнѣванному ими Богу, воспомяная наставленіе преп. Іоанна Лѣствичника, который говоритъ, что и это служитъ средствомъ къ заглаженію грѣховъ нашихъ: «признакъ разрѣшенія нашего въ грѣхожденіи—всегдашнее признаніе себя должниками Богу» (Сл. 5. гл. 37).

Вотъ сколько благодать Божія даровала намъ средствъ къ заглаженію, къ полученію прощенія грѣховъ нашихъ! Итакъ никто не отчаявайся, никто не терй надежды загладить грѣхи свои, а пользуйся дарованными къ тому средствами. Снанительно и одно какое либо изъ нихъ, но еще лучше, если къ достиженію цѣли столь важной, какъ отпущеніе грѣховъ, не будемъ останавливаться на одномъ какомъ-нибудь средствѣ, въ той мысли, будто все другія добрая дѣла совершенно не нужны. Хорошо подкрѣплять одно средство другимъ, соеди-

нять одну добродѣтель съ другою, тѣмъ болѣе, что и сама по себѣ никакая добродѣтель не остается въ человѣкѣ одинокою, но непременно привлечетъ къ себѣ и другія, какъ говорятъ св. отцы подвижники. «Каждая добродѣтель есть мать другой добродѣтели», говоритъ преп. Исаакъ Сирскій (Въ русск. пер. сл. 72, стр. 446). «Добродѣтели едины другія раждаютъ», свидѣтельствуетъ преп. Григорій Синайскій (Полез. гл. 85. Доброт. ч. 1 л. 97 на обор). Пророкъ Давидъ исповѣдуетъ, что Господь спасъ его смиреніемъ, но онъ отъ души прощалъ врагамъ оскорбленія; онъ имѣлъ сокрушенное сердце, на всяку ночь измывалъ слезами свое ложе (Пс. 6, 7), и отъ скорби сердца забывалъ свѣсти хлѣбъ свой (Псал. 101, 5). Мытарь оправданъ также смиреніемъ; но и онъ, какъ видно изъ сказанія Евангельскаго, ходилъ въ церковь, усердно молился и отъ сердечнаго сокрушенія билъ себя въ грудь (Лук. 18, 10 и 13). Такъ и мы съ тобою, благочестивый читатель, будемъ приспособлять къ себѣ указанныя средства, будемъ подкрѣплять одно другимъ, или какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустый, заключая подобное поученіе, «сими всѣми путями да шествуемъ. Ежели бо въ сихъ пребудемъ всегда, ежели въ сихъ время препроведемъ, не точію прошедшія омыемъ согрѣшенія, но и въ будущее время величайшую приобрящемъ пользу» (Бес. VII на Еванг. Іоанна).

Свящ. Александръ Сергіевскій.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

XXXII. Паремія въ среду шестой седмицы великаго поста. Быт. 43, 26 – 31; 45 1 – 16.

Въ сей пареміи повѣствуется о вторичномъ въ Египтѣ свиданіи съ Іосифомъ десяти братьевъ его и о первомъ свиданіи съ нимъ Веніамина, младшаго брата.

Гл. 43. ст. 26. Внесоша Іосифу братія его дары яже нияху въ рукахъ своихъ, въ домъ: и поклонишася ему лицемъ на землю.

Іосифъ былъ сынъ Іакова отъ Рахили, родившійся въ Месопотаміи. Какъ сынъ отъ любимой жены, Іосифъ пользовался особеннымъ расположеніемъ отца своего, за что подвергся зависти братьевъ своихъ. Они не любили его также за то, что онъ прямодушно обнаруживалъ предъ отцемъ ихъ недостойные поступки. Два разсказанныя имъ сновѣднія, въ которыхъ предсказывалось уничтоженіе предъ нимъ братьевъ его, еще больше усилили ихъ нерасположеніе къ нему. Они продали его въ Египетъ, а отца увѣрили, что онъ растерзанъ звѣремъ. Въ Египтѣ Іосифъ жилъ сначала у царедворца Пентефрія, и пользовався его довѣріемъ и расположеніемъ; потомъ, оклеветанный его женою, попалъ въ темницу. Изъ темницы за удачное по откровенію Божію истолкованіе сновъ Фараона, содержавшихъ предзнаменованіе имѣвшихъ

наступить семи урожайныхъ и потомъ семи неурожайныхъ годовъ, и за мудрой совѣтъ Фараону о заготовленіи продовольствія на неурожайные годы, Іосифъ принятъ былъ ко двору Фараона, сдѣланъ былъ первымъ сановникомъ его и принялъ на себя заботы о накопленіи въ годы плодородныя запасовъ на прокормленіе народа въ годы голодныя. Неурожайные годы наступили не только для Египта, но и для дальней отъ него Ханаанской земли, гдѣ продолжалъ жить Іаковъ съ своимъ семействомъ. Іаковъ послалъ сыновей въ Египетъ для закупки хлѣба. Имъ, какъ иностранцамъ, иначе можно было купить хлѣба, какъ съ разрѣшенія самаго Іосифа, для чего имъ надлежало явиться къ нему лично. Представъ предъ нимъ, они не узнали его, но онъ узналъ ихъ, хотя для того, чтобы вывѣдать ихъ расположенія и возбудить въ нихъ раскаяніе, притворился незнающимъ ихъ и даже жестокимъ. Потомъ приказалъ выдать имъ хлѣба и отпустилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы они привезли въ Египетъ младшаго брата, Веніамина. Прошелъ годъ. Купленный въ Египтѣ запасъ истощился; Іаковъ отправилъ сыновей своихъ въ Египетъ для новой закупки и съ крайнею неохотою отпустилъ съ ними Веніамина, втораго сына своего отъ Рахили, котораго любилъ не менѣе Іосифа. И вотъ братья Іосифа снова предстали предъ нимъ и *внесоша ему дары, яже имяху въ рукахъ своихъ, въ домъ*. Іаковъ, отпуская сыновей своихъ, послалъ Іосифу въ даръ лучшія произведенія земли ханаанской: бальзамъ, медъ, стираксу, ладонъ, фишашковые и миндальные орѣхи (Быт. 43, 11).— *И поклонишася ему лицемъ на землю*. Такой же знакъ почтенія братья Іосифа показали ему при первомъ свиданіи съ нимъ въ Египтѣ (Быт. 42, 6). Въ обоихъ случаяхъ сбылись сны Іосифа, возбуждившіе некогда неудовольствіе противъ него братьевъ. Было два такихъ сна (Быт. 37, 7—10). Сначала ему сни-

лось, будто онъ съ братьями своими визалъ въ полѣ снопы и будто его снопы стоялъ прямо, а снопы братьевъ кланялись ему. Въ другой разъ ему снилось, будто солнце, луна и одиннадцать звѣздъ кланялись ему. За такіе сны братья Іосифа собирались даже погубить его, почитая невозможнымъ, чтобы они, старшіе братья, когданибудь поклонились, и притомъ съ отцемъ и матерью (солнцемъ и луною), младшему. Предзнаменованіе во снѣ однако сбылось: они дѣйствительно кланялись ему.

27. 28. И вопросы ихъ: здоровъ ли есте? И рече имъ: здоровъ ли есть отецъ вашъ старецъ, егоже рекосте, еще ли живъ есть? Они же рекоша: здоровъ есть рабъ твой отецъ нашъ, еще живъ есть. И рече: благословенъ человекъ оный Богу. И приникше поклонишася ему.

Здоровъ ли есть отецъ вашъ егоже рекосте? Братья Іосифа еще при первомъ свиданіи повѣдали ему, что они люди честные, дѣти одного отца въ землѣ ханаанской, — желая очистить себя отъ высказаннаго Іосифомъ подозрѣнія, не соглядатаи ли они, не пришли ли высмотрѣть Египеть съ враждебною цѣлю подъ предлогомъ покунки хлѣба (Быт. 42, 11). Теперь Іосифъ даетъ видъ, что помнитъ ихъ слова объ отцѣ, — и спрашиваетъ о здоровьѣ его, не давая впрочемъ имъ видѣть, какъ ему дорого извѣстіе объ отцѣ. — *Благословенъ человекъ оный Богу*, т.-е. да будетъ съ нимъ милость Божія. — *И приникше поклонишася ему.* Этотъ поклонъ они сдѣлали за отсутствующаго отца, въ благодарность за вниманіе къ нему Іосифа, — представляя лице отца. Такимъ образомъ сбылся сонъ Іосифа о поклоненіи ему солнца и луны, т.-е. отца и матери. Матери, правда, не было въ живыхъ, но ея мѣсто въ семь случаѣхъ заступилъ отецъ,

29. Возрѣвъ же очина своима Іосифъ, видѣ Веніамина брата своего единоматерня, и рече: сей ли есть братъ вашъ юнѣйшій, егоже рекосте ко мнѣ привести? И рече: Богъ да помилуетъ тя чадо.

Послѣ распроса объ отцѣ, взоръ Іосифа остановился на Веніаминѣ, привезенномъ въ Египеть по его требованію. *Сей ли есть братъ вашъ юнѣйшій?* спросилъ Іосифъ, и не дожидаясь отвѣта вслѣдствіе начавшагося въ немъ душевнаго волненія, понятнаго при взгядѣ на единоматерняго брата, — поспѣшилъ прибавить: *Богъ да помилуетъ тя чадо.* Чадомъ назвалъ брата своего въ знакъ отеческой нѣжности къ нему и по молодости его. Веніаминъ, хотя вмѣлъ уже въ это время десятерыхъ сыновей (Б. 36, 31), и было ему больше 30 лѣтъ (слич. Б. 30, 25; 31, 41), но онъ значительно былъ моложе Іосифа (Быт. 35, 18) и былъ малолѣтнимъ въ годъ удаленія Іосифа въ Египеть.

30. 31. Возмутися же Іосифъ: подвижеса бо утроба его о братѣ своемъ, и искаше плакати. Вшедъ же въ ложницу, плакася тамо. И умывъ лице, ишедъ удержася.

Душевное волненіе Іосифа, возбужденное видомъ роднаго брата, съ которымъ такъ давно разстался, достигло высшей степени. Іосифъ почувствовалъ, что не въ силахъ сохранить то самообладаніе, какое до сихъ поръ показывалъ, что слезы готовы оросить лице его, дотолѣ спокойное. Чтобы скрыть свое смущеніе, онъ поспѣшилъ выйдти въ отдѣльный покой, какъ бы подъ предлогомъ нужнаго дѣла, которое вспомнилъ, — и тамъ наединѣ безъ свидѣтелей далъ волю слезамъ. Потомъ успокоившись, смылъ съ лица слѣды слезъ и снова предсталъ братьямъ своимъ, съ прежнимъ самообладаніемъ и сдержанностію.

Далѣ въ книгѣ Бытія слѣдуетъ описаніе обѣда, какимъ Іосифъ угостилъ братьевъ своихъ. Послѣ обѣда Іосифъ приказалъ насыпать братьямъ своимъ хлѣба въ мѣшки, съ хлѣбомъ тайно вложить деньги, на которыя купленъ хлѣбъ, а въ мѣшокъ Веніамина сверхъ того положить серебряную чашу, и отпустилъ ихъ. По отъѣздѣ братьевъ, домоправитель Іосифа, по повелѣнію его, догоняетъ ихъ, обвиняетъ ихъ въ кражѣ чаши, обыскиваетъ, находитъ ее у Веніамина и возвращаетъ всѣхъ къ Іосифу. Братья, пришедши къ Іосифу, упали къ ногамъ его, и одинъ изъ нихъ, Іуда, держалъ предъ нимъ такую рѣчь: «хотя мы невиновны въ кражѣ чаши, но Богъ наказываетъ насъ за прежнюю неправду; вотъ теперь мы рабы господину твоему, и мы и тотъ, въ чьихъ рукахъ нашлась чаша». Но Іосифъ сказалъ: «тотъ, у кого нашлась чаша, будетъ мнѣ рабъ, а вы подите съ миромъ къ отцу вашему». Тогда Іуда подошелъ къ Іосифу и сказалъ: «мы прежде (т. - е. въ первое свиданіе) говорили тебѣ, что отецъ нашъ старъ и этого сына любить болѣе всѣхъ; если онъ увидитъ, что нѣтъ отрока, то умретъ съ печали. Притомъ я обязался отвѣчать за отрока отцу твоему». Описаніе того, что послѣдовало за рѣчью Іуды составляетъ продолженіе разсматриваемой пареміи.

Гл. 45. ст. 1. И не можаше Іосифъ удержатися всѣмъ предстоящимъ ему, но рече: отослите всѣхъ отъ мене. И не предстояше ни единъ Іосифу, егда познавашеся братиі своей.

Іосифъ долго не открывался братьямъ и даже сурово съ ними обращался съ цѣлію получить правдивое свѣдѣніе объ отцѣ, испытать ихъ душевное настроеніе, узнать, раскаялись ли они въ своей несправедливости къ нему—Іосифу, и если не раскаялись, или не вполне раскаялись, возбудить въ нихъ и

укрѣпить раскаяніе. Цѣль сія была достигнута. И при первомъ свиданіи съ Іосифомъ, они, разговаривая между собою, въ суровомъ обращеніи съ ними господина земли египетской признали наказаніе Божіе за жестокой поступокъ съ братомъ. Они держали тогда откровенный разговоръ на еврейскомъ языкѣ въ присутствіи Іосифа, не зная, что онъ, какъ самъ природный еврей, хорошо понимаетъ ихъ (Б. 42, 21—23). По вторичномъ прибытіи братьевъ въ Египетъ, Іосифъ еще болѣе убѣдился въ ихъ раскаяніи и въ правдивости ихъ показаній объ отцѣ. Потому, выслушавъ послѣднюю рѣчь Іуды, исполненную смиреннаго самоосужденія и жалости къ отцу, Іосифъ почувствовалъ, что не въ силахъ долѣе продолжать свое притворство въ отношеніи къ братьямъ. Любовь къ нимъ, кипѣвшая въ его сердцѣ, порывалась излиться въ слезахъ и съ непреодолимою силою влекла его къ откровенному объясненію съ ними. Слезы подступили къ его глазамъ, языкъ его готовъ былъ сказать имъ: я братъ вашъ; но его стѣсняло присутствіе стороннихъ свидѣтелей. Онъ приказалъ удалить стоявшихъ при немъ Египтянъ, чтобы остаться наединѣ съ братьями и предъ ними одними излить свою душу. Удаленіе Египтянъ нужно было и для того, чтобы не увидать въ ихъ глазахъ своихъ братьевъ открытіемъ ихъ преступленія.

2. 3. И испусти гласъ съ плачемъ. Слышаша же вси Египтяне, и слышано бысть въ дому Фараоновѣ. Рече же Іосифъ братія своей: азъ есмь Іосифъ: еще ли отецъ мой живъ есть? И не погоша братія отвѣщати ему, смутишася бо.

Громкій плачь Іосифа, оставшагося съ одними братьями, плачь радости смѣшанной съ сожалѣніемъ о братьяхъ, нѣкогда обидѣвшихъ его, *слышаша вси Египтяне*, т. е. всѣ тѣ Египтяне, которые предъ тѣмъ удалены были отъ лица Іоси-

фа, — а чрезъ ихъ узналъ о томъ Фараонъ и члены его семейства и придворные. — *Еще ли отецъ мой живъ есть?* Что отецъ былъ живъ и здоровъ, о томъ уже повѣдали Иосифу братья; но сердце сына, полное любви къ отцу, побудило его еще разъ удостовѣриться въ томъ. — *И не могоша братія отвѣщати ему, смутѣшася бо.* Неожиданность заявленія, сдѣланнаго Иосифомъ, Еврейскій языкъ, на которомъ оно было сдѣлано, тогда какъ до сихъ поръ онъ говорилъ съ братьями чрезъ толмача, стыдъ предъ тѣмъ, съ кѣмъ они нѣкогда поступили жестоко, и можетъ быть опасеніе наказанія за эту жестокость, — все это такъ сильно смутило братьевъ, что они ничего не могли проговорить въ отвѣтъ на слова Иосифа.

4. 5. Рече же Иосифъ братіи своей: приближитесь ко мнѣ, и приближишася. И рече: азъ есмь Иосифъ братъ вашъ, егоже продасте въ Египетъ. Нынѣ убо не скорбите, н'же жестоко вамъ да явится, яко продасте мя сѣмо: на жизнь бо посла мя Богъ предъ вами.

Приблизитесь ко мнѣ. Смущенныхъ и стоявшихъ въ почтительномъ разстояніи братьевъ ободряетъ приглашеніемъ подойти къ нему поближе для братской откровенной бесѣды. *Не скорбите:* не смущайтесь никакими страхами и опасеніями; вы безопасны: передъ вами стоитъ не господинъ, а братъ. *Ниже жестоко вамъ да явится, яко продасте мя сѣмо:* забудьте, что жестоко поступили со мною, и утѣшьте себя благими послѣдствіями, какія Промыслъ извлекъ изъ вашего дѣла. *На жизнь бо посла мя Богъ предъ вами* (прежде васъ). По устроенію Божію мое переселеніе въ Египетъ послужило ко благу не только вашему, но и многихъ. Думали ли вы, продавая меня въ Египетъ, что Богъ сдѣлаетъ меня въ Египтѣ орудіемъ спасенія жизни вашей и

многихъ? Вы погибли бы, если бы судьба не привела меня прежде васъ въ Египетъ. Египтяне не могли сами собою предвидѣть неурожайныхъ годовъ, слѣдственно не могли предупредить угрожавшій голодь. Но чего не могла сдѣлать человѣческая прозорливость и мудрость, то Господь сдѣлалъ чрезъ меня, и теперь хлѣбныхъ запасовъ, заготовленныхъ мною въ неурожайные годы, достаточно для прокормленія не только Египтянъ, но даже иностранцевъ.

6. Сіе бо второе лѣто гладь на земли, и еще пять лѣтъ оста, въ нихже не будетъ оранія, ни жатвы.

Не будетъ оранія. Въ Египтѣ плодородіе, какъ и теперь, зависѣло отъ весенняго разлива Нила. Ораніе могло быть только на илѣ, остававшемся послѣ разлива. Но если Нилъ не выходилъ изъ береговъ, или разливъ его былъ незначителенъ, то не могло быть достаточной почвы для оранія и сѣянія, особенно при недостаточности въ тѣ времена искусственныхъ средствъ орошенія—каналовъ, плотинъ и т. п. А въ сосѣднихъ съ Египтомъ странахъ, напримѣръ въ землѣ ханаанской, не могло быть оранія отъ недостатка зерна для посѣва.

7. 8. Посла бо мя Богъ предъ вами (прежде васъ) оставити вамъ останокъ на земли и препитати вашъ останокъ велий. Нынѣ убо не вы послаете мя сѣмо, но Богъ: и сотвори мя яко отца фараону, и господина всему дому его, и князя всей земли Египетстѣй.

Цѣль, для чего, говоритъ Іосифъ братьямъ, я прежде васъ приведенъ Богомъ въ Египетъ, состоитъ въ томъ, чтобы *оставити останокъ вамъ на земли*, т.-е. чтобы вы остались въ живыхъ, — и *препитати вашъ останокъ велий*, т.-е. прокормить васъ, какъ предназначенныхъ къ сохраненію для великихъ судебъ. *Не вы послаете мя, но Богъ:* поелику

вы не достигли злой цѣли, съ какою сбыли меня на чужую сторону, и удаленіе меня въ Египетъ послужило только предопредѣленію Божію о спасеніи чрезъ меня отъ бѣдствій голода васъ и Египтянъ, то не могу сказать, что вы послали меня въ Египетъ. Нѣтъ, — не вы, а Богъ чрезъ васъ послалъ меня сюда. Не Онъ конечно содѣйствовалъ вашему поступку противъ меня, не Онъ внушилъ вамъ злой умыселъ противъ меня, — было бы богохульно приписывать Ему участіе въ вашемъ грѣхѣ, — но Онъ самыя грѣхи людей, вопреки ихъ волѣ, обращаетъ къ славѣ своего имени, попуская ихъ для достиженія своихъ святыхъ намѣреній. — Съ судьбою Іосифа сходствуютъ въ семь случаевъ судьбы Божіи въ страданіи и крестной смерти Христа Спасителя: Іудеи по личнымъ побужденіямъ осудили Его на страданія и смерть, но ихъ злое дѣло попущено было промысломъ Божіимъ для того, чтобы исполнилось предвѣчное предопредѣленіе Божіе о спасеніи людей отъ вѣчной гибели чрезъ страданія и смерть Сына Божія (Дѣя. 2, 23). — *Сотвори мя яко отца Фараону и господина всему дому его.* Іосифъ былъ какъ бы отцемъ Фараону въ томъ смыслѣ, что безъ его совѣта и согласія, какъ добрый сынъ безъ совѣта и согласія отца, Фараонъ ничего не дѣлалъ, и что Іосифъ заботился о прокормленіи Фараона со всѣмъ его домою и народомъ, какъ отецъ заботится о своемъ семействѣ. Подобно сему царь Тирскій именуется отцемъ своего ближайшаго совѣтника (2 Парал. 2, 13); Аманъ именуется отцемъ Артаксеркса (Есѣ. 13, 16).

9. 10. 11. Потщавшеса убо, въздыте ко отцу поему и рцыте ему: сія глаголетъ сынъ твой Іосифъ: сотвори мя Богъ господина всей земли Египетстѣй: сниди убо ко мнѣ и не умедли: и вселишия въ земли Гесемли Аравійстѣй, и будеши близъ

мене ты, и сынове твои, и сынове сыновъ твоихъ, овцы твоя и волове твои, и елика суть твоя. И пренитаю тя тамо, еще бо пять лѣтъ будетъ гладъ на земли, да не погибнеша ты, и сынове твои, и вся нищія твоя.

Іосифъ, приглашая къ себѣ на жительство Іакова со всеѣмъ его семействомъ и имуществомъ, назначаетъ ему мѣстомъ жительства землю Гесемскую. Она была недалеко отъ тогдашней столицы египетской (*будеши близъ мене*), именно отъ Таниса (Исаі. 77, 12), и примыкала къ Нилу (Исх. 2, 3. Числ. 11, 5. Второз. 11, 10). Съ запада она граничила съ Аравіею, почему у ЛХХ названа аравійскою, — и съ филистимскою страню (Сл. Исх. 13, 17. I Парал. 7, 21). Главнымъ городомъ въ ней былъ Рамесса (Б. 47, 11). По обилію пажитей она была лучшею въ Египтѣ и потому весьма пригодна для Евреевъ, занимавшихся скотоводствомъ (Быт. 46, 34). Овощей было въ ней такъ много, что евреи даромъ ѣли въ ней огурцы, дыни, лукъ и чеснокъ (Числ. 11, 5). Въ Гесемской области Евреи, хотя имѣли сосѣдями Египтянъ, не смѣшивались съ ними, ибо Египтяне ненавидѣли пастуховъ (Быт. 46, 34).

12. 13. Се очи ваши видятъ и очи Веніамина брата моего, яко уста моя глаголющая къ вамъ. Возвѣстите убо отцу моему всю славу мою сущую въ Египтѣ, и елика видите: и ускоривше, приведите отца моего съмо.

Братья Іосифа такъ поражены были всеѣмъ, что слышали изъ устъ Іосифа, что могли подумать, дѣйствительно ли говорящій съ ними есть Іосифъ, не другой ли кто называетъ себя его именемъ. И вотъ Іосифъ для успокоенія ихъ говорить имъ: *се очи ваши видятъ и очи Веніамина брата моего* и т. д., — т. е. вы могли бы мнѣ не вѣрить, когда бы вамъ о

миѣ пересказывали другіе; но вы сами меня видите, сами видите слезы мои, свидѣтельствующія о моей искренности, и какъ очевидцы, можете смѣло мои слова передать отцу. И еслибы отецъ не повѣрилъ вамъ, пусть повѣритъ Веніамину.

14. 15. И нападъ на выю Веніамина брата своего, плакася надъ нимъ: и Веніаминъ плакася на выи его, и обლობызавъ всю братію свою плакася надъ ними. И по сихъ глаголаша къ нему братія его.

Іосифъ хотя радъ былъ видѣть всѣхъ братьевъ, но преимущественно былъ радъ Веніамину: его онъ обнимаетъ, а прочихъ только цѣлуетъ. Знакъ преимущественнаго вниманія къ нему, какъ единоутробному брату, Іосифъ показалъ также при угощеніи ихъ, которое предъ симъ происходило: Веніамину онъ приказалъ дать часть впятеро больше всѣхъ (Быт. 43, 34). — *И по сихъ глаголаша къ нему братія его.* До сихъ поръ братья Іосифа все молчали. Уста ихъ были скованы страхомъ и изумленіемъ, и только теперь отверзлись для братской бесѣды, когда открылось, что бояться нечего.

16. И пронесеса гласъ въ дому Фараоновѣ, глаголюще: придоша братія Іосифова. Возрадовася же Фараонъ и раби его.

Пронесеса гласъ въ дому Фараоновѣ и т. д. Іосифъ самъ вскорѣ расскажетъ Фараону о свиданіи своемъ съ братьями, но слухъ о семъ, неизвѣстно какими путями, уже дошелъ до двора. — *Возрадовася же Фараонъ*, отчасти по расположенію къ Іосифу, которому такъ много былъ обязанъ, отчасти, можетъ быть, потому, что судилъ по достоинствамъ Іосифа о братьяхъ его и надѣялся имѣть въ нихъ такихъ же вѣрныхъ и полезныхъ слугъ. Радость Фараона *раздѣляли раби его*, т.-е. служащіе при дворѣ.

XXXIII. Паремія положенная на вечернѣ въ четвертокѣ шестой седмицы в. поста. Быт. 46, 1 7.

Въ сей пареміи повѣствуется о переселеніи Іакова въ Египеть.

Гл. 46 ст. 1. Воздвигся Израиль самъ и вся сущая его, приде ко кладязю клятвенному, и пожре жертву Богу отца своего Исаака.

Нужда обезопасить себя отъ продолжающагося голода, а главное, желаніе увидѣть сына, давно оплаканнаго, побудили Іакова согласиться на путешествіе въ Египеть по приглашенію Іосифа и самаго Фараона. Въ послѣднее время Іаковъ жилъ въ Хевронѣ (Быт. 37, 14), гдѣ поселился по смерти Исаака и гдѣ были гробы его отцевъ. Поднявшись изъ Хеврона, Израиль (имя Іакова, данное ему Богомъ послѣ таинственной борьбы съ Богомъ предъ вступленіемъ въ землю ханаанскую Быт. 32, 28) держалъ путь на Вирсавію (*Кладязь клятвенный*), мѣсто священное по воспоминаніемъ о жертвоприношеніяхъ Авраама и Исаака и о Божоявленіи Исааку (Быт. 21, 33; 26, 23. 24). Здѣсь, на границѣ Ханаана, Іаковъ, прежде чѣмъ переступить ее, приноситъ *жертву Богу отца своего Исаака*, можетъ быть на томъ самомъ жертвенникѣ, который воздвигнуть былъ Исаакомъ. Цѣлю жертвоприношенія было удостовѣриться, угодно ли Богу предпринятое путешествіе, и испросить на оное благословеніе Божіе.

2. 3. 4. Рече же Богъ ко Израилю въ видѣніи ноцію, глаголя: Іакове, Іакове! Онъ же рече: что есть? Онъ же рече ему: Азь есмь Богъ отецъ твоихъ: не убойся изыти во Египеть, въ языкъ бо

велій сотворю тя тамо. И Азь сииду съ тобою во Египеть, и Азь возведу тя до конца. И Юсифъ возложитъ руки своя на очи твои.

Желаніе Іакова узнать волю Божію о путешествіи исполнилось. Господь явился ему ночью, и пробудивъ его отъ сна воззваніемъ: *Іакове, Іакове*, рекъ ему: *Азь есмь Богъ отцевъ твоихъ*, — т. е. Я также милостивъ къ тебѣ, какъ къ отцамъ твоимъ. *Не убойся изыти во Египетъ*. Іаковъ могъ опасаться за судьбу своего потомства въ Египтѣ, могъ думать, не будетъ ли переселеніе его въ Египетъ служить препятствіемъ къ умноженію его потомства, не будутъ ли Египтяне, благосклонные къ нему и его роду при жизни Іосифа, угнетать и искоренять Евреевъ по смерти Іосифа. Господь успокоиваетъ Іакова обѣтованіемъ: *въ языкъ велій сотворю тя тамо*. И что дѣйствительно исполненію обѣтованія о многочисленномъ потомствѣ не воспрепятствуетъ переселеніе Іакова въ Египетъ, показали событія. Евреи пришли въ Египетъ всего въ числѣ 75 душъ (ст. 27), но черезъ 200 лѣтъ, число ихъ, при исходѣ изъ Египта, будетъ простираться до 600 тысячъ, кромѣ женъ, дѣтей, стариковъ и пришельцевъ. Чѣмъ больше Египтяне угнетали ихъ по смерти Іосифа, тѣмъ больше они умножались по дѣйствию благословенія Божія (Исх. 1, 12).—Далѣе Іаковъ могъ опасаться несчастія или смерти въ предстоящемъ ему трудномъ, особенно для его старости, и продолжительномъ пути. Господь успокоиваетъ его обѣщаніемъ сопутствовать ему въ Египетъ и охранять его отъ опасностей путешествія своимъ всемогущимъ покровомъ: *Азь пойду съ тобою во Египетъ*.—Іаковъ могъ недоумѣвать, какъ исполнится обѣтованіе Божіе о наслѣдованіи его потомками Хчваанской земли (Б. 28, 13. 14), когда онъ покидаетъ эту землю и переселяется въ другую.

Господь успокоиваетъ его обѣтованіемъ: *Азъ возведу тя до конца*, т.-е. какъ я буду сопутствовать тебѣ въ Египетъ, такъ Я же возвращу тебя наконецъ въ лицѣ твоихъ потомковъ изъ Египта въ землю обѣтованную тебѣ и отцамъ твоимъ Аврааму и Исааку. Что же касается до тебя самого лично, то, — присовокупляетъ Господь, — *Иосифъ возложитъ руки своя на очи твои*, т.-е., хотя тебѣ суждено умереть въ Египтѣ, у сына твоего Иосифа, утѣшься однако тѣмъ, что не другой кто, а любимый твой сынъ, котораго ты считалъ погибшимъ, усладить послѣдніе твои дни и въ минуту смерти закрыть твои очи.

5. 6. 7. Воста же Иаковъ отъ кладязя клятвеннаго, и взяша сынове Иаковли Израиля отца своего, и стяжаніе, и жены своя на колесницы, яже посла Иосифъ взяти его. И взяше ииѣнїя своя и все стяженіе, еже стяжаша въ земли Ханаанстѣй, видоша во Египетъ Иаковъ и все сѣмя его съ нимъ: сынове и сынове сыновъ его съ нимъ, дщери и дщери дщерей его: я все сѣмя свое введе во Египетъ.

И взяши сынове Израиля отца своего, т.-е. подняли, какъ престарѣлаго, и посадили вмѣстѣ съ стяжаніемъ (съ Евр. съ дѣтьми) и женами на колесницы, а сами слѣдовали частію пѣшкомъ, со стадами, частію на ослахъ.—*Дщери* (Иакова): разумѣются жены сыновей Иакова, ибо у него была одна дочь—Дина (ст. 15).—*Все сѣмя*: всѣхъ душъ, со включеніемъ Иосифа съ сыновьями и самого Иакова, водворившихся въ Египтѣ, въ слѣдующемъ затѣмъ спискѣ сочтено до семидесяти пяти (ст. 27).

Свящ. Вас. Нечаевъ.

СТАРЫЙ ИЕРУСАЛИМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИНОКА-НАДОМНИКА (1857—1860 г.).

Мусульманской кварталъ въ Иерусалимѣ.

Мечети Омарова и ель-Акса. — Мѣсто Омаровой мечети. — Судьба Иерусалимскаго храма, воздвигнутаго Соломономъ, восстановленнаго Зоровавелемъ и возобновленнаго Иродомъ. — Основаніе Омаровой мечети. — Обращеніе ея въ христіан. церковь при крестоносцахъ. — Упраздненіе церкви при Саладинѣ. — Трудный доступъ къ мечети. — Наружный и внутренній видъ ея. — Пещера. — Мечеть эль-Акса на мѣстѣ древней христіанской церкви. — Подземельная часть мечети. — Ворота золотыя и красныя. — Замокъ Антонія.

Иерусалимскіе магометане или мусульмане живутъ главнымъ образомъ около своего завѣтнаго святилища — *мечети Омара*, какъ извѣстно, построенной на мѣстѣ древняго Соломонова храма; это большею частію пришельцы, перемѣшанные съ природными Арабами, но съ теченіемъ времени вовсе переродившіеся въ Арабовъ. Число ихъ по вышеписанному равняется числу Евреевъ — отъ 8-ми до 10,000.

Сошедъ съ *Сіона* вступаете на гору *Морію*, славную — какъ показываетъ самое названіе, которое означаетъ «видѣніе Господа» (Быт. 22, 14), — мѣсто соответствующее древнему *Салиму* Мельхиседека, указанное, по преданію, Аврааму на тотъ конецъ, дабы здѣсь онъ принесть въ жертву сына своего Исаака, хотя другое преданіе переноситъ вышеупомянутую жертву то на Голгову, то на гору Гаризинъ, то на гору Фаворскую. Но какъ бы ни было, извѣстно положительно, что мечеть Омарова стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое вѣкогда было указано Господомъ Давиду, для построенія храма, что было исполнено лишь Соломономъ.

Соломонъ, обратившись къ Хираму царю Тирскому, получилъ позволеніе рубить ливанскіе кедры, призвалъ въ Іерусалимъ финикійскихъ мастеровъ и зодчаго для управленія работами: 10,000 человекъ ежемѣсячно трудились на Ливанѣ, 60,000 свозили и сносили матеріалы къ мѣсту ихъ назначенія, 80,000 ломали камень для фундамента; камни эти имѣли до 70 футовъ (10 сажень длины). Все доставлялось уже совершенно готовое на гору Морію: тамъ не было ни стука молота, ни визга тесла или пилы, ни ударовъ стѣкиры, словомъ—не было слышно никакого желѣзнаго орудія. Работою завѣдывалъ Хирамъ уроженецъ тирскій; мастерскія были устроены въ Іорданской долинѣ, гдѣ и теперь еще указываютъ огромныя выемки и насыпи глины, изъ которой дѣлали формы для сосудовъ храма. Фундаментъ храма заложенъ за 1008 лѣтъ предъ Рождествомъ Христовымъ, а строеніе его продолжалось 7 лѣтъ.

Вершина горы, на которой воздвигалась святиня, имѣла 1025 футовъ въ квадратѣ; теперь она имѣетъ 1500 футовъ длины и 900 ширины. Вся площадь храма была окружена стѣною въ шесть локтей вышины и толщины. Съ каждой стороны величественный портикъ приводилъ въ первое отдѣленіе, назначенное для язычниковъ и нечистыхъ изъ Евреевъ. Во второмъ отдѣленіи Израиль отправлялъ свои молитвы; въ немъ (вокругъ всего храма) шли колоннады и галереи. Третье исключительно было назначено для левитовъ. За симъ уже слѣдовалъ самый храмъ—каменный, стоявшій въ направленіи съ востока на западъ, длиною въ 60 локтей, шириною 20, вышиною въ 30; онъ состоялъ тоже изъ трехъ частей: *притвора, святая и святая святыхъ*. Въ Святая входили священники два раза въ день для каженія; въ Святая святыхъ могъ входить лишь одинъ первосвященникъ и то только однажды въ годъ. Тамъ стоялъ Кивотъ Завета. Всѣ части этого зданія были выложены кедромъ пышной рѣзьбы; полы мраморныя; внутреннія украшенія отѣнной работы, блистали золотомъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ храмъ Соломоновъ на горѣ Моріи, обстоятельное описаніе котораго сообщаетъ намъ Св. Писаніе въ третьей книгѣ Царствъ въ V главѣ.

Онъ простоялъ 400 лѣтъ. Пророкъ Іеремія предсказалъ его опустошеніе, ибо Евреи поставили идоловъ въ дому, въ которомъ возглаголось имя Іеговы, и тѣмъ осквернили домъ сей. Пророчество это сбылось въ 588 году предъ Рождествомъ Христовымъ, когда Навузарданъ военачальникъ войска царя вавилонскаго Навуходоносора прибылъ въ Іерусалимъ и сжегъ домъ Господень. Народъ еврейскій былъ отведенъ въ плѣнъ, въ которомъ оставался 70 лѣтъ. Только Киръ царь Персидскій повелѣ проповѣдати во всемъ царствіи своемъ и писаньи, глаголя: сія глаголетъ Киръ царь Персскій: вся царства земная даде мнѣ Господь Богъ небесный, и той повелѣ ми, да созижду ему домъ въ Іерусалимѣ, иже въ Іудеи. Кто въ васъ отъ всѣхъ людей его? и будетъ Богъ его съ нимъ, и да взыдетъ во Іерусалимъ, иже въ Іудеи; и да созиждетъ домъ Богу Ісраилеву. Той есть Богъ, иже во Іерусалимѣ. И всякъ оставшійся отъ всѣхъ мѣстъ, идѣже той обитаетъ, и да помогутъ ему мужи отъ мѣста его серебромъ и златомъ, и сосуды и скоты, съ добровольными обѣщаніи принесутъ въ церковь Божию, яже во Іерусалимѣ» (1 Езд. 1, 1—4). И вторично Евреи начали созидать святию Господню на горѣ Моріи и снова Ливанъ доставилъ имъ кедры, а Тиръ ремесленниковъ, и опять воздвигнулось святилище, но Святая святыхъ уже не вмѣщало въ себѣ Кивота Завѣта, ибо Іеремія сокрылъ его въ пещерахъ горы Небо, или, какъ утверждаетъ Талмудъ, онъ былъ сокрытъ въ потаенныхъ пещерахъ горы Моріи; во всякомъ случаѣ мѣсто его сокрытія осталось неизвѣстнымъ. Языческіе писатели свидѣтельствуютъ, что при взятіи Іерусалима Титомъ святѣйшее мѣсто было пусто. Второй храмъ былъ посвященъ Іеговѣ въ шестой годъ царствованія Дарія, а слѣдовательно въ 516 году предъ Рождествомъ Христовымъ.

Сіе-то вторично воздвигнутое святилище посѣтилъ Александръ Великій около 332 года предъ Р. Х. Онъ осаждалъ Тиръ и послалъ къ Евреямъ, призывая ихъ къ покорности и присылкѣ подкрѣпленій. Первосвященникъ Адуй отговарился присягою на вѣрность Персамъ. Но для Александра было недостаточно такого отвѣта: онъ овладѣваетъ Тиромъ, входитъ въ Пале-

стину, низвращаетъ все на своемъ пути и является подъ стѣнами Іерусалима. Тогда первосвященникъ, одѣтый въ бѣлыя ризы, увѣнчанный цвѣтами, окруженный священниками и народомъ, приказываетъ отворить городскія врата и отправляется въ станъ побѣдителя. Едва Александръ увидалъ первосвященника съ кидаромъ на главѣ, на которомъ блестяло вышитое золотомъ имя Іеговы, онъ поклонился предъ нимъ. «Я отдаю честь не человѣку, но Богу», сказалъ онъ своею свитѣ. Вступивъ въ городъ, онъ отправился въ святилище, и принесъ жертвоприношеніе Богу сообразно съ іудейскимъ закономъ; а потомъ двинулся далѣе съ своимъ войскомъ, дозволивъ Іудеямъ жить по своимъ законамъ и освободивъ отъ подати въ годы субботніе. Въ исторіи встрѣчается прекрасное повтореніе этой великой сцены въ 452 году христіанской эры, когда предъ св. папою Львомъ преклонился дикій вождь Гунновъ Аттила!... Но по смерти Александра Македонскаго Іудеи много терпѣли отъ его преемниковъ, царей египетскихъ и сирійскихъ. Антіохъ Епифанъ царь Сирійскій «взыде на Ісаиля, и на Іерусалимъ въ народѣ тяжкъ. И вниде во святилище съ гордынею, и взя олтарь златый, и свѣтильникъ свѣщный и вся сосуды его... и сокруши вся... и сотвори убійство великое въ людяхъ и осквернилъ святилище и поставилъ въ немъ идоловъ» (1 Мак. 1, 21—25. 37. 45). Идолъ Юпитера заступилъ мѣсто Іеговы на горѣ Моріи, пока по долгихъ войнахъ не очистилъ ее Іуда Маккавей.

Наконецъ Помпей, взявши Іерусалимъ въ 63 году предъ Рождествомъ Христовымъ, вошелъ со свитою своею въ святилище и даже во Святая святыхъ: «вошелъ, пишетъ Тацитъ, по праву завоевателя, но не нашелъ въ немъ никакого Бога (разумѣя кумира): тамъ было совершенно пусто». Онъ позволилъ Евреямъ воздавать честь Іеговѣ по своему закону.

И стояло святилище, построенное по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, 497 лѣтъ, т. е. до 19 года предъ Р. Х., до 18 года царствованія Ирода. Въ это время Иродъ, желая угодить Евреямъ, обновилъ его съ такимъ богатствомъ и свѣтлостію, что не осталось почти ничего изъ дѣла Зоровавеля. Площадь, на которой оно стояло, расширилъ, окружилъ

гору Марію тройною стѣною и употребилъ на это камни въ 10-локтей длины. О нихъ-то сказалъ Христосъ, что не останется здѣсь камня на камень (Марк. 13, 1). На служеніе *этому* святилищу посвятили родители трехлѣтнюю Марію; въ *этомъ* святилищѣ позже Марія принесла пару горлицъ въ жертву за Сына своего, а святой старецъ Симеонъ, взявши Его на руки, благословилъ Господа за то, что позволилъ ему узрѣть Спасителя міра. Въ *этомъ* святилищѣ бывалъ на Пасхѣ отрокъ Іисусъ съ Своими родителями; *въ немъ* онъ училъ учителей закона будучи двенадцатилѣтень. На кровлѣ *этого* святилища былъ искушаемъ отъ діавола; изъ *этого* святилища выгналъ бичемъ продающихъ и покупающихъ; *здѣсь* простилъ жену блудницу; *здѣсь* постыдилъ фарисеевъ, которые думали уловить его вопросомъ о дави; *здѣсь* обратилъ вниманіе на лепту вдовицы; *сюда* наконецъ имѣлъ торжественный входъ за нѣсколько дней предъ Своей крестною смертію.....

И стояло это третье (обновленное Иродомъ) святилище 77 лѣтъ. Титъ, взявши сѣверную часть Іерусалима, хотѣлъ пощадить храмъ по причинѣ его величія. Пожаръ отъ горы Авры уже достигалъ портиковъ. Титъ приказалъ его погасить. Римляне бросаются на помощь. Евреи, которые укрылись во святилищѣ съ приближеніемъ легионовъ, не зная о сущности ихъ намѣренія и обороняя святое мѣсто, вступаютъ съ ними въ отчаянную борьбу. Тогда одинъ изъ воиновъ, «покорствуя силѣ Божіей», какъ пишетъ самъ историкъ еврейскій Іосифъ, бросаетъ горящую головню черезъ окно внутрь святилища. Огонь попадаетъ въ одну изъ самыхъ внутреннихъ комнатъ, ширится съ неизвѣрною быстротою и вскорѣ обращается въ огромный пламень. Прибѣгаетъ самъ Титъ съ вождями и войскомъ, самъ распоряжается защитою храма, и полагая, что огонь еще не проникъ внутрь, врывается въ святилище во главѣ солдатъ, разгоряченныхъ битвою и пылающихъ мщеніемъ. Въ это самое время пламень уже объялъ внутренность храма; множество Евреевъ спасаясь отъ огня съ отчаяніемъ бросаются на солдатъ; возникаетъ неслыханная рѣзня, пока все святилище не рухнуло

съ шумомъ страшнымъ, какъ громъ исполнившагося прореченія....

Протекло 1130 лѣтъ съ того времени какъ Соломонъ началъ созидать домъ Божій и не прошло 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Христосъ сказалъ: «аминь глаголю вамъ: не мимо идетъ родъ сей, дондеже вся сія будутъ» (Матѣ. 24, 34). И точно въ эпоху осады Тита были люди въ Іерусалимѣ, которые еще помнили Христа, и видѣли разрушеніе храма, и между ними св. Симеонъ, тогдашній Іерусалимскій епископъ. Съ того времени гора Морія, покрытая вторично развалинами, стала частію города *Еліи Капитолины*. Но черезъ триста лѣтъ послѣ Тита вздумалось цезарю Іуліану пойти противъ прореченій Божіихъ и возобновить храмъ Іерусалимскій. По приказанію богоотступника, правитель Іерусалима Алипій сзываетъ евреевъ въ Іерусалимъ, и помогаетъ имъ всѣмъ могуществомъ, которое доставляли римлянамъ богатство, науки, сила и антихристіанскій фанатизмъ цезаря: все напрасно. Напрасно Евреи начали воздвигать зданіе съ отличающимъ ихъ терпѣніемъ, напрасно жены ихъ и дочери бросали въ общую сокровищницу всѣ свои драгоценности для достиженія столь дорогой для ихъ сердца цѣли; напрасно старцы и даже дѣти трудились въ этихъ развалинахъ; сами языческіе писатели, и между ними Аммианъ Марцеллинъ, военачальникъ въ службѣ цезаря Іуліана, подтверждаютъ, что ужасныя явленія,—огни выходившіе изъ развалинъ и обломковъ, землетрясенія, поглощавшія разомъ по нѣскольку работниковъ, вынудили отступить отъ сего намѣренія. Отступникъ Іуліанъ принужденъ былъ въ минуту смерти воскликнуть: ты побѣдилъ Галилеянина!

Такъ въ теченіе слишкомъ шести вѣковъ оставалось въ запустѣніи мѣсто бывшей святыни Соломона, ибо Евреямъ не удалось возстановить святилище, а христіане поставили церковь лишь въ той части горы Моріи, гдѣ Богоотроковица Марія была посвящена на служеніе Богу,—церковь занимающую южную сторону Иродова храма.

Лишь въ 636 году, когда мусульмане овладѣли Іерусалимомъ, очищены развалины занимавшія гору Морію. Калифъ

Омаръ прибылъ въ Ель-Кодсъ въ видѣ странника—*хаджи*, одѣтый плащомъ изъ верблюжьей шкуры. Онъ посѣтилъ святыя мѣста: въ самый полуденный часъ былъ въ храмѣ Гроба Господня. Требовалъ отъ патріарха Софронія, который сопровождалъ его, чтобы тотъ показалъ ему мѣсто, гдѣ бы онъ могъ совершить свою молитву—*намазъ*.

— Здѣсь, великій вождь, здѣсь преклони колѣна и воздай хвалу Богу, отвѣчалъ патріархъ.

Омаръ отклонилъ это предложеніе и вышелъ изъ храма. Подъ открытымъ небомъ сбросилъ съ себя плащъ, и опустясь на колѣни молился на немъ. Когда же окончилъ молитву, сказалъ патріарху:

— Я не хотѣлъ молиться въ твоёмъ храмѣ. Вездѣ, гдѣ молился Калифъ, мусульмане ставятъ свою мечеть. Они бы отобрали у тебя мѣсто, которое я хочу тебѣ оставить. Прикажи показать мнѣ камень, на которомъ почивала голова патріарха Іакова во время его чудеснаго видѣнія.

Мѣста этого нельзя было указать въ Иерусалимѣ, ибо насколько сохранилось преданіе о немъ, оно находилось въ Веешлѣ въ окрестности Сихема, нынѣшняго Наплуза; — но ему указали на гору Морію и на ней мѣсто прежней святыни Соломона; ибо по еврейскимъ преданіямъ камень тотъ былъ перенесенъ въ святилище и на немъ стоялъ кивотъ завета во Святая святыхъ. Смутился Омаръ, видя такое мѣсто покрытымъ развалинами и сметиёмъ; тотчасъ же приказалъ его очистить и воздвигъ мечеть, одну изъ прекраснѣйшихъ во областяхъ Ислама. Назвалъ ее *Ель-Сакрагъ*, то-есть *скала*, вѣроятно въ честь камня Іаковлеву. Мечеть эта пользуется у мусульманъ извѣстностію и почитаніемъ наравнѣ съ мечетями въ Мединѣ и Меккѣ. Наслѣдники Омара окончили зданіе *Ель-Сакрагъ*. Когда Крестоносцы овладѣли Иерусалимомъ, они обратили великолѣпную мечеть Омара въ христіанскую церковь, и легатъ папы Иннокентія II освятилъ ее въ началѣ двѣнадцатаго вѣка. Въ это время и посѣтилъ сей храмъ нашъ паломникъ, игуменъ Даниилъ, который въ своемъ «Странникѣ» оставилъ вѣрно и любопытное описаніе его. «А *святая святыхъ*, пишетъ онъ, отъ Воскресенія Христо-

ва (то-есть отъ храма Гроба Господня) вдалѣе яко двою до-
стрѣлитьъ мужъ. И есть церковь «Святая святыхъ» дивно и
хитро вельми создана, и красота ея несказанна: есть бо круг-
ла образомъ, и страшно видѣти, и мусією изовну исписана
дивно несказанно, стѣны ея помощены досками мраморянными
драгаго мрамора, красно вельми. Столповъ же имать подъ
верхомъ (подъ куполомъ) стоящихъ 12 облыхъ, а подъ по-
латами 12 облыхъ же, а заднихъ (т.-е. пилястровъ) 8-мь.
Двери же имать 4-е побіены мѣдью злачеюю. Подъ верхомъ
же тѣмъ самымъ есть пещера въ камени изсѣчена: въ той
печерѣ убитъ бысть пророкъ Захарія: ту гробъ его бысть и
нынѣ же нѣсть его ту. Инъ камень есть близъ пещеры той,
подъ верхомъ (т.-е. подъ куполомъ). *На томъ камени
Іаковъ спалъ; и ту сонъ видѣлъ:* и лѣствица, утверждена
бѣше на земли, еяжъ глава досязаше до небеси и Ангели
Божіи восхождаху и нисхождаху по ней, Господь же утвер-
жашеся на ней; тужъ убо брался Іаковъ со Ангеломъ: воста
Іаковъ и рече: се мѣсто домъ Божій и врата небесныя суть.
На томъ же камени пророкъ Давидъ видѣ Ангела стояща со
оружіемъ нагимъ и сѣкуща люди Израилевы. И влѣзъ Давидъ
въ тужъ пещеру, плакась горько моляся къ Богу: «Господи,
не овца согрѣши, но азъ». Есть церковь та всемо окачна (ок
ругла) сажень 10-ть поперегъ въ ширину и въ длину и въ
печеркѣ подлѣ, входы жъ четыре имать. Ветхая церковь
Святая святыхъ разорена есть отъ поганыхъ, и нѣсть ничто-
же ветхаго зданія Соломонова знать, но токмо ровъ церков-
ный, еже почать было пророкъ Давидъ созидати. Она жъ пе-
чера и *камень*, иже подъ верхомъ (куполомъ) ^(а) церкви, то
есть ветхаго зданія только. А сію церковь нынѣшнюю создалъ
старѣйшина отъ Срацынъ именемъ Амиръ (Омаръ).

Въ 1187 году, когда Крестоносцы были изгнаны изъ свя-
той земли и Іерусалимъ снова впалъ въ руки невѣрныхъ, Са-
ладинъ, по свидѣтельству мусульманскихъ писателей, во-
шелъ въ *ель-Сакрагъ* и взявши въ руки метлу, самъ началъ
выметать храмъ. Потомъ всѣ стѣны его были обмыты розо-

(а) Разумѣется—на землѣ противъ самаго купола.

вою водою, и все зданіе, какъ извнѣ, такъ и извнутри приведено въ прежнее состояніе. На куполѣ мечети стоялъ большой золотой крестъ. Въ день штурма Іерусалима нѣсколько мусульманъ взобрались на верхъ, чтобы его сбросить оттуда. «Въ эту минуту, пишутъ арабскія хроники, остановилась борьба и глаза всѣхъ христіанъ и мусульманъ обратились въ одну сторону, — всѣ взгляды сошлись въ одномъ пунктѣ. Крестъ упалъ, — одинъ крикъ пронесся по городу и окрестъ его, крикъ радости и триумфа у читателей Ислама, — страха и отчаянія у христіанъ, — и эхо этого крика было ужасно; казалось, что вселенная потряслась въ основаніяхъ своихъ»...

Съ этого времени и доселѣ непрерывно блещетъ полумѣсяцъ на горѣ Моріи; съ этой эпохи и достуцъ къ мечети Ома ра воспрещенъ христіанамъ подъ угрозою смерти, въ знакъ чего предъ двумя воротами ведущими на ея дворъ изъ города, надъ самою главою проходящихъ, висятъ на шнуркахъ камни. Только фирманъ падишаха изъ Стамбула отворяетъ въ нее входъ для знатныхъ или богатыхъ посѣтителей Іерусалима, — но до недавняго времени и посѣщеніе съ фирманомъ не обходилось безъ приключеній.

Такъ рассказываютъ, что когда посѣщавшій эту мечеть, по фирману изъ Царьграда, принцъ жуанвильскій, еще медлилъ внутри ея съ нѣсколькими адъютантами, паша Іерусалимскій, сопровождавшій его съ видимою неохотою, сказалъ:

— Теперь, какъ ваше высочество все осмотрѣли, мнѣ не остается ничего болѣе какъ исполнить то, о чемъ фирманъ падишаха позволяетъ мнѣ догадываться.

— Что же это такое? спросилъ принцъ.

— Фирманъ говоритъ только о допущеніи въ мечеть, но умалчиваетъ о томъ, имѣетъ ли нога гяура, которая преступила порогъ *ель-сакрагъ*, право выйти изъ нея, — сказалъ суровымъ голосомъ Турокъ.

Смущеніе адъютантовъ принца легко себѣ представить. Нѣсколько изъ нихъ схватились за свои шаги Ихъ движенію отвѣчалъ скрипъ затворявшихся вратъ мечети.

Принцъ жуанвильскій не потерялъ присутствія духа. Онъ

остановилъ знакомъ руки порывистый жестъ своихъ товарищей.

— Успокойтесь, господа, сказалъ онъ обращаясь къ нимъ, я здѣсь подъ высшею протекціею, нежели та, которую могли бы мнѣ доставить ваши шпаги. Меня защищаетъ честь султана и имя Франціи.

— Вы совершенно правы, принцъ, сказалъ Турокъ, поглаживая обложенную драгоценными камнями рукоять дамасской сабли, ибо на французскую шпагу отвѣчала бы мусульманская сабля: имъ уже не разъ приходилось встрѣчаться на этомъ мѣстѣ. Но не относись ни къ чести султана, ни зывай къ имени Франціи. Не помогло бы тебѣ ни то, ни другое. Помни, что то не въ Египтѣ у Мегмета-Али, которымъ помыкаетъ Франція. Честь—это пустое слово на ряду съ Кораномъ. Но самъ Коранъ защищаетъ принца. Ты въ дому Аллаха, а Магометъ пророкъ его принималъ тебя, какъ своего гостя. И по данному знаку отворились врата мечети. Вѣроятно, что анекдотъ этотъ или придуманъ весь, или приукрашенъ на половину мусульманскою похвалюю; передаю его какъ слышалъ отъ одного изъ іерусалимскихъ мусульманъ; но что посѣщеніе христіанами мечети ель-сакрагъ не нравится ея стражамъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я имѣлъ рѣдкій случай побывать въ мечети во время посѣщенія ея нашимъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1859 году. Съ нимъ проникли въ заветное святилище мусульманъ не только всѣ русскіе богомольцы, но едвали не все христіанское населеніе города и даже жида. Это послѣднее обстоятельство очень оскорбило правовѣрныхъ. На возвратномъ моемъ пути изъ Іерусалима (въ томъ же 1859 г.) ѣхалъ на нашемъ пароходѣ одинъ изъ муллъ этой мечети, провожавшій царственнаго гостя при ея обзорѣніи. Я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, въ которомъ онъ относительно посѣщенія христіанами ихъ мечети выразился такъ: «это бы еще ничего, что христіане посѣтили нашъ храмъ,—они освятились черезъ это, но *досадно*, что съ ними вмѣстѣ пробрались и Евреи. Это мы имъ никакъ не простимъ, и первый разъ, какъ что-нибудь случится въ Іерусалимѣ, мы пе-

ребьемъ ихъ всѣхъ». До послѣдней войны Россіи съ Турціею многіе изъ европейскихъ путешественниковъ получали и въ самомъ Іерусалимѣ позволеніе посѣщать Омарову мечеть. Но во время самой войны союзники Турціи Англичане и Французы слишкомъ злоупотребляли ихъ снисходительностью въ этомъ отношеніи (такъ напр. расхаживали съ сигарками); это разожгло фанатизмъ улемовъ и было причиною, что по возстановленіи мира, входъ въ мечеть сдѣлался снова трудно доступенъ.

Однако и теперь мечеть Омара можно видѣть удобно издали съ Елеонской горы, а вблизи съ верхней террасы зданія, стоящаго на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде дворецъ Пилата. Въ этомъ зданіи нынѣ казармы турецкой пѣхоты и квартира командира турецкаго гарнизона въ Ель-Кодсѣ. Въ нашу бытность должность эту занималъ полковникъ, который былъ въ плѣну въ Россіи, будучи взятъ подъ Карсомъ, и потому знаетъ нѣсколько русскихъ обыденныхъ фразъ; отъ него наши богомольцы легко могутъ получить дозволеніе входа на террасу черезъ посредство драгомана консульства или миссіи. Вотъ что вы увидите оттуда: *ель-сакрагъ* стоитъ на обширной площади, имѣющей около 500 шаговъ въ квадратѣ. Двѣнадцать портиковъ въ разныхъ и неравныхъ разстояніяхъ поставленныхъ, ведутъ къ мечети. Порттики эти состоятъ изъ нѣсколькихъ аркадъ, и на нихъ иногда другой рядъ колоннъ. Мечеть занимаетъ самую средину площади и стоитъ на возвышеніи вымощенномъ мраморными плитами, на которое со всѣхъ четырехъ сторонъ вступаютъ по осьми мраморнымъ же ступенямъ. О бокъ мечети систерна или водоемъ, служащій мусульманамъ для ихъ законныхъ омовеній передъ молитвою. Нѣсколько вѣковыхъ деревьевъ — кипарисовъ и маслинъ, мѣстами разбросаны между портиковъ, — вотъ общія черты этого малодоступнаго для христіанъ мѣста. Форма самой мечети осьмигранная съ трибуномъ или фонаремъ тоже осьмиграннымъ, имѣющимъ по одному окну въ каждой грани; она накрыта куполомъ, который прежде былъ изъ позлащенной мѣди, а теперь оловянный. Легкій минаретъ оканчивающійся полумѣсяцемъ какъ бы стремится въ высоту. Каждая

изъ осьми стѣвъ мечети имѣеть 32 шага, вышина же всего зданія около 90 футовъ. Стѣны извнѣ обложены мраморными разноцвѣтными плитами, которыя украшены арабесками и позолоченными стихами изъ Корана. Издали всё цвѣта сливаются въ одинъ и все зданіе представляется окрашеннымъ въ темно-голубой цвѣтъ. Двери съ сѣверной стороны украшены портикомъ изъ 8-ми мраморныхъ колоннъ; въ три другія входятъ прямо съ верхней площадки. Эта мечеть по легкости и изяществу своей архитектуры несомнѣнно принадлежитъ къ лучшимъ остаткамъ арабской архитектуры. Вся верхняя платформа (на которой стоитъ мечеть и на которую всходятъ со всѣхъ сторонъ по крыльцамъ о 8-ми ступеняхъ) выложена блестящимъ мраморнымъ поломъ, который въ лучахъ полуденнаго солнца отбиваетъ какимъ-то фантастическимъ блескомъ и бросаетъ особый отсвѣтъ на небесно-голубой цвѣтъ мечети.

Издревле желаніе проникнуть въ эту мечеть составляло предметъ особаго любопытства для европейцевъ, и многимъ смѣльчакамъ, хорошо знакомымъ съ обычаями востока, удавалось это съ помощію бакшишей и переодѣванія. Но всё они утверждаютъ (и справедливо), что мечеть Омара несравненно любопытнѣе для глазъ извнѣ чѣмъ внутри, съ чѣмъ соглашаются и сами Турки. Каждый входъ имѣеть украшенныя пышною рѣзбою двери и за ними шесть колоннъ мраморныхъ и порфировыхъ съ пьедесталами и капителями. Вся внутренность выложена мраморомъ, даже и помостъ состоитъ изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, большая часть которыхъ равно какъ колонны и даже олово, употребленное на покрытие купола мечети, взяты мусульманами изъ Виелеемскаго и другихъ ограбленныхъ мусульманами христіанскихъ святыницъ. Въ помостѣ храма подъ самымъ куполомъ (т.-е. въ самой срединѣ храма) видѣнъ огромный многоугольный камень какъ-бы изъ черно-сѣраго мрамора, нѣсколько возвышающійся надъ поверхностью пола (въ ростъ человѣка) и имѣющій $2\frac{1}{2}$ фута въ квадратѣ. Камень этотъ огражденъ золоченою рѣшеткою и на немъ въ разныхъ мѣстахъ помѣщены предметы священные для поклонниковъ лжепророка, на-

примѣръ: щитъ Магомета, знамя и огромный мечъ Али, копье Давидово (?), подлинная рукопись Корана, сѣдло кобылицы ель-боракъ и т. п. Въ самомъ камнѣ видны 23 дыры, въ которыхъ, какъ замѣтно, прежде были вбиты гвозди; два изъ нихъ остались и до сихъ поръ. На что они могли служить, то неизвѣстно и самимъ мусульманамъ. Но мусульманскимъ баснословіямъ этотъ камень послужилъ ступенью для ихъ лжепророка Магомета, когда онъ прибылъ изъ Аравіи въ Иерусалимъ въ своемъ (мнимо) воздушномъ путешествіи въ Рай на кобылицѣ ель-боракъ, чтобы въ бесѣдѣ съ Аллахомъ устроить дѣло Ислама. При посѣщеніи Омаровой мечети муллы не преминуть обратить вниманіе христіанъ на *пещеру*, находящуюся подъ однимъ изъ болѣе выдающихся угловъ вышеописаннаго камня. При сходѣ въ пещеру, камень поддерживае съ двухъ краевъ двумя малыми колоннами изъ бѣлаго мрамора; онѣ утверждены косвенно въ полъ и камень. Такое положеніе камня (служащаго своимъ выдающимся угломъ потолкомъ для этой пещеры) и подало поводъ къ извѣстной мусульманской баснѣ, будто бы этотъ камень держится на воздухѣ самъ собой. Сходъ въ пещеру по 8 ступенямъ изъ бѣлаго мрамора. Пещера эта, называемая магометанами *сходомъ въ подземное царство душъ*, есть ни что иное, какъ квадратная комната шаговъ въ 8 пространства и не много выше человѣческаго роста; она грубо оштукатурена, кромѣ потолка, который образованъ *камнемъ*. При самомъ сходѣ, направо, показываютъ выдѣланное въ скалѣ сѣдаище *Гаруна* или *Аарона* брата Моисеева, и надъ нимъ впадину въ потолкѣ, сдѣланную будто бы головою Аарона, который по своему росту не вмѣщался въ пещерѣ; тутъ же показываютъ мѣсто Авраама, Давида, Соломона, архангела Гавріила и св. Іоанна (по мусульманскимъ преданіямъ очевидно заимствованнымъ у Евреевъ). Нашъ игуменъ Данииль сообщаетъ преданіе, что въ этой пещерѣ былъ убитъ Захарія сынъ Варахіянь. Въ этой пещерѣ хранится священная для мусульманъ одежда Фатимы, дочери Магомета.

Въ самомъ юго-западномъ углу ограды двора Омаровой мечети возвышается другое большое зданіе, а именно мечеть

ель-Акса (отдаленная); это древній христіанскій храмъ во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Ибо согласно церковному преданію извѣстно, что родители трехлѣтней отроковицы Маріи по обѣту ввели ее во храмъ и что она была тамъ воспитана. Константинъ Великій построилъ этотъ храмъ, который позже перестроилъ и украсилъ Іустиніанъ. Храмъ этотъ имѣетъ форму базилики, т.-е. образуетъ расположеніемъ своихъ частей правильный четверосторонній крестъ; внутри онъ раздѣленъ мраморными колоннами на три части, изъ коихъ боковыя ниже средней; крыша свинцовая; потолокъ храма изъ негніющихъ ливанскихъ кедровъ. Надъ перекрестіемъ возвышается большой и красивый куполь. Словомъ и по наружному своему виду и по внутреннему расположенію частей храмъ этотъ много походитъ на Виелеемскую базилику, и уже одно это свидѣтельство о его древности. Однако все это массивное зданіе много проигрываетъ, будучи прижато къ самой оградной стѣнѣ; стоя близъ легкой арабской мечети, оно кажется въ сравненіи съ нею тяжелымъ и мрачнымъ. На мѣстѣ древняго христіанскаго алтаря стоитъ *миграбъ*—мусульманская каедрa рѣзная изъ дерева; за ея сквозною перегородкой въ стѣнѣ двѣ ниши (углубленія). На исподи перваго ниша, что на правой сторонѣ, напечатлѣны на простомъ камнѣ слѣды одной стопы человѣческой, а во второй нишѣ камень носящій отпечатокъ двухъ малыхъ стопъ. Первая, по мѣстному преданію, есть слѣдъ одной стопы Господа нашего Іисуса Христа (по мусульмански пророка Исы), перенесенный сюда (мусульманами) съ вершины горы Элеонской, гдѣ остался отпечатокъ другой Божественной стопы. Другіе два слѣда, по преданію, принадлежатъ Пресвятой Дѣвѣ отроковицѣ Маріи (Маріамъ), здѣсь обитавшей до своего обреченія Іосифу.

При посѣщеніи этой мечети (въ 1859 году въ бытность здѣсь Великаго Князя Константина Николаевича) меня особенно заняла подземная часть бывшаго храма, старанія проникнуть въ которую оставались для многихъ тщетными. Мнѣ удалось это, и я прошелъ до самой восточной стѣны зданія; это подземелье длиною и шириною своею соотвѣтствуетъ

длины и ширины храма, хотя и находится не непосредственно подъ нимъ, а съ боку его средняго отдѣленія: въ него сходятъ сперва по ступенямъ, а потомъ они прекращаются и начинается пологій земляной спускъ.

Два ряда массивныхъ гранитныхъ колоннъ поддерживаютъ своды, раздѣляя и подземелье, какъ верхній храмъ, на три части; стѣны и колонны обѣлены известью; толщина колоннъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ южной (поперечной) стѣнѣ храма, въ которой находятся два монолита толщиной болѣе двухъ охватовъ, несомнѣнно принадлежащіе къ еврейскому періоду. Имѣетъ ли это подземелье боковыя вѣтви и связывается ли съ тѣми, которыя по слухамъ находятся подъ всею площадью двора Омаровой мечети, утвердительно сказать не могу; ибо дойдя свободно до южной стѣны подземелья въ полумракѣ, назадъ мы должны были возвратиться почти бѣгомъ, услышавъ за собою скрипъ тяжелыхъ дверей, которыя тщетно осаждала толпа любопытныхъ. Ревнивые мусульмане, кромѣ нѣсколькихъ челоуѣкъ (въ числѣ которыхъ былъ и я) болѣе не пустили никого въ подземелье и тотчасъ по выходѣ нашемъ заперли двери. Впрочемъ, проходя вдоль подземелья, ни по сторонамъ его, ни въ восточной стѣнѣ никакихъ дверей, ведущихъ въ какія-либо боковыя отдѣленія, мы не замѣтили. Это однако не мѣшаетъ считать несомнѣннымъ существованіе подземныхъ водохранилищъ подъ площадью Омаровой мечети, о которыхъ вспоминаетъ нашъ Даніилъ паломникъ, вѣроятно видѣвшій ихъ, говоря: «ту воды многи суть *исподи*»; мусульмане же хранятъ ихъ въ глубокой тайнѣ, а навпаче отъ христіанъ. Воды эти проведены изъ такъ называемыхъ «Соломоновыхъ прудовъ», и желающему не трудно прослѣдить и вблизи самаго Іерусалима направленіе подземнаго водопровода, доставляющаго ихъ въ ограду Омаровой мечети.

По выходѣ изъ мечети *Ель-Акса* царственный посѣтитель (В. К. Константинъ Николаевичъ съ супругою, сыномъ и большою свитою), а за нимъ и вся группа сопровождавшаго его народа, направились къ такъ называемымъ *золотымъ воротамъ*, которыя находятся противъ восточныхъ дверей Омаровой мечети въ городской стѣнѣ. Мусульмаве на-

зываютъ ихъ *вѣчными*; они заложены наглухо еще при Омарѣ, въ силу обращающагося между магометанами преданія, что въ эти ворота нѣкогда войдетъ христіанскій побѣдитель мусульманъ. Это преданіе распространилось вѣроятно потому, что, какъ извѣстно, черезъ эти врата въхалъ въ святой городъ при кликахъ «осанна сыну Давидову» Царь славы Христосъ, — побѣдитель не только мусульманскаго лжевѣрія, но и всѣхъ прочихъ заблужденій. Кто знаетъ, — можетъ быть и дѣйствительно суждено чрезъ нихъ же войти нѣкогда въ св. градъ и другому побѣдителю «отъ міра сего», который въ завоеваніи Іерусалима будетъ имѣть не политическую, а религіозную цѣль, чтобы на развалинахъ мусульманскаго владычества основать царство мира, любви и свободы, не лжеименной, а христіанской. А такого побѣдителя доселѣ не перестаетъ чаять весь востокъ, поработенный турецкому фанатизму, европейскимъ интригамъ и корыстолюбію! Во время владычества Крестоносцевъ ворота эти открывались лишь одинъ разъ въ году, а именно во время вербнаго Воскресенія для процессіи «входа въ Іерусалимъ,» ежегодно повторявшейся въ память сего событія съ тою пышною обстановкою, которая перешла было и къ намъ на сѣверъ въ періодъ патріаршества.

Посѣтившій Іерусалимъ въ началѣ владычества Крестоносцевъ, нашъ игуменъ Даніилъ оставилъ намъ описаніе «златыхъ вратъ» въ слѣдующихъ чертахъ: «тѣ врата пророкъ Давидъ сотворилъ и хитро-жь суть сдѣланы, мѣдью позлащенной были покованы, изну подписаны были хитро по мѣди, изовну желѣзны покованы были твердо; двери суть 4-е у вратъ тѣхъ. Та бо суть врата осталось только ветхаго зданія, да столпъ Давида, а ино все есть ново зданіе». Мы прибавимъ къ этому, что въ воротахъ сихъ двойной сводъ, освѣщаемый сверху; онъ поддерживается древними мраморными колоннами, и раздѣляетъ ворота на двѣ половины, изъ коихъ одна служить для въѣзда, а другая — для выѣзда. Съ правой стороны ихъ у стѣны мусульмане показываютъ *мѣсто трона Соломонова*. *Мѣсто же трона Давидова* находится, по ихъ указанію, противъ восточныхъ дверей ме-

чети Омара и означено красивой осьмигранной часовней во вкусъ мечети, съ полукруглымъ куполомъ, поддерживаемымъ двумя рядами колоннъ коринтскаго ордена ⁽⁶⁾. Подъ куполомъ водоемъ, который служитъ для религиозныхъ мусульманскихъ омовеній, передъ входомъ въ мечеть на молитву.

Изъ трехъ остальныхъ воротъ ведущихъ въ ограду Омаровой мечети замѣчательны ворота, называемыя *красными* или *апостольскими*. Они также накрыты длиннымъ, но одинокимъ сводомъ и ведутъ на дворъ Омаровой мечети съ сѣверной стороны, извнутри города. Съ ними соединяется воспоминаніе о томъ, какъ апостолы Петръ и Іоаннъ исцѣлили сидѣвшаго въ нихъ нищаго, хромага отъ рожденія, сказавъ ему: «злата и серебра не имамы, а еже имѣемъ, даемъ: во имя Господа Іисуса Христа, встань и ходи». Противъ сихъ воротъ находятся развалины *башни Антонія*, напоминающей времена Римскаго владычества; подъ сводомъ соединяющимъ ее со зданіями, которыя окружаютъ съ сѣверной стороны дворъ Омаровой мечети, проходитъ улица ведущая къ городскимъ Геосиманскимъ воротамъ. Упомянутая башня или замокъ построена первосвященникомъ Гирканомъ Маккавеемъ: онъ жилъ здѣсь самъ и хранилъ въ особомъ покоѣ одежду первосвященническую, а оттуда и произошло преданіе, что будто и Иродъ и Римляне, даже до Тиверія кесаря, хранили въ этомъ замкѣ первосвященническую одежду. Иродъ обновилъ, увеличилъ, укрѣпилъ и украсилъ этотъ замокъ Гиркана и назвалъ его въ честь своего друга, триумвира Марка Антонія, замкомъ Антоніевымъ. Онъ былъ обведенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ стѣною и имѣлъ посреди нѣскольکو башенъ, надъ коими высилась одна средняя (остатки-то ея и существуютъ понынѣ), съ которой можно было видѣть весь дворъ храма. Во время владычества Римлянъ здѣсь постоянно находился крѣпкій гарнизонъ, который въ

(6) Очевидно, что эти, равно какъ и прочія мусульманскія преданія, указывающія на примѣръ въ одномъ изъ боковыхъ отдѣленій мечети Ель-Акса «колыбель Іисы» (Іисуса), не имѣютъ никакой исторической достовѣрности и упоминаются лишь къ свѣдѣнію.

пору еврейскихъ празднествъ значительно усиливался и бдительнымъ окомъ наблюдалъ за дѣйствіями народа собравшагося на дворѣ храма, будучи готовъ на немедленное уничтоженіе всякаго покушенія къ бунту противъ Римлянъ; возстаніямъ же этимъ наиболее всего благопріятствовало большое стеченіе народа къ празднику пасхи. Турки наблюдаютъ ту же политику и въ отношеніи христіанъ, усиливая всегда іерусалимскій гарнизонъ къ празднику пасхи, изъ войска въ Дамаскъ расположеннаго. —Остальныя примѣчательныя мѣста въ мусульманскомъ кварталѣ, мы обозримъ при описаніи *Страстнаго пути*, большая часть котораго проходитъ по этой части города.

А. Л—ъ.

О САМОИСПЫТАНІИ,

КАКЪ ВАЖНѢЙШЕМЪ РУКОВОДСТВѢ КЪ ПОСТЕПЕННОМУ И НЕОСЛАБНОМУ ПРЕСПѢЯНІЮ ВЪ ХРИСТИАНСКОМЪ БЛАГОЧЕСТИИ.

(ОПЫТЪ ПРАВСТВЕННО-АСКЕТИЧЕСКІЙ).

II.

Какія нужны съ нашей стороны условія для вѣрнаго успѣха въ самоиспытаніи?

Какъ всякое занятіе, сколько-нибудь важное по своей цѣли и вліянію на наше благосостояніе, обыкновенно совершается нами съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ, дабы въ послѣдствіи увѣчалось надлежащимъ успѣхомъ: такъ и дѣло самоиспытанія, столь важное по цѣли своей (каково должно быть достиженіе высшаго духовнаго совершенства) и столь благотворное по своимъ послѣдствіямъ ^(а), необходимо требуетъ отъ насъ самаго полного усердія и вниманія, самаго глубокаго и, сколько возможно, постояннаго или частаго и спокойнаго размышленія о самихъ себѣ; съ другой стороны оно должно быть самое строгое, безпристрастное и плодотворное.

(а) Испытывая себя, говоритъ св. Златоустъ, и въ сей жизни насладишься истиннымъ спокойствіемъ и тишиною, а въ будущей съ радостію представишь на страшный оный вмѣющій быть судъ. См. бесѣду 43 на 12 гл. Ев. Матѳея.

Обратимъ вниманіе на каждое изъ этихъ свойствъ и условій самоиспытанія.

1) Упражненіе въ самоиспытаніи должно быть самое усердное и тщательное. Много требуется усердія, вниманія и усилій къ тому, чтобы проникнуть въ глубину собственнаго сердца, извѣдать самые сокровенные его изгибы и обозрѣть всю внутреннюю жизнь нашу. Посему-то говорить о себѣ Божественный Псалмопѣвецъ: *нощю сердца моего моимъ размышляхъ и испытоваше духъ мой* (Пс. 76, 7). Поистинѣ, въ духѣ нашемъ столько предметовъ, кои должно изслѣдовать, столько сомнѣній, кои должно разрѣшить, столько преткновеній, коихъ надобно избѣгать, столько заблужденій, кои должно разсѣять, что, если не приложимъ всѣхъ усилій къ испытанію его, — то навѣрно не достигнемъ своей цѣли, не получимъ ожидаемаго успѣха. Но этого мало: вмѣсто ожидаемой пользы мы можемъ причинить себѣ великій вредъ, если не станемъ со всевозможнымъ стараніемъ вникать во внутреннюю храниву своего сердца. Сердце наше, будучи исходящемъ живота (Притч. 4, 23.), весьма обманчиво (Іер. 17, 9): не будемъ ли же мы подлежать его обману и оболъщеніямъ, если, такъ сказать, мимоходомъ только станемъ къ нему присматриваться? Отъ чего и самые праведники впадали ипогда въ самооболъщеніе, какъ не отъ нѣкоего небреженія и недостатка внимательности къ себѣ? Оставивъ сердце свое, хотя на краткое время, безъ надлежащаго присмотра, — мы тотчасъ отверзаемъ въ него дверь всѣмъ врагамъ нашего спасенія: и міръ вноситъ въ него свои соблазны, и діаволъ запутываетъ его въ свои сѣти, и плоть возбуждаетъ въ немъ свои похотѣнія. Посему-то Св. Макарій Великій, разсуждая о сердцѣ, оставленномъ въ небреженіи, говоритъ: «тамо суть зміи, тамо львы, ядовитыя звѣ-

ри, и всѣ чудовища пороковъ; тамо находятся жестокіе и непроходимыя пути и стремнины» (См. 43 бесѣд. его). Отсюда—

2) Само собою открывається, что самоиспытаніе наше отнюдь не должно ограничиваться поверхностнымъ самочувствованіемъ, но неслучайно требуетъ самоуглубленнаго размышленія и точнаго различенія всего, происходящаго въ нашемъ духѣ, въ которомъ или совершается тайна нашего спасенія (Лук. 17, 21), или полагается начало вѣчной гибели (Мат. 15, 19).

Можно ли довольствоваться самочувствованіемъ тамъ, гдѣ нужно рѣшать важныя вопросы совѣсти относительно внутренняго нашего состоянія, нужно повѣрять и оцѣнивать самыя наши чувствованія, наприм. вѣры и любви, какъ признаковъ нашего спасенія? Нѣтъ,—чтобы получить непогрѣшительное удостовѣреніе въ томъ, истинны ли наша вѣра и любовь, достойны ли христіанина наше поведеніе и состояніе нравственное, — таковы ли, то-есть, наши наклонности и дѣла, наши мысли, желанія и расположенія, чтобы могли служить несомнѣнными признаками истинныхъ наслѣдниковъ царства Божія на землѣ и Христовыхъ сонаслѣдниковъ на небѣ, — или весь образъ нашей жизни и нашего поведенія только кажется намъ сообразнымъ этому высокому назначенію, а въ самомъ дѣлѣ совершенно удаляетъ насъ отъ него, — для удостовѣренія во всемъ этомъ — какъ недостаточно одного самочувствованія, и какъ необходимо глубокое размышленіе! И это размышленіе, очевидно, должно быть направляемо не только на то, что мы можемъ ощущать въ себѣ только въ извѣстное, опредѣленное время (напр. то или другое состояніе нашего духа), но и на то, какъ вели и ведемъ себя въ различныя времена, при различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ нашей жизни. Поелику же поведеніе наше обыкновенно бываетъ смѣшано изъ добраго и худаго: то при самоиспытаніи нужно еще дѣлать точ-

ное сравненіе и различеніе между всѣми добрыми и худыми качествами и состояніями нашего сердца, строго взвѣсивая послѣдствія, могущія происходить отсюда въ отношеніи къ нашему спасенію. Возможно ли достигнуть этого безъ глубокаго размысленія о себѣ? Но—

3) Глубокое размысленіе съ самими собою о своемъ поведеніи и состояніи нравственномъ, необходимо предполагающее спокойное и отъ всѣхъ заботъ житейскихъ отрѣшенное состояніе нашего духа (См. Руков. къ благочест. жизни де Саля ч. IV гл. 14) можетъ имѣть успѣхъ въ дѣлѣ самоиспытанія только подъ тѣмъ условіемъ, если будетъ производиться какъ можно чаще и постояннѣе. Кому неизвѣстно, что нравственное состояніе наше постоянно измѣняется, что мы почти каждую минуту испытываемъ въ себѣ, такъ сказать, приливъ и отливъ то старыхъ, то новыхъ, то добрыхъ, то худыхъ склонностей, желаній, расположеній? Извѣстно притомъ, что это измѣненіе и непостоянство нравственной жизни нашей происходитъ сообразно возрастамъ жизни физической, слѣдуетъ за различными случаями и обстоятельствами въ этой жизни. Извѣстно наконецъ (въ частности), что даже жизнь людей истинно благочестивыхъ и святыхъ не такъ однообразна и неизмѣнна, чтобы всѣ минуты ея походили одна на другую: иногда случается, что духъ ихъ торжествуетъ надъ плотію, — въ другое время и плоть силится возобладать духомъ и нерѣдко покоряетъ его себѣ. Съ другой стороны, и люди порочные и нечестивые не всегда бываютъ одинаково порочны и нечестивы: Фараоны, Ахаавы, Ироды и Феликсы имѣютъ, конечно, счастливыя минуты въ жизни, когда возникаютъ въ сердцѣ ихъ добрыя расположенія, проходящія потомъ *яко облакъ утренній, и яко роса рано падающая* (Осіи 6, 4). Но люди, занимающіе средину между истинно благочестивыми и совершенно порочными, безъ со-

мвѣнія, подлежатъ гораздо большимъ измѣненіямъ по своему нравственному состоянію, гораздо чаще бываютъ преклонны го на сторону добра, то на сторону зла.

Отсюда слѣдуетъ, что а) для опредѣленія свойствъ нашего нравственнаго состоянія, намъ должно многократно и въ разныя времена поставлять и повѣрять себя предъ зеркаломъ совѣсти. Кромѣ сего, по причинѣ непрестанной измѣняемости нравственнаго состоянія, надобно подвергать себя испытанію въ отношеніи къ цѣлымъ періодамъ нашей жизни, или даже ко всей жизни. б) Никакъ не должны мы судить о себѣ по минутнымъ расположеніямъ души—добрымъ ли то или злымъ, равно и по тому только состоянію, въ какомъ находимся въ минуты самоиспытанія; но должны судить по тѣмъ расположеніямъ, кои повторялись нѣсколько разъ, и по тому состоянію, въ какомъ пребывали долговременно. Въ противномъ случаѣ, какъ легко погрѣшить и произнести надъ собою судъ либо слишкомъ выгодный, либо слишкомъ невыгодный! Какъ легко уподобиться, по слову Апостола, тѣмъ, кои *сами въ себѣ себе измѣряюще, и прилагаяще себе самими себѣ, не разумѣваютъ* (2 Коринѣ. 10, 12)! в) Такъ какъ нѣтъ ни одной минуты, въ которую бы мы могли обозрѣть все, что ни есть добраго и худаго въ нашемъ сердцѣ, и такъ какъ рѣдко встрѣчаются случаи и обстоятельства въ нашей жизни, которые бы вполне раскрывали предъ нами наше доброе и злое, сокрытое въ глубинѣ духа, то явно, что кратковременныя расположенія наши къ добру или злу, отдѣльные и одновременныя случаи, по коимъ совершаются частныя наши поступки, еще не приведутъ насъ къ правильному заключенію объ отличительномъ и главномъ нашемъ характерѣ нравственномъ: для сего необходимо слагать и сличать между собою эти кратковременныя расположенія и однократныя случаи въ нашей жизни.

4) По тщательномъ самоуглубленіи и, сколько возможно, точномъ усмотрѣніи всего—добраго и худаго—въ потаенной хранивѣ собственнаго сердца, намъ должно поставить себя предъ судилище своей совѣсти, и изслѣдовать на немъ все наше поведеніе—внутреннее и вѣшнее, доброе и худое со всею строгостію и безпристрастіемъ.

По своей поврежденной природѣ мы обыкновенно смотримъ на себя самихъ пристрастно и снисходительно. Это прямое и необходимое слѣдствіе самолюбія—чувства самаго глубокаго въ нашемъ сердцѣ, самаго постояннаго и вмѣстѣ самаго скрытнаго. Но какъ вредно для христіанина въ дѣлѣ самоиспытанія увлекаться пристрастіемъ къ себѣ и снисхожденіемъ къ своимъ слабостямъ! Наши слабости и недостатки, обыкновенно скрываемые, или охотно извиняемые нами, по внушенію самолюбія,—вмѣсто исправленія, болѣе и болѣе усиливаются и становятся неискоренимыми; равно какъ и замѣченныя совершенства, которыя любимъ представлять себѣ въ видѣ преувеличенномъ (если еще не усвоятъ себѣ совершенствъ мнимыхъ и вовсе небывалыхъ), совершенно лишаютъ насъ дѣйствительнаго преспѣванія въ благочестіи. Итакъ, если желаемъ испытывать себя съ пользою, то-есть, съ намѣреніемъ достигать высшаго совершенства духовнаго: то, по совѣту мужей опытныхъ въ жизни духовной, непремѣнно должны возымѣть къ себѣ нѣкоторую недоувѣрчивость даже и въ томъ случаѣ, когда бы обладали дѣйствительными совершенствами. «Хотите ли быть, часто говаривалъ ученикамъ своимъ св. Исидоръ Пелусіотскій,—хотели бы быть истинно добродѣтельными,—не вѣрьте, что вы добродѣтельны и думайте о себѣ, что вы сдѣлали еще весьма мало: чрезъ это ваша добродѣтель будетъ возрастать болѣе и болѣе» (См. Училище благочест. ч. III. стр. 17). Сколь справедлива, въ извѣстной степени, недоувѣрчивость къ себѣ относительно самыхъ добрыхъ качествъ

нашей души, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. «Кто со страхомъ Божиимъ испытываетъ себя, и со вниманіемъ разсматриваетъ свою совѣсть, говоритъ св. Дороевъ, тотъ всегда находитъ себя нечистымъ и виновнымъ предъ Богомъ» (Хр. Чт. за 1829 г. Ч. XXXV, стр. 25). Эта недовѣрчивость, ослабляя въ насъ врожденный избытокъ пристрастія, заставляющаго смотрѣть на себя только съ выгодной стороны, побуждаетъ каждаго съ пророкомъ Давидомъ взывать къ Господу: *искуси мя Боже; и увѣждь сердце мое, истязи мя, и разумный стези моя, и виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ* (Псал. 138, 23 и 24).

Съ другой стороны, строгость самоиспытанія требуетъ, чтобы мы, вслѣдствіе благоразумной недовѣрчивости къ своимъ совершенствамъ, содѣлавшись болѣе предубѣжденными противъ себя, нежели въ свою пользу, подвергали себя для устраниенія всякаго вліянія самолюбія — произвольному осужденію за свои несовершенства и погрѣшности, въ чемъ бы онѣ ни усматривались ^(м). Такъ поступалъ праведный Іовъ при глубокомъ сознаніи своихъ немощей: *тѣмъже укорихъ себе самъ, говоритъ онъ, и истаяхъ, и мню себе землю и пепелъ* (Іова 42, 6). Такъ поступаетъ и всякій праведникъ, который есть, по словамъ Премудраго, *себе самого оглагольникъ* (Прит 18, 17). Такъ должны поступать и мы: *аще бо быхомъ себе разсуждали, не быхомъ осуждени были* (1 Кор. 11, 31). Это значитъ, что сильнѣйшимъ побужденіемъ къ самоосужденію и вмѣстѣ къ самоиспытанію должно служить для насъ живое представленіе суда Божія. Преподобный Зинонъ, при одномъ покушеніи на самый маловажный грѣхъ, обыкновенно

м) Прекрасно говорится о самоосужденіи въ этомъ отношеніи у Св. Златоуста въ 42 бесѣд. на 12 глав. св. Матѳ.

представлялъ себѣ судъ Божій и говорилъ самъ себѣ: «Зинонъ! испытай самъ себя, можешь ли перенести мученіе» (Чет. Мнѣ. Ген. 30)? И преподобная Таисія, живо представляя въ умѣ своемъ все дѣла протекшей жизни, непрестанно обливалась слезами и говорила: «Не отыдоша вся дѣла моя злая отъ очей моихъ даже доннѣ, но предстояще ми ужасають мя, яко имамъ за сныя суждена быти» (Чет. 8 окт).

Такимъ образомъ благоразумная недовѣрчивость къ своимъ совершенствамъ и произвольное самоосужденіе за самыя маловажныя погрѣшности характеризуютъ строгость и даже излишество строгости въ дѣлѣ самоиспытанія. Не можемъ опасаться этого излишества строгости къ себѣ, но всегда должны опасаться и малѣйшей снисходительности при обвиняваніи своего поведенія. Положимъ, что долгъ безпристрастнаго судіи—не быть предубѣжденнымъ въ чью-либо пользу, быть справедливымъ при разсматриваніи доброй и худой стороны, не преклоняясь чрезъ мѣру ни на ту, ни на другую; но при самоиспытаніи, гдѣ мы становимся въ одно и то же время судіями и подсудимыми, трудно намъ соблюсти такое безпристрастіе, чтобы никогда не быть въ опасности рѣшить въ пользу своего самолюбія. Посему-то и нужно всегда имѣть къ себѣ такую строгость, которая бы склоняла насъ болѣе къ самоосужденію, чѣмъ къ самооправданію. Ибо, что послѣдуетъ за тѣмъ, если мы будемъ недовѣрчивы къ своимъ совершенствамъ, будемъ подозрѣвать въ себѣ недостатки и безъ всякаго снисхожденія обличать себя предъ судомъ совѣсти?

Послѣдуетъ, наконецъ, 5) то, что мы восчувствуемъ болѣе нужды въ своемъ исправленіи, скорѣе придемъ въ чувство глубокаго смиренія предъ Богомъ и сокрушеннаго раскаянія о грѣхахъ своихъ. Такъ когда преподобнаго Діоскора спросилъ однажды ученикъ его: «почто плачешь, авва? онъ отвѣчалъ: «Оплакиваю грѣхи мои». — «Ты не знаешь за собою

никакихъ грѣховъ»,—возразилъ ученикъ.—«Ахъ! сынъ мой, продолжалъ съ глубокимъ вздохомъ святой старецъ,—если бы я дошелъ до того, чтобы могъ видѣть все грѣхи мои,—то не довольно было бы трехъ или четырехъ помощниковъ для меня, чтобы достойно оплакать оныя» (См. Учил. Благоч. ч. III, стр. 145). Инаго послѣдствія и быть не можетъ, по крайней мѣрѣ не должно быть. «Должны мы, говоритъ Св. Іоаннъ Лѣствичникъ, всегда самихъ себя осудати и обличати, да добровольнымъ себя уничиженіемъ отъ невольнаго грѣха защитимся» (Степ. 25). Отсюда очевидно, что христіанское самоиспытаніе, необходимо требующее отъ насъ добровольнаго самоосужденія, должно имѣть постоянную цѣлю дѣятельное исправленіе наше,—постепенное освобожденіе отъ порчи грѣховной, и восхожденіе къ возможному для насъ совершенству. Какая польза намъ отъ самаго вѣрнаго и строгаго самоиспытанія, если замѣченныхъ въ себѣ недостатковъ и погрѣшностей не будемъ исправлять со всевозможнымъ стараніемъ и усиліемъ? *Не исцѣляяй себе, говоритъ Премудрый, во своихъ дѣлѣхъ, братъ есть погубляющему себе самаго* (Прит. 18. 9). *Люди, всегда учащійся и никоимъ же въ разумъ истины пріити могушіе, суть люди, по ученію св. Писанія, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися. Но кто премудръ и художъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя.* (2 Тим. 3, 7. 5; Іак. 3, 13).

Итакъ для вѣрнаго успѣха въ дѣлѣ самоиспытанія съ нашей стороны потребны: тщательное и ревностное усиліе входитъ внутрь себя, глубокое и, сколько возможно, частое саморазмышленіе подъ условіемъ безмятежнаго состоянія духа, и наконецъ строгое и безпристрастное изслѣдованіе всего поведенія съ цѣлю дѣятельнаго самоисправленія. Но выполненіе этихъ условій самоиспытанія соединено съ немалыми тру-

дностями, которыя, по словамъ одного благочестиваго писателя (Оомы Кемпійскаго кн. 1., гл. 25), «многихъ отвлекають отъ успѣха и ревностнаго исправленія себя». Поэтому прежде, чѣмъ найдемъ средства и способы къ преодолѣнію трудностей самоиспытанія, намъ необходимо знать:

III.

Какія именно трудности и препятствія могутъ встрѣчаться при самоиспытаніи?

Въ дѣлѣ самоиспытанія, прежде всего, мы обыкновенно встрѣчаемся съ тѣми трудностями, которыя препятствуютъ нашему самоуглубленію. Отчего же намъ трудно войти внутрь себя, чтобы заняться потомъ внимательнымъ наблюденіемъ надъ собою?

Оттого а), что мы, будучи по существу своему плотяны и духовны, соприкасаемся одною стороною міру вѣшнему и чувственному, другою—міру внутреннему и духовному: эта двойственность нашего существа такова, что вѣшняя, чувственная сторона бытія нашего всегда почти преобладаетъ надъ духовною, что жизнь *по стихіямъ міра* вѣшняго, исполненная разнообразныхъ суесть и попеченій, непрестанно развлекаетъ и смущаетъ духъ нашъ, и такимъ образомъ препятствуетъ намъ видѣть то, что происходитъ въ глубинѣ его, содѣвается ли наше спасеніе, или устрояется наша гибель.

б) Наша непривычка углубляться въ самихъ себя, неприятели, соединенныя съ самоуглубленіемъ, и наша нерасположенность видѣть себя такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ, еще болѣе увеличиваютъ трудность самоиспытанія. Еслибы мы, хотя съ нѣкоторымъ въ началѣ насиліемъ себѣ, приучили себя, какъ можно чаще, заглядывать въ свою внутрен-

ность, то это занятіе не только не сопровождалось бы для насъ въ послѣдствіи никакою трудностію (см. Оом. Кемпійск. о подражаніи І. Христу кн. 1 гл. XI), но и вознаграждалось бы еще, по словамъ Василія Великаго, «чудною нѣкою тишиною въ душѣ и пріятнымъ безмолвіемъ»^(г). Да и не всякое ли занятіе (тѣмъ болѣе занятіе нравственное и духовное) только дотолѣ представляется намъ тягостнымъ и непріятнымъ, доколѣ съ нимъ, такъ сказать, не сроднимся, доколѣ не возчувствуемъ къ нему любовь и расположенность? Но в) непривычка наша къ самоуглубленію и нерасположенность къ самоиспытанію, явно, поддерживаются нашимъ самолюбіемъ и усиливаются постепенною привычкою къ порочному образу жизни.

Такъ, наше самоуглубленіе должно производиться съ цѣлію самоиспытанія; а при самоиспытаніи, главнымъ образомъ, намъ нужно открывать и обличать наши недостатки и заблужденія съ намѣреніемъ исправить тѣ и другіе: но рѣшимся ли мы охотно на это занятіе, столь противное нашему самолюбію, которое всегда готово находить въ насъ и приписывать намъ однѣ совершенства? Нѣтъ, по внушенію его, мы скорѣе согласимся, если не совѣмъ уничтожить въ глазахъ нашихъ и перетолковать въ нашу пользу, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить и извинить въ себѣ все, что ни усмотримъ въ себѣ худаго и несовершеннаго. Вообще же наше самолюбіе, подвергая насъ безпрестаннымъ обольщеніямъ, простираетъ иногда обманъ свой до такой степени, что намъ кажется, будто мы обладаемъ извѣстными добродѣтелями, тогда какъ вмѣсто добродѣтелей господствуютъ въ насъ противныя имъ пороки.

(г) Вас. Вел. Собор. чт. 1 стр. 133, гдѣ говорится: «аще внимаеши себѣ, абіе отыдутъ отбѣгнувше сласти и чудная нѣкая тишина въ души и пріятное безмолвіе будетъ».

Самолюбивый взглядъ на самихъ себя, поддерживая нашу нерасположенность къ самоиспытанію, въ тоже время усиливаетъ нашу непривычку къ этому занятію постепенною (въ большей или меньшей мѣрѣ) привычкою къ худому образу жизни. Эта пагубная привычка, непримѣтно укореняясь въ нашемъ сердцѣ, бываетъ причиною того, что самыя порочныя склонности становятся для насъ любимыми, а по любви нашей къ нимъ, кажутся совершенно безвредными, и слѣдовательно такими, которыхъ ни искоренять, ни даже обращать на нихъ должное вниманіе мы не считаемъ для себя нужнымъ. Удивительно ли, что, при такомъ образѣ жизни, важное дѣло самоиспытанія оставляется нами, какъ нѣчто чуждое и излишнее?

Наконецъ гораздо большая и важнѣйшая трудность самоиспытанія есть та, причина которой заключается въ свойствахъ самыхъ предметовъ самоиспытанія (о которыхъ сказано выше). Эти предметы сами по себѣ таковы, что нельзя сознать ихъ съ полною ясностію. Въ настоящемъ случаѣ обыкновенно раздѣляютъ всѣхъ людей на три класса. Къ первому классу относятъ людей истинно добродѣтельныхъ, могущихъ служить образцемъ христіанской жизни; ко второму—людей совершенно порочныхъ, коихъ вѣщестіе и развратъ слишкомъ явны; къ третьему принадлежатъ люди не совсѣмъ добродѣтельные и не совсѣмъ порочные, въ жизни которыхъ примѣтны слѣды нѣкоторыхъ добродѣтелей и признаки нѣкоторыхъ пороковъ (см. Хр. Чт. за 1832 г. ч. XLIV). Людямъ истинно добродѣтельнымъ и людямъ совершенно порочнымъ не стоитъ особеннаго труда распознать свое нравственное состояніе и видѣть, въ какомъ они стоятъ отношеніи къ вѣчному спасенію или къ вѣчной гибели: свѣтлая и отрадная сторона добра въ первыхъ, равно какъ мрачная и ужасающая сторона зла въ послѣднихъ отражаются рѣзко и оче-

видно для нихъ самихъ. Но что касается до людей, принадлежащихъ по нравственному своему состоянію къ послѣднему классу, то дѣло самоиспытанія сопряжено для нихъ съ великою трудностію; потому что ихъ состояніе, хотя въ существѣ своемъ различно (т. е. люди не столь порочные, какъ ожесточенные, и не столь добродѣтельные, какъ избранные, не совершенно одинаковы съ тѣми и другими), но и весьма походить какъ на состояніе людей истинно добрыхъ, такъ и на состояніе людей злыхъ, имѣя много общаго съ тѣми и другимъ, и слѣдовательно различать имъ въ себѣ одну сторону отъ другой весьма трудно. Между тѣмъ льстивое самолюбіе обыкновенно причисляетъ ихъ къ разряду людей добрыхъ, дабы чрезъ то положить имъ совершенную преграду къ самоиспытанію и самоисправленію. — Вотъ съ какими трудностями и препятствіями можемъ встрѣчаться въ дѣлѣ самоиспытанія! Желаящимъ преуспѣянія въ жизни духовной, безъ сомнѣнія, должно не избѣгать трудностей, соединенныхъ съ самолюбіемъ, а непременно надобно стараться преодолѣть ихъ какимъ бы то ни было образомъ; ибо «тѣ только и болѣе успѣваютъ въ добродѣтеляхъ, которые то стараются одолѣть, что для нихъ тягостнѣе и труднѣе» (Ом. Кемпійск. кн. 1, гл. XXV). Послѣ сего самъ собою рождается вопросъ:

IV.

Какіе можно употреблять способы и средства, служащіе къ облегченію трудностей самоиспытанія и къ преодолѣнію препятствій?

Способы самоиспытанія могутъ быть различны, судя по различію лицъ самоиспытующихъ, ихъ потребностей нравственныхъ, и обстоятельствъ, ихъ окружающихъ. Поэтому нѣтъ нужды исчислять или опредѣлять все эти способы. Но, для лучшаго успѣха въ самоиспытаніи, недостаточно ограни-

чиваться только нѣкоторыми изъ нихъ, а необходимо пользоваться всѣми возможными. Самыя же обстоятельства и многоразличные случаи въ жизни, равно какъ и нравственныя нужды пусть укажутъ всѣмъ и каждому, когда какимъ способомъ можно пользоваться съ большею для себя пользою. Мы покажемъ лучшіе и общеупотребительнѣйшіе способы самоиспытанія, служащіе въ то же время и дѣйствительными средствами къ устраненію вышеупомянутыхъ трудностей и препятствій.

а) Самый простой и обыкновенный способъ самоиспытанія, по нашему мнѣнію, есть тотъ, когда мы разсматриваемъ и повѣряемъ свое поведеніе предъ судомъ совѣсти по вопросамъ, касающимся извѣстнаго круга нашихъ обязанностей, дабы узнать, какую изъ этихъ обязанностей мы исполнили, и какая осталась безъ исполненія. Этотъ способъ самоиспытанія, какъ самый естественный, употребляли и благомыслящіе изъ язычниковъ ^(*). Употребленіе его болѣе полное и совершеннѣйшее мы можемъ находить у всѣхъ христіанскихъ подвижниковъ. Посему-то нѣкоторые аскетическіе писатели ⁽³⁾ и отцы церкви ⁽⁴⁾ каждому совѣтуютъ испытывать себя по главному раздѣленію христіанскихъ обязанностей. Но—

б) Испытывая себя такимъ образомъ, мы можемъ наблюдать надъ собою или *непосредственно*, разсматривая сами чрезъ себя добрую и худую сторону существа своего (о чемъ уже сказано въ отдѣлѣ о предметахъ самоиспытанія), или *посредственно*, повѣряя съ одной стороны своя совершенства (если оныя въ себѣ усматриваемъ) чрезъ сравненіе себя съ

(ж) Какъ то: Пифагоръ, Сенека, Секстъ и др.

(з) Напр. Францискъ де-Саль въ Руков. своемъ къ благоч. жизни ч. V, гл. 45. 6. Бернардъ въ кн. о совѣсти и др.

(и) Напр. Василій Б. во многихъ мѣстахъ своихъ твореній, св. 1. Златоустъ въ нѣкоторыхъ бесѣдахъ на псалмы и проч.

другими людьми, обладающими тѣми же совершенствами, съ другой—открывая собственные недостатки, сравнивая ихъ съ тѣми пороками, кои осуждаются Словомъ Божиимъ или прямо, или въ лицѣ нѣкоторыхъ людей.

Нѣтъ ничего легче въ дѣлѣ самоиспытанія, какъ замѣчать и открывать въ себѣ добродѣтели и совершенства. Ибо самолюбіе наше, уменьшая, или сокрывая наши несовершенства, всегда готово выставить предъ нами всѣ наши совершенства. Посему, дабы, такъ сказать, заохотить или расположить себя къ этому важному дѣлу, намъ нужно, кажется, начинать самоиспытаніе съ изслѣдованія нашихъ совершенствъ. Такое начинаніе, можетъ быть, скорѣе поможетъ намъ преодолѣть ту непривычку и нерасположенность, которыя многимъ преграждаютъ путь къ самоиспытанію. Потомъ, дабы устранить вліяніе самолюбія, нужно со всѣмъ тщаніемъ изслѣдовать: то, что мы признаемъ въ себѣ добродѣтелию или совершенствомъ, не есть ли на самомъ дѣлѣ благовидный порокъ или скрытое несовершенство? Въ этомъ-то случаѣ и можно употребить методъ сравненія насъ самихъ съ другими, состоящій въ томъ, чтобы мы прилагали къ себѣ самимъ тѣ сужденія, которыя часто дѣлаемъ касательно добродѣтелей, приписываемыхъ ближнему. Неоспоримо то, что мы бываемъ столько же строги и взыскательны къ другимъ, сколько снисходительны сами къ себѣ, и что, по пристрастію къ себѣ, не рѣдко усвоаемъ себѣ совершенства небывалыя, — между тѣмъ какъ, по зависти, мы не скоро соглашаемся признать въ нашемъ ближнемъ совершенствъ дѣйствительныхъ. Но какъ было бы для насъ полезно, еслибы причины, возбуждающія въ насъ завистливое подозрѣніе касательно совершенствъ другаго, мы относили и къ собственнымъ совершенствамъ, которыми такъ много бываемъ заняты! Какъ было бы для насъ благотворно, еслибы ту проникаемость, съ которою

мы открываемъ мрачныя пятна въ самыхъ, повидимому, блистательныхъ добродѣтеляхъ, чаще употребляли не въ разсужденіи другихъ, а въ разсужденіи себя самихъ! Тогда вмѣсто того, чтобы произносить невыгодное мнѣніе о поступкахъ нашего ближняго, мы обращались бы къ себѣ самимъ съ вопросомъ: выдержать ли такой же строгій судъ, какой мы произносимъ о поступкахъ ближняго, наши собственные поступки? Не имѣемъ ли мы сами, при совершеніи ихъ, одного изъ тѣхъ нечистыхъ побужденій, отъ которыхъ любимъ производить поступки другихъ? Вотъ способъ, тщательное употребленіе котораго можетъ доставить намъ непогрѣшительную повѣрку нашимъ добродѣтелямъ, и, быть можетъ, возбудить въ насъ ненависть къ себѣ, но ненависть спасительную, уготовляющую душу нашу *въ животъ вѣчный* (Іоан. 12, 25).

Но этотъ способъ имѣеть еще большее приложеніе при изслѣдованіи нашихъ недостатковъ въ отношеніи къ вѣчному спасенію—недостатковъ нравственныхъ, которые замѣтить намъ гораздо труднѣе, чѣмъ наши совершенства. Тоже самолюбіе, которое безъ труда выставляетъ предъ нами наши добродѣтели, всегда силится сокрывать наши пороки. Но скрывая или охотно извиняя пороки или недостатки въ насъ самихъ, оно, напротивъ того, по извѣстной причинѣ, всегда готово бываетъ обнаружить и осудить, какіе бы-то ни было, недостатки въ другихъ. Посему-то христіанское благоразуміе научаеть насъ эту несправедливую строгость къ другимъ обращать въ собственную нашу пользу такимъ именно образомъ, чтобы при встрѣчѣ съ недостатками въ другихъ, вмѣсто осужденія ихъ, направлять испытательное око совѣсти на самихъ себя и смотрѣть: не бывали ль мы сами когда-либо виновны въ тѣхъ проступкахъ, которые видимъ въ другихъ? Свободны ли мы и теперъ отъ тѣхъ недобрыхъ расположеній,

отъ которыхъ проистекали худыя поступки нашихъ ближнихъ? Это значитъ тоже, что Иисусъ Христосъ заповѣдуетъ намъ въ Евангеліи, т. -е. при видѣ суща въ чуждомъ глазѣ смотрѣть, нѣтъ ли чего подобнаго или еще большаго въ нашемъ собственномъ; ибо есть ли большая несправедливость, какъ осужденіе въ ближнемъ нашемъ того, что дѣлаемъ сами? Быть можетъ, въ избѣжаніе сей-то грубой несправедливости, святые подвижники всю жизнь свою проводили въ самоосужденія; когда же замѣчали что-либо предосудительное въ другихъ, и помысль склонялъ ихъ къ осужденію, то обыкновенно говаривали сами себѣ: «смотри, не сдѣлай самъ того же!» (Слова преп. Агаѳона. Хр. Чт. 1821 г. ч. II).

Впрочемъ не довольствуясь, при замѣчаніи въ другихъ недостатка, испытаніемъ, свободны ли мы отъ него сами, намъ нужно еще изслѣдовать: почему мы знаемъ, что ближній нашъ подверженъ тому или другому недостатку? На это отвѣчаемъ: конечно потому, что замѣчаемъ въ немъ такіе поступки, которые обнаруживаютъ его несовершенство. Значитъ извѣстные поступки ближняго служатъ признаками извѣстнаго въ немъ недостатка. Если такъ, то замѣченные нами признаки извѣстнаго недостатка въ другихъ непременно должны служить признаками того же недостатка и относительно насъ самихъ. Слѣдовательно и себя самихъ мы не можемъ считать свободными отъ того недостатка, который замѣчаемъ въ другихъ. Продолжая испытывать себя такимъ образомъ, мы можемъ обнаружить въ себѣ самыя сокровенныя пороки, которыхъ до того времени вовсе не замѣчали. Притомъ, этотъ благоразумный способъ сравнительной оцѣнки насъ самихъ и другихъ есть вѣрнѣйшее средство одержать верхъ надъ нашимъ самолюбіемъ—главнѣйшимъ препятствіемъ къ вѣрному самоиспытанію. Самолюбіе наше, какъ извѣстно, всегда зиждется на несправедливомъ униженіи другихъ предъ

нами и мечтательномъ возвышеніи насъ предъ другими: но, поступая означеннымъ образомъ, какъ можно чаще обращаясь къ собственной совѣсти съ предложенными вопросами, мы можемъ скорѣе достигнуть главной цѣли самоиспытанія—познанія и исправленія себя, а вмѣстѣ будемъ пользоваться и наилучшимъ средствомъ къ стяжанію трехъ добродѣтелей: справедливости, человѣколюбія и смиренія. При всемъ томъ надобно замѣтить, что подобное сравненіе нашихъ недостатковъ съ недостатками другихъ должно преимущественно производить не надъ пороками окружающихъ насъ людей, отъ которыхъ нужно тщательно отвращать свое око для избѣжанія осужденія, а надъ пороками людей, осуждаемыхъ Словомъ Божіимъ.

Послѣ того, какъ мы успѣемъ открыть въ себѣ тѣ или другіе пороки, долгъ самоиспытанія обязываетъ насъ проникнуть во внутреннюю между ними связь и подчиненность: какимъ же это образомъ, и для чего?

Внутренняя связь и подчиненность, существующая между пороками, въ насъ живущими, можетъ быть открыта не инымъ образомъ, какъ дѣйствительнымъ обнаруженіемъ порока главнаго или господствующей порочной наклонности, отъ которой одной, большею частію, зависитъ весь образъ порочной нашей жизни. Эту наклонность, какъ основную пружину всѣхъ другихъ поступковъ, непременно имѣетъ каждый изъ насъ. А открывать господствующую въ себѣ страсть, какъ бы ни были глубоко сокрыты корни ея или въ нашемъ темпераментѣ, или въ образѣ воспитанія, или во внѣшнихъ отношеніяхъ нашихъ, не стоитъ намъ особеннаго труда: вѣтви ея—порочныя мысли, желанія и дѣйствія обыкновенно покрываютъ весь кругъ нашего бытія домашняго и общественнаго, злыя отрасли ея бывають примѣчаемы во всѣхъ вѣодахъ и исходахъ нашей жизни. На этотъ разъ

даже и одно поверхностное сужденіе о насъ другихъ людей не рѣдко можетъ служить довольно вѣрнымъ указаніемъ главнаго недуга въ нашей душѣ: ибо другіе, будучи не такъ способны къ оцѣнкѣ нашихъ добродѣтелей, всегда почти вѣрно отгадываютъ наши господствующіе недостатки ⁽¹⁾. Можно узнавать преобладающій въ насъ порокъ и потому, что ни съ чѣмъ такъ не трудно разставаться, какъ съ нимъ, ни къ чему прикосновеніе такъ не болѣзненно, какъ къ нему: одна мысль бросить его стоитъ усилій. Посему-то аскетическіе писатели поставляютъ въ непремѣнную обязанность всѣмъ и каждому противиться (Тома Кемпійск. кн. 1 гл. XI. и Слово преп. аввы Дорофея «о еже отсѣцати страсти») всякой страсти и всеусильно исторгать ее изъ глубины сердца при самомъ началѣ ея зарожденія, доколѣ, т. -е. не обратилась еще въ господствующій навѣкъ души нашей.

Цѣль, для которой мы должны узнавать въ себѣ господствующую, любимую склонность, и со всѣмъ тщаніемъ вникать въ соподчиненность другихъ склонностей и пороковъ, отъ нея проистекающихъ, очевидна сама по себѣ. Можно ли совершенно и навсегда отсѣчь вѣтви дерева, не исторгнувъ самаго корня? Можно ли положить преграды стремленію нѣсколькихъ ручейковъ, не изсушивъ напередъ самаго ихъ источника? Но злыя наши намѣренія, пожеланія и дѣйствія суть тоже въ отношеніи къ господствующей злой склонности, что и вѣтви въ отношеніи къ своему корню, или ручейки къ своему источнику. Напрасно стали бы мы покушаться исправить свои недостатки, всѣ ли за одинъ разъ, или принимаясь за исправленіе cadaго изъ нихъ порознь, — напрасно, говоримъ, если корень ихъ остается цѣль въ на-

(1) «Сердце наше, говоритъ св. Лѣстничникъ, тогда собственно испытуется, когда насъ другіе безчестятъ». Степ. 25.

шемъ сердцѣ. Представимъ, что кому-либо и удалось бы освободиться отъ извѣстнаго порока: но, какъ скоро представится случай къ повторенію его, сейчасъ же вырастаетъ онъ на прежнемъ мѣстѣ. Посему для успѣшнѣйшаго и благонадежнѣйшаго исправленія себя, которое должно быть цѣлю и плодомъ самоиспытанія, необходимо строжайшимъ образомъ наблюдать за порокомъ господствующимъ, и потомъ стоитъ только его одинъ исторгнуть изъ сердца,—всѣ прочіе падутъ сами собою.

Предложенные доселѣ способы самоиспытанія такъ общи и близки къ намъ, что удобно можетъ пользоваться ими каждый, если не встрѣчаетъ къ тому препятствія въ себѣ же самомъ. Но эти способы сдѣлаются для насъ болѣе легкими и полезными въ дѣлѣ самоиспытанія, ежели къ нимъ присоединимъ еще другіе, находящіеся внѣ насъ, хотя и не для всѣхъ всегда равно доступные. Изъ нихъ мы укажемъ на слѣдующіе:

Никто, конечно, не станетъ отвергать пользы и даже необходимости имѣть вѣрнаго и опытнаго друга, которому бы можно было повѣрять съ надеждою всѣ самыя сокровенныя тайны души, касающіяся нашего нравственнаго состоянія, предлагать на безпристрастный судъ его до послѣдняго помышленія въ нашемъ сердцѣ, и требовать его совѣта и наставленія. Такъ какъ главнымъ нашимъ дѣломъ при самоиспытаніи должно быть распознаніе и раскрытіе въ себѣ зла: то другой и именно такой, которому довѣряемся мы всею душою, всегда лучше можетъ видѣть въ насъ зло, скорѣе замѣтитъ наши недостатки, нежели мы сами. Съ нашей стороны потребны только искренняя довѣрчивость и сердечная готовность пользоваться благоразумными замѣчаніями и совѣтами друга. «Попроси его, говоритъ св. Златоустъ, чтобы онъ, если увидитъ въ тебѣ какой-либо по-

рокъ, немедленно пользовалъ и исправлялъ тебя» (См. Воскр. чт. IV г. изд. стр. 270). Правда не легко обрѣсти такого друга, который бы имѣлъ качества зоркаго наблюдателя за нашимъ поведеніемъ, благоразумнаго совѣтника въ дѣлахъ благочестія и нелицемѣрнаго попечителя о нашемъ истинномъ благѣ. Но сколь это ни трудно, однакожь не невозможно. Ежели есть друзья, принимающіе искреннее участіе въ нашихъ житейскихъ и даже суетныхъ дѣлахъ: то почему же не быть и такимъ сердцамъ, которыя принимали бы истинное, живое, христіанское участіе въ томъ, что существенно касается истиннаго нашего блага? Взаимная довѣренность, чѣмъ тверже она основана на благороднѣйшихъ и сообразныхъ съ природою сердца человѣческаго побужденіяхъ, тѣмъ менѣе подвержена злоупотребленію. И не извѣстны ли намъ изъ жизнеописаній святыхъ разительные примѣры дружества, содѣйствовавшаго истинному самоиспытанію? Мы читаемъ о Сумеонѣ Христа ради юродивомъ и святомъ спостникѣ его Іоаннѣ, что они, стремясь къ единой цѣли—вѣчному спасенію, проводжали дни свои во взаимныхъ увѣщаніяхъ и наставленіяхъ, постоянно одинъ другаго испытывая и предостерегая отъ паденій (Чет. Мин. Іюля 20). Знаемъ о святыхъ угодникахъ Божіихъ Феодорѣ и Василиѣ Печерскихъ, что они положили завѣтъ между собою, дабы мыслей своихъ никогда другъ отъ друга не скрывать, но чтобы обоимъ вмѣстѣ разсуждать, «елика Богу угодна суть» (Чет. Мин. Авг. 11). Знаемъ также, что преподобный Нифонтъ, находясь, до своего обращенія, въ крайнемъ развращеніи, совѣтами и строгими обличеніями друга своего Никодима немедленно былъ вразумленъ о погибельномъ своемъ состояніи и обращенъ на путь спасенія (— декабря 23). Не должны ли сіи и подобные примѣры дружества побуждать и насъ къ свисканію истинныхъ друзей и совѣтниковъ въ дѣлѣ нашего спасенія?

Кромѣ избранія истиннаго друга, для лучшаго успѣха въ самоиспытаніи, настоятъ еще особенная и большая нужда въ избраніи духовнаго руководителя, то-есть, такого лица, которое бы своею опытностію и совершенствомъ въ жизни духовной несравненно превосходило тѣхъ, кои ввѣряютъ себя его руководству. Нѣтъ сомнѣнія, что избранный къ-либо духовный руководитель долженъ имѣть полную власть надъ его совѣстію, да содѣлаетъ ее чистою и *непорочною предъ Богомъ же и челоулки* (Дѣян. 24, 16). Пользуясь нашею къ нему довѣренностію и сердечною предъ нимъ откровенностію, на которую имѣетъ необходимое право, онъ можетъ и долженъ съ особеннымъ вниманіемъ читать все доброе и худое въ нашей совѣсти, и, замѣчая отражающіяся въ ней, какъ въ зеркалѣ, язвы душевныя, прилагать къ нимъ приличный духовный пластырь и обязаніе. Такъ, опытные врачи пользуясь довѣренностію больнаго, могутъ яснѣе видѣть состояніе его болѣзни, а потому и врачевать ее съ надежнымъ успѣхомъ имъ гораздо удобнѣе: отъ чего же и духовные наши врачи и руководители, при своей опытности и нашей къ нимъ довѣрчивости, не могутъ глубже проникать въ свойства нашихъ душевныхъ недуговъ, точнѣе познавать нравственное наше состояніе, и, сообразно такому познанію, прямѣе вести насъ къ предположенной цѣли? И такъ желающимъ успѣть въ самоиспытаніи и совершать оное съ большею удобностію, необходимо имѣть духовнаго руководителя тѣмъ болѣе, что самое избраніе его вовсе не соединено съ тою трудностію, съ какою сопряжено избраніе истиннаго друга: каждый пастырь церкви, будучи духовнымъ отцомъ ^(т) въ своей паствѣ, мо-

(т) И у святыхъ подвижниковъ, изъ коихъ самыя строгіе въ духовной жизни не обходились безъ опытнѣйшаго руководителя,—наименованіе духовнаго руководителя означало одно и тоже съ

жетъ быть и духовнымъ руководителемъ, приѣмая отъ насъ частую и велицеумѣрную исповѣдь.

И духовные руководители наши, заботящіеся объ истинномъ благѣ нашемъ, всегда посовѣтуютъ намъ, и мы сами, по желанію себѣ духовной пользы и облегченія трудностей самоиспытанія, непременно должны со вниманіемъ читать книги, написанныя съ цѣлію самоиспытанія ^(Ф), книги истинно христіанскія. «Одинъ взглядъ на эти книги, говоритъ св. Епифаній, епископъ Кипрскій, дѣлаетъ насъ не такъ скорыми на грѣхъ и возбуждаетъ къ преспѣванію въ добродѣтели. Одна надпись, выставленная въ заглавіи уже предостерегаетъ, совѣтуетъ, укоряетъ, утѣшаетъ, ободряетъ» (Воскр. Чт. за 1-й г. изд. стр. 276. Учил. Благоч. ч. IV, стр. 21). Такъ, одинъ прекрасный юноша, именемъ Георгій, желая пресціянія въ духовной жизни, по совѣту нѣкоего старца, многократно и внимательно прочитывалъ книгу свят. Марка подвижника «о духовномъ законѣ». Читая такимъ образомъ эту душеспасительную книгу, онъ замѣтилъ въ ней и усвоилъ себѣ между прочими правилами слѣдующее: «старайся немедленно и въ точности исполнять все то, къ чему тайными внушеніями побуждаетъ тебя совѣсть». Такъ какъ это пра-

именемъ отца духовнаго, или съ именемъ *аввы*. См. Слово преп. аввы Дороея въ Хр. Чт. за 1831 г. ч. XLII стр. 152.

(Ф) Такихъ книгъ не мало переведено съ иностранныхъ языковъ на нашъ отечественный, напр. «Судъ совѣсти тайный и явный», «Гласъ трубный, зовущій на судъ»; также сочиненія, состоящія изъ назидательныхъ размышленій на каждый день мѣсяца въ году, коихъ много помѣщено въ Христ. Чт. и ми. др. Весьма замѣчательны «Письма о христіанской жизни» преосвящ. Ѳеофана, бывшаго еп. Владимірскаго. Но преимущественно мы разумѣемъ здѣсь книги или аскетическія писанія отцевъ церкви, въ коихъ излагаются нравственныя правила и наставленія.

ѡило указывало благочестивому юношѣ начало спасенія, то онъ немедленно рѣшился взять оное за наилучшій способъ самоиспытанія и за основаніе своей дѣятельности (переводъ изъ Добротолубія, помѣщ. въ Воскр. Чт. за III г. изд. стр. 166).

Но что можетъ быть душеполезнѣе и необходимѣе для самоиспытующихъ, какъ внимательное, усердное и постоянное чтеніе священнаго писанія и особенно тѣхъ въ немъ мѣстъ, гдѣ излагаются истины практическія и правила нравственныя ^(ч), гдѣ представляется порокъ во всей наготѣ своей и отвратительномъ безобразіи, добродѣтель въ полной красотѣ и привлекательномъ величіи, или гдѣ ясно изображаются дѣянія людей плотскихъ и людей духовныхъ (напр. въ 12 и 13 гл. посл. къ Рим. и въ посл. къ Филипписеямъ)? Читайте эти мѣста съ должнымъ вниманіемъ и всегдашнимъ примѣненіемъ ихъ къ самимъ себѣ въ различныхъ отношеніяхъ вашей жизни—частной и общественной; разсматривайте себя пристальнѣе сквозь зеркало Слова Божія, съ разныхъ сторонъ вашего существа,—и вы скоро и вѣрно узнаете: таковы ли вы по внутреннему состоянію вашему, каковыми быть должны; обновляется ли внутренній вашъ челоуѣкъ *по вся дни*, или непрестанно вы тлѣете въ похотяхъ челоуѣка внѣшняго, грѣховнаго; есть ли въ душѣ вашей расположенія и качества добрыя, требуемыя тѣмъ или другимъ мѣстомъ Писанія, и нѣтъ ли, напротивъ того, свойствъ и расположеній худыхъ, тамъ осуждаемыхъ;—скоро и вѣрно узнаете: поступаете ли вы сообразно вашимъ обязанностямъ, изображеннымъ въ десятословіи, или свободно нарушаете ихъ, ни мало не удерживаясь страхомъ наказаній за наруше-

(ч) Не только новозавѣтныя, но и ветховозавѣтныя, заключающіяся преимущественно въ книгахъ: Притчей Солом., Екклесіаста, Премуд. Солом. и Сираха.

ніе и не поощряясь обѣтованіемъ наградъ за исполненіе. И чего бы не узнали, какихъ бы недостатковъ не открыли мы въ своемъ поведеніи внутреннемъ и внѣшнемъ, если бы внимательное чтеніе Слова Божія, соединяемое съ приложеніемъ читаемаго къ себѣ самимъ, было постояннымъ нашимъ занятіемъ? Притомъ, въ Словѣ Божіемъ по преимуществу мы нашли бы высокіе образцы совершенствъ для всякаго состоянія, званія и возраста,—образцы такихъ совершенствъ, внимательное и частое разсмотрѣніе которыхъ послужило бы вѣрнѣйшимъ средствомъ къ безпристрастной оцѣнкѣ совершенствъ собственныхъ. Одинъ изъ прославленныхъ святителей отечественной церкви говоритъ: «помощь въ подвигѣ противъ грѣха получается нами отъ внимательности къ Слову Божію. Оно показываетъ грѣхъ и добродѣтель, и отъ грѣха отводитъ и поощряетъ къ добродѣтели. *Всякое писаніе Богодуховенно и полезно есть*» (св. Тихонъ Воронежскій въ III том. своихъ соч. на стр. 246). Но что можетъ болѣе поощрять насъ къ добродѣтели, какъ не созерцаніе образцовъ всѣхъ добродѣтелей?

Если наконецъ усердное и постоянное занятіе Словомъ Божіимъ становится или неудобнымъ для людей, обремененныхъ дѣлами житейскими, или вовсе невозможнымъ для тѣхъ, кои даже лишены умѣнья читать оное: въ такомъ случаѣ тѣ и другіе не безъ пользы могутъ (посредственно ли то или непосредственно) взять для себя изъ Св. Писанія одно какое-либо разительное изреченіе, прямо относящееся къ ихъ состоянію и образу жизни, и обносить это изреченіе съ утра до вечера на устахъ и въ самомъ сердцѣ. Это значило бы тоже, что они, не имѣя удобства или возможности носить съ собою всего зеркала, дабы всецѣло и непрестанно созерцать въ немъ себя самихъ, по крайней мѣрѣ будутъ имѣть нѣкоторую частицу онаго, отражающую въ себѣ, хотя от-

части, ихъ внутреннее состояніе и образъ дѣятельности. Преподобный мученикъ Лукіанъ, пресвитеръ Антіохійскій, всегда имѣлъ предъ собою слова Писанія, такъ что «едва уснути когда возможе, непрестанно помышляя о нихъ» (см. Чет. Мин. окт. 15). Но были изъ святыхъ подвижниковъ и такіе, кои на всю жизнь избирали изъ Писанія или изъ духа его извлекали извѣстное изреченіе, непрестанно ими повторяемое и побуждавшее ихъ къ самоиспытанію и постоянной бдительности надъ собою. Такъ, Арсеній Великій, обитая въ пустынѣ, часто самъ у себя спрашиваетъ: «Арсеній! почто пришелъ ты сюда»? И потомъ отвѣчалъ: «не для покоя, но для подвиговъ и трудовъ; подвижайся убо, трудись убо» (Учил. Благоч. ч IV стр. 15). Подобнымъ образомъ поступалъ еще одинъ святой старецъ, который постоянно носилъ съ собою написанное на хартіи реченіе: «терпи». При встрѣчѣ съ оскорбленіями и неприяностями отъ другихъ, онъ обыкновенно вынималъ изъ-за пазухи свитокъ бумаги и говорилъ самъ себѣ: «во имя Іисуса Сына Божія терплю» (Пролог. Февр. 15). А св. Іоаннъ Лѣствичникъ рассказываетъ объ одномъ подвижникѣ: «онъ написалъ на стѣнѣ своей келліи имена высочайшихъ добродѣтелей, какъ-то: совершенныя любви, ангельскаго смиренія, чистыя молитвы, нетлѣннаго смиренномудрія и сему подобныхъ. Потомъ, когда его мысли внутренно хвалить начинали, то онъ вѣщалъ къ нимъ: пойдѣмъ на судъ. И подошедъ тотчасъ къ стѣнѣ, читалъ названія начертанныхъ на ней добродѣтелей и говорилъ самъ себѣ: «дондеже ты сихъ добродѣтелей не снищешь, вѣдай, что далекъ еще будешь отъ Бога» (Степ. 25, стр. 116). Могутъ ли быть способы самоиспытанія лучше и благонадежныѣе тѣхъ, которыми пользовались и восходили къ совершенству благоугодившіе Господу?

Итакъ, при видѣ такихъ способовъ и средствъ къ самоиспытанію, намъ оставалось бы только прилагать ихъ къ себѣ самимъ и попеременно употреблять то тотъ, то другой изъ нихъ. Но, какіе бы способы мы ни употребляли, еще не можемъ въ *разумѣ истины пріити*, не можемъ имѣть совершеннаго успѣха въ распознаваніи своего нравственнаго состоянія, если не вознесемъ къ Богу усердной молитвы о ниспосланіи намъ благодатной помощи въ многотрудномъ подвигѣ самоиспытанія. «Молитва, по свидѣтельству св. Іоанна Лѣствичника, есть просвѣщеніе мысли, зеркало духовнаго успѣванія... живое представленіе человѣческаго состоянія» (Степ. 28). Слѣдовательно, усердная молитва къ Богу, испрошеніе у Него помощи и просвѣщенія духовнаго есть самый первый и послѣдній, такъ сказать, пріемъ, съ какимъ должно и начинаться, и продолжаться, и оканчиваться дѣло нашего самоиспытанія.

(Окончаніе будетъ.)

Г. Горскій.

О ЗНАЧЕНИИ ВПЕЧАТЛЕНІЙ

РАННЯГО ДѢТСТВА ВЪ ДѢЛѢ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ ^(а).

По природѣ своей всѣ дѣти искренни, довѣрчивы, откровенны, имѣютъ отвращеніе отъ всякой лжи и неправды: они вслухъ мыслятъ, желаютъ; они охотно передаютъ то, что видѣли, слышали, что случилось съ другими и съ ними самими. Имъ не приходитъ на умъ, имъ нѣтъ никакого побужденія говорить неправду; и если другіе въ ихъ присутствіи говорятъ извѣстную и понятную имъ ложь—это ихъ оскорбляетъ; вся природа ихъ возмущается противъ неправды; они съ негодованіемъ обличаютъ того, кто допустилъ искаженіе истины. Пусть каждый изъ насъ перенесется мыслію въ дѣтство свое и припомнитъ тотъ случай, когда ему пришлось въ первый разъ сказать сознательную ложь, покривить своей душой: вѣроятно, каждый изъ насъ помнитъ, какой краской стыда покрылось его лицо, какое смущеніе, страхъ, какую укоризну и тяжесть чувствовалъ на душѣ отъ сказанной лжи. Да, чистая природа человѣческая чувствуетъ отвращеніе отъ лжи, возмущается противъ нея. По этому весьма заботливо надобно охранять чистоту и цѣломудріе этого чувства въ дѣтяхъ; разъ оскорбленное, нарушенное неправдой, оно те

(а) Продолженіе.

ряетъ свою нѣжность, силу, чуткость и никогда не можетъ быть возстановлено въ первоначальной своей чистотѣ; потому что послѣ разъ сказанной лжи, послѣ разъ оказанной невнимательности къ голосу истины, въ душѣ человѣка уже не бываетъ такого сильнаго протеста противъ лжи, и чѣмъ чаще человѣку приходится говорить ложь, тѣмъ легче это становится для него.

Итакъ заботливѣе всего надобно охранять дѣтей отъ *первой лжи*. Но противъ этого погрѣшаютъ весьма часто. Нерѣдко случается, что противъ этого погрѣшаютъ именно тѣ родители и воспитатели, которые имѣютъ сильное желаніе предохранить дитя отъ лжи, но по невѣдѣнію дѣтской природы часто *принимаютъ за ложь то, что на самомъ дѣлѣ совѣсть не ложь*, а только сѣдствіе недостаточнаго развитія дитяти. Мы укажемъ нѣсколько случаевъ, гдѣ родители могутъ впасть въ подобную ошибку. Кто не знаетъ, что дѣти любятъ играть и забавляться разными вещами? Но не всѣ знаютъ, или по крайней мѣрѣ помнятъ, что дѣти играютъ не одними только игрушками и подобными внѣшними предметами, но и словами и разными движеніями, особенно вскорѣ послѣ того, какъ они узнали какое-нибудь новое слово, усвоили какое-нибудь новое движеніе. Посмотрите, какъ ребенокъ бываетъ радъ, когда ему удастся выговорить какое-нибудь новое слово, съ какимъ удовольствіемъ онъ повторяетъ его; онъ играетъ, забавляется и новымъ звукомъ и новымъ движеніемъ языка, которые онъ самъ можетъ произвестъ. Въ послѣдствіи когда у него окажется въ запасѣ не два, не три слова, но цѣлыя десятки словъ и выраженій, онъ играетъ, перебирая знакомыя ему слова и выраженія, дѣлая самостоятельно различныя сочетанія изъ нихъ, и все это онъ совершаетъ, нисколько не думая о значеніи этихъ словъ и выраженій, а единственно по любви

къ новымъ сочетаніямъ словъ. Мы были бы несправедливы въ отношеніи къ дитяти, еслибы въ словахъ, произносимыхъ имъ часто безъ всякаго смысла, единственно для упражненія своего языка и голоса, увидѣли опредѣленныя мысли и желанія. Точно такъ же весьма вѣроятно, что даже дѣти, въ значительной степени овладѣвшія формами языка и запасомъ словъ, до извѣстнаго времени легко могутъ ошибаться въ употребленіи словъ; такъ они могутъ смѣшивать значеніе частицъ утвержденія и отрицанія, значеніе словъ, которыя выражаютъ отвлеченныя понятія, трудно различаемыя дѣтьми. Отъ этого происходитъ, что дѣти хотятъ сказать одно, а выходитъ у нихъ другое, и можетъ показаться взрослымъ, что дѣти говорятъ ложь. Въ тѣ лѣта, когда начинаетъ приобрѣтать значеніе самостоятельность внутренней жизни, болѣе живыя дѣти къ тому, что они дѣйствительно видѣли и слышали, постоянно примѣшиваютъ то, что создало ихъ воображеніе: они ничего не могутъ рассказать безъ того, чтобы не преувеличить, не прикрасить дѣйствительности; умственная жизнь у нихъ не достигла еще той степени опредѣленности и развитія, на которой они могли бы различить представленія о дѣйствительныхъ предметахъ отъ созданій своего воображенія; отъ того нерѣдко они рассказываютъ то, чего не было на самомъ дѣлѣ, съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ въ томъ, что они рассказываютъ дѣйствительныя событія; бывають даже случаи, что дѣти о видѣнномъ во снѣ вспоминають какъ о дѣйствительномъ происшествіи, и не малаго труда стѣдуетъ увѣрить ихъ въ томъ, что они ошибаются. Наконецъ очень часто дѣти не исполняютъ того, что они обѣщали взрослымъ. Эта невѣрность своимъ обѣщаніямъ у нихъ происходитъ отъ того, что они не имѣють яснаго понятія о единицахъ времени, плохо различають что такое *нынѣ*, что такое *завтра*, что *день*, что *недѣля* и пр.; дѣлѣе отъ

того, что дитя не имѣетъ, подобно взрослому и развитому человѣку, яснаго представленія о своихъ силахъ, склонностяхъ, и не можетъ предвидѣть и разсчитать разнаго рода обстоятельствъ, которыя могутъ служить помѣхой его общанію. Потому если дѣти обѣщаютъ то, чего не могутъ или не захотятъ сдѣлать впослѣдствіи, то всё-же они общаются отъ души, безъ всякаго умысла уклониться отъ исполненія своего обѣщанія; потому несправедливо было бы назвать ихъ лжецами, обманщиками.

Если бы въ этихъ и подобныхъ случаяхъ родители заподозрѣли дитя и стали обличать его во лжи, то несправедливо оскорбили бы его, нарушили бы святость его чувства истины, унизили бы его, представляя его способнымъ сдѣлать то, къ чему оно питаетъ отвращеніе. Дѣти, какъ и взрослые, дорожатъ своей репутаціей, и доброе мнѣніе о нихъ лицъ, близкихъ къ нимъ, поддерживаютъ ихъ на пути добра, тогда какъ униженіе, худое мнѣніе о нихъ располагаетъ ихъ къ дурнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ ихъ подозрѣваютъ. Известно, что несправедливое подозрѣніе въ чемъ-нибудь всегда производитъ охлаждающее дѣйствіе на то или другое чувство, то или другое стремленіе, производитъ въ нихъ остановку и даже даетъ имъ противоположное направленіе. Еслибъ ктонибудь сталъ выражать чувство искренняго благорасположенія къ вамъ, а вы заподозрѣли бы искренность этого чувства, то оно отъ дѣйствія подозрѣнія значительно охладѣло бы; еслибы кто-нибудь изъяснялъ истинную готовность помочь вамъ въ нуждѣ, а вы отвѣтили бы ему сомнѣніемъ въ искренности его желанія, то вы своимъ сомнѣніемъ остановили бы эту готовность. Подобное случается и съ любовью дѣтей къ истинѣ, съ боязнью ихъ лжи, если вы невинно заподозрите ихъ во лжи: любовь къ истинѣ охладѣваетъ въ нихъ. Можетъ случиться даже, что подобнымъ подозрѣніемъ родители сами

наведутъ невинное дитя на мысль о возможности лжи предъ взрослыми, о возможности передать или разсказать имъ что нибудь, не подвергаясь опасности быть обличеннымъ во лжи: если теперь, когда оно говоритъ то, что ему кажется истинной, его обличаютъ во лжи, то почему не можетъ случиться, что ложь могутъ принять за истину? А при живости дѣтей появленіе подобной мысли можетъ быть довольно опасно; они тотчасъ постараются испытать ее на дѣлѣ.

Далѣе родители и воспитатели сами часто подаютъ дѣтямъ поводъ сказать первую ложь своей манерой доводить дѣтей до сознанія въ какомъ-нибудь проступкѣ. Дитя сшало что-нибудь, изорвало, испачкало одежду, потеряло книгу, ходило туда, куда ему не вѣлно ходить и пр. Родители навѣрное знаютъ о проступкѣ своего дитяти; но имъ хочется, чтобъ ребенокъ самъ сознался въ своей винѣ; и вотъ они показываютъ видъ, будто они не знаютъ, кто совершилъ тотъ или другой проступокъ, и начинаютъ допрашивать дитя: гдѣ книга? кто разбилъ стекло? или: гдѣ ты былъ сейчасъ? и т. п. Эти вопросы внушаютъ дитяти мысль, что родители еще не знаютъ о виновникѣ шалостей и внушаютъ ему соблазнительную надежду утаить отъ нихъ свой проступокъ или даже обвинить въ немъ кого-нибудь другаго, въ надеждѣ избавиться отъ наказанія за шалость. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если дитя, до сихъ поръ не повинное во лжи, въ этотъ разъ не устоитъ противъ соблазна и на вопросы родителей отвѣтитъ ложью. Искренность дѣтей подвергается сильному искушенію при подобныхъ вопросахъ, особенно тогда, когда они по опыту знаютъ, что родители очень взыскательны и за каждую шалость подвергаютъ ихъ строгому наказанію. Строгий видъ, грозный голосъ родителей, сознаніе за собой вины приводитъ дитя въ трепеть и

въ смятеніе; отъ страха оно почти невольно прибѣгаетъ ко лжи, какъ единственному средству спасенія.

Все это случаи, гдѣ родители, подвергая дѣтей своихъ искушенію сказать ложь, могутъ находить хотя нѣкоторое извиненіе въ своемъ неразуміи, невѣдѣніи свойствъ дѣтской природы. А сколько можно указать случаевъ, гдѣ родители, приучая дѣтей своихъ ко лжи, безотвѣтны!

Родители учатъ дѣтей своихъ лжи собственнымъ примѣромъ, когда говорятъ ложь въ ихъ присутствіи. Подобные примѣры такъ многочисленны, что не знаешь, на какихъ изъ нихъ остановиться. Укажемъ на самый обыкновенный. Приходитъ посторонній человѣкъ и желаетъ видѣть хозяина дома; но хозяинъ занятъ весьма важнымъ и спѣшнымъ дѣломъ или не желаетъ видѣть посѣтителя потому, что онъ человѣкъ праздный и пустой и надобно своими посѣщеніями, или онъ не отвязчивый проситель, или онъ кредиторъ желающій получить уплату долга и т. п. Изъ всѣхъ этихъ затрудненій выводитъ хозяинъ весьма обыкновенная ложь: хозяина дома нѣтъ! Взрослыхъ, проникнутыхъ правилами житейскаго благоразумія, заглушившихъ и помрачившихъ въ себѣ чувство истинны ложью всякаго рода, эта на ихъ взглядъ невинная ложь нисколько не удивляетъ, не потрясаетъ; они спокойно произносятъ ее, какъ совершенную истину; но на дитя, которому еще не приходилось измѣнять чувству истинны, эта ложь дѣйствуетъ поразительнымъ образомъ: оно возмущается ею и никакъ не можетъ понять, какъ его отецъ, учившій его говорить всегда правду, теперь говоритъ, что его нѣтъ дома, когда онъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ. Дитя тутъ же начинаетъ допрашивать своего отца: зачѣмъ ты сказалъ, что тебя дома нѣтъ, когда ты дома? На такой вопросъ, исполненный смущенія и недоумѣнія, ребенку обыкновенно отвѣчаютъ, что такъ нужно было сказать потому, что папашѣ не хотѣлось видѣть гостя: тоже

говорятъ ему и мать, и няня и домашніе, къ которымъ не успокоившееся дитя обращается съ тѣми же допросами.

Къ хозяйкѣ дома приходитъ подруга и начинаетъ упрекать ее за то, что несмотря на обѣщаніе провести у ней вечеръ, она не сдержала своего слова. Чтобъ отклонить упрекъ, мать семейства говоритъ, что никакъ не могла выѣхать изъ дома по причинѣ страшной зубной или головной боли, отъ которой весь тотъ день не знала покоя или пролежала въ постели, и говоритъ это съ выраженіемъ боли и страданія на лицѣ. Гостья вѣритъ или не вѣритъ этому, но показываетъ, что вѣритъ и сострадаетъ ея прошедшимъ страданіямъ. Дитя, увинаясь около матери въ чаяніи получить частицу лакомствъ, предложенныхъ гостѣй, слушаетъ рассказъ матери о своей болѣзни и недоумѣваетъ, когда же его мамаша была больна и лежала въ постели, думаетъ, думаетъ и никакъ не можетъ припомнить такого обстоятельства, а напротивъ ему хорошо помнится, что мамаша его въ тотъ вечеръ была весела и спокойна. Если дитя неразговорчиво и застѣнчиво въ присутствіи постороннихъ, ложь его матери благополучно сходитъ ей съ рукъ, и только по уходѣ гостьи ребенокъ начинаетъ допрашивать свою мать: когда же ты была больна? за чѣмъ ты неправду сказала? Но ребенокъ живой и смѣлый тотчасъ при гостѣй же выдастъ ложь своей матери какимъ-нибудь наивнымъ вопросомъ или замѣчаніемъ въ родѣ слѣдующаго: «не правда, мамаша, ты въ то время смѣялась, ты гуляла въ саду» и т. п., и ставитъ въ комически неловкое положеніе свою мать и вмѣсто ожидаемаго лакомства получаетъ отъ нея строгій взглядъ, приказаніе идти въ дѣтскую, а послѣ ухода гостьи получаетъ строгій выговоръ и наставленіе, что невѣжливо, неучтиво такъ выдавать свою мать, — а можетъ быть вразумленіе и болѣе чувствительное для дѣтскаго организма. И всѣ эти выговоры и вразумленія дитя

получаетъ только потому, что оно искренно, что его сердце не мирится ни съ какой ложью.

На искренность дѣтей вредно дѣйствуетъ, когда въ ихъ присутствіи родители и взрослые увеселяются какой-нибудь удачной ложью. Не привѣтствуютъ ли напр. похвалами того изъ своихъ знакомыхъ, которому удалось тонко обмануть другихъ; или не рассказываютъ ли съ торжествомъ о томъ, какъ они сами хитростью и лукавствомъ умѣли выдти изъ затруднительнаго положенія—избавиться отъ выговора начальника, непріятности по службѣ и т. п.? Не смѣются ли, не издѣваются ли надъ людьми искренними и довѣрчивыми, какъ надъ глухими, которые и созданы для того, чтобъ ихъ обманывали,—надъ честными и правдивыми, какъ надъ людьми не умѣющими соблюдать свои собственные интересы? Нельзя одобрить и шуточного употребленія лжи для забавы и потѣхи надъ кѣмъ-либо. Неизвѣстно, откуда и съ чего взяли, но существуетъ во многихъ семействахъ странный обычай — обманывать другъ друга въ первый день того или другаго мѣсяца; при этомъ стараются показать какъ можно больше ловкости и искусства въ изобрѣтеніи правдоподобной лжи, чтобъ заставить кого нибудь напрасно обрадоваться, напрасно испугаться, сдѣлать напрасный трудъ, напрасное путешествіе и т. п., и восхищаются изобрѣтательностью того, кто хитрѣе и правдоподобнѣе придумалъ ложь. Все это извращаетъ нравственное чувство дѣтей, охлаждаетъ ихъ любовь къ истинѣ и располагаетъ мало-по-малу ко лжи.

А сколько можно указать случаевъ, когда отъ дѣтей прямо *требуютъ лжи!* Въ этомъ отношеніи больше всего погрѣшаютъ родители и воспитатели изъ великосвѣтскаго круга, когда, желая изъ дѣтей своихъ съ раннихъ лѣтъ образовать свѣтскихъ людей, принуждаютъ ихъ къ условной общественной лжи. Вотъ нѣсколько изъ множества случаевъ подобнаго рода.

Въ домъ считающійся свѣтскимъ, отличающійся тонкимъ и любезнымъ обращеніемъ, приходитъ гость — особа важная или по сану и должности, либо по своимъ личнымъ достоинствамъ, или дорогая по связямъ родственнымъ и т. п. Родители истощаютъ предъ нимъ всю тонкость, все изящество своего обращенія, стараются выразить ему своею внимательностью, любовь и уваженіе. Но для нихъ мало этого: они желаютъ, чтобъ и дитя ихъ было любезно съ гостемъ, выразило предъ нимъ въ извѣстныхъ словахъ и дѣйствіяхъ свою дѣтскую любовь. Но ребенокъ не хочетъ и слышать объ исполненіи этого требованія: гость почему-то очень не понравился ему; строгій видъ, громкій голосъ, высота роста посѣтителя и т. п. произвели на ребенка неблагопріятное впечатлѣніе; онъ чувствуетъ боязнь и нерасположеніе къ нему и потому оказываетъ сильное сопротивленіе родителямъ, когда они заставляютъ его приласкаться къ гостю, сказать, что любитъ его. Въ такомъ случаѣ самое лучшее — оставить ребенка въ покоѣ; но родители упорно стоятъ на своемъ и наконецъ разными средствами добиваются того, что дитя кривитъ своей душой и словами и дѣйствіями старается выразить то, чего оно не чувствуетъ въ душѣ. Къ достоинствамъ свѣтски благовоспитаннаго человѣка причисляется умѣнье скрыть отъ другихъ истинныя свои чувства и желаніе придать своей физіономіи такое выраженіе, которое не выдало бы истиннаго душевнаго состоянія, изображало бы чувства, которыхъ совѣтъ нѣтъ въ душѣ и даже противоположныя тѣмъ, которыя волнуютъ ее. Получившій эту свѣтскую выдержку можетъ показаться веселымъ, когда на душѣ у него не весело, можетъ встрѣтить васъ съ радостнымъ выраженіемъ лица, когда онъ совѣтъ не радъ вашему посѣщенію, можетъ относиться къ вамъ съ знаками уваженія и благорасположенія, когда на самомъ дѣлѣ совѣтъ не уважаетъ васъ и не благорасположенъ къ вамъ. Находясь въ се-

мействѣ, торжествующемъ какою нибудь семейную радость, свѣтскій человѣкъ и самъ принимаетъ видъ человѣка, сочувствующаго этой радости, хотя въ душѣ онъ совершенно равнодушенъ къ этому семейству; являясь въ домъ печали и слезъ, онъ считаетъ необходимымъ придать своей физиономіи печальный видъ, на его языкѣ готово слово участія и утѣшенія, изъ груди вылетаетъ вздохъ, хотя въ душѣ нѣтъ и слѣда подобныхъ чувствъ и вся эта игра физиономіи и словъ производится только изъ повиновенія закону свѣтскихъ приличій. Далѣе законъ свѣтской благовоспитанности требуетъ, чтобъ гости называли прекраснымъ или дурнымъ то, отъ чего приходитъ въ восторгъ и къ чему выражаетъ отвращеніе хозяйинъ или хозяйка дома и пр. Многіе изъ этихъ правилъ свѣтскаго приличія хотятъ сдѣлать обязательными и для маленькихъ дѣтей. Конечно надобно стараться, чтобъ дѣти какъ можно раньше умѣли сочувствовать и чужому горю и чужой радости и не препятствовать имъ выражать свои чувства, если они дѣйствительно волнуютъ ихъ душу. Но заставлять дѣтей говорить, что напр. они очень рады видѣть знакомыхъ и товарищей; заставлять говорить имъ любезности и радостныя привѣтствія, когда дѣти весьма не рады этой встрѣчѣ или этому посѣщенію; заставлять ихъ говорить фразы, которыми принято выражать свое сочувствіе ближнимъ и въ радости и въ горѣ, когда дѣти еще не въ состояніи понимать ни радости, ни горя своихъ ближнихъ, или когда не имѣютъ въ душѣ своей тѣхъ чувствъ, говорить о которыхъ пріучаютъ ихъ только для того, чтобъ образовать изъ нихъ ловкихъ и свѣтскихъ людей,— значитъ учить ихъ лицемерію и притворству.

На первый разъ во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ искреннее и правдивое чувство дитяти сильно возмущается противъ этой свѣтской лжи, о чемъ можно заключить изъ

сопротивленія произнесенію подобной лжи и потомъ изъ кра-ски стыда и отвращенія на его лицѣ, изъ утраты веселаго или довольнаго расположенія духа послѣ того, какъ его за-ставятъ произнести ложь. Но переломивши себя такимъ об-разомъ нѣсколько разъ по настоянію родителей или воспи-тателей и потомъ получая одобреніе, похвалу и даже подарки за такіе успѣхи на пути лжи и притворства, дитя уже не только не чувствуетъ въ своей душѣ прежняго жгучаго без-покойства при произнесеніи лжи, но даже находитъ это для себя выгоднымъ и пріятнымъ и потому подъ вліяніемъ при-мѣра и наставленій родителей начинаетъ смотрѣть на это, какъ на необходимос. Въ такой школѣ дѣти мало-по-малу дѣлаются фальшивыми, лицемерными, склонными довольство-ваться фразой, вмѣсто искренняго чувства.

Далѣе лжи требуютъ отъ дѣтей, когда заставляютъ ихъ сказать благодарность тому, кто за минуту предъ тѣмъ под-вергъ ихъ наказанію, можетъ быть довольно чувствительно-му, за какой-нибудь проступокъ. Какъ бы хороши и чисты ни были тѣ побужденія, которыми руководствовались вос-питатели при наказаніи питомца: пусть будетъ это самое искреннее желаніе добра наказуемому, желаніе предохранить его отъ какого-нибудь порока; но требовать отъ ребенка, чтобъ онъ тотчасъ послѣ наказанія почувствовалъ благодар-ность за него къ своимъ воспитателямъ, въ высшей степени неразумно. Это значитъ не понимать природы человѣческой вообще и дѣтской въ особенности и требовать отъ ребенка того, къ чему и взрослый не способенъ. Вслѣдствіе своего неразумнаго поведенія взрослый подвергается какому-нибудь несчастію или дѣйствіемъ закона осуждается на то или дру-гое наказаніе,—способенъ ли онъ въ самую минуту бѣдствій или наказанія, или даже нѣсколько часовъ и дней спустя, хладнокровно обсудить все случившееся съ нимъ? Едва ли. Въ

первое время онъ чувствуетъ только боль, страданіе, гнѣвъ противъ того, кто кажется ему виновникомъ его несчастія; признать себя виновникомъ своего страданія онъ и не думаетъ. Только въпослѣдствіи, когда страданіе уменьшится и забудется, онъ можетъ понять, что въ его несчастія виновать онъ самъ, что наказанъ по своей собственной винѣ, что надобно благодарить Провидѣніе за посланное ему вразумленіе. Если и взрослый не можетъ вдругъ придти къ такимъ благороднымъ мыслямъ и чувствованіямъ, то тѣмъ больше нельзя требовать ихъ отъ малаго и неразумнаго ребенка. Въ первую минуту послѣ наказанія дитя ничего не можетъ чувствовать кромѣ боли и страданія и даже нѣкотораго нерасположенія къ тому, кто наказалъ его. Какъ же можно требовать, чтобъ оно относилось къ непріятному, какъ пріятному, за боль, ему причиненную, приносило благодарность? Требовать, чтобъ дитя тотчасъ послѣ наказанія приносило благодарность за него, было бы въ высшей степени опасно въ нравственномъ отношеніи. Правда, дитя можетъ быть и исполнить это требованіе родителей, особенно если оно высказывается настойчиво, строго; но что это будетъ за благодарность? это будетъ фраза безъ смысла, слово безъ соотвѣтствующаго ему содержанія; однимъ словомъ: ложь, сказанная по требованію родителей и можетъ быть даже съ чувствомъ нерасположенія къ нимъ. При этомъ дитя можетъ быть въ первый разъ сознаетъ, что одно можно говорить и другое чувствовать, и что иногда только внѣшній видъ того или другаго чувства можетъ легко сойти съ рукъ за истинное чувство; однимъ словомъ: благодаря этому неразумному требованію дитя будетъ посвящено въ самую сущность притворства, лицемерія. Кромѣ того такое поведеніе въ высшей степени жестоко по отношенію къ дитяти. Ему нужно долго жить, много испытать на свѣтѣ, чтобъ получить способ-

ность въ полученномъ наказаніи видѣть благодареніе для себя и приносить за него искреннюю благодарность. Въ дѣтствѣ же всякое непріятное ощущеніе, какъ бы оно полезно ни было, разсматривается какъ зло, котораго нужно удалиться.

Наконецъ нерѣдко бываетъ, что неразумные родители сами научаютъ дѣтей своихъ лжи, чтобъ вывести ихъ изъ какого-нибудь затруднительнаго положенія. Ребенокъ вечеромъ долженъ былъ готовить урокъ къ слѣдующему классу, но къ папашѣ съ мамашей пріѣхали гости и привезли своихъ дѣтей— сверстниковъ ребенка: до урока ли ребенку? Или родители сами увозятъ его въ гости или на гулянье; урокъ не приготовленъ; приближается время для занятій съ учителемъ, который строгъ и взыскателевъ; ребенокъ смущается и не знаетъ, какъ ему отдѣлаться отъ требованій учителя; но родители выводятъ его изъ затрудненія, научая попросить извиненія предъ учителемъ и сказать, что урокъ не приготовленъ *по болѣзни*. Въ отсутствіи отца ребенокъ вашалилъ въ его кабинетъ, изорвалъ или испачкалъ книгу, разбилъ какую другую вещь и т. п. Зная строгость и взыскательность отца, ребенокъ боится наказанія, въ страхѣ бѣжить къ матери и рассказываетъ ей о причинѣ своей тревоги. Желая избавить своего любимца ожидаемаго наказанія, мать научаетъ его сказать какую-нибудь благовидаую ложь. Не случается ли, что и прямо требуютъ отъ дитяти лжи, когда посылаютъ его сказать нежеланному или безвременному гостю, что папаша и мамаша дома нѣтъ и т. п.?

Но положимъ, что родители весьма внимательно охраняютъ искренность дѣтей и берегутся, какъ бы не ввести ихъ въ соблазнъ лжи; но едва ли они могутъ предохранить дѣтей своихъ отъ вліянія прислуги, которая весьма часто подаетъ дѣтямъ первый примѣръ лжи. Разница общественнаго положенія, образованія, повятій бываетъ причиной того,

что прислуга всегда бываетъ не искренна, не откровенна съ хозяевами, что она иначе совѣмъ смотритъ на уходъ за дѣтьми и ихъ воспитаніе; потому она часто не исполняетъ требованій родителей при уходѣ за дѣтьми и потомъ свою неисправность прикрываетъ ложью. По совѣту врача родители не даютъ и запрещаютъ прислугѣ давать ребенку извѣстнаго кушанья; но дитя любитъ его и со слезами проситъ его у няньки; по неразумному сурдоболію и по нежеланію видѣть, какъ дитя плачетъ и убивается отъ горя, нянька рѣшается уступить мольбамъ ребенка; но опасаясь выговора отъ родителей, приказываетъ дитяти съѣсть запрещенный кусокъ тайкомъ и не сказывать объ этомъ отцу съ матерью. Но лишь только дитя взяло въ руки запрещенную пищу и стало кушать, входитъ въ дѣтскую мать. Въ смущеніи и страхѣ и за себя и за няньку, дитя старается скрыть отъ матери то, что оно ѣстъ, или вывернуться изъ затрудненія посредствомъ лжи, придуманной нянькой. Отпуская своихъ дѣтей гулять, мать даетъ нянькѣ приказаніе—не выходить изъ сада, не ходить къ рѣкѣ и т. п.; но или уступая дѣтямъ, желающимъ вырваться изъ сада на просторъ, или по какимъ-нибудь собственнымъ соображеніямъ, нянька рѣшается не исполнить даннаго ей приказанія, но съ условіемъ—не сказывать объ этомъ матери. И вотъ нагулявшись по запрещеннымъ мѣстамъ, они возвращаются къ матери и на вопросъ: гдѣ гуляли? дѣти и хотѣли бы сказать правду, но нянька, предупреждая ихъ отвѣтъ, уверяетъ госпожу, что они никуда дальше сада не ходили. Смущается сердце дѣтей отъ такой смѣлой лжи, но они молчатъ, желая прикрыть няньку и себя избавить отъ выговора. — Родители уѣзжаютъ по дѣламъ изъ дому и оставляютъ дѣтей на попеченіе прислуги. Последняя обыкновенно спѣшитъ воспользоваться отсутствіемъ своихъ господъ, оставляетъ свои дѣла, собирается въ одно мѣсто и предается на просторѣ не-

обузданному веселью. Но лишь раздастся звонокъ, возвѣстившій прибытіе хозяевъ, вдругъ въ домѣ все преобразуется. Лица прислуги мгновенно измѣняются; на нихъ изображается серьезная мица; все бѣгутъ къ своимъ дѣламъ и стараются показать, что во время отсутствія господъ они ни о чемъ другомъ и не думали кромѣ своего дѣла. И радуется потомъ прислуга, что ей удалось хорошо разыграть роль усердной и внимательной къ своему дѣлу и провести своихъ хозяевъ; или же гнѣвно накидывается на того изъ своей братіи, кто не умѣлъ ловко сыграть роли предъ хозяевами и выдалъ ему продѣлки всей прислуги; такой обыкновенно получаетъ не лестное наименованіе глупаго человѣка и т. п. Дѣти видятъ эту разницу въ поведеніи окружающей ихъ прислуги въ присутствіи и отсутствіи своихъ родителей, видятъ, какъ быстро и рѣзко измѣняется вся вышность слугъ при появленіи господъ, — и кто можетъ сказать съ увѣренностью, что эти впечатлѣнія останутся безъ вреда для дѣтей?

П. К.

(До слѣдующей книжки).

УПОМИНАЕМЫЯ ВЪ СВ. ПИСАНІИ ДЕРЕВЬЯ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ И ВЪ СОСѢДНИХЪ СТРАНАХЪ.

Палестинскія двусѣмянодольныя деревья: 1) *Семейство теревинѣовыхъ: фисташки*: видъ его и плоды; *теревинѣ*: видъ его, употребленіе у евреевъ, нынѣшнее мѣстообитаніе; *дерево, доставляющее ливанъ*: употребленіе ливана у евреевъ. 2) *Семейство кассійныхъ: рожковое дерево*, видъ его и плоды. 3) *Семейство миндаляныхъ: персеа*: историческое описаніе его; *миндальное дерево*: видъ его, плоды и употребленіе у евреевъ. 4) *Семейство яблочныхъ: заруръ, груша, сирийская яблонь*. 5) *Семейство миртовыхъ*; миртъ или мурсіна: видъ его, употребленіе у евреевъ. 6) *Семейство лавровыхъ*: общее ботаническое описаніе ихъ; *лавровое дерево; коричневое дерево*; киннамонъ; кассіа. 7) *Семейство платановыхъ: яворъ, или восточный чинаръ*. 8) *Семейство плюсконосныхъ: видъ дуба—тязра; палестинскій дубъ*, видъ его; дубъ Мамврийскій; нынѣшнее обиліе дубовъ въ Палестинѣ и Египтѣ.

Виноградъ, гранатина, маслина, смоковница и пальма служили отличіемъ Обѣтованной земли, составляли ея растительную роскошь и богатство ^(а). Кромѣ ихъ, но сравнительно въ меньшемъ количествѣ многія другія породы деревъ; изъ класса *двусѣмянодольныхъ*, украшали страну Израильскую во всѣхъ ея направленіяхъ. Таковы семейства деревъ теревинѣовыхъ, кассійныхъ, миндаляныхъ, яблочныхъ, миртовыхъ, лавровыхъ, платановыхъ, плюсконосныхъ ^(б).

(а) См. Душен. Чт. 1870, ч. III, стр. 171—200. (б) Первые пять семействъ составляютъ въ ботаникѣ разрядъ двусѣмянодольныхъ равнолепестныхъ, послѣднія три—разрядъ двусѣмянодольныхъ однопокровныхъ.

Къ семейству теревиневыхъ деревъ принадлежатъ:

Фисташникъ, Pist. vera; разводится всюду по бережьямъ Средиземнаго моря. Онъ бываетъ до трехъ сажень вышины, имѣетъ грязнозеленые листья и бѣловатые цвѣты. Съдобныя сѣмяна этого дерева, извѣстныя подъ именемъ *фисташекъ*, по-евр. *ботнимъ* (Быт. 43, 11), походятъ на обыкновенный орѣхъ и заключены въ скорлупѣ изжелта блѣднаго или почти блѣднаго цвѣта. Зеленое ядро фисташекъ обтянуто красною кожицею, содержитъ въ себѣ довольно масла, пріятно на вкусъ и легко для желудка. При патріархѣ Іаковѣ фисташки въ большомъ количествѣ росли въ Палестинѣ и считались *лучшимъ произведеніемъ* этой земли. Израиль, отправляя дѣтей своихъ вторично въ Египетъ за хлѣбомъ, приказалъ имъ взять съ собою, между прочимъ, *фисташки* и подарить ихъ Іосифу, не какъ сыну своему, но какъ первому вельможѣ въ Египтѣ (Быт. 43, 11). Нынѣ на Востокѣ также много фисташковыхъ деревъ. Плоды ихъ извѣстны у Арабовъ подъ именемъ *фестокъ* ^(в) и весьма часто употребляются въ пищу. «Фисташки, хотя и очень питательны, однакожь употребляемыя въ пищу однѣ, горячатъ кровь и становятся вредны» ^(г).

Фисташковое дерево очень походитъ на теревиневъ, по-евр. *ала* или *ела*, по-славянски же то *илѣ* (1 Цар. 21, 9), то *дубъ* (Суд. 6, 11. 19. 1 Цар. 17, 19), то прямо *теревиневъ* (1 Цар. 17, 2. Ис. 1, 30; 6, 13). При жизни ветхозавѣтныхъ патріарховъ, и при І. Навинѣ тервиневы росли около Сихема (Быт. 35, 4. Нав. 24, 26), а во времена царей въ долину Рефаимской ^(д). Въ этой долинѣ, называвшейся тогда

(в) Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи. А. Б. Клотъ-бев. Переволь съ франц. Спб. 1842 г. Часть 1. стр. 77.

(г) Алжирская Сагара и большая стена. Моск. Вѣд. 1850 г. № 146.

(д) Во времена христіанскаго владычества эта долина была хо-

юдолю ила (т. е. теревинѣвою), Давидъ убилъ иноплеменника Голиава (1 Цар. 2, 9).

Теревинѣзъ, Pist. terebinthus, имѣеть толстый, прочный и очень высокій стволъ; бревно его бѣло, очень плотно и содержитъ въ себѣ изсияя бѣловатую смолу, известную подъ именемъ терпентиннаго масла; четыре большихъ 60-лѣтнихъ дерева даютъ впрочемъ только около трехъ фунтовъ терпентина. Прямые и частые сучья теревинѣа, съ конца апрѣля, густо покрываются довольно длинными листьями зеленаго цвѣта съ сизокраснымъ оттѣнкомъ; нижняя сторона теревинѣоваго листа бѣлесовата ^(e). Отъ густоты листьевъ своихъ, составляющей славу и красоту теревинѣа (Сир. 24, 19), ояъ дасть лѣтомъ совершенно полную тѣнь, и потому нерѣдко называется въ Священномъ Писаніи то *древомъ вѣтвеннымъ, яко добръ кровъ* (Ос. 4, 13), то *древомъ частымъ* (Ис. 57, 5). Въ сухое и жаркое лѣто листья теревинѣа вянутъ отъ зноя и падаютъ; теревинѣеъ теряетъ свою красоту, не даетъ уже путникамъ прохладной тѣни, и вообще среди цвѣтущей зелени, представляетъ самое безотрадное явленіе. Вѣтхозавѣтные пророки подъ образомъ этого явленія описываютъ состояніе израильтянъ, ослабѣвшихъ въ своемъ благочестіи и вѣишнемъ могуществѣ: *и будутъ*, говоритъ пр. Исаія объ Израильтянахъ, *яко теревинѣзъ, отметнувшій листья своя* (1, 30).

Евреи умѣли пользоваться всѣми естественными качествами теревинѣа: его продолжительнымъ ростомъ, прочностію бревна, густою тѣнью и пр. Они скрывали подъ теревинѣомъ свои дорогія вещи (Быт. 35, 4); они ставили подъ теревинѣ-

рошо обработана; теперѣ она въ запусѣи и мѣстами покрыта древними развалинами. Путешест. по св. землѣ въ 1835 г. Норова. Спб. 1838 Т. I стр. 289. (e) Норовъ. Путеш. по св. землѣ въ 1835 г. Спб. 1838 г. Т. 2, стр. 87.

оомъ памятники своего благочестія. Иисусъ Навинъ, вписавъ завѣтъ свой *въ книгу закона Божія, взя камень велиій и постави его подъ теревиноомъ, иже есть предъ Господемъ* (Нав. 24, 26). Во времена же ветхозавѣтныхъ пророковъ, когда глубокое нечестіе развилось не только въ царствѣ Израильскомъ, но и въ Іудейскомъ, Евреи ставили въ теревиноовыхъ рощахъ алтари и истуканы и искали отъ нихъ помощи въ бѣдствіяхъ своего отечества (Ос. 4, 13).

Теревины еще и доселѣ въ большомъ изобиліи растутъ въ Палестинѣ: путешественники^(ж) нерѣдко видали ихъ цѣлыми рощами на долинѣ Мамврійской, около Хеврона, — въ роскошныхъ лощинахъ, идущихъ отъ Хеврона къ Брекудъ, — вокругъ небольшого селенія Мальха, загороднаго помѣстья греческой братіи въ Іерусалимѣ, — также въ садахъ около Яффы, — на дорогѣ между Рамлею и Іерусалимомъ и на горѣ Фаворѣ. На мѣстѣ бывшей Мамврійской рощи, у развалинъ Константиновой церкви, А. С. Норовъ видѣлъ два или три теревина, на которыхъ былъ виднѣн отпечатокъ глубокой древности^(з). Между Іерусалимомъ и Виелеемомъ до половины XVII вѣка стоялъ ветхій теревиноъ, подъ которымъ Пресв. Богородица, какъ увѣряетъ преданіе, часто отдыхала на пути своемъ изъ Виелеема въ Іерусалимъ^(и). Это дерево было въ большомъ уваженіи у магометанъ; рассказываютъ, какъ одинъ изъ нихъ видѣлъ его въ пламени. Но въ 1646 г. тамошніе жители зажгли соседнія поля, и пламя распространилось такъ широко, что отъ него обратилось въ золу и самое дерево. А. С. Норову^(и) показывали уже отростокъ отъ этого дерева, знаме-

(ж) А. С. Норовъ. Путеш. по св. землѣ въ 1835 г. Спб, 1838 г. Т. 1, стр. 329. Т. 2, стр. 71, 83, 85—87. (з) Тамъ же. (и) Моск. Вѣдом. 1850 г. № 48. Очеркъ Іерусалима въ концѣ XI в. Хроника Оливье Лифаля. (і) Путеш. по св. землѣ въ 1835 г. Спб 1838, Т. 1, стр. 289.

витаго и по своей долговѣчности и по соединеннымъ съ нимъ историческимъ событіямъ.

Къ семейству теревинѣовыхъ деревъ принадлежало дерево ^(к), которое выдѣляло изъ своей коры *ливанъ*, по-евр. *ле-вонагъ*, по-греч. *ливаносъ*, хорошо пахучую смолу бѣлаго цвѣта ^(а), и отличалось высокимъ ростомъ и небольшими свѣтлобурыми цвѣтами. Оно встрѣчалось въ Палестинѣ только изрѣдка (Пѣсн. Пѣсн. 4, 6. 14), но преимущественно росло въ Аравіи (Ис. 60, 6. Іер. 6, 20). Отсюда-то Евреи привозили значительное количество ливана, весьма необходимаго имъ для исполненія законныхъ предписаній о жертвахъ (Ис. 66, 3. Іер. 41, 5). При Нееміи былъ у Евреевъ даже особенный домъ, гдѣ хранились всѣ жертвенныя принадлежности, въ числѣ которыхъ упоминается и *ливанъ* (Неем. 13, 5). Чистый ливанъ входилъ въ составъ курительнаго порошка, назначеннаго для постоянного употребленія на олтартъ кадильномъ или жертвенникѣ куреній. «Сказалъ Іегова Моусею: возьми себѣ благовонныхъ веществъ: стакти, овиха и хальванса душистаго, и чистаго ливана, всего поровну. Изъ нихъ искусствомъ составляющаго масти, сдѣлай курительный составъ, съ солью, чистый, святой; и растолки его мелко и возлагай его предъ Откровеніемъ въ Скинии собранія, гдѣ Я буду открываться тебѣ: это будетъ у васъ свитыня великая» (Исх. 30, 34—36). Въ самомъ дѣлѣ этотъ куритель-

(к) *Boswellia serrata*. Это дерево подробно описано въ *Asiatic Research. II, 9. 11.* и въ *Dictionnaire botanique et pharmaceutique, par une société des. medecine, pharmaciens et des naturalistes. Paris 1817 an.* Слич. Геродотъ, въ рус. пер. изд. Мартынова. Спб. 1825, 26 и 27 г. Т. 3, стр. 113. (а) Самый сборъ ладана, а равно мѣстность, гдѣ онъ родится, подробно описаны у Геродота, въ рус. пер. изд. Мартынова. Спб. 1826—27, Т. 3, прим. стр. 97, 107, 112. Геродотъ ясно отличаетъ ливанъ отъ *ладана*, *ladanum*, по-евр. *лотъ*, тамъ же стр. 113.

ный порошокъ составлялъ священную принадлежность одной Скиніи и никогда не могъ изготовляться и быть въ домашнемъ употребленіи у кого-либо изъ сыновъ Израиля. «Куренія, сдѣланнаго по сему составу, не дѣлайте себѣ: да будетъ оно у тебя свято для Іеговы. Кто сдѣлаетъ подобное ему, чтобы курить имъ, истребится изъ народа своего» (Исх. 30, 37. 38. Слич. Свр. 24, 18).

Ливанъ всегда лежалъ въ Скиніи на хлѣбахъ предложенія (Лев. 24, 7) и вмѣстѣ съ ними смѣнялся еженедѣльно. Ливанъ всегда прибавлялся къ мукѣ и маслу, приносимыхъ въ даръ безкровный (Лев. 2, 1. 2. 15. 16. 6, 15). Волхвы, приходившіе изъ Персіи поклониться родившемуся Спасителю, въ числѣ даровъ для новорожденнаго, принесли ему *ливанъ, яко Богу встѣхъ* ^(н).

2. Семейство кассійныхъ, населяющее преимущественно тропическую Африку ^(н) и Америку, разводилось въ Палестинѣ и по всѣмъ побережьямъ Средиземнаго моря подъ единственнымъ, кажется, видомъ *рождковаго дерева* ^(о). Это дерево имѣетъ шероховатый и толстый стволъ съ пепельностью корою и множествомъ кривыхъ, развѣсистыхъ сучьевъ и вѣтвей. Сучья и вѣтви расположены на рожковомъ деревѣ неправильно (большею частію около вершины), покрыты толстыми листьями. Цвѣты на деревѣ бываютъ сначала пурпуроваго, а потомъ розоваго цвѣта. Изъ цвѣтка образуется плодъ, въ видѣ продолговатаго, сплюсненнаго и чрезвычайно

(н) Слова церковныхъ пѣсней и св. отцевъ. Напр. св. Григорія Двоеслова. В. Ч. 1845—46 г., стр. 323.—Блаженнаго Теофилакта. В. Ч. 1846—47 г., стр. 361. (я) Тамъ же, стр. 361. (о) *Ceratonia siliqua* L. Изображеніе этого дерева и плода его можно видѣть въ Жив. Обзор. М. изд. Августа Семена. Т. 5 стр. 244. Нынѣшніе Арабы называютъ рожковое дерево словомъ: *каррубъ*. «Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи». А. Б. Клодтъ-бев. Спб. 1842 г. Часть 1, стр. 74.

плотнаго мѣшечка, стручка или боба, извѣстнаго въ русской торговлѣ подъ именемъ *цареградскихъ стручковъ* или *рожковъ*. Зрѣлые цареградскіе стручки состоятъ изъ сладковатаго краснаго тѣла съ черными сѣмянками внутри: они поспѣваютъ въ половинѣ августа и въ это же время принимаютъ кривую форму. Туземцы снимали плоды съ дерева, сушили ихъ и употребляли въ пищу. Преп. Савва, устроившій обитель въ дикой пустынѣ близъ Мертваго моря, однажды, «оставивъ Лавру, отъиде въ страны Никопольскія (близъ Александріи) и вселися подъ деревомъ рожница нарицаемымъ, плодъ рожцы сладкія имущимъ: плодомъ убо древа того питашесея, вѣтвями же его покрывашесея»^(н). Впрочемъ цареградскіе стручья никогда не считались въ Палестинѣ дорогимъ плодомъ: не доставляли хозяину особенной прибыли и внутри страны употреблялись на кормъ самыхъ презрѣнныхъ домашнихъ животныхъ (Лук. 15, 16). Рожковое дерево доселѣ еще хорошо растеть въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ^(р).

3. Семейство миндальныхъ деревъ украшало Палестину въ разныхъ видахъ. Самыми обыкновенными видами этихъ деревъ въ Палестинѣ были персики и собственно миндальное дерево.

Персиковое дерево, amygdalus persica, по-слав. *персеа*, издавна росло въ Среднемъ Египтѣ, въ предѣлахъ древней Оиваиды, какъ можно видѣть изъ сказанія о пребываніи Пресв. Богородицы въ Египтѣ. На западномъ берегу Нила находился городъ Ермополь, въ которомъ поселилось однажды св. семейство съ младенцемъ Исусомъ. При входѣ въ этотъ городъ, какъ говоритъ церковное преданіе, «бѣ древо зѣло

(н) Четыи Мин. въ житіи преп. Саввы. Деб. 5. (р) Въ Египтѣ доселѣ растеть много кассійныхъ деревъ: Cassia acutifolia, cassia senna и cassia sabun. См. Путешествіе во внутреннюю Африку, Ковалевскаго. Спб. 1849 г. Том. 2, стр. 183.

красное, нарицаемое *персеа*, егоже людіе они (Египтяне) обычаемъ идолопоклоненія своего аки бога почитаху, высоты ради и величества его зѣло краснаго, поклоняющеся ему и жертвы приносяще. Бысть же, егда приближишася пречистая Богоматерь съ Божественнымъ Младенцемъ ко древу тому, абіе то древо преклони верхъ свой даже до земли, даючи должный поклонъ Создателю своему и родительницѣ Его Пречистѣй Дѣвѣ, еще же и творящи сѣнь многолиственнымъ вѣтвиемъ своимъ отъ зноя солнечнаго, еже бы угодно почити подъ нимъ утруждашимся отъ пути симъ святѣйшимъ странникомъ: и бяше то древо тако невосклонно (въ кривомъ видѣ) стоящи всегда въ знаменіе извѣстное Божію въ Египеть пришествія. Почившу же подъ нимъ Господу съ матерію и Иосифомъ, пріять древо цѣлебную силу, ибо всякія болѣзни листіемъ своимъ цѣляше»^(с). Древо сіе существовало до временъ Юліана, который приказалъ срубить его^(т).

Собственно такъ называемое *миндальное дерево*, *amygdalus communis L.*, или росло дико, или воспитывалось въ садахъ. Дикое миндальное дерево извѣстно было Евреямъ подъ именемъ *лузъ* (Быт. 30, 37); подъ этимъ именемъ оно и доселѣ извѣстно жителямъ Египта^(у). Садовое миндальное дерево, по-евр. *шакедъ*, требовало особенныхъ попеченій отъ хозяина и разводилось въ виду той пользы, какую оно доставляло своими плодами или орѣхами. Миндальные орѣхи почитались лучшимъ произведеніемъ обѣтованной земли (Быт. 43, 11). Извѣстная всѣмъ намъ форма или видъ миндальнаго орѣха послужила образцомъ при устройствѣ *чашекъ* на

(с) Чет. Мин. подъ 27 дек. (т) Созомень. Церк. Ист. кн. 5. гл. 21. Ст. В. Ч. 1849—50 гг. стр. 399. (у) Египеть въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи. А. Б. Клодтъ-бей. Спб. 1842 г. Ч. 1, стр. 74. Здѣсь замѣчено: «нельзя отвергать древности и большей или меньшей достовѣрности сихъ преданій».

свѣтильникѣ Скиніи. «Еще сдѣлай свѣтильникъ изъ золота чистаго; чеканный долженъ быть сей свѣтильникъ, такъ чтобъ изъ него выходили стебель его, и вѣтви его, чашки его, яблоки его и цвѣты его. Шесть вѣтвей должны выходить изъ боковъ его: три вѣтви свѣтильника изъ одного бока его и три вѣтви свѣтильника изъ другаго бока его. *Три чашки на подобіе миндальнаго орѣха*, съ яблокомъ и цвѣтами, должны быть на одной вѣтви, и *три чашки на подобіе миндальнаго орѣха* на другой вѣтви, съ яблокомъ и цвѣтами. Такъ на всѣхъ шести вѣтвяхъ выходящихъ изъ свѣтильника. А на самомъ стеблѣ свѣтильника должны быть *четыре чашки на подобіе миндальнаго орѣха* съ яблоками и цвѣтами» (Исх. 25, 31—34. Слич. 37, 19. 20). Скорлупа миндальныхъ орѣховъ довольно тверда: молодые легко могутъ доставать ядро естественными средствами, напротивъ старики, съ слабыми зубами, по неволѣ должны отказаться достать себѣ *амгдалз* или миндаль (Еккл. 12, 5). Миндальные орѣхи завязываются изъ розовыхъ цвѣтовъ, которыми покрывается миндальное дерево около половины февраля, при слабомъ еще развитіи листьевъ своихъ и ранѣ всѣхъ палестинскихъ деревъ ^(*). Ранній и быстрый разцвѣтъ миндальнаго дерева, на языкѣ Боговдохновенныхъ пророковъ, выражалъ собою скорое и несомнѣнное исполненіе божественныхъ опредѣленій. «И было слово Іеговы ко мнѣ (пророку Іереміи) и сказано: «что ты, Іеремія, видишь?» я сказалъ: я вижу жезлъ миндальнаго дерева. И сказалъ мнѣ Іегова: правильно ты видишь; ибо я посиѣшаю исполнить слова мои». (Іер. 1, 11. 12).

(*) Св. Ефремъ Сиринъ пишетъ о *шакедѣ*: «орѣховая вѣтвь рано даетъ цвѣты». (Т. С. О. Ч. 7. стр. 356).

Кромѣ плодовъ миндальнаго дерева, Евреи употребили сучья его на *палки* или по-слав. жезлы. Палки изъ миндальнаго дерева извѣстны были во время патріарха Іакова (Быт. 30, 37) и во времена Моисея; ибо жезлъ Ароновъ былъ также сдѣланъ изъ миндальнаго дерева (Числ. 17, 8). Миндальное дерево доселѣ еще разсаживается въ Египтѣ, хотя приноситъ сладкій и горькій миндаль въ небольшомъ количествѣ и не очень хорошаго качества ^(х).

4. Семейство яблочныхъ деревъ въ Палестинѣ состояло изъ трехъ видовъ: заруръ, груши и яблони.

О деревѣ *заруръ*, *crataegus azarolus*, не упоминается въ Св. Писаніи. Оно, хотя нечасто, но попадается нынѣ въ окрестностяхъ Іерусалима. На спускѣ съ вершины Елеонской горы по направленію къ «горѣ Поруганія», дерево *заруръ* растетъ неподалеку отъ одного подземнаго памятника древнихъ временъ, называемаго могилою пророковъ Кубуръ-энъ-Энбіа ^(у).

Груша, *rug. communis*, по-евр. *баха*, ^(х) росла въ Палестинѣ цѣлыми рощами въ долинѣ Рефаимской. Историческое воспоминаніе объ одной грушевой рощѣ относится ко временамъ Давида, когда онъ только что былъ помазанъ на царство надъ Израилемъ. Вѣсть о новомъ царѣ Израильскомъ сильно встревожила сосѣдей Израильскаго царства, Филистимлянъ, хорошо знавшихъ Давида. Они два раза наполняли толпами своими долину Рефаимскую, съ злымъ умысломъ отыскивая Давида. Въ послѣдній изъ филистимскихъ набѣговъ Давидъ спросилъ Іегову: «идти ли ему противъ филистимлянъ? Господь отвѣчалъ: не выходи прямо, но обойди по-

(х) Египеть въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи Клодтъ-бей. Спб. 1842 г. Ч. 1, стр. 68. (у) Путеводитель по Іерусалиму и его ближайшимъ окрестностямъ. Спб. 1863 г., стр. 134. 135.
(ч) Новѣйшіе изслѣдователи евр. древностей предполагаютъ впрочемъ, что евр. *баха* означаетъ аравійскій кустъ, очень по-

зади ихъ и иди со стороны грушевой рощи. И когда услышишь шумъ въ вершинахъ грушевыхъ деревъ, тогда двинься, ибо тогда Іегова пойдетъ предъ тобою, чтобы поразить войско филистимское. И сдѣлалъ Давидъ, какъ повелѣлъ ему Іегова, и поражалъ Филистимлянъ отъ Гаваи до Газера» (2 Цар. 5, 22—25. 1 Пар. 14, 13—17).

Сирійская яблонь, по-евр. *ваптуахъ*, ^(м) руг. *malus*, росла во многихъ мѣстахъ св. земли большею частію въ дикомъ состояніи, въ лѣсахъ. Колѣно Іудово (Нав. 12, 17-15, 34) и граница, пролегавшая между колѣнами Ефрема и Манассіи (Нав. 16, 8), кажется, по преимуществу обиловали лѣсными яблонями. Яблони—весьма замѣтны въ лѣсу среди прочихъ лѣсныхъ породъ (Пѣс. Пѣс. 2, 3.); раскидистыя вѣтви яблони давали пріятную тѣнь (Пѣс. Пѣс. 2, 3) и самое удобное мѣсто для отдохновенія и временнаго пріюта (Пѣс. Пѣс. 8, 5). Плоды сирійской яблони, или *яблоки* (*romi*), были чистаго желтаго цвѣта, который по густотѣ своей подходилъ къ цвѣту чистаго золота (Притч. 25, 11): они отличались сладостію (Пѣс. пѣс. 2, 3.) и пріятнымъ запахомъ (Пѣс. Пѣс. 7, 8).

5. Красивое семейство миртовыхъ—довольно многочисленно. Оно разводится исключительно въ тропическихъ странахъ Америки и Новой Голландіи. Впрочемъ нѣкоторыя породы этого семейства растутъ въ Африкѣ и Азій, около прибрежій Средиземнаго моря. Въ Палестинѣ издревле и доселѣ ^(м) рас-

хожій на бальзамовый, и отличающійся отъ него длиною своихъ листьевъ и величиною плода. Слич. Cels. Hierobot. 1, 335—340.

(ш) Новѣйшіе естествоиспытатели полагаютъ, что Евреи, именемъ *ваптуахъ* называли не только обыкновенную яблоню, но и *айву*, *Cydonia vulgaris*, съ пріятно пахучими плодами, которые употребляются въ пищу вареными; слизь, содержащаяся въ наружной сѣмянной оболочкѣ плодовъ *айвы*, или иначе *квита*, употребляется въ медицинѣ. (щ) Путешествіе по св. землѣ въ 1835 г. А. С. Цорова. Спб. 1838 г. Томъ 2-й, стр. 113.

теть *миртъ*, по-евр. *хадасъ*, по-слав. *мырсина* (Иса. 41, 19. 55, 13), *Myrtus communis*, особенно въ мѣстахъ влажныхъ, по лощинамъ (Зах. 1, 8. 10. 19). Дикіе виды этого растенія получали большую красоту, когда воспитывались въ садахъ и находились подъ особеннымъ присмотромъ своего владѣльца. Это дерево достигаетъ до 3-хъ саженъ вышины, съ красноватою корою, съ крѣпкими длинными вѣтвями и постоянно зелеными листьями. Цвѣты на миртѣ распускаются въ маѣ. Древніе вообще считали миртѣ дорогимъ растеніемъ за его пріятный запахъ; миртовья вѣтки служили у нихъ украшеніемъ для головы, но и вмѣстѣ знакомъ отличій за особые подвиги. Евреи ежегодно употребляли миртовья вѣтви въ праздникъ кущей, для постройки шалашей или палатокъ (Неем. 8, 15). Миртѣ доселѣ растетъ въ Египтѣ: вѣтви этого дерева, по словамъ Клодтъ-Бэя ^(*), раскупаются Евреями для употребленія во время ихъ праздниковъ.

6. Лавровья деревья имѣютъ перемѣнныя, кожистыя, всегда зеленыя листья, цвѣтки мелкіе, полные, въ колосьяхъ, или полузонтакахъ. Большое и красивое семейство лавровыхъ деревъ встрѣчается во всемъ своемъ разнообразіи въ теплыхъ климатахъ, преимущественно на высокихъ горахъ, гдѣ нерѣдко образуетъ огромныя вѣчно-зеленыя лѣса. Всѣ они содержатъ въ себѣ ароматическія эфирныя масла, пряныя, иногда острыя жирныя вещества, почему многія изъ нихъ весьма важны, какъ пряныя и лекарственныя растенія.

Лавровое дерево, *Laurus nobilis* L., растетъ въ южной Европѣ, а также по всему побережью Средиземнаго моря. Въ Палестинѣ оно и доселѣ извѣстно многимъ жителямъ.

(*) Египеть въ прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи. Спб. 1842 г. Т. 1-й стр. 67.

Путешественники ⁽⁴⁾ видали его въ селеніи Эль-Тавтара, — на дачѣ Абд-аллы паши Дженетулъ Мефа при загородномъ домѣ Акрескаго паши, — горѣ Кармилѣ, по дорогѣ отъ древней Вие-саиды къ Тиверіадѣ, — въ великолѣпныхъ садахъ Яффы, — въ луговой обширной долинѣ, недалеко отъ Брекудъ.

Корицное дерево, *Cinnamomum Zeylamicum*, замѣчательно по корѣ своихъ двухъ-и трехъ-лѣтнихъ вѣтокъ, которая извѣстна подъ именемъ *корицы*, по-евр. и по-слав. *киннамойъ*. Это дерево, по понятію Евреевъ, имѣло пріятный запахъ и воспитывалось въ заповѣдномъ саду царя Соломона (Пѣс. Пѣс. 4, 14). Корица, или киннамовъ считалась у Евреевъ лучшимъ душистымъ ароматомъ (Исх. 30, 23. Сир. 24, 17) и находилась у нихъ въ постоянномъ церковномъ и домашнемъ употребленіи. Она, вмѣстѣ съ многими, другими пахучими веществами, входила въ составъ священнаго мвра, которымъ освящалась скинія и всѣ принадлежности ея (Исх. 30, 23). Для составленія свящ. мвра по-евр. закону, требовались слѣдующія *первейшія благовонныя вещества*: 6 рус. фунтовъ самоточной смирны, 3 ф. благовонной корицы, 3 ф. благовонной трости и 6 ф. кассіи. Эти вещества влагались въ деревянное масло, мѣрою въ $\frac{1}{4}$ рус. ведра, и потомъ въ извѣстной мѣрѣ подогрѣвались на огнѣ, до совершеннаго изготовленія мвра (Исх. 30, 23). Святое мвро освящало все, на что оно возлагалось, и потому каждому Израильянину строго запрещалось составлять его для частнаго домашняго употребленія (Исх. 30, 32. 33). Каждый Израильянинъ въ домашнемъ быту употреблялъ однакоже корицу вмѣсто пріятнаго аромата для спальныхъ комнатъ (Притч. 7, 17). Въ началѣ христіанской церкви корица составляла одинъ изъ предметовъ вѣншей торговли (Апок.

(4) Путешествіе по св. землѣ въ 1835 г. А. С. Норова. Спб. 1838 г. Т. 2-й, стр. 71, 113, 225, 245, 250, 264, 265, 269, 300.

18, 13). Съ лавроваго дерева ^(в), также добывалась Евреями нѣжная тонкая кора, извѣстная имъ подъ именемъ *киддагъ* или *кеціагъ*, по-слав. *кассія* ^(г). Она, по пріятности запаха, значительно уступала корицѣ, но несмотря на то считалась у Евреевъ за ароматическое вещество (Ис. 44, 9), вмѣстѣ съ корицею входила въ составъ свящ. мвѣра (Исх. 30, 24), и составляла одинъ изъ привозныхъ товаровъ для тирскихъ купцовъ (Езек. 27, 19).

7. *Яворъ* или чинаръ восточный, *Platanus orientalis* L., принадлежитъ къ семейству растеній платановыхъ и встрѣчается на всемъ Востокѣ—въ Азіи, Турціи и Греціи. Кора этого дерева ежегодно замѣняется новою, такъ что стволъ чинара легко узнать по висячимъ остаткамъ коры. Крѣпкое, прямое, бревно явора служитъ для столярныхъ издѣлій. Яворъ достигаетъ иногда колоссальнаго объема: платанъ или восточный чинаръ, растущій около Смирны, имѣетъ почти 13 саж. вышины и 20 саж. въ окружности съ дупломъ, которое при корнѣ дерева—почти въ 10 саж. шириною.

Евреи изъ крѣпкихъ вѣтвей чинара (*армонъ*, по-слав. *яворъ*) дѣлали палки (Быт. 30, 37). Въ евангельскомъ городѣ *Иудовъ* (Иутта), при входѣ въ домъ Захаріи и Елисаветы, доселѣ растетъ древній развѣсистый платанъ ^(д). Въ Египтѣ также разводять нынѣ платаны въ большомъ количествѣ ^(е).

(в) *Laurus cassia* L. Въ Чет. Мин. подъ 6 января въ словѣ на Богоявленіе Господне сказано: «кассія зеліе аравитское, на мѣстѣхъ лужныхъ мокроты исполненныхъ вкореняется и растетъ высоко». (г) Св. Василій Вел. (Т. С. О. 5, 331) и св. Афанасій Александрійскій (Т. С. О. 22, 172) въ своихъ бесѣдахъ на 44-й псаломъ согласно пишутъ: «кассія есть самая тонкая и благовоющая кора, облекающая собою древесныя вѣтви». (д) Путешествіе по св. землѣ въ 1835 г. А. С. Норова. Спб. 1838 г. Томъ 1-й стр. 323, 324. (е) Египеть въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи. Клодъ-беа. Спб. 1842 г. Т. 1. стр. 67.

8. Семейство плюсконосныхъ деревъ отличалось особенною прочностію и крѣпостію бревна своего. Изъ нихъ росли въ Палестинѣ *дубъ*, по-евр. *тирза*, и собственно *Палестинскій дубъ*. О деревѣ *тирза* упоминается только однажды въ книгѣ пр. Исаи (44, 14—17), гдѣ говорится, что это весьма плотное дерево употреблялось у Евреевъ на топливо и для выдѣлки идоловъ.

Палестинскій дубъ, по-евр. *алагъ* или *элагъ*, наравнѣ съ нашимъ отечественнымъ *дубомъ*, *quercus*, отличался отъ европейскаго, или собственно русскаго, меньшимъ ростомъ и изнанкою своихъ листьевъ, которая у Палестинскаго дуба совсѣмъ *бллая*.^(а)

Дубъ росъ въ Палестинѣ весьма высоко: такимъ, по крайней мѣрѣ представляють его намъ св. писатели, всегда при-совокупляя къ слову *дубъ* прилагательное *высокій*. Авраамъ оставившій землю Харранъ, проходитъ во всю длину Ханаанской земли и останавливается у *дуба высокаго* (Быт. 12, 6). Горы Геваль и Гаризинъ лежали въ западно-іорданской Палестинѣ, близъ Гамаль, у *дуба высокаго* (Втор. 11, 30). Мятельный Авессаломъ, пораженный вмѣстѣ съ соучастниками своими въ дубравѣ, поскакалъ по ней на мскѣ своемъ: *и вбѣжа съ нимъ мскѣ въ чашу дуба великаго и обвисшая власы главы Авессаломовой на дубъ и повисла между небомъ и землею* (2 Цар. 18, 9).

Бревно или стволъ Палестинскаго дуба, какъ и въ европейскомъ дубѣ, отличалось особенною прочностію. Если св. писателямъ надлежало выразительно указать на физическую силу и крѣпость, то они сравнивали ее съ крѣпостію дуба. *Аморей крѣпокъ бльше, яко дубъ* (Амос. 2, 9). Крѣ-

(а) Путешествіе по св. землѣ въ 1835 г. А. С. Норова. Спб. 1838 г. Томъ 2-й стр. 185.

постію дубоваго бревна пользовались преимущественно жители Тира, производившіе значительную морскую торговлю: они дѣлали дубовыя *весла* къ своимъ судамъ (Езек. 27, 6).

На всей верхней половинѣ дубоваго бревна находилось множество прочныхъ и длинныхъ сучьевъ, которые могли держать на себѣ значительную тяжесть и при полномъ развитіи листьевъ давали густую тѣнь—великое благо для восточнаго жителя. Этимъ объясняется, почему св. писатели называли дубъ *древомъ стѣннымъ*, т.-е. деревомъ тѣнистымъ или дающимъ большую тѣнь, покоющую отъ зноя (Езек. 6, 13). Евреи пользовались тѣнью дубоваго дерева для отдыха въ дорогѣ (Суд. 6, 11. 19. 3 Цар. 13, 14), для общественныхъ собраній (Суд. 9, 6. Ос. 4, 13). Подъ дубами Евреи строили свои временныя жилища (Быт. 13, 18; 14, 13; 18, 1. Суд. 4, 11); подъ этими же деревьями погребены тѣла: Деворы, кормилицы Ревекки (Быт. 35, 8), Саула и дѣтей его (1 Цар. 10, 12) и Ахія Силонитянина ^(е)

Дубъ приноситъ ежегодно плодъ—*желудь*, по-евр. *аллонъ* или *еллонъ* (Иса. 2, 13). Желудь плотно сидитъ въ чашечкѣ, по-слав. *плоскъ*, изъ которой выпадаетъ, когда достигаетъ полной зрѣлости (Исаі. 6, 13). Дубы составляли въ Палестинѣ очень обыкновенное растеніе. Особенно обиловала ими восточная Палестина, гдѣ они росли цѣлыми лѣсами. Таковъ напр. былъ дубовый лѣсъ на Васанскихъ горахъ (Исаі. 2, 13. Зах. 11, 2). Но и западная Палестина въ этомъ случаѣ не многимъ уступала восточной. Фаворъ, Сихемъ, Гамаль, Веѣиль, Ефраѳа, Кедесъ и Хевронъ—отмѣчены въ Св. Писаніи славною растительностію дубовъ (Суд. 9, 37. 1. Цар. 10, 3).

(е) Дубъ, подъ которымъ похоронено тѣло Ахія Силонитянина, по сказанію путешественниковъ, доселѣ еще существуетъ въ Силомѣ. См. В. Ч. годъ 10-й, стр. 142.

Нѣкогда отецъ вѣрующихъ Авраамъ за свою вѣру удостоился принять самаго Господа подъ сѣнію дуба Мамврійскаго. Этотъ дубъ, по словамъ блаж. Іеронима ^(v), существовалъ до времени Констанція. Но въ то же время всѣ окрестные языческіе народы суевѣрно читили и почти боготворили ветхій теревиню, въ той мысли, что подъ нимъ Авраамъ принялъ и угостилъ трехъ странниковъ. Въ IV вѣкѣ, какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ, «жители сосѣднихъ съ Хеврономъ странъ еще приходили на поклоненіе мѣсту сему, какъ божественному, въ честь явившихся здѣсь Аврааму, и доселѣ тамъ видѣнъ теревиню ^(a)». Болѣе тринадцати вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, но и донынѣ мѣсто, означенное глаголю Богоявленія, сохранилось и сохраняется въ памяти народовъ Востока. Обитатели Палестины во всѣ времена указывали его благоговѣйнымъ поклонникамъ св. мѣстъ. По стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ, или, вѣрнѣе сказать, по особенному устроенію всеблагаго Промысла, священная мѣстность, съ уцѣлѣвшимъ на ней старымъ деревомъ, описаннымъ въ 1115 г. нашимъ первопаломникомъ Давиломъ, съ ноября 1868 принадлежитъ Россіи. Дѣло о приобрѣтеніи сей святыни длилось болѣе года и не обошлось безъ затрудненій, но наконецъ правительствомъ султана обладаніе ею утверждено навсегда за Русскою Іерусалимскою Духовною Миссією ^(b).

Палестина еще и доселѣ обилуетъ богатой растительностію дубовъ, которые можно встрѣтить на каждомъ отвалѣ Іудейскихъ горъ и на Васанѣ ^(c). Огромными дубами покрыта

(v) De situ et nominibus locorum hebraicorum §§ 130, 195.

(a) Слова Евсевія Памфила. Demonstr. Euang. lib. 5. См. Христ. Чт. 1830 г. Ч. 30, стр. 15. (б) Моск. Вѣд. 1870 г. 10 ноябр. № 242. стр. 1. (в) Путешествіе. по св. землѣ въ 1835 г. А. С. Норова. Спб. 1838 г. Т. 2-й стр. 185, 245 — 250. — Живописное путешествіе по Азін. Эйріе. Моск. 1840 г. Томъ 6-й, стр. 214. 237.

нынѣ вся страна отъ Антиливана до деревни Бха (древней Келесири), а къ западу и югу до равнины Ель-гуле, изъ которой вытекаетъ Иорданъ. У самаго входа въ эту страну съ сѣверной стороны, въ недалекомъ разстояніи отъ горъ, лежащихъ къ востоку, находится небольшой пригорокъ Теель-ель-кади: овъ также покрытъ нынѣ огромными зелеными дубами ^(г). Но въ нынѣшнемъ Египтѣ очень мало дубовъ ^(а).

Протоіерей Димитрій Разумовскій.

(г) Письма франц. миссіонера въ Сиріи г. Пуссу. 1843—44 г. См. Иллюстр. Спб. Годъ 4-й, стр. 251. (а) Египеть въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи Клодъ-бей. Спб. 1842 г. Т. 1-й, стр. 68.

СЛОВО КЪ ПРИЧАСТНИКАМЪ СВ. ТАИНЪ

ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ЛЕОНИДА, ЕПИСКОПА ДМИТРОВСКАГО, ГОВОРЕН-
НОЕ ВЪ ЦЕРКВИ САВВИНСКАГО ПОДВОРЬЯ.

„Господь посетъ мнѣ и ничтоже мнѣ лишитъ“ (Пс. 22, 1)

Что привело васъ нынѣ сюда къ Пастырю доброму, положи-
вшему душу свою за овцы своя? Не сомнѣваемся, что привели
васъ къ Нему три дщери мудрости христіанской: *вѣра* въ Его
всемогущество, которое и сосудъ сокрушенный можетъ обно-
вить, и черноту еѳіопскую убѣлить, и покрытое мракомъ нош-
нымъ просвѣтитъ полуденнымъ блистаніемъ солнца; привела
васъ къ Нему *надежда* на Его милосердіе, которое не хо-
четъ смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему,
которое обращающемуся грѣшнику общаетъ грѣхи его, ес-
ли будутъ они яко багряное, убѣлить яко снѣгъ, и если бу-
дутъ они яко червленое, яко волну убѣлить; наконецъ васъ
привела къ Нему *любовь* къ неизреченной красотѣ Его Са-
мого и Имъ для насъ уготованныхъ божественныхъ селеній, —
любовь, возбужденная вѣрою, подкрѣпленная надеждою. И
что, какъ не она, могло васъ заставить предъ подобнымъ
вамъ человѣкомъ раскрывать язвы совѣсти, болѣе или менѣе
глубокія, болѣе или менѣе смрадныя (какое благоуханіе отъ
грѣха?), болѣе или менѣе постыдныя; что кромѣ любви къ Не-
му и желанія горнихъ обителей могло довести самолюбіе

грѣховной природы челоуѣка до такого самоуниженія? Ничто кромѣ желанія любви! Скажетъ кто: а общій обычай, холодная привычка? Но такое обвиненіе да не доходитъ до сего священнаго мѣста, такихъ подозрѣній наше взаимное довѣріе, уваженіе и любовь не можетъ допустить, — сіе было бы недостойнымъ помраченіемъ свѣтлой вечери Господней!

Итакъ приведены вы вѣроу, надеждоу и любовію. И вотъ вы приняли даръ небесный, укрѣпили себя хлѣбомъ жизни вѣчной, обагрили себя кровію Христовою, какъ царственной багряницею, вкусили—и видите, *яко благъ Господь*. Пребудьте же отнынѣ неколебимы въ вѣрѣ, полны надеждоу, пламенѣйте въ любви, просите Добраго Пастыря, да «упасетъ Онъ васъ отнынѣ на паствѣ своихъ овецъ», просите, но и свое собственное стараніе приложите къ тому, чтобы слѣдовать за Пастыремъ, куда бы Онъ васъ ни повелъ.

Можетъ быть угодно Ему идти съ вами долиною смертной тѣни,—не убойтесь зла. Въ долинахъ вѣетъ сыростію холодною: не убойтесь, если и въ юдоляхъ мірскаго житія встрѣтитесь съ несправедливою, злобною, мертвящею холодностью людскою; не отчаявайтесь, но любите горячо и холоднаго къ вамъ ближняго, любите во Христѣ, до конца и васъ, и его возлюбившемъ; не отчаявайтесь, если тамъ, по несчастію, и собственное ваше сердце охладѣетъ; дѣлайте и тогда добро, хотя холодною рукою; молитесь хотя хладными устами, молитесь только, чтобы Господь призрѣлъ на васъ. Онъ возможетъ и среди общаго хлада согрѣть снова ваше сердце. «Вамъ, конечно, вамъ трудно будетъ; но воззовите Пастырю: *не убоюся зла, яко ты со мною еси*.

Можетъ быть введетъ Онъ васъ въ тѣсное ущелье, гдѣ подъ ногами камни и надъ головою висящіе камни грозятъ опасностію; гдѣ ученіе по стихіямъ міра, а не о Христѣ, чуждое животворныхъ силъ Духа Божія, путнику земному, просице

му хлѣба жизни, бросаетъ мертвые камни знанія, которые способны твердому въ вѣрѣ причинить скорбь, а слабого низложить и убить духовно, потемнивъ его душу сомнѣніями въ истинахъ Божественнаго откровенія, сомнѣніями въ Провидѣніи, — бросаетъ и говоритъ: *рыцѣ, да каменіе сіе хлѣбы будутъ*. Будьте мужественны и въ этой борьбѣ, усердно молитесь, да сохранитъ Господь благодатный свѣтъ въ душахъ вашихъ и да просвѣтитъ Онъ очи слѣпцовъ, руководящихся слѣпцами; если не можете скорѣе удалиться отъ опасности, то подбирайте эти камни, узнавайте эти ученія, чтобы ими же поражать противниковъ истины, какъ дѣлали Василии Великіе, Григоріи Богословы. Берегите себя, не ищите врага и непрестанно взывайте къ Пастырю: *настави мя на стези правды имени ради Твоего*.

Если надобно будетъ, слѣдуя за Пастыремъ, войти въ темную чащу наполненнаго дикими звѣрями лѣса, быть окруженнымъ опасностями отъ страстейъ человеческихъ, гдѣ страсти то борются одна съ другой, и обѣ съ добродѣтелию неопытною, то соединяются вдругъ по нѣскольку для нападенія дружнаго на добродѣтель испытанную, дѣйствуютъ открыто какъ львы, или хитростію какъ лисы: не утрашьте, ниже убойтесь, и помните, что любящій Бога хранитъ себя, - т.е. упованіемъ на силу Божію, и лукавый не прикасается ему. Если, по несчастію, вы и уязвлены лютымъ звѣремъ духовной страсти или пресмыкающимся зміемъ похоти: у Пастыря всегда готовъ елей и вино на ваши раны; и совершенно израненные не унывайте, а держитесь за Его посохъ, всегда спасительно поддерживающій и руководящій, — и скоро въ скорбномъ сердцѣ вашемъ вы почувствуете отраду и скажете: *жезлъ твой и палица твоя та мя утѣтиста*.

Итакъ, ближніи мои, по холоднымъ ли долинамъ, по каменистымъ ли ущельямъ, по лѣсамъ ли дремучимъ, среди ка-

кихъ бы то ни было неудобствъ и опасностей, въ претерпѣніи какихъ бы то ни было ранъ, скорбей и страданій, гдѣ бы ни довелось вамъ идти, — идите съ вѣрою, надеждою и любовію, живо представляя, что Господь *посетъ васъ и ничтоже васъ лишитъ*; знайте, что Пастырь добрый скоро или медленно, но каждую овцу, слѣдующую за Нимъ, ведетъ чрезъ испытанія для нея полезныя, и приведетъ на пажити тучныя злаками, присноцвѣтущія духовнопитательными утѣшеніями нескончавающимися, на широкія, свѣтлыя, покойныя воды блаженнаго успокоенія въ Трїединомъ Богѣ. Боже! на этомъ мѣстѣ злачнѣ всели всѣхъ насъ, на сей водѣ покойнѣ воспитаи насъ.

Теперь, въ эти священныя минуты, когда вы еще не отступили отъ Божественной трапезы, ваше сердце, конечно, особенно способно предчувствовать уготованное праведникамъ воздаяніе вѣчное. Можетъ быть желаніе наслажденій жизни вѣчной уже встрѣчается въ мысли вашей съ опасеніемъ встрѣчъ неблагопріятныхъ, съ опасеніемъ враждебныхъ силъ діавола, міра и плоти; но вѣрующимъ сердцемъ воззрите на трапезу, вознесите умъ свой горѣ и скажите въ ободреніе себѣ: *уготовалъ еси предо мною трапезу* присноживотнаго питанія, *сопротивъ стужающихъ мнѣ, умастилъ еси елеемъ* милости и радости *духовной главу мою*; таинственная чаша твоя обильно упоясаетъ мя. Какими бы путями ни вель Ты меня, о Пастырю добрый и Посѣтитель нашихъ душъ, я постараюсь твердо помнить, что *милость твоя пожнетъ мя вся дни живота моего и еже вселитимся въ домъ Господень въ долготу дней во вѣкъ вѣка*. Аминь.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

XXXIV. Паремія на вечернѣ въ субботу Вайй. Быт. 49, 1—2. 8—12.

Въ сей пареміи содержится предреченіе патриарха Іакова о судьбѣ потомства сына его Іуды.

Гл. 49 ст. 1. 2. **Призва Іаковъ сыны своя, и рече имъ: соберитесь, да возвѣщу вамъ, что срящетъ васъ въ послѣдніа дни. Соберитесь и послушайте мене, сынове Іаковли, послушайте Исраиля, послушайте отца вашего.**

Призва Іаковъ сыны своя. Это было во время предсмертной болѣзни Іакова, спустя 17 лѣтъ по переселеніи его въ Египеть. Всѣхъ же лѣтъ житія его было 147 (Быт. 47, 28). У Іакова было 12 сыновей, рожденныхъ отъ Ліи (Рувимъ, Симеонъ, Іуда, Исахаръ, Завулонъ), отъ Рахили (Іосифъ и Веніаминъ), и отъ ихъ служанокъ (Данъ, Нефѣалимъ, Гадъ и Асиръ). Кромѣ того на смертномъ одрѣ онъ усыновилъ внуковъ своихъ, дѣтей Іосифа: Ефрема и Манассію, и преподаль имъ благословеніе (гл. 48). Благословивъ внуковъ, Іаковъ теперь созываетъ къ себѣ сыновей и къ нимъ однимъ обращается съ предсмертною рѣчью, имѣющею въ еврейскомъ подлинникѣ стихотворный складъ подобно вдохновенной пѣсни Моисея по переходѣ чрезъ Чермное море (Исх. 15, 1—19), его же

предсмертнымъ обличеніямъ и благословеніямъ къ Израильтянамъ (Второз. 32, 1—43, 33, 2—29) и пророчеству Валаама (Числ. гл. 23 и 24). Когда сыновья Іакова явились на его зовъ, онъ до двухъ разъ повторяетъ: *соберитесь*, т.-е соберитесь вокругъ моего одра, станьте поближе ко мнѣ, чтобы могли удобно разслышать мой слабый старческій голосъ. *Да возвѣщу вамъ, что срящетъ васъ въ послѣднія дни.* Іаковъ ощущаетъ въ себѣ движеніе пророческаго духа; предъ его духовнымъ зрѣніемъ открывается въ далекомъ будущемъ судьба избраннаго народа, имѣющаго отъ него произойти; онъ хочетъ возвѣстить своимъ сыновьямъ не то, что съ ними лично имѣетъ случиться, но именно то, что ожидаетъ ихъ въ послѣднія дни, въ далекомъ будущемъ, слѣдственно хочетъ возвѣстить имъ, какъ родоначальникамъ 12-ти колѣвъ, судьбу этихъ колѣвъ. Главнымъ предметомъ его предсказаній служитъ занятіе будущими 12-тью колѣнами земли обѣтованной, имѣющее послѣдовать чрезъ 250 лѣтъ по его смерти, распредѣленіе ихъ по извѣстнымъ удѣламъ, степень вѣшняго благосостоянія ихъ, и ихъ отношенія между собою и къ вѣшнимъ врагамъ. Но въ предреченіи объ Іудѣ взоръ патріарха обнимаетъ судьбу его потомства не только въ землѣ обѣтованной, но преимущественно въ царствѣ Мессіи.

8. Іудо, тебе похвалятъ братія твоя. Руцѣ твои на плещу врагъ твоихъ. Поклонятся тебѣ сынове отца твоего.

Іудо, тебе похвалятъ братія твоя. Въ самомъ имени Іуды заключается значеніе хвалы Господу. «Теперь-то я восхваляю Господа», сказала мать Іуды Лія, нарекая ему имя (Быт. 29, 35). Примѣняя свое пророчество къ значенію имени Іуды, Іаковъ какъ-бы такъ говоритъ: не даромъ ты зовешься Іудою: тебя, въ лицѣ твоихъ потомковъ, будутъ

хвалить братія твоя, или потомки твоихъ братьевъ, и въ тебѣ прославлять Господа, какъ прославила Его мать твоя въ радости о рожденіи твоёмъ.—*Руцѣ твои на плещу* (на хребтѣ) *врагъ твоихъ*: ты будешь обращать въ бѣгство враговъ твоихъ и поражать ихъ въ тылъ. Исторія свидѣтельствуеть о воинственности и побѣдахъ колѣна Іудова. Еще въ странствованіе Евреевъ въ Аравійской пустынѣ оно, какъ воинственное, всегда занимало мѣсто впереди всего израильскаго ополченія (Числ. 10, 14). По смерти Іисуса Навина оно является преимущественно предъ прочими колѣнами побѣдоноснымъ въ продолжавшейся войнѣ съ Хананеянами (Суд. гл. 1). Но особенно оно прославилось побѣдами при Давидѣ, одномъ изъ потомковъ Іудовыхъ, который самъ исповѣдалъ предъ Господомъ: *и врагомъ моимъ далъ еси хребетъ* (Ис. 17, 41),—и при его преемникахъ.—*Поклонятся тебѣ сынове отца твоего*. Симъ обѣтованіемъ усвоится Іудѣ преимущество передъ братьями, свойственное однимъ первороднымъ,—преимущество власти надъ ними. Естественное первородство принадлежало Рувиму, но за кровосмѣшеніе Іаковъ объявилъ его лишеннымъ преимуществъ первороднаго (ст. 3). За нимъ по порядку рожденія слѣдовали Симеонъ и Левій, но и они за жестокое обращеніе съ животными и людьми (жителями Сихема) осуждены Іаковомъ на разсѣяніе между другими колѣнами (ст. 5—7), что и сбылось въ свое время (Ис. Нав. 19. 1). Іуда былъ четвертымъ сыномъ Іакова. Іуда также не отличался безукоризненнымъ поведеніемъ,—онъ участвовалъ вмѣстѣ съ прочими братьями въ заговоръ противъ Іосифа; но онъ же уговорилъ ихъ не губить Іосифа, а продать его въ Египетъ и въ трогательной рѣчи своей предъ Іосифомъ въ защиту Веніамина, въ мѣшкѣ котораго найдена была чаша Іосифа, показалъ и великое раскаяніе въ своей винѣ противъ Іосифа, и любовь къ отцу и Веніамину

За все сіе Іуда заслужилъ уотца предпочтеніе предъ братьями: *ему поклоняются*, т.-е. признають надъ собою первенство и даже власть, не только единоматерніе ему братья, но всѣ *сыны отца его*, рожденные отъ разныхъ матерей. Сіе исполнилось во время Давида и Соломона, когда колѣно Іудово, въ лицѣ сихъ царей изъ потомства Іуды, было господствующимъ надъ всѣми колѣнами Израилевыми.

9. Скимень лвовъ Іуда. Отъ лѣторасля, сыне мой, возшелъ еси. Возлегъ уснулъ еси яко левъ и яко скимень: кто возбудитъ его?

Съ скимномъ лвовымъ, т.-е. съ молодымъ львомъ, и потомъ со львомъ возмужалымъ, Іуда, или его потомство сравнивается по царственному превосходству въ ряду прочихъ колѣнъ Израильскихъ, по своей воинской отвагѣ и силѣ, страшной врагамъ.—*Отъ лѣторасля, сыне мой, возшелъ еси*. Іаковъ видитъ, какъ Іудово колѣно постепенно достигаетъ верха своего могущества, и сравниваетъ это колѣно съ могучимъ и высокимъ деревомъ, которое выросло изъ *лѣторасля*—изъ низкаго и едва замѣтнаго сначала молодаго побѣга.—*Кто возбудитъ его?* т.-е. какъ нельзя безопасно тревожить спящаго льва,—онъ и во снѣ страшенъ: такъ и потомство Іудово будетъ внушать къ себѣ почтеніе и страхъ въ самомъ мирѣ. Такъ было при Соломонѣ, въ царствованіе котораго, весьма продолжительное, миръ его царства не былъ никѣмъ нарушенъ.

10. Не оскудѣтъ князь отъ Іуды и вождь отъ чреслъ его, дондеже пріидутъ отложенная ему: и Той чаяніе языковъ.

Смыслъ сего пророчества такой: въ колѣнѣ Іудовомъ не прекратится рядъ собственныхъ правителей, пока не придетъ то, что ему предопредѣлено, и тотъ, на комъ исполнится

сіе предопредѣленіе, есть предметъ чаянія народовъ. Иначе: Іудову колѣну предопредѣлено дать изъ своей среды того, Кто есть предметъ чаянія народовъ. Когда должно исполниться сіе предопредѣленіе? Когда Іудово колѣно перестанетъ имѣть своихъ правителей.—Не только по толкованію отцевъ и учителей христіанской церкви, но и по древнему іудейскому преданію ^(а), разсматриваемое пророчество относится къ Мессіи и ко времени Его пришествія. Ибо только Мессія могъ быть названъ Чайніемъ народовъ; только Мессія суждено, согласно съ ожиданіемъ народовъ, содѣлаться источникомъ благословенія для всѣхъ племенъ земныхъ, какъ предвозвѣщено сіе о Мессіи и въ обѣтованіяхъ Аврааму, Исааку и Іакову (Быт. 22, 18; 26, 4; 28, 14). *Чаяніемъ языковъ* Мессія названъ отчасти потому, что всѣ язычники имѣли нужду въ Спасителѣ, какъ жаждущая земля нуждается въ дождѣ (Второз. 11, 14), хотя не всегда ясно сознавали эту нужду; отчасти потому, что многіе язычники (между Греками и Римлянами, Китайцами, Персами, Индѣйцами, Египтявами), какъ свидѣтельствуяютъ памятники древней исторіи, не только ясно сознавали безсиліе челоуѣка къ духовному обновленію и нужду для сего высшей помощи, но желали этой помощи и дѣйствительно ожидали явленія въ міръ посланника Божія, Который возвратитъ на землю Золотой вѣкъ, и научитъ людей истинѣ ^(б). Сему *Чаянію языковъ*, по пророчеству Іакова, надлежало однако явиться не изъ среды языковъ, а изъ среды избраннаго Богомъ племени, и именно изъ потомства Іудова: *ему сіе отложено*,—предопредѣлено. Нужно ли говорить, какъ пророчество о явленіи въ міръ *Чаянія языковъ*, имѣвшаго

(а) См. свидѣтельства о семъ въ Догматич. богословіи Филарета архіеп. Черниг. ч. II, стр. 18. 19.

(б) Указаніе на сіе см. тамъ же стр. 56—58.

произойти изъ колѣна Іудова, исполнилось въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, но плоти происшедшемъ, какъ видно изъ родословія Его, изъ колѣна Іудова, но взявшемъ на Себя одного грѣха всего міра, призвавшемъ въ свою церковь вся языки? Равно исполнилось во Христѣ Іисусѣ и предреченіе Іакова о времени пришествія Мессіи. Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ именно во время оскудѣнія въ Іудейскомъ народѣ своихъ князей и вождей. Еще за 35 лѣтъ до Р. Хр. Римляне поставили царемъ надъ Іудеею иноплеменника Ирода, родомъ Идумеянина. Послѣ Ирода царствовалъ въ Іудеѣ сынъ его Архелай. Но чрезъ 10 лѣтъ (въ 12 или 13 году по Р. Хр.) Архелай заточенъ былъ въ Галлію, Іудея стала Римскою областію, управлять ею начали римскіе прокураторы и управляли въ продолженіи всей жизни Іисуса Христа и послѣ до самаго разрушенія Іерусалима Титомъ. Князь и вождь отъ Іуды, очевидно, оскудѣлъ. Слѣдственно настало время явленія въ міръ предвозвѣщеннаго Іаковомъ *Чаянія языковъ*, — время, когда Іудейскій народъ, потерявшій свою гражданскую самостоятельность, лишившійся собственныхъ правителей, долженъ было дать изъ среды себя царя всемірнаго, духовнаго царства. И въ сіе-то время явился въ Іудею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинный Мессія. Но дѣйствительно ли до сего времени не оскудѣвали въ Іудейскомъ народѣ свои вожди и князья, не прекращалось свое правительство? Вотъ отвѣтъ исторіи: колѣно Іудово, подобно прочимъ колѣнамъ начало имѣть своихъ частныхъ князей вскорѣ по исшествіи изъ Египта (Числ. 1, 4—11). Оно имѣло такихъ и по завоеваніи земли обѣтованной (І. Нав. 22, 13. 14). Такъ было до Давида. Въ лицѣ Давида колѣно Іудово возоблададо надъ всѣми прочими, и потомъ, когда при сынѣ Соломона Ровоамѣ послѣдовало раздѣленіе еврейскаго царства на двѣ части—на царство Іудейское, состоявшее изъ ко-

лѣна Іудова и Веніаминава, и Израильское, составившееся изъ 10 колѣнъ, — только въ царствѣ Іудейскомъ до самаго плѣна Вавилонскаго видимъ непрерывный рядъ царей изъ дома Давидова, тогда какъ царство израильское управляемо было преемственно царями изъ разныхъ колѣнъ и династій, пока наконецъ совсѣмъ не уничтожено было Ассирійскими завоевателями за 100 лѣтъ до паденія отъ Вавилонянъ царства Іудейскаго. Но и въ самомъ плѣненіи Вавилонскомъ колѣно Іудово, не переставало имѣть своихъ старѣйшинъ и управлялось своими законами (Дан. гл. 13. Есѣ. 3, 8; 8, 11). По возвращеніи изъ плѣна, Іудеи, хотя внѣшнимъ образомъ зависѣли сначала отъ царей персидскихъ, потомъ отъ Александра Македонскаго и его преемниковъ, царей Египетскихъ и Сирійскихъ, — въ дѣлахъ внутреннихъ продолжали управляться своими князьями и старѣйшинами и жить по законамъ отечественнымъ (1 Езд. 7, 25. 26; 9, 1. Неем. 5, 7), находясь подъ главнымъ вѣдѣніемъ сперва *вождей*, каковы Зоровавель, Ездра и Неемія, потомъ первосвященниковъ. Наконецъ Іудеи свергли власть Сирійскихъ царей и сто лѣтъ имѣли независимыхъ государей изъ племени Маккавеевъ (1 Мак. 8, 20; 12, 6). Правда, правившіе Іудеею Ездра и Неемія, потомъ первосвященники и Маккавеи происходили не отъ чреслъ Іуды, а были изъ колѣна Левіина; но все же господствующимъ колѣномъ, именемъ котораго назывался цѣлый избранный народъ, было не Левіино колѣно, а Іудово, и правители Іудеевъ изъ колѣна Левіина были представителями не своего колѣна, а Іудейскаго народа, къ которому они принадлежали. Даже, подпавши подъ власть Римлянъ, Іудеи всё же въ лицѣ Ирода и сына его Архелая, имѣли своихъ царей, пока наконецъ Іудея послѣ Архелая не объявлена была Римскою областію, управляемою римскими намѣстниками, что было во время земной жизни Іисуса Христа.

По переводу съ нынѣшняго еврейскаго текста разсматриваемое пророчество Іакова читается такъ: «не отъимется скипетръ отъ Іуды и законоположникъ отъ чреслъ его, пока не придетъ Примиритель, и Ему покорность народовъ». Мысль въ этомъ переводѣ яснѣе, чѣмъ въ переводѣ церковно-славянскомъ, сдѣланномъ съ греческаго текста Седмидесяти; но смыслъ въ томъ и другомъ одинаковъ. Ибо въ томъ и другомъ указывается на время пришествія Мессіи и Ему усвоится то, что никому иному не можетъ быть усвоено. Только о Немъ можно сказать, что Онъ есть *Чаяніе языковъ*, или что Ему *покорность народовъ*. Такая покорность Ему предвозвѣщаема была и въ другихъ обѣтованіяхъ ветхозавѣтныхъ. Напримѣръ: *Дамъ ти*, говоритъ Богъ Отецъ Мессіи, *языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли* (Псал. 2, 8). Равно и наименованіе Мессіи *Примирителемъ* соотвѣтствуетъ тому, что въ Ветхомъ Завѣтѣ времена Мессіи изображаются какъ времена мира (Псал. 71; Иса. 11, 1—10), и что самъ Мессія называется *княземъ мира* (Иса. 9, 6).

11. 12. Привязуя къ лозѣ жребя свое и къ винничію жребца ослате своего. Иснереть (*омоеть*) виною одежду свою и кровію гроздія одѣяніе свое. Радостотворны очи его паче вина, и бѣлы зубы его паче млека.

Сими словами обѣщается Іудѣ, въ лицѣ его потомства, вышнее благосостояніе въ землѣ обѣтованной. Именно ко лѣну Іудову, при раздѣлѣ Ханаанской земли, достанется удѣлъ столь обильный виноградомъ, что къ винограднымъ лозамъ и вѣткамъ (*винничію*) будутъ привязывать домашній скотъ, не жалѣя, что привязанное къ нимъ животное можетъ ихъ поломать и попортить, — и что во время собиранія виноград-

выхъ гроздовъ, одежда собирающихъ, обрызганная краснымъ сокомъ ихъ, будетъ казаться омытою въ крови. Дѣйстви- тельно въ удѣлѣ колѣна Іудова были мѣстности, дававшія лучшее виноградное вино во всей землѣ Израильской, напри- мѣръ пустыня Энгедди, Хевронъ, Виледемъ и долина Эсколь. Соглядатаи, посланные Моисеемъ для осмотра Ханаанской земли, срѣзали въ этой долинѣ кисть винограда, которую по причинѣ ея тяжести можно было нести на носилкахъ двоимъ (Числ. 13, 25).—*Радостотворны очи его паче вина и бѣлы зубы его паче млека.* Если жители удѣла колѣна Іудова будутъ смотрѣть весело, веселѣе чѣмъ вкусившіе вина веселящаго сердце человѣка; если изъ раскрытыхъ улыбаемо радости и веселія усть ихъ будутъ видны зубы, бѣлѣйшіе молока: это будетъ служить признакомъ ихъ здоровья и красоты.

На праздникъ Ваиі положено читать разсмотрѣнную па- ремію потому, что содержаніе ея имѣетъ близкое отношеніе къ тому событію, которое составляетъ предметъ этого празд- ника. а) Въ пареміи Іуда изображается пріемлющимъ покло- неніе и похвалу отъ братьевъ, могучимъ и страшнымъ вра- гамъ, какъ левъ. Подобно сему и Господь Іисусъ Христосъ всту- пающій въ Іерусалимъ на ослати въ сопровожденіи уче- никовъ и ликующаго народа, является пріемлющимъ отъ братьевъ своихъ по плоти поклоненіе и хвалебныя восклица- нія, какъ царь и какъ побѣдитель смерти и враговъ своей церкви. Это поистинѣ тотъ побѣдоносный левъ отъ колѣна Іудова, о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ (5, 5). б) Мессія, имѣющій произойти изъ колѣна Іудова, въ пророче- ствѣ Іакова, называется *Чаюніемъ языковъ*. Согласно сему пророчеству, Господь Іисусъ для вступленія въ Іерусалимъ

возсѣлъ на молодое осля, еще не носившее ярма, и тѣмъ образовавшее языкниковъ, не знавшихъ ига закона, ходившихъ по волѣ сердець своихъ, и долго ждавшихъ Спасителя. «Съдѣніе на ослати царя Христа предъизображало,—по ученію Церкви,—претворяемую изъ невѣрія въ вѣру неукротимость языкниковъ» (см. стихиры въ праздникъ Ваій, на *Господи воззвахъ*). Подобное прообразовательное значеніе должно приписать упоминаемому въ пророчествѣ Іакова привязанію ослати къ виноградной лозѣ. Хозяинъ, привязующій осля къ лозѣ, не есть ли образъ Господа Іисуса, приводящаго языкниковъ къ своему духовному винограднику, т. е. къ Церкви, и привязующаго ихъ къ себѣ, какъ животворной лозѣ (Іоан. 15, 1)?

XXXV. Паремія на вечернѣ въ пятокъ 6-й седмицы вел. поста. Быт. 49, 37; 50, 1—26.

Въ сей пареміи повѣствуется о смерти и погребеніи Іакова и о послѣднихъ дняхъ Іосифа.

Гл. 49. ст. 37. Преста Іаковъ завѣщая сыномъ своимъ: и возложивъ Іаковъ нозѣ свои на одръ, умре, и приложися къ людямъ своимъ.

Преста Іаковъ завѣщая сыномъ своимъ. Свою пророческую рѣчь о судьбѣ сыновей своихъ, Іаковъ заключилъ тѣмъ, что завѣщалъ имъ погребсти его въ землѣ Хаваанской въ пещерѣ Махпельской, которую съ прилежащимъ къ ней полемъ купилъ Авраамъ для погребенія Сарры (Быт. 23, 4—20), и въ которой кромѣ ея погребены самъ Авраамъ, Исаакъ, Ревекка и Лія (Быт. 49, 31). Іаковъ утѣшалъ себя тѣмъ, что хоть кости его будутъ лежать въ той землѣ, которую, по обѣтованію Божію, завладѣютъ его потомки. Объ-

явивъ послѣднюю свою волю, Іаковъ замолкъ, *и возложивъ нозъ свои на одръ, умре.* Пророческую рѣчь и завѣщаніе Іаковъ произносилъ сидя на одрѣ, свѣсивъ ноги; но теперь поднялъ ихъ на одръ, легъ и умеръ спокойно, въ мирѣ съ совѣстію, съ сознаниемъ исполненнаго долга и своего назначенія. Это тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ сильнѣе было въ немъ то воодушевленіе, съ какимъ онъ, за минуту предъ симъ, открывалъ дѣтямъ внушенія о ихъ судьбѣ Духа Божія и свою послѣднюю волю. *И приложися къ людямъ своимъ,* — соединился душею съ отшедшими отцами своими и сродниками (Быт. 15, 15. слвч. паремію XXII).

Гл. 50. ст. 1. 2. И припадъ Іосифъ на лице отца своего, плакася горько о немъ, и облобыза его. И повелѣ Іосифъ рабомъ своимъ погребателемъ погребсти отца своего: и погребоша погребатели Исраиля.

Іосифъ припаде на лице отца своего, конечно для того, чтобы закрыть ему очи, какъ Господь общалъ Іакову, утѣшая его (Быт. 46, 4). Подъ погребеніемъ, которое Іосифъ приказалъ устроить для отца своего, разумѣется не перенесеніе тѣла съ обычными церемоніями въ усыпальницу, которое совершено, какъ увидимъ, послѣ, — а собственно приготовленіе къ погребенію. Это приготовленіе состояло въ набальзамированіи. *Погребатели* — классъ людей, занимавшихся этимъ искусствомъ съ цѣлю предохранять тѣла отъ гніенія. Для сей цѣли они употребляли разныя благовонныя смолы и бальзамы, и ими натирали трупы снаружи и наполняли ихъ внутри, для чего предварительно вынимали изъ головы мозгъ чрезъ поздри, а внутренность чрева чрезъ отверстіе въ лѣвомъ боку. Набальзамированное тѣло погружаемо было въ селитру, потомъ обвивалось полотномъ, покрывалось смолистымъ веществомъ, и полагалось въ ящикъ. При-

готовленныя такимъ образомъ тѣла называются муміями, которыя до сихъ поръ находятъ въ Египтѣ. У Египтянъ бальзамированіе имѣло связь съ повѣрьемъ, будто душа не удаляется отъ тѣла, пока оно не сгниетъ. Іосифъ безъ сомнѣнія не раздѣлялъ этого повѣрья, и приказалъ набальзамировать тѣло своего отца единственно для того, чтобы оно во время продолжительныхъ обрядовъ оплакиванія его и перенесенія въ Ханаанъ, не издавало непріятнаго запаха. *Погребатели* (бальзамировщики) были, обыкновенно, люди евободные и за свою работу получали условленную плату. Но у такого вельможи, какъ Іосифъ, они принадлежали къ числу его *рабовъ*.

3. И исполнишася ему четыредесять дней: тако бо исчисляются двіе погребенія. И плакася его Египеть семьдесять дней.

Бальзамированіе Іакова продолжалось сорокъ дней, но оплакиваніе—семьдесять дней, со включеніемъ сорока бальзамированія. *Оплакиваніе* покойника состояло въ слѣдующихъ обрядахъ: мушны и женщины пачкали себѣ лице и голову грязью, ходили по городу съ распушенными волосами, въ дырявыхъ рубищахъ, ударяли себя въ обнаженную грудь, наполняли воздухъ криками крайней горести, удалялись отъ бань, вина, мяса, и всякаго вида нѣги. Египтяне оплакивали такимъ образомъ чужаго для нихъ человѣка единственно изъ уваженія къ своему благодѣтелю—Іосифу.

4. 5. 6. Егда же превдоша двіе плача, глагола Іосифъ къ вельможамъ фараоновымъ, глаголя: аще обрѣтохъ благодать предъ вами, рцйте о мнѣ во уши Фараону, глаголюще: отецъ мой закля мя прежде скончанія своего, глаголя: во гробѣ, егоже ископахъ себѣ въ земли Ханаани, тамо мя погреби. Ныиѣ убо возшедь, погребу отца моего и возвращуся. И рекоша

Фараону по словеси Иосифову. И рече Фараонъ къ Иосифу: взыди, погребни отца твоего, якоже заклѣ ты.

Глагола Иосифъ къ вельможамъ фараоновымъ: рыцѣте о мнѣ во уши Фараону. Поелику Иосифъ, по окончаніи дней общаго плача по Іаковѣ, находилъ нужнымъ лично для себя продолжать оплакиваніе отца своего до погребенія его въ землѣ Ханаанской и ходилъ непричесаннымъ, въ печальныхъ одеждахъ, неумытымъ, и т. п., то ему казалось неприличнымъ въ такомъ видѣ лично явиться къ Фараону съ ходатайствомъ о дозволеніи перенести тѣло Іакова въ Ханаанъ, и какъ всѣ вообще сношенія съ Фараономъ онъ вель въ это время чрезъ другихъ, такъ и для этого ходатайства употребилъ посредниковъ. Равно и Фараонъ чрезъ другихъ передалъ Иосифу свое дозволеніе перенести тѣло Іакова въ землю Ханаанскую для погребенія въ общей семейной усыпальницѣ, въ которой заблаговременно *ископано* Іаковомъ, — приготовлено помѣщеніе для себя.

7. 8. И взыде Иосифъ погребсти отца своего: и совзыдоша съ нимъ вси раби фараоновы, и старѣйшины дому его, и вси старѣйшины земли Египетскія, и весь домъ Иосифовъ, и братія его, и весь домъ отца его, и сродницы его. Овцы же и волы оставиша въ земли Гесемъ.

Въ погребальномъ шествіи съ тѣломъ Іакова участвовали, кромѣ всѣхъ членовъ семейства Иосифова и сродниковъ его, ради почести, *вси раби фараоновы*, т.-е. придворные чины, и *старѣйшины дому его*, т. е. начальники придворныхъ чиновъ, и *вси старѣйшины земли египетскія*, т.-е. высокія особы въ качествѣ представителей всѣхъ египетскихъ государственныхъ и гражданскихъ учреждений. Такъ какъ цѣлю путешествія въ землю Ханаанскую было единственно

погребеніе останковъ Іакова, а не водвореніе въ ней дѣтей и сродниковъ Іакова на жительство, то домашній скоть они не сочли нужнымъ брать съ собою. Оставались также въ Египтѣ малолѣтныя ихъ, какъ сказано въ еврейскомъ текстѣ.

9. И совзыдоша съ нимъ (Іосифомъ) и колесницы и конницы, и бысть полкъ великъ зѣло.

Колесницы и конники понадобились не только для увеличенія торжественности шествія, но также для прикрытія путниковъ отъ нападеній въ аравійской пустынѣ, чрезъ которую лежалъ путь. Отъ этого похоронное шествіе походило на движеніе большаго ополченія.

10. 11. И придоша на гумно Атадово, еже есть объ онъ полъ Іордана, и рыдаша рыданіемъ великимъ и крѣпкимъ зѣло: и сотвори плачь отцу своему семь дней. И видѣша жители земли ханаанскія плачь на гумнѣ Атадовѣ и рѣша: плачь великъ сей есть Египтяномъ: сего ради наречеса имя мѣсту тому Плачь египетскъ, еже есть объ онъ полъ Іордана.

Похоронное движеніе направилось не прямымъ путемъ къ Хеврону чрезъ Филистимскую землю, но болѣе отдаленнымъ и обходнымъ: оно чрезъ Аравійскую пустыню направилось въ Идумсю, отсюда по восточному берегу Мертваго моря достигло восточныхъ береговъ Іордана, и здѣсь остановилось на гумнѣ Атада. Въ направленіи похороннаго шествія нельзя не видѣть пророческаго предуказанія на путь Израильтянъ къ Ханаану по исходѣ ихъ изъ Египта, имѣвшее быть чрезъ 200 слишкомъ лѣтъ, ибо путь сей держался тогоже направленія. На гумнѣ Атадовомъ всѣ участвовавшіе въ похоронномъ шествіи пребыли семь дней, громко оплакивая Іакова. Обычай семидневнаго плача по покойникѣ, собственно Евреевъ, удержался у Евреевъ и въ позднѣйшее время (1 Цар. 31, 13. Сир. 22, 11).

12. 13. И сотвориша ему тако сынове его (*Израиля*), якоже заповѣда ншь. И взяша его сынове его, въ землю Ханааню, и погребоша его въ пещерѣ сугубѣй, юже стяжа Авраамъ, пещеру въ стяженіе гроба отъ Ефрона Хеттеанина, прямо Мамвріа.

Воздавъ на границѣ земли Ханаанской, вмѣстѣ съ Египтянами, послѣднія погребальныя почести Іакову, сыновья его перешли черезъ Іорданъ и дошедши до Хеврона, положили тѣло отца своего въ пещерѣ Махпельской, купленной Авраамомъ у одного Хананейнина въ *стяжаніе гроба*, т.-е. для того, чтобы имѣть здѣсь погребальную усыпальницу. По переводу съ греческаго эта пещера названа *сугубою*, въ томъ смыслѣ, что она или раздѣлена была на двѣ части, одна для погребенія лицъ мужескаго пола, другая для женскаго пола, или же представляла два отдѣленія—внѣшнее и внутреннее: послѣднее было среди перваго и включалось въ немъ. Египтяне, какъ видно, не нослѣдовали за сыновьями Іакова въ предѣлы Ханаанской земли, вѣроятно для того, чтобы своею многочисленностію и воинскою обстановкою не возбудить въ туземцахъ недовѣрія къ своему миролюбію и не вызвать враждебныхъ столкновеній.

14. 15. И возвратися Іосифъ въ Египетъ самъ и братія его, и вси совозшедши погребсти отца его. Видѣвше же братія Іосифовы, яко умре отецъ ихъ, рѣша: да не когда воспомянетъ злобу нашу Іосифъ и воздаяніемъ воздастъ намъ за вся злая, яже показахомъ ему.

По возвращеніи въ Египетъ Іосифа съ братьями, въ полѣднихъ родилось опасеніе за свою безопасность. Они разсуждали, что пока живъ былъ Іаковъ, Іосифъ изъ любви къ отцу щадилъ ихъ. Теперь со смертію Іакова, не стало для

нихъ опоры, не осталось надежды на прежнюю благосклонность къ нимъ Іосифа. Теперь его некому удержать, если вздумаетъ отмстить имъ за злое противъ него дѣло.

16. 17. И пришедше къ Іосифу, рекоша: отецъ твой заклѣ прежде кончины своея, глаголя: тако рцѣте Іосифу: остави имъ неправду и грѣхъ ихъ, яко лукавалъ тебѣ показаша. И нынѣ прѣими неправду рабовъ Бога отца твоего. И плакася Іосифъ, глаголющимъ имъ къ нему.

Братья Іосифа, прося его, чтобы онъ *принялъ неправду ихъ*, т.-е. не воздавалъ имъ за вину ихъ противъ него, указываютъ на два обстоятельства: 1) самъ Іаковъ, передъ смертію, поручилъ имъ передать просьбу его къ Іосифу о прощеніи ихъ (въ предшествующемъ повѣствованіи Моисея впрочемъ не упоминается объ этомъ обстоятельстве); 2) они, братья Іосифа, суть *рабы Бога отца его*, т.-е. чтутъ того же Бога, котораго чтить отецъ его. Такимъ образомъ Іосифъ долженъ быть снисходительнымъ къ нимъ ради уваженія къ волѣ почившаго отца и ради того, что они принадлежатъ къ чителямъ истиннаго Бога, каковыхъ въ это время во всемъ мірѣ было очень немного. Слезы Іосифа, когда онъ слушалъ рѣчь братьевъ, свидѣтельствовали, что онъ тронутъ ею и не мыслить противъ нихъ никакого зла.

18. 19. 20. 21. И пришедше къ нему, рекоша: се мы тебѣ раби. И рече къ нимъ Іосифъ: не бойтеся: Божій бо есмь азъ. Вы совѣщасте на мя злая, Богъ же совѣща о миѣ во благая, дабы было якоже днесь и препитался бы людіе мнози. И рече имъ: не бойтеся, азъ препитаю васъ, и дома ваши. И утѣши ихъ, и глагола имъ по сердцу ихъ.

*И пришедше къ нему, т.-е. братья Иосифа подошли къ нему поближе, ободренные слезами его, свидѣтельствовавшими о его благорасположеніи къ нимъ, — и рекоша: се мы тебѣ раби. т.-е. мы гоговы за нашу вину противъ тебя лишиться свободы и повести на себѣ всю тягость неволи. Отвѣтъ Иосифа долженъ былъ успокоить братьевъ больше чѣмъ слезы его. Не бойтесь, сказалъ онъ имъ, *Божій бо есмь азъ*: я служу тому же Богу, котораго рабами вы назвали себя, и благоговѣя предъ Его судьбами, открывшимися въ обстоятельствахъ моей жизни, почитаю за тяжкій грѣхъ мстить тѣмъ, которыхъ Онъ избралъ въ орудія своей благопромыслительной о мнѣ и о ближнихъ моихъ воли. *Вы совѣщаете на мя злая. Богъ же совѣща о мнѣ во благая, дабы было якоже днесъ и препиталмся бы людие мнози*: вашъ злой совѣтъ противъ меня, совѣтомъ всеблагой, премудрой и всемогущей воли Божіей обращенъ во благо мнѣ, и чрезъ меня во благо многимъ, обязаннымъ мнѣ спасеніемъ отъ голодной смерти. Въ виду столь явныхъ знаменій милостей Божіихъ, открывшихся на мнѣ и чрезъ меня на другихъ, могу ли я быть немилостивымъ къ вамъ? *И рече имъ снова: не бойтесь: азъ препитаю* (прокормлю) *васъ и дома ваши. И утѣши ихъ и глагола имъ по сердцу ихъ*, т.-е. успокоилъ ихъ такую рѣчью, какая именно потребна была по состоянію ихъ сердца, встревоженнаго опасеніями за свою безопасность и чувствомъ тяжелой вины противъ Иосифа.*

22. 23. И вселися Иосифъ во Египтъ самъ и братія его, и весь домъ отца его: и поживе Иосифъ лѣтъ сто десять. И видѣ Иосифъ Ефремли дѣти до третіяго рода. И сынове Махіра, сына Манассіина, родинася при бедрѣхъ Иосифовыхъ.

Поживе Иосифъ лѣтъ сто десять. Семнадцать лѣтъ онъ прибылъ въ Египеть; тридцати лѣтъ явился къ Фараону и толковалъ сны; въ продолженіе осьмидесяти лѣтъ держалъ власть надъ всѣмъ Египтомъ. Велики были искушенія его, когда онъ переносилъ гоненіе братьевъ, рабство, клевету незаконной женщины, злостраданіе въ темницѣ; но эти искушенія были непродолжительны въ сравненіи съ временемъ его прославленія. Къ большому утѣшенію, онъ дожилъ до счастья, обѣщаннаго боящимся и любящимъ Бога,—онъ видѣлъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ. О правнукахъ сказано: *родишася при бедрѣхъ его*, т. е. по рожденіи приняты имъ на колѣни и съ нѣжностію прижимаемы были имъ къ груди своей, какъ-бы усыновленные ему дѣти (Слич. Быт. 30, 2).

24. 25. 26. И рече Иосифъ брати своей, глаголя: азъ умираю, посѣщеніемъ же посѣтитъ васъ Богъ, и изведетъ васъ отъ земли сея въ землю, о нейже клятеся отцѣмъ нашимъ, Аврааму, Исааку и Иакову. И закла Иосифъ сыны Израилевы глаголя: въ посѣщеніи, иже посѣтитъ васъ Богъ, совознесите и кости моя отсюда съ вами. И скончася Иосифъ, сынъ лѣтъ ста десяти: и погребоша его, и положиша въ раць во Египтѣ.

Слава, которая окружала Иосифа въ Египтѣ, не заглушила въ его сердцѣ любви къ странѣ, въ которой онъ родился и обладаніе которою обѣщано было Аврааму, Исааку и Иакову въ лицѣ ихъ потомковъ. Онъ не зналъ, когда и какъ исполнятся эти обѣтованія, но всею душою вѣровалъ, что они непременно исполнятся, и только по этой «вѣрѣ», какъ говоритъ Апостоль, при кончинѣ напоминалъ объ исходѣ сыновъ Израилевыхъ, и завѣщалъ о костяхъ своихъ (Евр. 11,

22). Онъ именно сказалъ братьямъ своимъ, или собственно въ лицѣ ихъ потомкамъ ихъ: «когда посѣтитъ васъ Господь, т.-е. когда придетъ къ вамъ съ Своею милостію, и изъ этой чуждой вамъ страны поведетъ въ землю обѣтованную для водворенія васъ въ ней, тогда возьмите съ собою и мои кости». Иосифъ, какъ и отецъ его Иаковъ, утѣшался мыслию, что хоть кости его будутъ лежать въ той странѣ, гдѣ будутъ жить его потомки, и гдѣ родится и совершитъ спасеніе всего міра Христосъ, Чаяніе не однихъ Израильтянъ, но всѣхъ языковъ. И завѣщаніе Иосифа свято исполнено. Останки его взяты были Евреями при переходѣ изъ Египта и, по водвореніи ихъ въ Ханаанъ, погребены въ Сихемъ (Исх. 13, 19. I. Нав. 24, 32). Тѣло умершаго Иосифа, какъ и тѣло Иакова, было набальзамировано и положено въ *раку*, т.-е. въ ящикъ изъ сикимороваго дерева, который хранимъ былъ, по египетскому обычаю, его потомками въ особомъ покоѣ до времени исхода изъ Египта. Время конечно такъ изсушило набальзамированное тѣло Иосифа, что остались отъ него поистинѣ однѣ *кости*, обтннутыя кожей.

Свящ. В. Нечаевъ.

КОСТИ СУХІЯ

(ІЕЗЕК. гл. 37).

Озаренный Духомъ Божіимъ пророкъ Іезекіиль однажды видѣлъ духовными очами поле, усѣянное костями человѣческими, и обошедъ его кругомъ, нашель, что ихъ великое множество и что онѣ чрезвычайно сухи. «Сыне человѣчъ, оживутъ ли кости сія?» спросилъ его Господь. «Господи Боже, ты вѣси сія,» отвѣчалъ пораженный симъ зрѣлищемъ пророкъ. Тогда Господь далъ ему повелѣніе и силу воззвать ихъ къ жизни. Пророкъ исполнилъ, что заповѣдалъ ему Господь, и взору его представилось новое зрѣлище: по слову его кости начали присоединяться одна къ другой, каждая къ своему составу, потомъ появилась на нихъ кожа и плоть росла, и кожа простиралась вверху ихъ; образовались стройныя человѣческія тѣла, но въ нихъ еще не было духа жизни. Господь повелѣлъ Іезекіилю проречь и о духѣ. Пророкъ исполнилъ повелѣніе; тогда вошелъ въ мертвыхъ духъ, они ожили, стали на ногахъ, и составили многочисленный соборъ.

Въ двухъ явленіяхъ сего видѣнія изображаются два различныя состоянія народа Іудейскаго: подъ видомъ костей сухихъ представляется состояніе плѣннаго народа въ Вавилонѣ, а подъ видомъ оживленія костей, освобожденіе Іудеевъ изъ плѣна.

«Сыне человѣчъ», говоритъ Господь пророку въ объясненіе видѣнія: сія кости весь домъ Израилевъ есть, тѣи бо глаголютъ: сухи быша кости наша, погиге надежда наша, убіени бы-

хомъ». Будучи отведены въ плѣнъ, Іудеи лишились всего, что было имъ дорого. Отечество ихъ было раззорено, земля, на которой они жили, сдѣлалась пустынею, древнее святилище Божіе—храмъ Іерусалимскій было разрушено, общественное Богослуженіе прекратилось, плѣнники могли исправлять одну домашнюю молитву и очень рѣдко читать книги закона Божія въ частныхъ собраніяхъ. Терпя такія тяжкія лишенія, Іудеи могли придти къ мысли, что они отвержены Богомъ, сдѣлались недостойными Его любви и покровительства. Но все внѣшнее, чего лишился народъ Божій, имѣло въ глазахъ его другое высшее значеніе: въ видимомъ онъ учился созерцать славу Мессіи и его царства. Могущее и славное царство, святой храмъ, Іерусалимъ, св. земля—служили для него живыми образами грядущей благодати Христовой. Теперь же всѣ сіи образы были осквернены и попораны врагами. Въ этомъ плѣненіи народъ видѣлъ для себя новое, тагчайшее лишеніе: высшее его благо казалось для него утраченнымъ, лучшія его надежды на обѣтованнаго Мессію, служившія для него источникомъ всѣхъ радостей, казались тщетными; одно глубокое уныніе и безнадежность наполняли его душу. Въ будущемъ для плѣнниковъ не представлялось ничего утѣшительнаго: возстановить когда-либо свою свободу, а вмѣстѣ съ нею возвратить и всѣ тѣ блага, коими они наслаждались, бывъ свободными, Іудеи не видѣли никакой возможности.

Въ такомъ жалкомъ настоящемъ, безъ всякой надежды на лучшее будущее, плѣнники представлялись какъ-бы сухими, безжизненными костями, какъ бы мертвецами, заключенными во гробъ, и не разъ, вѣроятно, вырывалось изъ устъ ихъ: *погибе надежда наша, убіени быхомъ*. Но Богъ, вѣрный завѣту съ избраннымъ народомъ своимъ, чтобы облегчить горькую участь плѣнниковъ Вавилонскихъ, поддержать въ нихъ бодрость духа, чрезъ пророка Іезекіиля подаетъ имъ надежду на

прекращеніе тяжкаго плѣна. «Прорцы, сыне чловѣчь, и рцы, къ нимъ,» говоритъ Онъ тайновидцу: «сія глаголетъ Адонай Господь: се Азь отверзу гробы ваша, и изведу васъ отъ гробъ вашихъ, людіе Мои, и введу вы въ землю Израилеву». Обѣщанное Богомъ исполнилось. Время гнѣва Божія кончилось. Киръ царь персидскій своимъ указомъ даровалъ свободу плѣнному народу и позволилъ возвратиться въ свое отечество. Іудеи оставили ненавистную землю, возвратились въ землю отцевъ; своихъ: вездѣ возстановленъ былъ порядокъ гражданскій, — Іерусалимъ возобновленъ, отеческіе законы вступили въ свою силу, Зоровавель сдѣлался на первый разъ вождемъ и правителемъ освобожденнаго народа. Такимъ образомъ образовалось государство: сухія кости облеклись плотію и связались жилами, недоставало еще духа жизни — возстановленія общественнаго богослуженія, оставленнаго въ Вавилонѣ. Вскорѣ явился и храмъ, а вмѣстѣ съ нимъ и богослуженіе приняло прежній порядокъ. Духъ вѣры и благочестія проникъ и одушевилъ народъ Божій. Избавленіе отъ тяжкаго плѣна, возвращеніе на родную землю, служили для него явнымъ знакомъ возвращающагося благословенія и любви Божіей и оживили и укрѣпили ихъ вѣру и надежду на обѣтованнаго Мессію. Такъ совершилось обѣщанное Богомъ освобожденіе и возстановленіе плѣнниковъ Вавилонскихъ. Сухія кости мертвецовъ ожили и составили многочисленный сборъ — отдѣльное царство. Тѣ, кои говорили: «погибе надежда наша», — очевиднымъ образомъ узнали, что есть Господь спасающій ихъ.

Таковъ прямой смыслъ видѣнія Іезекііля, указанный проку самимъ Богомъ. Но такъ какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ все служило прообразованіемъ новаго благодатнаго царства Мессіи, то и видѣніе Іезекііля, содержа въ себѣ утѣшительное для Іудеевъ предсказаніе объ избавленіи ихъ отъ тяжкаго плѣ-

на, было вмѣстѣ съ тѣмъ знаменіемъ духовнаго возстановленія всѣхъ человѣковъ, имѣвшаго совершиться чрезъ обѣтованнаго Мессію.

Такъ думать побуждаетъ и слѣдующая за симъ видѣніемъ рѣчь пророка: она содержитъ въ себѣ раскрытіе того же предмета, какой и въ самомъ видѣніи. Въ ней говорится также объ освобожденіи Іудеевъ изъ среды языковъ и соединеніи ихъ въ одно нераздѣльное царство; но здѣсь это освобожденіе Израиля изображается въ такихъ чертахъ, кои не могутъ быть приложимы вполнѣ къ возстановленію собственно Іудейскаго народа. Князь ихъ, т.-е. освобожденныхъ, рабъ Божій Давидъ, представляется здѣсь царемъ вѣчнымъ; сами освобожденные будутъ жить на своей землѣ даже до вѣка; заключенный съ ними завѣтъ Божій будетъ завѣтомъ вѣчнымъ и т. д. Все это очевидно указываетъ на церковь Христову, соединяющую въ себѣ освобожденныхъ изъ духовнаго плѣна людей со всего свѣта подъ вѣчнымъ Главою Христомъ, и подъ Его всемогущимъ покровомъ имѣющую продлить свое существованіе до скончанія вѣка.

«Се бѣше поле полно костей человѣческихъ, и се сухи зѣло» — вотъ что видѣлъ Пророкъ Божій. Состояніе всего человѣчества предъ пришествіемъ въ міръ Іисуса Христа было именно таково. Весь міръ походилъ на поле или кладбище, полное костей сухихъ и безжизненныхъ. Какъ среди самаго народа Божія, такъ и внѣ его—въ мірѣ языческомъ было крайнее ослабленіе чистоты религіозной и нравственной. У Іудеевъ пониманіе и исполненіе Закона Божія остановились на одной внѣшности, его буквѣ; истинный духовный его смыслъ былъ забытъ; самое понятіе о благодатномъ царствѣ Мессіи было принимаемо въ смыслъ чувственномъ. Они думали, что Христосъ откроетъ чувственное царство, преисполненное довольствомъ, силою и славою міра сего, и будетъ также чувственно господствовать надъ народами. Въ своей жизни они руководились болѣе преданіями старцевъ; обряды и предписанія закона Божія исполняемы были наружно, лицемерно, безъ сознанія ихъ внутренняго смысла и значенія; свое оправданіе они основывали на одномъ плотскомъ происхожденіи отъ Авраама и не заботились о чистотѣ души.

На ряду съ симъ господствовавшимъ направлениемъ развилось и утвердилось другое — Саддукейское. Саддукеи считали настоящую жизнь существовою цѣлью и назначениемъ человѣка. Предаваться всевозможнымъ удовольствіямъ пока есть время, утопать въ порокахъ и страстяхъ, попирать всѣ священныя права, — было правиломъ ихъ жизни. Такъ въ народѣ Іудейскомъ внутренняя духовная жизнь была убита чисто вѣшною чувственною жизнью, вѣшнымъ безжизненнымъ пониманіемъ и исполненіемъ закона Божія. Въ мірѣ языческомъ свѣтъ истиннаго Богопознанія болѣе и болѣе затмѣвался, и вообще развращеніе нравовъ дошло до крайней степени. Божества языческія умножались; каждое болѣе или менѣе выдавшееся лицо пользовалось уже Божескою честию и входило въ число боговъ. Понятіе о божествѣ было извращено и унижено: боги языческіе предавались свободно страстямъ и порокамъ, какіе свойственны человѣку. Сластолюбіе и жестокость, притѣсненія, раздѣленіе, ненависть, страшное распутство, неслыханная роскошь, дикія увеселенія характеризуютъ язычника въ послѣдній періодъ предъ пришествіемъ Искупителя (Рим. гл. 1-я).

Въ такомъ состояніи находилось человѣчество. Всѣ умирали духовно. Міръ представлялъ однѣ сухія кости, на возстановленіе и оживленіе которыхъ не осталось никакой надежды.

Въ это время на помощь умирающему духовно человѣчеству пришелъ на землю Единородный Сынъ Божій І. Христосъ. Его Божественное ученіе пролило духъ жизни на умиравшее человѣчество. Народы, дотолѣ разсѣянные по всему лицу земли, раздѣленные между собою понятіями, вѣрованіями и правами, погруженные въ глубокій мракъ грѣха, внимая гласу Божественнаго Посланника, начали соединяться между собою одною вѣрою, одною надеждою на Бога, одною любовію, и составили одинъ многочисленный соборъ, одно нераздѣльное тѣло — святую церковь. Благодать Духа Живодавца скрѣпила и утвердила ихъ нераздѣльный союзъ. Оживленные такимъ образомъ Божественнымъ ученіемъ Спасителя и благодатнымъ дѣйствіемъ Всесвятаго Духа люди познали поистинѣ, что есть Богъ, Господь спасающій ихъ.

Священникъ Петръ Румянцевъ.

СТАРЫЙ ІЕРУСАЛИМЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ИНОКА-ПАЛОМНИКА (1857—1860 г.).

Протестанты Іерусалимскіе.

Храмъ для членовъ англо-прусской епархіи.—Александръ и Гобать, англо-прусскіе епископы въ Іерусалимѣ.—Обращеніе Евреевъ и изданіе Библии.—Отношеніе къ англійскому консульству.—Успѣхи американской миссіи.—Прусское консульство.—Протестантскія секты въ Іерусалимѣ.—Характеръ вечернихъ собраній протестантскаго общества.—Отношеніе Іерусалимской миссіи къ партіи Гайчорчменовъ.

Напротивъ такъ называемаго «дома Давидова» или турецкой цитадели «ель-Калагъ» находится протестантская церковь и англійское консульство. Когда Англія и Пруссія предприняли мысль прислать въ Іерусалимъ епископа, какъ-бы общаго представителя протестантизма, то получили позволеніе отъ Порты построить церковь для духовныхъ нуждъ англійскаго консульства. Въ силу этого разрѣшенія воздвигнуть храмъ большой и величественный, для котораго все, даже и самая крыша, привезено изъ Англіи съ большими расходами. Этотъ храмъ, или лучше сказать молитвенный домъ, заключаетъ въ себѣ ту особенность, что онъ не принадлежитъ исключительно ни одному изъ тѣхъ вѣроисповѣданій, на которыхъ развѣтвилось протестанство, но предназначенъ къ помѣщенію всѣхъ членовъ англійско-прусской епархіи. И въ самомъ дѣлѣ онъ такъ великъ, что въ немъ могло бы помѣститься въ десять разъ болѣе народа, чѣмъ сколько протестантизмъ въ Іерусалимѣ можетъ доставить. Протестантскій храмъ, на самомъ вѣздѣ въ Іерусалимѣ, обращаетъ на себя вниманіе совершенно особеннымъ образомъ: онъ стоитъ

одинокю, отдѣльно, на маломъ Сіонѣ; и тогда какъ всѣ другія вѣроисповѣданія христіанскія стараются издревле сколько можно окружить св. мѣсто, для этого храма, построенаго какъ бы только вчера, выбрано мѣсто, которое преданіе, основываясь на свидѣтельствѣ историка Іосифа Флавія, уступаетъ развалинамъ дворца Иродова, — дворца, откуда, по всей вѣроятности, вышелъ приказъ избіенія младенцевъ Вилеемскихъ. Но за то храмъ стоитъ на открытомъ мѣстѣ и на свѣжемъ воздухѣ, а англійская миссія, школа и госпиталь, находящіеся за храмомъ, устроены весьма комфортабельно.

Реформація долго миновала Палестину. Прошло около 4-хъ вѣковъ со времени появленія Лютера (1483 г.), какъ наконецъ протестантизмъ вспомнилъ о жидахъ и отправился на взысканіе ихъ въ Іерусалимъ, тогда какъ онъ имѣлъ ихъ несравненно болѣе подъ рукою у себя въ Европѣ и даже въ самомъ Лондонѣ и Берлинѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что для протестантизма въ этомъ случаѣ шло дѣло не о Гробѣ Господнемъ, ни о пещерѣ Геосиманской, ни о ясляхъ Вилеемскихъ, ни о другомъ какомъ-либо памятникѣ жизни и смерти Богочеловѣка, ибо все это для него не болѣе какъ поддѣльные камни безъ всякаго значенія и цѣны также и теперь, какъ въ первое время реформаціи. Одинъ изъ западныхъ паломниковъ Жерамбъ справедливо замѣтилъ на сей счетъ (1831 года): «поистинѣ удивительная вещь! Греки, католики, армяне, копты, словомъ всѣ христіанскіе народы имѣютъ въ Іерусалимѣ своихъ представителей, голосъ которыхъ возносится непрестанно къ небесамъ въ благодарныхъ мольбахъ за Божественное посланіе на землю Искушителя; одинъ только голосъ не соединяется тамъ съ ними въ сладчайшемъ имени Христа, — голосъ протестанта»....

Первымъ англо-прусскимъ епископомъ въ Іерусалимѣ былъ нѣкто *Александръ* изъ обращенныхъ Евреевъ. Онъ положилъ основаніе еврейскому прозелитизму и, какъ говоритъ общая молва протестантовъ, былъ остановленъ въ своей дѣятельности іезуитами, которые будто бы отравили его. Успѣхи миссіи остановились было совершенно съ его смертію; но для политики протестантскихъ державъ нужна была во что

бы то ни стало своеобразная почва въ Иерусалимѣ: и вотъ въ 1840 году по взаимному соглашенію Англійи и Пруссіи отправлена туда новая протестантская миссія и во главѣ ея поставленъ англиканскій епископъ г-нъ *Гобатъ*, родомъ швейцарецъ, бывшій абиссинскій миссіонеръ. Дѣятельность этой пропаганды доселѣ ограничивается раздаваніемъ Библии и обращеніемъ въ христіанство Евреевъ. Лавочка, въ которой продаютъ Библии и другія изданія лондонскаго Библейскаго Общества на всѣхъ европейскихъ и восточныхъ языкахъ, находится между домами англійскаго епископа и латинскаго патріарха, а площадъка передъ нею уже не разъ служила ареною для ссоръ и дракъ между Иерусалимскими латинянами и протестантами, источникомъ и началомъ которыхъ были религіозные споры. На другія христіанскія вѣроисповѣданія протестантская пропаганда не имѣетъ и врядъли можетъ имѣть какое-либо вліяніе. Случается можетъ быть иногда ей смутить бѣдную душу угнетеннаго бѣдностью феллаха-Араба, но убѣдить не приходится никого. Большая часть православныхъ богомольцевъ, оставляя Иерусалимъ, и не знаютъ вовсе, что есть въ немъ англиканскій епископъ, да еще и женатый, а иные слыша объ этомъ, прямо принимаютъ за плохую шутку. Съ мусульманами трудно имѣть дѣло: пропаганда въ отношеніи ихъ запрещена подъ смертною казнью, и такъ на долю миссіи остаются лишь изгнанники изъ древняго Сіова, то есть, Евреи. Но и здѣсь миссія г-на Гобата, ежели судить по тому, что рассказываетъ о ней въ слухъ самъ англійскій консулъ г. Финкъ, поживаетъ очень бѣдные плоды. Правда, ежегодно посылаетъ она рапорты лондонскому Библейскому Обществу о новообращенныхъ Евреяхъ и отчетъ о числѣ розданныхъ Библий. Книгъ она безъ сомнѣнія роздаетъ много, хотя нигдѣ ихъ не видать, ибо напр. греческая патріархія, отобравъ отъ своихъ прихожанъ въ разное время до 30,000 экз. греческихъ и арабскихъ Библий лондонскаго перевода, предала ихъ публичному сожженію какъ еретическія (по доказанной неправильности перевода); также поступаютъ съ этими изданіями латины и армяне. Что же касается до новообращенныхъ Евреевъ, число

ихъ пока еще не велико; а сверхъ того, по словамъ г. Финка, эти обращенія почти безъ исключенія чистая спекуляція: какъ только неопитъ получить прибыль, какую по его предварительному разсчету должно ему принести Евангеліе, онъ возвращается снова къ Талмуду. Бывали примѣры нѣсколько разъ повторявшагося обращенія одного и того же лица; отступничество новообращенныхъ имѣло мѣсто даже въ самый часъ ихъ смерти, даже въ самомъ англійскомъ госпиталѣ. Для того, чтобы имѣть право поступить въ него, жидъ, дѣлался протестантомъ, но видя, что смерть неизбежна, звалъ раввина, чтобы вынесли его оттуда жидомъ и похоронили въ Иосафатовой долинѣ. Да и нечему дивиться: въ Іерусалимѣ можно сражаться вѣрою, преданіемъ, даже фанатизмомъ; но оружіе, которое употребляетъ прозелитизмъ протестантскій, взятое изъ арсенала философіи, скептицизма и индифферентизма, — слишкомъ слабо для Востока. Ко всему этому можно добавить, что посылка г. Гобата въ Іерусалимъ и вся его миссія встрѣтила весьма сильную оппозицію въ извѣстныхъ англійскихъ сектахъ, которая отразилась даже въ парламентскихъ преніяхъ. Споръ объ этомъ былъ употребленъ какъ оружіе противъ министровъ и еще не разъ можетъ повториться. Каждый шагъ г. Гобата слѣдятъ весьма внимательно, и это обстоятельство полагаетъ строгія границы его миссіонерской ревности. Онъ долженъ, какъ выразился одинъ протестантскій писатель, прежде чѣмъ начнетъ дѣйствовать, имѣть въ виду какъ бы устранить «горячія уголья политической отвѣтственности, которая лежитъ на немъ». Несмотря на это надобно полагать, что г. Гобату легче бываетъ выходить изъ затрудненій политическихъ, нежели религіозныхъ, ибо онъ по общему отзыву чловѣкъ разумный, ученый, знаетъ хорошо Востокъ и его обычаи, говоритъ на нѣсколькихъ восточныхъ языкахъ. Онъ женатъ, имѣетъ четырехъ дочерей, которыя извѣстны въ Іерусалимѣ, какъ отличныя наѣздицы.

Отношенія епископа съ англійскимъ консуломъ весьма странны, чтобы не сказать болѣе. Послѣдній очевидно плохо вѣритъ въ его епископскія права, а чтобы показать ему свою власть, однажды арестовалъ его домашнимъ арестомъ, отъ

имени англійской королевы. Въ другой разъ, когда г. Гобать не хотѣлъ вѣнчать какой-то свадьбы, консулъ послалъ къ нему своего драгомана напомнить ему, что онъ г. Финкъ самъ докторъ богословія, а это значило, что если г. Гобать не обвѣнчаетъ, то онъ г. Финкъ самъ обвѣнчаетъ особъ, о которыхъ шло дѣло.

Гораздо успѣшнѣе, ибо независимѣе, дѣйствуютъ миссіонеры—протестанты американскіе, въ которыхъ и православные и Латины имѣютъ сильныхъ соперниковъ, ибо эти дѣйствуютъ не столько силою убѣжденій религиозныхъ, сколько силою денегъ, которыя расточаютъ щедро, помогая единично и цѣлымъ селеніямъ и городамъ. Большая часть этихъ миссіонеровъ сами техники, доктора, учителя и т. п.

Прусскій консулъ, г. Розень, особенно благоволитъ къ Евреямъ и показываетъ отеческую о нихъ заботливость. Подъ его покровительствомъ находится община *діакониссъ*, содержимая на средства какой-то центральной нѣмецкой миссіи и помѣщающаяся вмѣстѣ съ *школою* въ домъ устроенномъ за городомъ на юго-западномъ склонѣ Сіона; близъ дома на обдѣланной нарочито для сего террасѣ помѣщается протестантское кладбище, на коемъ погребенъ предмѣстникъ г. Гобата, первый протестантскій епископъ, упомянутый Александръ. Надъ могилою его поставленъ красивый памятникъ. Въ домѣ прусскаго консульства устроенъ небольшой пріютъ для бѣдныхъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, проживающихъ въ Иерусалимѣ.

Несмотря на относительную малочисленность протестантовъ въ св. градѣ, здѣсь можно встрѣтить представителей едва не всѣхъ сектъ, на которыя распался протестантизмъ съ теченіемъ времени. Больше другихъ—*субботниковъ*, которые, числясь протестантами (дабы пользоваться имущественнымъ покровительствомъ Англичанъ), втайнѣ празднуютъ субботу и придерживаются другихъ еврейскихъ обрядовъ; между послѣдователями этой секты, кромѣ прозелитовъ изъ Евреевъ, есть и природные Нѣмцы. *Перекрещиванцы* (абабаптисты) также имѣютъ здѣсь своихъ послѣдователей. Недавно появилась здѣсь новая секта такъ называемыхъ *аминчиковъ*, которые считаютъ особенно важнымъ въ Евангеліи

лишь то, что подтверждается повтореніемъ слова *аминь*. Основателемъ ея былъ вѣкто *г. Пикъ*. Онъ прибылъ въ Іерусалимъ съ мыслию основать для своихъ послѣдователей колонію въ древней Моавитской землѣ—за Іорданомъ (которая, по его толкованію одного мѣста изъ пророческихъ книгъ, лишь одна спасется въ наступающій день страшнаго суда), но убѣдясь на мѣстѣ, что это невозможно, пропалъ безъ вѣсти; а межъ тѣмъ, увлеченные его бреднями нѣскольکو нѣмецкихъ семействъ изъ ниже-рейнскихъ провинцій, прибыли въ Іерусалимъ и за свое легковѣріе едва было не заплатились голодною смертію. Но Нѣмцы находчивы: поосмотрѣвшись вокругъ, они, протѣсь съ своими религіозными мечтами, обратились къ дѣйствительности и открыли въ Іерусалимѣ кондитерскую. Одинъ сумасшедшій и вмѣстѣ богатый Англичанинъ, поселясь недалеко отъ англиканской церкви въ совершенномъ одиночествѣ и считая себя посланнымъ на созваніе въ Іерусалимъ Евреевъ со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, — въ знакъ своего посольства ежедневно выходитъ на крыльцо своего дома и трубить въ трубу, а чтобы болѣе увѣрить Евреевъ въ своей симпатіи къ нимъ и сблизиться съ ними, этотъ господинъ обрѣзался по закону еврейскому.

Бывшіе на вечерахъ *г. Финка* имѣли случай видѣть Іерусалимское протестантское общество. По ихъ разсказамъ на эти вечера сходится около 40 мушинъ и женщинъ; собраніе ихъ разительно походитъ на англійскія собранія пѣтистовъ, такъ что съ перваго взгляда можно даже забыть, что это въ Іерусалимѣ. Каждый изъ лучшихъ городовъ Англій имѣетъ подобныя собранія. На всѣхъ столикахъ разложены Библии разныхъ изданій; бесѣды обращаются постоянно около предметовъ библейскаго содержанія; разсужденія и диспуты слѣдуютъ тому же самому направленію, о чемъ впрочемъ сердечно соболѣзнуетъ впервыхъ самъ хозяинъ дома, человекъ веселаго характера, который всю цѣль миссіи, какъ въ отношеніи пришельцевъ, такъ и въ отношеніи Евреевъ, трактуетъ весьма легко и шутивно. Прибавьте къ этому убійственную монотонность, отличающую англійскія общества, и вы будете имѣть полное понятіе о вечернихъ собраніяхъ іеру-

салимскихъ протестантовъ. Прусскій консулъ г. Розень (изъ нѣмецкихъ Евреевъ) несравненно болѣе г. Фивка занятъ Евреями и нерѣдко посѣщаетъ Наплузъ, древній Сихемъ, по поводу еврейскихъ празднествъ.

Протестантская перковь и домъ епископа, по выше сказанному, занимаютъ то самое мѣсто, гдѣ стоялъ прежде дворецъ Ирода и три башни, которыя онъ же построилъ вблизи своего жилища въ честь Гиппія, своего друга, Фазаала, своего брата и Маріанны, изъ рода Маккавеевъ, своей жены, которую онъ въ послѣдствіи погубилъ. Титъ по взятіи Іерусалима приказалъ пощадить эти три башни, чтобы онѣ свидѣтельствовали о могуществѣ еврейскаго народа; судя по этому онѣ должны были быть величественными; но во исполненіе пророчества, что не останется въ Іерусалимѣ камня на камнѣ, башни эти наравнѣ съ прочими городскими зданіями сдѣлались добычею пламени, вопреки волѣ побѣдителя, и теперь нѣтъ и слѣда ихъ.

Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ нынѣшней іерусалимской англо-прусской протестантской миссіи къ партіи гай—чорчменовъ въ Англіи. Въ то время какъ отправлялась въ Іерусалимъ новая Англиканская миссія подъ начальствомъ г-на Гобата (въ 1842 году), глава партіи гай—чорчменовъ докторъ *Пюзей*, профессоръ Оксфордскаго университета, питая подобно всѣмъ членамъ этой партіи высокое уваженіе къ православной церкви, въ письмѣ своемъ къ архіепископу Кентерберійскому умолялъ своего примаса не давать этому епископу полномочія обращать православныхъ въ англиканство и даже не принимать тѣхъ, которые сами вздумали бы перейти въ него. Весьма замѣчательны слова его по этому поводу, въ которыхъ онъ выражаетъ свое горячее желаніе соединенія съ православною церковію. «Каждая попытка къ обращенію, говоритъ онъ, или всякое посягательство на принадлежащихъ къ православной церкви, въ которой они крещены, будетъ неизбѣжно разстраивать всякое намѣреніе къ соединенію съ этою церковію. Мы знаемъ сами, какъ горька потеря нашихъ дѣтей, которыхъ у насъ похищаетъ наша соперница (т.-е. римская церковь). Можемъ

ли мы думать, что другая мать, видя своихъ дѣтей также похищаемыми, чувствуетъ эту глубокую скорбь менѣе, чѣмъ на ша? Между тѣмъ мы должны имѣть въ виду свои собственныя цѣли. Нашъ епископъ не можетъ въ одно и то же время содѣйствовать и единенію и расколу; мы не можемъ и желать пріобрѣсти матеръ и похищать ея дѣтей, не можемъ быть и друзьями и врагами. Нельзя считать въ одно и то же время православную греческую церковь и православною и инославною; одна только ересь могла бы объяснить отдѣленіе отъ нея чадъ ея. Возобновленное сношеніе съ Востокомъ есть кризисъ въ исторіи нашей церкви; это волна, которая должна унести насъ впередъ, или, если мы не сумѣемъ воспользоваться ею, страшно отодвинуться назадъ. Если путь, предлагаемый намъ Господомъ, будетъ пренебреженъ, то долгое время мы тщетно станемъ усиливаться достигн. собственными силами того, что такъ легко могло бы совершиться при Его помощи. Богатство милости, которая оказывается намъ, должно возбуждать тревожное опасеніе, чтобы не потерять ее; сердце трепещетъ при мысли, что должно открыться такое событіе, каково воссоединеніе нашей церкви со здоровою вѣтвію церкви католической. Ахъ, если мы посмотримъ, что мы такое въ самомъ дѣлѣ, то нельзя не опасаться за успѣхъ дѣла; вѣдь этотъ разрывъ братскаго единенія нельзя урочевать при господствующемъ среди насъ самодовольствѣ^(а); нѣтъ, онъ можетъ быть исцѣленъ только слезами—во вретипцѣ и пеплѣ.

«И открылся Іосифъ братьямъ своимъ, и упадъ на выю Веніамина брата своего плакася надъ нимъ; Веніаминъ плакася на выи его. И облобызавъ всю братію свою, плакася надъ нимъ (Быт. 45, 15)». Но во всякомъ случаѣ для насъ достаточно было бы увидѣть это соединеніе когда-нибудь, лишь бы только не наши заблужденія были виною этой отсрочки. А пре-

(а) Которое, замѣтимъ мимоходомъ, и внушаетъ, обходя прямой и законный путь соединенія, посредствомъ смиреннаго сознанія въ своихъ заблужденіяхъ и возвращенія въ лоно матери церкви черезъ ихъ отверженіе, измышлять нѣчто небывалое и непрочное, а потому и неудобопріемлемое, каковъ путь «общенія посредствомъ таинствъ», не одинаково совершаемыхъ и не одинаково понимаемыхъ.

пятствія и козни сатаны, нужно думать, будутъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше и выше самый даръ» (См. Православ. Собесѣдникъ 1861 г. мѣсяцъ апрѣль, статья: Оксфордская школа, или такъ называемый пюезизмъ въ Англіи.).—Замѣтимъ, что еще въ 1844 году насчитывалось въ Англіи до 9000 однихъ духовныхъ, усвоившихъ оксфордскія начала, равно какъ и большая часть лицъ изъ высшихъ круговъ общества. Но говоря собственно о іерусалимской англо-прусской протестантской миссіи, справедливость требуетъ замѣтить, что тамъ начала эти еще не успѣли проникнуть, да и самая цѣль миссіи «политически-религіозная», гдѣ политика занимаетъ первое мѣсто, а религіозная цѣль служитъ щитомъ ея,—не представляетъ почвы для высшей, сердечной цѣли партіи гай-чорчменовъ. Но если суждено восторжествовать въ англійскомъ обществѣ началамъ оксфордской школы, то можно ли искать лучшаго мѣста для осуществленія этихъ цѣлей, какъ св. градъ, гдѣ находится мать церквей—православная церковь Іерусалимская? И какихъ благопріятныхъ результатовъ можно было бы ожидать для православнаго Востока отъ такого счастливаго событія, какъ соединеніе церкви православной съ англиканскою, но соединеніе *искреннее*, на твердыхъ каноническихъ началахъ основанное, а не то, легкое и призрачное, которое предлагается намъ нынѣ и которымъ *легко* могла бы воспользоваться англійская политика для закрѣпленія искусственно поддерживаемаго ею доселѣ рабства и ига нашихъ собратій—восточныхъ христіанъ! До настоящаго времени на Востокъ еще не сдѣлано ничего Англичанами, чтобы расположить въ свою пользу православную церковь и ея бѣдствующую паству: вѣроятно потому-то и іерусалимская англо-прусская протестантская миссія, преслѣдуетъ лишь однѣ политическо-религіозныя цѣли и ищетъ своихъ си, чуждаясь не только соединенія, но и братски христіанскаго общенія съ представителями православныхъ церквей греческой и русской, которыя и въ свою очередь не могутъ быть вполнѣ мирны къ ней въ виду тѣхъ ея дѣйствій, отъ которыхъ своевременно предостерегалъ ее сердечный голосъ доктора Пюеза.

Іерусалимскіе Евреи.

Число ихъ.—Наружность.—Образъ жизни.—Три еврейскихъ общины.—
Госпиталь.—Мѣсто плача іерусалимскихъ Евреевъ.

Напротивъ описанныхъ выше хижинъ прокаженныхъ (въ Армянскомъ кварталѣ) лежитъ еврейскій кварталъ *Гаретъ-ель-Ягудъ*, стѣсненный между горою Сіономъ и мѣстомъ, гдѣ прежде стоялъ храмъ Соломоновъ. Разсчитываютъ, что еслибы весь городъ былъ населенъ такъ густо, какъ этотъ кварталъ, то Іерусалимъ имѣлъ бы до 100,000 жителей. Но вопросъ: сколько жидовъ въ Іерусалимѣ? разрѣшить въ точности нельзя. Въ Турціи нѣтъ народныхъ переписей, а хотя бы и были, извѣстно, что точная цифра еврейской численности остается доселѣ неуловимою, при всѣхъ стараніяхъ правительства опредѣлить ея. Итакъ, по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, какія можно было собрать на мѣстѣ, оказывается, что во всей Палестинѣ находится отъ 8 до 10000 Евреевъ, большая часть которыхъ проживаетъ въ Іерусалимѣ. Докторъ Шульцъ предлагаетъ слѣдующую таблицу еврейскаго народонаселенія: въ Іерусалимѣ было ихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ 7120; въ Хевронѣ—400; въ Сафетѣ или древней Бетуліи 400; въ Тиверіадѣ—300; въ Наплузѣ, древнемъ Сихемѣ—150; въ Шаврамѣ—75; всего 8445 муж. пола.—Коль скоро потомки Израиля умѣли, даже на сѣверѣ, такъ хорошо сохранить свой типъ, то надобно бы ожидать, что на Востокѣ онъ еще сильнѣе долженъ бросаться въ глаза, какъ сохранившійся во всей своей силѣ и чистотѣ. Это и дѣйствительно такъ, но сіе замѣтиѣ въ Каирѣ, нежели въ Іерусалимѣ: здѣсь черты лица Евреевъ не отличаются особымъ единообразіемъ, какъ тамъ. Это происходитъ отчасти отъ того, что Евреи іерусалимскіе вовсе не потомки первоначальныхъ обитателей Іерусалима, но почти всѣ пришельцы. Сюда стекаются Евреи изъ всѣхъ концовъ свѣта обыкновенно уже въ старыхъ лѣтахъ, для того, чтобы, какъ говорятъ они сами, умереть на землѣ отцовъ своихъ и быть погребенными въ долину Іосафатовой.

Они ходятъ въ той самой одеждѣ, въ какой прибыли сюда, пока она не изнасится совершенно, что обыкновенно про-

должается довольно долго; тогда только надѣваютъ восточное платье. Всѣ соглашаются съ тѣмъ, что имъ не везетъ въ Иерусалимъ, что нѣтъ здѣсь ни торговли, ни заработковъ. Большая часть ихъ живетъ вспоможеніемъ, присылаемымъ единовѣрцами и родными тѣхъ странъ, изъ коихъ они переселились и за немногими исключеніями, вообще бѣдны. А однакоже твердятъ всѣ и единогласно, что уже не возвратятся, ибо пришли умереть здѣсь въ землѣ имъ обѣтованной.

Нѣкоторые паломники-писатели справедливо замѣчаютъ, что Евреи въ Иерусалимѣ какъ-бы измѣняютъ свою натуру: они не шныряютъ здѣсь взадъ и впередъ по цѣлому городу, и почти не увидишь ихъ нигдѣ болѣе, какъ только въ ихъ кварталѣ, да и тотъ несмотря на густоту своего населенія въ обыкновенное время походить на пустыню; рѣдко появится фигура изможденнаго годами и горемъ старца, или худой какъ скелеть женщины въ нищенскихъ рубищахъ, или группа грязныхъ донельзя ребятишекъ, безпечно играющихъ у порога полуразвалившейся лачуги. На этихъ узкихъ улицахъ царствуетъ нечистота во всей своей силѣ: кучи навоза, разная падаль, соръ и другія нечистоты окружаютъ бѣдныя хижины, а мѣстами попадаются пустыри и развалины, поросшіе терніемъ. — Иерусалимскіе Евреи раздѣляются на три общины: 1) *Сафардимъ*. — Евреи испанскіе, которые считаются коренными иерусалимскими евреями, хотя время ихъ переселенія въ Иерусалимъ извѣстно въ 1500 году; 2) *Ашкенасы*. — Евреи переселенцы изъ Польши, западныхъ губерній, изъ Пруссіи, Австріи и другихъ государствъ Германскаго союза; и наконецъ 3) Евреи — *Караймы*. Каждая изъ этихъ общинъ имѣетъ свои отдѣльныя синагоги, и не говоря уже о караимахъ, которыхъ весьма немного, и двѣ первыя общины различаются между собою нѣкоторыми религіозными вѣрованіями. Испанскіе Евреи зажиточнѣе ашкенасовъ, почему и синагога ихъ отличается лучшимъ устройствомъ. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ большихъ комнатъ; посреди каждой возвышается мѣсто въ родѣ каедры, окруженной балюстрадой для учителей закона; кругомъ скамьи; у передней стѣны мѣсто для храненія «книгъ закона» (Пятокнижіе Моисеево), между

которыми, какъ слышно, есть и весьма древніе списки. Они накатываются на особую скалку съ ручками. Одно изъ этихъ книгохранительныхъ отдѣленій отдѣлано лучше и богаче другихъ на счетъ какого-то благотворителя.

Ашкеназы строятъ большую синагогу съ куполомъ на подобіе храма; она уже оковчена вчервъ, но внутри остается еще не отдѣланною по недостатку средствъ; мѣсто подъ нее пріобрѣтено ими при помощи бывшаго русскаго генеральнаго консула Сиріи и Палестины г. Базили. Есть также двѣ или три семьи *караимовъ*, которымъ по проискамъ прочихъ Евреевъ турецкое правительство не позволяетъ доселѣ строить синагоги снаружи, и они имѣютъ подземную, которую относятъ къ отдаленной древности. Они, какъ и у насъ въ Крыму живущіе, отличаются отъ талмудистовъ чрезвычайною опрятностію и меньшимъ фанатизмомъ въ отношеніи къ христіанамъ. Караимы, подобно Армянамъ, признаютъ своимъ покровителемъ Россійскаго Императора, и во время своихъ богослуженій возносятъ за него молитвы, которыя я самъ видѣлъ напечатанными въ русскомъ буквальномъ переводѣ въ ихъ молитвенникахъ (книги вѣнскаго изданія), а на стѣнѣ алькова, служащаго для пріема почетныхъ гостей, въ квартирѣ ихъ раввина на первомъ планѣ красуется портретъ нашего Государя Императора и Императрицы.

Изъ еврейскихъ благотворительныхъ заведеній заслуживаетъ вниманія по своему устройству госпиталь Ротшильда. Онъ находится въ завѣдываніи медика изъ русскихъ (виленскихъ) Евреевъ, служившаго некогда ординаторомъ въ одномъ изъ нашихъ русскихъ военныхъ госпиталей въ Царствѣ Польскомъ, — а потому и этотъ новоустроенный госпиталь внѣшнимъ порядкомъ и опрятностію весьма походитъ на Русскіе военные госпитали, не имѣя при томъ ихъ общеизвѣстныхъ недостатковъ. Больница эта помѣщается въ самой глубинѣ еврейскаго квартала; путь въ нее лежитъ мимо старой еврейской синагоги, стоящей на единственной площади этого квартала; неподалеку отъ нея — больница. Войдя въ ворота, вы очутитесь на открытой площадкѣ, защищенной сверху отъ солнечныхъ лучей парусинымъ вавѣсомъ; площадка эта слу-

жить для прогулки больнымъ, которые и проводятъ на ней большую часть дня; на нее выходятъ непосредственно двери изъ разныхъ отдѣленій или комнатъ, составляющихъ больницу. Мы были введены докторомъ сначала въ небольшую продолговатую комнату; на срединѣ ея письменный столъ, на которомъ лежатъ отчетныя книги; изъ нихъ видно не только все прошедшее, но и настоящее состояніе госпиталя. Разсматриваніе этихъ книгъ можетъ доставить истинное удовольствіе любителямъ порядка; у стѣнъ этой комнаты поставлены шкапы, въ которыхъ хранятся полныя принадлежности всего необходимаго для родильницъ и дѣтей, пожертвованныя г-жею Ротшильдъ въ пользу бѣдныхъ Евреекъ. Противъ дверей шкапъ съ книгами для чтенія больнымъ. Надѣво отъ входа у двери *Аронъ*, родъ шкапа на ножкахъ, въ коемъ хранится свитокъ Пятикнижія Моисеева, написанный на пергаментѣ, и книга Есеиръ, которую обыкновенно читаютъ въ богослужбныя собранія Евреевъ. Эта комната служитъ въ одно и то же время и канцеляріей, и библіотекой, и хранительницею вещей, и синагогой. Тутъ же на стѣнѣ виситъ таблица, на которой написаны имена членовъ дома Ротшильдовъ, принимаемыхъ во время молитвенныхъ собраній, какъ благотворителей больницы. Отсюда мы были введены въ одну изъ палатъ, гдѣ лежатъ больные: чисто, свѣтло, опрятность удивительная, заслуживающая тѣмъ большей похвалы, что неопрятность домашняя составляетъ, какъ извѣстно, характеристическую черту еврейскаго быта. По обѣимъ сторонамъ комнаты по 4 кровати на каждой. Крайнюю отъ входа занималъ старикъ почтеннаго вида, — по справкѣ оказалось, что это Еврей изъ Алеппо; по лѣвую сторону изъ 4-хъ кроватей три были заняты русскими евреями: двое изъ Каменецъ-Подольской губерніи; изъ нихъ одинъ выбылъ изъ Россіи уже 30 лѣтъ тому назадъ, но еще довольно чисто говоритъ по-русски и показывалъ непритворную радость, что имѣетъ случаи бесѣдовать съ русскими. Кровати желѣзныя складныя; каждая снабжена тюфякомъ, двумя подушками, чистымъ бѣльемъ и фланелевымъ одѣяломъ; у каждой кровати столикъ или письменный шкафчикъ по образцу нашихъ военныхъ госпиталей;

на столѣ стоитъ вся оловянная посуда, для каждаго больнаго особая, и двѣ бутылочки: для наружнаго и внутренняго лѣкарства. Родъ болѣзни написанъ мѣломъ на жестяной досчкѣ, привинченной къ изголовью кровати; сверхъ того у каждой кровати написано имя того изъ семьи Ротшильдовъ, на чей счетъ содержится кровать (больница всего на 18 кроватей). На наружной и внутренней сторонѣ дверей надписи изъ книгъ Ветхаго Завѣта, напримѣръ: «азъ Господь твой поражу и исцѣлю». Въ женской половинѣ больницы царствуютъ та же чистота и порядокъ. Рядомъ съ женской палатой помѣщается аптека; ею завѣдуетъ аптекаръ также изъ русскихъ Евреевъ, учившійся въ Марсели во Франціи. Кухня съ плитой также содержится въ неукоризненной чистотѣ, и наконецъ комната для прислуги. Осмотрѣвъ госпиталь во всѣхъ подробностяхъ, мы возвратились въ комнату, съ которой начать былъ осмотръ, здѣсь докторъ предложилъ намъ заглянуть въ настольную книгу, въ которую записывается подробно, сколько въ теченіи года было въ госпиталѣ человекъ больныхъ. откуда, какого возраста, званія, рода занятій, болѣзнь; сколько и чего именно издержано по госпиталю. Словомъ, желающій можетъ видѣть изъ этой книги, ведущейся съ нѣмецкою аккуратностію, состояніе госпитальнаго хозяйства во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Минутному посѣтителю конечно нельзя судить о достоверности сообщаемыхъ такою книгою свѣдѣній; но одно уже то, что всѣ эти свѣдѣнія на лицо и съ обязательною готовностью предлагаются любознательнымъ посѣтителямъ, заслуживаетъ благодарность и возбуждаетъ желаніе, чтобы и другія благотворительныя заведенія послѣдовали этому примѣру. Тутъ же лежитъ и другая книга для записыванія именъ посѣтителей и ихъ отзывовъ о состояніи больницы. Книга эта испещрена англійскими и нѣмецкими подписями. Больница содержится на проценты съ 15,000 франковъ суммы, внесенной на этотъ предметъ братьями Ротшильдами. Завѣдуетъ ею докторъ получающій кромѣ квартиры 1000 руб. сер. жалованья; больныхъ бываетъ въ годъ среднимъ числомъ отъ 500 до 600 чел., въ томъ числѣ собственно русскихъ евреевъ до 160 человекъ.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ еврейскаго квартала. Это мѣсто такъ называемаго *плача Иерусалимскихъ Евреевъ*. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ угловъ еврейскаго квартала, гдѣ зданія его примыкаютъ къ зданіямъ окружающимъ Омарову мечеть, сохранилась часть стѣны, по мнѣнію евреевъ и по наружнымъ признакамъ, принадлежащей къ оградѣ древняго Иерусалимскаго храма. Дѣйствительно если не вся стѣна, то два нижнихъ ряда камней, изъ которыхъ сложена она, несомнѣнно принадлежать къ числу камней древней еврейской постройки; нѣкоторые изъ нихъ длинною болѣе сажени. Иерусалимскіе евреи дорогою цѣною купили себѣ у турецкаго правительства право собираться (по пятницамъ) къ этой части стѣны, чтобы здѣсь оплакивать и свое древнее величіе, и свое настоящее униженіе. Посѣтивъ однажды изъ любопытства это мѣсто въ určenное время, я засталъ на немъ толпу евреевъ обоего пола: одни изъ нихъ жадно цѣловали завѣтные камни, другіе ударялись въ нихъ головою, третьи стояли или сидѣли неподвижно у завѣтной стѣны, вперивъ въ нее взоры, — большая же часть раскачиваясь и толкая въ стѣну, пѣли псалмы голосомъ, въ которомъ слышалась безнадежная печаль... Надъ всею толпою носился раздирающій душу гулъ, который слагался изъ воплей, рыданія и громко произносимыхъ молитвъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что далеко не всѣ участвовавшіе въ этомъ срядѣ были одушевлены равнымъ чувствомъ: старцы дѣйствительно казались проникнутыми воспоминаніемъ дней давно-минувшихъ и проливали слезы, въ искренности которыхъ нѣтъ особой причины сомнѣваться; но многіе другіе раскачиваясь, толкая въ стѣну и участвуя голосомъ въ общемъ пѣніи, въ то же время закинувъ назадъ голову, посматривали на посѣтителей, и такимъ образомъ очевидно было, что большинство участвующихъ въ этомъ заказномъ плачѣ исполняетъ лишь обязательный обрядъ.

Но какъ бы ни было, а все тяжело смотрѣть на это исполинское горе отверженнаго (хотя и не до конца) народа; становится грустно и невольно хочется обратиться къ этой толпѣ съ словами одного современнаго проповѣдника: «о Изра-

иль! невѣріе содѣлало тебя убійцею Христа; оно разсѣяло тебя между народами, — и только вѣра, вѣра въ Распятого тобою Назарянина можетъ ввести тебя въ твое древнее наслѣдіе и возвратитъ ему первобытный блескъ и величіе» (Карль Спуржонъ см. Пр. Обзорѣніе кн. 1. 1861 года стр. 125). И точно больно сердцу слышать эти раздирающіе вопли, зная, что имъ не суждено быть услышанными тамъ, куда они стремятся, хотя и мы вѣримъ, что «останокъ Израиля спасется», но не черезъ пришествіе ожидаемаго имъ Мессіи, а черезъ общеніе съ нами вѣрою въ Пришедшаго, Страдавшаго, Погребеннаго и Воскресшаго въ третій день по писаніямъ ..

Не одни іерусалимскіе Евреи оплакиваютъ свою древнюю славу: «о Сіонъ! зываетъ одинъ изъ лучшихъ еврейскихъ поэтовъ раввинъ Бенъ-Егуда, когда оплакиваю твой упадокъ, то плачу гробовымъ воемъ шакала....., а когда мечтаю о возвращеніи изъ плѣна, то звуками арфы, которая нѣкогда вторила твоимъ божественнымъ пѣснямъ... Ахъ, отчего же душа моя не можетъ носиться надъ тѣми мѣстами, гдѣ Богъ явился твоимъ пророкамъ?... Дай мнѣ крылья, и я повесу къ твоимъ развалинамъ остатки моего сердца... обниму нѣмые скалы..... оботру чело мѣ святой прахъ!.... О, какъ бы пріятно было ступать необувленными стогами по развалинамъ твоего храма, — тамъ, гдѣ нѣкогда отверзлась земля для пріятія въ свое лоно ковчега завѣта съ его херувимами.... Сорву съ головы моей эти ничтожныя украшенія и прокляну судьбы за то, что онѣ разсѣяли по лицу земли невѣрныхъ, твоихъ благочестивыхъ чтителей... Могу ли отдаться наслажденіямъ этой жизни, видя, какъ пси терзаютъ твоихъ львенковъ, — очи мои убѣгаютъ отъ дневнаго свѣта, чтобы не смотрѣть на врановъ, расклѣвывающихъ трупы твоихъ орлятъ... Чаша страданія уже исполнена, — дай отдохну хотя на одну минуту, ибо всѣ жилы мои наполнились желчью.... Остановись! дай вспомнить *Околу* (Самарію), и dokonчу горькой напитокъ; позволь еще хоть кратко помечтать о *Околубѣ* (Іерусалимѣ), и тогда осушу чашу до самаго дна ея....».

О ЗНАЧЕНИИ ВПЕЧАТЛЕНІЙ

РАННЯГО ДѢТСТВА ВЪ ДѢЛѢ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.

Сказаннаго нами о причинахъ развитія въ дѣтяхъ лживости ^(а) достаточно, чтобы понять, почему такъ часто встрѣчается между дѣтьми ложь въ разныхъ ея видахъ. Сначала дѣти лгутъ невольно по требованію взрослыхъ, ихъ окружающихъ, а потомъ мало-по-малу привыкають говорить ложь и для собственной выгоды, для удовлетворенія собственнаго желанія, и доходятъ иногда въ этомъ до замѣчательной изобрѣтательности: смотря по обстоятельствамъ, они умѣють искусно притвориться, разыграть ту или другую роль, накинуть на себя какую угодно личину; не знаемъ ли мы, какъ иногда дѣти искусно разыгрываютъ роль больныхъ; какъ, не зная урока, умѣють представить себя знающими при помощи разныхъ уловокъ, напр. подсказыванья, при помощи подставленной книжки и т. п.; не видимъ ли, какъ иногда они бываютъ почтительны и скромны въ глазахъ учителя, а за спиной дѣлають ему гримасы; не знаемъ ли, какъ они принимаютъ видъ набожности, простодушія, какъ они умѣють прикинуться разтроганными, испуганными, какъ они умѣють оправдать себя какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ и т. д? Все это они

(а) См. март. книжку.

дѣлаютъ или для того, чтобы избавиться наказанія, или чтобы заслужить похвалу учителя, или чтобы удачною ложью вызвать одобреніе, удивленіе, смѣхъ товарищей.

Какъ скоро ребенокъ пристрастился ко лжи,—отношенія между нимъ и воспитателемъ извращаются, и дѣло воспитанія становится почти невозможнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что воспитаніе возможно только при искреннихъ, откровенныхъ по возможности отношеніяхъ между воспитателемъ и воспитанникомъ, когда можно видѣть, что совершается въ душѣ послѣдняго, какія желанія и стремленія—добрыя или дурныя—волнуютъ его душу, какія побужденія управляютъ его дѣйствіями, какія преобладающія свойства его характера и пр. Только обладая такими свѣдѣніями, воспитатель можетъ правильнымъ образомъ установить свои отношенія къ воспитаннику и ожидать успѣха отъ своей дѣятельности; только при этомъ онъ имѣетъ возможность возбуждать и поддерживать все доброе въ душѣ ребенка и избирать для этого сообразныя съ его свойствами, а потому самыя лучшія, средства; только при этомъ онъ успѣшно можетъ противодѣйствовать развитію злыхъ стремленій и склонностей въ его душѣ. Но какъ скоро воспитанникъ утратилъ искренность и правдивость и привыкъ лгать предъ воспитателемъ, дѣло воспитанія становится весьма труднымъ: на душѣ ребенка лежитъ покрывало, препятствующее видѣть ее въ настоящемъ свѣтѣ. Благодаря лжи и притворству воспитанниковъ, какъ часто воспитатель ошибается и дѣйствуетъ неправильно! какъ часто дурныхъ воспитанниковъ онъ считаетъ хорошими! какъ часто дурныя склонности дѣтей остаются для него незамѣтными и безпрепятственно развиваются въ дѣтской душѣ! какъ трудно бываетъ ему опредѣлять мѣру строгости и снисходительности, узнать, какія средства пригоднѣе для того или другаго воспитанника въ извѣстномъ случаѣ!

Далѣ привычка ко лжи ослабляетъ въ человѣкѣ стремленіе къ нравственному совершенству. Въ дѣтствѣ и отрочествѣ, пока не вполне развитъ умъ и нравственный характеръ, проявляющійся въ любви ко всему честному, благородному, не приобретено истинное пониманіе своихъ обязанностей и отношеній, — человѣкъ обыкновенно дѣлаетъ добро, исполняетъ честно свои обязанности больше еще подъ вліяніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ побужденій; напр. ребенокъ исправно учится не потому, что онъ чувствуетъ любовь къ наукѣ, или понимаетъ значеніе умственного образованія, а больше потому, что родители желаютъ этого, и онъ, боясь огорчить ихъ, усердно занимается тѣмъ или другимъ предметомъ, или потому, что стыдно ему получить названіе лѣниваго и неисправнаго ребенка, или онъ боится подвергнуться наказанію за неискренность и лѣность и т. п. И вотъ подъ вліяніемъ того или другаго побужденія, а иногда всѣхъ вмѣстѣ онъ преодолеваетъ свою лѣность, усиливаетъ свою энергію и оказывается исправнымъ въ томъ, чего отъ него требуютъ. Но если ребенокъ привыкъ лгать, притворяться, обманывать своихъ родителей и воспитателей, то всѣ эти побужденія оказываютъ на него недостаточное дѣйствіе именно потому, что у него всегда есть надежда вывернуться посредствомъ лжи изъ непріятнаго положенія, въ которомъ онъ могъ бы очутиться вслѣдствіе своей неискренности; какой-нибудь выдумкой онъ надѣется успокоить своихъ родителей, смягчить ихъ гнѣвъ, прикрыть какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ свою лѣность и ускользнуть отъ ожидавшаго его наказанія. И чѣмъ больше онъ привыкъ ко лжи, чѣмъ искуснѣе пользуется ею, тѣмъ чаще, разумѣется, онъ будетъ достигать посредствомъ лжи своихъ дурныхъ цѣлей; а чѣмъ чаще будетъ удаваться ему безнаказанно уклоняться отъ исполненія своего дѣла, тѣмъ слабѣе будетъ у него стремленіе къ честному ис-

полнеію своихъ обязанностей, къ истинному нравственному усовершенствованію. Въ немъ развивается дурная привычка дѣлать каждое свое дѣло какъ-нибудь и въ то же время прикрывать свою неисправность благовиднымъ предлогомъ, — привычка пренебрегать честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, соединенная съ стремленіемъ и умѣньемъ сохранять вѣдшее благоприличіе. При такомъ фарисейскомъ настроеніи возможно ли истинное нравственное усовершенствованіе? Привыкая лгать предъ другими, онъ наконецъ начинаетъ обманывать и самого себя; онъ начинаетъ довольствоваться своей вѣдшей исправностью; какъ бы неисправенъ ни былъ онъ, какъ бы небрежно ни относился къ своимъ обязанностямъ; но если при этомъ соблюдено вѣдшее приличіе, все благополучно сошло съ рукъ, онъ бываетъ вполне доволенъ собою, считаетъ себя вполне благороднымъ и честнымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ по мѣрѣ того какъ ослабѣваетъ стремленіе къ истинному нравственному усовершенствованію, развивается привычка довольствоваться однимъ вѣдшимъ благоприличіемъ.

Что же выйдетъ изъ такого человѣка по достиженіи имъ зрѣлаго возраста, когда ему придется вступить въ жизнь общественную и принять на себя исполненіе различныхъ обязанностей? По всей вѣроятности, изъ него образуется самый неисправный, гнилой членъ общества. Всѣ общественныя отношенія утверждаются главнымъ образомъ на вѣрномъ и неуклонномъ исполненіи разнообразныхъ обязательствъ, въ которыя люди вступаютъ между собою и исполнять которыя они обѣщаются предъ Богомъ, своей совѣстью и предъ людьми. Можно ли ожидать честнаго и неуклоннаго исполненія обязанностей отъ лжеца, — человѣка, у котораго слово и дѣло никогда не сходятся между собою, который привыкъ не держаться своего слова и заботиться объ исполненіи сво-

ихъ обязанностей настолько, насколько это необходимо для соблюденія внѣшняго благоприличія, внѣшней исправности? Слову своему онъ не привыкъ придавать особеннаго значенія; отъ суда людскаго онъ защищается ширмой благоприличія. Что же касается суда своей совѣсти,—голосъ ея такъ часто былъ пренебрегаемъ имъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, что потерялъ всякое значеніе и силу въ глазахъ такого человѣка.

Указанныя нами вредныя послѣдствія лживости могутъ служить вполнѣ достаточнымъ побужденіемъ подумать о томъ, какими средствами можно противодѣйствовать развитію въ дѣтяхъ привычки ко лжи. Что это за—средства, можно отчасти видѣть изъ того, что сказано нами выше о впечатлѣніяхъ дѣтства, развивающихъ въ дѣтяхъ привычку ко лжи. Но теперь займемся этимъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего и больше всего надобно предохранять дѣтей отъ первой лжи. Искренность дѣтей, отвращеніе ихъ отъ лжи вѣрнѣе всего могутъ предохранить дѣтей отъ лжи, пока дѣтское чувство истины сохраняетъ свою неприкосновенность и цѣломудріе. Пусть родители и воспитатели остерегаются оскорблять искренность дѣтей неправильнымъ подозрѣніемъ; пусть они помнятъ, что дѣти иногда говорятъ неправду не потому, что желаютъ обмануть другихъ, а потому, что они въ первое время часто произносятъ слова для упражненія и усвоенія себѣ дара слова, а не для выраженія определенной мысли и желанія; что они нерѣдко говорятъ неправду только потому, что не вполнѣ еще овладѣли значеніемъ словъ и формами языка, а иногда кажущаяся ихъ лживость происходитъ отъ преобладанія ихъ живаго воображенія надъ разсудкомъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ надобно терпѣливо и спокойно исправлять ошибку и неточность дѣтскихъ выраженій и не дѣлать дѣтямъ гнѣвныхъ обличеній во лжи. Надобно удалять отъ дитяти все, что можетъ соблазнить, расположить дитя

сказать первую ложь. Если несомнѣнно извѣстно, что ребенокъ совершилъ какой-нибудь проступокъ, напр. потерялъ или разбилъ какую-нибудь вещь, то не надобно спрашивать его объ этомъ такъ, какъ будто вы еще не вполне вѣрно знаете, что онъ совершилъ извѣстный проступокъ, или какъ будто проступокъ, имъ совершенный, есть нѣчто невѣроятное, невозможное для дитяти. Чтобъ отнять у дитяти всякую мысль о лжи, всякую надежду при помощи лжи увернуться отъ необходимости сознаться въ своемъ проступкѣ, надобно произносить обвиненіе прямо и рѣшительно. Не надобно требовать отъ дитяти быстрого отвѣта, когда можно опасаться, что оно можетъ сказать неправду тотько по недостатку пониманія и сообразительности, между тѣмъ какъ оно осталось бы вѣрнымъ истинѣ, еслибы ему дали время одуматься. Въ тѣхъ случаяхъ, когда навѣрное можно ожидать, что на нашъ вопросъ дитя отвѣтитъ ложью (первою); тогда лучше совсѣмъ не спрашивать дитяти и совсѣмъ оставить безъ обличенія то или другое его дѣйствіе.

Едвали нужно упоминать о томъ, что сами родители, воспитатели и вообще взрослые, окружающіе дѣтей, не должны говорить никакой лжи въ его присутствіи даже въ видѣ шутки, не должны высказывать сочувствія и одобренія никакой лжи, никакому обману, даже самымъ остроумнымъ и забавнымъ, а тѣмъ болѣе внушать имъ-мысль, что бываютъ въ жизни обстоятельства, когда ложь бываетъ позволительна, законна и необходима, и что умные и разсудительные люди пользуются ею въ различныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Не нужно наказывать дѣтей за ихъ искренность, откровенность, хотя бы она не нравилась намъ, ставила насъ въ неловкое положеніе: здѣсь больше и чаще виноваты мы сами съ нашей ложью, чѣмъ простодушныя и откровенныя дѣти. Не нужно требовать отъ дѣтей выполненія различныхъ усло-

вій и приличій такъ-называемый свѣтской жизни; не нужно заставлять ихъ говорить о чувствѣ радости, любви, благодарности, печали, соболѣзнованія, когда навѣрное извѣстно, что на самомъ дѣлѣ въ душѣ ихъ вѣтъ и тѣни этихъ чувствъ; подобное принужденіе есть не что иное, какъ прямое приученіе къ пустымъ, хоть и вѣжливымъ фразамъ, приученіе къ лицемерію и притворству.

Вотъ вкратцѣ нѣсколько правилъ, необходимыхъ для предохраненія дѣтей отъ лжи. Но какъ нужно дѣйствовать, когда ребенокъ оказался виновнымъ во лжи? Если ребенокъ произнесъ ложь въ первый разъ, чувствуетъ себя неправымъ, смущеннымъ и, замѣтно, въ душѣ своей раскаивается въ ней; въ такомъ случаѣ лучше пощадить чувство ребенка, а не обличать его лжи. При такихъ обстоятельствахъ, ставя себя предъ судомъ своей совѣсти, ребенокъ разсматриваетъ себя безпристрастно и строго, бываетъ воспріимчивѣе и чувствительнѣе къ обличеніямъ своей совѣсти и подѣ ихъ влияніемъ приходитъ самостоятельно къ рѣшимости — избѣгать лжи на будущее время. Но какъ скоро начинаютъ обличать ребенка въ произнесенной имъ лжи и особенно если дѣлаютъ это слишкомъ сурово и строго, безъ надлежащей внимательности къ различнымъ обстоятельствамъ, смягчающимъ его вину, — къ нравственному его состоянію, къ его самоосужденію и раскаиванію; то можетъ случиться, что придутъ къ совѣтмъ и инымъ результатамъ: ребенокъ, отчасти защищая свою репутацію предъ другими, всячески старается извинить и оправдать себя, голосъ совѣсти и сознаніе своей вины стремится заглушить въ душѣ своей и наконецъ начинаетъ чувствовать больше обиду и оскорбленіе отъ другихъ, чѣмъ вину свою. — Если же необходимо обличить ребенка во лжи, то нужно выражать обвиненіе не въ слишкомъ общихъ и сильныхъ фразахъ, не нужно напр. говорить: «ты лжець»; подобное рѣшительное

обвиненіе было бы тяжело и оскорбительно для ребенка; гораздо благоразумнѣе употреблять въ этомъ случаѣ болѣе снисходительныя и мягкія формы: «ты уклонился отъ истины», и въ крайнемъ случаѣ: «ты солгалъ.»

Если несомнѣнно извѣстно, что ребенокъ произнесъ ложь съ какимъ нибудь расчетомъ; то необходимо наказать его какъ можно чувствительнѣе, чтобъ уничтожить въ немъ всякое поползновеніе къ новой лжи; наказаніе надобно увеличить, когда ребенокъ не только сдѣлалъ какой нибудь проступокъ, но и солгалъ. Но при этомъ надобно остерегаться, какъ бы воспитанникъ не потерпѣлъ наказанія совершенно *невинно*. Чѣмъ тяжелѣе будетъ наказаніе, безъ вины перенесенное, тѣмъ вреднѣе оно подѣйствуетъ на воспитанника: оно возбуждаетъ въ его сердцѣ негодованіе и вражду къ воспитателю, уничтожить уваженіе къ его нравственному характеру, словомъ—разрушить его авторитетъ и уничтожить возможность воспитательнаго его вліянія. Кроме того при назначеніи наказаній за ложь надобно обращать вниманіе на побужденія, заставившія ребенка солгать. Ложь изъ *страха*, ложь по *легкомыслію*, ложь изъ *желанія помочь своему товарищу* по преступности своей далеко не то, что ложь, сказанная ребенкомъ для удовлетворенія какой нибудь дурной своей склонности, напр. мстительности. Послѣдній видъ лжи гораздо преступнѣе и заслуживаетъ несравненно болѣе строгаго наказанія, чѣмъ первые.

Что касается до рода наказаній за ложь; то одни педагоги (Руссо и Кантъ) рекомендуютъ въ наказаніе дитяти, допустившаго ложь, ни въ чемъ не вѣрить ему въ продолженіи извѣстнаго времени. Но противъ этого справедливо говорятъ, что самое это наказаніе будетъ ложью даже въ глазахъ дитяти: можетъ ли ему показаться вѣроятнымъ, чтобъ всѣ его слова стали принимать за ложь единственно потому, что оно разъ

уклонилось отъ истины? Поэтому если и можно прибѣгать къ этому наказанію, то съ осторожностью и осмотрительностію. Въ замѣнъ его другіе педагоги предлагаютъ слѣдующій родъ наказанія: такъ какъ говоря ложь, дитя злоупотребило даромъ слова, то въ въ наказаніе за это надобно осудить его на молчаніе въ продолженіи извѣстнаго срока. Но и это наказаніе не всегда и не вездѣ можетъ быть пригодно: для дѣтей лѣнивыхъ и неразговорчивыхъ оно не будетъ и наказаніемъ, для другихъ оно будетъ чувствительно въ различной степени и потому его можно употреблять только противъ тѣхъ, для которыхъ оно дѣйствительно чувствительно. Противъ закорѣнлаго лжеца лучше всего дѣйствовать пристыженіемъ и осмѣяніемъ его, чѣмъ какими нибудь другими средствами. Что касается тѣлесныхъ наказаній, то ихъ можно употреблять только противъ маленькихъ дѣтей, да и то до тѣхъ поръ, пока другія наказанія, дѣйствующія на нравственную сторону человѣка, еще мало понятны и чувствительны дѣтямъ. Но употребляя тѣлесныя наказанія, необходимо нужно выражать къ нимъ отвращеніе и глубокое огорченіе, — чувства, которыя по простотѣ своей понятны даже и дѣтямъ.

Вообще же для предохраненія дѣтей отъ лжи надобно больше всего внушать имъ, что искренность дороже всего, что откровенность уменьшаетъ даже значительныя проступки, хотя и не освобождаетъ совсѣмъ отъ наказанія; напротивъ ложь и притворство увеличиваютъ тяжесть проступка; что искренность всегда получаетъ награду въ довѣріи, а уклоненіе отъ истины, даже самое малое, наказывается недоувѣріемъ, и чѣмъ чаще дозволяетъ себѣ человѣкъ уклоненіе отъ истины, тѣмъ меньше пользуется онъ довѣріемъ. Но сильнѣе всѣхъ словъ и внушеній можетъ предохранять отъ лжи дѣтей жизнь самого воспитателя, исполненная безупречной правдивости и честности. По этому онъ долженъ поставить себѣ за правило—ни въ

чемъ не уклоняться отъ истины, строго исполнять свои обѣщанія, хотя бы они были ему неприяты и обращать на это вниманіе дѣтей. При этомъ и отъ своихъ питомцевъ онъ долженъ строго требовать, чтобъ и они точно также поступали съ своими товарищами; при разсказахъ о лживости другихъ дѣтей онъ долженъ выражать страхъ и отвращеніе и т. п. Такъ какъ чувства воспитателя неотразимо дѣйствуютъ на дѣтей и поддерживаютъ ихъ непосредственное отвращеніе отъ лжи; то ихъ искренность будетъ сохранена и въ ней воспитатель будетъ имѣть ничѣмъ незамѣнимое воспитательное пособіе.

П. К.

О САМОИСПЫТАНІИ,

КАКЪ ВАЖНѢЙШЕМЪ РУКОВОДСТВѢ КЪ ПОСТЕПЕННОМУ И НЕОСЛАБНОМУ ПРЕСПѢЯНІЮ ВЪ ХРИСТІАНСКОМЪ БЛАГОЧЕСТИИ.

(ОПЫТЪ ПРАВСТВЕННО-АСКЕТИЧЕСКІЙ).

V.

Когда, или сколь часто можно и должно производить самоиспытаніе?

На этотъ вопросъ нельзя дать прямаго и совершенно опредѣленнаго отвѣта. И здѣсь, какъ при употребленіи способовъ самоиспытанія, надобно брать во вниманіе особенныя обстоятельства и нужды каждаго, сообразно которымъ должно совершаться и самое дѣло. Однакожь то несомнѣнно, что чѣмъ рѣже и съ большими промежутками времени будетъ производиться самоиспытаніе, тѣмъ незнакомѣе, такъ сказать, мы будемъ становиться сами съ собою, и тѣмъ труднѣе сдѣлается для насъ это благочестивое занятіе. Притомъ, еслибы намъ потребовалось достовѣрно узнать о томъ, сдѣлались ли мы лучшими (нравственно), или становимся еще худшими: то необходимо имѣть въ соображеніи плодъ и слѣдствіе предшествовавшихъ испытаній, дабы найтись въ состояніи сдѣлать необходимое сравненіе. Но сего сдѣлать невозможно, если приемы наши къ самоиспытанію далеко отстоятъ одинъ отъ

другаго, такъ что испытаніе, произведенное назадъ тому довольно времени, не можетъ быть присущимъ нашему сознанію во время настоящее. Отсюда выводимъ слѣдующее положеніе: самоиспытаніе, какъ дѣйствительное средство къ самоусовершенію, должно быть производимо, сколько возможно, чаще; для чего должны быть устраняемы всѣ препятствія, покоряемы неблагопріятствующія обстоятельства и преодолѣваемо собственное нерасположеніе къ сему душеполезному занятію. Особенно не должно уклоняться отъ самоиспытанія, какъ скоро представляется къ тому удобный случай, или когда сами возчувствуемъ потребность самоиспытанія, будучи къ нему располагаемы тѣми или другими обстоятельствами и временами. Такъ —

а) Часто могутъ располагать и даже невольно побуждать къ самоиспытанію совершенно случайныя обстоятельства въ жизни и благопріятныя, и тѣмъ болѣе неблагопріятныя. Ужели напримѣръ не заставятъ насъ обратить на себя самихъ особенное вниманіе важныя приключенія въ вашей жизни, — перемѣна ли то одного мѣста, состоянія и званія на другое и нашихъ отношеній къ другимъ, неожиданный ли вызовъ къ великимъ предпріятіямъ и дѣламъ, — или тяжкія искушенія, болѣзни и несчастія, равно какъ и различныя опасности въ жизни — то еще угрожающія намъ, то уже безбѣдно миновавшія насъ, опасности, въ которыхъ ясно мы усматриваемъ пути Божественнаго Промысла? Что предъ перемѣною одного званія или мѣста на другое и проч. необходимо самоиспытаніе и вмѣстѣ саморазмышленіе съ молитвою; — въ подтвержденіе этого довольно указать на слѣдующій примѣръ преподобныхъ Паисія Великаго и Іоанна Кóлова. Когда Паисій, возжелавъ безмолвнѣйшаго житія, намѣревался оставить братію и друга своего Іоанна, тогда послѣдній, узнавъ мысли перваго и почувствовавъ всю тяжесть разлуки съ великимъ старцемъ,

хотѣлъ употребить всѣ средства, чтобы удержать его въ скитѣ; но уважая болѣе пользу своего друга, нежели потребность своего сердца, сказалъ ему: «возлюбленный о Христѣ брате! я имѣю на сердцѣ то же, что и ты; столь же усердно желаю единенія, но сомнѣваюсь, отъ Бога ли сей помыслъ. Пагубно будетъ для насъ, если онъ отъ человѣческаго самохотѣнія и не угоденъ Господу. Помолимся Господу: Онъ, по Своей волѣ, устроить наше житіе и подастъ намъ извѣстіе, здѣсь ли намъ пребывать вмѣстѣ, уйти ли въ глубочайшую пустыню; или другъ съ другомъ разлучиться?» (Уч. Благод. ч. V. стр. 80). Не менѣе потребно самоиспытаніе и даже само-собою обращается вниманіе ваше на себя самихъ въ случаѣ тяжкихъ болѣзней и непредвидѣнныхъ бѣдъ и напастей. Кто бывалъ столько не чувствителенъ, чтобы при жестокихъ мученіяхъ болѣзни не приходилъ въ живое сознаніе своей бѣдности и ничтожества, и не обращался съ искреннимъ раскаяніемъ и усердною молитвою къ Богу? Кто изъ благомыслящихъ, внезапно подвергшись какому либо бѣдствію, не сознаетъ своей немощи и безсилія, не обратится къ своей совѣсти для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго своего положенія? Преподобный Петръ Аѳонскій, влача на себѣ тяжкія темничныя узы, не преставаля испытывать совѣсть свою, и, вспоминая дѣла свои, находилъ вину своихъ злостраданій въ себѣ самомъ, именно въ верадѣіи о выполненіи своего обѣта отрещись отъ міра и посвятить себя на служеніе Богу. Посему-то «плакашеса и рыдаше много, окаевая свое верадѣніе, и уничижая себе, яко по достоянію страждуща таковая». (Чет. Мин. Іюнь 21).

Къ приключеніямъ частной жизни каждаго, необходимо заставляющимъ размыслить о себѣ, надобно также отнести необыкновенныя какіи либо приключенія и въ жизни общественной, въ міръ гражданскомъ, — необыкновенныя явленія въ

міръ физическомъ — такія явленія и приключенія, коихъ зло-вредное вліяніе простирается и на благосостояніе каждаго. Чье, напр. сердце не сотрясется и, такъ сказать, не сосредоточится въ себѣ самомъ, дабы возчувствовать внутреннюю свою нечистоту и грѣховность, при ужасахъ опустошительной войны, повсемѣстнаго голода, губительной язвы, или — при внезапномъ появленіи землетрясенія и какихъ либо необычайныхъ знаменій на небѣ? — Поистинѣ, при всѣхъ такихъ приключеніяхъ нельзя не войти внутрь себя человѣку благомыслящелу и не спросить себя съ преподобнымъ Петромъ: «не по достоянію ли и онъ страждетъ таковая», — не по грѣхамъ ли своимъ заслуживаетъ тѣ или другія наказанія гнѣва и правосудія Божія? Между тѣмъ самоиспытаніе, по вызову сихъ и подобныхъ обстоятельствъ, мы можемъ назвать *частнѣйшимъ* и въ собственномъ смыслѣ *случайнымъ*.

б) Есть въ нашей жизни особенныя и постоянныя времена, которыя обяывають насъ къ самоиспытанію болѣе общему, опредѣленному и постоянному. Эти урочныя и благопріятныя для самоиспытанія времена могутъ опредѣляться: 1) нѣкоторыми праздниками святой православной Церкви ^(а), также торжествами, установленными ею въ воспоминаніе особенныхъ благодѣній Божіихъ, явленныхъ намъ когда либо. Здѣсь ли не размыслимъ о томъ, достойны ли мы этихъ благодѣній, можемъ ли пользоваться ими безукоризненно, воздаемъ ли непрестанное благодареніе благодѣющему намъ Господу? 2) Могутъ опредѣляться извѣстными недѣлями предъ великимъ постомъ (т.-е. недѣлями Мытаря и Фарисея, Блуднаго, воспоминанія страшнаго суда), которыя сами собою невольно обращаютъ испытательный взоръ нашъ на себя самихъ. — 3)

(а) Такъ св. Григорій Назіанзенъ говоритъ о себѣ (въ словѣ на Пасху): «въ день таинства, то есть, въ правдикъ Богоявленія удалился я не надолго, чтобы испытать самого себя».

Могутъ и должны опредѣляться постами, установленными св. Церковію для нашего покаянія и исправленія, такъ чтобы намъ, по словамъ св. Златоуста, «не всеу постныя седмицы пробѣгать, но изслѣдовать свою совѣсть и помышленіе испытать, и смотрѣть: что мы въ сей седмицѣ исправили, и что въ оной, что приумножили въ послѣдующей, и какія въ себѣ страсти исправили» (Бесѣд. XI на кв. Быт.). Наконецъ 4) время самоиспытанія частіе и обыкновеніе опредѣляется предварительнымъ съ нашей стороны приготовленіемъ къ устной исповѣди предъ отцемъ духовнымъ и къ причащенію Святыхъ Христовыхъ Тайнъ (1 Кор. 11, 28). Можетъ ли быть искренняя, подробная и съ сердечнымъ сокрушеніемъ соединенная исповѣдь, можетъ ли быть и достойное, съ вѣрою и любовію приемлемое, причащеніе Тѣла и Крови Господней въ Тайнствѣ Евхаристіи, если мы наединѣ сами съ собою не произведемъ предварительнаго, строгаго и подробнаго испытанія нашей совѣсти? ⁽⁶⁾ Впрочемъ —

в) У истиннаго христіанина, долженствующаго непрестанно восходить съ высшему совершенству, не должно проходить и одного дня безъ самоиспытанія. Чтобы намъ имѣть ясное понятіе о ежедневномъ самоиспытаніи, разсмотримъ кратко его сущность и основаніе, необходимость и благотворность. Сущность ежедневнаго самоиспытанія состоитъ въ томъ, чтобы, по окончаніи каждаго дня, давать себѣ предъ судомъ совѣсти строгій отчетъ во всемъ поведеніи дневномъ, ознаменованномъ съ нашей стороны добромъ или зломъ, которое «учинили мы, по словамъ св. Златоуста, или словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ и всѣми чувствами». — «Разберемъ,

(6) Нѣкоторые правоучители, по свидѣт. Рейнгарда, совѣтовали совершать самоиспытаніе во всѣ воскресные дни, по окончаніи каждой недѣли и каждаго мѣсяца. См. System der Christlichen Moral...ч. V. стр. 138.

о душа моя! размышляялъ Златоустый учитель 'самъ съ собою,—разберемъ день сей и посмотримъ, что мы сдѣлали добраго, или что учинили злаго—словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми чувствами; если ты сдѣлала что нибудь доброе,—то принеси благодареніе Богу, а если что учинила злое,—то старайся впредь того не дѣлать» (Бесѣд. 2 на Пс. 50). И не только вселенскіе учителя и всѣ святые подвижники учили и поступали такимъ образомъ, но и благоразумнѣйшіе изъ язычниковъ ^(и), ощущая потребность и понимая цѣну ежедневнаго самоиспытанія, часто говорили и поступали вмѣстѣ съ Сенекою: «я, пользуясь властію надъ собою, ежедневно самъ себѣ даю отчетъ въ моемъ поведеніи. Когда скроется дневный свѣтъ, я пересматриваю самъ съ собою весь тотъ день, испытываю все, что сдѣлано и сказано мною. Я ничего отъ себя не скрываю, ничего не опускаю, ничего не извиняю; ибо для чего мнѣ скрывать, или опускать или извинять предъ собою свои погрѣшности, когда самъ себѣ могу сказать: смотри, впредь сего не дѣлай».—Изъ этого свидѣтельства язычника о себѣ самомъ ясно открывается и то, что основаніе ежедневнаго самоиспытанія глубоко сокрыто въ самой природѣ чело-вѣка, которая, при руководствѣ одного разума, побуждаетъ его къ изслѣдованію собственной совѣсти.—Но есть ли указаніе на ежедневное испытаніе совѣсти въ Св. Писаніи? И поставляется ли сіе испытаніе въ непремѣнную обязанность каждому?

Въ Св. Писаніи нѣтъ яснаго и примаго (буквальнаго) указанія и повелѣнія на ежедневное самоиспытаніе; но для нашего убѣжденія достаточно, если обязанность ежедневнаго испы-

(и) Какъ-то: Пивагоръ (въ Золотыхъ стихахъ), Плутархъ (*de coh. irae*), Цицеронъ, Маркъ Аврелій, П. Секетъ и особенно Сенека (*in Libr. 3. de ira c. 36*) съ прочими стоиками.

танія совѣсти вытекаетъ изъ духа Писанія, которое вообще побуждаетъ къ самоиспытанію, не предписывая въ частности особаго вида онаго. Впрочемъ, не въ томъ же ли Писаніи мы находимъ разительные образцы для подражанія въ ежедневномъ самоиспытаніи? Праведный Іовъ не только самъ испытываетъ себя непрестанно, — не прогнѣвалъ ли чѣмъ и когда либо Господа, и потому взываетъ къ Нему изъ глубины сердца: *колицы суть грѣси мои, и беззаконія моя? научи мя, кака суть* (Іов. 13, 23), — но и другихъ — домочадцевъ своихъ убѣждаетъ, «да кійждо разсмотритъ совѣсть свою испытано, не согрѣшилъ ли что словомъ, или помышленіемъ противу Господа» (Чет. Мин. 6 мая). Царь и пророкъ Давидъ, какъ бы не ощущая бремени царственного управленія, посвящаетъ извѣстные часы дня и ночи на строгое, сокрушенное испытаніе своей совѣсти. Ибо что значать слова его: *измыю на всякую ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. 6, 7)? Или, что выражаетъ бесѣда его съ самимъ Богомъ: *полунощи востахъ исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея*, и еще: *седмерицею днемъ хвалихъ Тя о судьбахъ правды Твоея* (118, 62. 164)?

Быть можетъ, уже на основаніи приведенныхъ словъ псаломѣвца, аскетическіе писатели и отцы церкви предписываютъ всѣмъ и каждому испытывать себя ежедневно *утромъ* и *вечеромъ*, показывая самый образъ такого самоиспытанія. «Люди каждый день, поутру и ввечеру, говоритъ св. Нистерій (другъ Антонія В.), должны размышлять сами съ собою, что сдѣлали они, и чего не сдѣлали угоднаго Богу» (Учил. Благоч. ч. III, стр. 119). «Если ты не въ силахъ всегда входить въ себя, говоритъ другой благочестивый писатель (Ѳом. Кемпійск. въ 1-й кн. гл. 19 о подраж. І. Христу), по крайней мѣрѣ иногда входи, хотя единожды въ день, т.-е. утромъ или вечеромъ. Утромъ расположи, вечеромъ же разбери поведе-

ніе свое, каковъ ты былъ нынѣ на языкѣ, въ дѣлахъ и помышленіяхъ относительно Бога и ближняго». Преподобный Дорофей, въ званіи духовнаго руководителя, такъ бесѣдуетъ съ учениками своими: «отцы сказали намъ, какъ каждый долженъ мало-по-малу очищать себя, т.-е. чтобы вечеромъ каждый испытывалъ себя, какъ онъ провелъ день, и опять утромъ, какъ провелъ ночь, и чтобы, если въ чемъ случилось согрѣшить, приносилъ въ томъ Богу раскаяніе и т. д.» (Слово 2-е: о томъ, «какъ искоренять страсти»). Подобнымъ образомъ поучаетъ еще св. Ефремъ Сиріанинъ: «каждый вечеръ входи въ сердце твое, размышляй и спрашивай самого себя: не оскорблялъ ли я чѣмъ Бога? Не говорилъ ли празднаго слова? Не былъ ли нерадивъ? Не оскорблялъ ли брата своего? Не осуждалъ ли кого-нибудь? Когда уста мои открывались на словословіе душа моя не разсѣивалась ли по міру? Когда чувственность пробуждалась во мнѣ, не услаждался ли я ею? Не былъ ли увлеченъ земными заботами? Если во всемъ этомъ ты понесъ убытокъ: то старайся вознаградить его, воздыхай, плачь, чтобы снова не потерпѣлъ убытка. Поутру опять разсуждай и спрашивай себя: какъ я провелъ ночь свою? Вмѣстѣ съ тѣломъ бодрствовалъ ли умъ мой?» и пр. (См. слово о сокрушеніи сердца въ Воскресномъ Чтеніи за V-й годъ изданія). Но еще подробнѣе разсуждаетъ святой Іоаннъ Златоустъ объ образѣ и удобствѣ дневнаго и особенно вечерняго или ношнаго самоиспытанія. Вотъ нѣсколько мыслей изъ 2-й бесѣды на псал. 1-й. «Есть у тебя свитокъ, въ который ежедневно вносишь расходы твои: равнымъ образомъ пусть совѣсть будетъ у тебя свиткомъ, въ который записывай ежедневные грѣхи твои. Когда ты возляжешь на одръ твой, и никто уже не мѣшаетъ тебѣ: то прежде нежели придетъ къ тебѣ сонъ, положи предъ собою свитокъ—совѣсть твою и вспомни грѣхи твои. Сіе внушаетъ намъ пророкъ, говоря: *гнѣвай-*

тебя и не согръшайте, яже глаголете въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ умилитесь (Псал. 4, 5). Днемъ ты не имѣлъ времени, — ты занятъ былъ или тяжбою, или исполненіемъ порученнаго тебѣ дѣла; тебя развлекали бесѣда съ друзьями, домашнія нужды, попеченіе о дѣтяхъ, забота и множество другихъ дѣлъ. Но когда придешь къ ложу твоему для того, чтобы дать покой членамъ твоимъ, и никто уже тебя не беспокоитъ, никто не докучаетъ тебѣ, скажи въ душѣ твоей: разсмотримъ, душе моя, что мы сдѣлали добраго или худаго въ этотъ день и пр. (Воскресн. Чт. за V г. изд. № 47).

Святые отцы и учителя наши, назначая для ежедневнаго испытанія совѣсти утро и вечеръ, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду ту выгоду, что время утреннее и вечернее наиболѣе способствуетъ исполненію этого долга. *Утромъ*, когда мы менѣе бываемъ развлечены предметами сторовными и духъ нашъ бываетъ спокойнѣе, предварительно можемъ расположить наше поведеніе въ наступающій день и положить доброе начало дневнымъ нашимъ занятіямъ (Іоанна Месона о самопозавіи ч. III гл. I стр. 314), дабы они текли благоуспѣшнѣе. Посему-то, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, «Богови давай начатки дня своего: ибо кому прежде (Богу или діаволу) посвящаются они, того въ тотъ день и будутъ». Нѣкоторый пренаменитый подвижникъ, замѣчаетъ св. Лѣствичникъ, достойное слушанія сказалъ мнѣ слово: «я-де, говорилъ онъ мнѣ, съ утра самага предузнаю, каковы будутъ мои дѣйствія чрезъ все дня того теченіе» (Степ. 26, стр. 133). *Вечеромъ*, и именно предъ отхожденіемъ ко сну, пользуясь свободою и успокоеніемъ отъ дневныхъ занятій и заботъ, встрѣчая окрестъ себя невозмущаемую тишину, уединеніе и безмолвіе ночное, и живо представляя себѣ многознаменательную таин-

ственность наступающаго сна, преобразующаго смерть ^(к), — не удобнѣ ли можемъ мы обозрѣть все наше поведеніе дневное, не лучше ли приготовимся къ смерти и переходу въ жизнь будущую, если бы сонъ и ложе наше содѣлались для насъ (какъ это дѣйствительно случалось со многими) проводниками къ смерти и гробу? Вотъ почему и св. отцы особенно одобряютъ самоиспытаніе вечернее или ночное ^(л)! Вотъ почему и св. Церковь наша законоположила ежедневно читать особенныя молитвы утреннія и вечернія! Каждый внимательный, читая эти молитвы, не можетъ не проникнуться глубокимъ чувствомъ благодаренія къ Богу, умиленія и сердечнаго раскаянія о грѣхахъ своихъ. Но кромѣ того, что сіи молитвы ближайшимъ образомъ направлены и приспособлены къ испытанію нашей совѣсти, онѣ имѣютъ еще ту особенную важность, что руководятъ ^(м) насъ къ испрошенію помощи Божіей,

(к) «Се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ». Мол. св. I. Дамаскина.

(л) Самый планъ ночнаго самоиспытанія указанъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ, послѣ молитвъ на сонъ грядущимъ; а планъ или объемъ ежедневнаго вообще испытанія совѣсти, по свидѣтельству *Бержье* (Diction. Theolog. ч. 1, стр. 727), показанъ разными аскетическими писателями и отцами церкви. Онъ заключается въ слѣдующихъ 5-ти пунктахъ: 1) въ живомъ представленіи вездѣприсутствія Божія и благодаренія Бога за Его благодѣянія, которыя изливаются на насъ непрестанно; 2) въ прошеніи у Него благодатнаго просвѣщенія, необходимаго намъ для познанія и различенія нашихъ недостатковъ и грѣхонаденій; 3) въ приведеніи себя на память всѣхъ нашихъ мыслей, словъ и дѣйствій, нашихъ занятій и обязанностей, дабы видѣть, въ чемъ мы оскорбили Бога и ближняго; 4) въ прошеніи у Бога помилованія и сердечномъ сокрушеніи о содѣянныхъ согрѣшеніяхъ; 5) въ воспріятіи твердой рѣшимости не оскорблять Его впредь, и въ соблюденіи всѣхъ предосторожностей, потребныхъ къ предохраненію себя отъ грѣховъ и къ избѣжанію всѣхъ случаевъ къ онимъ.

(м) Въ число таковыхъ молитвъ входятъ двѣ молитвы св. Злаотуста—одна *днесь*, другая *нощи*, и каждая изъ нихъ состоитъ

«да Самъ Господь, сердца же и утробы испытуяй и сокровенная челоувѣковъ явѣ предвѣдый, даруетъ намъ бодреннымъ сердцемъ и трезвенною мыслию всю настоящаго житія ночь прейти» (Мол. утр. 5-я). Послѣ сего не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что ежедневное самоиспытаніе такъ необходимо, что должно быть непремѣнною обязанностію каждаго истиннаго сына Церкви.

Неоспоримо наконецъ, что самоиспытаніе, производимое утромъ и вечеромъ, или даже, какъ говоритъ св. Дороеей, по прошествіи шести часовъ ⁽⁴⁾, было бы для насъ весьма благотворно въ отношеніи нравственномъ; оно наилучшимъ образомъ содѣйствовало бы намъ въ исправленіи нашего сердца и всей нашей жизни, ибо мы постепенно, мало-по-малу стали бы отвыкать отъ зла и приучаться къ добру. Такъ учитъ о семъ св. Златоустъ: «не прежде, о челоувѣкъ! предавайся сну, какъ по довольномъ и зрѣломъ разсужденіи о томъ, что днѣмъ сдѣлалъ непристойнаго. Когда будешь поступать такимъ образомъ, то въ слѣдующій день, конечно, съ меньшею охотою приступишь къ тѣмъ непристойностямъ, которыя ты содѣлалъ вчера: послѣ сего мало-по-малу, со дня на день будутъ становиться омерзительнѣе тебѣ твои погрѣшности, и ты, безъ сомнѣнія, продолжая ежедневное и тщательное изслѣдованіе дѣлъ своихъ, съ успѣхомъ будешь остерегаться пороковъ, а симъ образомъ непримѣтно прилѣпишься къ добродѣтели..... Итакъ, каждый день вечеромъ требуй самъ

изъ 12 прошеній, по числу часовъ въ суткахъ, быть можетъ, въ ознаменованіе того, что каждый часъ нашей жизни долженъ быть освященъ молитвою и все время земнаго житія должно быть временемъ самоиспытанія и духовнаго бодрствованія.

(5). «Поелнку мы много согрѣшаемъ и грѣхи свои скоро забываемъ и потому еще, что чѣмъ сильнѣе и опаснѣе болѣзнь, тѣмъ скорѣе и чаще должно быть прилагаемо врачество». См. слово его въ Хр. Чт. за 1831 г. ч. XLII.

отъ себя отчета въ дѣлахъ твоихъ» (Бесѣд. на Псал. 4). Въ самомъ дѣлѣ, требуя отъ себя этого отчета, мы, по самой необходимости, должны содѣлаться болѣе осторожными и внимательными ко всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые производятъ на насъ пагубныя грѣховныя впечатлѣнія, ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, которые такъ легко ведутъ насъ ко грѣху и преступленію: одна мысль о томъ, что намъ должно предстать на судъ совѣсти, будетъ невольно предостерегать насъ отъ всѣхъ преткновеній и соблазновъ. Съ другой стороны, яснѣе увидимъ, — успѣваемъ ли въ искорененіи какого либо порока и въ усвоеніи той или другой добродѣтели, — подвигаемся ли впередъ въ своемъ исправленіи, пребываемъ ли въ положеніи одинаковомъ, или все далѣе и далѣе отступаемъ назадъ — ниспадаемъ въ бездну грѣха. Наконецъ, ежедневно истязуя совѣсть свою, мы болѣе и болѣе просвѣтляемъ и животворимъ всѣ нравственныя чувства наши, столь важныя въ дѣлѣ самоиспытанія, то-есть, чувство раскаянія о каждомъ проступкѣ нашемъ, чувство смиренія предъ Богомъ, чувство спасительнаго недовольства самими собою, или чувство собственной немощи и упованія на помощь Божію. Такъ благотворно для насъ ежедневное самоиспытаніе!

«Будемъ же, внимая увѣщанію св. Ефрема Сиріанина, — будемъ тщательно испытывать все наше поведеніе — не только дѣла, но и слова и мысли наши; будемъ усердно разсматривать, какимъ образомъ у каждаго изъ насъ прошелъ каждый день, какой грѣхъ въ теченіе онаго нами совершенъ и какой день проведенъ нами грѣховно, и, по мѣрѣ грѣховъ, постараемся приносить покаяніе; будемъ испытывать свою совѣсть и всячески предостерегать себя, чтобы послѣ возстанія снова не впасть въ ту же бездну грѣха». — Были многіе благочестивые люди, по свидѣтельству свят. Іоанна Лѣствичника (Степ. 4), кои, для вѣрнѣйшаго испытанія своей совѣсти,

записывали въ книжицѣ все то, чего касались даже помысломъ своимъ въ продолженіе дня, и послѣ не только сами все записанное пересматривали, но и предлагали на судъ духовнаго своего руководителя. Но «для тебя, продолжаетъ св. Ефремъ, по крайней мѣрѣ да будетъ совѣсть твоя книжицею, въ которой записывай ежедневныя дѣла твои, и, каждый день, раскрывая ее, смотри, что сдѣлалъ ты добраго или худаго». (Христ. Чт. за 1839 г. ч. IV, стр. 8).

Г. Горскій.

О ХРИСТИАНСКОЙ ИСКРЕННОСТИ И ПРАВДИВОСТИ.

Три бесѣды покойнаго протоіерея М. М. Богословскаго—Платонова.

Бесѣда первая.

Блажені чистіи сердцемъ.

Что должны думать и чувствовать мы, христіанѣ, слыша сію Божественную заповѣдь?—мы, для которыхъ не только высокое состояніе души чистой отъ помысловъ и желаній грѣшныхъ представляется недосызаемымъ, но даже и первоначальное, самую природой внушаемое исполненіе сей заповѣди—быть чистосердечнымъ, прямымъ и правдивымъ кажется дѣломъ рѣдкимъ, не безопаснымъ, чуть не страннымъ въ мірѣ исполненномъ лжи, обмана, притворства, коварства, лести? Что должны подумать о себѣ мы, называющіе себя послѣдователями Христа, Который весь истина,—и не обрѣтется леть во устѣхъ Его, Котораго всякое дѣло есть плодъ живаго убѣжденія, неуклоннаго стремленія совершить волю Пославшаго Его? Что подобное найдемъ мы въ нашихъ рѣчахъ и дѣлахъ, гдѣ убѣжденія такъ поверхностны и измѣнчивы, гдѣ такъ часто прибѣгаютъ къ притворству и обману, то изъ разчета, то изъ боязни, то просто по принятымъ правиламъ и обычаямъ общественной жизни; гдѣ наконецъ искусство жить создало такой противохристіанскій, противоестественный законъ, будто слово дано человѣку не для того, чтобы

открывать, а чтобы скрывать свои мысли? Неужели законъ и примѣръ Божественнаго Учителя нашего даже о правдолюбіи и искренности слишкомъ высокъ и неудобноисполнимъ для насъ? Но вѣдь это законъ природы, и нужно не мало усилій надъ простою, отъ природы правдолюбивою душою, нужно не мало горькихъ опытовъ для того; чтобы изуродовать ее и пріучить къ скрытному и лживому образу дѣятій. Если же этимъ жалкимъ искаженіемъ природы мы обязаны обществу, условіямъ и обычаямъ его быта: то на обществѣ же лежитъ и обязанность сознать всю неправду своего произведенія, убѣдиться въ необходимости отвергнуть его, и дѣятельно общими силами приступить къ тому, чтобы установилась возможность прямыхъ и открытыхъ взаимныхъ отношеній. Или наконецъ это такъ маловажно, такъ маловредно, что не стоитъ труда заботиться объ исцѣленіи или по крайней мѣрѣ облегченіи сего недуга? Но сколько жалующихся на недостатки искренности, на повсюдное господство лжи! Сколько страждущихъ отъ лицемерія и коварства! А чтобы видѣть, какъ это противно въ очахъ вѣчной Истины, — посмотрите на божественный ликъ Спасителя: во всемъ кроткій, ко всему снисходительный, Онъ возмущается до глубины души при видѣ неправды, ищущей своихъ выгодъ; грозно призываетъ Онъ горе на лицемеріе, пользующееся видомъ добродѣтели для пустой славы.

Можно конечно такъ привыкнуть ко всякой лжи, дѣянія ея между нами такъ часты и обыкновенны, что душа перестаетъ возмущаться ими, какъ будто такъ и долженъ быть устроенъ міръ. Но пусть каждый изъ насъ припомнитъ ту свѣтлую пору жизни, когда такъ трудно было произнести лживое слово, даже безъ намѣренія вредить комунибудь, когда такъ трудно было вѣрить, что можно улыбаться, когда плачетъ душа, показывать участіе, когда сердце холодно, хвалить то, что внутренно осуждаешь, удивляться презирая, любить ненавидя. Не при-

шелъ ли бы ты въ ужасъ, еслибы тогда передъ твоей чистой и простой душой предстали въ своемъ нагомъ безобразіи всѣ темныя дѣла лжи, которыя такъ хорошо знакомы теперь, о которыхъ теперь говоришь такъ равнодушно, къ которымъ можетъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ и самъ прибѣгаешь безъ краски на лицѣ и безъ смущенія въ сердцѣ? Что же должно было чувствовать чистѣйшее, полное любви сердце Бога челоуѣка, передъ Которымъ со всѣми тайными подробностями, со всѣми плачевными послѣдствіями раскрыты были неправды челоуѣческія? Сильнѣе, рѣшительнѣе Онъ не нашель чѣмъ осудить ложь, какъ когда назваль діавола именемъ лжи, *яко ложь есть и отецъ лжи*,—это его сущность, онъ источникъ всякой лжи въ мірѣ. Ложь есть исчадіе ада и сѣмя всѣхъ золь на землѣ. Посему-то въ христіанскомъ ученіи запрещается всякая ложь, даже и безвредная. *Тъмже убо отложише всяку ложь, глаголите истину кійждо ко искреннему своему, зане есмы другъ другу удове*, говоритъ апостоль. Она есть извращеніе природы, оскорбленіе Божества, нарушеніе любви и уваженія къ ближнему.

Первое дѣйствіе діавола на землѣ было притворство,—онъ скрывается подъ видомъ змѣя, притворяется не знающимъ заповѣди данной челоуѣку; первое слово его—ложь глубочайшая, пагубнѣйшая: *будете, яко бози*. Не та же ли исторія повторяется каждый разъ, когда скрывается истина и употребляется обманъ для собственныхъ выгодъ и ко вреду другихъ? Не то же ли проклятіе лежитъ на дѣлахъ такого рода? Убіеніе само по себѣ есть тяжкое преступленіе; но когда для него употребляется ножъ отравленный ядомъ, то это адское изобрѣтеніе безмѣрно увеличиваетъ вину; а ложь, къ которой прибѣгаютъ, чтобы или запятнать честное имя ближняго, или предвосхитить предоставляемая ему средства къ жизни, или поколебать вѣрованія его и развратить сердце,—

что все это, какъ не напоенное ядомъ орудіе для духовнаго убійства? Отнимите у людей возможность лгать, — сколько останется у нихъ средствъ вредить другъ другу? Останется развѣ только одно насиліе; но насиліе не вездѣ возможно и притомъ можетъ вредить только тѣлу, а не душѣ.

Но никакая ложь такъ не возмутительна, какъ когда обманываютъ добродѣтелю; никакое притворство такъ не гнусно, какъ лицемѣріе. Слабость, измѣняющая долгу, вслѣдствіе увлеченія или стѣсненныхъ обстоятельствъ, понятна каждому, и при чистосердечномъ сознаніи находитъ извиненіе; даже порочный человѣкъ еще подаетъ надежду на исправленіе, доколѣ таится въ немъ сознаніе своего паденія; еще можетъ уважать добродѣтель если не въ себѣ, то въ другихъ; но кто самую добродѣтель рѣшается обращать въ предметъ лжи и обмана, смотритъ на нее, только какъ на средство для достиженія корыстныхъ цѣлей, принимаетъ видъ ея на себя, какъ актеръ извѣстную роль, равнодушно играетъ добродѣтелю, въ томъ можетъ ли быть хотя искра уваженія къ ней? Есть ли въ такомъ человѣкѣ память о Богѣ всевидящемъ, испытующемъ сердца и утробы? Есть ли вѣра въ Господа — Судію живыхъ и мертвыхъ, Который рано или поздно еще въ этой жизни, и несомнѣнно въ жизни грядущей выведетъ на свѣтъ предъ людьми и ангелами тайная тьмы и объявитъ совѣты сердечные? Знаетъ ли наконецъ лицемѣръ, или, ни во что цѣня вѣру и добродѣтель, онъ можетъ быть и не хочетъ знать, какъ глубоко вреденъ онъ въ обществѣ, подрывая злоупотребленіемъ добродѣтели довѣріе къ ней? Порокъ въ своемъ видѣ мало привлекателенъ; открытое невѣріе отталкиваетъ отъ себя многихъ и, встрѣчая прямое противодѣйствіе, не можетъ далеко простирать свое вліяніе; но ложное, благочестіе, лицемѣрная праведность, избличенныя передъ людьми, увлекаютъ многія души въ погибель, и даютъ силу

невѣрію смѣло возвышать свой голосъ. Одни, въ которыхъ желаніе вѣрить и жить похристіански борется съ естественною слабостію и внѣшними искушеніями, обманутые въ своихъ надеждахъ примѣрами разоблаченнаго лицемѣрія, падаютъ духомъ и теряютъ вѣру въ возможность добродѣтели вообще; другіе, уже потерявшіе ее, указываютъ съ торжествомъ на эти примѣры, громко взывая: «вотъ ваше благочестіе, вотъ ваша честность, невинность, благотворительность, во имя которой вы хотите жертвовать благами этой жизни, боретесь со страстями, вооружаетесь противъ нашего, конечно не высокаго и святаго, но за то прямаго образа дѣйствій!»—И какъ многіе не устоятъ противъ такихъ нареканій, подкрѣпляемыхъ дѣйствительными доказательствами того, какъ обманчива человѣческая нравственность! Знаю многихъ колеблющихся въ православной вѣрѣ только потому, что они видѣли примѣры разоблаченнаго лицемѣрія въ тѣхъ, которые кажутся особенно благочестивыми и обязаны подавать примѣръ благочестія; для другихъ эти примѣры служатъ достаточнымъ оправданіемъ своего невѣрія: таковы плоды лицемѣрія.

Но что же въ немъ есть привлекательнаго, отъ чего многіе рѣшаются избрать такой образъ дѣйствій, унижительный для человѣка, противный Богу, вредный для общества? Добро мнѣніе людей? Но неужели оно такъ дорого, чтобы ему можно было пожертвовать всѣмъ, добродѣтелю, — совѣстью, вѣрою? Стоитъ ли эта цѣль такой трудной, безотрадной, исполненной тревогъ и мученій жизни, какова жизнь лицемѣра? Что это за жизнь, когда должно во всемъ поступать вопреки самымъ естественнымъ желаніямъ! Быть постоянно въ разладѣ съ собой, играть всегда искусственную роль, непрестанно опасаясь, какъ бы не обнаружить себя въ настоящемъ видѣ, — это положеніе фокусника, который только чрезвычайной быстротой движеній и изворотливостію можетъ сберечь свою тайну; это — состояніе

поддѣлывателя монеты, который ни на минуту не можетъ быть покоенъ и увѣренъ, что его преступный подлогъ не открытъ. Ибо нѣтъ тайны, яже не откроется. Можно до известной степени сдѣлаться господиномъ собственныхъ поступковъ, рѣчей, выражений лица, движеній: но нельзя въ той же мѣрѣ господствовать надъ обстоятельствами отъ насъ независящими, нельзя всего предвидѣть, ко всему приготовиться. Какъ часто одинъ невѣрный шагъ, одно неосторожно вырвавшееся слово губитъ многолѣтніе труды лицемеръ! А тогда вмѣсто почтенія, котораго онъ только и домогался, которымъ можетъ быть уже нѣсколько времени пользовался, заступаетъ полное и общее презрѣніе; его судятъ несравненно строже, и малый проступокъ дѣлается предметомъ тяжкаго обвиненія, злыхъ насмѣшекъ. Сколько же нужно вниманія къ себѣ, къ каждому малѣйшему движенію и слову, сколько проникательности, чтобъ узнавать другихъ, степень ихъ ума, привычки, вкусъ? Сколько силы воли, чтобы сдержатъ себя при встрѣчахъ неожиданныхъ, сохранить самообладаніе въ минуты гнѣва, радости или печали? Сколько жертвъ нужно принести, отказываясь отъ удовольствій самыхъ любимыхъ, отъ влеченій сердца самыхъ глубокихъ? Сколько нужно усилій, чтобы заставить молчать самолюбіе? И все это только для того, чтобы люди говорили и думали о насъ хорошо. Можно сказать, что если бы хотя половина такого труда была употреблена на то, чтобы не казаться, а быть дѣйствительно честнымъ, добрымъ, благочестивымъ; то цѣль была бы достигнута, и какая цѣль! самая высокая и священная. А что ждетъ лицемеръ? Достигаетъ ли онъ желаемого, того, чтобы люди думали и говорили о насъ хорошо? Да этого не достигнешь не только лицемерною, но и дѣйствительною праведностію: ибо чѣмъ болѣе люди слышатъ добраго о комъ-нибудь, тѣмъ зорче наблюдаетъ за его дѣйствіями зависть, тѣмъ охотнѣе она вѣритъ клевету.

тамъ, придумываетъ ихъ. Гдѣ же и въ комъ найдетъ себѣ утѣшеніе человѣкъ, обрѣкшій себя на этотъ трудъ казаться людямъ не тѣмъ, чѣмъ онъ есть? Утѣшенія пріязни и дружбы ему недоступны: всегда отъ всѣхъ скрывающійся, онъ не можетъ ни съ кѣмъ близко сойтись, не измѣняя себѣ; всѣхъ опасующійся, какъ соглядатаевъ его душевной тайны, на всѣхъ смотритъ онъ враждебно, подозрительно; пожалуй онъ не задумается выказать тамъ и здѣсь самое живое сочувствіе, самую горячую привязанность: но какъ ни старается онъ придать видъ естественности своему обращенію съ другими, оно всегда останется искусственнымъ, отъ него всегда вѣетъ холодомъ; истинное теплое чувство не красными словами высказывается, — оно даетъ себя слышать и ощущать прямо сердцу, его не замѣнишь ничѣмъ. Всѣмъ чужой по душѣ, лицемѣръ можетъ ли по крайней мѣрѣ въ самомъ себѣ найти внутреннее вознагражденіе за всѣ свои лишенія, заботы и труды? Чувство удовлетвореннаго болѣе или менѣе тщеславія конечно есть пріятное чувство: но это удовольствіе походитъ на кратковременное опьяненіе; боязнь потерять пріобрѣтенную похвалу, первая встрѣча съ людьми, на глазахъ которыхъ приходится дѣйствовать, отрезвляетъ душу, упоенную на минуту тщеславіемъ, требуетъ отъ ней новой изобрѣтательности, новыхъ трудовъ для той же цѣли. А оставаясь самъ съ собою — лицемѣръ не находитъ въ себѣ ничего достойнаго уваженія; ему должно быть противно взглянуть на себя безпристрастно: все доброе въ немъ только личина, весь онъ — красивая наружность, за которой скрывается безобразіе; это гробъ раскрашенный, но полный всякой ничистоты. Такъ безотраднa жизнь лицемѣра, такъ бесплодны всѣ его труды; это игра въ ничто: желая обмануть другихъ, онъ болѣе всего обманываетъ самого себя: ищетъ счастья въ томъ, что приносятъ однѣ заботы, огорченія, лишенія, опасности, печали.

О сколь блаженны сравнительно съ нимъ вы, простые и искренія души! Вы не знаете, даже и представить себѣ ясно не можете того постояннаго страданія, на которое добровольно осуждаетъ себя человѣкъ, желающій казаться лучше, нежели онъ есть. Сохраните это дорогое украшеніе души. Искренность и правота сами въ себѣ содержатъ награду. Блаженіи чистіи сердцемъ.

Беседа вторая.

Ложь, притворство и лицемеріе такъ отягчили жизнь нашу, что рѣдкій изъ насъ не воздыхаетъ объ искренности и прямодушіи, какъ о чемъ-то особенно вождельномъ, какъ о лучшемъ врачевствѣ противъ весьма многихъ язвъ жизни частной и общественной. Но какъ рѣшиться быть прямодушнымъ, когда это можетъ навлечь много скорбей и бѣдъ? Какъ дѣйствовать прямо тамъ, гдѣ и собственное чувство самосохраненія и люди и обстоятельства требуютъ скрытности, приспособленія къ людямъ, нарушенія правды? Знаемъ, какого мнѣнія свѣтъ о людяхъ, простыхъ и правдолюбивыхъ; каждый по опыту знаетъ, многого ли можно достигнуть дѣйствуя всегда по совѣсти, не заискивая, не лстя, не притворяясь, не соглашаясь съ неправдой, не унижаясь. Но что же, Боже праведный, — неужели не для насъ, исповѣдующихъ вѣру твою, данъ законъ твой? Ты на сіе родился на землѣ, чтобы свидѣтельствовать истину и привлечь въ твое царство всѣхъ любящихъ истину: а мы, принадлежащіе къ этому царству, соединенные съ Тобою самыми священными узами, должны жить во лжи, не должны даже и мечтать о возможности правды между нами?

Подлинно ли нельзя христіанину охранить чистоту намѣреній въ своихъ дѣйствіяхъ? Подлинно ли такъ опасна прямота и

правдивость? Чего обыкновенно страшатся люди, рѣшаясь прибѣгать къ лжи и притворству?

Больше всего страшатся правдою вооружить сильныхъ противъ себя. Но это опасеніе иногда простирается слишкомъ далеко, — такъ далеко, какъ безгранично можетъ быть въ человѣкѣ исканіе выгодъ или почестей: иногда уста отверзаются для лести, выказывается притворно уваженіе не только передъ лицами, имѣющими вліяніе на нашу судьбу или положеніе въ обществѣ, но даже передъ всѣми, сколько-нибудь близкими къ нимъ, — передъ рабами рабовъ ихъ; ласкательство и угодничество въ этомъ отношеніи желало бы быть кажется всеобъемлющимъ, а вмѣстѣ съ нимъ и страхъ потерять чье-нибудь расположеніе начинаетъ угрожать отовсюду; и какъ часто симъ пустымъ страхомъ обрекается въ жертву спокойствіе цѣлой жизни! Но чего боишься ты, добровольный мученикъ челоуѣкоугодія? Мученія, постоянно испытываемыя тобою, не тяжелѣ ли тѣхъ потерь, которыя на самомъ дѣлѣ могъ бы ты потерпѣть, дѣйствуя прямо, и которыя большею частію существуютъ только въ твоёмъ воображеніи? Ты гонишься за добрымъ мнѣніемъ, за расположеніемъ людей? Но можетъ ли быть прочно расположеніе, пріобрѣтенное и поддерживаемое обманомъ, и лестью? Какъ ни пріятна лесть слабому челоуѣку; но и онъ не можетъ не сознавать ея лжи; нужно быть гордымъ до глупости, чтобы принимать лесть за правду; а при этомъ возможно ли какое нибудь уваженіе къ льстецу даже въ душѣ самого того, кто служитъ предметомъ лести? Мысленно въ душѣ не отдаетъ ли онъ предпочтенія передъ нимъ челоуѣку прямому, хотя можетъ быть и негодуетъ на него за недостаточное, какъ ему кажется, уваженіе къ себѣ? Пусть угодничество и униженіе открываютъ чаще пути къ счастію; но они не могутъ упрочить счастія: при всякой перемѣнѣ лица и обстоятельствъ приходится искать новыхъ путей, новыхъ по-

кровителей, новыхъ предметовъ идолопоклонства. Между тѣмъ добросовѣстное и прямое исполненіе обязанности, и безъ приправы лести и угодничества, всегда, передъ всѣми имѣетъ цѣну: люди, которые служатъ самому дѣлу, а не лицамъ начальствующимъ, хотя и уступаютъ нерѣдко другимъ въ наградахъ и отличіяхъ, но ихъ нельзя не цѣнить, нельзя не дорожить ими; часто открывается нужда въ такихъ честныхъ труженикахъ; къ нимъ обращаются всякій разъ, когда требуется серьезный трудъ, безпристрастное мнѣніе. Рано или поздно *спяя правду приметъ мзду вѣрну* (Притч. 11, 21). Не лучше ли малое и вѣрное, приобретаемое истиннымъ достоинствомъ и честнымъ трудомъ, нежели многое и высокое, легко достигаемое неправдой и лестью и также легко разрушающееся? Часто жалуются на непризванный талантъ, неоцѣненный трудъ, притѣсняемую правоту; нужно быть очень осторожнымъ, слыша эти жалобы: онѣ ужъ слишкомъ часты, по крайней мѣрѣ несравненно чаще, нежели люди истинно талантливые, трудолюбивые и прямодушные. Не рѣдко человѣкъ терпитъ неудачи и обиды, по его мнѣнію, за свою прямоту, тогда какъ эта прямота не иное что какъ грубость, за которою скрывается самолюбіе. Если подчиненный, сознавая свое умственное превосходство передъ начальствующимъ, позволяетъ себѣ выказывать это оскорбительнымъ обращеніемъ съ нимъ, то можно ли назвать это прямотою? Лесть и грубость одинаково нетерпимы: истина между вами въ приличіи, въ справедливомъ по самому дѣлу уваженіи, если не къ лицу занимающему должность, то къ самой должности; въ умѣнни обуздывать порывы самолюбія и покорять его, если не несправедливымъ распоряженіемъ человѣческимъ, то воля Божіей, исполняющейся во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ человѣческой жизни. Если я знаю недостатокъ тотъ или другой, ту или другую слабость за лицомъ стороннимъ для меня,

на которое я не призванъ прямою обязанностью, да и не могу имѣть нравственнаго вліянія: то правдивость требуетъ ли того, чтобы я всякій разъ выставлялъ ему на видъ его недостатокъ или слабость? Не въ правѣ ли онъ оскорбляться такою неумѣстною откровенностью, этимъ непрошеннымъ учительствомъ? И что удивительнаго, что такой мнимо-правдивый человѣкъ, не находя конечно ни въ комъ полного совершенства, постояннымъ обличеніемъ людскихъ недостатковъ возстановляетъ противъ себя многихъ, которые за этой грубостью естественно уже не видятъ или не желаютъ видѣть его дѣйствительныхъ достоинствъ? Не противъ этой ли ложной правдивости предостерегаетъ Премудрый, когда говоритъ: *не буди правдивъ вельми* (Еккл. 7, 17.)? Можно и должно быть строгимъ судьей только собственныхъ недостатковъ, близко извѣстныхъ намъ; но при видѣ чужихъ пороковъ справедливость требуетъ быть осторожнымъ въ сужденіи, которое можетъ основываться только на видимой, внѣшней сторонѣ дѣла, не прозирая его внутреннюю причину, не зная обстоятельствъ его вызвавшихъ. Между тѣмъ какъ много въ наше время этихъ мнимо-правдивыхъ и громковѣщательныхъ обличителей, которые, желая казаться людьми передовыми, порицаютъ все и всѣхъ, личныя слабости людей и недостатки въ общественныхъ порядкахъ, не уважая никакихъ достоинствъ и заслугъ, намѣренно хвастаясь своими рѣзкими мнѣніями противъ лицъ высшихъ! Подлинно ли это герои правды, искренніе почитатели ея? Нѣтъ, за исключеніемъ неосторожныхъ, которые увлекаются чужимъ примѣромъ и ораторствуютъ съ чужихъ словъ, это большею частію честолюбцы, ищущіе тѣхъ же выгодъ, тѣхъ же высокихъ степеней въ обществѣ, только не прямо, а чрезъ привлеченіе общественнаго мнѣнія на свою сторону; это тѣ же челоуѣкоугодники, которые приспособляются и льстятъ не лицамъ, а идеямъ и стремленіямъ, возбуж-

дающимъ вниманіе своею новостью, производящимъ шумъ въ обществѣ. Трудно сказать, кому больше вреда отъ такихъ членовъ общества, —имъ ли самимъ въслѣдствіе ихъ разлада съ существующимъ порядкомъ и непріятныхъ столкновеній съ людьми, которые держатся этого порядка, —или самому обществу, въ которомъ они все повидимому желали бы перемѣнить къ лучшему, но на самомъ дѣлѣ только подрываютъ довѣріе къ какому бы то ни было порядку, закону и власти.

Есть наконецъ искренность, которая дѣйствительно вредитъ человѣку и притомъ только ему самому, —когда онъ безъ всякаго побужденія всегда и предъ всѣми обнаруживаетъ всю свою душу, безъ всякой нужды высказываетъ всѣ свои мысли, полезныя и пустыя, свои намѣренія, успѣхи и радости, неудачи и скорби. Иные пожалуй готовы назвать такое свойство добродѣтелью, по крайней мѣрѣ сравнительно съ лицемѣріемъ; многимъ оно нравится по той естественной причинѣ, что такой человѣкъ не опасенъ: но въ самомъ ли дѣлѣ это достоинство, а не недостатокъ? Заповѣдь о чистотѣ сердечной обязываетъ ли къ такой безпечной, никому не нужной, откровенности? Можно быть искреннимъ и въ то же время осторожнымъ; можно говорить всегда правду и не быть болтливымъ. Притворствоваться и лукавить безчестно, но и выставять себя и свою жизнь на показъ всѣмъ неблагоразумно. «Иже хранить своя уста, соблюдаетъ отъ печали душу свою» (Притч. 21, 23). Когда кто самъ рассказываетъ о своихъ нравственныхъ недостаткахъ и худыхъ дѣлахъ, то неудивительно, что многіе соблазняются этой безцѣльной всенародной исповѣдью, и составляютъ о такомъ человѣкѣ худое, часто преувеличенное понятіе; когда безъ нужды открываются предположенія, mogućія упрочить личное благосостояніе, то нельзя жаловаться потомъ, если другіе болѣе смѣтливые и дѣятельные люди

предвосхищаютъ ихъ въ свою пользу. Когда кто передъ лицами сторонними, безъ всякаго права на ихъ участіе, изображаетъ свои достоинства и успѣхи, то что удивительнаго, если такой человѣкъ найдетъ завистниковъ, готовыхъ чернить его и вредить ему? Подлинно, христіане, есть много случаевъ, когда сами мы своимъ неблагоразуміемъ навлекаемъ на себя огорченія и неудачи, — и потомъ готовы жаловаться, что нельзя быть искренними и правдивыми. «Будите убо мудри, яко змія и цѣли яко голуби».

Беседа третья.

Въ предыдущей бесѣдѣ предостерегали мы отъ излишества въ словѣ, вслѣдствіе котораго распространяется и усиливается ложь и беззаконіе: теперь нужно сказать напротивъ объ излишней бережливости слова, которая не меньше способствуетъ въ распространенію и господству зла, и которая допускается вопреки внушенію Апостола обличать неплодныя дѣла тьмы (Еф. 5, 11).

Быть молчаливымъ свидѣтелемъ неправды и грѣха можно по равнодушію, или по неувѣренности въ пользѣ своего обличенія, или наконецъ по побужденіямъ корысти и страха. Все это недостойно христіанина.

Глубочайшее нравственное паденіе человѣка состоитъ не въ томъ, что онъ способенъ къ тому или другому преступленію при извѣстныхъ условіяхъ, но въ томъ безразличномъ отношеніи къ добру и злу, истинѣ и лжи, когда самая наглая несправедливость не вызываетъ негодованія, самое явное беззаконіе не отзывается въ сердцѣ болѣзненнымъ чувствомъ: преступленіе можетъ быть совершенно подъ гнетомъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ страсти; и хотя отъ сего оно не перестаетъ быть преступленіемъ, но виновность его не мало облегчается, и еще не исключается возможность раскаянія и

исправленія; но вотъ человѣкъ, не сдѣлавшій никакого преступленія, не уличенный ни въ одномъ безчестномъ поступкѣ, между тѣмъ равнодушно слышитъ о самыхъ вопіющихъ несправедливостяхъ, безучастно смотритъ, какъ люди гибнутъ жертвами обмана или насилія: не столько ли же онъ преступенъ какъ и тѣ, которыхъ онъ одобряетъ своимъ молчаніемъ? Равнодушіе его не доказываетъ ли, что онъ самъ способенъ не только къ тѣмъ же, но и ко всякаго рода беззаконіямъ, и только недостаетъ толчка, который подвинулъ бы его на злое дѣяніе? Когда на примѣръ въ виду невѣрія и разврата, открыто позорящаго церковь, нагло смѣющагося надъ св. истинами и правилами благонравія и благочестія, дѣйствительно умные люди молчатъ, почитая это дѣло для себя стороннимъ,—кто увѣритъ меня, что они не раздѣляютъ того же невѣрія, которое въ нихъ только глубже и скрытнѣе? А какъ спасительно было бы одно слово, полное силы и разума, противъ этого пустаго смѣха! Сколько неопытныхъ и легкомысленныхъ могло бы удержать оно на прямомъ пути! Когда слышать рѣчь направленную противъ чести ближняго, полную безстыдной лжи, и не почитаютъ своею обязанностью отразить клевету правдивымъ словомъ: тогда можно ли сомнѣваться, что при такомъ равнодушіи къ правдѣ и чести самое нелѣпое обвиненіе станетъ вѣроятнымъ и падетъ всей тяжестью на невинныя жертвы злословія?

Знаю, что многіе укажутъ мнѣ на безплодіе подобной борьбы, на тѣ благородные молодые порывы духа, которые не привели ни къ чему, и еще были перетолкованы, осмѣяны: кому не извѣстна измѣнчивость остывающаго, притупляющагося чувства? Но въ томъ и дѣло, что дѣйствія христіанина должны исходить не изъ личнаго и временнаго увлеченія, но изъ разумнаго сознанія своего долга, который долженъ быть исполняемъ не въ отношеніи къ извѣстнымъ только лицамъ,

не при благопріятныхъ только обстоятельствахъ, но всегда и вездѣ, даже противъ собственнаго желанія, безъ очевидной отъ того пользы. Ты не рѣшаешься возстать противъ лжи и беззаконія, почитая свой голосъ слишкомъ безсильнымъ для того, чтобы обезоружить господство ихъ: но знаешь ли, что его сила заключается не въ твоёмъ личномъ достоинствѣ, а въ правдѣ, которая рано или поздно должна восторжествовать? Давидъ, который жилъ среди людей злыхъ и нечестивыхъ, который самъ былъ постоянною жертвою гоненій и даже въ собственномъ семействѣ нашелъ злѣйшаго врага, не переставалъ однако при всей кротости громко вопіять противъ зла и нечестія и изливать благочестивое негодованіе на нарушителей правды и закона. Предтеча проповѣдникъ покаянія явился въ пустыни; здѣсь разумѣется не мѣстная только пустыня іорданская, но и пустыня нравственная, — то безплодное въ отношеніи къ вѣрѣ и благочестію состояніе народа іудейскаго, съ которымъ онъ боролся неумолкающимъ словомъ, то окаменение сердець, когда люди очи имутъ и не видятъ, уши имутъ и не слышатъ: и однако его голосъ не потерялся въ этой пустынѣ, потрясалъ грубыя сердца мытарей и даже фарисеевъ, и не мало грѣшныхъ душъ возвратилъ къ пути праведному: «исхождаше къ нему... вся іудейская страна и іерусалимляне, и крещахуся вси, — исповѣдующе грѣхи своя» (Марк. 1, 5). Скажешь, что это были особенные избранники Божіи, боговдохновенные органы Слова: ихъ духъ поистинѣ высокъ неизмѣримо, ихъ подвигъ — необъятный; но это не отнимаетъ и у твоего слова принадлежащей ему силы и пользы, не освобождаетъ тебя отъ святой обязанности посильно служить словомъ и дѣломъ Богу и человѣчеству. Кто не знаетъ по опыту, что иногда и малое, простое слово, отъ души сказанное, заставляетъ одуматься и раскаяться лучше длинныхъ рѣчей, составленныхъ по правиламъ краснорѣчія? Въ

скудѣльномъ сосудѣ человеческого слова,—если только оно проникнуто убѣжденіемъ и благожеланіемъ, чисто отъ само-мнѣнія и корыстныхъ цѣлей, заключается сокровище силы Божественной, которой не можетъ сопротивляться ничтоже лукавое. Всѣ мы, какъ отдѣльныя единицы въ великомъ дому Божіемъ, значимъ не много; но комуждо дается дарованіе Духа на пользу, и изъ сихъ единицъ составляется совокупность духовныхъ силъ, которыхъ и врата адава одолѣть не могутъ. Не отъ того ли такъ свободно и быстро распространяются въ обществѣ пороки и неправды всякаго рода, что не встрѣчаютъ общаго дружнаго отпора? Одни сочувствуютъ, другіе укрываются и молчатъ, а большая часть увлекается безнаказанностью.

Стремленіе къ установленію общественнаго мнѣнія стало яснѣе обнаруживаться въ послѣднее время; но чтобы дѣйствительно сложились эта спасительная сила, охраняющая порядокъ, нравственность и благоденствіе народа, потребно народу нравственное воспитаніе,—которое пріучаетъ дѣйствовать не изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей, но главнымъ образомъ во имя долга и блага общаго. Это преимущественно требуется отъ тѣхъ, которые или по обязанности, или по доброй волѣ принимаютъ на себя руководство общественнымъ мнѣніемъ: ихъ дѣйствіе должно быть особенно твердо и безпристрастно. Разражаться негодованіемъ противъ злоупотребленій тамъ, гдѣ нѣтъ причины опасаться за собственное благосостояніе, и безмолвствовать при видѣ вошющей несправедливости изъ боязни лишиться питательнаго покровительства,—не значить ли это подрывать всякую вѣру въ справедливость? Торговать гласностью, обѣщая за условленную плату молчаніе, и безпощадно позорить съ тѣмъ только, чтобы собрать еще обильнѣйшую жатву съ общества алчущаго возбуждательныхъ новостей,—приведетъ ли это къ благотворному обнару-

женію истины? Нѣтъ, братія, если при видѣ зла спрашиваться не у своей совѣсти, а у своего корыстолюбія или честолюбія: то придется молчать часто, молчать безчеловѣчно и богопротивно.

Повторяя вмѣстѣ съ Апостоломъ увѣщаніе обличать всякое неплодное дѣло тьмы, я долженъ повторить вамъ, братія, и то общеизвѣстное непремѣнное правило, что обличеніе только тогда сильно и дѣйствительно, когда производится не только словомъ, но и самымъ дѣломъ, примѣромъ неукоризненной жизни.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЮГО-СЛАВЯНСКАГО МОНАШЕСТВА

XIV СТОЛѢТІЯ.

I.

Преподобный Григорій Синаитъ, какъ учитель „умнаго дѣланія“ для Болгаръ и Сербовъ; его сподвижникъ Максимъ Капсаколивскій; переселеніе пр. Григорія изъ Аѳона въ Македонію; основаніе тамъ иноческой обители, такъ наз. „скрытной“ (Парарійской); покровительство ей болгарскаго царя Александра.—Ученики пр. Григорія Синаита изъ Болгаръ.—Кончина пр. Григорія Синаита.—Пр. Ромилъ, какъ его преемникъ по управленію „скрытной“ пустынею.

Извѣстно, что XIV вѣкъ былъ вѣкомъ процвѣтанія православнаго монашества на Востокѣ. Средоточіемъ его по прежнему служила св. Аѳонская гора; развитіе духовной жизни въ ея обителяхъ: монастыряхъ, скитахъ и отшельническихъ кельяхъ достигло въ этомъ вѣкѣ своего высшаго предѣла; Аѳонскіе подвижники выдержали въ этомъ столѣтіи сильную борьбу за свои вѣковыя правила созерцательной жизни, какъ съ домашними противниками ея, такъ и съ орудіями вѣковой же папской интриги, лжеиноками Варлаамомъ и Акиндиномъ и ихъ константинопольскими защитниками ^(а); истина востор-

(а) Вотъ что пишетъ объ Варлаамовой (или Акиндиновой) ереси одинъ изъ сербскихъ игуменовъ XV вѣка: «иже убо единосущное развращааше по умовредному Аріюу. Духа же Пресватаго хуляше по скврному Македовію; нъ и Преображеніе владичные

жествовала благодаря энергіи и богопросвѣщенному разуму одного изъ Аѳонскихъ же иноковъ, св. Григорія Паламы (въ послѣдствіи митрополитъ Селунскій), и изреченіе отцевъ, что *дѣяніе* (дѣятельная жизнь, подвиги тѣлесные) составляетъ лишь *восходъ* (лѣствицу) *къ видѣнію* (созерцанію—созерцательной жизни), перестало быть предметомъ пререканія для простыхъ по невѣжеству, а для ученыхъ по високоумію или зависти, а сдѣлалось напротивъ нормою для опредѣленія высшей степени преусуспіянія въ духовной жизни, хотя и осталось на практикѣ, какъ было всегда, лишь удѣломъ однихъ избранныхъ, по сказанному въ Писаніи: «много званыхъ, мало же избранныхъ». Не такъ было до упомянутой выше борьбы и побѣды. Даже на самомъ Аѳонѣ, гдѣ одновременно (въ 1330 годахъ) подвизались два великіе столпа такъ называемаго «умнаго дѣланія», преп. Григорій Синаитъ и преп. Максимъ Капсаколивскій, сподобившіеся, какъ видно изъ ихъ встрѣчи и собесѣдованія ⁽⁶⁾, въ равной мѣрѣ вкусить и плодовъ се-

истинно на горѣ Фаворѣ бывшес... той въсестрастный, привидѣніе быти оучаше, а не истинно». Григорій Цамбланъ игумень Дечанской въ житіи св. Краля Стефана Дечанскаго.

(6) Объ этой встрѣчѣ и собесѣдованіи читаемъ въ Добротолюбіи слѣдующее: пр. Григорій Синаитъ, встрѣтившись съ пр. Максимомъ и собесѣдуя съ нимъ, между прочимъ спросилъ: молю тя, отче мой честнѣйшій, скажи мнѣ: держишь ли умвую молитву? Онъ же поникъ осклабися, и рече: не сокрыю отъ тебе, честный отче, еже бысть о мнѣ чудо Богоматере. Азъ отъ юности моя велию имѣхъ вѣру къ Господѣ моей Богоматери, и молихся ей со слезами, да дастъ ми благодать сію умныя молитвы и нѣкогда со слезами, во храмъ ея пришедъ по обычаю, теплѣю о семь моляхъ. Приступль же Божественное зрака ея начертаніе лобызати со страхомъ, абіе ощутихъ теплоту, въ перси моя и сердце впашу, не опаляющую внутренняя, паче же услаждающую и орошающую, и къ умиленію душу мою движущую. Оттогѣ убо, отче, сердце мое начать въ молитвѣ внутрѣду поучатися, и умъ въ памяти Іисуса моего и Богоматери услажда-

го дѣланія, — нашлись домашніе противники ихъ ученію. А какъ они, не скрывая даннаго имъ отъ Бога таланта, прилѣжно обучали сей наукѣ наукъ и художеству изъ художествъ всѣхъ желающихъ взойти по лѣствицѣ духовнаго восхожденія, въ особенности же ревновалъ о семъ преп. Григорій Синаитъ (онъ побуждалъ упражняться въ умной молитвѣ и храненіи ума и пустынниковъ и киновіатовъ — рѣшительно всѣхъ); то доброненавистникъ діаволь и не могъ остаться равнодушнымъ къ такой ревности. Сперва онъ возбудилъ противъ преподобнаго (какъ свидѣтельствуесть жизнеописатель его святѣйшій патріархъ константинопольскій Каллисть I, ученикъ его ^(н)), мнимо-ученыхъ монаховъ, такъ что движи-

тиса, и непрестанно сего имѣти, я никогдаже оскудѣ молитва сія отъ сердца моего: прости ми. И Божественный Григорій глаголетъ: рцы ми: бысть ли ти, святе, молитвѣ сей: Господи Іисусе Христе и прочая, отъ тебе совершаемой, измѣненіе Божественное, или изступленіе когда, или инъ нѣкій плодъ молитвы и Святаго Духа. Божественный же Максимъ рече: сего ради, отче, отхождахъ въ пустынно мѣсто, и безмолвія присно ждалъ, да *плодъ молитвы* явленѣйшій и богатый обращу, иже есть *Божественное раченіе и восхищеніе ума ко Господу*. И святый Григорій глаголетъ: молю тя, отче, рцы ми: имаши ли сія, яже глагола? И божественный Максимъ паки поникъ осклабился, и глагола: даждь ми ясти, рече, и не испытуй прелести. Тогда глаголетъ ему Божественный Григорій: о, да быхъ и азъ въ такую прелесть впалъ, святе!.. (Добротолюбіе, часть I, стр. 137 и об.).

(в) См. Аѳонскій Патерикъ часть I, стр. 417. Патріархъ Каллисть былъ преданнымъ ученикомъ пр. Григорія Синаита, а послѣ кончины старца (около 1346 года) былъ назначенъ епископомъ въ одну изъ македонскихъ епархій, но вслѣдствіе рѣшенія собора церковнаго, собраннаго Сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ въ Сересѣ (въ Македоніи) въ 1347 году, греческіе епископы были удалены изъ областей занятыхъ Сербами и замѣнены епископами славянскаго происхожденія. Каллисть вслѣдствіе сего удалился на Аѳонъ, откуда и былъ призванъ въ 1350 году на патриаршій престолъ Константинопольской церкви; первый разъ занималъ его съ 1350 по 1363; вторично съ 1365 по 1368.

мы завистию къ нему, они предприняли рѣшительное намѣреніе прогнать его со Святой горы. Съ ними согласились по невѣдѣвію и нѣкоторые простцы и неопытные въ тайнахъ духовныхъ. Завистники и духовные невѣжи вопіяли божественному Григорію: не учи насъ пути, коего мы не знаемъ, — разумѣя подъ симъ *умную молитву и блюденіе ума*. Преподобный, видя разгаръ зависти, далъ мѣсто злу, умолкнувъ на время. Потомъ взявъ съ собою одного своего ученика и нѣкоего подвижника Исаію, много пострадавшаго отъ царя Михаила Палеолога за несогласіе свое съ суетумудріемъ лжепатріарха Іоанна Векка, явился для разсужденія о своемъ ученіи въ Протатъ. Протъ былъ не изъ числа завистниковъ и духовныхъ невѣждъ, а если имѣлъ что-либо противъ преподобнаго, то развѣ одно то: зачѣмъ онъ училъ безъ его позволенія; но зная чрезвычайные подвиги св. Григорія и истинную высоту его Божественнаго ученія, оставилъ все и искренно съ нимъ подружился. Бесѣдуя съ Григоріемъ и Исаіею, онъ говорилъ: сегодня я бесѣдую съ главами Апостоловъ Петромъ и Павломъ.

Недоброжелательствующіе же св. Григорію отцы, видя ласковый пріемъ сдѣланный ему Протомъ Св. горы, и слыша похвалы главы иноческой своей семьи божественному учителю, убѣдились въ истинѣ его ученія, и съ того времени всѣ вообще и пустынники и непустынники съ великою радостію души признали и имѣли общимъ своимъ учителемъ божественнаго Григорія ^(г). Но симъ дѣло не кончилось. Надлежало оградить навсегда истину отъ несправедливыхъ нареканій, подозрѣній и человѣческой зависти. И вотъ Промыслъ Божій попустилъ явиться противникамъ болѣе сильнымъ и вліятельнымъ. Это были извѣстные еретики Варлаамъ и Акиндинъ,

(г) См. Аѳонскій Патерикъ. Часть I, стр. 417.

нашедшіе себѣ защитниковъ и въ самой столицѣ имперіи при дворѣ и въ клирѣ патріаршемъ. Извѣстно, что по доносу одного изъ этихъ еретиковъ, а именно Варлаама (калалрійскаго монаха) на ученіе аеонскихъ подвижниковъ (о Иисусовой молитвѣ и Фаворскомъ свѣтѣ) собирались въ Константинополь нѣсколько церковныхъ соборовъ, на которыхъ защитникомъ православныхъ иноковъ и ихъ ученія явился столпъ православія св. Григорій Палама (съ 1347 года митрополитъ Солунскій). Всѣхъ соборовъ по сему дѣлу было пять: одинъ въ 1341, второй въ 1345, третій въ 1347, четвертый въ 1349 и пятый въ 1351 году. На послѣднемъ изъ нихъ (1351 г.) ученіе св. Григорія Паламы (которое онъ защищалъ отъ лица всѣхъ аеонскихъ подвижниковъ, къ сонму которыхъ принадлежалъ и самъ по мѣсту своего духовнаго воспитанія), т.-е. вышеупомянутое ученіе о плодахъ умной молитвы, храненіи ума и сердечнаго вниманія всесторонне защищено и ограждено церковною анаеомою, поразившею Варлаама, Акиндина и всѣхъ, кто имъ послѣдовалъ и будетъ послѣдовать ^(а). Не довольствуясь симъ, св. Палама написалъ и много сочиненій противъ Варлаама, Акиндина, Никифора Григораса и ихъ послѣдователей, чтобы преподать и будущимъ родамъ вѣрное средство узнать, на чей сторонѣ истина.

Но возвратимся къ пр. Григорію Синаиту. Въ памятникахъ древней славянской письменности XV и XVI столѣтій его нерѣдко называютъ: учителемъ умнаго дѣланія или божественнаго трезвенія для Болгаръ и Сербовъ. Въ какомъ смыслѣ надобно разумѣть сіе, открывается изъ обстоятельствъ его жизни: Агаряне (Турки), громившіе уже тогда Византійскую имперію, грозили и Святой горѣ истребленіемъ и порабощеніемъ. Св.

(а) Cantacuz hist. Tom XVI pag. 639 et 640.

Григорій, не могши безмолствовать внѣ Лавры (св. Аванасія)^(e), вошелъ внутрь ея. Но многолюдная, совокупная жизнь была не по немъ, ибо онъ жаждалъ уединенія для своего созерцанія; посему взявъ съ собой нѣсколько приближенныхъ учениковъ, тайно удалился изъ Лавры и отправился сперва въ Адрианополь, а оттуда въ Македонію. Въ горахъ этой области найдя удобное для безмолвія мѣсто, онъ основалъ пустынную обитель именуемую *Скрытная* (Шарарійская). Жизнеописатель пр. Сиваита не означаетъ въ точности мѣста этой обители, но изъ житія пр. Ромила (одного изъ ея послѣдующихъ настоятелей) видно, что она находилась не въ дальнемъ разстояніи отъ г. *Скопѣи*, въ четвероугольникѣ образуемомъ городами: Скопѣю, Истибомъ (др. Брегалница), Софією и Платиною Рыло. Близость же этой пустыни къ г. Скопѣи даетъ мѣсто предположенію, не та ли это обитель, которая процвѣтала еще и въ XV вѣкѣ въ подкрыліи Черной горы (Карадагъ), въ предѣлѣ Жегленовецкомъ, гдѣ писалъ свою рукопись «Шанегирикъ» Владиславъ Грамматикъ въ 1476 г. Но и въ Скрытной горѣ св. Григорій вначалѣ не нашелъ желаемого покоя, ибо гора эта въ то же время служила убѣжищемъ многимъ хайдукамъ (разбойникамъ). Они, возбуждаемые завистливымъ діаволомъ, боящимся, чтобъ святой не обратилъ пустыню въ жилище земныхъ ангеловъ, много его безокоили. Св. Григорій не отчаялся. Онъ зналъ, что для нагаго хищники тлѣныхъ вещей не опасны. Услышавъ же о благочестіи тогдашняго болгарскаго царя Александра (1343—1363), человѣкъ Божій, возложивъ свое упованіе на Бога, всегда споспѣшествующаго благимъ намѣреніямъ своихъ служителей, посылаетъ къ царю своего ученика (изъ Болгаръ),

(e) Гдѣ св. Григорій поселился по возвращеніи изъ своего путешествія, а до того времени онъ жилъ въ пустынномъ скитѣ *Магула* въ предѣлахъ Филовеевой обители.

а именно пр. Θεодосія Терновскаго и чрезъ него извѣщаетъ державнаго о себѣ и о своемъ пустынномъ пребываніи, прося себя отъ него во имя Божіе помощи и защиты отъ разбойниковъ. Слухъ о благочестіи сего царя не обманулъ св. Григорія. Дивный этотъ царь, чтя добродѣтель и добродѣтельныхъ, принялъ съ радостію извѣщеніе святаго, и сдѣлалъ болѣе, чѣмъ просилъ преподобный. Ибо этотъ державный любитель благочестія воздвигъ цѣлую обитель со всѣми къ ней хозяйственными принадлежностями, все устроивъ въ ней по-царски; послалъ святому и довольное количество денегъ на содержаніе его дружины; пожертвовалъ для будущаго пропитанія братіи обителя вѣскольکو деревень и одно озеро для рыбной ловли, прислалъ множество воловъ и овецъ и большое количество рабочаго скота. Здѣсь святой мирно скончалъ остатокъ земнаго своего странствія, продолжая заботиться о благѣ души всѣхъ и каждаго. Онъ горѣлъ желаніемъ всю вселенную обогатить знаніемъ восхожденія на высоту дѣянія и созерцанія, и желалъ во всѣхъ возжечь пламенное стремленіе къ этому восхожденію. Впрочемъ, говоритъ его жизнеописатель (св. патріархъ Каллистъ), и объ немъ въ нѣкоторомъ отношеніи можно сказать сіи божественныя слова: «во всю землю изыде вѣщаніе его, и въ концы вселенныя сила глаголовъ его» (Пс. 18, 5), ибо онъ не только у Грековъ но и у *Болгаръ и Сербовъ*, если не самъ своимъ лицомъ, то по крайней мѣрѣ чрезъ своихъ учениковъ (славянскаго языка) разсѣялъ свое божественное ученіе ^(*). И силъ слова его рѣдко не уступала всякая лютость. Даже свирѣпыхъ оныхъ словесныхъ волковъ, дикихъ тѣхъ разбойниковъ и

(ж) Его «главы вѣло полезны», помѣщенные въ Добротолюбіи часть I, стр. 93—130, переведены на славянскій языкъ ученикомъ его изъ Болгаръ преп. Θεодосіемъ Терновскимъ еще въ XIV столѣтіи.

убійць, онъ претворилъ въ кроткихъ разумныхъ овецъ, и дѣлая ихъ здѣсь на землѣ пастырями безсловесныхъ овецъ, вводилъ ихъ непорочными агвцами въ ограду Превѣчнаго Пастыря и Посѣтителя душъ нашихъ.

Жизнеописатель пр. Григорія Синаита, говоря и о его блаженной кончинѣ, не означаетъ года. Время оной можетъ быть опредѣлено приблизительно по одному извѣстному намъ обстоятельству изъ жизни самого біографа святѣйшаго патріарха Константинопольскаго Каллиста, ученика пр. Синаита. Извѣстно, что Каллистъ вскорѣ по кончинѣ своего старца былъ поставленъ епископомъ въ Сербію, то-есть въ одну изъ Македонскихъ епархій завоеванныхъ у Грековъ Сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ, а это (завоеваніе) случилось въ 1346 году; слѣдовательно и кончина пр. Григорія Синаита послѣдовала около 1346 года. Погребенъ онъ въ той же основанной имъ «Скрытной пустыни», какъ сіе видно изъ житія его ученика пр. Θεодосія Терновскаго (см. ниже). Скрытная пустыня продолжала свое существованіе и въ теченіи второй половины XIV столѣтія, какъ это видно изъ житія тогдашняго ея настоятеля пр. Ромила. О преподобномъ же Ромилѣ мы знаемъ лишь то не многое, что написалъ о немъ одинъ изъ его учениковъ, извѣстный писатель и проповѣдникъ Григорій Цамблакъ († 1418), родной племянникъ нашего всероссійскаго митрополита Кипріана, бывшій краткое время (1416—1418) митрополитомъ Литовской Руси. По его сказанію, мѣстомъ родины пр. Ромила былъ Бдинъ (Виддинъ), мать его была Болгарка. Достаточное состояніе родителей доставило ему способы получить хорошее образованіе. Въ Терновскомъ монастырѣ Устьѣ, расположенномъ за городомъ на «Святой горѣ», полагалъ онъ начало монашеской жизни; тутъ было много иноковъ; тутъ и произнесены имъ обѣты иноческіе. Когда же въ Скрытной (Парорійской) пустынѣ сталъ,

жить пр. Григорій Синаитъ, Ромиль поступилъ подъ его руководство. Но нападеніе разбойниковъ, «сихже и хусаре мѣста онаго жители наричють», вынудило его удалиться опять въ Загорье и онъ жилъ съ другомъ своимъ Иларіономъ въ уединенномъ мѣстѣ называемомъ Мокрое, въ разстояніи отъ Тернова на день пути. Когда же болгарскій царь Александръ, по просьбѣ пр. Григорія Синаита, усмирилъ разбойниковъ и обезопасилъ Скрытую пустыню (оградивъ ее стѣнами съ башнями), Ромиль опять жилъ въ Скрытой пустынѣ. Сюда пришелъ къ нему изъ Константинополя Григорій Цамблакъ, описатель житія его. Спустя нѣкоторое время Скопскій начальникъ извѣстилъ, что магометане хотятъ напасть на ихъ мѣста, потому пусть удалятся въ другое мѣсто. Ромиль удалился въ прежнюю келью свою, что была въ Мокромъ; а отселѣ перешелъ на Аѳонъ, въ Лавру св. Аѳанасія, и жилъ уединенно въ скиту Меланскомъ; Григорій Цамблакъ жилъ съ нимъ въ этомъ уединеніи. Когда же были разбиты на Марицѣ въ Македоніи Сербскій Краль Вукашинъ и братья его Деспоть Углѣша (Македонскій) и Гойка въ 1371 году, «тогда на Аѳонѣ всѣ иноки наполнились смятеніемъ и ужасомъ и многіе убѣжали съ Аѳона». Такъ и Ромиль удалился въ другое мѣсто, называемое Авлонъ (вблизи Драча), а отсюда ушелъ съ своими учениками въ Сербскую землю, въ мѣсто называемое *Раваница*, гдѣ обитель Вознесенія Господа нашего Иисуса Христа (въ нынѣшнемъ княжествѣ Сербскомъ). «Здѣсь проживъ не многое время переходитъ съ земли на небо», такъ пишетъ о немъ Григорій Цамблакъ, бывшій по смерти своего наставника игуменомъ знаменитой Сербской Лавры Дечанской или Пантократоровой (по соборному ея храму, которому по красотѣ нѣтъ равнаго ни въ старой, ни въ новой Сербіи). Въ какомъ году почилъ пр. Ромиль, не показано въ сказаніи о немъ. Но по всему что извѣстно, вѣроятно, что онъ почплъ

не ранѣе 1375 года. Мощи его почиваютъ доселѣ въ Раваницкой обители, почему онъ и причисляется къ лику сербскихъ святыхъ ^(з).

II.

Ученикъ пр. Григорія Синаита—пр. Θεодосій Терновскій. Его жизнь до поступления подъ руководство пр. Григорія Синаита, — жительство въ Скрытной пустынь. — Двухкратное путешествіе въ Терновъ съ порученіемъ старца къ царю Александру. — Переселеніе изъ Скрытной пустыни въ Терновъ. — Основаніе Келифарской обители. — Заслуги пр. Θεодосія въ отношеніи болгарской церкви. — Церковный соборъ 1360 г. въ Терновѣ. — Удаленіе пр. Θεодосія въ Константинополь и кончина. — Ученикъ его пр. Романъ — настоятель Келифарской обители.

Преподобный Θεодосій Терновскій былъ ученикомъ преп. Григорія Синаита; жизнь его также описана святѣйшимъ Каллистомъ патріархомъ Константинопольскимъ ^(а), его духовнымъ другомъ и сотоварищемъ по общему имъ наставнику и мѣсту жительства (въ Скрытной пустынь). Онъ болгаринъ родомъ изъ г. Тернова—столицы болгарскаго царства; оставивъ мѣръ въ молодыхъ еще лѣтахъ, онъ вступилъ первоначально въ Виддинскій монастырь св. Николая, подъ управленіе игумена Іова, мужа добродѣтельнаго и разумнаго. Будучи постриженъ Іовомъ въ иночество, онъ показалъ себя готовымъ на всякое послушаніе и настоятель поручилъ ему завѣдываніе монастырскою экономіею. Онъ мужественно подвизался, служа не какъ человѣкамъ, но какъ самому Богу. Его

(з) Краткое житіе въ Гласникѣ общества Сербской словесности IX, 252. Служба преп. поставлена подъ 16 января.

(а) На болгарскомъ языкѣ издано въ Бѣлградѣ 1867 г. подъ заглавіемъ: «Столпъ православія или краткія черты изъ жизни преподобнаго Θεодосія Терновскаго», откуда мы и заимствуемъ нашъ очеркъ. Подробное житіе напеч. въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1860 г. кн. I.

послушаніе и смиреніе (по слову св. отцевъ второе раждаетъ отъ перваго) было таково, каковаго не было у другихъ. По смерти настоятеля Іова онъ отошелъ въ Терновъ, и поселился въ Богородичномъ монастырѣ на Святой горѣ ⁽¹⁾. Увлекаемый ревностью къ высшимъ духовнымъ подвигамъ, онъ желалъ найти себѣ духовнаго наставника и съ этою цѣлью переходилъ изъ монастыря въ монастырь: изъ Терновскаго въ Червенскій (Червень, нынѣшній Рушукъ), а изъ Червенскаго въ Славенскую гору (нынѣшній Сливенъ, въ древности назывался Славенъ). Игуменъ монастыря Епикерна принялъ его съ любовію и братія оказывали ему любовь. Онъ прожилъ здѣсь не малое время; когда же разнесся слухъ о поселеніи въ Македонскихъ предѣлахъ великаго подвижника пр. Григорія Синаита, удалившагося съ Афона отъ тревогъ времени, Θεодосій немедленно отправился въ *Скрытную* пустыню, основанную Синаитомъ.

У пр. Григорія Θεодосій нашелъ все, чего только издавна желала душа его. Онъ днемъ и ночью поучался чистой вѣрѣ и священнымъ заповѣдямъ, которыя возводятъ душу въ мѣру духовнаго возраста. Послѣдую священному своему учителю, онъ насыщался духовнымъ питіемъ. Великій подвижникъ, видя его ревность къ жизни по Богѣ, передавалъ ему не только обыкновенныя правила подвижничества, но и наставленія въ умозрительной жизни. Пр. Григорій Синаитъ, какъ выше замѣчено, извѣстенъ преимущественно какъ наставникъ въ созерцательной жизни, — онъ является таковымъ же и въ письменныхъ своихъ произведеніяхъ: «собирай свой умъ, имѣй всегда умную молитву; Богъ есть вѣчный умъ; имѣй дѣятельную, умную и сердечную молитву; существуютъ вмѣстѣ добродѣтели и страсти. Безмолвіе и молитва много помогаютъ усовершен-

(1) Эта гора находится на югъ отъ Тернова.

ствованію человѣка; человѣкъ можетъ ощутишь благодатные признаки и духовную прелесть; человѣку для того, чтобы постигнуть «желаній край» — ему опредѣленный — Бога, и соединиться съ вѣчнымъ умомъ — тріединнымъ Богомъ, — для сего потребны ему теплота и дѣйство ^(к). Земля обѣтованія есть *безстрастіе*, исполненная какъ бы медомъ и млекою — духовнымъ веселіемъ». Этой-то высокой наукѣ и учился пр. Θεодосій у своего великаго наставника. Но необходимо замѣтить, что основаніемъ или фундаментомъ сего высокаго ученія во внѣшней дѣятельности учениковъ пр. Григорія Синаита служило высокотворное *смиреніе*. Самъ преподобный былъ образцемъ сей добродѣтели, уча ей словомъ и дѣломъ: «я ниже всѣхъ людей (говорить въ одномъ изъ своихъ наставленій, преподавая урокъ смиренія, тотъ, кто самъ выну питался хлѣбомъ Ангельскимъ) по незнанію души моей, земля и пепель ногъ ихъ. Какъ не считать мябъ себя нечестивѣйшимъ всей твари, которая остается въ своемъ естественномъ состояніи по прежнему, тогда какъ я нахожусь внѣ естества моего безмѣрными беззаконіями моими? Истинно звѣри и скоты чистѣе меня грѣшнаго; я ниже всего и прежде смерти лежу въ адъ низверженный. Кто не сознается искренно, что грѣшникъ хуже бѣсовъ, какъ послушливый рабъ ихъ и потому вмѣстѣ съ ними затворенъ въ безднѣ? Истинно хуже бѣсовъ тотъ, кѣмъ

(к) Въ главѣ «о еже како обрѣсти *дѣйство Духа*, еже въ крещеніи таинственно пріяхомъ», пр. Григорій Синаитъ пишетъ, что оно обрѣтается или дѣланіемъ заповѣдей — многимъ трудомъ и временемъ, или кратче (скорѣе) художественнымъ и частымъ призываніемъ Господа Иисуса (Иисусовою молитвою), то-есть, памятію Божіею, еже является *въ повиновеніи*. Въ поясненіе послѣдняго слова *въ повиновеніи*, надобно замѣтить слѣдующія слова того же святаго: «немошно же собою самѣмъ сему художеству (умной молитвѣ) навикнути. *Еже бо отъ себя самаго, а не по совѣту предъстѣвшихъ творимъ, мнѣніе имать, паче же раждати обыче.*

владѣютъ они. Ты съ ними наслѣдовала бездну, несчастная душа моя. Живя же прежде смерти въ землѣ и адѣ, какъ смѣтъ могу считать себя праведникомъ? Нѣтъ, я содѣлалъ себя нечистымъ грѣшникомъ, подобнымъ бѣсу» (1).

Пустыня пр. Синаита (Скрытная) часто страдала отъ нападена разбойниковъ. Потому авва послалъ Θεодосіа къ Болгарскому царю Александру съ просьбою о защитѣ отъ людей испорченныхъ. Благочестивый царь, по просьбѣ Θεодосіа, доставилъ средства оградить монастырь крѣпкою оградою и башнями, и снабдилъ обитель угодыми и рабочимъ скотомъ. Возвратясь въ обитель, Θεодосій продолжалъ подвижническую жизнь, отдѣляя и ночь на молитву. Преподобный наставникъ дозволилъ ему проводить безмолвную жизнь въ кельѣ. Такъ онъ вступилъ въ высшій подвигъ боренія съ духами и помыслами. Духи злобы наносили ему много тревогъ: но онъ побѣждалъ ихъ крѣпкою молитвою. Случилась и еще нужда монастырская. По порученію наставника, Θεодосій снова былъ у Болгарскаго царя Александра и выполнилъ порученіе къ утѣшенію старца. Во время послѣдняго пребыванія въ Терновѣ одинъ изъ благородныхъ и богатыхъ людей явился къ нему съ неотступною просьбою взять его съ собою въ пустыню. Иначе, говорилъ онъ, лишусь жизни. Это былъ Романъ, въ послѣдствіи самый искренній и самый любимый ученикъ Θεодосіа. Θεодосій взялъ его теперь съ собою и привелъ къ Синаиту. Принятый Григоріемъ, Романъ волею аввы посланъ былъ на послушанія. Въ его отсутствіи скончался пр. Григорій (около 1346 года, по вышесказанному). Братія усильно просили Θεодосіа принять на себя званіе настоятеля «Скрытной пустыни», но онъ отказался и удалился изъ обители.

(1) Нила Сорскаго слово 5-е о бореніи со страстями.

Онъ предпринялъ теперь долгое странствованіе по св. обителямъ съ желаніемъ слушать наставленія опытныхъ старцевъ. Такъ онъ побывалъ въ Солунѣ и въ Месемвріи. Въ послѣднемъ мѣстѣ посѣщалъ онъ скитъ Антонія, гдѣ тогда «много было постниковъ, одинъ другаго предварявшихъ въ жизни добродѣтельной и проводившихъ жизнь ангельскую». Затѣмъ былъ онъ въ Константинополѣ и возвратился въ *Скрытную* пустыню. Посѣтивъ братію Сиванта и поклонившись ракъ его, вмѣстѣ съ Романомъ пришелъ на Гемскую гору, что близъ Месемвріи, и тутъ подвизался въ постѣ и молитвахъ. Но разбойники выгнали его изъ этого уединенія.

Гора, не далекая отъ его родины — Тернова, показалась сколько безопасною отъ разбойничьихъ нападеній, столько и удобною для уединенной жизни. Θεодосій поселился на ней съ Романомъ. Три года прожили они здѣсь уединенно. Θεодосій видитъ видѣніе: гора его покрыта прекрасными пѣвчими птицами. И вслѣдъ затѣмъ стали приходять къ нему ревнители пустынной жизни; число ихъ дошло до 50. Это были искренные рабы Божіи ^(*). Θεодосій іеромонахъ велъ такую постническую жизнь, что на немъ оставались кожа да кости.

(*) Основанная пр. Θεодосіемъ при подножии этой горы (съ запада) обитель Рождества Пресвятыя Богородицы, существующая и доселѣ въ хорошемъ состояніи по близости *Келифарова*, называлась (и называется) *Келифарской монастырь*. Въ этомъ монастырѣ въ сѣверовосточной сторонѣ соборнаго храма устроены придѣлы во имя Богоноснаго Θεодосія. Здѣсь же находится и икона сего святаго старинной византійской живописи. Къ востоку отъ той церкви, вблизи отъ ней, указываютъ высокую островерхую гору, на которой пр. Θεодосій преводилъ безмолжную жизнь. Въ ризницѣ монастырской есть рукопись: «служба и житіе преподобнаго Θεодосія Терновскаго». Мѣстоположеніе монастыря Келифарскаго превосходное.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ревностно занимался переводомъ греческихъ сочиненій на болгарскій языкъ ^(н).

Начинаются особые подвиги пр. Θεодосія. Нѣкто монахъ Θεодосій приходитъ изъ Константинополя и начинаетъ возмущать народъ страннымъ ученіемъ. Употребляя волхвованія, онъ одобрялъ поклоненіе одному дубу цѣльбоносному; дѣло доходило до того, что предъ дубомъ закаляли въ жертву овецъ и ягнятъ. Этотъ возстановитель народнаго суевѣрія былъ обличенъ пр. Θεодосіемъ и раскаялся въ заблужденіи.

Опасѣе были *богомилы*, еще скрывавшіеся тамъ и здѣсь и тайною проповѣдію распространявшіе развратъ въ народѣ. Въ Солунѣ одна монахиня, увлеченная богомилствомъ, обратила келью свою въ блудилище. Посѣщавшіе ее иноки перенесли ея ученіе на Аѳонъ, и тамъ тайно развращали инокъ. Такъ длилось три года, пока аѳонскіе старцы, составивъ соборъ (въ 1350 годахъ), предали анаѳемѣ упорныхъ. Двое изъ осужденныхъ *Лазарь* и *Кириллъ* пришли въ Болгарію. Первый изъ нихъ надѣлъ на себя личину юродиваго и подъ этимъ прикрытіемъ училъ *скопчеству* ^(л). Оба же хулили крестъ и иконы, отвергали бракъ, одобряли развратъ, унижали крестную смерть Христову, хулили іерархію и на мѣсто единаго Бога проповѣдовали два начала, начало добра и начало зла, сонныя мечтанія свои выдавали за видѣнія божественныя и тогда какъ проповѣдывали самую грязную жизнь, говорили о себѣ, что они рабы Божіи, нищія духомъ.

(н) Такъ имъ переведены на славянскій языкъ «главы вѣло полезны» его наставника пр. Григорія Синаита, каковымъ переводомъ пользовался въ XV вѣкѣ нашъ пр. Ниль Сорскій.

(л) Связь нашихъ русскихъ ересей съ болгарскими и по названію и по сущности очевидна, хотя еще вполне и не разслѣдована.

Преподобный Θεодосій, собравъ точныя свѣдѣнія о нихъ, доложилъ о нихъ царю и патріарху. «Иже тогда церкви болгарской предстательствующій патріархъ (Θеодосій же по имени), простъ сый, недоумѣвашея отвсюду». Пр. Θεодосій вызвался доказать нечестіе новыхъ учителей предъ соборомъ. Царь Александръ любилъ просвѣщеніе столько же, сколько и истинное христіанское благочестіе. По волѣ его состоялся соборъ, гдѣ былъ и царь съ своимъ совѣтомъ. Приведены были сѣятели лжи. Что это у васъ за новое ученіе? спросилъ пр. Θεодосій. «Ученіе наше не новое, отвѣчали тѣ, — оно то самое, которое выражено въ словахъ: блаженны нищіе духомъ; не дѣлайте брашно гнущее». — «Апостоль Христовъ, отвѣчалъ въ обличеніе Θεодосій, говорилъ о себѣ: ружь мои послужить мнѣ и сущимъ со мною. Онъ трудился, а не бродилъ праздно, какъ вы сѣятели разврата. Напрасно выставляете вы изъ себя чтителей смиренія: въ васъ вовсе нѣтъ смиренія. Бракъ честенъ и ложе не скверно, учитъ Апостоль, и Спаситель былъ на брачномъ пирѣ. Только духъ злобы можетъ учить, какъ вы учите: выполняйте, говорите вы, стремленія природы. На что же намъ дана свобода, если не для того, чтобы духъ побѣждалъ нечистыя движенія плоти? Вы допускаете начало добра и начало зла, одно небесное, другое земное. Но Господь велѣлъ признавать Бога Отцемъ неба и земли, Творцемъ и Промыслителемъ вседѣйствующимъ». Учителя нечестія стояли безмолвные. Лазарь пришелъ въ сознаніе и принесъ покаяніе. Кирилль и ученикъ его Стефанъ остались упорными въ своемъ нечестіи. Царь велѣлъ заклеить ихъ раскаленнымъ желѣзомъ и выгнать изъ Болгаріи.

Открылись и еще лжеучители *жидовствующіе*. Эти отвергали воплощеніе Сына Божія. Несмотря на явное антихристіанство свое, они смѣло распросраняли ученіе свое. Они надѣялись найти защиту себѣ въ царицѣ, которая была изъ Ев-

реекъ (Ѳеодора, вторая супруга царя Александра, разумѣется крещеная). Но благочестивый царь своею ревностью къ благочестію побудилъ и царицу стать на сторонѣ благочестія. Такъ какъ съ одной стороны еще оставались и проповѣдники разврата Мессалианскаго, а дерзости жидовствующихъ, оскорбляя однихъ, смущали не твердыхъ въ вѣрѣ, то пр. Ѳеодосій снова явился къ царю и настоялъ на томъ, чтобы собранъ былъ новый соборъ. Такъ явились на соборѣ царь Александръ съ сыновьями своими Шишманомъ и Ясенемъ, патріархъ Терновскій *Ѳеодосій*, митрополиты: Преславскій и онъ же прототронъ патріаршаго престола *Доровей*, Дристерскій (Силитрійскій) *Захарія*, Овча-поля (Праводы) *Лазарь*, Ловчанскій *Паремій*, Филиппольскій *Мануилъ*, Средеческій (Софійскій) *Леонтій*, епископъ Мадатскій *Іаковъ*, архимандритъ Лавры 40 мучениковъ *Іоанникій*, и настоятель Келифарской пустыни пр. *Ѳеодосій*, съ нѣсколькими изъ своихъ учениковъ. Прочтенъ былъ символъ вѣры вселенской и произнесена анаѳема какъ жидовствующимъ, такъ и богомиламъ. Распространителей ложныхъ ученій царь сперва осудилъ на смертную казнь, но потомъ ограничился тѣлеснымъ наказаніемъ. Одинъ покаялся и принять въ общеніе съ церковію. Два другіе остались непереклонными. Соборное дѣяніе записано было на память для потомства. Это было въ 1360 году. Когда Турки подняли войну на Болгаръ ^(а), царь, не желая отпустить отъ себя Ѳеодосія, устроилъ для него въ безопасномъ мѣстѣ пещеру съ кельями, гдѣ и поселился онъ съ братіями.

Вскорѣ затѣмъ преподобный сдѣлался больнымъ и болѣлъ 20 мѣсяцевъ. Въ этой болѣзни желалъ онъ видѣться съ пат-

(а) Вспомнимъ, что въ 1361 году Турки уже завладѣли Филипполемъ, утвердивъ свою столицу въ Адрианополѣ при султанѣ Амуратѣ.

ріархомъ Каллистомъ, какъ съ своимъ духовнымъ другомъ. Каллисть писалъ въ Болгарію о томъ, чтобы отпустили къ нему Θεодосія. Но на это не изъявили желанія въ Терновѣ. Преподобный, передавъ управленіе братією своей обители ученику своему Роману, самъ въ сопровожденіи другаго ученина Евѳимія (въ послѣдствіи патріархъ Терновскій) удалился въ Царьградъ и здѣсь скоро скончался въ обители св. Маманта, 1362 года ноября въ 27 день.

Слѣдуетъ, прибавляетъ жизнеописатель пр. Θεодосія, сказать и о ученикѣ его Романѣ. Онъ былъ мужъ добродѣтельный, и по примѣру наставника ревностный исполнитель заповѣдей Господнихъ. Принявъ обитель (Келифарскую) въ свое попеченіе, усердно поучалъ братію. Потому часто приходили къ нему и окрестные за наставленіемъ о постническомъ житіи. Онъ разъ въ день вкушалъ пищу и то очень мало. Его томилъ тяжкая болѣзнь—удушье и кашель. Но онъ никогда не опускалъ бдѣнія и проводилъ ночи безъ сна, засыпая только утромъ. Скончался онъ февраля 17 дня (годъ не означенъ).

(Окончаніе будетъ.)

А. Л.

ИЗЪЯСНЕНИЕ ТРОПАРЯ СВЯЩЕННО-МУЧЕНИКАМЪ.

„И правомъ причастникъ, и престоломъ намѣстникъ Апостоломъ бывъ, дѣяніе обрѣлъ еси Богодухновенне въ видѣніи восходъ: сего ради слово истины исправляя, и вѣры ради пострадалъ еси даже до крове, священномучениче (такой-то), моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ“.

Въ означенной церковной пѣсни, — тропарь священномученикамъ ^(а), въ немногихъ выраженіяхъ обрисовывается во всемъ величїи своемъ и красотѣ образъ святаго священномученика, то-есть того мученика Христова, который прїялъ мученическую кончину въ священномъ санѣ епископа или пресвитера, — таковы, напримѣръ, священномученики: Кипріанъ епископъ Карфагенскій (августа 31), Василій, пресвитеръ Анкирскій (марта 22) и другіе

«И правомъ причастникъ». Выраженіе: «правомъ причастникъ» тоже значить, что нравоподобный, единовравный, — кому? Апостоламъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ. Какими же чер-

(а) Тропарь священномученической есть тропарь, составленный въ честь всѣхъ священномучениковъ, прославленныхъ св. Церковію. Впрочемъ нѣкоторымъ изъ нихъ положены и особые тропари, такъ, напримѣръ, священномученикамъ: Діонисію Ареопогату (пам. окт. 3), Іероѡею, еп. Аѡинскому (пам. окт. 4), Сусмеону, сроднику Господню (пам. апр. 27). Такихъ священномучениковъ съ особыми тропарями очень немного, но что положены имъ особые тропари, это не значить, чтобы къ нимъ не могъ быть приложенъ тропарь обще-священномученической.

тами права священномученики были сходны съ св. Апостолами? Святымъ апостоламъ была свойственна постоянная, самоотверженная, происходящая изъ пламенной любви къ Господу и заблуждающему человѣчеству, ревность къ пронесенію свѣта ученія Христова во мракъ идолопоклонствующаго язычества и невѣрующаго іудейства; также происходящая изъ той же любви, постоянная, незнающая покоя ни днемъ ни ночью, отеческая заботливость о возрожденныхъ чадахъ церкви Христовой, заботливость, не успокоивавшаяся до тѣхъ поръ, пока ученіе Христово твердо и безопасно отъ разныхъ ересей, лжеученій и соблазновъ не утвердится въ нихъ, пока на самомъ дѣлѣ не вообразится въ нихъ Христосъ (Дѣян. 20, 18—21. 29—30. 1 Сол. 2, 3—8. Гал. 4, 19). Таковое же точно свойство находимъ и въ священномученикахъ Христовыхъ. Каждый изъ нихъ пламенѣлъ любовію къ Господу и къ своимъ ближнимъ и, вслѣдствіе того, каждый жилъ собственно не для себя, а единственно и всецѣло для вѣчнаго спасенія ближняго. Просвѣтить невѣдущихъ свѣтомъ истины, охранить познавшихъ эту истину отъ измѣны ей, измѣнившихъ же возвратить обратно въ ограду церкви Христовой: вотъ что было постояннымъ дѣломъ, постоянною, незнавшею никогда покоя, заботою священномучениковъ Христовыхъ!

«И престоломъ намѣстникъ Апостоломъ бывъ». Единоравные св. Апостоламъ священномученики Христовы, называются намѣстниками (*διάδοχος*), или, все то же, преемниками апостольскихъ престоловъ (*θρονων*), т.-е. апостольской власти учить, священнодѣйствовать и пасты стадо Христово. Какъ они получили власть сію? Не самовольно, а законно, чрезъ преемственное, идущее отъ Апостоловъ рукоположеніе, облекшее ихъ въ священный санъ епископства или пресвитерства (1 Тим. 4, 14. Тит. 1, 5. Дѣян. 14, 23. Ефес. 4, 11—13) И такъ какъ рукоположеніе это есть не простой, изо-

брѣтанный челоуѣкомъ, не привносящій никакой силы, обрядъ, а установленное самимъ Богомъ таинство, низводящее благопотребную благодать Святаго Духа (Еф. 4. 11. 2 Тим. 1, 6), то священномученики Христовы чрезъ воспринятое ими священное рукоположеніе, содѣлались орудіемъ благодати Божіей, чрезъ нихъ дѣйствовавшей къ просвѣщенію и освященію душъ. И что они были достойнымъ орудіемъ благодати Святаго Духа, видно изъ того, что они будучи причастниками власти апостольской, были, какъ сказано выше, единоправными Апостоламъ, и что подобно имъ, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, страдали за Христа.

«Дѣяніе обрѣлъ еси, Богодухновенне, въ видѣніа восходѣ», говорится далѣе въ церковной пѣсни. Какое это святой священномученикъ Христовъ обрѣлъ дѣяніе, возвысившее его до видѣніа? Подъ такимъ «дѣяніемъ», какъ видно изъ ученія св. отцевъ церкви, надобно разумѣть въ челоуѣкѣ подвижничество его, какъ война Христова. Въ истинныхъ христіанахъ оно достигаетъ до такой высокой степени духовнаго преспѣянія, до какой только можетъ восходить бранный челоуѣкъ. Душа челоуѣка, достигшаго высшей степени духовнаго преуспѣянія, по ученію одной церковной пѣсни, бываетъ такъ свѣтла, чиста и прозрачна, что въ ней, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражается свѣтъ трехъ лицъ Святыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа (См. въ Окт. Антифонъ 4 гласа). Въ семъ состояніи душа христіанина, непостижимо для него самого (Іоан. 3. 8. 1 Кор. 2, 14—12; 15, 2—4), въ награду за свои подвиги, удостоивается по временамъ чудныхъ и неизреченныхъ видѣній. По ученію подвижниковъ христіанскихъ, «челоуѣкъ восхищается тогда на третье небо, слышитъ неизреченные глаголы, ихъ же не лѣтъ есть (то-есть невозможно) челоуѣку, подъ чувствомъ сущу, услышати, вкушаетъ неизреченныя блага, ихъ же око не видѣ и ухо не слыша, дѣлается служителемъ тайнъ

Божіихъ и блаженнымъ покоемъ почиваетъ совершенъ въ совершенномъ Бозѣ: тогда совокупляется онъ превысочайшимъ силамъ херувимовъ и серафимовъ, и приѣмлетъ ихъ слово, премудрость и разумъ» (См. въ Добротолубіи ч. 4, стр. 67, ученіе смиреннаго Никиты). «Какъ по кончинѣ міра праведники живутъ въ царствіи, свѣтъ и славъ, ничего болѣе не созерцая, какъ только то, какииъ образомъ Христосъ присно сіяетъ въ славъ одесную Отца: такъ и сіи души, изъ настоящаго вѣка плѣненные и восхищенные Духомъ въ иной свѣтъ, созерцаютъ все, что ни есть тамъ превосходнаго и чуднаго. Будучи еще на земли, они обитаютъ на небесѣхъ, тамъ живутъ, и тамъ пребываютъ по духу и внутреннему челоуѣку» (См. въ бес. XVII Макарія Вел. параграфъ 4).

«Дѣяніе обрѣлъ еси *Богодухновенне*... Именуя священномученика *Богодухновеннымъ*, Церковь выражаетъ ту истину, что хотя собственнымъ произволеніемъ и собственною дѣятельностію (*дѣяніемъ*) достигъ св. Священномученикъ Христовъ восхода къ видѣнію, такъ какъ благодать Божія не стѣсняетъ никогда свободы челоуѣка, производитъ въ немъ свое дѣйствіе только тогда, когда «возгрѣвается» достойною его дѣятельностію: но откуда же происходитъ эта достойная благодати Божіей дѣятельность челоуѣка, какъ не отъ сей же самой благодати? Самъ собою, своими только силами бранный челоуѣкъ не только не можетъ сдѣлать, но даже и помыслить что либо доброе (2 Кор. 3, 5). «Богъ есть дѣйствующій въ немъ, и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи» (Филип. 2, 13). Св. Іоаннъ Златоустый такъ объясняетъ эти слова Апостола: «когда ты захочешь, тогда и Онъ (то-есть Господь Своєю благодатію) будетъ дѣйствовать — «еже хотѣти»; Онъ дастъ намъ и ревность и совершеніе дѣла» (На посл. къ Филип. бес. 8). Итакъ, если достигли святые священномученики Христовы «дѣяніемъ» своимъ, — своими подвигами, «вос-

хода въ видѣніа», — если сохранили въ себѣэтотъ высшій даръ благодати Божіей до конца: то это именно отъ того, что они были постоянно вдохновляемы всеильною благодатію Божіею, — вдохновляемы же были постоянно сею благодатію Божіею отъ того, что были постоянно вѣрны ей своимъ соизволеніемъ и своею дѣятельностію, — благодать Божія постоянно находила въ нихъ для своихъ дѣйствій удобопріемлющую почву.

«Сего ради слово истины исправляя, и вѣры ради пострадалъ еси даже до крове»: т.-е. ты пострадалъ до крови за ревность въ исправленіи, или проповѣданіи слова истины (2 Тим. 2, 15), и за вѣру, — «вѣры ради». Ради какой вѣры? Ради вѣры, конечно, христіанской, но точнѣе и ближе къ связи рѣчи подъ вѣрою здѣсь надобно разумѣть вѣрность исправляемому священномученикомъ слову истины, свойственную всѣмъ истиннымъ служителямъ Христовымъ и строителямъ Тайнъ Божіихъ, по слову Апостола: «а отъ домостроителей требуется, чтобы каждый оказывалъ себя вѣрнымъ» (1 Кор. 4, 1—2). Въ Священномъ Писаніи слово: *вѣра* неоднократно употребляется въ смыслѣ вѣрности, такъ, на примѣръ, — Мѡ. 23, 23. Рим. 3, 3. Что каждый изъ святыхъ священномучениковъ Христовыхъ былъ вѣренъ исправляемому имъ слову истины, этому ручательствомъ служить то, что ради сей-то вѣрности онъ, какъ говорится далѣе въ пѣсни, «пострадалъ даже до крове».

«Пострадалъ еси даже до крове». Здѣсь разумѣются преимущественно мученическія страданія и мученическая смерть, претерпѣнныя священномученикомъ Христовымъ за вѣрность слову истины, но также и вообще вся подвижнически-страдальческая пастырская его дѣятельность. Священномученики Христовы, будучи вѣрными служителями вѣреннаго имъ для возвѣщенія ученія истины (2 Тим. 2, 2, 4, 2), истинными

пастырями церкви Божіей, а не наемниками (Іоан. 10, 11—12), добрыми воинами Господа Іисуса Христа (2 Тим. 2, 3),—какъ много должны они были употребить усилій, сколько должны были претерпѣть скорбей и борьбы, въ теченіе пастырской своей дѣятельности! Съ одной стороны должны они были изъ пасомыхъ ими овецъ слабыхъ въ вѣрѣ поддержать и увязленныхъ грѣхомъ врачевать, съ другой—угнанныхъ возвратить и затерявшихся сыскать, дабы, какъ тѣ, такъ и другія не погибли на вѣки. Не уклонялись они отъ своей тяжелой и трудной обязанности ни передъ какими угрозами враговъ истинной вѣры, ни передъ какими мученіями, ни передъ самою мученическою смертію,—рѣшались на все, дабы только не измѣнить истинѣ, въ которой должны были дать отчетъ на страшномъ судѣ Божіемъ,—и вотъ вѣрность ей и увѣнчали они побѣдоноснымъ вѣнцомъ мученическихъ страданій и смерти. Вся эта, состоящая изъ однихъ скорбей, борьбы и страданій пастырская дѣятельность cadaго изъ священномучениковъ Христовыхъ и изображается въ выраженіи пѣсни: «пострадалъ еси даже до крове». Что въ упомянутомъ широкомъ смыслѣ надобно понимать слово «пострадалъ,» это ясно видно изъ подлиннаго греческаго текста, гдѣ оно выражено глаголомъ: «εναθλεω» борюсь, подвигаюсь.—Что же укрѣпляло и одушевляло священномучениковъ въ этихъ страданіяхъ, въ этихъ подвигахъ? То, что имъ доступно было то высокое духовное состояніе, которое названо въ церковной пѣсни *видѣніемъ*. Сего-то именно *ради*, т. е. по причинѣ сего высокаго духовнаго состоянія они смѣло шли на встрѣчу всякимъ страданіямъ и тяжкимъ подвигамъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли страшиться какихъ-либо земныхъ мученій, не долженъ ли даже жадать этихъ мученій тотъ, чья душа достигла такой чистоты и совершенства, такого помазанія и освященія свыше, что, «подобно орлу, устре-

мляется горѣ, пренебрегаетъ всякую опасность въ надеждѣ на Бога, и на крыльяхъ вѣры возвышается отъ видимой твари и пребываетъ всегда какъ бы упоенная въ Богѣ» (Исаак. Сир. Сл. 5. въ Хр. Чт. 1821 г. ч. 2), чья душа «столько освящена и отъ всего чувственнаго отрѣшена, что Духъ Святый, восхитивъ ее къ небесному пристанищу и изъявъ изъ тѣла, поставляетъ на самомъ небеси, предъ лицезрѣніе Божіе» (Лѣств., стр. 168 на обор.). Дѣйствительно, какого священномученика Христова мы ни возьмемъ, каждый изъ нихъ, какъ пастырь церкви Христовой, и словомъ и самымъ дѣломъ былъ вождемъ для паствы своей къ св. мученичеству, и если укрывались нѣкоторые изъ нихъ отъ мученичества, какъ напри- мѣръ, Поликарпъ, епископъ Смирнскій (февр. 23), Киприанъ, епископъ Карфагенскій (авг. 31), то укрывались на время, и притомъ не по страху мученій, а для блага своихъ пасомыхъ, чтобы не оставить ихъ безъ пастырскаго руководства и тѣмъ на вѣки не погубить ихъ; какъ скоро же наступало благо- потребное время для св. мученичества, какъ скоро ощущали священномученики въ себѣ призывающій къ мученичеству го- лось благодати Божіей, они тогда первые шли на мученія и какъ во плоти Ангели и небесніи челоуѣцы, шли на эти му- ченія съ необыкновенною радостію, какъ-бы на нѣкое высо- кое торжество. Чтобы яснѣе видѣть это, стоитъ прочесть предмученическое посланіе Игнатія, епископа Антиохійскаго къ Римлянамъ, это умилительное изліяніе чувствованій высо- кой его души. «О еслибы не лишиться мнѣ», пишетъ онъ между прочимъ, «приготовленныхъ для меня звѣрей! Молюсь, чтобъ они съ жадностію бросились на меня. Я заманю ихъ, чтобы они тотчасъ же пожрали меня, а не такъ, какъ они нѣкоторыхъ побоялись и не тронули. Если добровольно не за- хотятъ, я ихъ принужу. Простите мнѣ; я знаю, что мнѣ по- лезно. Теперь только начинаю быть ученикомъ. Ни видимое,

ни невидимое—ничто не удержитъ меня придти къ Іисусу Христу.... Лучше мнѣ умереть за Іисуса Христа, нежели царствовать надъ всею землею. Его ищу, за насъ умершаго, Его желаю, за насъ воскресшаго»... (гл. 5—8). Такъ всецѣло были погружены въ Бога, такъ духомъ своимъ парили на небѣ и всѣ прочіе святые священномученики Христовы, и этимъ одушевлялись къ перенесенію страданій.

«Священномучениче (такой-то) моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ». Всю жизнь свою земную провели священномученики Христовы въ заботѣ о душевномъ спасеніи своихъ ближнихъ. Могутъ ли они не заботиться о нихъ по преселеніи своемъ на небо, въ вѣчное блаженство? Нѣтъ, — «любы николиже отпадаетъ» (1 Кор. 13, 8). Если на землѣ, въ брennomъ тѣлѣ, изъ пламенной любви къ своимъ ближнимъ, они неустанно заботились о душевномъ ихъ спасеніи, то можно ли предполагать, чтобы на небѣ, — въ вѣчномъ блаженствѣ, по отрѣшеніи отъ тягостей немощнаго тѣла, они оставили эту заботу? Нѣтъ, — они умерли съ этою заботою (см. предсмертную молитву священном. Власія), эта забота перешла съ ними и на небо. Та только разница теперешней небесной ихъ заботы отъ земной прежней: прежде на землѣ въ немощномъ ихъ тѣлѣ эта забота сопровождалась для нихъ скорбями и страданіями, теперь же составляетъ для нихъ радость и блаженство; прежде забота ихъ стѣснялась разными земными препятствіями, — теперь же «смерти не будетъ» для нихъ болѣе (Апок. 21, 4), теперь находясь предъ лицомъ Божиимъ (1 Кор. 13, 12) предъ самымъ Престоломъ благодати Божіей, они легко и удобно дарами исполняющей ихъ въ избыткѣ благодати Божіей могутъ споспѣшествовать вѣчному спасенію всѣхъ съ вѣрою прибѣгающихъ къ ихъ помощи и молитвамъ.

Д. Н. Воиновъ.

Р Ъ Ч Ъ

послѣ постриженія монахини Валеріи, въ міру баронессы ВѢРЫ Александровны Боде, въ соборной Введенской церкви женскаго Серпуховскаго Владычняго монастыря, сказанная Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ, 31 генваря 1871 года.

Кто взыдетъ на гору Господню? Кто станетъ на мѣстѣ святѣмъ Его? Псал. 23, 3.

Думала ли ты, новопостриженная сестра Валерія, думала ли ты въ ночь сію о сихъ словахъ? Знаю, что думала, но можетъ быть недоумѣвала: гдѣ и что за гора, на которую тебѣ взойти должно?

Когда, за 13 лѣтъ, пришла ты, младая дѣва, въ монастырь, утвержденный на костяхъ героевъ, падшихъ въ великой битвѣ за отечество ^(а), ты не *горы* искать пришла, не возвышенія. Напротивъ, тамъ пышныя одежды, высокому роду твоему свойственныя, по доброй волѣ твоей, пали къ ногамъ твоимъ, поправы тобою, и черная власяница, замѣнившая ихъ, непрестанно говорила тебѣ о смерти, о плачѣ по грѣхамъ, и если

(а) Спасо-Бородинскій общежительный, на мѣстѣ Бородинской битвы основанный вдовою падшаго въ сей битвѣ генераль-маіора Тучкова, рожденною Нарышкиною, которая въ монашествѣ названа Марією и была первою игуменією этой обители. Преемницею ея была Сергія, въ мірѣ княгиня Волховская, нынѣ переведенная на настоятельство въ Московскій первокласный Вознесенскій монастырь на мѣсто скончавшейся игуменіи Паисіи.

чему радоваться могло сердце твое, то развѣ сладкимъ слезамъ печали по Бозѣ, утверждающей на пути покаянія. Гдѣ тутъ гора, гдѣ возвышеніе? Долу поникшая глава, очи пеленою слезъ покрытая, мысли въ могилу устремленныя—это ли признаки дороги къ возвышеніямъ? Нѣтъ, это путь въ глубокую долину самоуничиженія, путь добрѣйшей смиренія, путь слезъ, и крови ^(б), и креста. И вотъ этимъ-то благословеннымъ путемъ шествуя, могла ты ожидать, что имъ пройдеши тихо до гроба... Но внезапно раздался голосъ высокой священной власти, отъ Бога надъ нами съ тобою поставленной, и, когда, дерзая о Господѣ, на вопросъ: «кого пошлю въ страну отдаленнѣю на служеніе новое и трудное» ^(в), ты отвѣтила: «се азъ, носли мя», тогда испытующій голосъ сей благодушной власти, и въ ней голосъ Неба, сказалъ тебѣ: «довольно; Господь пріемлетъ твое послушаніе, цѣлуетъ твое намѣреніе; ты не пойдеши далеко»,—и нашей мѣрности повелѣно: покрыть тебя мантиею монашескою, чтобы она связала и остатокъ твоей воли, какъ путами связуютъ ноги птицѣ небесной. Се, отнынѣ ты уже добровольно преданное въ чужую, высшую волю разумное ея орудіе; отнынѣ нѣтъ въ тебѣ баронессы Вѣры, а есть монахиня Валерія. Вотъ наконецъ гора Господня, святое возвышенное мѣсто, — это здѣсь, въ монашествѣ твоёмъ.

(б) Крѣпкій подвигъ иноческій отцы именуютъ иногда пролитіемъ крови.

(в) Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Иннокентій изволилъ обратить на нее вниманіе, когда открылась надобность замѣстить вакансію начальницы епархіальной общины сестръ милосердія во Исковѣ, которая состоитъ въ связи съ Московскою епархіальною общиною сестръ милосердія: первоначальное устроеніе и послѣдующее руководство той и другой общины, по волѣ Государыни Императрицы, поручено одному и тому же лицу, игуменѣи Серпуховскаго Владычняго монастыря, Митрофаніи, рожденной баронессѣ Розенъ.

По разуму отцевъ слова Христовы: «такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ человеки», — «не можетъ градъ укрытисѣ верху горы стоя» и т. под., особенно относится къ монашеству. Христіанинъ при крещеніи далъ обѣты въ вѣрности Христу; монахъ торжественно повторилъ ихъ и труднѣйшіе избралъ для особеннаго внутренняго дѣланія: обѣтъ чистоты тѣла и духа, отложеніе своей воли, обѣтъ нищеты. Никто къ этому не принуждалъ. Онъ какъ бы выдвинулъ себя изъ общей среды и занялъ мѣсто въ первыхъ рядахъ Церкви, воинствующей на землѣ противъ діавола, міра и плоти, и потому естественно, что плоть, и міръ, и діаволъ обращаютъ противъ монаха всѣ свои оружія съ особенною силою. По крещеніи, христіанинъ отличенъ отъ прочаго міра бѣлою одеждою чистоты; таинственная баня покаянія дана ему на случай оскорбленія сей чистоты грѣхомъ; монахъ, облеченіемъ въ черную одежду, отдѣлилъ себя отъ прочихъ братій о Христѣ и засвидѣтельствовалъ тѣмъ, что онъ непрестаннымъ плачемъ хочетъ измывать эту одежду, хотя, вмѣстѣ со всѣми и чаще многихъ, пользуется для сего и банею покаянія. Отдѣляя себя отъ всѣхъ, онъ дѣлается видимъ для всѣхъ, какъ городъ подвѣшійся на гору. Его намѣренія, конечно, благія; но съ намѣреніями, торжественно заявленными, сочеталъ ли подвигъ и вѣрность въ подвигѣ—это и составляетъ тотъ вопросъ, который очи всѣхъ обращаютъ на монаха. Тутъ-то да свѣтитсѣ свѣтъ его. Иначе горе задумавшему столпъ создать и невозможному совершить; вступившему въ войну съ сильнымъ врагомъ, безъ надлежащихъ средствъ и потерпѣвшему поражение; низложенному послѣ великихъ намѣреній и громкихъ обѣщаній; горе многимъ отъ этого соблазна; но горчайшее горе тому, кѣмъ соблазнъ приходитъ.

Но довольно пребывать слову нашему у подошвы горы: какъ бы не пришло малодушіе при видѣ трудности восхожде-

нія. Наша робость—радость врагу; наше мужество—печаль ему, начало его гибели. Мы съ тобою, какъ и многія здѣсь, священнымъ чиномъ изведены изъ среды, возведены на гору облеченіемъ въ монашество. Спросимъ теперь Псалмопѣвца: кто же можетъ устоять на горѣ, на святѣмъ мѣстѣ, съ твердостью?

Отвѣтъ его краткій: «тотъ, кто неповиненъ руками, чистъ сердцемъ, не преданъ суетѣ, не измѣняетъ клятвамъ».

Неповиненъ руками, т.-е., кто дѣятельно, вѣрно исполняетъ послушанія, возлагаемыя на монаха; уклоняется отъ порока и отъ всякаго вида зла; избѣгаетъ непостоянства, лѣности и праздности, въ которой источникъ безчисленныхъ золъ.

Чистъ сердцемъ: не довольно, чтобы вѣшняя жизнь и дѣятельность были благовидны. Никакое растеніе не твердо безъ корня, никакое зданіе—безъ основанія. Сердце наше есть этотъ корень, это основаніе зданія. Здѣсь-то внутри его какъ бы о камень, о твердую волю, вѣру и смиреніе, разбиваются младенцы, т.-е. начатки страстей, вредныхъ привычекъ, пагубныхъ дѣлъ.

Не преданъ суетѣ. Кто и хорошій дѣлатель, у кого и внутренняя жизнь сердца въ соотвѣтствіи съ вѣшними его дѣлами, и тотъ да будетъ на сторожѣ. Суета мірская то со своими преувеличенными похвалами воздымаетъ насъ изъ глубины смиренія и увлекаетъ за наши предѣлы; то со своими клеветами, порицаніями, лжами приводитъ насъ въ смущеніе и уныніе и отвлекаетъ отъ дѣланія и вѣшняго и внутренняго.

Не измѣняетъ клятвъ. Вѣшній трудъ, храненіе сердца, осторожность при соприкосновеніи съ суетнымъ міромъ—все это, вмѣстѣ взятое, есть ограда вѣрности обѣтамъ. Если вѣрность простымъ обѣщаніямъ всеміи благомыслящими дорого цѣнится, даетъ вѣсь человѣку; то кольми паче торжествен-

ные обѣты, Богу данные, должны быть высоко цѣнны и хранимы, какъ духовная жемчужина, утратить которую значить утратить и надежду на спасеніе; соблюсти которую значить найти вѣрнѣйшій доступъ къ Законоположнику Христу, источнику всякаго блага, ибо, по слову Его, кто хранитъ обѣщанную вѣрность Его заповѣди, тотъ Ему и отецъ, и братъ, и сынъ, и сестра, и мать.

Щедродатель, вѣрный во всѣхъ словесѣхъ Своихъ и непреложный въ обѣщаніяхъ Своихъ, да даруетъ же тебѣ, сестра Валерія, трудолюбіе неусыпное, постоянное храненіе сердца отъ всякія нечистоты, отвращеніе внутреннее и внѣшнюю осторожность и мужество при встрѣчѣ съ суетою и всѣмъ, что совлекаетъ насъ съ прямого пути монашества на распутіа міроугожденія; наконецъ обѣты твои предъ взоромъ ума твоего да будутъ непрестанно—какъ бы надпись печати, или вратъ дома. При всякомъ новомъ обстоятельстве, при всякомъ начинаніи, взоръ ума твоего долженъ прочитывать и глосль сердца вопіять тебѣ: «цѣломудріе, смиреніе, безкорыстіе!»

Честнѣйшая матеръ игуменія Митрофанія! чистыми руками души, нынѣ очищенной покаяніемъ и освященной Св. Тайнами Христовыми, пріими сію духовную овцу, введенную во внутренній овчій дворъ Домовладыки небеснаго. Ему ты дашь отвѣтъ въ день страшнаго воздаянія. Молитвою, совѣтомъ опыта, примѣромъ, всѣмъ, чѣмъ можешь, помогай ей содѣлаться жертвою Богу живую, чистою, святою! Непродолжителевъ будетъ подвигъ твоего ближайшаго руководствованія, по особенности ея призванія; но тѣмъ тщательнѣе долженъ быть твой трудъ, или сказать правильнѣе, вашъ общій трудъ. Ея предварительное продолжительное, не безтрудное, не безскорбное уготовленіе къ монашеству, ея добрая воля и смиреніе сердца, твоя же къ ней любовь и опытность будутъ вашими союзниками и помощниками.

Возьмите врата князи ваща, или поднимите врата верхи ваши, т.-е. смиреніемъ и чистотой, открой, избранная, открой себя потоку благодати, и увидеть Царь славы, сильный помощникъ въ духовной брани, увидеть Женихъ небесный въ дѣвственный, Ему уневѣщенный чертогъ твоей души, и соединится съ нею отнынѣ и въ вѣкъ вѣка.

Р ъ ч ь

ПРИ ВРУЧЕНІИ ПОСОХА НОВОПОСВЯЩЕННОЙ МОСКОВСКАГО СТРАСТНАГО МОНАСТЫРЯ ИГУМЕНІИ ВАЛЕРІИ, СКАЗАННАЯ ВЪ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ СЕГО МОНАСТЫРЯ ЛЕОНИДОМЪ ЕПИСКОПОМЪ ДМИТРОВСКИМЪ ФЕВРАЛЯ 21 ДНЯ 1871 Г.

Преподобная мать игуменія Валерія!

Благодатію всесвятаго и живоначальнаго Духа—Бога, по благоизволенію архипастыря нашего, чрезъ нашу мѣрность, возведена ты на начальство духовное во святую обитель преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи (иконы ея Страстныя), «еже пасти тебѣ въ санѣ игуменіи Христовы паствы словесныя овцы, стяжанныя дражайшею кровію агнца пречиста и непорочна Христа».

Когда—и это такъ недавно—на призывѣ свирѣли пастыря вышла ты изъ среды стада словесныхъ овецъ, на отдаленныхъ, пустынныхъ пажитяхъ пасущагося, и явилась среди многшумной столицы, тебѣ и на мысль не могло приходить, что въ пустыню, тобою избранную, гдѣ ты провела столько лѣтъ, не возвратишься болѣе, что здѣсь, въ средоточіи этого славнаго града, приметъ тебя иная обитель, но не какъ убѣжище и мѣсто покоя, а какъ попріще самаго многдѣльнаго поелушавія, самаго многотруднаго подвига—начальственнаго. Все твое прошедшее, и мірское и монастырское, даетъ успо-

коительное удостовѣреніе, что отъ души твоей далека гордыня властительства и напыщенность возвышеннымъ и виднымъ положеніемъ; имѣемъ, напротивъ, доказательства, что пустынолюбіе производитъ въ тебѣ трепеть за неопытность въ общественномъ дѣлѣ и страхъ ответственности за многихъ не предъ людьми только, но и предъ Богомъ. Противъ сихъ страхованій, столь понятныхъ, даже можетъ быть, похвальныхъ, да оградить тебя, какъ крѣпкій щитъ, слово древняго монахоначальника: «великое дѣло, — говоритъ тебѣ Лѣствичникъ, — благодушно и мужественно переносить бездѣйствіе безмолвія; несравненно же выше не страшиться мятежей, но и при шумѣ ихъ сохранять небоязненное и непоколебимое сердце, проводя время наружно съ людьми, а внутренно съ Богомъ», — и другое его слово: «никакой даръ нашъ не благопріятенъ такъ Богу, какъ приносимыя ему разумныя души, ибо цѣлый міръ не равноцѣненъ душѣ».

Ты имѣешь преимущество предъ многими въ томъ, что высота среды, родившей и воспитавшей тебя, приучила тебя не теряться въ шумѣ моголудства, а пустыня научила тебя входить внутрь себя такъ, чтобы и въ уединеніи, и въ обществѣ всегда стоять внутренно предъ Богомъ Всевидящимъ. Воспользуйся и тѣмъ и другимъ, на спасеніе свое и вѣренныхъ тебѣ.

Смиреніе и чистота, молитва и рачительность, кроткое и любовное, но вмѣстѣ разумное и твердое слово, постоянный примѣръ преподобнаго жительства, готовность защищать словесныхъ твоихъ овецъ и сильно поражать мысленныхъ волковъ, воютъ ли они кругомъ ограды или проникли внутрь ея, готовые на растерзаніе—вотъ что благопотребно для желающихъ благоуспѣшно вести словесную паству отъ тлѣннаго къ нетлѣнному, отъ земли на небо.

Тебя и въ этомъ много облегчаетъ то, что пріемлешь обитель отъ руки ^(а), употребившей много труда на воздѣланіе духовной нивы, и ты входишь въ сей трудъ, который надобно болѣе продолжать и усовершенствовать, нежели измѣнять и исправлять. Здѣсь и внѣшнее, вещественное, благовидно и внутреннее, духовное, доброкачественно; но тѣмъ не менѣе трудъ, предлежащій тебѣ, великъ. Внѣшнее, по свойству своему, ветшаетъ, и требуетъ поддержки и возобновленій, а обитель не обильна средствами; внутреннее, также по свойству своему, требуетъ постояннаго безконечнаго усовершенія, а міръ, волнующійся у самыхъ стѣнъ обители, не союзникъ тебѣ, а скорѣе врагъ въ этомъ дѣланіи ^(б).

Но да не смущается сердце твое. Воспомяни святителя Тихона, и то, какъ сокровище, отъ міра собираемое, можетъ ^(а) обогащать души: благо душевное ввѣряемыхъ тебѣ должно составлять твою первую заботу. Сколь возможно ограждай себя и сестръ отъ суеты міра, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сколь возможно болѣе благотвори ему въ кругъ дѣйствій, свойственныхъ иночеству. Какъ должно — хранись отъ міра; какъ можно — собирай отъ него духовное сокровище. Вступающія въ обитель измѣненіемъ жизни не доброй, усовершеніемъ доброй, да убѣждаютъ міръ въ достоинствѣ жительства дѣвственницъ

(а) Предшественница Валеріи—игуменія Антонія, переведенная на настоятельство московскаго Алексѣевскаго монастыря. Примѣчательно, что изъ семи женскихъ столичныхъ обителей (осьмая единовѣрческая) четыре имѣютъ настоятельницъ изъ инокинь, полагавшихъ начало въ Спасо-Бородинскомъ монастырѣ. Въ старѣйшемъ изъ московскихъ женскихъ монастырей, Вознесенскомъ, настоятельствуется игуменія Сергія, бывшая настоятельница Бородинскаго монастыря, въ Алексѣевскомъ Антонія, въ Зачатіевскомъ Калерія, наконецъ въ Страстномъ Валерія.

(б) Страстной монастырь на главной городской улицѣ Тверской.

(а) Указаніе на извѣстное сочиненіе св. Тихона: «Сокровище, отъ міра собираемое.»

и вдовиць, удалившихся отъ міра; приходящіе на молитву въ монастырскіе храмы да получаютъ и утѣшеніе и назиданіе отъ внятнаго чтенія, умилительнаго пѣнія, благолѣпнаго служенія, для чего никакой храмъ приходскій не имѣетъ столько средствъ; наконецъ съ тою же любовію, какой опыты уже имѣются, да исходятъ сестры обители на служеніе страждущимъ ближнимъ въ ихъ нуждахъ — къ больнымъ для успокоенія и утѣшенія ихъ, къ умирающимъ для содѣйствія имъ въ приготовленіи къ христіанскому переходу въ жизнь будущаго вѣка, къ невѣдущимъ и заблуждающимъ — съ словомъ наученія и увѣщанія ^(а). Все сіе послужитъ къ возвышенію духовной жизни иночествующихъ, а благодарность и почтеніе общества къ обители, когда будетъ нужно, поддержитъ ея стѣны, послужитъ къ возвышенію благолѣпія храмовъ и улучшитъ содержаніе подвижницъ послушанія, труда и благотворенія.

Сестры обители! Ваше доброе дѣланіе послушанія, которыми служили вы донувѣ своему же спасенію, потщитесь продолжить при новопоставленной надъ вами начальницѣ, да безпечно, бодро и радостно трудится она для васъ и молится за васъ.

(а) По благословенію въ Бозѣ почившаго архипастыря московскаго, митрополита Филарета, инокини нѣкоторыхъ московскихъ монастырей исполняютъ обязанности сестръ милосердія при женскихъ отдѣленіяхъ нѣкоторыхъ столичныхъ больницъ, занимаются въ разныхъ заведеніяхъ обученіемъ дѣвицъ закону Божію и духовнымъ собесѣдованіемъ съ женщинами, заключенными въ темницу и возставляемыми отъ паденія. Въ числѣ прочихъ и инокини Страстнаго монастыря. Первоначально въ это трудное благодѣланіе вошли игуменія Вознесенская—Паисія и Алексѣевская—Иларія. Обѣ почилы—Иларія въ декабрѣ 1870, Паисія въ генварѣ 1871. Паисія была и предсѣдательницею дамскаго въ Москвѣ комитета Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ.

Братія сомолитвенники наши, изъ міра пришедшіе! Вы пришли сюда на молитву воскреснагодня и стали участниками торжественныхъ молитвъ обители по случаю особому. Да соединятся ваши молитвы съ молитвами сестръ обители о ихъ благѣ, наипаче духовномъ. Братія! не всѣ мы призваны къ монашеству, какъ не всѣ призваны къ жизни семейственной; но всѣ мы чада единыя Церкви православныя, монахи и мірскіе, призваны къ тому, чтобы содѣйствовать другъ другу и молитвою, и попеченіями во общее благо, да все тѣло церковное стройно возрастаетъ въ храмъ духовенъ Господу!

Теперь пріими, игуменія Валерія, этотъ жезлъ, вручаемый тебѣ благою волею архипастыря нашего, пріими его для себя-самой какъ опору смиренно-сознаваемой немощи, для подчиненныхъ тебѣ — какъ знаменіе ихъ охраненія и путевожденія.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ЯНВАРЬ.

1871.

ВОСПОМИНАНИЕ О ТРЕХЪ РУССКИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ СВАЩЕННИКАХЪ.

(Изъ прожитаго, но не забытаго прошлаго.)

I.

Мои личныя воспоминанія дѣтскаго, юношескаго и мужскаго возраста тѣсно связаны съ воспоминаніемъ о нѣсколькихъ высоко нравственныхъ личностяхъ изъ числа тѣхъ смиренныхъ дѣлателей въ вертоградѣ Божіемъ, которые называются русскими священниками. О нихъ-то и намѣренъ повѣдать въ настоящей статьѣ во славу Божію и на пользу ближнимъ,—прочтя въ Странникѣ (1866 г.) прекрасную статью протоіерея Г. Дебольскаго, гдѣ встрѣчаются справедливыя нареканія на быстрое измѣненіе прежнихъ добрыхъ отношеній нашей образованной среды къ своему духовенству; а кто знаетъ, на чемъ основываются эти отношенія, тотъ пойметъ, что измѣненіе ихъ въ свою очередь можетъ послужить и вѣрнымъ мѣриломъ нравственнаго бытія той среды, о которой идетъ рѣчь.

Предокъ мой былъ изъ числа патріаршихъ бояръ; дѣдъ мой принадлежалъ къ числу крупныхъ вотчинниковъ Ка—ой губерніи Ко—го, уѣзда, въ которомъ владѣлъ въ началѣ текущаго столѣтія селомъ *Бурнашевымъ* съ нѣсколькими окрестными деревнями; но такъ какъ онъ имѣлъ многочисленное семейство, состоявшее изъ 12 сыновей и 8 дочерей, то по раздѣлѣ наслѣдства (родоваго и благопріобрѣтеннаго) почти на равныя доли между братьями и сестрами, отецъ мой, дяди и тетки сдѣлались уже владѣльцами мелкопомѣстными и за исключеніемъ одного изъ дѣдей,

оставались таковыми до послѣдней крестьянской реформы; послѣ службы на разныхъ поприщахъ (военномъ и гражданскомъ) они мирно покончили свой вѣкъ въ родовыхъ своихъ помѣстьяхъ, лично управляя небольшими, но по тогдашнему благоустроенными хозяйственно имѣніями.

Большинство моихъ родныхъ по сему были прихожанами села Бурнашева, главнаго помѣстья моего дѣда, гдѣ погребенъ онъ самъ и почти всѣ мои дяди и тетки родные и двоюродные. Сельская наша церковь, посѣщаемая аккуратно своими прихожанами помѣщиками и помѣщицами, служила для нихъ духовной и вмѣстѣ родственной связью. Послѣ обѣдни, обыкновенно всѣ собирались у жившей въ селѣ старушки двоюродной тетки моей Ак. Ап. С—ы, благочестивой вдовы, которая всю свою жизнь посвятила молитвѣ и благотворительности, подъ руководствомъ нашего сельскаго священника о. *Тихона Тихомірова*. На немъ-то и останавливаются одни изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній моего дѣтства. Какъ теперь смотрю на этого почтеннаго старца, живаго и веселаго въ свои 60 лѣтъ, умнаго, дѣятельнаго и благочестиваго, равно любимаго всѣми своими прихожанами,—помѣщиками и крестьянами. Помню, что онъ выучилъ меня писать, и увидавъ, какъ бойко я читаю гражданскую печать (выученный матерью), но плохо еще разбираю церковную, заботливо занялся обученіемъ меня чтенію и церковной печати, серьезно говоря матушкѣ: „это дѣло святое, его надобно начинать съ начала,—а начало гдѣ? Не въ той ли книгѣ, въ которой читается: въ началѣ бѣ Слово...“ О, какъ я глубоко признателенъ доброму старцу за этотъ трудъ любви его, который такъ много принесъ мнѣ душевной пользы, когда въ послѣдствіи душа, сознавъ, по благодати Божіей, суету обыденной жизни, обратилась отъ кладенцевъ сокрушенныхъ къ источникамъ воды живой,—*возжада къ Богу живому и крѣпкому!* Первые сѣмена благочестія были посеяны въ моемъ сердцѣ рукою моей приснопамятной, глубоко благочестивой матери; но о. Тихонъ принималъ въ возвращеніи ихъ живое, истинно отеческое участіе. Особенно благотвно дѣйствовало на меня церковное богослуженіе; родители всегда брали меня съ собою, когда ѣздили въ церковь (отстоявшую отъ нашего сельца на 5 верстѣ), и большою для меня наградою было, если родитель, нерѣдко заходившій послѣ обѣдни къ батюшкѣ на чашку чай, бралъ меня съ собою и туда. Ласки добраго и любвеобильнаго старца и его семьи и теперь еще живы въ моей благодарной па-

мяти. Подъ большіе праздники у насъ въ домѣ всегда бывала всенощная, для служенія которой о. Тихонъ прѣзжалъ съ своимъ клиромъ; отъ насъ отправлялись (за 4 версты) къ теткамъ; не могу понять, какъ онъ умѣлъ такъ хорошо распорядиться своимъ временемъ, что вездѣ успѣвалъ и всѣ были имъ довольны, но знаю, что это было именно такъ. Черезъ наше сельцо пролегла дорога въ уѣздный нашъ городъ, куда о. Тихонъ нерѣдко ѣзжалъ, какъ по служебнымъ, такъ и по домашнимъ дѣламъ, и это давало намъ пріятные случаи видѣть его часто своимъ гостемъ: хоть на четверть часа, а непременно заѣдетъ и при этомъ случаѣ мнѣ, его маленькому любимцу, радостно выбѣгавшему къ нему на встрѣчу лѣтомъ на дворъ, а зимою въ сѣни, всегда доставалась на долю его первая отеческая ласка и благословеніе, которыми я привыкъ дорожить наравнѣ съ родительскими. Также онъ заходилъ къ намъ всегда, когда бывалъ на деревнѣ для посѣщенія больныхъ. Покойная же моя матушка постоянно заботилась о уходѣ за больными крестьянами, ихъ женами и дѣтьми, и ближайшей помощницей ея въ этомъ дѣлѣ была одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ, которая подъ ея непосредственнымъ руководствомъ такъ напрактиковалась въ домашнемъ леченіи, что получила отъ народа названіе „дѣвушки лекарки“, и къ ней приходили изъ всего округа за совѣтами и лекарствами. При этомъ одной изъ главныхъ заботъ ихъ обѣихъ было, чтобы кто-нибудь изъ опасно больныхъ не отошелъ въ вѣчность безъ напутствія св. Таянъ, и о. Тихонъ никогда не заставлялъ повторять просьбу о семъ, являясь по первому зову съ духовною помощію и словомъ утѣшенія. Ни весеннее половодье (мы жили отъ села черезъ рѣку), ни осенняя бурная ночь, ни зимняя вьюга не могли удержать его отъ исполненія своего долга. „Максимиычъ, готовь лошадь“,— скажетъ старому инвалиду, завѣдывавшему мужскою частію хозяйства,— а самъ надѣнетъ на себя одежду, смотря по времени года, на голову шляпу или треухъ съ наушниками, въ руки возьметъ муфту, и простаясь съ своими, уже стоитъ на своемъ высокомъ крыльцѣ, въ ожиданіи повозки.

Ни одинъ семейный праздникъ (какъ напр. именины), какъ у насъ, такъ и у нашихъ родныхъ, прихожанъ села Бурнашева, не обходился безъ о. Тихона, который былъ всегда самымъ почетнымъ и вождедѣннымъ гостемъ, и праздникъ былъ бы не въ праздникъ, еслибы въ такой день обѣденный столъ не былъ украшенъ присутствіемъ люби-

мага батюшки. Взаимно и его домъ всегда былъ открытъ для своихъ прихожанъ; во время же говѣній служилъ въ-которымъ и единственнымъ пріютомъ въ теченіи цѣлой недѣли.

Овдовѣвъ. о. Тихонъ не упалъ духомъ подѣ этимъ дѣйствительно тяжелымъ для священника крестомъ, въ какіе бы годы и при какихъ бы обстоятельствахъ, онъ ни былъ посланъ; но именно мысль, что это крестъ не симодѣль-ный, а посланный свыше, а по сказанному: „чашу юже даде ми Отець, не имамъ ли пити ю?“ одна только эта мысль и можетъ подкрѣпить въ столь естественной скорби, въ которой какъ бы раздвоится живое существо по душѣ и тѣлу. Лишась спутницы своей благочестивой жизни, когда старшія дѣти уже были въ семинаріи, о. Тихонъ поручилъ женское хозяйство старшей дочери, а самъ тѣмъ прилежнѣе занялся младшими дѣтьми и мало-по-малу пристроилъ ихъ всѣхъ (а).

О. Тихонъ былъ примѣрнымъ хозяиномъ, но и въ этомъ умѣлъ найти счастливую середину: съ одной стороны онъ не пренебрегалъ своимъ домашнимъ и полевымъ хозяйствомъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые молодые и неопытные его собратія,—и это ставило его въ большую независимость отъ прихожанъ, позволяя быть чуждымъ всякой притязательности, а съ другой стороны—и не настолько увлекался своимъ хозяйствомъ, чтобы приносить этому занятію въ жертву не только существованія, ни и второстепенныя свои обязанности. Извѣстное же всѣмъ усердіе и непритязательность о. Тихона при исправленіи требъ, при извѣстной бѣдности и разчетливости на деньги нашего крестьянина, имѣли слѣдствіемъ то, что никто и никогда не отказывалъ о. Тихону въ посильной услугѣ, не говоря уже о помѣщикахъ, которые—кто давалъ ему опредѣленную годовую дачу хлѣба, кто дарилъ на съемъ десятину-другую луга, или позволялъ заготовлять въ своихъ лѣсахъ дровъ для церкви и дома и т. д.; крестьяне, по своей

(а) Старшій изъ сыновей о. Тихона по окончаніи курса въ Семинаріи поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія и въ послѣдствіи занималъ мѣсто директора въ одной изъ гимназій (кажется Симферопольской); другой сынъ пошелъ по военной службѣ и участвовалъ съ отличіемъ въ оборонѣ Севастополя. Желательно, если дойдутъ до нихъ эти задушевыя строки, чтобы и они откликнулись на нихъ болѣе подробной біографіей своего старца родителя.

совѣстливости въ отношеніи „добраго батюшки“, наперывъ предлагали ему свои услуги и пріѣзжая къ обѣднѣ привозили *новинки*: кто ржи, кто овса, кто конопель, кто крупы, и не обижались на его вѣрнаго слугу, отставнаго воина Максимыча, добраго, но грубоватаго старика, когда онъ провожалъ привезшихъ къ самому о. Тихону, говоря: „пустъ самъ распорядится какъ знаетъ, а мнѣ некуда ужъ и сѣпать,—всѣ закромы полны“; а мужичку то и на руку, — ласковое слово, рюмка водки и кусокъ пирога бывали готовы для всякаго добраго прихожанина въ уютномъ домикѣ о. Тихона. Садикъ его былъ также благоустроенъ, какъ и остальное хозяйство; въ немъ немъ было и нѣсколь-ко колодокъ пчель—любимое занятіе о. Тихона въ видѣ отдыха отъ другихъ трудовъ. Луга и жатва у о. Тихона всегда убирались *помочью*, и не къ кому такъ охотно не шли косцы и жницы на помощь, какъ къ домовитому и гостепріимному о. Тихону; скромное, но радушное, въ личномъ присутствіи хозяина, угощеніе, ласка, пріѣтъ и благодарность оставляли по себѣ самую добрую память въ сердцахъ поселянъ, сближая ихъ болѣе и болѣе съ добрымъ пастыремъ.

Послѣдніе годы своей жизни (сковчался въ концѣ 30-хъ годовъ) о. Тихонъ всецѣло посвятилъ возведенію въ селѣ Бурнашевѣ каменной церкви, вмѣсто прежней обветшавшей деревянной. Основаніе этому дѣлу положено пожертвованіемъ небольшого капитала помѣщицею того же села, моею двоюродною тетущкою А. А. С.-ою, и въ подспорье къ сему, по приглашенію о. Тихона, всѣ наличные помѣщичи-прихожане обязались подпискою, доколѣ будетъ строиться храмъ, жертвовать изъ своихъ доходовъ не менѣе 100 р. с. въ годъ. Съ этими-то, повидимому далеко недостаточными для успѣшнаго совершенія такого многотысячнаго дѣла средствами, о. Тихонъ, уповая на помощь Божию, заложилъ въ нашемъ селѣ каменный трех-престольный храмъ, и имѣлъ утѣшеніе видѣть его оконченнымъ вчера и освятить одинъ изъ придѣловъ. Такова сила вѣры и ревности въ дѣлѣ Божиѣмъ! Къ этому періоду жизни о. Тихона справедливо можно приложить слова Писанія: „обновися, яко орля юности его;“ онъ поспѣвалъ вездѣ, самъ былъ и архитекторомъ и работникомъ, устроилъ кирпичный заводъ и неуставно подвигалъ всѣхъ и cadaго изъ своихъ прихожанъ на посильную помощь; крестьяне помогали личнымъ трудомъ: одни дѣлали кирпичъ, другіе растворяли известь, третьи возили дрова; тѣ участвовали въ кирпич-

ной, другіе въ плотничной работѣ, и дѣло годъ отъ году подвигалось впередъ; когда же останавливалось за недостаткомъ средствъ, то о. Тихонъ направлялся къ помѣщикамъ: однихъ молилъ и упрашивалъ, другихъ стыдилъ и увѣщевалъ, и послѣдній рубль отдавался въ руки неутомимаго труженика на его великое дѣло. Такимъ-то трудомъ и неусыпною дѣятельностію въ 8 лѣтъ выросъ въ небогатомъ селѣ, на удивленіе всѣмъ, каменный трехпрестольный храмъ, который сдѣлалъ бы честь любому губернскому городу. О. Тихонъ имѣлъ утѣшеніе довести дѣло до уготовленія къ освященію одного изъ придѣловъ (въ теплой трапезѣ). Желая доставить утѣшеніе главной строительницѣ храма и сдѣлать торжество его освященія великолѣпнѣе, добрый о. Тихонъ, что называется, слеталъ за 60 верстъ въ Калугу и пригласилъ на освященіе Пр—го Н—ая. Во время освященія, которое было, по свидѣтельству присутствовавшихъ на ономъ, истиннымъ пиромъ въры для о. Тихона, онъ обливался радостотворными слезами умиленія; при чемъ замѣчено нѣкоторыми особенное событіе: предъ началомъ освященія въ открытыя окна купола главнаго храма влетѣлъ голубь необыкновенной бѣлизны и все время леталъ подъ верхними сводами; когда же началось освященіе, то спокойно сѣлъ на верху иконостаса и пробылъ тутъ все время, пока продолжалось служеніе, невольно наводя своимъ появленіемъ на мысль о схожденіи Св. Духа въ видѣ голубинѣ. При окончаніи службы Пр—ый произнесъ слово, въ которомъ, обращаясь къ о. Тихону, сказалъ: „слава тебѣ, іерей Тихонъ, на земли, паче же на небеси.“ И точно онъ не умалилъ небесной награды земною, и даже разсердился, когда за чаемъ въ домѣ о. Тихона одна изъ старушекъ прихожанокъ добродушно (но не кстати) замѣтила его Преосвященству, что о. Тихонъ заслуживалъ бы за свои безчисленные труды по сему дѣлу особой награды. О. Тихонъ былъ такъ преисполненъ той внутренней радости, которая дается свыше въ награду каждому истинно-доброму дѣлу, той радости, которой, по слову нашего Спасителя, никтоже возьметъ у получившаго, что вовсе и не помышлялъ ни о какой земной наградѣ за свои труды, считая достаточнымъ для себя награжденіемъ и то, что дожилъ до освященія, хотя одного изъ придѣловъ храма, и неутомимо продолжалъ заботиться объ его совершенномъ окончаніи. Но Господь уже готовилъ старцу упокоеніе отъ трудовъ его: въ одно весеннее утро праздничнаго дня, тотчасъ по отслуженіи

ранней литургіи, онъ пошелъ пѣшкомъ въ поле посмотреть *земля* и здѣсь скончался отъ аневризма.

Нужно ли говорить, какъ всеобща и единодушна была скорбь прихожанъ о потерѣ добраго пастыря, въ отношеніи котораго всѣ прихожане составляли какъ бы одну семью, соединенную съ нимъ почтеніемъ, любовію и благоговѣніемъ къ его пастырскимъ добродѣтелямъ? Когда дошло до меня извѣстіе о кончинѣ добраго старца, я уже былъ въ то время въ Кадетскомъ корпусѣ (1835—1840); я пролилъ горькія слезы о томъ, кого съ дѣтства привыкъ любить и почитать наравнѣ съ родителями. По пріѣздѣ моемъ на родину послѣ производства въ офицеры гвардіи въ 1840 году, первымъ дѣломъ моимъ было, посѣтивъ свой сельскій храмъ (тогда уже оконченный вполнѣ), отслужить панихиду на могилѣ добраго старца, котораго честное имя съ тѣхъ поръ и понынѣ въ своихъ недостойныхъ молитвахъ поминаю вкупѣ съ именами самыхъ близкихъ моему сердцу, разбитому уже многими чувствительными потерями лицъ. Не изгладится изъ памяти моей и самый обликъ этого почтеннаго пастыря: онъ остался въ моей памяти, какъ бодрый еще старецъ средняго роста, съ черными съ просѣдью волосами, на головѣ и бородѣ, съ круглымъ, пріятно выразительнымъ лицомъ, со всегдашнею добродушною улыбкою, и словомъ ласки и привѣта на устахъ. Не разъ еще ребенкомъ, стоя по его благословенію въ алтарѣ, во время его освященнодѣйствія, я видалъ лицо это какъ бы преображающимся во время принесенія безкровной жертвы, когда слезы умиленія текли по его ланитамъ, свидѣтельствуя о глубокомъ чувствѣ благочестія, съ какимъ онъ проходилъ свое служеніе. Миръ тебѣ добрый пастырь и вѣчная добрая память отъ всѣхъ твоихъ прихожанъ.

II.

Въ 1835 году я изъ 4-го уже класса К—ой гимназій, былъ потребованъ (какъ записанный кандидатомъ) для поступленія въ 1-й Московскій Кадетскій корпусъ. И здѣсь былъ столько счастливъ, что встрѣтилъ священника, имя котораго произносится съ глубокимъ уваженіемъ и признательностію всѣми, кто имѣлъ счастье быть его воспитанникомъ, какъ законоучителя, и духовнымъ сыномъ, какъ духовника.

Это о. протоіерей Александръ Николаевичъ Шавровъ. Его ученость была не та сухая педантическая ученость,

которая, подобно луиъ лишъ свѣтитъ, а не согрѣваетъ, но та христіанская ученость, которая убѣждаетъ и трогаетъ силою присущей ей теплой вѣры, которая согрѣваетъ сердце слушателей теплотою оживляющаго ее чувства; его слово почерпало силу не въ однихъ „препретельныхъ“ человѣческихъ мудрости словесахъ“, но въ словесахъ Того, Кто есть самосуцаѣ истина и жизнь, и потому это было слово живое и оживляющее,—слово со властію. Такою-то ученостію и словомъ навсегда останется памятенъ о. Александръ своимъ воспитанникамъ. Уроковъ его мы ждали, какъ голодные—пищи, жаждущіе—питья: они были именно живымъ потокомъ лившимъ обильно свои струи изъ Богоглаголивыхъ устъ служителя Христова, безъ перерыва, во все теченіе нѣсколькихъ урочныхъ часовъ, и когда, по заведенному порядку, барабанная дробь возвѣщала намъ такъ называемую „перемѣну“ (начало урока изъ другаго предмета), никто не спѣшилъ оставить своего мѣста и оставлялъ его съ неохотою и сожалѣніемъ, что урокъ не продлился еще долѣе.

Уроки по закову Божию, по общей любви къ о. Александру, были приготовляемы всѣми вполне удовлетворительно, въ чемъ лучшіе ученики охотно помогали другимъ, тоже изъ желанія угодить батюшкѣ; но едва начиналось форменное спрашиваніе урока, стояло лишь кому-нибудь возбудить новый вопросъ, и оно мгновенно превращалось въ живую духовно-нравственную бесѣду, которая невольно приковывала къ себѣ сердца и вниманіе слушателей. Слушать эти, хватавшія за душу, импровизированныя лекціи христіанскаго нравоученія, нѣкоторые нарочно приходили даже изъ другихъ классовъ, прятаясь для этого заранѣе за скамьи задняго ряда. Да не подумаетъ кто-либо, что такая манера о. Александра наносила ущербъ положительной сторонѣ преподаванія. Экзамены изъ катихизиса, священной и церковной исторіи и евангельскихъ чтеній съ объясненіями (чѣмъ ограничивался нашъ курсъ), какъ домашніе, такъ и публичный, были истиннымъ торжествомъ и для учащихъся и для учителя и для всего корпуснаго начальства. Публичные экзамены всегда почти удостоивалъ посѣщенія самъ знаменитый витія, московскій архипастырь митрополитъ Филаретъ и оставлялъ заведеніе съ утѣшительнымъ свидѣтельствомъ, что кадеты Московскаго корпуса, благодаря своему законоучителю, не только знаютъ, но и любятъ законъ Божій, что слово Божіе вселяется богато въ сердца ихъ.

Церковное Богослуженіе и великопостная исповѣдь были могущественными орудіями духовно опытнаго о. Александра для дѣйствія на умы и сердца своихъ воспитанниковъ. О. Александръ былъ отличнымъ знатокомъ музыки и церковнаго пѣнія; онъ самъ превосходно игралъ на фортепьяно, разыгрывая на немъ съ увлекательнымъ искусствомъ самыя сложныя произведенія нашихъ духовныхъ композиторовъ, и потому умѣлъ выскивать изъ насъ способныхъ и такъ пріохочивать ихъ къ упражненію въ церковномъ пѣніи, что въ его время кадетскій хоръ ни въ чемъ не уступалъ хорамъ духовныхъ заведеній столицы. Не было примѣра, чтобы кто-нибудь изъ пѣвчихъ, имѣвшій право на отпускъ домой наканунѣ праздника, не остался произвольно до утра, чтобы быть на клиросѣ за всенощной и при совершеніи литургіи. А любовь всѣхъ воспитанниковъ къ своей корпусной церкви свидѣтельствовалась ясно тѣмъ, что каждый выпускъ непременно составлялъ добровольную подписку на какое либо украшеніе ея, желая оставить навсегда память своей любви къ тому храму, въ которомъ воспитывалось и поддерживалось его религиозное чувство. Служеніе о. Александра отличалось особымъ достоинствомъ, а его проповѣди слушались съ восторгомъ, переписывались и заучивались наизусть, какъ уроки жизни. У меня и до сихъ поръ сохраняются его толкованія на евангельскія притчи.

Несмотря на то, что мы говѣли и исповѣдывались только одинъ разъ въ годъ (въ великомъ посту) и что на исповѣдь каждаго изъ 500 воспитанниковъ едвали можно было удѣлить болѣе $\frac{1}{4}$ часа, о. Александръ умѣлъ такъ вести воспитанниковъ, что день исповѣди былъ для нихъ самымъ важнымъ днемъ въ году. Обыкновенно для этого приводили насъ въ комнату, прилежащую къ церкви (столовую), по отдѣленіямъ (каждая рота состояла изъ 4-хъ отдѣленій), отдѣленные унтеръ-офицеры, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы каждый изъ воспитанниковъ входилъ въ свою очередь въ церковь, т.-е. не предупреждая и не задерживая другъ друга; исповѣдавшіеся же изъ церкви уходили прямо домой (въ свою роту). Бывши унтеръ-офицеромъ въ разныхъ ротахъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я имѣлъ случаи замѣтить, что послѣ $\frac{1}{4}$ часа, достававшагося на долю каждаго воспитанника, никто, даже изъ записныхъ шалуновъ и вѣтрогоновъ (какіе конечно были въ общемъ числѣ), не выходилъ изъ церкви иначе какъ глубоко тронутымъ и съ заплаканными глазами, во свидѣтельство сердечнаго

умиленія и искренняго покаянія. Замѣчательно также, что всѣ были такъ проникнуты важностію тайнства, что идя на исповѣдь каждый считалъ долгомъ предварительно испросить прощенія у товарищей, и особенно примириться съ тѣми изъ нихъ, на кого имѣлъ какое-либо особое неудовольствіе. Кто знаетъ человѣческую душу, тотъ легко пойметъ, сколько надобно было духовной опытности и отеческой любви, чтобы внушить такое высокое настроеніе взрослымъ воспитанникамъ, и многія ли изъ нынѣшнихъ заведеній не только свѣтскихъ, но и духовныхъ могутъ похвалиться о Господѣ соблюденіемъ этого однако же существеннаго правила для чистой исповѣди; правило это конечно не безъизвѣстно и нынѣ, но внушить соблюденіе его, какъ непреложной христіанской обязанности юношѣ, безспорно составляетъ великую заслугу законоучителя и духовнаго отца. Попробуйте гдѣ нибудь достигнуть одного этого результата, и вы смѣло можете сказать, что воспитанники ваши знаютъ Законъ Божій, ибо, по сказанному въ Писаніи, „не слушатели токмо, но творцы закона оправдятся; въра же безъ дѣла мертва есть.“

И внѣ классовъ и церкви, каждую повидимому случайную встрѣчу съ кѣмъ-либо изъ своихъ воспитанниковъ о. Александръ умѣлъ обратить въ ихъ духовную пользу: ласковое слово и отеческій привѣтъ былъ наградою и поощреніемъ для добрыхъ; укорный взглядъ или и прямое обличеніе—наказаніемъ и побужденіемъ къ исправленію для испорченныхъ. Основною чертою характера о. Александра была сердечная прямота и откровенность, доходившая иногда и до издѣшества: онъ былъ врагомъ всякой неправды, лицемерія и притворства, въ какомъ бы видѣ и средѣ они ни проявлялись, и потому онъ не всегда умѣлъ или, точнѣе сказать, хотѣлъ скрывать свое отвращеніе къ этимъ качествамъ, особенно если видѣлъ сѣмена ихъ въ комъ-либо изъ своихъ воспитанниковъ, разсуждая справедливо, что сорную траву можно и надобно вырывать, пока корень ея еще не окрѣпъ, руками, а когда окрѣпнетъ и укрѣпится, то съ трудомъ можно одолѣть и заступомъ. Понятно, что при такихъ свойствахъ и образѣ мыслей о. Александръ былъ безгранично любимъ большинствомъ, но за то имѣлъ и нѣсколько крупныхъ враговъ. По кадетскимъ преданіямъ извѣстно, что за свою прямоту и откровенность онъ подвергнулся сильному гоненію въ періодъ управленія военно-учебными заведеніями Д.....а, который вѣрилъ въ сны и примѣты, счастливые и несчастные дни,—

словомъ, имѣлъ своеобразныя религіозныя убѣжденія и, пользуясь своимъ вліяніемъ, вольно и невольно вносилъ эти убѣжденія въ сферу воспитательную. О. Александръ, какъ говорятъ, имѣлъ благородную смѣлость выступить противъ послѣдняго рода дѣйствій, то косвенно въ проповѣдяхъ, то и прямо въ словесныхъ объясненіяхъ, и едва было не лишился за эту смѣлость своего мѣста, но въ тотъ періодъ, въ который я имѣлъ счастье пользоваться уроками и любовію о. Александра (1835—1840), онъ стоялъ одинаково высоко какъ въ мнѣніи воспитанниковъ, такъ и во мнѣніи начальства, ибо директоромъ московскаго корпуса былъ тогда генераль-лейтенантъ Н. П. Анненковъ, извѣстный своими христіанскими убѣжденіями, вполне согласовавшимися съ высоко-нравственною жизнію, мужъ украшенный государственными заслугами и пользовавшійся справедливо особымъ довѣріемъ покойнаго государя Николая Павловича, который называлъ его нерѣдко „мой добрый Анненковъ“; а ближайшимъ помощникомъ его въ управленіи кадетами былъ баталіонный командиръ В. Ф. Святловскій, извѣстный своєю педагогическою опытностію, пріобрѣтенной долговременною и внимательною службою по военно-учебнымъ заведеніямъ, который также пользовался общимъ уваженіемъ высшаго начальства и всѣхъ воспитанниковъ. Этимъ тремъ незабвеннымъ дѣятелямъ, разумью о. Александра, Н. П. Анненкова и В. Ф. Святловскаго, 1-й московскій кадетскій корпусъ много обязанъ нравственнымъ направленіемъ своихъ тогдашнихъ воспитанниковъ и преданностію своему долгу, отличавшему ихъ на службѣ и въ частной жизни. Надѣмся, что къ празднованію столѣтняго юбилея этого заведенія (основанъ въ 1777 году въ Шкловъ графомъ Зоричемъ-Черноевичемъ, оттуда переведенъ въ Гродно, изъ Гродно въ Смоленскъ, а изъ Смоленска въ Москву) историкъ его, по долгу правды, отведетъ этимъ тремъ лицамъ самое почетное мѣстовъ своемъ трудѣ. — Но возвратимся къ о. Александру: съ тою же смѣlostію и откровенностію на своихъ лекціяхъ громилъ онъ слабость и пороки воспитанниковъ, хорошо ему извѣстныя, но его долговременной педагогической опытности и проницательности; а въ старшемъ классѣ при чтеніи лекцій изъ Исторіи христіанской Церкви вообще и русской въ частности, увлекаясь откровенностію, онъ нерѣдко развѣчивалъ отъ ложнаго ореола славы такихъ историческихъ лицъ, которыхъ тогда еще не коснулся правдивый судъ исторической критики; но любовь къ

о. Александру воспитанниковъ была такъ высока, что, понимая, изъ какого благороднаго источника истекаетъ это увлеченіе въ бесѣдѣ, они лишь слагали эти отзѣвы въ сердца своемъ, но остерегались повторять ихъ гласно, чтобы не сдѣлать вреда своему любимому батюшкѣ. Теперь можно сказать, что при этихъ увлеченіяхъ особенно доставалось отъ него на долю дѣятелей духовной реформы 1764 года, которая еще доселѣ ждетъ спеціальнаго изслѣдованія и правдиваго суда. Съ неменьшею горечью отзывался онъ о принудительномъ (вначалѣ) введеніи въ жизнь общественную иноземныхъ обычаевъ, замѣчая, что послѣдніе успѣли проникнуть даже и въ церковь, такъ на примѣръ: почти обязательная постановка нѣсколькихъ рядовъ стульевъ въ нѣкоторыхъ церквахъ столицы, или факельщики въ маскарадныхъ плащахъ и шляпахъ при богатыхъ похоронахъ. „Глядя на такую процессію, говаривалъ о. Александръ, невольно приходитъ простому русскому человеку на умъ грѣшная мысль: что вотъ де въявь бѣсы тащутъ въ адъ чью-то грѣшную душу. Ну, къ чему и на что этотъ маскарадъ (и притомъ дорого стоящій), столь не свойственный высокой простотѣ и величію православнаго обряда?“ Вообще говоря, о. Александръ былъ горячій ревнитель отеческихъ преданій, глубоко любилъ свою родину и отлично зналъ и неофициальную исторію церковную и гражданскую, а потому и естественно было его желаніе подѣлиться этимъ знаніемъ съ своими молодыми слушателями, по сказанному: „исторія есть свѣтильникъ истинъ и наставница жизни.“ О. Александръ скончался въ 1854 году, оставивъ своему большому семейству одно честное имя и общее уваженіе къ его памяти: старшая дочь вышла замужъ за его преемника по мѣсту. Сынъ—нынѣ извѣстный инженеръ военнаго вѣдомства.

(Окончаніе будетъ.)

А. Л—дъ.

МОЛЧАЛЬНИКЪ ТИТЪ ^(а).

„Глаголю вамъ, говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекуть человекъ, воз-

(а) Заимствовано частію изъ «Историческаго описанія Ковельской Введенской Оптиной пустыни», Спб. 1862 г., стран 157—161, частію изъ рукописнаго «Сказанія о жизни и подвигахъ Ковельскаго трудолюбца и молчальника Тита».

дадутъ о немъ слово въ день судный: отъ словесъ бо своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися“ (Мат. 12, 36. 37); а святой апостоль Іаковъ удостовѣряетъ, что только „кто въ словѣ не согрѣшаетъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло“ (Іаков. 3, 2.). Поэтому, желая избѣгать осужденія за словеса праздна и соблюсти ненарушимымъ молитвенное богомысліе, нѣкоторые подвижники благочестія полагали печать молчанія на свои уста, устранились бесѣдъ человѣческихъ, добровольно лишали себя дара слова, всецѣло приносили его въ жертву Богу. Такимъ подвижникамъ усвоено наименованіе молчальниковъ. По трудности подвига молчанія, требующаго особой силы воли и самоотверженія въ человѣкѣ, рѣдки были Молчальники въ самыя цвѣтушія времена подвижничества христіанскаго. Святые отцы и учителя церкви, постигнувъ великое значеніе добродѣтели молчаливыхъ устъ, не находятъ довольно словъ къ похвалѣ молчанія: они называютъ его „матерію покаянія, молитвы, зеркаломъ грѣховъ, родителемъ всего благаго, огненною колесницею, возводищею на небо“ (Ефрема Сирина слово о безмолвіи, листъ 126. Іоанна Лѣствичника слово о безмолвіи, листъ 64). Святая же церковь ублажаетъ преподобныхъ молчальниковъ „земными Ангелами и небесными человѣками“. Изъ болѣе строгихъ молчальниковъ древности, особенно извѣстны преподобные Іоаннъ епископъ Колоннійскій, безмолвствовавшій въ Лаврѣ св. Саввы Освященнаго въ Палестинѣ (б), Арсеній Великій, безмолвствовавшій въ знаменитомъ скитѣ Египта (в), Исихій, отшельникъ Хорива (г), Аѳанасій, затворникъ Кіево-печерскаго монастыря (д), и нѣкоторые другіе, явившіе въ себѣ полноту молчанія доступную человѣкамъ. Но если удивляемся мы подвигамъ равноангельныхъ молчальниковъ временъ давно минувшихъ, проходившихъ притомъ сіи подвиги среди дикихъ пустынь и безмолвныхъ затворовъ обителей иноческихъ: тѣмъ большаго удивленія заслуживаетъ подвигъ почти современнаго намъ, большинству малоизвѣстнаго, соотечественнаго молчальника Тита,

(б) Память преп. Іоанна 3 декабря.

(в) Память преп. Арсенія 8 мая.

(г) Память преп. Исихія 3 октября.

(д) Память преп. Аѳанасія 2 декабря.—Желающіе ознакомиться съ подвигами этихъ преподобныхъ молчальниковъ, могутъ для сего прочесть житія ихъ въ Четырехъ-Миней подъ вышеозначенными числами, а также въ Прологъ и Патерикъ Печерскомъ.

проходившаго чудный свой подвигъ среди міра и его суеты, силою же самоотверженія своего сравнивашагося съ молчальниками древними. Подвигъ этого близкаго къ намъ по времени молчальника, особенно знаменателенъ для насъ потому, что, являя предъ нами свѣтлый отблескъ подвижничества древняго, ободряетъ насъ убѣжденіемъ, что нечуждъ совершенства христіанскаго и нашъ скудный благочестіемъ вѣкъ.

Тайною остались навсегда подробности о родѣ и происхожденіи молчальника Тита: въ семействѣ призрѣвшаго его священника Благовѣщенской церкви г. Козельска о. Ѳеодота, сохранилось объ этомъ лишь скудное преданіе, — что родомъ былъ онъ изъ Курска, званія дворянскаго, чиномъ секретарь. Былъ ли Титъ женатъ, имѣлъ ли дѣтей, тоже осталось безвѣстнымъ. Устремивъ помыслы боголюбивой души своей къ отчизнѣ небесной, чтобы достигнуть ея, онъ въ началѣ текущаго столѣтія рѣшился оставить отчизну земную—родной городъ и присныхъ своихъ. Въ среднихъ лѣтахъ жизни своей, принявъ на себя юродство Христа ради, вышелъ онъ изъ роднаго города, и помѣнявшися съ первопопавшимся ему нищимъ своею одеждою, въ рубищахъ нищеты удалился въ ближній лѣсъ, гдѣ и подвизался нѣкоторое время въ постѣ, молитвахъ и подвигахъ пустынныхъ, уготовляясь на скорби тѣснаго пути крестоношенія и на подвиги терпѣнія. Потомъ, одушевляемый вѣрою и усердіемъ къ святымъ Божиимъ, страствовалъ нѣсколько лѣтъ по святымъ мѣстамъ, прославленнымъ присутствіемъ нетлѣнныхъ мощей угодниковъ Божіихъ. Припадая къ чудодѣйственнымъ ихъ гробницамъ, испрашивалъ онъ себѣ помощь свыше на подвигъ, превосходящій мѣру немощной воли человѣческой. Облеченный освѣщеніемъ благодатнымъ, не безъ промысла Божія, достигъ странникъ предѣловъ Калужскихъ, и въ г. Козельскѣ рѣшился остаться для странствія въ царствіе небесное, путемъ молчанія и терпѣнія, съ непрестанною молитвою къ Богу. Особенно возлюбилъ онъ въ Козельскѣ церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы: около двухъ недѣль привиталъ онъ при ней безъ крова и жилища, днемъ присутствуя при всѣхъ богослуженіяхъ въ храмѣ, ночи же проводя въ бдѣніи молитвенномъ въ его преддверіи. Здѣсь у образа страшнаго суда Божія, начертаннаго на стѣнѣ церковной, распростершись долу, изливалъ онъ душу свою въ молитвахъ къ Богу, забывая о пищѣ и о питіи и покоѣ тѣлесномъ. Невѣдомый странникъ, и его умиленная и пос-

тоянная молитва, то въ храмѣ, то въ его преддверіи, вскорѣ привлекли вниманіе причта и прихожанъ Благовѣщенской церкви: они стали его спрашивать, какъ зовется и откуда къ нимъ пришелъ; но на всѣ вопросы странникъ отвѣчалъ молчаніемъ, жестаи указывая вопрошавшимъ, что онъ глуховѣмый. Продолжая молитвенный свой подвигъ подѣ сѣнію Благовѣщенской церкви, пытался онъ подаваніями нищелюбцевъ, видѣвшихъ въ немъ человека увѣчнаго. Но это вскорѣ начало тяготить раба Божія, и онъ не пожелалъ болѣе пользоваться пищею туне, ибо чувствовалъ себя еще въ силахъ для трудовъ тѣлесныхъ. Пришедъ въ домъ Благовѣщенскаго священника, вышеупомянутаго о. Феодота, молча взялся за ведра, и носилъ воды, потомъ нарубилъ дровъ для домашней потребности священника, и съ тѣхъ поръ сталъ у него пребывать въ совершенномъ молчаніи и смиреніи, какъ куцленный рабъ, исправляя всѣ черныя и тяжелыя работы въ домѣ и на дворѣ о. Феодота. Неусыпно занимаясь трудами тѣлесными въ пользу своихъ домохозяевъ, отъ которыхъ пользовался пищею и жилищемъ, неусыпно бдѣлъ онъ и въ молитвахъ предъ Богомъ, ежедневно посѣщалъ храмъ Божій при богослуженіяхъ, ночи же проводилъ колѣнопреклоненный въ отведенномъ ему углѣ. При первомъ звукѣ церковнаго колокола, вольный труженикъ оставлялъ свои работы, и какъ олень спѣшить на источники водные, такъ спѣшилъ къ храму Божію, чтобы молитвословіями церковными вапоять во спасеніе свою душу. Долго невѣдомо было въ домѣ Благовѣщенскаго священника имя смиреннаго и трудолюбиваго странника: почитая его глуховѣмымъ, домашніе о. Феодота долгое время звали его *убоимъ*. Но присматриваясь къ жизни и подвигамъ мнимаго убогаго, о. Феодотъ убѣдился, что онъ весьма богатъ добродѣтелями, почему и началъ его уважать какъ истиннаго раба Божія. Примѣтивъ, что глухота безыменнаго странника есть только мнимая, потому что всегда откликается онъ на зовъ своихъ домохозяевъ, о. Феодотъ пытался неоднократно узнать его имя, но всегда безуспѣшно. Однажды, взявши церковные святцы, позвалъ онъ къ себѣ раба Божія, и присматриваясь къ выраженію его лица, громкимъ голосомъ началъ перечитывать по святамъ имена святыхъ. Когда произнесъ онъ имя св. апостола Тита, празднуемаго 25 августа, странникъ улыбнулся и сдѣлалъ знакъ рукою, что тезоименитъ сему апостолу. Съ тѣхъ поръ стали его звать Титомъ, подѣ каковымъ именемъ

вскорѣ сталь онъ извѣстенъ многимъ благочестивымъ и почтеннымъ гражданамъ Козельска, нарочно посѣщавшимъ домъ о. Ѳеодота, чтобы поглядѣть на молчаливаго трудолюбца и испросить себѣ его молитвъ, ибо, по волю Божию, въ городѣ разнеслась молва о подвигахъ его молитвенныхъ, хотя и старался утаевать ихъ подвижникъ отъ взоровъ любопытныхъ, почему въ храмъ Божию становился всегда повади всѣхъ, въ самомъ темномъ и отдаленномъ углѣ, въ домѣ же о. Ѳеодота молился по большей части въ часы ночной тишины, когда всѣ въ домѣ упокоевались сномъ. Лишь глубокіе вздохи молитвенника, и частыя всхлипыванія, обличали иногда о. Ѳеодоту молитвенное бдѣніе подвижника. Любилъ онъ также, во время совершенія о. Ѳеодотомъ обычнаго священническаго правила предъ богослуженіемъ, тайно подкрадываться къ тому покою, гдѣ оно совершалось, и такимъ образомъ дѣлаться участникомъ келейной молитвы священнослужителя, котораго особенно всегда уважалъ, нерѣдко выражая ему свое уваженіе земными поклоненіями, хотя всячески и воспреещалъ ему это о. Ѳеодотъ. Домохозяева молчаливаго Тита начали также примѣчать, что съ его водвореніемъ у нихъ въ домѣ, видимо почило надъ нимъ особое благословеніе Божіе, что и приписывали они молитвенному предстательству столь усерднаго и неусыпнаго молитвенника. Уважая все болѣе и болѣе подвижника Божія, и видя притомъ всеобщее уваженіе къ нему гражданъ Козельскихъ, стыдился о. Ѳеодотъ долѣ имѣть его у себя за работника, и умыслилъ поселить его вблизи Благовѣщенской церкви въ сторожкѣ церковной, поручивъ ему должность церковнаго сторожа, какъ испытанному въ благочестіи и приверженности къ храму Божію. Обрадовался очень рабъ Божій новому послушанію, соединенному съ близостію къ храму и въ уединенномъ жилищи дающему полный просторъ молитвеннымъ его упражненіямъ. Здѣсь вдали отъ обычной суеты житейской, неразлучной съ бытомъ семейнымъ, среди котораго онъ жилъ у о. Ѳеодота, въ полной тишинѣ и безмолвіи, предаваясь любителю молчанія еще большимъ подвигамъ молитвеннымъ. Единственнымъ украшеніемъ его хижины служилъ многочтимый подвижникомъ келейный образъ святителя и чудотворца Николая, предъ которымъ, отъ добротныхъ подаяній усердствовавшихъ къ нему боголюбцевъ, теплил онъ неугасимую лампаду, и предъ которымъ большую часть дня и ночи проводилъ въ колѣнопреклон-

ной молитвѣ. Нужно было удивляться особенной ревности и терпѣнію молитвенника, который какъбы забывалъ при молитвѣ своей и пищу и покой тѣлесный. Отъ постоянныхъ колѣнопреклоненій его и долугеганій у келейной свѣтлыни его, на кирпичномъ полу сторожки церковной, образовались двѣ весьма замѣтныя впадины, а на челѣ и рукахъ Тита твердые мозоли; ноги же неутомимаго подвижника имѣли видъ всегда опухшій, ибо нерѣдко, колѣнопреклоненный на молитвѣ, проводилъ такъ цѣлыя ночи и въ такомъ положеніи забывался сонною дремотою. Для отдохновенія своего имѣлъ онъ впрочемъ твердую, ничѣмъ непокрытую и весьма узкую дубовую скамью съ кирпичнымъ изголовьемъ, въ коемъ поставленные ребромъ кирпичи, вмѣсто покоя, могли причинять лишь болѣзненное безпокойство тѣлу труженника. Изголовье это, чтобы не слишкомъ бросалось въ глаза посѣтителямъ его келліи, прикрывалъ онъ рогожею, подъ которую, лѣтнимъ временемъ, имѣлъ обыкновение подкладывать собранныя вблизи колючія травы. Пищею подвижнику служила большею частію просфора церковная, которою при всякомъ богослуженіи снабжалъ его почитавшій его о. Феодотъ, или же грошевая булка, либо калачъ, которые и вкушалъ съ кружкой воды и небольшимъ количествомъ соли. Отъ теплыхъ вареныхъ снѣдей, елея, вина и молочной пищи, со времени переселенія въ сторожку церковную, Титъ отказался, а если и принималъ отъ приносившихъ что-либо изъ подобныхъ снѣдей, то лишь для того, чтобы накормить ими потомъ собиравшихся у церкви нищихъ, имѣвшихъ у него нерѣдко кровь и трапезу. Обыкновенною одеждою Тита были худенькій кафтанъ изъ крестьянскаго сукна, опоясанный веревочкою, и длинная холщевая рубаха съ косымъ воротомъ. На ногахъ носилъ лапти, лѣтнимъ же временемъ по большей части ходилъ босымъ. Всегда почти видѣли его съ открытою головою, и въ этомъ не стѣснялся онъ ни стужею зимы, ни зноемъ лѣта. Почитавшіе Тита жители Козельска нерѣдко дарили ему приличную одежду и обувь; но вещи эти всегда очень скоро переходили къ нищимъ, а подвижникъ попрежнему прикрывалъ тѣло свое извѣстнымъ всѣмъ кафтанчикомъ со многими заплатами. Замѣтно было впрочемъ, что, несмотря на убожество одежды своей, соблюдалъ онъ всегда въ ней опрятность и чистоту, равно какъ и въ келліи своей, въ которой никогда не было видно беспорядка: всѣ вещи въ ней — лопатка, топоръ для рубки дровъ,

метлы для подметанія церкви и церковнаго погоста, желѣзная кружка и ведро для воды, все это всегда стояло у него въ порядкѣ на своемъ мѣстѣ. Лѣтнимъ временемъ, любилъ подвижникъ, подъ предлогомъ сторожи, проводить ночи у притвора церковнаго въ колѣнопреклонной молитвѣ предъ изображенною тамъ иконою страшнаго суда. Громкія всхлываванія при плачѣ молитвенномъ, которыхъ не удерживалъ молитвенникъ въ тиши ночной, обличали подъ часть подвиги его близкимъ къ Благовѣщенской церкви жителямъ Козельска. Приходя къ утренѣ, о. Ѳеодотъ почти всегда находилъ уже колѣнопреклоненнаго Тита на обычномъ мѣстѣ его въ заднемъ углѣ церкви. Рѣдко когда можно было видѣть его за службами церковными молящимся стоя, но по большей части колѣнопреклоненнымъ и долу лежащимъ на помостѣ церковномъ. Приподнявъ немного отъ земли свою голову, увлажненными отъ слезъ глазами посмотреть онъ бывало на святые лики иконъ, и опять поникнуть долу, такъ что нерѣдко можно было видѣть на помостѣ слѣды его слезъ. Уважали столь умиленнаго молитвенника посѣтители Благовѣщенской церкви и, присутствуя тамъ за службами церковными, имѣли обычай, проходя мимо колѣнопреклоненнаго Тита, класть возлѣ него отъ усердія своего деньги и вещи, съ записками именъ о здравіи или за упокой. Положивъ приношеніе свое, быстро удалялись богомольцы, чтобы любопытствомъ своимъ не нарушить молитвенной сосредоточенности подвижника, который, при молитвѣ своей, видимо отрѣшался отъ всего земнаго. Приношенія подобныхъ благотворителей Титъ обыкновенно расточалъ нищимъ, а деньги съ записками именъ отдавалъ о. Ѳеодоту, для служенія по нимъ молебновъ и панихидъ, за которыми усердно молился за благотворителей своихъ. Мало что оставлялъ онъ иногда изъ этихъ денегъ для неугасимой лампы предъ келейною своею иконою, и для дневнаго своего пропитанія. Никогда ни у кого ничего не просилъ, и всегда устранился случаевъ получать явные подаянія въ качествѣ неимущаго. Молчаливый Титъ очень часто говѣлъ и приобщался святыхъ Христовыхъ Таинъ: проводилъ предъ исповѣдію цѣлую седмицу въ строгомъ постѣ и усиленныхъ молитвенныхъ бдѣніяхъ, бралъ онъ незажженную свѣчу и подходилъ съ нею къ о. Ѳеодоту по окончаніи утренняго богослуженія, что означало желаніе его исповѣдаться. Безмолвная исповѣдь молчаливика, сопровождалась всегда слезами и рыданіями: прочитавъ вслухъ исповѣдующаго послѣдо-

ваніе къ исповѣди и молитву исповѣданія грѣховъ, о. Ѣеодотъ дивалъ ему обычное разрѣшеніе и за тѣмъ прочитывалъ ему послѣдованіе къ Святому Причащенію. Къ Святымъ Христовымъ Тайнамъ Титъ тоже приступалъ съ особеннымъ умиленіемъ и многими слезами, послѣ чего задумчивое всегда лице его цвѣло особенною радостію, взоры же и кроткая улыбка выражали благодатное состояніе его души. Нѣкоторыя знаменія удостовѣряли, что молитвы молчаливаго подвижника были благопріятны Богу: о. Ѣеодотъ имѣлъ престарѣлаго родителя, заштатнаго и вдоваго священника о. Іосифа, который, переселившись къ сыну, пожелалъ жить поближе къ церкви, для чего и пристроилъ для него о. Ѣеодотъ отдѣльный покой къ сторожкѣ церковной. Поселившись тамъ, о. Іосифъ сдѣлался ближайшимъ сосѣдомъ молчаливаго Тита, свидѣтелемъ и постоянныхъ молитвенныхъ его подвиговъ. По словамъ о. Іосифа, неоднократно слышалось ему въ ночное время въ келліи Тита необыкновенно сладостное пѣніе церковное, какъбы многихъ голосовъ, пѣвшихъ согласно нѣкую Божественную пѣснь. Проснувшись однажды при этомъ пѣніи, подвигаемый любопытствомъ, о. Іосифъ тихо всталъ съ ложа своего и подошелъ къ стеклянной двери, раздѣлявшей покой его съ кельею Тита. Пѣніе мгновенно прекратилось, и онъ увидѣлъ сквозь дверь только одного Тита, колѣнопреклонно молившагося предъ своею иконою. Въ другой разъ, тоже ночью, бывъ разбуженъ о. Іосифъ необыкновеннымъ свѣтомъ и благоуханіемъ, которые разливались изъ кельи молчальника. Устрашенный этимъ необычайнымъ явленіемъ, трепеща всѣми членами, подошелъ опять старецъ къ двери Титовой, и по прежнему лишь одного его увидѣлъ молящимся на колѣняхъ, освѣяемымъ тусклымъ свѣтомъ неугасимой его лампы. Слышанное и видѣнное имъ, хранилъ благочестивый старецъ въ глубинѣ своей души, и только предъ кончиною своею передалъ о томъ сыну своему о. Ѣеодоту и нѣкоторымъ другимъ благочестивымъ людямъ Козельска, свидѣтельствуя именемъ Божиимъ истину своихъ словъ. Такимъ образомъ, въ строгомъ молчаніи и непрестанной молитвѣ, стяжалъ смиренный среди міра подвижникъ еще на землѣ воздаяніе своихъ подвиговъ: его при молитвахъ невидимо окружали духи безплотные, пѣніемъ небеснымъ улаждая его душу. Въ глубокомъ смиреніи, подъ непроницаемымъ покровомъ молчанія внѣшняго видимо созрѣвалъ онъ какъ плодъ, благоухающій чистотою и святынею, готовый пе-

ремѣстится въ хранилище небесное. Вотъ наступило наконецъ и время этаго вождельнаго для подвижника перемѣщенія изъ временной жизни въ вѣчную. Почувствовавъ приближеніе кончины своей, Тить знаками просилъ призвать къ нему о. Θεодота. Когда тотъ пришелъ къ нему, молчальникъ ясно и чисто произнесъ: „исповѣдуй меня и причасти святыхъ таинъ, ибо близится мой конецъ“. Изумленный такою нечаянностію, съ благоговѣніемъ принялъ онъ отъ него первую изустную исповѣдь, за тѣмъ причастилъ умирающаго святыхъ Христовыхъ Таинъ, и напутствовалъ его таинствомъ Елеосвященія. Поблагодаривъ о. Θεодота за всегдашнія его къ нему благодѣянія, Тить просилъ о поминовеніи его при совершеніи имъ Божественной Литургіи; въ знакъ же и своихъ о немъ загробныхъ молитвъ, подарилъ онъ о. Θεодоту единственное сокровище свое,—келейную свою икону святителя Христова Николая, бывшую неразлучною спутницею труженической его жизни и свидѣтельницею молитвенныхъ его бдѣвій, слезъ и покаянныхъ воздыханій, которыми стяжалъ онъ себѣ наслѣдіе небесное (е). Послѣ бесѣды съ о. Θεодотомъ, молчальникъ опять замолчалъ, и на всѣ вопрошенія любопытныхъ, лишь шепталъ въ полголоса молитву Іисусову. Съ именемъ Сладчайшаго Господа Іисуса Христа, нетлѣннаго жениха своей просвѣтленной подвигами благочестія души, предалъ Тить духъ свой въ рудъ Божіи, переселился въ отчизну небесную, о которой плакалъ и воздыхалъ во все время жизни своей земной. Труженическое тѣло подвижника, опрятанное о. Θεодотомъ съ нѣкоторыми усердными къ нему жителями Козельска, по совершеніи обычнаго погребенія христіанскаго, на которое собрался почти весь городъ, было предано землѣ въ оградѣ Благовѣщенской церкви, не вдалекѣ отъ мѣста его подвиговъ. По свидѣтельству очевидцевъ, помнящихъ раба Божія, — былъ онъ роста средняго, сутуловатъ и худъ тѣломъ отъ по-

(е) Икона эта свято хранится потомками о. Θεодота: изъ уваженія къ молившемуся предъ нею подвижнику, теплѣть они предъ нею неугасимую лампаду. Она находится у зятя о. Θεодота священника Богоявленской церкви въ Козельскѣ о. Андрея Красноцвѣтова. Живопись на ней древне-русская, на оборотѣ же ея дски имѣется надпись: «И. С. I. 1824 года. Титу отъ Ивана Палухина», вѣроятно означая имя пожертвовавшаго ее подвижнику.

стояннаго поста и молитвенныхъ бдѣній; волосы имѣлъ темные съ просѣдью, длинные и гладкіе, закрывавшіе большую часть его лица, бороду окладистую, глаза каріе, припухшіе отъ частыхъ слезъ, лице смугловатое, какъ бы елеемъ умащенное, съ выраженіемъ умилительнымъ и пріятнымъ. Жилъ онъ и скончался въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, имѣя отъ роду лѣтъ около 50-ти (ж). Память молчальника Тита доселѣ свято чтится въ Козельскѣ: имя его весьма часто встрѣчается въ поминальныхъ книжицахъ тамошнихъ жителей, памятующихъ многотрудную жизнь подвизавшагося среди нихъ подвижника. Нерѣдко слышатся донинѣ въ оградѣ Благовѣщенской церкви въ Козельскѣ, надъ могилою приснопамятнаго Тита, тихіе звуки зауспокойной о немъ панихиды, съ ѳиміамомъ кадилынымъ и теплою мольбою вѣрующихъ душъ возносящіяся къ высотѣ небесной, гдѣ обрѣлъ себя блаженный покой и награду доблественный подвижникъ молчанія и молитвы. Да подражаемъ и мы ему по возможности въ нашемъ житейскомъ быту, остерегаясь празднословія, придерживаясь же побольше боголюбезнаго молчанія, присно памятуя, что будемъ судимы отъ Господа за каждое праздно слово.

А. Ковалевскій.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА СЪ БЕРЕГОВЪ ВОЛГИ.

Письмо первое.

Нижній Новгородъ.—Легенды о началѣ его.—Кремль.—Соборы Архангельскій и Спасскій.—Замѣчательныя могилы.—Памятникъ Минину и Пожарскому.—Часовня на мѣстѣ Духовской церкви.

Въ письмахъ моихъ къ вамъ, многоуважаемый В. П., изъ древней Суздальской области (х), я не имѣлъ возможности передать вамъ какія-либо свѣдѣнія о святыхъ и древностяхъ Нижняго Новгорода, потому что пробылъ не болѣе сутокъ въ этомъ замѣчательномъ городѣ и едва успѣлъ окинуть его бѣглымъ взглядомъ. Тогда я утѣшалъ себя мыслию, что со временемъ, если буду живъ, удастся

(ж) Годъ кончины подвижника, къ сожалѣнію, не нашли мы, ни въ печатномъ, ни въ рукописномъ о немъ сказаніяхъ.

(х) Эти письма помѣщены въ Душ. Чт. 1868 и 1869 года.

мнѣ еще разъ побывать на берегахъ Оки и Волги. Теперь эта надежда сбылась.

Не по-желѣзной дорогѣ, какъ прежде, а на быстромъ пароходѣ прибылъ я на этотъ разъ въ Нижній. Прекрасный лѣтній вечеръ выманилъ меня изъ каюты на палубу, наполненную народомъ всякаго званія. Здѣсь одинъ сельскій причетникъ разсказалъ мнѣ о покойномъ дѣдѣ своемъ, священникѣ села Петракова, о. Тимоѣевъ. Приходъ этого села, сосѣдняго съ знаменитымъ Керженцемъ, стариннымъ гнѣздомъ раскола, состоялъ изъ 800 душъ; въ томъ числѣ было болѣе 600 раскольниковъ. О. Тимоѣевъ могъ бы жить въ довольствѣ и накопить себѣ денегъ, если бы укрывалъ прихожанъ своихъ, чуждающихся церкви, и вносилъ ихъ въ исповѣдныя списки. Но онъ никогда на это не соглашался: „не продамъ іерейской совѣсти ни за какія сребреники“ говорилъ онъ. Твердому въ убѣжденіяхъ своихъ священнику приходилось переносить бѣдность и всякаго рода непріятности отъ закоренѣлыхъ враговъ православной вѣры. Онъ отправлялъ богослуженіе благоговѣнно, неспѣшно, почти ежедневно, хотя случалось, что молящихся въ храмѣ, кромѣ причта, вовсе не было. Въ воскресные и праздничные дни въ церковь с. Петракова сходилось много народа изъ сосѣднихъ приходоѡвъ: тогда о. Тимоѣевъ объяснялъ евангеліе и апостолѣ. Онъ охотно училъ дѣтей грамотѣ, и всегда довольствовался тѣмъ, что давали ему за ученіе и за требы, никогда не торгуясь впередъ (рѣдкость въ то время, т.-е. въ началѣ нынѣшняго вѣка!) Лучшимъ наставленіемъ для прихожанъ о. Тимоѣева служила жизнь его—честная, трезвая, трудолюбивая. Наконецъ Богъ благословилъ труды вѣрнаго слуги Своего: болѣе половины заблудшихъ овецъ Петраковскаго прихода возвращены добрымъ пастыремъ въ стадо Христово. О. Тимоѣевъ священствовалъ на одномъ мѣстѣ болѣе 40 лѣтъ и скончался въ 1850 году. По словамъ внука его, память добраго старца и теперь еще чтится благодарными жителями с. Петракова.

Другой разсказъ слышалъ я на той же палубѣ отъ молодого крестьянина, рабочаго на пароходѣ, Ильи Филипова Колесова. Онъ родомъ изъ торговаго села Яковцева, принадлежавшаго покойному графу С—у (Владимірской губ. Муромскаго уѣзда). Въ этомъ селѣ до 500 душъ; крестьяне живутъ зажиточно. Вдова покойнаго владѣльца, графиня М. Ѳ. С—ъ, урожденная С—на, пріѣзжала въ с. Яковцово для составленія уставной грамоты, отдала сельскому

обществу торговую площадь. „На 1.300 рублей въ годъ прибыли намъ пожаловала графиня: дай Богъ ей здоровье! Да и какая же добрая, какая ласковая! И взглянетъ, словно рублемъ подарить. Батюшку моего Филипа Алексѣевича жалуешь; хотѣла управляющимъ сдѣлать, да отказался старикъ: больно ужъ старъ, а теперь и совсѣмъ ослѣпъ. А мы вѣкъ должны помнить милости нашей графини и за нее Бога молить“. Такъ рассказывалъ словоохотливый работникъ, и рассказамъ его о „доброй“ графинѣ долго не было бы конца, еслибъ не кликнули его на работу. А мнѣ рассказъ его былъ пріятенъ, вопервыхъ потому, что барыня его, которую онъ такъ хвалить, дѣйствительно заслуживаетъ всякой похвалы, а еще болѣе потому, что рѣдко случается слышать отъ крестьянъ, недавно вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, доброе слово о помѣщикахъ, даже самыхъ добрыхъ и благодѣтельныхъ.

Скоро протекла лѣтняя ночь, и яркое утреннее солнце озарило своими лучами картину, которой я не сзумѣю передать словами. Передъ нами разстилается исполнская громада водъ, цѣлое рѣчное море (если можно такъ выразиться), сліяніе двухъ великихъ рѣкъ средней Россіи: Оки и Волги. Вдали, надъ этой роскошной картиной—дѣломъ руки Божіей, высится многовѣковое дѣло рукъ чловѣческихъ—Нижній-Новгородъ, раскинутый по скату горъ, а на краю его, надъ самую пучиной слившихся водъ, зубчатый многобашенный Кремль вѣнчаетъ собою ту священную гору, на которой соединено все священное для стариннаго города: тамъ святыня соборныхъ храмовъ, съ гробницами святителей и князей, и царскія палаты, воздвигнутыя на мѣстѣ древнихъ теремовъ княжескихъ.

Начало „Новаграда Низовскія земли“ относится къ XIII вѣку. Св. в. к. Георгій Всеволодовичъ, заботясь о безопасности восточныхъ границъ Русской земли отъ набѣговъ Мордвы и Черемисъ, воздвигъ въ 1221 году твердыню на гребнѣ горы, надъ сліяніемъ Волги къ Окою. Но еще задолго до того времени, между полудикими обывателями Низовскаго края носилось преданіе о будущемъ покореніи земли ихъ русскими князьями. Это преданіе дошло до насъ въ видѣ слѣдующей легенды: „во времена стародавнія, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Нижній-Новгородъ, жилъ мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья Разбойника, связаннаго Ильею Муромцемъ. Здѣсь онъ женился на осьмнадцати женахъ, которыя родили ему семьдесятъ сыновей. Всѣ они жили вмѣстѣ, занимались ското-

водствомъ, пасли стада на горѣ, и по вечерамъ гоняли ихъ на водопой на рѣку Оку. Здѣсь, въ ущельѣ, обиталъ чародѣй Дятель, бывшій также въ ладахъ съ Соловьемъ. Его спрашивалъ Скворецъ о будущей судьбѣ своего потомства. Дятель отвѣчалъ: если дѣти твои будутъ жить мирно другъ съ другомъ, они долго будутъ владѣть здѣшними мѣстами, а если поссорятся, то будутъ покорены русскими, которые поставятъ на устьѣ Оки „градъ камень и крѣпокъ зѣло, зѣло, и не одолѣютъ его силы вражія“. Умеръ чародѣй Дятель, и похоронилъ его Скворецъ на мѣстѣ нынѣшняго Благовѣщенскаго монастыря, и прозвалось то мѣсто „Дятловы горы“. Умеръ и Скворецъ; умирая заповѣдалъ онъ дѣтямъ своимъ взаимное согласіе и единопущіе; но потомки ихъ размножились, стали враждовать между собою, и тогда св. Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки, а племянникъ его св. Георгій, построивъ Нижній-Новгородъ, исполнилъ предсказаніе Дятла“.

Пароходъ скоро присталъ къ берегу; я поспѣшилъ въ Кремль, откуда раздавался благовѣстъ къ поздней обѣднѣ. Стѣны Кремля были прежде деревянныя; въ 1508 году, по мысли великаго собирателя земли Русской, Іоанна III, сынъ его в. к. Василій приступилъ къ сооруженію каменной твердыни, въ 1141 саж. длиною, со множествомъ башенъ. Эти громадныя стѣны построены въ три года зодчимъ Петромъ Франческо или Фрязинымъ, вывезеннымъ изъ Венеціи, и сохранились до нашего времени.

Въ срединѣ Кремля красуются два собора: Архангельскій и Спасскій. Первый древнѣе послѣдняго: онъ заложенъ в. к. Георгіемъ въ одно время съ городомъ. Этотъ древній храмъ необширенъ, съ патрообразнымъ каменнымъ верхомъ, оканчивающимся одной главой, крытой зеленою черепицей и увѣнчанной большимъ желѣзнымъ прорѣзнымъ крестомъ, безъ полумѣсяца. Алтарь нѣсколько ниже самыхъ стѣнъ съ тремя полукруглыми выступами. Съ южной стороны собора пристроенъ низменный придѣлъ съ небольшою колокольней.

Въ Архангельскомъ храмѣ замѣчательны двѣ старинныя иконы огромнаго размѣра: первая, — стоящая у южной стѣны, Печерскія Божіей Матери, съ предстоящими св. Антоніемъ и Θεодосіемъ; вторая, — на сѣверной сторонѣ, Архангела Михаила, изображеннаго во время явленія его Іисусу Навину; на этомъ образѣ древній серебряный вызолоченный вѣнецъ и жемчужная гривна. Прекрасное стѣнное писаніе, въ новѣйшемъ вкусѣ, принадлежитъ кисти

даровитаго Нижегородскаго художника Желѣзнова. Особенно хороши двѣ картины: на одной изъ нихъ Архистратигъ Михаилъ поражаетъ змія; на другой представленъ св. в. к. Георгій, какъ онъ, стоя съ своею дружиною на утесистомъ берегу Оки и Волги, и пораженный красотою мѣстоположенія, въ мысляхъ своихъ представляетъ построение новаго города и св. храма; послѣдній изображенъ на картинѣ, какъ видѣніе, на облакахъ.

Какъ въ Московскомъ Кремлѣ, такъ и здѣсь, храмъ, посвященный безплотнымъ силамъ, послужилъ усыпальницею для земныхъ властителей. За обоими клиросами Архангельскаго собора почіють подъ каменными гробницами князья Нижегородскіе. Древнѣйшій изъ нихъ, Василій Симеоновичъ Кирдяпа († 1304); за нимъ цѣлый рядъ князей владѣтельныхъ, замыкающійся могилою Іоанна Васильевича, управлявшаго своимъ наслѣдственнымъ удѣломъ уже въ качествѣ присяжника государя Московскаго. Далѣе слѣдуютъ гробницы съ именами нѣсколькихъ, теперь вовсе неизвѣстныхъ князей. Кто были сіи, нѣкогда славные земли Нижегородской? вѣдаетъ Господь, воспріявшій ихъ въ свои вѣчныя жилища; Церкви же ежедневно въ своихъ молитвахъ воспоминаетъ забытыхъ лѣтописью земныхъ властителей.

Замѣчательна судьба кафедральнаго собора Спасскаго въ Кремлѣ Нижегородскомъ: основанный первоначально въ 1225 году при св. Георгіи Владимірскомъ, онъ былъ вновь перестроенъ первымъ княземъ Нижегородскимъ Константиномъ Васильевичемъ въ 1352 году, вскорѣ по перенесеніи престола княжескаго изъ Суздаля въ Нижній; потомъ по ветхости разобравъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1652 году, и новый соборъ, по образцу Успенскаго Московскаго, сооруженъ былъ на 15 сажень къ северу отъ прежняго; туда перенесли всѣ гробы князей, но казалось, усопшіе хотѣли почивать на мѣстѣ прежняго своего покоя, освященномъ молитвою многихъ мужей праведныхъ. Трещины, угрожавшія паденіемъ собору, побудили Императора Николая I воздвигнуть новое святилище, по древнему образцу, опять на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ первый соборъ Нижегородскихъ князей, и туда перенести обратно, въ подземный склепъ, кости своихъ предковъ: старшая династія князей Суздальскихъ была по женской линіи родоначальницею дома Романовыхъ, потому что братъ царицы Анастасіи, бояринъ Никита Романовичъ Захарыинъ, имѣлъ въ супружествѣ дочь князей Горбатовыхъ, княжну

Варвару Александровну, одну изъ послѣднихъ отраслей славнаго рода Суздальскаго, угасшаго въ мужескомъ поколѣніи вмѣстѣ съ Шуйскими.

Обширный Спасскій соборъ, увѣнчанный пятью большими главами, воздвигнутъ въ 1834 году. Онъ освѣщается двумя рядами узкихъ длинныхъ оконъ, высоко поднятыхъ отъ земли; такія же окна сдѣланы и во всѣхъ пяти главахъ. Длина его 20, ширина 13 саж., кромѣ паперти: Подъ всѣмъ протяженіемъ собора сдѣланъ склепъ. Отсутствіе всякихъ орнаментовъ снаружи, кромѣ неширокаго карниза, много лишаютъ его красоты и величія, неотъемлемой принадлежности всѣхъ зданій такого огромнаго размѣра. Внутренность его удивительнѣе наружности: пятиярусный иконостасъ, современный прежнему храму, простъ, но величественъ. Въ немъ всѣ иконы стариннаго письма изъ стараго собора.

Предметомъ особеннаго благоговѣнія народнаго служатъ иконы: 1) Ликъ Спасителя на убрусѣ, колоссальнаго размѣра, древняго Византійскаго письма, принесенный первымъ в. к. Нижегородскимъ Константиномъ Васильевичемъ изъ Суздаля въ 1352 году; 2) Икона Богородицы, списанная (какъ видно изъ надписи) въ 1672 г. съ чудотворной Иверской въ Москвѣ „Государевымъ, иконописцемъ Пименомъ Ѳедоровымъ, что по прозванію Симонъ Ушаковъ“. Этотъ образъ отпущенъ изъ Москвы съ первымъ архипастыремъ Нижегородскимъ митр. Филаретомъ „егда первѣе иде пріяти свой святительскій престолъ“ (какъ сказано въ тойже надписи на иконѣ) 3) Небольшая икона св. Филиппа, митрополита Московскаго. Она почитается чудотворною съ 1702 года, въ которомъ св. Филиппъ дважды являлся во снѣ и однажды на яву въ городѣ Балахнѣ одной бѣсноватой дѣвицѣ Евдокіи Михайловой, съ повелѣніемъ, чтобы она шла въ Нижній-Новгородъ, отслужила тамъ въ соборѣ молебное пѣніе съ водоосвященіемъ и напилась святой воды, положивъ въ нее песокъ, взятаго у гроба Печерскаго схимника Іоасафа. Святитель возвѣстилъ ей и о своемъ образѣ, стоявшемъ въ церкви подъ соборной колокольнею въ Нижнемъ, по правую сторону царскихъ вратъ. Дѣвица исполнила велѣніе являвшагося ей угодника и исцѣлѣла отъ недуга. Объ этой же иконѣ рассказываютъ, что она осталась въ цѣлости во время такъ называемаго большаго въ Нижнемъ-Новгородѣ пожара, бывшаго 25 іюня 1715 г., когда самая церковь, въ которой она находилась съ прочими иконами, сгорѣла. 4) Икона сорока двухъ

угодниковъ Божіихъ съ частями ихъ мощей, а въ срединѣ воздвизальный крестъ, принесенный въ даръ Преображенскому собору, въ 1710 г., Тихономъ, митрополитомъ Казанскимъ. Въ этомъ крестѣ часть животворящаго древа.

Въ соборной ризницѣ сохраняется небольшая, XIV вѣка, Византійская икона Одигитріи Божіей Матери, списокъ съ подлинной Цареградской, съ сребропозлащеннымъ окладомъ, не закрывающимъ самаго изображенія, присланная въ 1381 году св. Діонисіемъ, архіепископомъ Суздальскимъ, изъ Царьграда въ Нижегородскій Спасо-преображенскій соборъ, на благословеніе Нижнему-Новгороду. Тамже на-престольное евангеліе-апракосъ, въ десть небольшого формата, писанное на пергаменѣ въ 1408 году, покрытое зеленымъ бархатомъ и древней работы окладомъ; нѣсколько святительскихъ митръ, старинныхъ облачений и посоховъ.

Склепъ подъ соборомъ заключаетъ въ себѣ усыпальницу князей и святителей. Въ 1851 году устроена здѣсь усердіемъ Нижегородскаго купечества трехпрестольная церковь, въ которой средній престолъ освященъ въ честь Казанской Богородичной иконы, имѣющей особое значеніе для жителей Нижняго-Новгорода: сограждане Минина, преимущественно предъ всѣми людьми русскими, могутъ называть праздникъ 22 октября „своимъ праздникомъ“: ихъ предки первые возстали на защиту царствующаго града, на защиту всей земли Русской и Православія. Совершая досто-славное шествіе отъ стѣнъ кремля Нижегородскаго къ стѣнамъ кремля Московскаго, Нижегородцы встрѣтили возвращавшуюся изъ стана князя Трубецкаго (изъ-подъ Москвы) Казанскую икону Богоматери, и взяли ее съ собою; предъ ней молились они о ниспосланіи одолѣнія враговъ; къ ней обращали съ вѣрою взоры въ роковыя минуты битвъ 25 августа и 22 октября 1612 года и предъ ней же лили они благодарныя слезы въ Московскомъ храмѣ Успенія, когда совершили свое великое дѣло—спасеніе отчизны. Одинъ изъ придѣловъ посвященъ св. великомученику Димитрію, въ память воеводы кн. Д. М. Пожарскаго; другой—свв. Козмѣ и Даміану, тезоименитымъ Козымъ Минину.

Вдоль южной стѣны усыпальницы поставлены одиннадцать гробовъ князей и княгинь Нижегородскихъ. Въ числѣ ихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія:

1. Вел. кн. Суздальскій и Нижегородскій Константинъ Васильевичъ Мудрый, внукъ вел. кн. Андрея, брата св. Александра Ярославича Невскаго, основатель самостоя-

тельнаго великаго княжества Нижегородскаго и создатель каменнаго Спасо-преображенскаго собора. По сказанію Никоновской лѣтописи, „Константинъ Васильевичъ княжилъ честно и грозно, бороня отчину свою отъ татаръ и сильныхъ князей“. († 1355).

2. Димитрій-Ѳома Константиновичъ, сынъ предъидущаго, соперникъ и тестъ витязя Донскаго, Димитрія Іоанновича, уже не только великій князь Суздальскій и Нижегородскій, но и на краткое время Всероссійскій, доколѣ благословеніе св. Алексія митрополита не дало перевѣса отроку Московскому надъ превознесеннымъ, по ярлыку Хановъ, княземъ Суздальскимъ. И какая превратность судьбы человѣческихъ! Этотъ самый отрокъ, возмужавъ и сдѣлавшись зятемъ Димитрія, супругомъ добродѣтельной его дочери Евдокии, оградилъ тестя не только отъ нашествія ордъ Заволжскихъ, но и отъ внутреннихъ крамолъ. Отважный братъ его Борисъ, наскучивъ удѣломъ Городецкимъ, вытѣснилъ бывшаго великаго князя изъ Нижняго, процвѣтавшаго торговлею при стеченіи двухъ великихъ рѣкъ. Миротворцемъ между братьевъ-князей является старецъ Радонежскій, преподобный Сергій; но его увѣщательное слово не дѣйствуетъ на честолюбца; онъ принужденъ употребить строгое слово запрещенія, отъ имени святителя всея Руси, и страхомъ отлученія смиряетъ непокорнаго. Княженіе Димитрія-Ѳомы въ Нижнемъ-Новгородѣ продолжалось 18 лѣтъ, съ 1365 до 1383 года и осталось памятнымъ какъ по возобновленію и укрѣпленію города, такъ и по построенію многихъ храмовъ. Изъ построенныхъ имъ укрѣпленій доселѣ остается въ цѣлости кремлевская башня, названная въ честь князя Дмитровскою, съ воротами и примыкающею къ ней стѣною.

3. В. кн. Андрей Константиновичъ, старшій сынъ Константина Васильевича. Онъ отличался особеннымъ благочестіемъ и заботливостію какъ о построеніи церквей, такъ и объ укрѣпленіи города. За свою кротость и добродушіе, онъ былъ особенно любимъ Нижегородцами. Но еще болѣе добрую память оставила по себѣ супруга его

4. Блаж. княгиня Анастасія Іоанновна, дочь Тверскаго боярина. Она съ дѣтства, по словамъ лѣтописца, изучила св. Писаніе и желала посвятить себя Богу, но родители насильно выдали ее замужъ за кн. Андрея, вѣроятно прельщенные его саномъ. Анастасія, вступивъ въ чертоги княжескіе, осталась вѣрною душевному своему призванію, не увлекалась блескомъ, обружавшимъ ее: подъ пышными

одеждами носила власяницу, соблюдала строгое воздержаніе, проводила по нѣскольку часовъ въ молитвѣ, щедро раздавала милостыню.

Когда скончался супругъ ея, она раздала все свое имѣніе—золото, серебро жемчуги и дорогое одѣяніе—бѣднымъ, по церквамъ и монастырямъ, отпустила на волю рабовъ, и вступила въ монастырь, который основала еще при жизни Андрея, въ честь Зачатія пресв. Богородицы. Здѣсь она предалась всей строгости монашеской жизни: не принимала пищи дней по пяти, проводила цѣлыя ночи на молитвѣ, сохраняла строгое молчаніе, которое нарушала только чтеніями священныхъ книгъ, содержала себя трудами рукъ своихъ. Примѣръ ея увлекъ многихъ боярынь, вдовъ и дѣвиць, числомъ по Нижегородскому лѣтописцу и Степенной книгѣ до 110; онъ также вступивъ въ Зачатейскій монастырь, „все общее житіе живяху, жестоко же и крѣпко зѣло“. Постриженіе Анастасіи, въ 1367 году, совершалъ св. Діонисій, бывший тогда архимандритомъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря, причѣмъ она наречена Вассой; предъ кончиною она приняла схиму съ именемъ Θεодоры († 1378). Въ старинныхъ рукописныхъ святцахъ записано имя ея въ ликѣ угодниковъ Божіихъ, мѣсто чтимыхъ.

Поклонившись гробу праведной княгини-инокини, я перешелъ на сѣверную сторону усыпальницы, къ могиламъ святительскимъ. Здѣсь рядъ архипаствырей Нижегородскихъ начинается гробницею первопрестольника митрополита Филарета. Онъ былъ, можно сказать, строителемъ втораго Спасскаго Собора, который при немъ окончательно украшенъ, и самъ Филаретъ, опасаясь паденія стараго, перенесъ изъ него гробы князей. Онъ присутствовалъ при вѣнчаніи царей Іоанна и Петра и на соборѣ Московскомъ противъ Никиты Пустосвята; былъ другомъ патріарха Іоакима, много потрудившагося о духовномъ образованіи своего отечества; утомленный дѣлами правленія, Филаретъ смиренно избралъ себѣ мѣсто успокоенія въ обители святаго Макарія Желтоводскаго, гдѣ и окончилъ дни свои въ схимѣ, подъ именемъ Θεодосія.

Ученикъ его и преемникъ, митропол. Павелъ, перенесъ тѣло его въ соборъ и самъ прославился благою жизнію; добродѣтели его просіяли и при жизни и по смерти. Благочестивые жители Нижняго продолжаютъ пѣть панихиды надъ гробомъ своего пастыря, отъ самаго дня его смерти и понынѣ.

Еще гробница архіерейская привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе: это гробница знаменитаго мужа Церкви, архіепископа Питирима, обратившаго словомъ своимъ и писаніемъ, во дни Петра Великаго и послѣ, до 80.000 раскольниковъ, во вѣрнной ему паствѣ. Будучи самъ въ молодыхъ лѣтахъ ослѣпленъ ихъ заблужденіями, онъ тѣмъ сильнѣе могъ дѣйствовать противъ раскола и не боялся вступать въ состязанія, потому что легко опровергалъ нетвердое ученіе собственнымъ ихъ оружіемъ; оттого и обращались они тысячами къ свѣту истины, видя какъ умоляли предъ опытнымъ пастыремъ слѣпые ихъ руководители. Его Пращица Духовная и доселѣ служитъ орудіемъ для опроверженія суетныхъ толковъ мнимой старины, которая гораздо новѣе древней истины православія.

Вотъ какими великими усопшими богатъ погребальный склепъ Нижегородскаго собора; но тутъ есть еще одна гробница болѣе другихъ замѣтная по своему памятнику и едва ли не всѣхъ замѣчательнѣе по внутреннему сокровищу, которое въ ней хранится: тутъ между князей и святителей лежитъ Мининъ, простой гражданинъ, спасшій всю землю Русскую. Возбужденный на защиту отечества явленіемъ преп. Сергія Радонежскаго, Мининъ произнесъ передъ народомъ незабвенныя слова, записанныя въ современной лѣтописи: „Буде намъ похотѣтъ помощи Московскому государству, и то намъ не пожалѣти животовъ своихъ, да не только животовъ своихъ, и двory свои продавать и жены и дѣти закладывати, и бити челомъ, чтобы кто вступился за Православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ“. Такія чувства возбуждаетъ пламенная любовь къ Православію и такія безсмертныя дѣянія проистекають изъ этого священнаго чувства! И въ какую роковую минуту совершилось спасеніе? Когда уже все казалось погибшимъ, когда послѣдніе воеводы, ради неурядиства, отступили отъ полоненной Москвы, и великій исповѣдникъ патріархъ Гермогекъ довершалъ въ темницѣ свое страдальческое поприще. Тогда по гласу Минина и возбужденнаго имъ князя Пожарскаго, поднялась земля Низовая и за нею устремилась вся Русь, къ спасенію первопрестольной столицы.

Прахъ Минина покоится подъ высокимъ саркофагомъ и осѣненъ знаменемъ—спискомъ съ того „стяга“, подъ которымъ, въ 1612 году, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій вмѣстѣ съ Козьмою Мининымъ, предводительствовалъ ополченіемъ, вышедшимъ изъ Нижняго Новго-

рода на защиту отечества. Подлинное знамя до 1827 года хранилось въ бывшей вотчинѣ князя Д. М. Пожарскаго, селѣ Пурихѣ, Балахнинскаго уѣзда; а въ 1827 году взято, по Высочайшему повелѣнію, въ Московскую Оружейную Палату. На знамени, съ передней стороны, поясное изображеніе Господа Вседержителя, правою рукою благословляющаго, а въ лѣвой держащаго раскрытое евангеліе на словахъ изъ Матѳея гл. 25, ст. 34 и 35. „Придите благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія мира“ и проч. По краямъ тропарь Всемиловитому Спасу: „Съ вышнихъ призирая“ и проч. Исполняя сторона знамени съ изображеніемъ по серебру и золоту города Іерихона, Архангела Михаила и Иисуса Навина, преклоняющаго предъ архангеломъ колѣна. Сверхъ того вокругъ памятника доставлены иконы и знамена нижегородскихъ ополченій 1812 года и послѣдней Крымской войны. На памятникѣ красуется надпись:

«Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи оживитель,
Отчизны красота, Поляковъ страхъ и месть,
Россіи похвала и вѣчна слава, честь:
Се Миновичъ Ковьма здѣсь тѣломъ почиваетъ,
Всякъ, истинный кто Россѣ, да прахъ его лобзаетъ.»

Радостно взглянулъ я на свѣтъ Божій, когда вышелъ на открытый воздухъ изъ темнаго и довольно сыраго склепа. Мнѣ оставалось видѣть въ Кремлѣ памятникъ достославной эпохи 1612 года и Духовскую часовню въ дворцовомъ саду.

Памятникъ поставленъ противъ Архангельскаго собора, на площади, называемой „старымъ плацемъ“, надъ урѣзомъ горы. Онъ состоитъ изъ остроконечнаго высокаго гранитнаго обелиска, поставленнаго на двойномъ пьедесталѣ, также гранитномъ. Съ южной стороны втораго пьедестала сделано на бронзовой доскѣ барельефное бюстовое изображеніе Минина, съ открытою головою, въ рубашкѣ съ косымъ воротомъ; два генія держатъ надъ нимъ золоченный вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ а выше, на самомъ обелискѣ, на темной бронзовой же доскѣ,—надпись золотымъ буквами:

Гражданину Минину благодарное потомство 1826 года.

Съ противоположной стороны такой же бюстъ Пожарскаго въ шлемѣ и бронѣ, а выше надпись:

Князю Пожарскому благодарное потомство 1826 года.

имъ не могутъ (а). Но что епископу или пресвитеру, приходящему отъ церкви (то есть, по мнѣнію глаголемыхъ старообрядцевъ, отъ ереси) и неимущему даровъ благодати на священнодѣйство, могъ бы преподать оную священникъ вмѣсто епископа, котораго у поповцевъ около двухъ сотъ лѣтъ не было, того поповцы доказать правилами никакъ не могутъ: ибо священникъ (какъ пишетъ Симеонъ Солунскій въ книгѣ второй, число 31) „имѣетъ благодать токмо совершительную въ таинствѣ, но не преподавательную. Крепчаетъ убо и священствуется, не можетъ же хиротонисати, ниже инаго дѣйствовати іерея, или елицы чину причаствуютъ священному“. Посему безпоповцы и нападаютъ на поповцевъ съ вопросомъ: „вы сами сознаетесь, что приходящій къ вамъ отъ Грекороссійской церкви іерей въ своей хиротоніи на священнодѣйство даровъ Духа Святаго не получилъ и что приѣмлющій его вашъ іерей преподавательной благодати не имѣетъ, сирѣчь иному іерею преподать благодать на совершеніе таинъ силы не имать: чрезъ кого же, покажите, приходящій къ вамъ отъ великороссійской церкви іерей на священнодѣйство даръ благодати принялъ“?

Поповцы на сіе отвѣтствуютъ: „дѣйствительно іерей чрезъ Хиротонію или возложеніе рукъ даръ Духа Святаго на священнодѣйство преподать не можетъ; но приходящій отъ ереси священникъ или епископъ, хотя и въ ереси,

(а) Дѣйствительно безпоповцы о навершеніи Крещенія дарами Духа Святаго поповцамъ не прекословятъ, но только тогда, если собесѣдникъ—поповецъ не выскажетъ своего мнѣнія, что церковь православная вѣруетъ во инаго Иисуса; а если проговорится объ этомъ, то бесѣда принимаетъ уже другой оборотъ и доказательства отъ правилъ приводимыхъ цоповщиною о навершеніи Крещенія, тогда уже дѣлаются неприложимыми; ибо Крещеніе, совершенное во имя инаго Бога Иисуса, необходимо требуетъ повторенія. Потому безпоповцы, приступая къ бесѣдѣ съ поповцами о пріятіи таинъ отъ церкви Грекороссійской, сначала всегда спрашиваютъ ихъ, приѣмлютъ ли они проповѣдуемаго церковію Господа Иисуса. И многаяжды одинъ этотъ вопросъ поражалъ поповщину, и дѣлалъ о пріятіи таинъ церковныхъ безотвѣтною; а принять цоповщину поклоняемое имя Господа Иисуса значитъ оправдать церковь, себя же признать раздорниками, ибо поповцы, до изданія Окружнаго посланія, изъ рѣдкихъ рѣдкіе признавали имя Господа Иисуса почитаемымъ и древнею церковью, но всѣ одинаково отрицались онаго; только по изданіи Окружнаго посланія принявшіе оное признали имя Иисусъ именемъ Сына Божія.

однакоже получилъ хиротонію и недостатка въ оной не имѣеть; хиротонія его тѣмъ была недостаточна только, что не сообщила ему даровъ Духа Святаго, дабы на священнодѣйство сильну быти ему; а когда онъ пришелъ къ намъ, въ православіе (т. е. въ поповщину) и принялъ тайну мѣропомазанія, которую надъ нимъ совершить священникъ имѣеть полное право, тогда онъ получилъ и даръ Духа Святаго, и тако чрезъ тайну мѣропомазанія уже усовершенствовался, и въ дарахъ Духа Святаго, по пріятіи сего таинства, священство его уже скудости не имѣеть⁴.

На сіе оправданіе поповщинѣ безпоповцы отвѣтствуютъ: „чрезъ таинства мѣропомазанія и хиротоніи дары Св. Духа, дѣйствительно, преподаются, якоже и Апостоль глаголетъ о Дусѣ: *раздѣляя властію коемуждо якоже хощеть* (зач. 151.). Преподается же не естество Духа Святаго, но дары: естество бо Духа Святаго *недѣлимо* есть, и никто же можетъ пріяти е; а дарованія, раздѣляемые отъ Духа или дары Духа Святаго, въ таинствахъ преподаемые, различны суть, и кто какое дарованіе на какое дѣйствіе служенія пріималъ, въ томъ точію и силенъ есть. Такъ и діаконъ въ хиротоніи пріемлетъ даръ Св. Духа, чрезъ какое дарованіе и силенъ есть служить олтарю, но не священнодѣйствовать; такъже и мѣропомазаніе тайну крещенія убо наворачаетъ, но силы на священнодѣйство преподать не можетъ, какъ пишетъ тойже Симеонъ Солунскій въ книгѣ первой, во главѣ 66, о тайнѣ мѣропомазанія: „крестивыйся и помазавыйся, въ себѣ самомъ имать божественныя дары и подобно открываются тому сія во время, по елику себе самого еже дѣйствовать сія, въ себѣ покажетъ, *кромѣ божественнаго точію священства*, сіе бо яко даръ особый и едино дѣло Божіе хиротоніею даруется⁴. И яко въ мѣропомазаніи и въ хиротоніи различныя дары Духа Святаго преподаются, въ показаніе того они приводятъ того же Симеона Солунскаго изъ книги первыя, главы 32-я, сіи слова: „что же даръ Святаго Духа, еда трипостасное естество? Никакоже. Не бо Божіе естество кто пріемлетъ... Убо благодать есть Троицы въ насъ и подается намъ сія отъ Отца чрезъ Сына воплотившагося въ Св. Дусѣ, того ради и разна тая въ насъ дѣйствуетъ, и оваго убо совершаетъ и возраждаетъ чрезъ крещеніе, оваго же мажетъ мѣромъ, оваго же іерея хиротонисуетъ⁴. (Ниже) „тѣмъже не вѣпостась есть Духа въ насъ, но въ Дусѣ общая благодать Св. Троицы, и разныя дѣйства, того ради ниже иже крещеніе пріемый абіе бываетъ іерей,

ниже иже діаконъ бывъ, презвитера приѣмлетъ силу, ниже иже презвитеръ хиротонисався, и епископа приѣмлетъ благодать, но кѣждо еже пріа, пріа, и овъ убо въ малъшей, овъ же въ вящшей есть силъ, и діаконъ убо служитъ, іерей же священнодѣйствуетъ, архіерей же хиротонисуетъ и дарованія Божія подаетъ, и рѣшити и вязати грѣхи властію обильствуетъ“.

Показавъ, что священникъ посредствоиъ тайны муропомазанія преподать дары Духа Святаго на совершеніе таинъ приходящему отъ ереси іерею никакъ не можетъ, безпоповцы продолжаютъ вопрошати поповщину: „откуда убо іереи, приходящіе къ нимъ отъ великороссійской церкви, юже и они, поповцы, мнятъ лишена быти благодати Св. Духа, приѣмлютъ дары сея благодати, потребныя на совершеніе таинъ“? И поповцы, около двухъ сотъ лѣтъ не имѣвшіе у себя епископовъ, дать отвѣта на сей вопросъ не могутъ. Хотя же въ настоящее время они и мнятъ имѣти архіерейскій чинъ, но и доселѣ остаются предъ симъ вопросомъ безотвѣтны: ибо по силъ приведенныхъ свидѣтельствъ о различіи даровъ, преподаваемыхъ въ хиротоніи діакону, презвитеру и епископу, если іерей не можетъ преподать даръ священства приходящему отъ ереси іерею, то кольми паче ни единыя не имѣлъ власти ихъ поць Іеронимъ преподать дары архіерейства пришедшему къ нимъ отъ (еретической якобы) церкви Амвросію, отъ негоже ведутъ преемство ихъ епископы. И наконецъ, показавъ поповцамъ, что приходящіе къ нимъ іереи даровъ благодати на совершеніе таинъ не имѣютъ, безпоповцы удобно показываютъ имъ, что и самое крещеніе отъ церкви, именуемой у нихъ еретической, принимать они не должны и навѣршати оное посредствомъ муропомазанія попы ихъ не могутъ, какъ не имѣющіе дара на совершеніе сей тайны.

Такимъ образомъ поповцы, признавая согласно съ безпоповцами, что православная церковь якобы лишена даровъ благодати, остаются безотвѣтны предъ безпоповцами, показующими, что незаконно приѣмлютъ они отъ сей церкви, по ихъ мнѣнію еретической, хиротонію и крещеніе, равно какъ и безпоповцы остаются безотвѣтными предъ ними за лишеніе священства и прочихъ таинъ. И тако поповскіе и безпоповскіе совопросники, взаимно опровергая другъ друга, ясно обличаютъ неправоту глаголемаго старообрядства.

Игуменъ моск. единовѣрческаго монастыря Павелъ.

ТРИ ПИСЬМА МОСК. МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА ^(а).

1. Къ А. Д. Н—вой

Господь да ниспослетъ Вамъ свышній миръ, да укрѣпитъ Васъ въ терпѣніи, да облегчитъ Ваши скорби внутреннимъ утѣшеніемъ.

Тѣлесные врачи мало восходятъ до пониманія болѣзней, которыя возникаютъ на границѣ между душою и тѣломъ. Прибѣгайте съ вѣрою и смиреніемъ ко Врачу душъ и тѣлесь.

Правда ли, что иногда не можете молиться? Когда жадуется на сіе: уже молитесь.

Молитва есть нашъ долгъ: утѣшеніе въ молитвѣ есть Божій даръ; исполнимъ, по возможности, нашъ долгъ, смиряя свой помыслъ, и не требуя дара непременно.

Естьли трудна долгая молитва: да употребится краткая, часто, естьли не словомъ, то мыслию и сердцемъ. Не читали-ль написаннаго: *помянухъ Бога, и возвеселихся?*

Неудивительно, естьли, при немощномъ тѣлѣ, трудно бывать и духовное чтеніе, требующее усилія для пониманія; читайте простое по-немногу. *Глаголы Христа Спасителя духъ суть и животъ суть, какъ Онъ Самъ возвѣстилъ.*

Не смущайтесь, естьли не можете трудиться подобно другимъ, когда угодно Богу образовать Васъ болѣе терпѣніемъ, нежели дѣланіемъ. Впрочемъ простое, не требующее напряженія, руководѣіе можетъ быть не безъ пользы для Васъ.

Награду въ вѣчности кто можетъ довольно заслужить? И много подвизавшіеся получаютъ ее по милости Божіей: милость же Господня и для немощныхъ и мало подвизавшихся бездна многа!

По возможности храните душу Вашу въ мирѣ и въ преданности волѣ Божіей, и не утомляйте себя собственными помыслами. М. янв. 29. 1863 г.

(а) Г-жа Н—ва, помѣщица Смол. губерніи, страдала душевнымъ разстройствомъ, и имѣя нужду въ духовномъ утѣшеніи и вразумленіи, рѣшилась письменно просить о семъ московскаго святаго, хотя незнакома была съ нимъ. Предлагаемое письмо, немедленно отправленное къ ней въ отвѣтъ по ея просьбѣ, при всей сжатости, обильно совѣтами опытной духовной мудрости, пригодными всякому христіанину.

2. Къ Гавріилу, архіепископу Тверскому.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ! Еще сподобилъ насъ Богъ торжествовать спасительную пасху Христову, и наше въ ней преведеніе отъ смерти и страха осужденія вѣчнаго, къ жизни и надеждѣ блаженства вѣчнаго.

Благодарю Его за то, что сподобилъ меня быть причастникомъ сей радости; благодарю вмѣстѣ и за васъ, преосвященный владыко, споспѣшествовавшего мнѣ въ сей радости словомъ благимъ, изнесеннымъ отъ благаго сокровища.

Да возмѣрять Онъ братолюбію вашему обильно благословеніями и утѣшеніями Своей божественной любви, благодатнымъ храненіемъ жизни вашей и споспѣшествованіемъ о дѣлахъ общаго блага и пользы церковныя.

О семъ молю Его, побуждаемый чувствованіемъ взаимной о Немъ къ вамъ любви и совершеннаго почтенія. Вашего высокопреосвященства покорный слуга, Филаретъ московскій.

Своеручно. Ничего не говорите о томъ, что писалъ я предъ симъ. Видно, что вамъ не поправилось. Лучше бы такъ писать, что не понравилось, чѣмъ молчать, и носить на душѣ слово тяжкое. 3 мая 1834.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ! Благодарю, что вы меня вспомнили, и словомъ благимъ посѣтили. Только вы говорите о посылаемыхъ, которые и сами о себѣ сказать могутъ; а я желалъ бы слышать о васъ. Говорять, что вы жалуетесь на ноги: да будутъ онѣ крѣпки и красны, чтобы носить благовѣствующаго миръ. Моя немощь увеличивается во всемъ: молитесь, да не не уготованъ буду, когда дверь исхода отверзется. Съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю Вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ м. московскій. Марта 21. 1851.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОДПИСКА НА СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

принимается на 1871 годъ по прежней цѣнѣ, а именно:

Для московскихъ подписчиковъ: на 12 мѣс. 6 р. 75, на 11 мѣс. 6 р. 30, на 10 мѣс. 5 р. 70, на 9 мѣс. 5 р. 25, на 8 мѣс. 4 р. 85, на 7 мѣс. 4 р. 20, на 6 мѣс. 3 руб. 60, на 5 мѣс. 3. на 4 мѣс. 2 р. 40, на 3 мѣс. 1 р. 80, на 2 мѣс. 1 р. 35, на 1 мѣс. 76 к.

Для иногородныхъ подписчиковъ, на 12 мѣс. 8 р. 10, на 11 мѣс. 7 р. 83, на 10 мѣс. 6 р. 83, на 9 мѣс. 6 р. 33, на 8 мѣс. 5 р. 67, на 7 мѣс. 5. р. 7., на 6 мѣс. 4 р. 32, на 5 мѣс. 3 р. 68, на 4 мѣс. 2 р. 81, на 3 мѣс. 2 р. 18, на 2 мѣс. 1 р. 85, на 1 мѣс. 80 к.

Московскіе подписчики, желающіе получать газету въ экземплярахъ запакованныхъ, прилагаютъ, сверхъ цѣны самаго изданія, за каждый мѣсяцъ по 5 коп. (60 коп. въ годъ, 30 коп. за полгода, и т. п. по соразмѣрности).

За перемѣну адреса платится каждый разъ 10 коп.

Пріемъ подписки въ Москвѣ: при редакціи, на Знаменкѣ, въ Ваганьковскомъ переулкѣ, противъ Румянцовскаго Музея, домъ № 9 Игнатьевой (быв. кв. Голицына); въ конторѣ «Современныхъ Извѣстій», близъ Москворѣцкаго моста; у книгопродавцевъ: Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, Салаева, Терапонтова, Прѣснова, Манухина, Ключкова, Анисимова, на Никольской; и въ магазинахъ: Руднева на Нѣмецкомъ рынкѣ и въ Елоховѣ; Живарева, на набережной, близъ дома бывш. Кокорена и въ Охотномъ ряду, д. Духманова; Богданова на Пречистенкѣ, въ д. Власьевой, Юргенсонъ, на углу Петровки и Кузнецкаго моста, д. Солодовникова. Въ С.-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ, на Невскомъ проспектѣ: Исакова, Базунова, и Кожанчикова.

Примѣч. Гг. иногородныхъ проситъ покорнѣйше редакція поспѣшить, если не высылкою денегъ, то по крайней мѣрѣ заблаговременными заявленіями. Этимъ предупредится промедленіе неизбежное при заготовкѣ печатныхъ адресовъ заразъ въ большомъ количествѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ предотвратится случай, повторявшійся каждый годъ отъ начала существованія «Современныхъ Извѣстій»: редакція вынуждалась, за неимѣніемъ наличныхъ экземпляровъ, переводить многихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ на слѣдующіе мѣсяцы, хотя и съ соблюденіемъ тѣхъ же сроковъ. Настоящее приглашеніе пусть будетъ вмѣстѣ и отвѣтомъ на жалобы тѣхъ изъ гг. подписчиковъ, которые получаютъ газету не съ того числа, съ котораго желали. Редакція не могла отправить экземпляровъ, которыхъ не имѣла въ день получения требованія; оставалось только зачислить подписку на слѣдующіе мѣсяцы, что ею и сдѣлано.

У КНИГОПРОДАВЦА А. И. МАНУХИНА,
въ Москвѣ, на Никольской улицѣ. *Сборникъ* церковно-гражданскихъ постановлений въ Россіи, относящихся до лицъ православнаго духовенства. Сост. Александровымъ. Спб. Ц. 1 руб. съ перес.

35 главъ, содержащихъ въ себѣ слѣдующее: Состояніе православнаго духовенства; установленія и должностныя лица православнаго духовенства; насажденіе, утвержденіе и распространеніе истиннаго православія и богослуженіе; обязанности священно и церковно-служителей по исправленію требъ у прихожанъ; правила касательно крещенія иновѣрныхъ младенцевъ; отношеніе духовныхъ лицъ къ суду свѣтскому надъ посторонними лицами; приходскія метрическія книги, содержимыя въ церквахъ для лицъ православнаго исповѣданія; союзъ брачный; положенія объ обезпеченіи православнаго сельскаго духовенства землями, домами и одновременноными пособіями, пенсіи и пособія за службу лицъ духовнаго вѣдомства, награды духовныхъ лицъ орденами и церковныхъ старостъ медалями; права лицъ духовнаго званія, въ отношеніи къ гражданской службѣ: призрѣніе бѣдныхъ духовнаго званія православнаго исповѣданія; о вспоможеніи духовенству, въ случаѣ пожаровъ; увольненіе изъ мѣстъ служенія или пребыванія и паспорта лицъ духовнаго званія; постановленія, касательно лицъ, лишенныхъ духовнаго званія; сословія православнаго духовенства; благоустройство церквей; пожертвованія въ пользу церквей и монастырей и сборъ церковныхъ подаваній; построеніе и исправленіе православныхъ церквей, молитвенныхъ домовъ и часовень; приписка и управленіе церквей; охраненіе благоустройства благочинія по дѣламъ вѣры въ казенныхъ селеніяхъ; о хозяйствѣ монастырей и церквей; правила, касательно имѣнія остающагося въ случаѣ кончины архіерея, настоятеля или настоятельницы монастыря; намежеваніе земель къ домамъ архіерейскимъ, къ монастырямъ и приходскимъ церквамъ, о дѣсахъ духовнаго вѣдомства; епархіальный судъ надъ лицами духовнаго званія; мѣры взысканія и исправленія по проступкамъ и преступленіямъ лицъ духовнаго званія, подлежащихъ епархіальному суду; свѣтскій судъ надъ лицами духовнаго званія; епархіальный судъ по дѣламъ брачнымъ; судопроизводство по дѣламъ монастырей, церквей, архіерейскихъ домовъ и другихъ духовныхъ установленій; о гербовой бумагѣ, употребляемой по духовному вѣдомству; духовная цензура по вѣдомству православнаго исповѣданія; о предупреденіи и пресѣченіи преступленій противъ вѣры.

Гг. иногороднымъ адресъ въ Москву, на Никольскую улицу, въ книжный магазинъ А. М. Манухина.

ОБЪ ИЗДАНИИ КУРСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
Въ 1871 году.

Курскія Епархіальныя вѣдомости будутъ выходить въ Бѣлгородѣ при Семинаріи дважды въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа, выпусками отъ 2 до 3 печатныхъ листовъ; цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою 5 рублей серебромъ. Адресъ: въ Бѣлгородѣ Курской губер. въ редакцію Курскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей при семинаріи. *Ред. Рект. Семин. Прот. Матвій Невскій.*

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

ФЕВРАЛЬ.

1871.

ВЪСПОМИНАНИЕ О ТРЕХЪ РУССКИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ СЯЩЕННИКАХЪ (а).

III.

По производствѣ въ офицеры, мнѣ пришлось прослужить 12 лѣтъ (1840—1852) въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, квартировавшемъ въ окрестностяхъ Петербурга. Здѣсь-то я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ третью замѣчательною личностію изъ нашихъ православныхъ священниковъ. Это былъ о. Александръ Благовѣщенскій, служившій священникомъ при тамашнемъ военномъ госпиталѣ. Мы были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ этому госпиталю, потому что одною изъ нашихъ служебныхъ обязанностей было постоянное очередное въ немъ дежурство. Собственно же съ о. Александромъ сблизилъ меня прекрасныя свойства его дѣтски чистой души, которыя блестяли въ бѣдной обстановкѣ всего его быта, какъ алмазь въ своей корѣ. Въ разнообразномъ обществѣ небольшого городка, люднаго въ лѣтнее время и пустѣвшаго зимою, составилъ небольшой кружокъ людей расположенныхъ къ церкви, людей принадлежавшихъ къ разнымъ вѣдомствамъ по своей официальной службѣ, но соединенныхъ между собою самымъ крѣпкимъ цементомъ: этимъ цементомъ была общая имъ любовь къ матери нашей св. церкви и ея божественнымъ уставамъ. О. Александръ также примкнулъ къ этому небольшому кружку, и здѣсь-то я узналъ впервые эту высокую и незабвенную для меня личность. Вся жизнь его была исполнена одною цѣлью: благоугождать Господу и привлечь другихъ на узкій путь христіанской жизни, и для этой цѣли онъ не щадилъ ни здоровья,

(а) См. январск. книжку.

ни своихъ душевныхъ силъ. Понятно, что по его положенію въ обществѣ его духовно-рыбарская мрежа не могла охватывать большаго пространства, но тѣмъ вѣрнѣе уловляла она во спасеніе тѣхъ, которые были по чему либо къ нему близки. Больные и госпитальная прислуга были первою его добычею: кромѣ церковнаго богослуженія и собесѣдованій при ономъ, о. Александръ почти ежедневно посѣщалъ больничныя камеры, входилъ въ бесѣды съ больными и едва замѣчалъ въ комъ нибудь искру божественнаго огня, онъ уже не оставлялъ своего попеченія о такомъ, пока на мѣстѣ слабой искры не возгорится огонь чистой любви и усердія. Многие изъ нижнихъ чиновъ нашего полка, зная по слуху ревность о. Александра къ назиданію ближнихъ и свободный къ нему доступъ во всякое время, ходили къ нему съ просьбою о вразумленіи, назиданіи и утѣшеніи въ скорбяхъ своихъ, и наконецъ самъ онъ еженедѣльно посѣщалъ городскую тюрьму, почти всегда переполненную пересыльными арестантами, и на все это доставало у него времени и усердія. Одною утѣшить словомъ, другому дать почитать книжку съ условіемъ спросить о томъ, чего не пойметъ при чтеніи; за обидимаго попросить защиты у кого можетъ и знаетъ заключеннымъ, сверхъ утѣшенія словомъ, пошлетъ посильное подаваніе.

Блѣдный, худощавый, малаго роста, казавшагося еще меньшимъ отъ привычки умаляться ради Бога вездѣ, всюду и предъ всѣми, о. Александръ былъ не только не замѣтенъ, но и удобопрезираемъ для всѣхъ тѣхъ, которые привыкли цѣнить прежде и паче всего внѣшность. По сказанному: „многи скорби праведнымъ,“ онъ всю жизнь свою отъ колыбели и до могилы провелъ въ скорбяхъ и лишеніяхъ, въ непрестанной борьбѣ со зломъ за добро, за право дѣлать и снѣять добро, даже въ той ограниченной сферѣ, которая была ему доступна. Госпитальное начальство, особенно смотритель госпиталя, съ подозрительностію смотрѣли на его слишкомъ близкія и можно сказать дружескія отношенія къ больнымъ; задавались и мучили себя вопросами: „зачѣмъ это онъ временно и безвременно бродить по палатамъ, обходить койки и говорить съ каждымъ словно сидѣлка? его ли это дѣло? онъ попъ,— знай свою церковь, да требы и только; отчего этаго не сдѣлають другіе? вѣрно онъ за тѣмъ сближается съ больными и госпитальной прислугой, чтобы повывѣдать все, что у насъ дѣлается и потомъ разомъ подать доносъ. Вѣдь не даромъ же онъ упрашиваетъ: тому прибавить порцію,

другому отсрочить выписку, и хоть часто остается съ носомъ, а все лезетъ съ своими несносными просьбами. Нѣтъ, тутъ что нибудь да есть! — Главный докторъ, жившій всегда въ ладахъ съ смотрителемъ (а не съ ординаторами), тоже находилъ съ своей стороны „неприличными“ частыя посѣщенія о. Александромъ больничныхъ камеръ; онъ-де беспокоить безъ нужды больныхъ, онъ наводитъ на нихъ уныніе своими бесѣдами; надобно формально запретить ему эти безвременныя посѣщенія. Госпитальной аристократіи не нравилось его церковное служеніе. „Что это такое, разсуждали они, скучно, монотонно, какъ-то таетъ, иногда хнычетъ, выдумаль говорить по часту проповѣди, кто ихъ слушаетъ? на что онъ въ госпитальной церкви?“ А для разсѣянія своихъ недоумѣній, стоило бы этимъ господамъ, попробовать хотя однажды спросить объ этомъ тѣхъ, для кого произносились эти проповѣди, хотя бы взглянуть внимательно на лица слушавшихъ, и они бы убѣдились, что эти и въ церкви и въ палатахъ въ сладость послушали его. Но въ томъ-то и дѣло, что никто изъ „власть имущихъ“ въ госпиталѣ не догадывался, что въ этомъ маленькомъ, ни почему не видномъ человѣкѣ, жила великая и высокая христіанская душа, неспособная ни на одно изъ тѣхъ дѣйствій, которыя они, по имѣвшей причины робѣть наединѣ съ собою совѣсти, приписывали бѣдному священнику. Онъ точно видѣлъ и зналъ все: зналъ, что, въ то время, какъ болѣные едва могли уловить внутреннее содержаніе своихъ больничныхъ суповъ, другіе были сытешенки насчетъ ихъ; въ то время когда болѣные дрожали отъ холода или согрѣвались лишь благодаря тѣснотѣ помѣщенія, иные нѣжились при пылающихъ насчетъ недобранныхъ у подрядчика дровъ — камінахъ; въ то время когда эти морщась пили кислый квасъ, у тѣхъ не сходили со стола дорогія заморскія вина; зналъ, что любостыжаніе не останавливалось даже и передъ урѣзываніемъ савана, котораго иногда едва доставало прикрыть кое-какъ совершенно обнаженный трупъ, во время отпѣванія покойника, — въ могилѣ-де все равно, скоро сгниетъ и этотъ. Зналъ все это и многое другое о. Александръ, но зная, что „жестоко есть противу рожна проти“ и что помѣшать ничему такому было не въ его власти и средствахъ, — молчалъ, плакалъ и молился, равно за обиженныхъ и обидящихъ, моля защитить первыхъ и вразумить послѣднихъ и вѣря, что Господь Богъ отмщеній не закоснитъ: — также терпѣливо сносилъ и личныя

нападки на себя, не измѣняя впрочемъ въ угоду сильныхъ ни своихъ убѣжденій, на своего образа дѣйствій.

О. Александръ былъ женатъ на единственной дочери одного Пет—го купца, тогда уже принявшаго монашескій образъ съ именемъ Августалія (а). Кроткая и любящая жена его была вполне достойна своего смиреннаго мужа; при всѣхъ недостаткахъ и искушеніяхъ, обремененная семействомъ, она никогда „не дала безумія Богу“ и не только не роптала на вопіющую нужду, но заботливо удаляла отъ мужа все, что могло беспокоить его, радостно помогая ему нести тяжелый крестъ бѣдности, утѣшая и укрѣпляя его надеждою дней лучшихъ. „Слава Богу за все“, было любимымъ отвѣтомъ обоихъ—мужа и жены, на вопросъ о нуждахъ житейскихъ. Но однажды не выдержала и алмазная твердость о. Александра. Дѣло помнится было такъ: по переводѣ госпиталя, помѣщавшагося прежде въ старыхъ деревянныхъ зданіяхъ бывшихъ казармъ, во вновь отстроенное каменное зданіе,—священникъ былъ на время оставленъ на жительствѣ въ одномъ изъ старыхъ флигелей, тогда какъ всѣ прочія зданія стараго госпиталя поступили въ вѣдѣніе мѣстнаго дворцоваго правленія. Главной статьей домашняго хозяйства о. Александра была корова, которая была, можно сказать, кормилицею всего семейства и потому служила предметомъ особой заботливости хозяина и хозяйки. Какъ-то весною корова эта, урвавшись изъ хлѣва, зашла въ средину бывшаго госпитальнаго двора, покрывшагося уже сочною травою; тутъ ее схватили и представили въ дворцовое правленіе, начальство котораго все состояло изъ нѣмцевъ. Корову задержали и по наведеніи справки, что она принадлежитъ госпитальному священнику, немедленно настрочили отношеніе въ госпиталь, требуя со священника 10 рублей сер. штрафа за поправу дворцоваго луга. О. Александръ, получивъ подобное преувеличенное требованіе, заплатитъ штрафъ, по неимѣнію денегъ, отказался. Тогда дворцовое

(а) О. Августалій въ концѣ 40-хъ годовъ переселился изъ Невской лавры на св. Аѳонскую гору, гдѣ помѣстился подъ покровительствомъ греческаго Эсфигменскаго монастыря, устроивъ надъ пещерою горы Самары—мѣстомъ первоначальныхъ подвиговъ отца нашихъ иночествующихъ пр. Антонія Печерскаго, небольшую келлію съ церквію во имя сего святаго. Передъ началомъ крымской войны, выбылъ изъ Аѳона и скончался въ Петербургѣ на рукахъ любимой дочери и зятя.

правленіе рѣшило: корову продать съ аукціона, штрафъ вычестъ, а остальные деньги возвратить хозяину, вслѣдствіе чего корова, стоившая отъ 30 до 40 рублей, была продана за 20 руб. сер., изъ которыхъ 10 р. препровождены при отношеніи въ госпиталь для передачи священнику. О. Александръ не принялъ и этихъ денегъ, но зная, что искать защиты не у кого, поручилъ свою обиду Господу Богу; но какъ ни крѣпился, а видя своихъ малютокъ лишенныхъ и послѣдняго невиннаго утѣшенія — свѣжаго молока и плачущихъ объ этомъ на колѣняхъ матери, не выдержалъ и горько заплакалъ самъ, нарекая на человѣческую неправду и черствость. Что же случилось? Солдаты нашего полка, узнавъ объ такой кровной обидѣ ихъ любимаго батюшки, поймали гдѣ-то одну изъ тирольскихъ коровъ, принадлежавшую управляющему Дворцовымъ правленіемъ, и распорядились съ мясомъ по своему, а голову подкинули къ его воротамъ, привязавъ къ рогамъ нацарапанную углемъ записку: „тоже будетъ и тебѣ, такой-сякой нѣмецъ, за обиду бѣднаго священника.“ (а) Несмотря на то, что командиръ полка былъ тоже нѣмецъ и слѣдовательно пріятель управляющаго, никакіе секретные розыски, напоминавшіе своею изобрѣтательностію тайную канцелярію, не навели сыщиковъ на слѣдъ остальной части Тирольской коровы и ея похитителей, и нѣмецъ волей-неволей долженъ былъ принять данный ему урокъ, а друзья о. Александра, провѣдавъ о его обидѣ, сложились и купили ему корову, гораздо лучшую проданной.

Изъ упомянутаго госпиталя о. Александръ перепросился въ послѣдствіи въ С.-Петербургъ, гдѣ былъ помѣщенъ въ отдѣленіе, назначенное для больныхъ арестантовъ морскаго вѣдомства, при церкви, основанной еще Петромъ Великимъ, гдѣ и оставался до самой своей кончины. Здѣсь о. Александръ продолжалъ усердно сѣять Слово Божіе въ сердцахъ несчастныхъ и сколько онъ сдѣлалъ имъ добра, сколькихъ закоренѣлыхъ въ порокъ обратилъ на путь добродѣтели, ожесточенныхъ жестокимъ наказаніемъ (сквозь строй), смягчилъ и примирилъ съ Богомъ и людьми, — знаетъ лишь Тотъ, у кого не будетъ забвено ничто сдѣланное ближнему во имя Его!

Въ то же время о. Александръ принялъ на себя должность законоучителя въ фельдшерской школѣ кантонистовъ, съ

(а) Нельзя не пожалѣть о такомъ поступкѣ солдатъ, хотя онѣ внушенъ и добрымъ чувствомъ.

чѣмъ открылось новое поле для его миссіонерской дѣятельности: имѣя въ виду, что въ военныхъ госпиталяхъ фельдшера имѣютъ болѣе вліянія на больныхъ, чѣмъ самые доктора, и что отъ ихъ усердія или нерадѣнія облегчается или отягощается участь страждущихъ, о. Александръ обратилъ все свое стараніе на то, чтобы насадить въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ чувство христіанскаго милосердія, какъ единственный источникъ къ поддержанію усердія при исполненіи ихъ дѣйствительно многотрудной обязанности, и, при помощи Божіей, образовалъ цѣлое поколѣніе фельдшеровъ христіанъ, настолько отличныхъ отъ прежнихъ, насколько порокъ отличенъ отъ добродѣтели. Счастливыми считали себя больные той палаты, гдѣ былъ такой фельдшеръ, и имя его благословлялось тѣми, кто былъ ввѣренъ его попеченію. Нѣкоторые изъ этихъ фельдшеровъ по выходѣ въ отставку пошли на жительство въ монастыри и продолжаютъ свое служеніе страждущему человѣчеству въ монастырскихъ больницахъ, благословляя память своего воспитателя, научившаго ихъ любить добро ради самаго добра и находить награду въ свидѣтельствѣ совѣсти о исполненномъ долгѣ.

Въ этотъ періодъ служенія о. Александра былъ слѣдующій замѣчательный случай: однажды поступилъ на излѣченіе во 2-й сухопутный госпиталь нѣкто изъ воспитанниковъ офицерскихъ классовъ Артиллерійскаго училища, полякъ по происхожденію и католикъ по религіи, которому по какому-то случаю вздумалось лишить себя жизни и сдѣлать это съ помощію бритвы, но рука дрогнула и преступный умыселъ самоубійцы не имѣлъ желаемаго имъ успѣха. Въ госпиталь онъ рѣшился докончить начатое, уморить себя голодомъ. По счастью для юнаго безумца, для ухода за нимъ былъ приставленъ молодой фельдшеръ изъ учениковъ о. Александра; онъ ухаживалъ за больнымъ душевно съ такимъ христіанскимъ усердіемъ и сердоболіемъ, которыя видимо тронули ожесточенное сердце больного. „Кто тебя научилъ такъ заботливо обращаться съ больными?“ спросилъ офицеръ у фельдшера, и получилъ въ отвѣтъ: „нашъ законоучитель священникъ.“ „Странно, сказали задумавшися больной, наши то ксензы вриды ли бы стали внушать такія правила въ отношеніи къ тому, кто въ ихъ глазахъ считается еретикомъ и слѣдовательно пронащимъ человѣкомъ. Не можешь ли ты, прибавилъ онъ, познакомить меня съ вашимъ священникомъ?“ „Отчего же нѣтъ, отвѣчалъ обрадованный этимъ

вызовомъ фельдшеръ,—я сегодня же скажу ему о вашемъ желаніи.“—Когда фельдшеръ пришелъ ко мнѣ въ олтарь, рассказывалъ о. Александръ, я оканчивалъ божественную литургію. Услышавъ о желаніи больного поляка и католика, я было усумнился; но это было лишь минутное колебаніе, чувство христіанскаго состраданія взяло тотчасъ же перевѣсъ надъ человѣческимъ опасеніемъ впутаться въ какую-либо непріятную исторію, и я, потребивъ Св. Дары и взявъ съ собою девятичиновную просфору, отправился вслѣдъ за фельдшеромъ въ госпиталь. Придя въ палату и подойдя къ койкѣ больного офицера, я благословилъ его съ словами: миръ вамъ и благословеніе отъ Господа нашего Іисуса Христа,—и съ этими словами подалъ ему просфору. Больной ласково взглянулъ на меня, чувство удовольствія мелькнуло на его страдальческомъ вицѣ, и онъ, взявъ св. просфору, машинально отломилъ лтъ нея порядочную часть и съѣлъ ее молча. Но потомъ одругъ лицо его измѣнилось, онъ также машинально возвратилъ мнѣ остальную часть просфоры и глядя на меня удивленными глазами, началъ говорить прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ:—„что ты со мною сдѣлалъ? ты должно быть чародѣй, вѣдь я твердо рѣшился уморить себя голодомъ, а ты, Богъ знаетъ какъ, помѣшалъ мнѣ въ этомъ.“ Давши ему высказаться, я началъ кротко доказывать ему, какъ преступна и самая мысль лишить себя самопроизвольно жизни, которая есть драгоценный даръ Божій, и сказалъ что въ этой двукратной помѣхѣ исполненію такого преступнаго желанія, онъ долженъ видѣть руку Божию, не допустившую его до ужаснѣйшаго преступленія. Не упомяну въ точности, что и какъ говорилъ я ему, но видѣлъ ясно, что простые слова мои, разумѣется не по моему краснорѣчію, а по силѣ благодати Божіей произвели желаемое дѣйствіе: слезы оросили ланиты больного и лице его опять приняло кротко-страдальческое выраженіе, а глаза, увлажненные благодатною росой слезъ, смотрѣли на меня мягко и съ любовью.—„Послушай, отецъ, сказалъ онъ мнѣ, прижимая къ устамъ мою руку,—ты возбудилъ во мнѣ отвращеніе къ моему поступку и желаніе жить новою, лучшею жизнью, а потому я и желаю начать эту новую жизнь тѣмъ, чтобы сдѣлаться сыномъ той церкви, которая имѣетъ у себя столь достойныхъ служителей, какихъ я не встрѣчалъ у насъ. Обѣщай мнѣ исполнить мое сердечное желаніе, если хочешь докончить доброе дѣло.“—„Не ожидая

вовсе такого исхода, я сказалъ, что объ этомъ надобно подумать хорошенько и ему и мнѣ, но что я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать его желанію, насколько это зависитъ отъ меня. И простившись съ нимъ, ушелъ. Подумавъ хорошенько, я доложилъ о семъ случаѣ тогдашнему военному губернатору, который принялъ меня ласково, общалъ свое содѣйствіе и доложилъ митрополиту (В—му Автопію). Но дѣло затянулось и наконецъ дошло, не знаю какимъ путемъ, и до свѣдѣнія высшаго католическаго духовенства. Съ этой поры дѣло тотчасъ приняло другой оборотъ. Меня внезапно потребовали къ митрополиту; онъ былъ на ту пору чѣмъ-то сильно встревоженъ и принялъ меня гнѣвно: „кто тебѣ поручилъ заниматься обращеніемъ католиковъ? какое тебѣ дѣло до этого офицера?“ Напрасно я старался объяснить, какъ умѣлъ, что я вовсе и не думалъ уговаривать никого перейти въ православіе, что это желаніе выразилъ настоятельно самъ больной и вотъ по какому поводу... Меня не хотѣли выслушать: „не твое дѣло заниматься пропагандой, зналъ бы одно свое прямое дѣло, а то заварилъ кашу, а тутъ ее расхлебывай, какъ знаешь. Ты думаешь дѣло простое, а оно весь Петербургъ взбудоражило, и въ другой разъ не смѣй мѣшаться не въ свое дѣло, а то я тебѣ найду мѣсто.“ Съ огорченіемъ вернулся я домой, думая: Господи, Ты самъ знаешь, чѣмъ и насколько я тутъ виноватъ, — и молилъ крѣпко Его благость, да мимо идетъ отъ меня сіе новое искушеніе. Послѣ этого самъ я уже конечно не осмѣлился навѣстить больного, едва рѣшился и спросить у фельдшера, что послѣдовало далѣе. По его разсказу докторъ полякъ (а въ госпиталѣ было ихъ не мало), провѣдавъ какъ-то о намѣреніи больного, доиспѣшилъ съ донесеніемъ къ высшему католическому духовенству и вліятельнымъ лицамъ ихъ столичной партіи. Узнавъ, что дѣло это уже вышло за границы госпиталя, подняли шумъ, поставили на ноги всѣхъ „своихъ“, и на общемъ совѣтѣ рѣшено было во что бы то ни стало не допускать такого, по ихъ мнѣнію, вопіющаго позора и посрамленія для католической церкви. Спустя нѣсколько дней, пригласили меня въ пріемный покой. Прихожу, спрашиваю: что угодно? Дежурный докторъ полякъ съ злобной усмѣшкой отвѣчаетъ: „а вотъ, посидите, да подождите, такъ и узнаете.“ Сижу часъ, другой, третій, спрашиваю у одного, у другаго, и не могу добиться никакого толковаго отвѣта; хочу уйти, меня удерживаютъ почти насильно. Наконецъ

отворяется дверь и является передъ мною высшая духовная особа католической церкви въ Петербургѣ (помнится ректоръ католической духовной Академіи). Начинается рядъ казуистическихъ вопросовъ относительно моего знакомства съ больнымъ, и изъявленнаго имъ намеренія перейти въ православіе. Я отвѣчаю кратко и осторожно, что Богъ положилъ на сердце. Слѣдуютъ ласковыя предложенія: отказаться добровольно отъ моего заявленія, приписать его увлеченію, ошибкѣ, чему-нибудь въ этомъ родѣ. Отъ ласки слѣдуетъ переходъ къ угрозамъ. Я молчу. Разговоръ прерывается рѣзкимъ замѣчаніемъ: „тѣфу ты, настоящій Грекъ!“ и высокая особа уходитъ, видимо недовольная мною. Черезъ день приглашаютъ опять въ госпиталь, и на этотъ разъ ведутъ прямо къ койкѣ больного. Трудно представить себѣ, какъ онъ измѣнился въ это недолгое время; слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ онъ сталъ мнѣ говорить очевидно твердо заученныя слова: „бабушка, вы знаете, какую болѣзнію я боленъ; вы умѣете читать по-латыни? Прочтите же, что написано на моемъ бидетѣ, что надъ койкой“. И молча вскинулъ глазами и прочелъ что-то въ родѣ бѣлой горячки или умопомѣшательства. „Я не отказываюсь отъ своего намеренія, продолжалъ онъ съ усиленіемъ, но какая вамъ честь, если помѣшанный присоединится къ православной церкви? сказалъ онъ горько улыбувшись. А вотъ какъ выздоровѣю, то постараюсь вспомнить свое обѣщаніе. А теперь прощайте. Пожалуйте меня“, сказалъ онъ полушепотомъ, пожимая мою руку. Все это, надобно замѣтить, говорилось въ присутствіи доктора-полака, который все время не сводилъ съ насъ обоихъ своего холодно извѣстельнаго взгляда. Жалѣя больного, я не сказалъ ничего въ отвѣтъ на внушенную ему, очевидно не безъ насилія, рѣчь, и скрѣпя сердце вышелъ, также молчаливо, какъ и вошелъ. Въ послѣдствіи узналъ я, что больной выздоровѣлъ, ему исходатайствовали полное прощеніе въ его поступкѣ и переводъ въ одну изъ батарей, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, куда конечно напередъ полетѣли строгія внушенія роднымъ и духовенству — какъ принять въ свои руки неосторожнаго юношу. Слышалъ также, что онъ порывался, по выпискѣ изъ госпиталя, повидаться со мною, но не могъ, потому что за нимъ слѣдили, что называется, во сто глазъ.“

Какъ же вы думаете, бабушка, объ этомъ дѣлѣ, спросилъ я, выслушавъ простодушный разговоръ о. Александра.

„Да думаю, отвѣчалъ онъ скромно, что виновать кругомъ одинъ я: мнѣ бы не слѣдовало спѣшить доводить заявленія больного до высшаго начальства, а слѣдовало бы, *предчувствуя* исходъ этого дѣла, потушить его въ самомъ началѣ, отказавъ больному на отрѣзъ, убѣдивъ его, что намѣреніе его неисполнимо и т. д. Впрочемъ, прибавилъ онъ, горько улыбнувшись, честь и слава католикамъ: они стоятъ другъ за друга стѣною, и конечно не ихъ мы можемъ упрекнуть въ индифферентизмъ и равнодушіи къ чести своей церкви“. Оставивъ службу и Петербургъ въ 1852 году и вступивъ вскорѣ за симъ въ монастырь, я продолжалъ отъ времени до времени переписываться съ о. Александромъ. Потомъ онъ что-то замолкъ, а наконецъ я получилъ извѣщеніе отъ его супруги, что о. Александръ послѣ непродолжительной болѣзни, почилъ отъ своей скорбной и многотрудной жизни, поручивъ земную участь своей вдовы и сиротъ промыслу Божию. Письмо скорбной вдовы оканчивалось словами: „Онъ переселился съ упованіемъ туда, идѣже, какъ вѣримъ, живетъ святая правда, здѣсь гонимая, по сказанному: „новаго небеси и земли чаемъ, въ нихже правда живетъ.“

Таковы мои воспоминанія о трехъ достойныхъ служителяхъ вертограда Христова. Съ тѣхъ поръ какъ я самъ получилъ драгоценное право приносить безкровную жертву, на каждой проскомидіи считаю долгомъ благодарной памяти вспомнать имена священноіереевъ Тихона, Александра и Александра наравнѣ съ именами самыми близкими моему сердцу. Память праведныхъ съ похвалами, память ихъ въ родъ и родъ.

А. Л.

О КЛЯТВАХЪ СОБОРА 1667 ГОДА И О ПОЛЕМИЧЕСКИХЪ КНИГАХЪ.

Многіе изъ глаголемыхъ старообрядцевъ спрашиваютъ насъ, какого мы мнѣнія о клятвахъ собора 1667 года, и о полемическихъ книгахъ, составленныхъ противъ раскола, утверждая съ своей стороны, что помянутыя клятвы будто бы положены прямо на старые обряды, а не на тѣхъ, которые изъ-за обрядовъ отдѣляются отъ св. церкви, и что въ полемическихъ книгахъ находятся жестокословныя порицанія на старые обряды, самую церковь дозволенные къ употребленію у единовѣрцевъ. По этому, спрашиваютъ

они, не состоятъ ли единовѣрцы подъ клятвами помянутаго собора?

Въ отвѣтъ на сіе мы намѣрены откровенно изложить, какимъ образомъ мы, вступая въ единеніе съ церковію на правахъ единовѣрія, разрѣшили для себя этотъ самый вопросъ, вѣкогда и насъ занимавшій, какъ занимаетъ теперь нашихъ вопрошателей и всѣхъ вообще старообрядцевъ.

Пребывая еще въ глаголомомъ старообрядчествѣ и состоя въ числѣ членовъ австрійской іерархіи, мы, по примѣру прочихъ старообрядческихъ вождей, въ видахъ распространенія помянутой іерархіи и для удобнѣйшаго дѣйствованія противъ православной церкви и единовѣрія, употребляли, какъ самое сильное средство къ достиженію сей цѣли, указаніе на клятвы собора 1667 года, утверждая, что клятвы сіи направлены именно на старые обряды. Правда, по крайней мѣрѣ внутренно, мы сами сознавали, что православная церковь, допустившая единовѣріе, очевидно, относитъ соборныя клятвы не къ обрядамъ, а къ отдѣляющимся изъ-за нихъ отъ св. церкви; но желая во что бы ни стало обвинить церковь, мы на это не обращали вниманія, а старались только утверждать, что православная церковь въ одно и то же время и благословляетъ, и проклинаетъ старые обряды. „Еда источникъ, спрашивали мы съ какимъ-то торжествомъ, отъ единого устія источаетъ сладкое и горькое? А въ православной церкви, смотрите, отъ тѣхъ же устъ исходитъ благословеніе и клятва“ (Іаков. зач. 54—55).

Когда православные архипастыри текущаго столѣтія стали писать въ мягкихъ выраженіяхъ о такъ называемыхъ старыхъ обрядахъ, это намъ очень не нравилось, какъ не нравится въ настоящее время и всѣмъ вождямъ старообрядческимъ. Особенно опасались мы, какъ бы св. Синоду не пришло на мысль издать отъ себя прямое разъясненіе, что клятвы относятся именно къ отдѣляющимся отъ св. церкви ради любимыхъ ими обрядовъ, а не на самые обряды: тогда, думали мы, старообрядчеству и особенно нашей проповѣди противъ церкви нанесенъ будетъ смертельный ударъ. Вотъ до какого ослѣпленія были мы привержены къ старообрядчеству, приѣмлющему австрійскую іерархію! Но пришло время, когда по поводу Окружнаго посланія возникли распри, смуты среди старообрядческихъ епископовъ, духовенства и простонародья, когда образовались двѣ партіи—*окружниковъ* и *противокружниковъ*—и посыпались со стороны духовныхъ властей обѣихъ партій другъ на друга анафемы и проклятія. По указанію о. Пафутія, именовав-

шагося въ то время коломенскимъ епископомъ, оказалось, что въ Бѣлокриницкомъ уставѣ, на которомъ основана іерархія, въ изложеніи богословія находятся догматическія погрѣшности и еретическія мудрованія. На нихъ указалъ въ 1863 году и соборъ старообрядческихъ епископовъ въ составленномъ тогда разборѣ помянутаго богословія (подлинникъ этого разбора за подписью епископовъ находится у насъ). Тотъ же о. Пафнутіи тщательно разсмотрѣвъ имъ же самимъ преимущественно распространенное ученіе о прекращеніи ветхозавѣтнаго олтарнаго огня во время Вавилонскаго плѣна, придуманное основателемъ бѣлокриницкой іерархіи инокомъ Павломъ въ объясненіе принимаемаго старообрядцами мнимаго прекращенія по всей вселенной православной іерархіи въ трехъ чинахъ а). По внимательномъ разсмотрѣніи этого ученія оказалось, что оно совершенно неосновательно и исполнено духоборства, что подтвердилъ и духовный старообрядческій Совѣтъ (ибо утверждать, что Духъ Святый, сошедшій на Апостоловъ въ день Пятидесятницы, подлежалъ измѣненію, т.-е. что Онъ, по примѣру ветхозавѣтнаго олтарнаго огня, во время Никона патріарха, „превратился въ кладезь еретичества, а по принятіи Амвросіи опять воспламенился“, не есть ли духоборство и послѣдованіе горшее Македоніевой ереси?). Все это было причиною, что мы сильно поколебались въ своихъ прежнихъ убѣжденіяхъ относительно глаголемаго старообрядчества и старообрядческой іерархіи, а потому еще съ большимъ вниманіемъ и съ большимъ безпристрастіемъ приступили къ рѣшенію важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ вопросовъ касательно старообрядчества (б). Раз-

(а) Огонь олтарный хотя и прекращался во время Вавилонскаго плѣна, по случаю сокрытія его въ кладезь; но іерархія и во время плѣна не прекращалась, ибо а) не всѣ архіереи и священники взяты были въ плѣнъ, и б) даже изъ плѣна многіе изъ нихъ возвратились еще живыми (Варух. гл. 1; Эзд. гл. 2 и 3; Неем. гл. 12). А что касается жертвоприношеній, то оно до плѣна Вавилонскаго, во время онаго и послѣ совершалось и посредствомъ простаго огня (Левит. гл. 6 и 8; 2 Паралип. гл. 29 и 30; Варух. гл. 1; Эзд. гл. 3; Неем. гл. 12). Слѣдовательно тотъ олтарный огонь, который во время всего существованія ветхозавѣтной церкви два раза сходилъ съ неба, какъ чудо (Левит. гл. 9; 2 Паралип. гл. 7), не почитался необходимымъ для жертвоприношеній и прочихъ священнодѣйствій оной церкви.

б) Вопросы, которые здѣсь разумѣются, были письменно изложены нами и представлены на разсмотрѣніе членамъ старо-

смотрѣніе сихъ вопросовъ показало намъ, что церковь Христова состоящая изъ полной Богоучрежденной іерархіи (в), семи церковныхъ таинствъ и вѣрныхъ людей (г), не можетъ ни на одинъ день прекратиться (д); что старообрядческое общество, не имѣвшее почти 200 лѣтъ епископа, безъ котораго церковь не можетъ и церковью именоваться (е), не составляло изъ себя соборной и апостольской церкви; что принятіе Амвросія никакъ не можетъ заставить забыть промежутокъ времени, когда у старообрядцевъ не было епископа, и, наконецъ, что и самое 8-е прав. перваго всел. собора, на основаніи котораго принятъ Амвросій, ни въ какомъ случаѣ оправдать его принятіе не можетъ, потому что въ правилѣ семь сказано: „если еретики обращаются къ соборной и апостольской церкви, тогда таковыя, провѣнше свою ересь, принимаемы бывають въ своемъ чинѣ“,—ибо они дѣлаются зависимыми уже отъ православнаго епископа; старообрядцы же до Амвросія не имѣли у себя епископа, слѣдовательно Амвросій обратился не къ церкви, а къ толпѣ народа. Тогда-то мы ясно увидѣли, что находимся не въ св. церкви, а въ крайнемъ заблужденіи душепагубнаго раскола; увидѣли свои ошибки и нашли усилія наши распространить бѣлокриницкую новоучрежденную іерархію и духоборное ученіе тѣмъ болѣе неизвинительными, что, какъ нѣкоторымъ изъ васъ вполнѣ было извѣстно, Амвросій присоединилъ

обрядческаго духовнаго совѣта; потомъ, чтобы вызвать на нихъ отвѣты, отъ которыхъ члены совѣта, очевидно, уклонялись, мы напечатали вопросы сія въ *Душеполезномъ чтеніи* (1865 г. кн. 7),—и доселѣ однако отвѣтовъ на нихъ ожидаемъ тщетно.

(в) Благовѣстн. на Лук. зач. 95 лист 205; Игнат. Богов. посл. 2 и 3 къ Траллианамъ; Симеон. Фессал. кн. 1, гл. 156. и кн. 2, число 30; книга «о прав. вѣрѣ» гл. 7. лист. 59; книга, именуемая Кириллова лист. 77—78.

(г) Большой катихисисъ о семи церковныхъ таинствахъ.

(д) Матѳ. зач. 65; Маргар. слов. о Овіи царѣ, л. 193; Златоуст. бесѣд. 7. на зач. 223; Апост. Толк. л. 790; книга «о прав. вѣрѣ» гл. 2, л. 19; Маргар. л. 525; Благовѣстн. на Матѳ. зач. 100; на Лук. зач. 107; Амвросій Медиол. и Блажен. Августинъ (Правосл. догм. Богосл. Макарія ч. II, стр. 186).

(е) Діонисій Ареоп. о священноначаліи; Св. Кипріанъ посл. 69 (Богосл. Макар. ч. II, стр. 154); Маргар. житіе Златоуста л. 154; Симеон. Солун. кн. 1, гл. 77 и кн. 2, гл. 88; Тактик. сл. 14, л. 72. Игнат. Богов. посл. 3 къ Филадельфіанамъ; Тертуліанъ противъ Маркіона (Богосл. Макар. ч. II, стр. 166).

ся къ старообрядчеству не по убѣжденію въ правотѣ онаго, а единственно по житейскимъ расчетамъ, что во время принятія мазали его деревяннымъ масломъ, а не муромъ, котораго старообрядцамъ негдѣ было и взять, что Амвросій во время пребыванія своего въ г. Цилли, когда ему не высылали почему-либо къ опредѣленному сроку слѣдующихъ по условію 500 червонцевъ, писалъ въ Бѣлую Криницу посланія съ ужаснѣйшими проклятіями, и всѣхъ, начиная отъ Кирилла, запрещалъ священнодѣйствовать, мірянъ же, которые стали бы принимать отъ запрещенныхъ благословеніе, отлучалъ и проклиналъ и подъ такими отлученіями и проклятіями содержалъ духовенство и мірянъ дотолѣ, пока не получалъ деньги, а это продолжалось иногда по мѣсяцу, при чемъ запрещенныя имъ лица не переставали священнодѣйствовать, мірскіе же получаютъ отъ нихъ благословеніе. Наконецъ мы узнали, что Амвросій предъ смертію раскаялся въ своемъ отступленіи отъ православія предъ греческимъ священникомъ, привезеннымъ изъ Триеста, и тѣмъ же священникомъ отпѣтъ и погребенъ въ Триестѣ на Болгарскомъ кладбищѣ св. Спиридонія. Все это нѣкоторые изъ насъ знали, но по обыкновенію старообрядцевъ всячески заботились хранишь втайнѣ, принимая все на свою душу, дабы имѣть большіе успѣхи въ распространеніи новоучрежденной іерархіи. Но кто же насъ призвалъ, спрашивали мы послѣ сами себя, на такое проповѣдническое служеніе? Оказалось, что никто, что мы самозванные учителя и лжепроповѣдники, о которыхъ Господь сказалъ чрезъ пророка: „не послахъ ихъ, тѣ же прорицаютъ именемъ моимъ о неправдѣ“ (Іерем. гл. 27, ст. 15). Тогда-то обратили мы безпристрастный взоръ и на православную Грекороссійскую Церковь, вопрошая себя: за что мы отъ нея отдѣляемся, есть ли къ тому законныя основанія и не въ ней ли, напротивъ, надлежитъ намъ искать надежду своего спасенія?

Первоначально призвавъ Бога на помощь, мы приступили съ усердіемъ къ безпристрастному изслѣдованію и разсмотрѣнію причинъ, побудившихъ нашихъ предковъ отдѣлиться отъ православной церкви. Что догматическое ученіе оной церкви нисколько не повреждено, въ этомъ мы были увѣрены, и самъ бѣлокриницкій инокъ Павелъ засвидѣтельствовалъ, что грекороссійская церковь не погрѣшаетъ въ Богословіи, а это, по его выраженію, есть главный пунктъ православія. Итакъ причиною отдѣленія предковъ отъ грекороссійской церкви не могло быть пов-

режденіе оной какими-либо ересями. Но главными и важнѣйшими причинами сего отдѣленія оказались: имя Спасителя, нишемое и произносимое въ грекороссійской церкви *Iисусъ*, четвероконечный крестъ, трегубое аллилуіа, сложене перстовъ для моленія и благословенія, пятипросфоріе и хожденіе не посолонъ, вообще же исправленіе книжное. Но начертаніе имени Спасителя *Iисусъ* и четвероконечный крестъ мы уже признавали не только непогрѣшительными, но и душеспасительными, о чемъ ясно выражено было въ Окружномъ Посланіи, только, разумѣется, выражено это не совсѣмъ рѣшительно, потому что опасались, какъ бы не соблазнить старообрядцевъ. Потомъ для разсмотрѣнія другихъ причинъ отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви мы взяли три книги: „Бесѣды къ глаголемому старообрядцу“, „Истинно древняя и истинно православная Христова церковь“ и „Выписки“ Озерскаго, провѣрили указанная въ нихъ свидѣтельства въ подтвержденіе древности содержимыхъ грекороссійскою церковію обрядовъ по памятникамъ, хранящимся въ Москвѣ въ патриаршей ризницѣ и въ библіотекахъ Синодальной, Троицко-Сергіевой лавры и г. Хлудова, и найдя всѣ сіи свидѣтельства справедливыми и вполне согласными съ указанными въ нихъ памятниками, окончательно убѣдились въ маловажности и ничтожности причинъ, по которымъ наши предки отдѣлились отъ Св. церкви, и въ томъ, что по новоисправленнымъ книгамъ и обрядамъ можно, безъ сомнѣнія, спастися, потому что книги исправлены по древнимъ рукописямъ греческимъ и славянскимъ, собраннымъ для сего изъ достопримѣчательнѣйшихъ библіотекъ Россійскаго государства и привезеннымъ нарочно изъ Греціи; обряды же заимствованы отъ восточной православной греческой церкви, имѣющей 4-хъ патриарховъ, съ которой согласуются въ обрядахъ всѣ православнохристіанскіе народы, какъ-то: Арабы, Сербы, Болгары, Грузинцы, Черногорцы, Молдоване и другіе. Замѣтимъ кстати, что вышешюмянутыя три книги да еще „Увѣщаніе во утверженіе истинны“, изданное св. Синодомъ, весьма назидательны и полезны для тѣхъ старообрядцевъ, которые желаютъ безпристрастно разрѣшить свои недоумѣнія относительно причинъ, удерживающихъ ихъ отъ единенія со св. церковію.

Такъ какъ намъ желалось, по присоединеніи къ св. церкви, сохранить тѣ же обряды, къ которымъ мы привыкли съ дѣтства, то и нужно было намъ, во первыхъ, найти въ исторіи примѣръ, имѣла ли когда-либо православная церковь разнообразныя обряды при совершенномъ единеніи

въ вѣрѣ, и вовторыхъ, рассмотреть дѣлія собора 1667 года, — дѣйствительно ли клятвы сего собора произнесены на такъ-называемые старые обряды, и не состоятъ ли подѣ оными клятвами единовѣрцы, употребляющіе помннутые обряды и вмѣстѣ съ тѣмъ пребывающіе въ единеніи съ православною церковію.

I.

Относительно употребленія разнообразныхъ обрядовъ Св. Григорій Двоесловъ свидѣтельствуетъ, что „въ единой вѣрѣ ничего не вредитъ Св. церкви разнообразность обыкновеній“ (Посл. 41 къ Леандру). — Церковный историкъ — Сократъ, жившій въ 5 вѣкт., пишетъ: „ни одно вѣроисповѣданіе не держится однихъ и тѣхъ же обычаевъ, хотя имѣетъ одно и тоже понятіе о Богѣ. Въ отношеніи къ обычаямъ даже и единовѣрные разногласятъ между собой“. Затѣмъ, пересчисляя разные обычаи, соблюдавшіеся въ разныхъ мѣстахъ, заключаетъ, что „вообще между обществами вѣрныхъ едвали можно найти и двѣ церкви, которыя въ совершеніи молитвъ были бы вполне согласны одна съ другою“ (Церк. Истор. Сократа Схоластика Спб. 1850 г. стр. 129—132). Также и другой церковный историкъ, Созоменъ, свидѣтельствуетъ о существованіи въ древней церкви различныхъ обычаевъ (Церк. Истор. Ерміа Созомена Саламинскаго. Спб. 1851 г. стр. 317—319).

Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ греческой книгѣ „Сокровище“, напечатанной въ Венеціи 1568 года, повелѣвается триперстно молиться (Поморск. отвѣтъ 42). Слѣдовательно Греки въ то время употребляли триперстіе; но Россія чрезъ это не отдѣлялась отъ Греціи, доказательствомъ чему служить то, что російскіе патріархи Іовъ и Филаретъ поставлены были греческими патріархами (1589—1619 г.). Кроме сего въ книгѣ „о правой вѣрѣ“, напечатанной при Іосифѣ патріархѣ, свидѣляется и утверждается, что восточная греческая православная церковь соблюдаетъ и хранитъ чистоту православія въ цѣлости (Гл. 2, лист. 27). Наконецъ въ Кіевской митрополіи еще во время патріарха Филарета употреблялось триперстіе, имя Спасителя *Иисусъ*, трегубое аллилуія и прочее, что доказываютъ напечатанныя въ то время въ Кіевѣ книги; но патріархи Филаретъ и Іосифъ не имѣли раздѣленія съ Кіевской митрополіей, а пребывали съ нею въ духовномъ союзѣ и единомысліи.

Итакъ, хотя и въ древней вселенской православной церкви обряды содержались въ разныхъ мѣстахъ различно, но разногласія въ вѣрѣ, тѣмъ болѣе раздѣленія изъ-за нихъ никакого не было. „Безумно было бы, пишетъ историкъ Созоменъ, христіанамъ, согласнымъ въ главныхъ пунктахъ вѣрованія, раздѣляться между собой изъ-за обычаевъ, ибо во всѣхъ церквахъ, хотя онѣ исповѣдаютъ одно и то же ученіе, нельзя найти однихъ и тѣхъ же по всему сходныхъ преданій“ (стран. 317).

Извѣстенъ въ исторіи слѣдующій случай: когда Св. Василій Великій ввелъ въ Богослуженіе Кесарійской церкви особый чинъ, то Неокесарійцы, состоявшіе подъ его же паствою, вознамѣрились было изъ-за этого особаго чина прекратить общеніе съ Кесарійскою церковію (какъ это сдѣлали во времена патріарха Никона предводители старообрядчества). Но Св. Василій написалъ къ нимъ вразумительное посланіе, въ которомъ объяснялъ, что не слѣдуетъ изъ-за обычая дѣлать раздѣленіе. „Если спрашиваютъ ихъ, писалъ онъ между прочимъ, о причинахъ непримиримой вражды ихъ, они отвѣчаютъ: псалмы и образъ пѣнія измѣнены у васъ противъ давняго обыкновенія, и другое подобное выставляютъ, чего надлежало бы имъ стыдиться... Смотрите, заключаетъ Св. Василій, не оцѣживаете ли вы комара, занимаясь тонкими изслѣдованіями звуковъ голоса, употребляемыхъ въ пѣснопѣніи, а между тѣмъ нарушая важнѣйшія заповѣди“ (Твор. Св. Васил. Вел. VII, стр. 76—79).

II.

При разсмотрѣніи Дѣяній собора 1667 года мы не руководились тою мыслию, какою руководятся вообще старообрядцы, стараясь вывести изъ нихъ заключеніе, согласное ихъ непремѣнному намѣренію обвинить Св. церковь. Мы старались быть вполне безпристрастными и главное вниманіе обратили на слѣдующіе вопросы: безъ всякой ли предшествовавшей причины положены соборомъ клятвы, или это былъ уже приговоръ, вызванный какою-либо виною? Потомъ: противъ чего именно направлены соборныя клятвы и какъ сіи клятвы въ послѣдствіи разумѣла и нынѣ разумѣетъ правосл. церковь, которая одна можетъ и должна быть почитаема несомнѣнной и справедливой истолковательницей смысла клятвъ, ею самою положенныхъ? По разсмотрѣніи и изслѣдованіи оказалось, что клятвы собора суть не что иное, какъ приговоръ или осужденіе, прознесенное соборомъ на людей, уже показавшихъ себя противниками цер-

кви, и именно на нихъ, а не на обряды, защитниками которыхъ они себя выставили. Ибо отдѣленіе глаголемыхъ старообрядцевъ отъ церкви послѣдовало прежде 1667 года, что доказываютъ во первыхъ поступокъ Павла, епископа Коломенскаго на соборѣ 1654 года, обнаружившій явное сопротивленіе всему собору (а); вовторыхъ написанная Никитою, суздальскимъ попомъ, обвиненія противъ

(а) Глаголемые старообрядцы нынѣшняго времени обыкновенно утверждаютъ, будтобы начало отдѣленія ихъ отъ церкви послѣдовало вслѣдствіе произнесенія Макаріемъ, патриархомъ Антиохійскимъ, въ Москвѣ 1656 г. и Московскимъ соборомъ 1667 года, клятвъ на содержащихъ старые обряды, и что клятвы произнесены прежде, а потомъ послѣдовало отдѣленіе. Но старообрядцы преняго времени утверждаютъ противное. Извѣстные братья Денисовы въ книгѣ своей, извѣстной подъ названіемъ «Россійскій виноградъ», свидѣтельствуютъ, что Павелъ, епископъ Коломенскій, по окончаніи собора, бывшаго въ 1654 году, на которомъ обсуждался вопросъ объ исправленіи книгъ, вмѣсто своей подписи на соборномъ актѣ написалъ проклатіе слѣдующими словами: «Аще кто отъ обычныхъ преданій св. каеолическія церкви отъиметь или приложить къ нимъ, или инако развратить, анаема да будетъ» (статья о Павлѣ, еп. коломенскомъ и его сподвижникахъ Иванѣ Нероновѣ, протопопѣ Аввакумѣ Ѳеодорѣ діаконѣ и другихъ см. въ Россійскомъ Виноградѣ). Это ясно свидѣльствуетъ, что начало сопротивленія церкви и отдѣленія отъ нея послѣдовало еще до произнесенія клятвъ, и послѣдовало именно въ лицѣ Павла Коломенскаго. Но что побудило Павла написать проклатіе, когда на помянутомъ соборѣ не налагалось никакого запрещенія на употребленіе такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ, а только предложенъ былъ патриархомъ Никономъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, собравшимся на соборъ русскими святителямъ вопросъ объ окончательномъ исправленіи церковно-служебныхъ книгъ, на который всѣ святители, кромѣ Павла, дали утвердительный отвѣтъ? Причина, побудившая Павла къ столь беззавсудному поступку, состояла, какъ не безъ основанія полагаютъ, въ личныхъ отношеніяхъ. Павелъ, по свидѣтельству исторіи, былъ близкимъ родственникомъ Иларіону, митрополиту Суздальскому, въ мѣрѣ Ивану Ананьину, который женатъ былъ на родной сестрѣ Павла. Родителю же Иларіонову Ананію, въ монашествѣ Антонію, іеромонаху Юнгельскаго Козьмодемьянскаго монастыря, по смерти патр. Іосифа, выпалъ было жребій изъ числа трехъ кандидатовъ быть его преемникомъ, чего въ особенности желалъ Павелъ, надѣясь въ то время имѣть больше чести и вліянія на церковныя дѣла (Истор. Русск. Раскола Макарія. С.П.Б. 1855. стр. 163). Но когда по волѣ царя Никонъ поставленъ преемникомъ патр. Іосифа, тогда Павелъ сталъ относиться къ нему враждебно, и при первой возможности го-

новоисправленныхъ книгъ (б), и наконецъ рѣчь царя Алексѣя Михайловича къ помѣстному собору российскому, бывшему еще въ 1665 году, въ которой онъ говорилъ объ образовавшемся уже въ то время отдѣленіи отъ церкви людей, недовольныхъ исправленіемъ книгъ, громко воцѣпившихъ, что церкви православныя—не церкви, тайны, совершаемыя въ нихъ—не тайны,—произносившихъ хулы и укоризны на имя *Иисусъ*, четвероконечный крестъ, именованное и триперстное сложеніе и на прочіе новоисправленные обряды (см. соборн. свитокъ). Итакъ еще соборомъ 1667 года не были изнесены клятвы, многими почитаемыя за причину отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви, а старообрядцы уже отдѣлились отъ церкви, которую поносили нестерпимыми укоризнами, и соборъ именно произнесъ на нихъ осужденіе за это отдѣленіе отъ церкви ради обрядовъ: исчисливъ главныхъ расколоучителей и указавъ, что они учили почитать только осмиконечный крестъ за истинный крестъ Христовъ, только молитву *Иисусову* съ приложеніемъ *Сыне Божій* за истинную молитву, только сугубое аллилуія за православное и проч., соборъ произнесъ клятву, какъ на этихъ первыхъ расколоучителей, такъ и на тѣхъ, кто подобно имъ сталъ бы признавать исключительно только прежніе обряды за православныя, и изъ-за нихъ отдѣляться отъ церкви. Но если бы и въ то время лица, рѣшившіяся защищать и неизмѣнно соблюдать именуемые старые обряды, не признавали новоисправленные обряды еретическими и не произвели церковнаго раскола, соборъ, конечно, не произнесъ бы на нихъ клятвы, какъ показываетъ слѣдующее обстоятельство: относительно употребленія молитвы *Иисусовой* соборъ выразился, что она *непрекословящимъ* и съ приложеніемъ *Сыне Божій*, вмѣсто *Боже нашъ*, *свободна есть къ чтанію*, т.-е. молитва: *Господи Исусе Христе Сыне Божій* и проч. сама по себѣ не подлежитъ осужденію и можетъ быть свободно читаема, если только читающіе оную *не будутъ прекословить* противъ

товъ былъ возстать противъ него. Намѣреніе Никона исправить книги, вѣроятно, и представило Павлу удобѣйшій случай къ мщенію, что онъ и исполнилъ, написавъ безъ всякой причины проклатіе подъ соборнымъ актомъ. Но такой безразсудный поступокъ Павла, происшедшій изъ одной личности, къ сожалѣнію, положилъ основаніе жалкому церковному расколу, распавшемуся въ послѣдствіи на столь юродливыя многочисленныя секты

(б) Обвиненія Никиты напечатаны въ книгѣ «Жезлъ», изданной еще въ 1666 году.

молитвы *Господи Исусе Христе Боже нашъ...*, не будутъ считать сію молитву еретическою (какъ дѣлали прекословящіе), и не будутъ изъ-за нея отдѣляться отъ церкви. Такъ рассуждая относительно молитвы Исусовой, соборъ, безъ сомнѣнія, такъ же рассуждалъ и о другихъ предметахъ прекословія. Представимъ на это и еще доказательство. Московскій соборъ 1667 года правиломъ 25 повелѣваетъ имѣть въ великой чести книгу „Скрижали“ (напечат. въ 1656 году), „яже вново преведеса съ греческихъ книгъ при Никонѣ бывшемъ, патріархѣ“,—и вслѣдъ за симъ, 26 правиломъ утверждаетъ „Епистолю“ Константинопольскаго патріарха Паисія, напечатанную въ помянутой Скрижали, тогда какъ объ отвѣтѣ Антіохійскаго патріарха Макарія, написанномъ въ бытность его въ Москвѣ 1656 года, и въ той же Скрижали напечатанномъ, ничего не сказалъ. Вотъ подлинныя слова соборнаго свитка: „Епистоля, яже писана отъ нашего брата святѣйшаго Куръ Паисія, архіепископа Константинопольскаго новаго Рима и вселенскаго патріарха о нѣкоторыхъ церковныхъ вещѣхъ, по вопросамъ отвѣты, якоже отъ нашего брата святѣйшаго Паисія патріарха и отъ того священнаго собора написано есть, тако и мы согласно повелѣваемъ и утверждаемъ“ (правил. 26). А въ помянутой епистоліи патріархъ Паисій между прочимъ писалъ слѣдующее: „аще случится и нѣкоей церкви разнствовати отъ другія въ нѣкихъ чинѣхъ, не нужныхъ и существительныхъ вѣры, но малыхъ, якоже есть: время литургіи, и подобныхъ, сіе ни единое разлученіе творить, токмо егда сохраняется таяжде вѣра непреложно“. Затѣмъ, приведши нѣсколько примѣровъ изъ древней церкви, въ которой обычаи были разнообразны, патріархъ Паисій продолжаетъ: „не подобаетъ убо ниже нынѣ нещевати, яко развращается вѣра наша православная, аще единъ творить послѣдованіе свое мало различное отъ другаго въ вещѣхъ, яже не суть существительныя, сирѣчь составъ вѣры, токмо да согласитъ въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковью“ (Скриж. стр. 645, 647 и 648). Очевидно, соборъ 1667 года въ точности руководствовался рассужденіемъ вселенскаго патріарха, когда выразился, что *непрекословящимъ* свободна есть къ чтанію молитва: *Господи Исусе Христе Сыне Божій*, вмѣсто молитвы: *Господи Исусе Христе Боже нашъ*,—и вообще въ своихъ опредѣленіяхъ строго слѣдовалъ завѣщанію патріарха Паисія. Но такъ какъ противники продолжали упорно утверждать, что чрезъ измѣненіе нѣкоторыхъ

обрядовъ, церкви стали не церкви, тайны—не тайны, соборъ и вынужденъ былъ произнести клятвы, и именно на нихъ и подобныхъ имъ, а не на самые предметы прекословія, какъ видно изъ словъ, которыми соборъ заключилъ свои рѣшенія: „дондеже уразумятся и обратятся“. Уразумятся и обращаться могутъ только люди, а не предметы. Что же означаютъ эти слова: дондеже уразумятся и обратятся?—Пока признаютъ и новоисправленные обряды непогрѣшительными, хотя бы сами по привычкѣ и держались такъ-называемыхъ старыхъ. Въ послѣдствіи церковь самымъ дѣломъ подтвердила, что клятвы собора 1667 года надлежитъ разумѣть въ этомъ именно смыслѣ: когда часть старообрядцевъ заявили, что они считаютъ и новоисправленные обряды непогрѣшительными, хотя сами желаютъ сохранить старые, тогда правос. церковь, руководясь разсужденіемъ, выраженнымъ въ Епистолиі патриарха Паисія, и подражая примѣру собора 1667 года, отвѣтила имъ: *непрекословящимъ и старые обряды свободныя суть къ употребленію*, и отвѣтила такимъ образомъ не на словахъ только, а самымъ дѣломъ, учредивъ единовѣріе.

Еслибъ, разсуждали мы, клятвы положены были прямо на уважаемые нами обряды, и такъ бы именно разумѣла сія клятвы и православная церковь, то развѣ дозволила бы она единовѣріе? Уже ли пастыри православной церкви не могли бы разсудить, что, считая клятвы собора 1667 года положенными на самые обряды и вмѣстѣ дозволивъ единовѣріе, они и самихъ себя подвергли бы тѣмъ же клятвамъ, ибо и сами, служа въ единовѣрческомъ храмѣ, употребляютъ именуемые старые обряды? Притомъ же мало ли православныхъ, которые, ходя въ православные храмы, употребляютъ двуперстіе? Неужели церковь и на этихъ людей возводитъ клятвы собора 1667 года? Дѣло очевидное, что клятвы сіи ни отцы собора, ни православные пастыри послѣдующаго времени не относили и не относятъ къ самымъ обрядамъ, а къ отдѣляющимся изъ-за нихъ отъ св. церкви (а). Такъ зачѣмъ же послѣ этого, думали мы, относить клятвы собора собственно къ обря-

(а) Отъ лица современной намъ правосл. церкви ясно выразился блаженной памяти Москов. Митрополитъ Филаретъ въ изъясненіи своемъ о соборныхъ клятвахъ, что ни соборъ 1667 года, ни впослѣдствіи правосл. церковь не относили и не относятъ таковыя къ старымъ обрядамъ, а къ отдѣляющимся изъ-за нихъ. Смotr. «Свѣдѣніе о единовѣрческихъ церквахъ». Москва. 1858 г. лист. 43 на оборотѣ.

дамъ, какъ это дѣлають старообрядцы? И простительно ли, размышляли мы, силою навязывать правосл. церкви наши собственные мнѣнія о соборныхъ клятвахъ,—мнѣнія, которыхъ она никогда не держалась и не держится,—и для чего мы такъ дѣлаемъ? Единственно для того, чтобы обвинить церковь и не быть ей покорными. А между тѣмъ не оказалось ли, что мы сами находимся въ крайнемъ заблужденіи душепагубнаго раскола, и держимся безблагодатной іерархіи. Такъ рѣшили мы вопросъ о клятвахъ собора 1667 года.

Если Дѣянія собора 1667 года разсматривать только поверхностно и съ той точки зрѣнія, съ которой обыкновенно разсматриваютъ ихъ всѣ старообрядцы, желающіе непременно вывести изъ нихъ обвиненіе противъ правосл. церкви: то, конечно, Дѣянія собора такими и представляются, какими ихъ хотятъ видѣть старообрядцы. И это не удивительно. Развѣ мы не знаемъ, что тѣ несчастные, которые покушаются опровергнуть христіанскую религію, разсматривая св. Евангеліе съ единственнымъ намѣреніемъ отыскать въ немъ доказательства противъ религіи, находятъ даже въ сей богодухновенной книгѣ разныя кажущіяся имъ противорѣчія, и находятъ именно потому, что непрѣменно желаютъ найти ихъ для своей богоборной цѣли, подобно какъ старообрядцы въ Дѣяніяхъ собора 1667 года желаютъ непрѣменно отыскать угодный имъ самимъ смыслъ, дабы поставить ихъ въ укоризну правосл. церкви. Покушающимся опровергнуть Евангельскую истину слѣдовало бы обращать вниманіе на причины и обстоятельства, которыми и объясняются и удобно устраняются кажущіяся имъ противорѣчія въ Евангеліи, и особенно послѣдовать ученію св. церкви, какъ она объясняетъ представляющіяся имъ противорѣчащими изреченія. Равнымъ образомъ и старообрядцы, при разсмотрѣніи Дѣяній собора 1667 года, должны обращать вниманіе, во-первыхъ на причину и обстоятельства, побудившія соборъ произнести клятвы, и во вторыхъ на то, какое объясненіе дѣлаетъ помянутымъ клятвамъ правосл. церковь, которая одна, какъ мы выше замѣтили, можетъ и должна считаться несомнѣнной и справедливой истолковательницей оныхъ. Составлять же свое мнѣніе о спорныхъ предметахъ только по поверхностному ихъ разсмотрѣнію, и притомъ еще съ неблагонамѣренною цѣлью, крайне виновительно. Нашъ игуменъ отецъ Павелъ однажды при бесѣдѣ со старообрядцами доказалъ это слѣдующимъ

примѣромъ. Онъ прочиталъ 7-ое правило Гангрійскаго помѣсти. собора, въ которомъ сказано: „аще кто плодоношенія церковная, рекше всякъ приносъ, приносимый въ церкви, хотя примати или даати внѣ церкви, безъ воли епископа, или приставника, емуже суть поручена таковая, и не съ волею его хотя творити, да будетъ проклятъ“ (Кормч. л. 58),—и спросилъ старообрядцевъ: „Кто по сему правилу проклятъ?“ Они, прочитавъ правило еще разъ, отвѣтили: „Тотъ, кто не приноситъ въ церковь начатки своихъ плодовъ, а даеть ихъ внѣ церкви безъ воли епископа.“ „А что въ настоящее время, продолжалъ о. Павелъ спрашивать ихъ,—исполняютъ ли ваши, или наши это правило?“—„Нѣтъ“, были отвѣтъ ихъ. „Слѣдовательно, теперь всѣ подлежатъ клятвѣ отцовъ этого собора?“ спросилъ о. Павелъ. „По этому такъ“, подтвердили они. Тогда о. Павелъ объяснилъ имъ, что если это правило разсматривать только поверхностно, то получится изъ него именно то заключеніе, что каждый, кто начатки своихъ плодовъ, какъ-то: хлѣбъ, овощи и т. п. не приноситъ въ церковь, а даеть таковыя внѣ оной, напр. нищимъ, безъ воли епископа, или приставника, тотъ подлежитъ клятвѣ св. отцевъ собора, и такимъ образомъ въ настоящее время всѣ безъ исключенія будутъ состоять подъ этой клятвой, какъ не исполняющіе сего правила. Но если розыскать причину, побудившую соборъ произнести таковую клятву, то окажется, что клятва падаетъ не на тѣхъ, которые, не имѣя противнаго церкви умствованія, раздають нищимъ начатки своихъ плодовъ внѣ оной и безъ воли епископа, а на тѣхъ, которые учатъ приносить пачатки не въ церковь, а имъ самимъ, въ ихъ распоряженіе, какъ этому между прочимъ училъ Евстафій еретикъ съ своими единомысленными, на которыхъ и положена соборомъ клятва (Кормч. л. 60). „Такъ-то, заключилъ о. Павелъ, старообрядцы разсматриваютъ и Дѣянія собора 1667 года только поверхностно, потому и кажется имъ, что клятвы положены на обряды; но еслибы они старались розыскать причину и обстоятельность, вызвавшія сіи клятвы, то оказалось бы, что онѣ положены не на обряды, а на отдѣляющихся отъ церкви изъ-за обрядовъ.“

А что касается рѣзкихъ выраженій, находящихся въ полемическихъ книгахъ, которыя слишкомъ смущали нѣкогда и насъ, то и на нихъ мы также перемѣнили свой взглядъ, когда приняли во вниманіе, вопервыхъ то, что православныхъ архипастырей прежняго времени побуди-

ли употреблять таковыя выраженія въ своихъ сочиненіяхъ еще болѣе рѣзкія порицанія и хулы на православную церковь, распространявшіяся въ сочиненіяхъ ревнителей глаголемаго старообрядчества; во вторыхъ то, что таковыя выраженія принадлежать не всей церкви, а только отдѣльнымъ лицамъ, и потому вселенская церковь никакъ не можетъ быть обвиняема за оныя; и наконецъ то, что православные архипастыри послѣдняго времени не только не употребляютъ уже въ своихъ сочиненіяхъ подобныхъ выраженій, но и прежнія не одобряютъ: „не хороши, и не оправдываемъ ихъ,“ написалъ высокопреосвящ. митроп. Новгород. Григорій въ своей книгѣ при разсужденіи о рѣзкихъ выраженіяхъ прежнихъ архипастырей („Истинно древн. и истинно правосл. Христова церковь“. СПб. 1859 г. ч. II. стр. 106). Такъ чего же еще нужно намъ? спрашивали мы сами себя. Въ настоящее время православные архипастыри не употребляютъ больше рѣзкихъ выраженій и не сочувствуютъ прежнимъ, а прежде бывшіе архипастыри хотя и употребляли таковыя, однако если обратить вниманіе на тѣ ужасныя порицанія и хулы, которыя такъ щедро расточались въ спискахъ нашими предками, безсмысленно соединявшими съ своими обрядами неправославныя мудрованія и безразсудно утверждавшими, что крестъ четвероконечный—печать антихристова, что триперстное сложеніе руки (во имя св. Троицы) есть знаменіе антихриста, что имя *Иисусъ* заключаетъ въ себѣ послѣдняго антихриста и прочее,—сверхъ сего на картинкахъ изображали православнаго священника въ облаченіи съ рогами и хвостомъ, какъ бы предстоящаго у престола во время совершенія Евхаристіи, а выше престола изображали трехглаваго змія, изрыгающаго въ потиръ свои блевотины, и другія тѣмъ подобныя картинки распространяли на поруганіе св. церкви,—если на все это обратить вниманіе, то православные архипастыри прежняго времени окажутся заслуживающими извиненія за ихъ рѣзкія выраженія, какъ вызванныя вышепомянутыми причинами.

Итакъ подробно изслѣдовавъ зыбкія основанія, на которыхъ зиждется глаголемое старообрядчество съ его новоучрежденной іерархіей и разсмотрѣвъ представляемыя старообрядцами причины, будто бы препятствующія имъ присоединиться къ св. церкви на правилахъ единовѣрія, мы пришли къ окончательному убѣжденію въ правотѣ православной церкви и въ томъ, что именуемое старообрядчество, въ которомъ мы находились, есть не что иное

какъ душепагубный расколъ, и что никакихъ законныхъ препятствій не можетъ быть для желающихъ вступить въ нѣдра св. соборной и апостольской Грекороссійской церкви на правилахъ единовѣрія.

Въ заключеніе сего не лишнимъ считаю, по поводу рѣзкихъ выраженій, находящихся въ нѣкоторыхъ полемическихкихъ книгахъ, на уважаемые старообрядцами такъ называемые старые обряды, предложить примѣръ, объясняющій смыслъ и направленіе помянутыхъ рѣзкихъ выраженій: I. Христосъ на тайной вечери употребилъ для таинства Евхаристіи виноградное вино, и съ того времени вино сіе употребляется на литургіи и здѣсь по освященіи предлагается въ истинную кровь Христову. Сверхъ сего церковный уставъ позволяетъ употреблять вино въ самые постные дни—на первой и страстной седмицахъ Великаго поста ради предстоящаго труда, для подкрѣпленія силъ. Такимъ образомъ виноградное вино служить намъ и для душевнаго спасенія и для тѣлеснаго здравія. Но еслибы то же самое вино, напримѣръ, какой-либо младшій членъ семейства сталъ употреблять чрезъ мѣру, и не только самъ употреблять, но еще и брата своего склонять къ тому же, вслѣдствіе чего стала бы разстроиваться семейная ихъ жизнь и самое здоровье, тогда могло случиться, что отецъ семейства, изъ естественнаго побужденія исправить дѣтей, не довольствуясь одними упреками за невоздержаніе, излилъ бы свое негодованіе и на самое вино, какъ причину, породившую въ его семействѣ разстройство и несогласіе. Ибо нерѣдко случается слышать: „хорошъ человѣкъ, да вино его погубило“,—выраженіе, которымъ обвиняется прямо вино, а не человѣкъ. О томъ же винѣ и апостоль Павелъ пишетъ: „не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ“ (Ефес. зач. 229). Здѣсь опять обвиняется вино, но обвиняется не потому, что оно не хорошо само по себѣ, а потому, что при употребленіи его чрезъ мѣру дѣлается виною грѣхопаденія. Изъ сего слѣдуетъ, что одно и то же вино служить и спасенію души и здравію тѣла, и влечетъ за собою тѣлесныя болѣзни, семейное разстройство и множество другихъ золъ, и наконецъ погибель самой души. Не можно ли и старые обряды, уважаемые глаголемыми старообрядцами, уподобить виноградному вину? Употребленію его во спасеніе души и здравіе тѣлу нельзя ли уподобить употребленіе старыхъ обрядовъ единовѣрцами, не отдѣляющимися отъ церкви, а употребленію того же вина чрезъ мѣру, во

вредъ душевному и тѣлесному здравію, на погибель семейнаго спокойствія, нельзя ли уподобить то исключительное употребленіе старыхъ обрядовъ, которое дѣлаетъ людей врагами церкви и порождаетъ душепагубный церковный раздоръ? Затѣмъ отцу семейства нельзя ли уподобить православныхъ архипастырей, упрекамъ же, которые дѣлаетъ отецъ за невоздержаніе дѣтей, уподобить упреки, дѣлаемые православными архипастырями противникамъ св. Церкви за ихъ отдѣленіе отъ оной? Наконецъ, строгимъ порицаніямъ вина, какъ причины, породившей въ семействѣ разстройство и несогласіе, нельзя ли уподобить и рѣзкія выраженія о старыхъ обрядахъ, какъ причинѣ, породившей жалкій расколъ въ св. Церкви? Тогда можно безошибочно сказать, что рѣзкія выраженія православныхъ архипастырей прежняго времени относятся не къ сущности уважаемыхъ старообрядцами обрядовъ, но къ злоупотребленію ихъ, ведущему многихъ къ отдѣленію отъ св. Церкви.

Иеродіаконъ Филаретъ.

КЪ МАТЕРІАЛАМЪ ДЛѢ БІОГРАФІИ МОСК. МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Предлагаемъ вниманію читателей Слово, произнесенное протоіереемъ покровскаго собора А. И. Воскресенскимъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 1867 года 5-го августа, въ день воспоминанія совершившагося пятидесятилѣтія служенія Филарета митрополита московскаго въ санѣ архіерейскомъ. Слово сіе не напечатано было въ свое время потому, что почившій святитель, у котораго испрашиваемо было дозволеніе на сіе, не нашель удобнымъ печатать похвалу лицу живущему. По смерти святителя сіе неудобство не имѣеть мѣста. Печатаніемъ слова въ честь великаго святителя восполняется пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ о его знаменитомъ юбилеѣ.

„Торжественно празднуемъ мы нынѣ, сл. такое событіе, которому въ православной нашей Россійской церкви не было примѣра,—празднуемъ исполнившееся полувѣковое лѣто служенія Архипастыря нашего въ санѣ Святителя. Называю событіе сіе безпримѣрнымъ: ибо и на каедрѣ Московской и на каедрахъ прочихъ градовъ Богохранимаго отечества нашего ни одинъ іерархъ не имѣль чести толико лѣтъ послужить Господу въ санѣ святителя. Сей

великій даръ Божій — долголѣтіе, которымъ Господь щедрилъ архипастыря нашего паче причастникъ его въ великомъ служеніи, безъ сомнѣнія, есть знаменіе особеннаго благоволенія Божія къ нему; но не есть ли сіе знаменіе милости Божіей вмѣстѣ и къ намъ, порученнымъ отъ Господа его мудрому водительство? Къ вамъ обращаю слово мое, почтеннѣйшіе братія и сослужители: мы наипаче должны чувствовать великое благодѣяніе Божіе въ сохраненіи драгоценныхъ дней архипастыря нашего; ибо мы издѣтска, говорю отъ лица старѣйшихъ изъ насъ, издѣтска видѣли въ лицѣ его пастыря и отца. Предъ очами его, какъ малыя дѣти предъ отцемъ, мы росли; онъ съ любовію поощрялъ первые шаги наши на пути къ образованію въ отрочествѣ нашемъ; онъ внимательно слѣдилъ за успѣхами нашими въ юности; по его благоволенному суду о насъ получили мы преимущества, которыя имѣемъ; чрезъ его наконецъ преподобныя руки даровалъ Господь намъ благодать освященія служить святому своему жертвеннику; онъ и доселѣ продолжаетъ попеченія свои о насъ. Какія же крѣпкія узы благодарности и любви соединяютъ насъ съ нашимъ архипастыремъ! Благодаримъ Господа въ настоящій день за благополучно совершившееся пятидесятилѣтіе служенія отца и благодѣтеля нашего и, по чувству искренней, сыновней любви къ нему, благодаривъ исповѣдуемъ милость Божію и въ томъ, что Онъ, Всещедрый, и въ тѣ лѣта, за которыми, по общему закону для всѣхъ человѣковъ, слѣдуютъ изнуреніе и болѣзнь, сохраняетъ силы духа архипастыря нашего.

Не видимъ ли, какъ и въ изнемогающемъ отъ бремени лѣтѣ и отъ тяжелыхъ трудовъ тѣлѣ, горитъ онъ духомъ, работая Господеви, какъ бодренно стоитъ на стражѣ, на которой Господь поставилъ его, какъ при слабомъ тѣлѣ сохраняется въ немъ цѣлымъ, неврежденнымъ и „не отпадающимъ“, по выраженію Премудраго, корень разума“ (Прем. Сол. 3, 15), какъ благославный плодъ трудовъ благихъ? Слава великому Божію милосердію!

Но не для насъ однихъ поставилъ Господь на свѣщникѣ сей свѣтлый свѣтильникъ: онъ горитъ и свѣтитъ свѣтомъ высокаго ученія своего и свѣтомъ добрыхъ дѣлъ своихъ не только чадамъ паствы своей, но, смѣло скажемъ, свѣтитъ и всѣмъ, иже суть въ великой храминѣ всея церкви и державы россійскія. Ибо и на крайнихъ предѣлахъ отечества нашего, кто не знаетъ, и кто съ глубокимъ уваженіемъ не произноситъ имени московскаго

архипастыря? Особенно счастливы мы, что Господь судилъ намъ близко видѣть свѣтъ сего свѣтильника и радоватися въ часъ свѣтлннн его. Прославимъ же всѣ вкупѣ единими усты Отца нашего Небеснаго, возжегшаго и во время благопотребно охраняющаго сей свѣтильникъ!

Такъ, слушатели, въ настоящее время особенно благопотребенъ свѣтъ сего свѣтильника.

Богомудрые отцы Церкви уподобляютъ Церковь Христову великому кораблю: какъ корабль на морѣ подвергается и противодѣйствию вѣтровъ, и волненіямъ и бурѣ: такъ и воинствующая на землѣ Церковь Христова на пути своемъ къ отечеству небесному встрѣчаетъ и противныя вѣтры, и волненія и бури. Въ наше время особенно явны, и особенно сильны козни сопротивнаго противу корабля Христовой Церкви. Не дуютъ ли нынѣ съ силою противныя вѣтры ложныхъ ученій? Не волнуютъ ли разумы нѣкоторыхъ изъ вѣрующнхъ сомнѣнн въ святыхъ, основныхъ догматахъ Православныя вѣры? Не распространяется ли вольномысліе? Не умножаются ли пороки и соблазны всякаго рода? Не оскудѣваетъ ли вѣра, безъ которой никто не можетъ достигнуть пристани небесной?

При сихъ печальныхъ явленіяхъ, кто не согласится, что нужна мощная и искусная рука кормчаго, чтобы, при содѣйствіи благодати Божіей, безбѣдно провести корабль Христовой церкви среди скалъ и волненій, и дать ему направленіе свободно теши къ пристанищу небесному? При помышленіи о семъ, утѣшительно остановиться мыслію на высокомъ имени архипастыря нашего. Кто, какъ не онъ, старѣйшій изъ пастыре-начальниковъ, сильный въ словѣ и разумѣ, кто, какъ не онъ, можетъ быть лучшимъ орудіемъ Промысла Божія къ тому, чтобы сохранить неврежденнымъ корабль св. Церкви среди облегающихъ его волнъ суемудрнн и нечестія? Чей умъ выше, чья воля тверже, чье слово сильнѣе, чья и ревность о благѣ св. Церкви пламеннѣе, какъ не его, виновника настоящаго праздника? Это ясно доказали предъ всѣми пятьдесятъ лѣтъ его архипастырскаго служенія. Да продолжитъ же Господь и еще дни жизни его на многая лѣта ко благу всей православной Церкви!

Съ окончательнымъ словомъ еще обращаюсь къ вамъ, почтеннѣйшая братія. Въ ветхомъ завѣтѣ Вседовольный и Всеблаженный Господь, требовалъ отъ избраннаго народа своего, Израильтянъ, чтобы они, во дни нарочитыхъ праздниковъ, приносили Ему какой либо даръ. „Да не явиши-

ся предо мною тощъ“ (Исх. 23, 15), говорилъ онъ каждому Израильтянину.

Прилично бы и намъ, подражая сему древнему примѣру, отъ усердія своего, въ сей благознаменитый день, принести какой либо даръ отцу и благодѣтелю нашему. Но что принесемъ ему? Благихъ нашихъ онъ не требуетъ. Слышали мы, что онъ желаетъ только молитвъ нашихъ о немъ. Но молиться о немъ есть священная наша обязанность, возлагаемая на насъ св. Церковію. Любовь наша, кромѣ молитвы, хотѣла бы выразиться какимъ либо инымъ приношеніемъ, которое было бы достойно его и пріятно ему....

Есть нѣчто, братія, чего безъ сомнѣнія желаетъ отъ насъ, и что болѣе всего можетъ быть ему угоднымъ. Сіе желательное и угодное ему есть то, чего желалъ св. апостолъ Павелъ отъ вѣрующихъ. *Подражатели мнѣ бывайте* (I Кор. 11, 1), писалъ св. апостолъ къ Коринѣянамъ. Желаніе наше подражать ему и посильное исполненіе сего добраго желанія, какъ даръ нѣкій отъ худости нашей принесемъ архипастырю нашему.

Неумѣстенъ былъ бы вопросъ: „какъ мы можемъ подражать ему? Мы не имѣемъ тѣхъ силъ, которыя онъ имѣетъ.“ Кто былъ св. ап. Павелъ? Избранный сосудъ благодати. Кого же онъ, такъ высоко стоящій на лѣствицѣ духовной жизни, призываетъ къ подражанію себѣ? Призываетъ, безъ различія, всѣхъ вѣрующихъ, слѣдственно находитъ возможнымъ для всѣхъ—и сильныхъ, и слабыхъ, быть подражателями ему. И для насъ, нѣтъ возможности быть подражателями высокому примѣру, который видимъ въ архипастырѣ. Господь, богатый въ милости, даровалъ архипастырю нашему, какъ своему избраннику, пять талантовъ, и онъ подражая евангельскому трудолюбцу дѣла въ нихъ и сотвори другія пять талантовъ. Примѣръ достойный подражанія! Мы съ тобою, любезный собратъ, можетъ быть, получили отъ Господа два, или одинъ талантъ; но если два ли, одинъ ли, полученные таланты не будемъ закапывать въ землю лѣности, но будемъ дѣлать себѣ и другимъ на пользу, то будемъ подражателями архипастырю нашему, и отъ Господа примемъ воздаяніе. А и наше служеніе высоко; много имѣемъ случаевъ для того, чтобы употребить и усугубить таланты, полученные отъ Господа; нашему попеченію ввѣрены души, ихже ради Христосъ умре. Изнемогшаго подъять, болящаго уврачевать, печальнаго утѣшить, заблудшаго обратитъ, погибшаго разыскать—ка-

кое обширное поле для дѣятельности! Въ семь святомъ дѣлѣ, при помощи благодати Божіей, можемъ и съ однимъ талантомъ дѣлать прекрасную куплю—спасеніе многихъ. Одно простое слово, отъ добраго сердца, съ любовью сказанное, часто успѣшнѣе можетъ дѣйствовать на сердце и болѣе принести плода, чѣмъ многія и глубокомысленныя ученныя разсужденія и доказательства. Для пастыря болѣе всего нужна святая ревность о храненіи стада и любовь къ пасомымъ. Хотя взаимная любовь есть общая обязанность всѣхъ, но сердце пастыря особенно должно быть богато любовью.

Примѣръ сей святой ревности и любви къ пасомымъ явилъ и являетъ намъ въ лицѣ своемъ и словомъ и писаніемъ нашъ архипастырь. О, если бы каждый изъ насъ хотя по мѣрѣ силъ приблизился къ сему высокому образу, безъ сомнѣнія, богатые плоды произрасли бы въ вертоградѣ Господнемъ. Да будетъ сіе во славу небеснаго Вертоградара и въ утѣшеніе того, попеченію коего ввѣренъ вертоградъ сей“.

ПОДВИГЪ ПАЛОМНИЧЕСТВА И ПОДВИГЪ ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЯ.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи, проживали два крестьянина малоросса, Загоруйко и Павличенокъ, пожилыхъ лѣтъ и достаточнаго состоянія. Они были близкіе межъ собою сосѣди, жили дружно, часто раздѣляя вмѣстѣ хлѣбъ-соль. Оба имѣли взрослыхъ пристроенныхъ дѣтей, успѣшно занимавшихся хозяйствомъ, такъ что старикамъ отцамъ оставалось только наблюдать за ними да молиться Богу. И тотъ и другой были люди трезвые и благочестивые, часто посѣщали храмъ Божій, неоднократно хаживали на поклоненіе по св. мѣстамъ русскимъ, и вообще держали себя чинно и благоговѣйно. Однажды одному изъ нихъ пришло желаніе побывать въ св. градѣ Іерусалимѣ, поклониться живоносному Гробу Господню и прочимъ св. мѣстамъ, ознаменованнымъ событіями земной жизни Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа. Свое святое желаніе поспѣшилъ онъ сообщить своему единоправному сосѣду, и встрѣтилъ въ немъ полное сочувствіе и даже готовность раздѣлить съ нимъ паломническій путь въ Палестину. Начали они собирать понемногу средства для задуманнаго путешествія, распрашивать о немъ людей свѣдущихъ, и наконецъ уговорились, когда

выйти изъ роднаго города въ далекій путь. Но вотъ внезапно тотъ изъ нихъ, который вызвался сперва сопутствовать сосѣду своему въ Палестину, безъ всякой видимой причины объявилъ, что остается дома, чѣмъ повергъ друга и сосѣда своего въ скорбь и ропотъ на себя и межъ ними произошла даже размолвка. Послѣдній ушелъ въ дальнее странствіе даже не простившись съ своимъ сосѣдомъ. Достигнувъ благополучно св. града Іерусалима, сподобился онъ поклониться Гробу Господню, при чемъ былъ удивленъ тѣмъ, что сосѣдъ его, оставшійся дома, явственно въ глазахъ его предварилъ его въ этомъ поклоненіи. Онъ видѣлъ его съ прочими богомольцами поклоняющимся и прочимъ св. мѣстамъ Іерусалимскимъ, и сколько ни старался подойти къ нему поближе, чтобы спросить, какъ и когда прибылъ въ св. градъ, но всякій разъ раздѣляемъ былъ отъ него толпами народными. Вездѣ, гдѣ ни былъ нашъ поклонникъ, видѣлъ онъ невдали отъ себя и своего земляка, и мысленно укорялъ его, что раздѣлившись съ нимъ въ пути, не хочетъ свидѣться и раздѣлить съ нимъ подвигъ паломническій въ св. градѣ. Наконецъ приблизилось время отбытія его изъ Іерусалима, не сталъ онъ видѣть и своего земляка, почему и рѣшилъ, что вѣрно ранѣе его отправился онъ обратно. На обратномъ пути, не терялъ паломникъ надежды столкнуться съ нимъ гдѣ либо, но надежда его не осполнилась. Возвратившись на родину, поспѣшилъ онъ освѣдомиться у своихъ домашнихъ, возвратился ли изъ Іерусалима его сосѣдъ такой-то, но къ крайнему своему удивленію узналъ, что тотъ и не думалъ путешествовать въ Іерусалимъ, и все это время прожилъ дома. Не повѣрилъ крестьянинъ словамъ своихъ присныхъ, и поспѣшилъ къ сосѣду, встрѣтившему его съ неподдѣльною радостію. На упреки паломника, зачѣмъ убѣгалъ его во св. градъ, онъ сперва недоумѣвалъ что отвѣчать, а потомъ клятвенно завѣрилъ его, что не былъ въ Іерусалимѣ и все время отсутствія его провелъ дома. Прочіе сосѣди крестьяне подтвердили эти его увѣренія, и паломникъ наконецъ долженъ былъ убѣдиться въ истинѣ его словъ. Въ свою очередь клятвенно увѣрялъ онъ всѣхъ, что видѣлъ предъ собою неоднократно своего сосѣда у всѣхъ св. мѣстъ Іерусалимскихъ, и просилъ его наконецъ объяснить причину, почему, согласившись первоначально раздѣлить съ нимъ благочестивое странствіе, вдругъ отъ этого отказался. Сосѣдъ его сказалъ, что дѣйствительно имѣлъ онъ сильное желаніе

побывать вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимѣ, и скопилъ для этого потребную сумму денегъ. Но вотъ, въ то самое время какъ готовились они отправиться въ путь, одинъ изъ знакомыхъ ему крестьянъ умеръ, оставивъ послѣ себя долги и малолѣтнихъ сиротъ, которымъ угрожала голодъ и нужда. Сжалившись надъ ними, благочестивый крестьянинъ уплатилъ собранными на путешествіе въ Іерусалимъ деньгами долгъ умершаго, и по возможности обезпечилъ тайною помощію сиротъ, желаніе же свое быть на поклоненіи гробу Господню предалъ волѣ Божіей. Паломникъ, выслушавъ рѣчь своего сосѣда, долженъ былъ убѣдиться, что нелегкій подвигъ его паломнической не меньше, если не больше, высокъ предъ Господомъ, какъ тайная милостыня Евангельская, привлекающая къ человѣку обильное благоволеніе Божіе, что благочестивое намѣреніе побывать въ Іерусалимѣ, неисполненное изъ-за дѣла милосердія, Господу не менѣе благоугодно, какъ если бы это намѣреніе приведено было въ исполненіе, и что видѣніе, бывшее паломнику въ Іерусалимѣ, послано было именно для убѣжденія его въ сей истинѣ.

А. Ковалевскій.

ДВА ПИСЬМА ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО КЪ РЕКТОРУ СПАСО-ВИВАНСКОЙ СЕМИНАРИИ, ВЪ ОТВѢТЪ НА ПРИВѢТСТВІЕ СО ДНЕМЪ АНГЕЛА.

1. Отцу ректору и сотрудникамъ Божіе благословеніе и миръ.

Съ благодарностію прочиталъ я, что писали вы ко мнѣ въ день моего ангела. Не могу приписать себѣ столько, сколько вы мнѣ приписываете: на что вы смотрите благосклонно, сіе отношу къ вашему достоинству. Желаю, чтобы вы неутомленно трудились въ образованіи возрастающаго рода церковнаго, и чтобы успѣхи награждали и поощряли вашу ревность. Филаретъ м. Московскій. Декабря 4. 1859 года.

2. Преподобный отецъ архимандритъ и ректоръ! Благодарю васъ и сотрудниковъ вашихъ за доброжелательное о мнѣ воспоминаніе въ день моего ангела. Жить во взаимномъ доброжелательствѣ, и по возможности въ единеніи духа съ вѣренными моему служенію есть вождельное утѣшеніе моей жизни. Усердно призываю вамъ благословеніе Божіе. Филаретъ м. м. Декабря 4. 1860 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ МОСКВѢ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ СОЛОВЬЕВА,
ГЛАЗУНОВА, САЛАЕВА, ТѢРАПОНТОВА, ПРѢСНОВА И ДР.

ПРОДАЮТСЯ СЛОВА

Сергія епископа Курскаго.

цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к. сер.

Складъ книги у А. Н. ТѢрапонта, на Никольской улицѣ.

Въ Редакціи Душеполезнаго Чтенія, также въ книжныхъ магазинахъ ТѢрапонта на Никольской, и Соловьева на Страстномъ бульварѣ, поступила въ продажу новая книга:

«Исторія святыхъ вселенскихъ соборовъ. Выпускъ 1-й. Соборы Никейскій 1-й, Константинопольскій 1-й и Ефесскій. Епископа Іоанна». Изданіе Редакціи Душеп. Чтенія. 1871 года. Цѣна 85 коп., съ пересылкою 1 рубль.

Въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ

АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ТѢРАПОНТОВА

поступили въ продажу книги:

Напомянаніе священнику объ обязанностяхъ его при совершеніи таинства покаянія, сочиненіе Платона, архіепископа костромскаго. Двѣ части. Ц. 1 р. 20 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

Его же. Сокращенное изложеніе догматовъ вѣры по ученію православной церкви. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Его же. Собраніе нѣсколькихъ словъ, поученій и рѣчей. Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 р. 20 коп.

Избранныя изреченія святыхъ иноковъ и повѣсти изъ жизни ихъ. Собранныя епископомъ Игнатіемъ (Бренчаниновымъ) съ портретомъ его. Спб. 1870. Одинъ большой томъ. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Поученія говоренныя въ Новоархангельскомъ соборѣ, на островѣ Ситхѣ, епископомъ Петромъ. Ц. 75 к. съ перес.

Жизнь святыхъ, составленная по руководству Четьихъ миней въ русскомъ переводѣ, священникомъ Виноградовымъ. 12-ть мѣсяцевъ. Цѣна 1 р. 80 к., съ перес. 2 р. 25 к.

Исторія святыхъ вселенскихъ соборовъ. Выпускъ первый. Вселенскіе соборы: Никейскій 1-й, Константинопольскій 1-й и Ефесскій. Епископа Іоанна. Москва. 1871. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ.

Редакція «Твореній Св. Отцевъ» въ русскомъ переводѣ имѣть честь увѣдомить любителей духовнаго чтенія, что съ 1871 года она возобновляетъ свое изданіе, по обстоятельствамъ остановленное на время.

«Творенія Св. Отцевъ», вмѣстѣ съ прибавленіями духовнаго содержанія, будутъ состоять изъ четырехъ книжекъ въ годъ, изъ которыхъ въ каждой будетъ не менѣе 15-ти листовъ текста. Въ переводной части будетъ печататься восьмой и послѣдній томъ твореній св. Григорія Нисскаго, содержащій слова на праздники, похвальныя и надгробныя слова и письма. Въ прибавленіяхъ, какъ и прежде, будутъ помѣщаемы статьи, относящіяся до ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи церкви. Къ каждой книжкѣ будутъ прилагаемы протоколы собраній совѣта Московской Духовной Академіи.

Цѣна годоваго изданія пять рублей съ пересылкою. Редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ адресоваться: въ Сергійевскій посадъ, московской губерніи, въ редакцію «Твореній Св. Отцевъ».

Проживающіе въ Москвѣ со своими требованіями обращаются въ книжную лавку Андрея Николаевича Ферапонтова, на Никольской улицѣ.

Изъ редакціи «Твореній Св. Отцевъ» могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія:

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Творенія св. Григорія Богослова 6 томовъ.	9 р. — к.
• Св. Василія Великаго 7 томовъ.	10 р. 50 к.
• Афанасія Александрійскаго 4 тома	6 р. — к.

Твореніе Св. Еѳрема Сирина 6 томовъ	9 р. — к.
» Григорія Нисскаго 7 томовъ	10 р. 50 к.
» Исаака Сирина 1 томъ	2 р. 30 к.
» Св. Кирилла Іерусалимскаго 1 томъ	1 р. 50 к.
» Св. Іоанна Лѣствичника 1 томъ	1 р. 50 к.
» Преподобнаго Макарія Египетскаго 1 томъ	2 р. — к.
» Нила Синайскаго 3 тома	4 р. 50 к.
» Св. Исидора Пелусіота 3 тома	4 р. 50 к.
» Блаженнаго Θεодорита 7 томовъ	12 р. — к.

«Творенія Св. Отцовъ» съ прибавленіями духовнаго содержанія съ 1843 года по 1865 годъ включительно могутъ быть приобрѣтаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 р. съ пересылкой; прибавленія же отдѣльно отъ «Творенія Св. Отцевъ» по 2 р. за каждый томъ съ пересылкой

Указатель за двадцать лѣтъ 25 к.

Примѣчаніе. Такъ какъ вслѣдствіе неточнаго адреса, допускавшагося нѣкоторыми иногородными подписчиками, которые относились со своими требованіями не въ Сергіевскій посадъ, а въ Москву, на имя редакціи,—съ редакціи взимаемы были почтовымъ вѣдомствомъ денежныя взысканія за пересылку пакетовъ изъ Москвы до Посада,—то редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ строго держаться вышенпрописаннаго адреса.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

МАРТЪ.

1871.

ДВА ПИСЬМА ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ^(а).

I.

Ваше превосходительство, Милостивый Государь!—Сверх чаянія услышавъ, что вы еще не отбыли изъ монастыря, думалъ я, что мнѣ Промыслъ даетъ случай сказать вамъ нѣчто изъ того, что лежитъ у меня на сердцѣ и совѣсти.

Многія благодѣтельныя дѣла, совершаемыя вами во ввѣренной мнѣ епархіи, обязываютъ меня къ благодарности предъ вашимъ превосходительствомъ: благодарность сія, сообразно съ моимъ званіемъ, должна быть не мірская, но духовная. Она должна состоять не въ томъ, чтобы пріятными словами произвести пріятныя чувствованія, но чтобы со всею искренностію представить истину, могущую произвести добро и удовольствіе внутреннее и прочное; съ симъ точію расположеніемъ имѣлъ я намѣреніе вчера быть у вашего превосходительства; къ сожалѣнію никто конечно не подозрѣвалъ, что сіе посвѣщеніе могло имѣть духовную цѣль, и потому оно прошло между людьми и разговорами, наиболѣе посторонними. Испытаю, не скажется ли теперь нѣчто такое, чѣмъ долгъ мой былъ бы хотя нѣсколько исполненъ.

Евангеліе учитъ благодѣтельствовать такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая; но человѣческая природа, не перерожденная Евангеліемъ, любитъ ласкательствовать себя, и утѣшаться собою. Чѣмъ болѣе *правая* благодѣтельствуетъ, тѣмъ труднѣе, чтобы не знала *лѣвая*. Ваши благотворенія велики, а потому близко искушеніе самохваленія и тщеславія.—И такъ, вмѣсто того, чтобы мірская

(а) Получены преосвященнымъ Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ, отъ Е. Д. Шереметевой.

благодарность стала прославлять благотворенія, благодарность по духу побуждаетъ меня напоминать вамъ, сколь бдительная нужна вамъ осторожность, чтобы слава человеческая не похитила у васъ части небесной славы, принадлежащей благотвореніямъ. О извѣстномъ напоминаю; но по примѣру апостольскому, и о извѣстномъ напоминать *мнѣ убо не льстиво, вамъ же твердо.*

Напомню и о томъ, что еще больше должно быть извѣстно, ибо я о томъ слышалъ отъ васъ самихъ. Вы говорили однажды, что нѣкогда употребляли излишнія усилія для приобрѣтенія временнаго благосостоянія; но извѣстно по опыту, что погрѣшности, которыя человекъ видитъ въ прежнихъ дѣлахъ своихъ, такъ сказать, издали, непримѣтно повторяютъ по привычкѣ и въ настоящихъ дѣлахъ своихъ. По сему, и въ семъ тщательно нужно вамъ примѣчать за собою, и себя испытывать, не возобновляются ли и нынѣ вами самими осуждаемыя прежнія излишнія усилія къ утвержденію временнаго благополучія? Отъ васъ самихъ слышу я, что вы много имѣете и вновь покупаете имѣнія, — долго ли сему такъ быть?... Неужели нѣтъ предѣла, на которомъ бы можно было остановиться и сказать: довольно, и *какая польза человеку, аще приобрящетъ міръ весь, душу же свою отщепитъ?* — А то извѣстно, что безконечныя приобрѣтенія въ мірѣ не могутъ быть безъ урона для души; корыстныя заботы совершенно изгоняютъ изъ души миръ Божій; вмѣсто размышленія о небесныхъ обителяхъ, вы будете думать о выгодахъ и невыгодахъ владѣній приобрѣтаемыхъ вами на землѣ; вмѣсто молитвы къ Богу вы будете вымышлять убѣжденія для людей, отъ которыхъ зависитъ ваше приобрѣтеніе. Между тѣмъ время данное для спасенія вѣчнаго уходитъ, — душа наполняется мыслями о предметахъ тлѣнныхъ, чувствованіями земными. — Чѣмъ это кончится? Если не рѣшится побѣдить страсть къ приобрѣтенію: между покупками и заботами о устройствѣ купленнаго, застанетъ смерть. — Я съ благонадежностью говорю вамъ о семъ, видѣвъ, что вы сами охотно и нерѣдко повторяете спасительныя воспоминаніи о смерти. Застанетъ смерть, говорю я, и тогда, право надобно спросить о семъ благовременно, — тогда что будетъ съ душою наполненною мыслями о каменныхъ домахъ, заводахъ, деревняхъ, внезапно очутившеюся въ мірѣ, въ которомъ не строятъ домовъ, и не учреждаютъ заводовъ, не покупаютъ деревень и земель, въ которомъ достоинство и право на блаженство состоитъ въ томъ, чтобы ничего

себѣ не присвоивать, ничего не желать, и ни за что себя не хвалить, но всѣмъ жертвовать Богу, отдавать ближнему, за все прославлять единого Бога? Можно ли въ семъ случаѣ успокоиваться неизвѣстностію суда Божія, или надеждою на милосердіе Божіе, когда самый обыкновенный разумъ ясно видитъ, что такая душа не готова къ такому жителству? Итакъ не лучше ли благовременно рѣшиться не приобретать болѣе въ мірѣ, готовить мысль и сердце къ тому, чтобы спокойно оставить приобретенное, и по возможности устроить все такъ, чтобы по смерти ни недомѣній наследниковъ, ни жалобы заимодавцевъ, ни вопли нестроенныхъ подданныхъ не возмущали блаженной истинѣ, а не по одному наименованію, памяти? Можетъ быть взглядъ мой на сіи предметы покажется вашему превосходительству слишкомъ мраченъ; но ваше превосходительство разсудите, что тотъ конечно достоинъ прощенія, кто представляетъ опасность во всей ея великости, дабы вѣрнѣе способствовать спасенію отъ нея и въ самомъ маломъ видѣ.

Есть еще искушеніе, близкое къ людямъ, которые многимъ владѣютъ и многихъ одолажаютъ, и которымъ потому многіе покорствуютъ. Привычка видѣть покорность рождаетъ привычку повелѣвать, которая, если не довольно бдительно смотримъ за собою, усиливается до того, что человекъ забывшись повелѣваетъ и тамъ, гдѣ не дано ему власти, и такимъ образомъ не примѣчая нарушаетъ право другихъ.—То благодѣяніе чисто, которое не поработаетъ людей благодѣтелю, но оставляетъ ихъ свободными въ своемъ состояніи. Въ моихъ глазахъ человекъ неподчиненный вамъ униженно просилъ васъ о такой вещи, которая ничего не стоитъ и которую вамъ нѣтъ приличія ни пользы называть своею; конечно сего вы не примѣтили, но еслибы примѣтили и освободили сего человека отъ сего раболѣпства, то вы получили бы прибытокъ въ смиреніи, а онъ конечно въ любви къ вамъ. Вотъ какъ нужно людямъ, имѣющимъ власть или силу, смотрѣть за обстоятельствами и послѣдствіями своихъ поступковъ.

Не знаю, говорить ли мнѣ еще или уже исполнилась мѣра вашего терпѣнія? Но у меня есть еще слово, которое давно хочетъ быть вамъ сказано. Предвижу нареканіе, что я слишкомъ близко касаюсь вашихъ дѣлъ; но я берегу себя отъ сего нареканія, желая сказать вамъ то, что можетъ быть, одобрить ваше сердце, и что можетъ быть нѣсколько послужить къ миру вашей души. Скажу безъ

околичностей: я слышалъ, что нѣкоторые изъ сыновъ вашихъ лишены наслѣдства, а чрезъ то и нѣсколько внуковъ вашихъ достаются въ добычу нищетѣ.

Не знаю, точно ли сіе такъ? Не знаю сихъ несчастныхъ сыновъ и внуковъ, даже именъ ихъ не знаю; но какъ прискорбно мнѣ думать, еслили то правда, что ваша рука, благодѣтельница чужимъ, не можетъ отвратить нещастія отъ тѣхъ, въ которыхъ течетъ ваша кровь! Не знаю вашихъ семейственныхъ отношеній, и не мое дѣло судить о нихъ; догадываюсь, что достигло великой силы противленіе, которое бы отдалило сердце матери отъ сыновъ;—но не вѣрю, чтобы ваше сердце, сострадающее безпомощному состоянію чужихъ дѣтей, страдающихъ отъ виновнаго отца,—чему примѣръ видѣлъ я въ ходатайствѣ вашемъ за дѣтей отрѣшеннаго священника,—чтобы такое сердце было не чувствительно къ судьбѣ своихъ; мнѣ думается, что вы или на время хотѣли устрашить дѣтей властію матери, дабы обратить ихъ къ порядку, или вамъ не пришла мысль, какъ отдѣлить судьбу невинныхъ, конечно, внуковъ, отъ судьбы виновныхъ можетъ быть сыновъ. Сію-то мысль желалось мнѣ указать вамъ; пусть было бы съ сыновьями по власти матери,—но въ то же время можно бы устроить внукамъ состояніе неприкосновенно для ихъ родителей. Вотъ дѣло, о которомъ можно было сказать: *Милость и истина срѣтаются, правда и миръ облобызаются.*

Судите, какъ угодно, о томъ, что я говорилъ: я думаю, что говорилъ сообразно съ обязанностію священнаго званія, которое при всемъ недостойствѣ моемъ ношу;—а если я обманываюсь, еслии слова мои ни къ чему не годны, еслии я бесполезно возмущаю ваше спокойствіе и утомляю васъ: простите меня христіански, какъ человѣка, который не вѣдаетъ что творить.—Молю Господа, чтобы всѣ дѣла и намѣренія ваши были совершенно угодны Ему Сердцевѣдцу, и чтобы Онъ не претавалъ благословлять жизнь вашу и вашего племени, такъ чтобы ни одна отрасль его не увяла.

Вашего превосходительсва усерднѣйшій Богомолецъ Филаретъ архіепископъ Тверскій. Іюля 20-го дня 1820 года.

II.

Искреннимъ сердцемъ раздѣляю потерю вашего превосходительствъ и дѣтей вашихъ, и сверхъ того потерю многихъ добрыхъ, и потерю отечества; жалѣю, что небольшая немощь держать однако меня связаннымъ.—Не

скажу: не скорбите; сіе требованіе было бы слишкомъ велико на сіе время; по крайней мѣрѣ не предавайтесь скорби; приносите ее предъ Бога Отца сиротъ и Судію вдовицъ; отдайте Ему въ послушаніе то, что Онъ благоволилъ взять; берегите то, что Онъ оставилъ вамъ беречь, то-есть дѣтей и себя для нихъ. Покойный много служилъ правдѣ и добру для другихъ. Богъ праведный и благій не оставитъ сущихъ его. Онъ уповалъ на Бога и повиновался Его провидѣнію; подражайте ему въ семъ и споспѣшествуйте миру души его молитвою мирною души вашей. Богъ щедротъ и Отецъ всякаго утѣшенія да будетъ первымъ утѣшеніемъ вашимъ и вашихъ. Какъ могу, призываю милость Его на васъ. Вашего Превосходительства усердный Богомолецъ, Филаретъ А. Московскій. Іюня 23, 1824 г.

ПИСЬМА СЪ БЕРЕГОВЪ ВОЛГИ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Нижній Новгородъ.—Монастыря: Печерскій и Благовѣщенскій.—Алексіевская часовня.

Спустившись съ высокой горы Кремлевской, по гребню Волжскаго откоса, я увидѣлъ издали бѣлые стѣны и храмы пустынной обители Печерской, которая совершенно приютила, подъ навѣсомъ вѣковыхъ своихъ деревъ, къ песчаному берегу Волги.

Основателемъ Нижегородскаго (нынѣ первокласнаго) Печерскаго монастыря былъ св. Діонисій, въ мѣрѣ Давидъ, постриженникъ Кіевскій. По примѣру преп. Антонія Печерскаго, онъ выкопалъ себѣ пещеру на берегу р. Волги, въ 3 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Сначала онъ жилъ здѣсь одинъ отшельникомъ, а потомъ, когда собрались къ нему искатели безмолвія (около 1335 года) основалъ монастырь въ честь Вознесенія Господня. Обширнымъ знаніемъ правилъ вѣры и строгою подвижническою жизнію, Діонисій пріобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе. Современники видѣли въ немъ „мужа кроткаго, разсудительнаго, знающаго святое писаніе, учительнаго, славнаго постничествомъ и исполненнаго любви ко всѣмъ“. Подъ опытнымъ его руководствомъ воспитались въ иноческой жизни великіе подвижники: Евѣимій Суздальскій, Макарій Унженскій, основатель трехъ обителей, и Паволь Высокій

(по словамъ современниковъ „старецъ книжный и чудный, и философъ великій“). Князья нижегородскіе, Борисъ и Андрей Константиновичи уважали блаж. Діонисія; супруга послѣдняго изъ нихъ, княгиня Анастасія, основала въ престольномъ своемъ городѣ, на берегу р. Волги, Зачаіевскій дѣвичій монастырь, и приняла въ немъ, по смерти мужа, постриженіе съ именемъ Вассы. Она пользовалась наставленіями преп. Діонисія. Святитель Алексій, лично зная добродѣтели и образованность Діонисія, рукоположилъ его въ санъ епископа Суздальскаго въ 1374 году, и желалъ имѣть его преемникомъ митрополи, послѣ того, какъ великій авва Сергій рѣшительно отказался отъ епископства. По кончинѣ св. Алексія, когда великій князь Димитрій настоятельно хотѣлъ видѣть митрополитомъ любимца своего Михаила (Митяя) и созвалъ епископовъ для посвященія его въ Москвѣ, только одинъ изъ нихъ, блаж. Діонисій, смѣло поддерживалъ убѣжденіе, что, по зависимости Русской Церкви отъ Цареградской, поставленіе первосвятителя безъ воли вселенскаго патріарха будетъ незаконно. Опасаясь угрозъ раздраженнаго Митяя, Діонисій хотѣлъ бѣжать въ Царьградъ на судъ патріаршій, но къ нему была приставлена стража отъ великаго князя, и только поручительство святаго старца Радонежскаго избавило его изъ-подъ надзора. Въ одномъ только погрѣшилъ Діонисій: онъ воспользовался данною ему свободою и тайно уѣхалъ въ Царьградъ, вопреки поручительства Сергіева. Въ концѣ 1381 года онъ возвратился изъ Греціи съ патріаршимъ порученіемъ — заботиться объ истребленіи ереси въ Новгородѣ и Псковѣ. Ревностный святитель успѣлъ сильно потрясти ересь въ двухъ вольныхъ городахъ. Исполненный признательности къ столь великому подвигу, Донской витязь послалъ его съ грамотою своею въ Царьградъ къ патріарху Нилу, прося его возвести Діонисія на митрополию Всероссійскую; и патріархъ исполнилъ его желаніе; но на обратномъ пути, княжившій въ Кіевѣ Владиміръ Ольгердовичъ Литовскій, остановилъ новаго владыку, потому что признавалъ архипастыремъ одного лишь Кипріана: это было какъ бы нѣкое наказаніе за давнее нарушеніе слова, даннаго прелодобному Сергію, которое уже забыто было великимъ княземъ; Діонисій окончилъ въ Кіевѣ многострадальное свое поприще подъ стражею, которой избѣжалъ нѣкогда въ Москвѣ. Казалось, Господь не хотѣлъ оставить неочищеннымъ и малѣйшаго пятна на душѣ вѣрнаго раба своего, чтобы полною сла-

вою облечь его въ Своемъ небесномъ царствіи; онъ былъ погребенъ въ пещерахъ, гдѣ долго спасался отшельникомъ; но во свидѣтельство его оправданія предъ горнымъ судилищемъ, видящимъ тайныя помышленія сердца, нетлѣніемъ просіяли его мощи, и Церковь совершаетъ память его 26 іюля, какъ одного изъ великихъ отцевъ своихъ.

Въ послѣдующее время обитель св. Діонисія была изъ числа знаменитыхъ и богатыхъ; къ ней было приписано нѣсколько монастырей и сельскихъ храмовъ. За нею числилось 8236 душъ и до 9000 десятинъ пахатной земли.

Въ концѣ XVI вѣка страшное бѣдствіе постигло Печерскій монастырь: 18 іюня 1597 года, въ 3 часу ночи, онъ былъ разрушенъ обваломъ горы. За нѣсколько до того дней, замѣтно было колебаніе земли; подъ нею слышался глухой гулъ; потомъ оказалась разсѣлина въ горѣ, выше монастыря, длиною почти на версту, и гора стала сыпаться съ лѣсомъ и пашнями, бывшими на верху ея, отъ чего сдѣлался шумъ и трескъ; монастырскія зданія колебались. Настоятель монастыря, архимандритъ Трифонъ, приказалъ вынести всю утварь монастырскую, ризы, иконы, и все, что можно было спасти, наконецъ, когда уже въ обители вельзя было болѣе оставаться, онъ взялъ крестъ и икону Печерскія Богоматери, принесенную св. Діонисіемъ, вышелъ изъ монастыря съ священнымъ соборомъ и всею братією и началъ творить молебное пѣніе съ воплемъ и горькими слезами, чтобы Господь укротилъ праведный гнѣвъ Свой. „И милостію Божією, заступленіемъ пресвятыя Богородицы“, говоритъ лѣтописецъ: „прошла оная гора подъ монастырь землею и, вышедъ въ Волгу рѣку, оказалась буграми, а которые струги подъ монастыремъ были на Волгѣ рѣкѣ, тѣ стали на сухомъ берегу отъ воды въ дальнемъ разстояніи; а въ монастырѣ же означенною отъ горы оползиною, храмъ каменный Вознесенія Господня разрушило до основанія, только остался надъ алтаремъ верхъ одинъ; колокольня разсыпалась; теплый храмъ пресвятыя Богородицы (Покрова) разшатало на сторону и опустило въ землю близъ окошекъ алтарныхъ; свитыя ворота и въ монастырѣ кельи, поварни и погреба обвалило и ограду переломало, а на берегу стоящій храмъ деревянный Николая чудотворца сдвинуло съ мѣста и паперти обломило, и въ слободѣ многіе дворы пошатало“.

Разрушеніе этой древней обители, случившееся незадолго до кончины послѣдняго царя изъ рода Рюрикова, Феодора Іоанновича, лѣтописецъ называетъ великимъ пред-

знаменованіемъ того, что ожидало Русь, т.-е. пресѣченія рода царскаго и затѣмъ постигшихъ Россію бѣдствій, которыя окончились только съ вошествіемъ на престолъ дома Романовыхъ. Благочестивый и добрый царь Θεодоръ Іоанновичъ принялъ искренное участіе въ горестной судьбы Печерскаго монастыря. По указу его, нижегородскій воевода Аксаковъ призвалъ опытныхъ зодчихъ и съ ними освидѣтельствовалъ то мѣсто, гдѣ находился монастырь. По осмотру оказалось, что оно не годится уже для постройки новыхъ каменныхъ зданій, почему и позволено было Трифону перенести монастырь на другое мѣсто. Въ верстѣ отъ прежняго монастыря, вверхъ по Волгѣ, въ полугорѣ было семь холмовъ, и ихъ-то выбрали для постройки монастыря, выровняли и поставили, на счетъ царской казны, церковь Вознесенія Господня деревянную и такія же кельи и ограду. На мѣстѣ разрушеннаго монастыря также была построена церковь Преображенія Господня „поминовенія ради усопшихъ братій“. Здѣсь почиваютъ подъ спудомъ обрѣтенныя послѣ разрушенія монастыря мощи Печерскаго схимника Іоасафа, который скончался за тридцать лѣтъ до этого времени. Архимандритъ Трифонъ съ братією и игуменъ Дудина монастыря Евѣимій осмотрѣли мѣсто могилы и нашли тѣло, схиму и гробъ нетлѣнными. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось отыскать житія блаж. Іоасафа, но Нижегородцы весьма чтили его при жизни и теперь почитаютъ память его, какъ мужа праведнаго и богоугоднаго.

Нынѣшнее мѣстоположеніе монастыря очень красиво, особливо лѣтомъ. Онъ стоитъ въ полугорѣ, и съ вершины ея представляется весь откритымъ; за нимъ голубѣетъ Волга, низменныя берега ея покрыты зелеными лугами, между которыми червяютъ села, деревни, и бѣлѣютъ церкви. Въ Печерскомъ монастырѣ нѣсколько храмовъ. Соборная церковь Вознесенія Господня построена въ 1631 и 1632 годахъ по образцу Вознесенской церкви Московскаго Вознесенскаго монастыря. Строителемъ ея былъ извѣстный въ то время архитекторъ Антипа Возоулинъ. По правильности плана и фасада, церковь Вознесенія можетъ почитаться образцемъ совершенства архитектуры XVII вѣка. Внутренность храма утверждена на двухъ столпахъ; снаружи храмъ окруженъ съ юга, запада и сѣвера галлереею, которая на востокъ соединяется съ Успенскою церковью, а на сѣверъ ведетъ къ настоятельскому кельямъ. Въ этомъ храмѣ замѣчательны: а) икона Печерскія Божіей Матери, принесенная святымъ Діонисіемъ.

Она есть вѣрный списокъ съ иконы Кіевской. Письмо ея относится къ началу XIV вѣка. Она покрыта серебряной вызолоченой ризой, украшенной финифтью. Въ Вознесенскомъ соборѣ этотъ образъ есть мѣстный и стоитъ на второмъ мѣстѣ съ лѣвой стороны отъ царскихъ вратъ; б) икона Божіей Матери, списокъ съ Владимірской, древняго письма, покрытая серебряною позолоченою ризою съ драгоценными каменьями. Ризница монастырскаѣ богата: въ ней между прочимъ находятся старинныя, низанныя крупнымъ жемчугомъ, одежды на престолъ, фелони, епитрахили, палицы, митры, воздухи и пелены.

По счастливому случаю, я встрѣтился въ Нижнемъ съ добрымъ и почтеннымъ И. А. Л-нымъ, который, при посѣщеніи, вмѣстѣ со мною, Печерской обители, представилъ меня преосвященному Іереміи, пребывающему тамъ на покоѣ. Давно уже зналъ я по слуху, что преосв. Іеремія былъ нѣкогда (1830-1839) инспекторомъ и ректоромъ Кіевской Д. Академіи, гдѣ пользовался искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ учениковъ своихъ; потомъ управлялъ Нижегородскою епархіею въ санѣ епископа, и уже нѣсколько лѣтъ подвизается въ уединеніи, какъ одинъ изъ древнихъ аскетовъ, но до сихъ поръ еще не удостоился видѣть его. Ласково и радушно принялъ насъ маститый архипастырь-подвижникъ въ тѣсной своей кельѣ, рядомъ съ которою находится не менѣе тѣсная церкви, гдѣ онъ почти ежедневно совершаетъ литургію, какъ простой священникъ, безъ обрядовъ архіерейскаго священнослуженія. На одной изъ стѣнъ кельи я увидѣлъ фотографію — портреты архипастырей, собравшихся на торжество юбилея Кіевской Академіи. Какъ очевидецъ этого торжества, я рассказалъ преосв. Іереміи, съ какимъ уваженіемъ были приняты Академіею присланные отъ него дары (евангеліе и икона) и какъ почитаютъ старца бывшіе ученики его, нынѣ преосв. архипастыри (Антоній Казанскій, Димитрій Херсонскій, Евсевій экзархъ Грузіи, Іоаннъ Полтавскій, Никандръ Тульскій). „По наукамъ они ничѣмъ мнѣ не обязаны, — отвѣчалъ преосвященный, — развѣ за одно только могутъ помянуть меня добромъ, именно за то, что я старался приучать ихъ, молодыхъ монаховъ, къ молитвѣ, и какъ можно чаще, молиться съ ними вмѣстѣ“. Такимъ образомъ разговоръ перешелъ къ молитвѣ, и опытный въ духовной жизни святитель указалъ мнѣ, какъ на вѣрный способъ для приученія себя къ частой молитвѣ, лично имъ испытанный, на 24 краткія молитвы, составленныя для

всѣхъ часовъ дня и ночи св. Іоанномъ Златоустымъ и помѣщаемыя во всѣхъ молитвословахъ („Господи, не лиши мене небесныхъ Твоихъ благъ“ и проч.). Если заучить ихъ наизусть, вмѣстѣ съ указаніемъ часовъ, для которыхъ онѣ назначены, то онѣ какъ-бы невольно приходятъ на память въ свое время, даже среди занятій житейскихъ, и приучаютъ къ частой молитвѣ, хотя и минутной.

Незамѣтно протекли для меня вечерніе часы въ скромной кельѣ архипастыря - подвижника. Не стану подробно передавать вамъ, многоуважаемый В. П., всей бесѣды преосв. Іереміи и благосклонныхъ отзывовъ его о Душепол. Чтеніи и помѣщенныхъ въ немъ моихъ „рассказахъ изъ исторіи Р. Церкви“, но не могу умолчать объ одномъ поразительномъ для меня урокъ нестяжательности и отрѣшеніи отъ всего земнаго: уже послѣ узнали, что утромъ того самаго дня, въ который я удостоился бесѣдовать съ преосв. Іереміей, скудное имущество его было расхищено. Украли у него карманные часы, зрительную трубу и нѣсколько золотыхъ монетъ, составлявшихъ всю его казну. Этотъ случай нисколько не огорчилъ старца; онъ спокойно сказалъ (какъ слышалъ я послѣ): „На что мнѣ все это? Въ трубу смотрѣлъ я на отдаленную суету людскую, а мнѣ нужно смотрѣть внутрь себя. Часы служили для указанія времени, а пора уже мнѣ готовиться къ вѣчности. Деньги я отложилъ для своего погребенія; теперь, когда ничего уже нѣтъ у меня, надѣюсь, что похоронятъ и помянутъ меня даромъ“. Впрочемъ скоро нашелся виновникъ покражи (бывшій истопникъ монастырскій) и все украденное возвращено. Что же сдѣлалъ преосв. Іеремія? Онъ не только простилъ вора, и просилъ не преслѣдовать его, но самъ проводилъ его за ворота монастыря и отпустилъ съ миромъ. Таковъ свѣтильникъ горящій и свѣтящій въ смиренной кельѣ Печерской обители! Хотя онъ не стойтъ уже, на свѣщникѣ“ (Мате. 5, 15. 16). но свѣтъ его свѣтитъ всѣмъ, приближающимся къ нему. Благодарю Бога, что и мнѣ грѣшному дано было испытать на себѣ благотворное его дѣйствіе.

Принявъ благословеніе завѣдывающаго Печерскимъ монастыремъ преосв. Поликарпа, епископа Валахтинскаго, викарія Нижегородскаго, мы зашли въ келью іеросхимонаха Арсенія, 90-лѣтняго старца, бывшаго прежде священникомъ въ селѣ Мурашкинѣ, княгининскаго уѣзда. Несмотря на глубокую старость, онъ еще бодръ и часто священнодѣйствуетъ. Жизнь его служить для братіи образцемъ глу-

бокаго смиренія и безропотнаго послушанія, а бесѣда отличается младенческою простотою.

Послѣ Печерской обители я посѣтилъ Благовѣщенскій монастырь, въ 2 верстахъ отъ Кремля и каедральнаго Спасопреображенскаго собора, вверхъ по теченію рѣки Оки, на половинѣ горы возвышающейся надъ рѣкою. Мѣсто, на которомъ построенъ монастырь, въ древности было внѣ города, называлось Дятловыми горами, и было въ особенномъ почтеніи у языческой Мордвы, какъ видно изъ легенды объ основаніи Нижняго-Новгорода (рассказанной въ первомъ моемъ письмѣ) и изъ старинной Мордовской пѣсни: „На горахъ, на горахъ-то на Дятловыхъ, Мордва богу своему молится, къ землѣ-матужкѣ на востокъ поклоняется“. Вообще замѣчательно, что наши предки, при водвореніи вѣры Христовой въ разныхъ краяхъ Русской земли, любили ставить храмы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли капища идольскія, особенно чтимыя язычниками. Такъ было въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ и другихъ древнихъ городахъ.

Основаніе Благовѣщенскаго монастыря, древнѣйшаго изъ иноческихъ обителей Нижегородскихъ, современно основанію самаго города (1221 г). Спустя 8 лѣтъ послѣ того упоминается о раззореніи монастыря Мордвою, при первомъ ея нападеніи на враждебный для нея новоустроенный городъ. Пургась, князь Мордовскій, послѣ пораженія, нанесеннаго ему основателемъ Нижняго Новгорода, св. княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ, воспользовался его отсутствіемъ, собралъ разбѣжавшихся своихъ подданныхъ и осадилъ Нижній-Новгородъ. Онъ не могъ завладѣть самымъ городомъ, охраняемымъ Нижегородцами, но напалъ на построенный подлѣ него монастырь Богородицкій, и раззорилъ его до основанія, предавъ огню церковь со всѣми зданіями, вѣроятно, деревянными.

Раззоренная и ограбленная обитель находилась въ запустѣніи до времени святительства св. митрополита Алексія, неоднократно посѣщавшаго Нижній-Новгородъ. По лѣтописямъ извѣстно, что святитель въ первый разъ былъ здѣсь въ концѣ 1357 года, когда ханъ Джанибекъ просилъ великаго князя Московскаго прислать къ нему служителя Божія, для исцѣленія ослѣпшей супруги его Тайдулы. Съ вѣрою и надеждою на чудодѣйствующаго Господа, престарѣлый святитель отправился въ орду и, вѣроятно, чрезъ Нижній; но въ дошедшихъ до насъ памятникахъ говорится только о томъ, что онъ былъ въ Нижнемъ уже на воз-

вратномъ пути изъ орды, по чудесномъ исцѣленіи Тайдулы. И къ этому, безъ сомнѣнія, времени должно отнести намѣреніе святителя возобновить и устроить Благовѣщенскій монастырь. Желаніе св. Алексія исполнилось не скоро. Этому препятствовала продолжительная борьба между двумя братьями, великими князьями Нижегородскими, Борисомъ и Дмитріемъ Константиновичами, окончившаяся уже въ концѣ 1365 года. Послѣ сего благодѣтельнаго примиренія, Московскій святитель началъ безпрепятственно заботиться объ устроеніи Благовѣщенскаго монастыря. Онъ велѣлъ построить въ немъ каменную Благовѣщенскую церковь, которая и была окончена вчернѣ въ 1370 году, когда святитель, примиренный съ Борисомъ Константиновичемъ, снова посѣтилъ Нижній-Новгородъ и крестилъ новорожденного сына его Іоанна Борисовича, прозваннаго въ послѣдствіи Тугой-Лукъ. На другой годъ, св. Алексій былъ въ Нижнемъ въ послѣдній разъ, когда созданная имъ церковь въ Благовѣщенскомъ монастырѣ совсѣмъ была уже готова къ освященію. Объ этомъ послѣднемъ посѣщеніи яснѣе и опредѣленнѣе значитъ на высѣченной по камню надписи, что онъ въ Благовѣщенскомъ Нижегородскомъ монастырѣ освящалъ и украсилъ всякимъ благолѣпіемъ созданную имъ Благовѣщенскую церковь.

Вмѣстѣ съ св. митрополитомъ Алексіемъ является благотворителемъ монастыря великій князь Нижегородскій Борисъ Константиновичъ. Снабдивъ многими дарами какъ церковь, такъ и братію монастырскую, онъ далъ сему монастырю, по сказанію Степенной книги: „многія вещи движомыя и недвигомыя“, рыбныя ловли и бобровыя гоны по р. Сурѣ съ шестью озерами и другими прилежащими угодьями.

Изъ монастырскихъ зданій главное мѣсто занимаетъ соборная Благовѣщенская церковь, перестроенная за ново въ 1647 году; длина ея 11 саж. съ аршиномъ, а ширина 6 сажень. Вокругъ собора съ сѣверной и западной стороны устроена галерея съ арками, которыя поддерживаются каменными перилами. Стѣны собора и галереи расписаны старинною, мало искусною кистью, и изображенія на нихъ время отъ времени изглаживаются. Окна въ соборѣ узкія съ желѣзными затворами, а подъ соборомъ устроенъ довольно обширный выходъ, отдаваемый въ наймы для складки товаровъ во время ярмарки. Въ Благовѣщенской

церкви какъ прежде, такъ и теперь, богослуженіе совершается въ продолженіи только лѣтняго времени.

Въ этомъ храмѣ находятся двѣ древнія иконы, весьма замѣчательныя. Первая изъ нихъ Корсунская икона Богоматери, небольшого рамѣра (длиною 7, а шириною 5 вершковъ), лежитъ на особомъ налоѣ у праваго столба. Она писана въ концѣ X вѣка (въ 993 году). На лицевой сторонѣ иконы внизу, подъ изображеніемъ Богоматери, находится въ трехъ строкахъ тройная надпись: славянская, греческая греческими буквами и греческая же славянскими буквами, въ такомъ видѣ.

Образъ писанъ въ лѣто гѣѣ Сѣмѣѡномъ Іеромонихомъ.

Ἐκὼν ἱσορηθεῖσα ἐν ἔτη γςφα ὑπὸ Συμεῶν Ἱερομονάχου.

Иконъ исторюнсѣ еи ети гѣѣ ὑπὸ Сѣмѣѡν Ἱеромонихокъ.

Основываясь на словѣ *ἱσορηθεῖσα*, от. архимандритъ Макарій (нынѣ преосв. епископъ Орловскій) въ сочиненіи своемъ „Памятники Нижегородскихъ древностей“ полагаетъ, что икона „писана въ память для потомства, какъ свидѣтельство какого-либо важнаго событія напр. просвѣщенія Россіи христіанствомъ, бывшаго за 5 лѣтъ до написанія иконы (988), или еще вѣроятно въ память современнаго сему написанію построенія храма Богородицы, названнаго Десятиннымъ“. Впрочемъ въ большомъ словарѣ Дюканжа (*Glossarium*) глаголу *ἱσορεῖν* придается тоже значеніе, какъ и глаголу *ζωγράφειν*—*ringere*, т.-е. писать красками. Что касается до вышшняго вида надписи, то ее воспроизвести въ точности (*fac-simile*) невозможно, потому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только буквы, но и цѣлыя слова отъ ветхости стерлись; только видно, что она писана не черною, а изжелта-красною краскою. Надъ подлинною надписью наложена серебрянопозлащенная дщица, на которой вся надпись вычеканена такимъ же точно почеркомъ, какъ и подлинная, и вѣроятно еще тогда, когда вся она была въ цѣлости. Иконѣ Корсунской Божей Матери теперь уже болѣе 870 лѣтъ со времени ея написанія; за эту древность кромѣ надписи, можетъ ручаться самое письмо иконы Византійское, едва ли когда поправляемое и возобновляемое въ очертаніяхъ.

У лѣваго столпа, также на налоѣ, другая замѣчательная икона св. Алексія митрополита, съ житіемъ, въ кіотѣ. Лѣвая рука святителя на иконѣ изображена распростертою и держащею небольшое евангеліе, въ которомъ вложена часть святыхъ мощей его. На створкахъ кіота изображены:

Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы; поставленіе св. Алексія въ митрополита; издѣленіе Тайдулы и построеніе Благовѣщенской церкви св. Алексіемъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ. Икону сію съ кіотомъ должно отнести къ XV вѣку, когда установлено церковію почитаніе мощей св. Алексія (1439 г.), или не позже какъ къ XVI столѣтію.

Въ Благовѣщенской обители, кромѣ соборнаго храма, есть еще нѣсколько церквей: 1) св. Алексія митрополита, сооруженная въ концѣ XVII столѣтія, вмѣсто прежней, патриаршимъ ризничимъ іеродіакономъ Іосифомъ Булгаковымъ. Подъ церковью—могила строителя ея и небольшая въ 4 сажени пещера, вырытая имъ въ горѣ и выложенная бѣлымъ камнемъ. Въ ней находится вырытый имъ же колодезь, съ чистою и прохладною водою, которую пьютъ богомольцы. Объ этомъ строителѣ осталась высѣченная на камнѣ надпись на его гробницею: „а҃ѣ ѿта маія кѣ день въ . . . часа нощи успѣ во христѣ блаженнѣчестный монахъ іеродіаконъ Іосифъ Булгаковъ бывшій патриаршъ судія и ризничей“. 2) Теплая Успенская, съ двумя шатровыми, покрытыми черепицею, куполами. Эта церковь, по своему зодчеству, несомнѣнно относится къ XVI столѣтію, хотя и нѣтъ извѣстія о времени построенія ея. Между церквями Успенскою и Алексіевскою есть пещера съ нѣсколькими извилинами подъ гору. 3) Надъ св. вратами во имя апостола Андрея Первозваннаго. 4) Воскресенская пятиглавая, на восточной сторонѣ монастыря, построенная въ 1821—1834 году.

Въ ризницѣ монастырской много вкладовъ Казанскаго митрополита Тихона, родомъ Нижегородца и постриженника Благовѣщенской обители въ концѣ XVII вѣка, и именитаго челоуѣка Григорія Димитріевича Строгонова. Замѣчательны древнія фелони съ вышитыми оплечьями и вышитыя золотомъ иконы (пелены). Но всего болѣе привлекли къ себѣ мое вниманіе рукописи: а) собраніе царскихъ и патриаршихъ грамотъ, данныхъ на имя монастыря; б) сборникъ изъ одиннадцати тетрадей, заключающій въ себѣ житія преп. Давиіла Переславскаго „новаго чудотворца, именуемаго Скуделы“, Іакова иже на Желѣзномъ Борку, Козмы Яхремскаго и другихъ святыхъ Русскихъ и „повѣсть чудеса преч. Богородицы, явленіе образа иже въ Казани“—подлинное черновое сочиненіе страдальца-патріарха Гермогена, съ собственноручными его поправками; в) Синодики XVI вѣка. Особенно замѣчательнъ г)

“Кондарь съ Богомъ починаемъ“, въ 4-ку, на пергаменѣ. Языкъ кондакаря весьма древній; вотъ для примѣра кондакъ пятидесятницы: „Егда съшьде языки размѣси раздѣляше племена вышний тѣгда огньныя языки раздая въ съвѣкупление вся призъва единоголасно славимъ пресвятыи духъ“. Для обозначенія звуковъ голоса употреблены знаки, подобные нѣкоторымъ греческимъ буквамъ. А нѣкоторые нотныя знаки, особенно верхніе, имѣютъ подобіе славянскихъ буквъ. Немало встрѣчается и крюковъ, болѣе понятныхъ въ свое время на Руси. Такимъ образомъ, по начертанію нотъ, “Кондарь“ долженъ относиться къ числу нотъ азбучно-крюковыхъ и самыхъ древнихъ. — Означенія года въ рукописи нѣтъ, но по сходству ея письма и нотъ съ харатейнымъ кондакаремъ XII вѣка Сергіевой Лавры (№ 19), можно отнести ея къ тому же времени. На листѣ 4-мъ и 35-мъ поставлены слова: „вѣрнаго князя“, или просто: „князя“, тамъ, гдѣ послѣ стали пѣть: „благовѣрнаго царя.“ Жаль только, что нигдѣ не выставлено имени поминаемаго князя. Еще болѣе и прямѣе на глубину древности “Кондаря“ указываетъ то, что въ немъ нѣтъ кондаковъ ни одному святому Русскому, кромѣ князей Бориса и Глѣба, прославленныхъ нашею Церковью въ 1020 году, ранѣе другихъ нашихъ святыхъ. Разматривая эту рукопись, я вспоминалъ о нашемъ извѣстномъ знатоцѣ церковнаго пѣнія и древнихъ крюковыхъ знаковъ отъ протоіерея Д. В. Разумовскомъ; вѣроятно “Кондарь“ пригодился бы ему для многихъ ученыхъ соображеній.

Къ монастырю принадлежитъ часовня, за оградкою, между монастыремъ и армарочнымъ мостомъ на р. Окѣ. Основанная св. Алексіемъ, который останавливался въ этомъ мѣстѣ на пути изъ Орды, по исцѣленіи Тайдулы, часовня эта донынѣ называется Алексѣевскою. Была ли перестраиваема эта часовня послѣ св. Алексія до начала прошлаго столѣтія, неизвѣстно. Только въ 1725 году прежняя часовня, стараніемъ архимандрита Лаврентія, была перестроена, о чемъ свидѣтельствуется надпись, высѣченная на стѣнномъ камнѣ этой часовни, остающемся и теперь въ цѣлости. Часовня эта была построена въ Византійскомъ стилѣ, вѣроятно, по образцу первоначально построенной св. Алексіемъ. Въ 1838 году, при посѣщеніи Нижняго-Новгорода Государемъ Императоромъ Николаемъ I, приходившая въ ветхость часовня обратила на себя его монаршее вниманіе. Высочайше повелѣно было составить на постройку ея проэктъ. По новоутвержденному плану, въ

1846 году, нижегородскій 1-й гильді купецъ Иванъ Верениковъ изъявилъ готовность устроить на свое иждивеніе Алексѣевскую часовню. Она окончена постройкою въ 1847 году. Обо всемъ этомъ значится на мѣдной доскѣ, которая прибита надъ входомъ въ часовню. Верхъ у часовни по-прежнему остался шатровый; вокругъ нея передъ входомъ перила съ желѣзною рѣшеткою; въ ней поставлены иконы, а по срединѣ ея устроенъ мѣдный небольшой бассейнъ, съ водою, проведенною изъ того самаго ключа, изъ котораго св. Алексій утолялъ свою жажду. Изъ внутренняго бассейна вода протекаетъ въ другой, находящійся на восточной сторонѣ часовни снаружи.

Отвѣдавъ прохладной и чистой воды, которая постоянно струится здѣсь изъ глубокой чаши, на подобіе Живоноснаго источника, какъ изображаютъ его на иконахъ Византійскихъ, я представлялъ себѣ утомленнаго путемъ святителя, какъ вкушалъ онъ пищу на этомъ самомъ мѣстѣ, утоляя жажду ключевою водою. Сколько заботливыхъ думъ должны были тѣсниться въ душѣ добраго пастыря, когда еще предстоялъ ему дальній, опасный путь въ столицу ханскую, и сколько радостныхъ чувствъ наполняли его душу, когда, возвращаясь послѣ великаго дѣла, совершеннаго имъ по благодати Божіей, онъ срѣтаемъ былъ здѣсь опять на родной землѣ!

Графъ М. Толстой.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ СТАРОПЕЧАТНАЯ КНИГА — ЕВАНГЕЛІЕ, ВРЕМЯ ВСЕРОССІЙСКИХЪ ПАТРИАРХОВЪ ІОВА И ЕРМОГЕНА ^(а).

Разсматриваемое здѣсь старопечатное Евангеліе замѣчательно въ отношеніи къ заблуждающимъ братіямъ нашимъ—глаголемымъ старообрядцамъ и прочимъ такъ называемымъ ревнителямъ старины. Старообрядцы, сверхъ чаянія своего, могутъ видѣть въ этомъ Евангеліи тоже

(а) Святѣйшій Іовъ, прежде благословившій печатаніе сего Евангелія, низложенъ съ патр. престола самозваннымъ царемъ Лжедимитріемъ. Въ патриаршество Ермогена окончено печатаніе сея книги. Разсматриваемый здѣсь экземпляръ ея принадлежитъ библиотекѣ Московскаго почетнаго гражданина Алексѣя Ивановича Хлудова.

начертаніе имени Спасителя: *Исусъ*, и такое: *Иисусъ*; Евангелиста Іоанна изображеннаго съ десницею благословляющею—*именословно* и проч. Но для особаго рода именуемыхъ ревнителей старины старопечатная эта книга представляетъ хронологическій интересъ, — именно:

Издатели сего Евангелія, на листахъ 258, 259, 260 и 261, объясняютъ, что „благословеніемъ великаго господина святѣйшаго Іова, перваго патріарха Московскаго и всея Русіи..., сія богдохновенная книга начата печатати въ лѣто (отъ С. М.) 7113, марта въ 30 день, при державѣ благовѣрнаго и христоролюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василя Ивановича (Шуйскаго), всея Русіи, въ первое лѣто богохранимаго его царствія,—при паствѣ святѣйшаго Ермогена патріарха Московскаго и всея Русіи, въ первое лѣто святительства его. Совершена же бысть въ лѣто (отъ С. М.) 7114, іюня въ 29 день, а отъ воплощенія же по плоти Спасителя нашего Бога и Господа Іса Христа въ лѣто 1614, индикта 4^а... б).

Довольно рѣдкое явленіе съ подобнымъ лѣтосчисленіемъ московская старопечатанная книга. Въ старину на Руси болѣе придерживались обычая писать лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра, умалчивая годъ отъ Рождества Христова, тогда какъ при изданіи сего Евангелія употреблено и то и другое лѣтосчисленіе, но съ небольшою разницею противъ общепринятаго лѣтосчисленія отъ Р. Х., на что

(б) Точно такую выписку помѣстилъ г. Хавскій въ послѣднемъ столбцѣ «Вѣчнаго календаря» (издан. въ Московской Синодальной типографіи 1870 г.—больш. форм. листы на 1871, 1872, 1873 годы), гдѣ на основаніи ея и другихъ подобныхъ усиливается доказывать, что истинный счетъ церковныхъ годовъ непременно долженъ быть, напримѣръ, слѣдующій: отъ С. М. 7379й, отъ Р. Х. 1879, а не 1871, и тому под. Послѣдній, т.-е. 1871 годъ, называется онъ ложнымъ гражданскимъ. Но досточтимый авторъ «Вѣчнаго календаря» вѣроятно не досмотрѣлъ, что и въ самыхъ, слишкомъ уважаемыхъ имъ, старопечатныхъ книгахъ приняты въ употребленіе, безъ наименованія ложными, тѣ самые, считаемыя отъ Р. Х. годы, которые такъ безцеремонно названы имъ ложными, о чемъ будетъ показано ниже. Но крайней мѣрѣ успокоилъ бы себя ревнитель точной хронологіи тѣмъ, что и при изложеніи Евангельской исторіи, вдохновенные свыше Евангелисты, умалчивая времячисленіе отъ сотворенія міра, не пренебрегали современнымъ имъ гражданскимъ лѣтосчисленіемъ, когда нужно было указать время явленія въ міръ Спасителя и его Предтечи (Лук. 3, 1. Зач. 9).

и обращаютъ особенное вниманіе нѣкоторые изъ такъ называемыхъ ревнителѣй старины. Они говорятъ, что вотъ-де какъ „древлеправославные“ всеросійскіе цари и патріархи писали лѣтосчисленіе: отъ С. М. 7114,— отъ Р. Х. 1614,— кругло, безъ убавленія осьми лѣтъ отъ Р. Х. и безъ прибавленія столькихъ же лѣтъ отъ С. М., и слѣдов. текущій годъ, въ которомъ мы нынѣ живемъ, есть истинный годъ отъ С. М. 7379-й, отъ Р. Х. 1879, а не 1871; что новые бібліографическіе словари и каталоги для книгъ, несогласно съ древнимъ времѣясчисленіемъ, считаютъ изданіе сего Евангелія въ 1606 году; что послѣднее лѣтосчисленіе, съ убавленіемъ осьми лѣтъ отъ Р. Х., хотя и общепринятое, однако полагаетъ рожденіе І. Христа не въ 5500-мъ, а въ 5508-мъ году отъ С. М.; но, привосокупляють мнимые ревнители, — всѣ такому времѣясчисленію слѣдующіе подвергаются церковному проклятію, какъ гласитъ большой Іосифовскій Требникъ: „проклинаю ложное исповѣданіе ихъ и прелестное отъ лѣтописцевъ указаніе, яко Господь нашъ Ісъ Христосъ воплотился не въ лѣто пять тысящъ пятисотное“.

Эти только слова вычитываютъ и выписываютъ мнимые ревнители старины изъ старопечатанной книги, для распространенія означеннаго проклятія на всѣхъ употребляющихъ обыкновенное лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова. Но въ этой-то недоговоркѣ и недопискѣ и кроется лживость и лукавство, къ коимъ раскольники прибѣгаютъ и въ другихъ случаяхъ для оболъщенія простыхъ людей (в). Вотъ какъ читается вполнѣ приводимое ими прокля-

(в) Съ подобнымъ усѣченіемъ ковать проклятія, изъ старопечатаныхъ книгъ, искажая подлинный смыслъ,— большой мастеръ Антоній Шутовъ—именующійся у старообрядцевъ архіепископомъ московскимъ и Владимірскимъ. Можно это видѣть изъ составленнаго имъ самимъ (около 1855 года) «чина принятія отъ никоніанскія ереси»: Кстати и о другомъ мастерствѣ Антонія. Онъ не только въ превратномъ смыслѣ дѣлаетъ изъ старыхъ книгъ выписки для оболъщенія простыхъ людей, но иногда рѣшается, для сей же цѣли, портить древніе памятники, попадающіе въ его руки. Такъ около 1860 года, купилъ Антоній у извѣстнаго книгопродавца Большакова, за семьсотъ руб. сер., очень замѣчательныя въ отношеніи къ старообрядству двѣ книги: большой Требникъ съ пещнымъ дѣйствомъ и чиномъ хиротоніи, изд. въ Москвѣ въ лѣто 7133 отъ С. М.— въ шестое лѣто патріаршества Филарета Никитича, и рукописный церковный большой Уставъ— время патр. Іова, съ архіерейскимъ священнодѣйствіемъ. Раз-

тіе, въ Іосифовскомъ требникѣ: „проклинаю ложное исповѣданіе ихъ и прелестное отъ лѣтописцевъ указаніе, яко Госнодь нашъ Ісѣ Христосъ воплотися не въ лѣто пять тысящъ пятисотное, но въ лѣто 3970“ (г). Повятно геперь, что проклинаются здѣсь еретики, считающіе, по какимъ-то ложнымъ лѣтописцамъ, воплощеніе І. Христа въ лѣто отъ С. М. 3970-е. И какъ весь этотъ чинъ въ Іосифовскомъ Требникѣ перепечатанъ съ Филаретовскаго, то надобно думать что здѣсь разумѣются паписты, противъ коихъ въ своемъ требникѣ, по обстоятельствамъ времени, слишкомъ уже строгъ былъ патріархъ Филаретъ, когда требовалъ даже перекрещеванія ихъ. Если же проклятiе наложенное въ Іосифовскомъ требникѣ на принимающихъ сіе дѣйствительно ложное лѣтосчисленіе, т.-е. полагающихъ Рождество Христово въ 3970-мъ году; по желанію упомянутыхъ ревнителей, переложить и на всѣхъ православныхъ, по лѣтосчисленію которыхъ рождество І. Христа приходится „не въ лѣто пять тысящъ пятисотное“: то

сматривая вновь пріобрѣтенныя «древлецерковныя» книги, Автоній въ Филаретовскомъ требникѣ увидѣлъ «Уставъ бываемый на поставленіе презвитеромъ и діакономъ», гдѣ скавано: «приводимъ бываетъ поставитися хотя и..., ко святѣй трапезѣ предъ святителя, святитель же его благословить, прекрещая главу рукою единойды,—и водимъ бываетъ около престола трижды тако же, якоже и каженіе бываетъ на божественнѣй литургіи около престола»....—очевидно—*не посоломъ*. Какъ скоро увидѣлъ это Автоній Шутовъ, тотчасъ и произнесъ надъ своею дорогою книгою такой судъ: «надо, *совершенно-тово* (обычная безсмысленная поговорка Автонія),—надо подалше отъ соблазна спрятать этотъ потребникъ-то, а то пожалуй найдутся такіе, что и стануть, по этому потребнику, требовать совершенія хиротовіи *противъ солнца — по-еретически совершенно*...!» Въ рукописномъ церковномъ Уставѣ напалъ Автоній на то мѣсто, гдѣ въ чинѣ проскомидіи предписывается святителю взять святой Агнецъ въ десную руку *тремя персты* и, такимъ образомъ, сотворить на себѣ крестное знаменіе. «Что тутъ, *совершенно-тово*, долго думать съ шепотью-то...? И вслѣдъ за этими Шутовскими словами, оле дерзости! управляемый святотатственною, старообрядческаго владыки Автонія «рукою острый ножъ въ продолженіи вѣсколькихъ минутъ уничтожилъ тѣ самыя, «древлеписемной» книги, слова, которыя въ продолженіи болѣе двухъсотъ пятидесяти лѣтъ, во имя св. Троицы, свидѣтельствовали о священномъ обрядѣ *тремяперстнаго* священія руки для крестнаго знаменія.

(г) См. «Крещеніе отъ ересей приходящихъ», лист. 604. въ ольшомъ Требникѣ печ. при патр. Іосифѣ, въ лѣто отъ С. М. 7160.

вопервыхъ подверглись бы такому проклятію православные Греки, издревле употреблявшіе такое счисленіе, отъ коихъ мы и заимствовали оное (пусть вникнетъ въ сіе и г. Хавскій). Извѣстный церковный историкъ Георгій Кедринъ, жившій въ одиннадцатомъ вѣкѣ, въ самомъ началѣ своей исторіи говорить, что „лѣто, въ которое родился Господь нашъ Иисусъ Христосъ, отъ сотворенія міра по точнѣйшимъ исчисленіямъ пять тысящъ пятьсотъ шестое“; и далѣе: „полагающіе же рождество Христово въ 5500 году, а страданіе въ 5533 погрѣшаютъ, не зная точности лѣтъ“ (См. Георгія Кедрина Исторія Новаго Завѣта печ. въ Москвѣ 1820 г. лис. 1 и 2). *Восторыхъ*, по требнику Іосифовскому подвергались бы проклятію и самые, уважаемые ревнителями старины, святители, каковы напримѣръ: Александрійскій патріархъ Мелетій и тотъ же Московскій патріархъ Іосифъ. Первый за употребленіе якобы неправославнаго лѣтосчисленія въ его посланіяхъ, и послѣдній за привітіе и напечатаніе таковыхъ посланій при книгѣ именуемой Кирилловой: а, лис. 467, послан. 4—„въ лѣто отъ Р. Х. 1390“; б) лис. 489, посл. 6—„въ лѣто отъ Р. Х. 1597“, и —в) лис. 500 обор., послан. 9—„въ лѣто отъ С. М. 7104,—отъ Р. Х. 1395“. Вотъ съ какимъ лѣтосчисленіемъ (по которому рождество І. Христа приходится „не въ лѣто пять тысящъ пятисотное“), напечатаны патріаршія посланія въ самой любимой и уважаемой глаголемыми старообрядцами книгѣ Кирилловой, издан. въ Москвѣ въ третіе лѣто патріаршества Іосифа. Съ подобнымъ же лѣтосчисленіемъ напечатана святочтимая старообрядцами Острожская Библия, — „въ лѣто отъ созданія міра 7089, — отъ Р. Х. 1581“, — по благословенію святѣйшаго Іереміи патріарха Константинопольскаго, отъ котораго получилъ посвященіе первый всеросійскій патріархъ Іовъ. Въ предисловіи книги о *постничествѣ* Василія Великаго, изданной тѣмъ же княземъ Острожскимъ, говорится: „з друкарнѣ Острожское выдава есть въ лѣто отъ созданія міру 7102, а отъ плоти рождества Господа Бога и Спаса нашего Іса Христа 1394“. Въ предисловіи книги св. Іоанна Златоустаго о священствѣ, изданной во Львовѣ, сказано: „совершися въ лѣто 7122, а отъ рождества Христова 1614“.

Такимъ образомъ общепривѣтое нынѣ въ Европѣ лѣтосчисленіе отъ Р. Х. принято было и въ „древлецерковныя“ книги, печатанныя по благословенію „древлеправославныхъ“ патріарховъ Іереміи, Мелетія и Іосифа.

Достоинo вниманія, какъ многоуважаемая всѣми старообрядцами *книга о вѣрѣ*, печ. въ Москвѣ въ лѣто 7156 „повелѣніемъ благоговѣрнаго царя Алексѣя Михайловича и благословеніемъ святѣйшаго патріарха Іосифа“, хотя въ 28 главѣ и обличаетъ папистовъ въ „премѣненіи календаря“ (папою Григоріемъ XIII, въ 1582 г.), именно по отношенію къ времени празднованія Пасхи и прочихъ годовыхъ праздниковъ, однако общепринятымъ лѣтосчисленіемъ, начинающимся отъ Р. Х., книга эта преисполнена, что можно видѣть преимущественно въ главахъ 3, 9, 22, 23, 26, 27, 28 и друг. Представимъ здѣсь для соображенія два или три мѣста упомянутой книги: а) въ 23 главѣ *книга о вѣрѣ* говоритъ, что святѣйшій Іеремія патріархъ Константинопольскій, посѣщая Россію, посвятилъ въ Москвѣ перваго Всероссійскаго патріарха Іова въ 1589 году отъ Р. Х., а отъ С. М., по книгѣ Кормчей, въ лѣто 7097 (д). Слѣдов. въ сопоставленіи съ симъ счисленіемъ, означенный выше 1589 годъ показываетъ годъ Рождества Христова не 5500, а 5508 отъ С. М.—б). Въ той же 23 главѣ *книги о вѣрѣ* говорится, что святѣйшій Теофанъ патріархъ Іерусалимскій посѣтилъ Русскую землю и посвятилъ въ Москвѣ всероссійскаго патріарха Филарета Никитича въ 1620 году (е) отъ Р. Х., а отъ С. М., по книгѣ Кормчей, въ лѣто 7127 (ж). в) Въ 18 главѣ *книга о вѣрѣ* говоритъ, что первый вселенскій соборъ былъ „въ лѣто отъ воплощенія Сына Божія 325-е (по нѣкихъ 318-е)“. Послѣдній, т.-е. 318 годъ поставленъ во вмѣстительныхъ знакахъ, съ оговоркою: „по нѣкихъ“. Кстати при этомъ замѣтить, что г. Хавскій въ своемъ „Вѣчномъ календарѣ“, основавшись на единовѣрческихъ святцахъ (перепечатанныхъ съ Іосифовскихъ), признаетъ истиннымъ церковнымъ годомъ перваго вселенскаго собора не 325 (или 326), а 318 годъ отъ Р. Х. Слѣдов. весь тутъ авторитетъ, какъ для единовѣрческихъ святцевъ, такъ и для г. Хавскаго въ Іосифовскомъ изданіи. Но мы сейчасъ видѣли, какъ въ знаменитѣйшемъ для раскольниковъ Іосифовскомъ изданіи *книги о вѣрѣ* дано предпочтеніе 325 году перваго собора, а не 318-му, и какъ вообще

(д) См. Уставную грамоту патр. Іереміи, въ началѣ старопечатной Кормчей лис. 18 обор.

(е) Правильнѣе въ 1619 году.

(ж) См. Уставную грамоту патр. Теофана, въ началѣ старопечатной Кормчей лис. 25 обор.

эта книга держится общепринятаго лѣтосчисленія. Вотъ и авторитетъ Іосифа патріарха.

Но довольно о лѣтосчисленіи. Обратимъ наше вниманіе на другіе предметы заинтересовавшей насъ старопечатной книги — Евангелія, изд. по благословенію всероссійскихъ патріарховъ Іова и Ермогена. Предметы эти слѣдующіе: а) имя Спасителя напечатано три раза *Иисусъ*, именно въ Евангеліи отъ Маттея Зач. 2, лис. 15 обор. *Иѣсъ*; Лук. Зач. 8, лис. 17 обор. *Иѣсъ*, и Зач. 99, лис. 100 обор. *Иѣсъ*; б) между листами 131 и 132, предъ Евангеліемъ отъ Іоанна, въ рисунокѣ изображенъ Евангелистъ Іоаннъ Богословъ благословляющимъ ученика своего Прохора десницею съ такимъ точно перстосложеніемъ, какъ обыкновенно благословляютъ пастыри православной грекороссійской церкви, т.-е. *именословно*. Вотъ задача для ненавидящихъ *именословное* благословеніе, и хулящихъ имя Спасителя *Иисусъ*.

Въ назиданіе для глаголемыхъ старообрядцевъ, посѣщавшихъ, прошлаго лѣта, Кремлевскія бесѣды, упомянутое Евангеліе, съ цѣлю публичнаго разъясненія вышесказанныхъ предметовъ, выносилъ пишущій сіи строки.

И. Пафнутаіи.

1 февраля 1871 года.

ЕЩЕ ДВА ПИСЬМА ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

10-го марта въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ празднуемо было сороколѣтіе служенія въ ней, въ санѣ намѣстника, архимандрита Антонія, съ честію для себя и съ пользою для обители продолжающаго проходить сіе многотрудное служеніе. По сему достопамятному случаю намъ пріятно предложить вниманію читателей два письма почившаго святителя Филарета къ о. архимандриту, полученныя нами отъ него наканунѣ помянутаго празднованія. Въ первомъ изъ сихъ писемъ святитель приглашаетъ отца Антонія, бывшаго тогда настоятелемъ одной изъ обителей Влад. епархіи, — къ занятію должности намѣстника въ Лаврѣ, во второмъ поздравляетъ его съ двадцатипятилѣтіемъ его служенія въ Лаврѣ.

I.

Преподобный отецъ строитель! Мысль, которую я вчера имѣлъ, но не успѣлъ сказать, сего дня, предваривъ меня, сказалъ мнѣ другой: и сіе внезапное согласіе сдѣлалось

свидѣтельствомъ того, что она пришла не даромъ. Сія мысль есть надежда, что, при помощи Божіей, благоугодно Богу и Преподобному Сергію можете вы послужить въ его Лаврѣ, гдѣ упразднилось мѣсто намѣстника мирнымъ представленіемъ благія памяти брата и сослужителя нашего архимандрита Аѳанасія. Призвавъ Бога, и взыскупя Его воли, а не моей, приглашаю васъ въ служеніе сіе. Да будетъ вамъ къ принятію сего званія благимъ побужденіемъ то, что это не ваша воля, и что я васъ призываю, какъ послушникъ преподобнаго Сергія, который о вашемъ ему чрезъ меня послушаніи будетъ благій предъ Богомъ о васъ свидѣтель и за васъ предстатель. Призываю отъ Господа благословеніе вамъ, и сему начинанію споспѣшеніе. Филаретъ М. Московскій. Февраля 26. 1831.

II.

Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ Антоній! Исполнилось двадцать пять лѣтъ вашего служенія въ Святотроицкой Сергіевой Лаврѣ, въ званіи намѣстника настоятеля, въ непрерывномъ подвигѣ, объемлющемъ большую часть обязанностей настоятеля, отвлекаемаго другими обязанностями.

Знавъ васъ только по случайной встрѣчѣ, я получилъ желаніе избрать васъ въ сіе служеніе въ такихъ обстоятельствахъ, когда дѣло сіе требовало скорости, а вы находились вдали въ вѣдомствѣ другаго начальства. Сомнѣніе о успѣхѣхъ предпріятія не остановило моей рѣшимости. Я предалъ сіе дѣло покровительству преподобнаго Сергія, въ упованіи, что Онъ устроитъ оное, если оно ему благоугодно. Тогда устраненіе предвидѣнныхъ препятствій и, скорое совершеніе дѣла показало, что преподобный Сергій благословилъ ваше избраніе: теперь двадцатипятилѣтній опытъ показываетъ, что преподобный Сергій благословилъ Ваше служеніе.

Въ продолженіе вашего служенія братство Лавры умножилось, чему причину съ утѣшеніемъ полагаю въ назидательномъ руководствѣ; благоустройство церковное и духовное возвысилось, а также и хозяйственное благосостояніе Лавры; учреждены двѣ больницы, начальное училище, училище иконописанія, угощеніе странныхъ; основанъ общежительный Геосиманскій скитъ, который, по благодати Божіей, возрастаетъ съ благою надеждою.

Ваша награда въ Господѣ. Ваше утѣшеніе въ благоволеніи преподобнаго Сергія. Изъявляя вамъ искреннюю къ вамъ благодарность моей мѣрности, не думаю умножить утѣшеніе ваше, но исполняю требованіе моего сердца. Молю преподобнаго Сергія, да благословитъ васъ продолжить полезное служеніе ваше въ обители его, и еще понести мою тяготу, на моемъ приближающемся къ своему предѣлу поприщѣ.

Желаю, чтобы сіе прочитано было въ Трапезѣ предъ братією Лавры, а также и въ Виоаніи и въ скитѣ. Филаретъ М. Московскій. Въ Москвѣ. Марта 11. 1856.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

НОВОЕ ЧЕТВЕРТОЕ ИЗЯЩНОЕ ИЗДАНИЕ:

КІЕВЪ,

его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія необходимыя для его почитателей и путешественниковъ.

Сочиненіе Н. М. Семеновскаго.

Книга украшена 55 политипажами, собственно для этого изданія гравированными за границую, съ фотографій и планами пещеръ и планомъ г. Кіева.

Политипажи изображаютъ: Крещатинскій памятникъ, Памятникъ св. Владимира. Десятинная церковь. Гривна Ярослава. Древняя золотая серьга. Другая серьга. Злато-верхо-михайловскій монастырь. Сѣвъ и гробница, въ коей почиваютъ мощи Велико-мученицы Варвары. Церковь Андрея Первозваннаго. Софійскій соборъ. Гробница В. К. Ярослава. Мозаика Софійскаго собора 1035 г. Богоматерь на нерушимой стѣнѣ. Прядущая Богоматерь. Архангелъ Гавриилъ. Фрески: Богоматерь у кладезя. Св. Николая. Пр. Іона. Пр. Меркурій, воинъ. Пр. Даміянъ, столпникъ. Пр. Стефанъ, діаконъ. Пр. Палагея. Пораженіе медвѣдя. Пораженіе вепря. Пораженіе чудовища. Человѣкъ, несущій часть вепря. Музыканты плясуны и кудесники. Тигръ, поражающій змія чудовища. Соколъ, нападающій на зайца. Лось съ отрубленной ногой. Скрипачъ. Иривинскій памятникъ. Развалина златыхъ вратъ. Аскольдова могила. Самая древняя церковь въ Кіевѣ и Россіи— Спасъ на Берестовѣ. Дальнія пещеры. Ближнія пещеры. Внутренность пещеръ: Гробница пр. Антонія. Гробъ пр. Нестора лѣтописца. Пр. Іоаннъ многострадальнѣй. Крестъ XI вѣка Марка гробокопателя. Пещерная трапева св. отцовъ. Внутренность пещеры XI вѣка, открытой въ 1853 г. Гробъ Ивана пещерника. Великая церковь лавры. Чудотворная икона Успѣнія Богоматери (первая святыня кіево-печерской Лавры). Святыя врата Лавры и Троицкая церковь. Видъ Лавры и ея колокольни. Домъ митрополита и лаврская гостинница. Выдобицкій монастырь. Виды

Подол: Церковь Успенія. Контрактный домъ. Братскій монастырь и Духовная Академія. Гостинный дворъ. Дума. Цер. Николая Добраго. Цер. Покрова Богородицы. Флоровскій монастырь и церковь Казанской Богоматери. Замковая гора (Киселевка). Олегова могила или Щекавица. Цѣнной мостъ.

Въ этомъ сочиненіи особенно подробно описаны кievскія пещеры, съ жизнеописаніемъ почивающихъ въ нихъ угодниковъ, вся вообще святыня и древности Кіева, и сообщены всѣ нужныя и замѣчательныя свѣдѣнія для поклонниковъ и путешественниковъ.

Книга напечатана въ большую 8 долю листа, убористымъ новымъ шрифтомъ и заключаетъ болѣе 20 листовъ.

Цѣна за экземпляръ 2 р. въ шагреневомъ переплетѣ 2 р. 50 к. за пересылку прилагается 25 к. Книгопродавцамъ уступка 20 проц.

Съ требованіемъ обращаться въ Кіевъ, въ Контору типографіи Сементовскаго.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

АПРѢЛЬ.

1871.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА СЪ БЕРЕГОВЪ ВОЛГИ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Нижній-Новгородъ.—Крестовоздвиженскій женскій монастырь.—Строгановская церковь.—Ярмарочный соборъ.—Путь отъ Нижняго до Казани.—Керженскіе лѣса.—Село Лысково.—Города Макарьевъ, Василь, Козмодемьянскъ и Чебоксары.

Давно уже хотѣлось мнѣ видѣть Крестовоздвиженскій монастырь. По слухамъ и разговорамъ объ немъ, мнѣ казалось, что увижу одну изъ тѣхъ обителей, гдѣ отрeksiяся отъ міра сестры совершенно отрѣшились отъ мелкихъ заботъ житейскихъ, содержать сами себя и другъ друга своими трудами и вмѣстѣ пользуются всѣмъ, что имѣютъ; увижу такую общину, гдѣ нѣтъ ни богатства, ни нищеты, нѣтъ ни знатности, ни униженія. И дѣйствительно я увидѣлъ то, что надѣялся видѣть.

Исторія обители довольно многосложна. Въ Нижнемъ-Новгородѣ было нѣкогда три женскихъ монастыря: Зачатейскій, Воскресенскій и Происхожденскій. Первый изъ нихъ, основанный въ XIV вѣкѣ супругою в. кн. Нижегородскаго Андрея Константиновича, Анастасією (въ схимѣ прав. Θεодорою), долго находился въ цвѣтущемъ состояніи. Въ 1621 году въ немъ была деревянная церковь Покрова Пресвятыя Богородицы съ предѣломъ Михаила Малеина. По тогдашнему времени эта церковь, послѣ соборовъ, считалась самою богатою изъ всѣхъ церквей города: въ ней было много образовъ, украшенныхъ серебряными золочеными ризами, окладами, цатами; Евангелія съ серебряными золочеными изображеніями Евангелистовъ; напрестольные кресты обложенные серебромъ и осыпанные дорогими камнями и жемчугомъ, и много богатой утвари. Въ XVIII вѣ-

къ монастырь дважды выгорѣлъ; при послѣднемъ пожарѣ 1748 года даже церковь его сдѣлалась неспособною къ возобновленію.

Съ той поры Зачатейскій монастырь обдѣлѣлъ; монахи-ни его, числомъ около семидесяти, не имѣли надлежащаго пристанища и питались однимъ подаяніемъ; наконецъ, по распоряженію епископа нижегородскаго Димитрія Съчелова, имъ дана была земля около Происхожденскаго монастыря и Георгіевской церкви, гдѣ они построили кельи и обвели ихъ оградой. Съ того времени монастырь Зачатейскій сталъ называться Георгіевскимъ, по церкви св. Георгія, въ которую переданы были всѣ иконы и все имущество Зачатейской церкви. Наконецъ, въ 1764 году, при образованіи штатовъ, по распоряженію епископа Феофана, Зачатейскій монастырь, существовавшій около 400 лѣтъ, былъ причисленъ къ Происхожденскому, устроенному казною царя Михаила Феодоровича, и находившемуся, по народному преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, куда въ 1611 году были снесены Нижегородцами всѣ пожертвованія, сдѣланныя ими по воззванію Минина, и гдѣ было совершено, архимандритомъ нижегородскаго печерскаго монастыря Феоодосіемъ, торжественное молебствіе о ниспосланіи успѣховъ православнымъ воинамъ, ополчившимся за вѣру и отечество. Въ этотъ же Происхожденскій монастырь (наименованный въ послѣдствіи Крестовоздвиженскимъ) были переведены въ 1723 году семь монахинь упраздненной въ то время Воскресенской обители, бывшей внутри Кремля.

Несмотря на то, что монастырь, устроившійся такимъ образомъ, совмѣщалъ въ себѣ три штата, имѣлъ луга, лавки и ругу, онъ былъ весьма скуденъ и неустроенъ. Въ 1807 году игуменія Дороея Новикова (урожденная Мартынова) учредила въ Крестовоздвиженской обители общежитіе, въ память того общежительнаго благоустройства, которое прежде существовало въ Зачатейскомъ монастырѣ, по завѣту блаженной его основательницы. По волѣ императора Александра I штатъ обители сравненъ, во уваженіе строго соблюдаемыхъ правилъ общежитія, съ второклассными монастырями; въ ней положено быть настоятельница, казначей и 30 сестрамъ. Съ того времени число сестеръ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ начало увеличиваться; церковь и вся обитель оказались уже тѣсными; къ тому жъ въ 1809 году часть монастырскихъ зданій и самая церковь, снаружи, пострадали отъ пожара, перекинутаго изъ Кремля. Настоятельница предположила со-

орудить новый храмъ, обновить и распространить обитель; почему, получивъ разрѣшеніе отъ епархіальнаго начальства, отправилась въ Москву и Петербургъ для испрашивания пособій отъ добродѣтельныхъ дателей. Въ С.-Петербургѣ, по ходатайству св. Синода, она имѣла счастье получить въ пособіе, на устройство монастыря, изъ кабинета Государя Императора 12,000 руб., а за учрежденіе общезжитія и ревностное о томъ попеченіе награждена, 23 іюня 1811 года, золотымъ наперснымъ крестомъ.

По возвращеніи изъ Петербурга, въ концѣ того же года, игуменья Дороея начала заботиться о построеніи новаго храма и о возобновленіи всей обители; но по строгому разсмотрѣніи оказалось, что гора, на которой были расположены монастырскія зданія, имѣла слабый грунтъ и ежегодно осыпалась; въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, оторвалась отъ материка на 2½ аршина, и угрожала опасностью не только предполагаемому храму, но и старымъ монастырскимъ строеніямъ; нужно было бы сначала укрѣпить самую гору, а эта работа, по соображеніямъ, требовала огромныхъ суммъ. Между тѣмъ обитель вообще была тѣсна, по множеству вновь поступающихъ, и самое положеніе ея было неудобно для мирной обители инокинь: съ одной стороны шумъ городской, съ другой—во время навигаціи, шумъ судоходный, нарушали тишину монастыря. Всѣ эти обстоятельства побудили игуменью Дороею перенести монастырь на другое, болѣе удобное и болѣе тихое мѣсто. Генваря 8-го 1812 года она обратилась съ прошеніемъ къ управлявшему тогда нижегородскою епархіей епископу Моисею, чтобы позволено было ей избрать для построенія обители другое мѣсто не вдалекѣ отъ города. Достойный архипастырь вполнѣ одобрилъ желаніе настоятельницы Крестовоздвиженскаго монастыря и самъ указалъ ей на Казанское кладбище, о которомъ онъ еще при самомъ вѣздѣ своемъ въ Нижній-Новгородъ сказалъ: вотъ прекрасное мѣсто для обители! Земля избранная подъ построеніе новыхъ монастырскихъ зданій принадлежала городу, но граждане съ удовольствіемъ уступили ее подъ храмъ Божій и мирную обитель инокинь, съ тѣмъ однакожь, чтобы на Казанскомъ кладбищѣ дозволено было погребать всѣхъ безъ исключенія, жителей города. Въ томъ же году 20 апрѣля св. Синодъ разрѣшилъ перенести монастырь на новое мѣсто, а слѣдующей весной положено основаніе обители. Къ осени 1814 года были возведены наружныя стѣны монастыря и внутри ихъ колокольня съ св. воротами и

двумя палатками, восемь корпусовъ и заложенъ фундаментъ соборной церкви, а внѣ монастыря устроена гостинница.

На все это строеніе употреблено было до 70,000 руб. Тутъ поступили 12000 руб. пожалованные изъ кабинета, 48,000 р. пожертвованные разными лицами (въ числѣ жертвователей много было иногородныхъ, особенно московскихъ, имѣвшихъ прибѣжище въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1812 году) и 10,000 р. пожертвованные архимандритомъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря Израилемъ, который былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ игуменьи Дороеи при устройствѣ новыхъ зданій обители. Въ 1815 году, по Высочайшему соизволенію, старыя монастырскія зданія были взяты въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія съ выдачею игуменѣ Дороеѣ 20,000 руб. Эти деньги и пожертвованія, послѣдовавшія въ 1815 году, игуменья употребила на окончательную отдѣлку корпусовъ, устройство больничной церкви и возведеніе соборнаго храма. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1815 года игуменья и сестры оставили старую обитель и поселились въ новой, гдѣ 6 ноября епископъ Моисей освятилъ больничную церковь, въ честь Богоматери всѣхъ Скорбящихъ Радости, устроенную въ одномъ изъ корпусовъ монастырскихъ. Дальнѣйшее устройство монастыря продолжалось до 1823 года. Въ этомъ году 17 августа былъ освященъ соборный Крестовоздвиженскій храмъ тѣмъ же епископомъ Моисеемъ.

Всѣ постройки монастыря, по 1823 г., стоили до 200,000 руб. асс.; изъ нихъ 158,000 руб. собраны трудами и усердіемъ игуменьи Дороеи, которая устройвъ, какъ позволили ей средства, обширную обитель, основала въ ней больницу для бѣдныхъ женскаго пола, больныхъ и престарѣлыхъ всякаго званія, не имѣющихъ родства и всѣми оставленныхъ.

Игуменья Дороея была для своей обители такимъ же орудіемъ Божиимъ, какъ незабвенная игуменья Маврикія для обители Горлицкой. Возникшее при ней общежитіе, помѣщенное ею въ новыхъ прекрасныхъ зданіяхъ, развилось и принесло благіе плоды добродѣтелей иноческихъ. Послѣ 30-лѣтняго настоятельства, приснопамятная старица преставилась, на 79, году 22 февраля 1832 года, и погребена въ царскихъ вратахъ нижней Богородицкой церкви, подъ олтаремъ воздвигнутаго ею великолѣпнаго Воздвиженскаго собора. Двѣ ея преемницы, изъ сестеръ той же обители, игуменьи Вѣра и Асенева, дѣятельно занимались дальнѣйшимъ устройствомъ монастыря и поддерживали въ немъ духъ общежитія.

Теперь Крестовоздвиженскій монастырь принадлежит къ числу наиболѣе замѣчательныхъ: едва ли много найдется подобныхъ ему на лицѣ земли Русской. Въ центрѣ обширнаго монастырскаго двора возвышается прекрасный и огромный соборный храмъ съ пятью широкими куполами. Вокругъ его расположены восемь каменныхъ двухъ-ярусныхъ корпусовъ, въ которыхъ, кромѣ келлій настоятельницы, помѣщается обширная трапеза, рукодѣльные палаты, больница съ церковью и училище, въ которомъ сироты-дѣвцы духовнаго званія обучаются закону Божию, чтенію, чистописанію, ариметикѣ, грамматикѣ и рукодѣліямъ, какъ-то: золотошвенію, уборкѣ иконъ фольгою, шитью платья, бѣлья и обуви. Всѣхъ сестеръ въ обители 180, въ томъ числѣ: схимонахинь одна, монахинь 30 и бѣлицъ; хоръ состоитъ изъ 40 сестеръ (монахинь и бѣлицъ); рукодѣльемъ занимаются до 55 сестеръ. Главное рукодѣлье ихъ составляютъ: золотошвейныя работы, какъ-то: вышиваніе священническихъ облаченій, ризъ на иконы, одежду на престолы, воздуховъ, плащаницъ и проч.; низанье жемчугомъ, уборка иконъ фольгой, шитье церковныхъ облаченій; но особенно замѣчательно золотошвеніе. Плащаницы здѣшней работы сестеръ и другія вещи этого рода можно встрѣтить въ Архангельскѣ, Астрахани, Сибири, Закавказьѣ и другихъ мѣстахъ Россіи.

Къ монастырю прилегаютъ Казанское кладбище съ церковью. Много здѣсь богатыхъ памятниковъ надъ прахомъ людей знатныхъ и богатыхъ, но я съ особеннымъ уваженіемъ поклонился могиламъ протоіерея Андрея и послушницы Ирины. Позвольте мнѣ, многоуважаемый В. П., сказать вамъ нѣсколько словъ объ этихъ двухъ, достойныхъ памяти, лицахъ.

О. протоіерей Андрей Петровичъ Ключевскій много содѣйствовалъ игуменъ Дорошеѣ при устройствѣ монастыря на новомъ мѣстѣ. Онъ долго священствовалъ, сначала въ селѣ Ключищахъ (Княгининскаго уѣзда), а потомъ въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, при которомъ и скончался 26 февраля 1845 года. О. Андрей, при чистотѣ своей жизни и глубококомъ, христіанскомъ смиреніи, имѣлъ особый даръ утѣшать въ несчастіи и наставлять въ правилахъ благочестія, почему и пользовался искреннимъ уваженіемъ не только Нижегородцевъ и подгородныхъ жителей, но и жителей самыхъ дальнихъ мѣстъ Нижегородской губерніи: къ нему многіе издалека пріѣзжали за совѣтами. Онъ ока-

залъ также большія услуги епархіальному начальству по обращенію раскольниковъ.

Дѣвица Ирина Андреевна Гулимова замѣчательна по необыкновенному знаменію милосердія Божія, совершившемуся надъ нею и описанному въ Христ. Чтеніи 1821 года. Послѣ многихъ, продолжительныхъ болѣзней она наконецъ лишилась зрѣнія, слуха, языка и ногъ. Въ такомъ увѣчномъ состояніи находились она три года и семь мѣсяцевъ, такъ что и съ помощію другихъ едва могла приподниматься, чтобы сѣсть на постель, прислонясь къ стѣнѣ; а сидѣть на постели просто и сходить съ оной совсѣмъ не могла. Когда нужно было, ее носили на рукахъ; пищу брала она изъ постороннихъ рукъ оцупью; а въ случаѣ какой-либо просьбы она давала знаки, стуча рукою и мыча ртомъ. Въ ночь на самый день свѣтлаго Воскресенія Христова (12 апрѣля 1821 года) лежала она на томъ же болѣзненномъ одрѣ съ матерью, которая при старости своей служила ей въ болѣзни, безъ всякой надежды ея выздоровленія. Но вдругъ страдальца почувствовала легкость въ ногахъ, облегченіе въ головѣ, свѣтъ въ глазахъ, свободу въ языкѣ и способность слышать. Въ неизреченной радости она встала съ постели сама по себѣ и пошла въ ближнюю горницу; тамъ первый попавшійся ей предметъ было зеркало, въ которомъ увидѣвъ себя, она сказала: „ахъ! какъ я худа,—совершенно мертвая“. Мать ея, увидя, что она ходитъ и говоритъ, отъ недоумѣнія едва могла сдѣлать ей нѣсколько первыхъ вопросовъ, при чемъ исцѣлившая рассказала: за нѣсколько дней до праздника свѣтлаго Воскресенія Христова, было ей во снѣ видѣніе. Видѣла она себя въ храмѣ, красота котораго превышаетъ всякое описаніе, и въ немъ нѣкоего мужа, читающаго книгу, украшенную золотомъ. Мужъ сей, думаетъ она, былъ Іоаннъ Креститель; ибо лице его весьма похоже на образъ Іоанна Крестителя, находившійся въ ея комнатѣ. Мужъ сей благословилъ ее и послалъ къ другому, тутъ же находившемуся Мужу въ архіерейскомъ облаченіи чрезвычайнаго величія и красоты. Въ десницѣ Его былъ крестъ. Дивный святитель повелѣлъ ей приблизиться къ Себѣ, но она въ трепетѣ отъ величія Его не могла ступить съ мѣста. Онъ вторично повелѣлъ ей, и она, со страхомъ приближась къ Нему, пала къ стопамъ Его. Въ сіе время увидѣла она на ногахъ Его по глубокой ранѣ; а послѣ увидѣла, что таковыя же раны были и на рукахъ Его. Онъ благословилъ ее крестомъ, былъ который въ десницѣ Его, и, давъ облобызать ей

крестъ, приклонился къ ея уху и сказалъ: „страданія твои кончились; въ день Воскресенія Моего ты будешь здорова.“ Послѣ сего видѣнія, она видѣла еще другое: за нѣсколько часовъ до ея выздоровленія, явилась ей во снѣ прекрасная дѣвица, которая привѣтствовала ее съ праздникомъ Воскресенія Христова обыкновеннымъ выраженіемъ: Христосъ воскресъ! и сдѣлалась невидимою. Проснувшись послѣ сего послѣдняго видѣнія, она почувствовала въ себѣ то исцѣленіе, которымъ пользовалась до конца своей жизни. Хотя отъ бывшей продолжительной болѣзни примѣтна была въ ней слабость, но зрѣніе было чисто, какъ необыкновенный даръ Божій, и хожденіе твердо. На другой день Свѣтлаго Воскресенія ходила она, безъ посторонней помощи, въ соборную Архангельскую церковь слушать обѣдню и служила молебень въ благодареніе Господу Богу, воздвигшему ее отъ одра болѣзни. Вскорѣ по исцѣленіи дѣвица Гулимова вступила въ нижегородскій Крестовоздвиженскій дѣвичій монастырь. Здѣсь она вела примѣрную жизнь. Кротость, беззлобіе, послушаніе, были ея украшеніемъ и неизмѣнными свойствами. Кромѣ бѣдной одежды, своего ничего не имѣла. Не рѣдко вспоминала она о томъ дивномъ явленіи, какое предшествовало ея исцѣленію въ 1821 году, и при этомъ всегда приходила въ необыкновенную восторженность. Иногда взирая на небо, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія, говорила: „вотъ Богъ мой!“ Раба Божія скончалась мирно 13 іюля 1827 года.

Послѣ тихаго безмолвія обители Крестовоздвиженской, странно было мнѣ очутиться посреди шума и суеты всемирной Нижегородской ярмарки. Тамъ гремѣла музыка, раздавались народныя пѣсни; во всѣхъ окнахъ временныхъ жилищъ суеты горѣли огни; разноцвѣтные фонари освѣщали вывѣски балагановъ, куда стремился разноплеменный народъ, для развлеченія отъ торговыхъ заботъ утомительнаго и частью неудачнаго дня. Это собственно кварталъ Татарскій; здѣсь наиболѣе встрѣчаются восточныя, характеристическія лица, въ бѣлыхъ балахонахъ и шапкахъ, какъ тѣни скользящія между рядовъ; но тутъ можно встрѣтить и всѣ прочія племена, потому что къ вечеру эта часть ярмарки, по своимъ балаганамъ и гостинницамъ, дѣлается сходбищемъ всѣхъ ея посѣтителей и торговцевъ: картина пестрая, фантастическая! Въ гостинныхъ рядахъ, правильно расположенныхъ вокругъ губернаторскаго дома, цѣлыя магазины наполнены драгоценностями, которыя охотно раскупаетъ Сибирь—наше золотое дно; напротивъ нѣ-

сколько лавокъ фарфоровыхъ издѣлій, спорящихъ съ китайскими въ прочности и красотѣ. Армяне и Грузины отчасти занимаютъ собственно китайскіе ряды, около собора, такъ названные по стариннымъ украшеніямъ ихъ крыши; но богатѣйшіе Азіятцы тѣснятся въ галлерейхъ подъ губернаторскимъ домомъ.

Здѣсь не мѣсто исчислять разнородные предметы, которые привлекаютъ до 200,000 народа въ этотъ „внутренній портъ“ Россіи, какъ назвалъ ярмарку прозорливый Петръ I, и куда привозится товаровъ изъ Европы, Азіи и дальняго Китая на 50,000,000 рублей серебр. Для меня, невѣжественнаго въ дѣлахъ торговыхъ, всего поразительнѣе были два предмета, потому что болѣе другихъ бросались они въ глаза своею громадностію, и дѣйствительно въ нихъ заключается главная торговля Нижегородской ярмарки. На одномъ ея краю, на островѣ образуемомъ рукавомъ Оки, вся масса желѣза сибирскаго; грудями лежитъ оно какъ будто всѣ тайныя сокровища земли внезапно исторглись изъ ея нѣдръ; тутъ на тѣсномъ пространствѣ собрано до 4,000,000 пудъ одного желѣза, не считая мѣди, Демидовыхъ, Строгановыхъ и другихъ колоссальныхъ владѣльцевъ. Совершенно на другой оконечности ярмарки, пройдя конскіе табуны, которые пасутся въ полѣ около торжища, миновавъ груды шерсти и кожъ, навезенныхъ Бухарцами для сбыта во всю Россію, вы достигаете до отдѣльнаго Китайскаго городка, на берегу Волги, составленнаго изъ однихъ цибиковъ чая. До 30,000 такихъ огромныхъ цибиковъ, обитыхъ рогожею, стоятъ въ нѣсколько рядовъ на деревянныхъ накатахъ, и московскіе купцы приходятъ скупать ихъ, такъ какъ они стоятъ цѣлыми рядами, хотя это отзывается сотнями тысячъ нашимъ столичнымъ миллионщикамъ.

Посреди обширной площади возвышается ярмарочный соборъ, построенный по проекту Монферрана. Архитектура его проста: пять его куполовъ легки; колонны и всѣ наружныя украшенія принадлежатъ къ коринтскому ордену. Въ немъ три престола: главный—въ честь Происхожденія Честныхъ Древь, правый — во имя преп. Макарія Желтоводскаго, а лѣвый — во имя св. Александра Невскаго. Иконостасъ главнаго олтара устроенъ въ С.-Петербургѣ, по проекту архитектора Козмина и поставленъ въ 1847 году. Онъ весь вызолоченъ червоннымъ золотомъ; иконы работы Скотти. Стѣны, столпы, поддерживающіе куполь и самый куполь украшены изящной лѣпной работой и живописными

изображеніями, представляющими разныя событія евангельскія и лики святыхъ. Въ соборѣ множество богатоукрашенныхъ иконъ, пожертвованныхъ купечествомъ разныхъ городовъ Россіи; ризница и прочія утвари, пожертвованныя ярмарочнымъ купечествомъ, отличаются богатствомъ и вкусомъ. Но самое замѣчательное въ этомъ храмѣ есть великолѣпная серебряная одежда на главномъ престолѣ работы Сазикова.

Для меня наступило время разстаться съ Нижнимъ Новгородомъ. Уже при самомъ выѣздѣ я успѣлъ заѣхать въ церковь Собора Богородицы, болѣе извѣстную подъ именемъ Строгановской.

Этотъ храмъ, еще издали поражающій всякаго своею необыкновенною красотою, принадлежитъ къ числу рѣдкостей прошлаго вѣка. Изъ надписи храмоустроеннаго креста, хранящагося въ церкви, видно, что она первоначально освящена въ 1719 году 21 іюня во имя Собора Пресвятыя Богородицы преосвященнымъ Питиримомъ. Здателемъ храма былъ именитый человекъ Григорій Дмитріевичъ Строгановъ, извѣстный своимъ богатствомъ и патріотическими пожертвованіями во времена Петра Великаго, отчего и церковь, построенная имъ, называлась и доселѣ называется Строгановскою. Долго была она почти безприходною; къ ней принадлежали только сами Строгановы, съ своею многолюдною прислугой. Скучное содержаніе храма и причта было восполняемо ихъ щедротами. Несмотря на многія перемѣны, Рождественская церковь и нынѣ обращаетъ на себя вниманіе красивою наружностію. Она построена на скатѣ довольно высокой горы, саженьяхъ въ 50 отъ берега рѣки Оки, при впаденіи ея въ Волгу. Двухъ-аршинная толщина стѣнъ и огромныя желѣзныя связи свидѣтельствуютъ о прочности старинной кладки. Съ подгорной стороны церкви подкрѣплена каменнымъ, довольно высокимъ контрфорсомъ, а вокругъ обнесена деревяннымъ баллюстрадомъ. Съ западной стороны церкви устроена красивая деревянная лѣстница, ведущая изъ подъ горы къ церковной паперти. Зданіе храма двухъ-этажное; но церковь собственно находится въ одномъ верхнемъ ярусѣ; а въ нижнемъ, вѣроятно, предполагалось устроить теплую церковь; но предположеніе осталось безъ исполненія. Снаружи и церковь и колокольня раскрашены разноцвѣтными яркими красками. Множество рѣзныхъ изъ бѣлаго камня колоннъ и пилястровъ съ капителями также рѣзными составляютъ внѣшнюю красоту храма, которую довершаютъ разнообраз-

разныя фигуры, прекрасно вырѣзанныя изъ камня и размѣщенныя по стѣнамъ церкви, особенно около оконъ. На куполѣ храма возвышаются пять весьма красивыхъ главъ съ большими желѣзными крестами; средняя большая глава и всѣ кресты украшены множествомъ разнообразныхъ звѣздъ, которыя были вызолочены, а теперь выкрашены желтой краской; надъ олтаремъ поставлена особая глава съ крестомъ. Къ храму прилегаютъ колокольня съ главою и крестомъ. По архитектурѣ своей, Строгановская церковь имѣетъ сходство съ Московскою церковью Успенія на Покровкѣ, и можно думать, что она служила образцемъ знаменитому зодчему Екатерининскаго времени Божанову, когда онъ строилъ Успенскую церковь.

Внутреннее благолѣпіе храма соотвѣтствуетъ внѣшней красотѣ его. Иконостасъ четырехъ-ярусной, почти весь покрытъ старинною рѣзбою и съ перваго взгляда кажется весь рѣзнымъ. Съ особеннымъ искусствомъ вырѣзаны колонны и каинтели, украшающія иконостасъ. Въ 1848 г. исправленный и весь вновь вызолоченный, онъ теперь составляетъ благолѣпное украшеніе храма. Иконы въ иконостасѣ всѣ почти такъ называемаго „Строгановскаго пошиба“. Только въ первомъ ярусѣ иконостаса иконы другаго письма, но также старинныя. Стѣны какъ въ олтарѣ, такъ и въ церкви, снизу до самаго верха, покрыты разноцвѣтнымъ искусственнымъ мраморомъ и въ приличныхъ мѣстахъ украшены разными священными изображеніями, писанными по штукатуркѣ и окруженными рѣзбою изъ бѣлаго камня.

Особенно замѣчательны двѣ мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери, превосходнаго Фрижскаго письма, поставленныя по обѣимъ сторонамъ царскихъ вратъ. Эти иконы, по устному преданію, писаны при Петрѣ Великомъ придворнымъ его живописцемъ Каравакомъ, по заказу самого государя, для Троицкаго собора въ Петербургѣ. Говорятъ, что Григорій Дмитріевичъ Строгановъ, усердно заботившійся объ украшеніи новоустроенной имъ церкви, увидѣвъ ихъ въ мастерской художника, когда Петръ былъ за границей, купилъ ихъ дорогою цѣной, упросивъ Каравака написать для государя другія. Такимъ образомъ заказанныя Петромъ Великимъ иконы поступили въ Нижегородскую церковь.

Въ 1722 году императоръ Петръ I, отправившись на Кавказъ къ экспедиціи, назначенной противъ Персіи, на пути своемъ остановился въ Нижнемъ Новгородѣ, и именно въ домѣ Строганова, находившемся тогда въ самомъ

близкомъ разстояніи отъ церкви. 29 мая наканунѣ дня своего рожденія, государь, слушая всенощное бдѣніе въ Строгановской церкви, тотчасъ замѣтилъ и узналъ превосходныя иконы, писанныя по его заказу Каравакомъ. Не имѣя времени разсмотрѣть это дѣло въ подробности, онъ повелѣлъ запечатать церковь, надѣясь въ послѣдствіи самъ уличить Строганова въ подлогъ. Съ того времени церковь дѣйствительно была запечатана до 1726 года и открыта уже въ царствованіе Екатерины I. Таково преданіе, сохранившееся между Нижегородцами, но документы, открытыя въ недавнее время, объясняютъ дѣло иначе: Петръ запечаталъ церковь потому, что подъ нею, въ пустой палатѣ, съ вѣдома причта, собиралось и отправляло свои обряды скопище хлыстовъ.

Прямо изъ Строгановской церкви я отправился на пароходъ и пустился внизъ по Волгѣ—въ Казань. На этомъ пути представлялось мнѣ не мало предметовъ, достойныхъ вниманія.

Въ 60 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода впадаетъ въ Волгу р. Керженецъ, которая беретъ начало изъ Варнавинскаго уѣзда Костромской губерніи и протекаетъ около 200 верстъ. На всемъ почти протяженіи рѣки, широко и далеко раскинулись по обоимъ берегамъ ея дремучіе лѣса. Они служатъ приютомъ разныхъ звѣрей и дичи; здѣсь водятся олени, лоси, медвѣди, куницы, волки. Керженецъ приобрѣлъ громкую извѣстность по пристанищамъ раскольниковъ въ темной глуши дремучихъ лѣсовъ его, по распространенію раскола въ здѣшнихъ мѣстахъ и по основанію раскольниковыхъ скитовъ. Въ прежнія времена въ керженскомъ околдкѣ считалось скитовъ до полсотни. Самые извѣстные были женскіе. Больше всѣхъ пользовались извѣстностью, по многолюдству своему, скиты Оленевскій и Комаровскій, изъ которыхъ въ каждомъ жило женщинъ болѣе 600.

По словамъ достовѣрнаго писателя, протоіерея Андрея Іоаннова, „Нижегородская область болшею частію была заражена разными раскольниковыми согласіями, грады и уѣзды въ раздорахъ сихъ погрязли; чернецы и монахини всякаго званія и возраста цѣлыми полками странствовали тамъ. Попы бѣглые столь безчеловѣчны, что своими руками заключенныхъ въ избахъ людей сожигали. Простые монахи, старицы и дѣвки священная дѣйствуютъ и всѣмъ духовенствомъ управляютъ. Толпы дѣвицъ и разорвавшихъ супружество женъ въ вѣчномъ безбрачій постыдно скитаются.

Помраченіе, невѣжество и заблужденіе человѣческаго ума, кажется, никогда до толикаго степени не восходило, до какого оно здѣсь достигло⁴. Здѣсь, на этой обширной нивѣ, густо заросшей плевелами, 30 лѣтъ (съ 1707 по 1738 годъ) неуспѣшно трудился Питиримъ, прежде іеромонахъ, а въ послѣдствіи архіепископъ Нижегородскій, и Господь благословилъ труды его: многія тысячи заблудшихъ чадъ возвращены имъ въ лоно православной Церкви. Но и теперь еще весьма силенъ расколъ въ этой мѣстности; жатва ожидаетъ дѣлателей!

Предъ вечеромъ пароходъ нашъ присталъ къ станціи Исады, напротивъ богатаго и знаменитаго села Лыскова, лежащаго въ 80 верстахъ отъ Нижняго, на правомъ высокомъ берегу Волги. Лысково—одно изъ древнѣйшихъ селеній; оно построено на мѣстѣ бывшаго города Сундовита, который былъ разоренъ Татарами въ княженіе Дмитрія Константиновича; въ XVII вѣкѣ оно принадлежало боярину Б. И. Морозову, воспитателю и свояку царя Алексія, а въ недавнее время князю Георгію Александровичу Грузинскому, потомку Грузинскихъ царей старшей династіи, ведущей родъ сей отъ царя-пророка Давида, по свидѣтельству древнѣйшихъ лѣтописей грузинскихъ, греческихъ и армянскихъ.

Покойный князь (отъ котораго Лысково досталось единственной его дочери графинѣ А. Г. Толстой, супругѣ бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода, графа А. П.) скончался въ глубокой старости, оставивъ по себѣ память ревностнаго въ благочестіи и правдѣ старца. Онъ служилъ для поселянъ родоваго своего помѣстья образцемъ усердія къ церкви, не опуская ни одной службы утренней и вечерней, и празднуя торжественно всѣ великіе церковные праздники.

Великолѣпный соборный храмъ и 8 приходскихъ первей с. Лыскова служатъ памятникомъ благочестія покойнаго князя. Много святынь, принесенныхъ въ Россію древними властителями Иверіи, сохраняется въ этихъ храмахъ; особенно много частицъ св. мощей мученическихъ собрано въ „Осонисцхатъ“ или драгоцѣнномъ серебряномъ кивотѣ, осыпанномъ бирюзою, который носили на персяхъ духовники царскіе въ походахъ предъ царями Грузіи.

Между драгоцѣнною святыщею еще хранится персть св. Іоанна Предтечи также въ богатомъ кивотѣ, осыпанномъ бирюзою, и ручка св. Анастасіи Римляныни и часть мощей св. мученика Стефана Новаго. Но главное сокровище

всегда носилъ на себѣ князь: это двѣ большія части животворящаго Креста Господня, сложенные крестообразно, которыя прислалъ нѣкогда великій императоръ Константинъ, чрезъ патріарха Антиохійскаго Евстаѳіа, первому христіанскому царю Грузіи Миріану, когда обратился онъ проповѣдію св. Нины. Крестъ сей вложенъ въ двойной кивотецъ, изъ коихъ внутренней великолѣпно осыпанъ крупными далами, изумрудами, жемчугомъ и бирюзой, съ грузинскою надписью, которую теперь не могутъ разобрать; но вѣроятно эта молитва Животворящему Кресту съ именемъ царя, который его украсилъ. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности сего честнаго древа, потому что со времени крещенія царя Миріана, т.-е. съ 325 года въ теченіе XV столѣтій, онъ переходилъ преемственно отъ царя къ царю, по праву первородства, будучи всегда носимъ на персяхъ, и потому сохранился въ старшей линіи Карталинской, хотя послѣ Вахтанга-Завоевателя, удалившагося въ Россію, младшая линія Кахетинская наслѣдовала царство.

Когда существовала ярмарка еще въ Макарьевѣ и склады товаровъ въ Лысковѣ, князь Г. А. былъ какъ бы природнымъ ея распорядителемъ, посредникомъ, въ случаяхъ несогласія между торгующими; онъ пользовался между ними большимъ вліяніемъ, по чувству невольнаго уваженія къ его неліцепрїятію и правдивости. Бывали случаи весьма замѣчательные, когда однимъ ласковымъ словомъ или угрозою мирилъ онъ давно враждовавшихъ между собою, и обѣ стороны оставались довольны, по скорости и безпристрастію расправы. Одинъ весьма знатный помѣщикъ пожаловался князю, что управляющій, которому онъ далъ отъ себя полную довѣренность, лукаво или необдуманно, запродавъ весь его хлѣбъ, по несходной цѣнѣ, въ однѣ руки, а между тѣмъ цѣны чрезвычайно возвысились, и онъ терпитъ большой убытокъ, а купившій не соглашается ни на какія уступки. Владѣлецъ Лыскова пригласилъ къ себѣ обоихъ, на очную ставку, и сперва обратившись къ именитому своему прїятелю объявилъ ему, что онъ кругомъ виноватъ и очень простъ, довѣривъ такое важное дѣло управителю. Купецъ уже торжествовалъ, но скоро смирилось его самодовольное чувство, когда въ свою очередь обратился къ нему князь и въ порывѣ сильнаго негодованія сказалъ: „прїятель мой только простъ, а ты лукавъ, потому что чувствуешь свою неправду, основанную на его ошибкахъ и хочешь ея воспользоваться; и такъ если

ты сейчасъ же не помирись на предлагаемыхъ тебѣ условіяхъ, то я сгоню тебя съ моей земли со всѣмъ твоимъ хлѣбомъ“; и тотчасъ помирился испуганный купецъ, зная силу воли князя, а между тѣмъ, хотя повидимому и не въ порядкѣ, но въ одну минуту устроилось это дѣло, справедливо и ни для кого не обидно.

Столь же оригиналенъ былъ отзывъ князя Г. А. исполненный признанія лѣтописной славы своего рода, когда потребовали отъ него документовъ о его происхожденіи. Князь послалъ только свое метрическое свидѣтельство съ такимъ краткимъ отзывомъ: „что я сынъ царевича Александра, сына царя Бакара, внука царя Вахтанга, видно изъ сей метрики; выше зри исторію Грузіи; еще выше зри Библию“; и онъ дѣйствительно могъ такъ сказать, потому что весь родъ его предковъ до самаго дѣда царствовалъ и записанъ въ исторіи его родины, и вмѣстѣ съ тѣмъ (если вѣрить древнимъ лѣтописямъ) связанъ съ родомъ царей Іуды, идущихъ отъ Давида, такъ что это единственное родословіе, которое можетъ назвать всѣхъ своихъ членовъ, начиная отъ Адама.

Въ Лысковѣ былъ главный притонъ казаковъ шайки Стеньки Разина. Еще въ началѣ осени 1670 года. Лысковцы, прельщенные письмами одного изъ казацкихъ атамановъ, Максима Осипова, возмутились съ жителями окрестныхъ селъ, и отправили посланцевъ въ Курмышъ съ просьбою къ мятежникамъ принять ихъ подъ свое покровительство. Осиповъ не замедлилъ явиться на ихъ приглашеніе, былъ принятъ съ почестями и грабилъ съ ними окрестности.

По счастливому своему мѣстоположенію, Лысково зимой, когда хлѣбъ привозится на подводахъ, и весной дѣлается мѣстомъ притона многихъ тысячъ народа, занятыхъ хлѣбною торговлею. Отсюда отходитъ ежегодно до 700 судовъ съ товарами, на сумму до 1.800.000 руб.

На три версты ниже Лыскова, на низменномъ лѣвомъ берегу лежитъ уѣздный городъ Макарьевъ, нѣкогда богатый и оживленный бывшею тутъ ярмаркой, а нынѣ унылый и заброшенный. Происхожденіе его тѣсно связано съ жизнію препод. Макарія Желтоводскаго и Унженскаго чудотворца.

Преп. Макарій родился въ 1349 г. и съ 12 лѣтъ удался въ Печерскій Нижегородскій монастырь, въ которомъ постриженъ основателемъ этой обители архимандритомъ Діонисіемъ, въ послѣдствіи святителемъ Суздальскимъ.

Съ отъездомъ св. Діонисія въ Москву, Макарій, желая уединиться въ пустыню, оставилъ Печерскій монастырь и пошелъ по Волгѣ искать удобнаго мѣста; онъ остановился у озера „Желтыя воды“, близъ нынѣшняго г. Макарьева, и основалъ тутъ обитель во имя Пресв. Троицы. Въ 1439 году монастырь былъ разоренъ Татарами, а преп. Макарій уведенъ плѣннымъ въ Казань. Оттуда онъ былъ скорѣй отпущенъ по уваженію хана къ Добродѣтельной его жизни, и съ нимъ отпущено до 400 русскихъ плѣнниковъ, освобожденныхъ по просьбѣ его; но вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ Улу-Махметъ, отпуская старца, запретилъ возстановлять Троицкую обитель. Тогда Макарій, исполнивъ обрядъ надъ своею убиенною братією, основалъ другую обитель въ Костромской области, въ 15 верстахъ отъ Унжи, извѣстную подъ именемъ „Стараго Макарья“, въ которой теперь опочиваютъ его св. мощи, а Желтоводская обитель, спустя 190 лѣтъ послѣ своего запустѣнія, была возобновлена инокомъ Аврааміемъ. Въ 1628 г. монастырю дана патріаршая несудимая грамота, а въ 1641 г. учреждена при немъ ярмарка.

Въ 1670 г. монастырь подвергся нападенію буйной толпы соотечественниковъ, приставшихъ къ мятежнымъ шайкамъ Разина. Лысковцы и Мурашкинцы, предводительствуемые казацкимъ атаманомъ Осиповымъ въ октябрѣ подступили къ стѣнамъ монастырскимъ. Осиповъ, желая склонить настоятеля и братію, отправилъ нѣсколько казаковъ съ письмами, предлагая сдаться по доброй волѣ, и обѣщая въ противномъ случаѣ перебить всѣхъ и не оставить камня на камнѣ. Игуменъ Пахомій, по совѣщаніи съ бывшимъ архіепископомъ Сибирскимъ Симеономъ, жившимъ въ монастырѣ на покой, рѣшился съ братією и нѣсколькими крестьянами, пришедшими изъ сосѣднихъ деревень, защищать монастырь и не сдаваться, а возмутительныя письма отправилъ съ гонцомъ въ Москву къ государю. Тогда мятежники въ числѣ 15,000 переправились 8 октября чрезъ Волгу, обложили монастырь и чрезъ два дня передъ вечеромъ пошли на приступъ. „Видя лютое свирѣпство и неукротимое ополченіе“, монахи, какъ сами рассказываютъ въ грамотѣ патріарху, „дерзнули своими руками малолюдства ради“ защищаться отъ мятежниковъ, и „на сіе дерзнули болѣзнуя о святой обители, и отъ священнаго чина попы и діаконы“. Монастырь на время былъ спасенъ, но совершивъ гражданскій подвигъ мужества, монахи считали себя виновными предъ Церковью, которая запрещаетъ про-

ливать кровь приносящимъ безкровную жертву; потому, не смѣя приступить къ священнодѣйствію, просили патріарха разрѣшить ихъ отъ грѣха. Патріархъ послалъ имъ разрѣшительную грамоту. Между тѣмъ враги не отступали отъ стѣнъ обители; волненіе проникло въ самый монастырь; бывшіе тамъ крестьяне разбѣжались. Игумень и братія, видя близкую опасность, ушли изъ монастыря; остался только архіепископъ Симеонъ, казначей, старецъ Германъ и немногіе изъ братій и служекъ, — „готовіи суще во обители святѣй главы своя положити“ какъ говорить древнее сказаніе. Октября 17 мятежники вошли въ монастырь, разорили его и ограбили; мучили иноковъ, но никого не убили. Въ это время передовой отрядъ царскаго войска, посланнаго для усмиренія бунта, подъ начальствомъ князя Щербатова напалъ на мятежниковъ, осаждавшихъ монастырь и при селѣ Мурашкинѣ разбилъ ихъ на голову. Остатки ихъ бросились къ Лыскову, гдѣ были окончательно уничтожены княземъ Долгоруковымъ.

Въ цвѣтущее состояніе ярмарки, монастырь собиралъ съ нея доходы и пользовался богатствомъ и благосостояніемъ; около него начались поселенія и такимъ образомъ составилъ городъ Макарьевъ. Когда ярмарка была переведена въ Нижній, монастырь и городъ лишились главнаго источника своего богатства, начали упадать и теперь оба носятъ слѣды явнаго разрушенія: въ городѣ много домовъ стоятъ съ прогнившими крышами, безъ оконъ и рамъ, а въ соборной монастырской церкви Живоначальной Троицы средній куполъ провалился (13 апрѣля 1859 г.) и завалилъ всю внутренность храма. Недостатки въ средствахъ видны повсюду. Городская тюрьма и казначейство помѣщаются въ одномъ изъ монастырскихъ олигелей; одна изъ стѣнъ монастырскихъ подмывается водою и башня уже въ половину разрушилась. Въ этомъ мѣстѣ Волга дѣлаетъ крутой оборотъ и потому нѣтъ сомнѣнія, что напоръ воды будетъ постоянно и губельно дѣйствовать на всѣ монастырскія постройки и когда-нибудь смоетъ совершенно и монастырь и городъ и остатки ярмарочныхъ зданій, стоящихъ также въ совершенномъ заустѣвнн.

Ночью проплыли мы мимо уѣздныхъ городовъ: Василя или Василь-Сурска, Козмодемьянска и Чебоксаръ. Первый изъ нихъ принадлежитъ къ Нижегородской губерніи; онъ основанъ в. кн. Московскимъ Василиемъ Ивановичемъ, отцемъ Грознаго Царя, въ 1523 году. Чтобы нанести ударъ казанской торговлѣ, избавить московское купечество отъ

насилія Татаръ и привлечь азійскихъ купцовъ въ Россію, онъ запретилъ нашимъ купцамъ ѣздить торговать въ Казань, повелѣвъ собираться для торга въ г. Василъ; но купечество видя, что возобновленная обитель св. Макарія близъ озера Желтыя Воды привлекаетъ много богомольцевъ, сосредоточило тамъ свою торговлю и Василию осталась на долю торговля внутренняя по Волгѣ и Сурь, при которой онъ остался и въ настоящее время.

Оба послѣдніе—уѣздные города казанскіе. О Чебоксарахъ сохранилось преданіе, что будто бы въ древнія времена тутъ была деревня, въ которой жилъ Чувашенинъ Чавксаръ. Былъ онъ человекъ добрый, любимый и уважаемый сосѣдними жителями, которые за его добродѣтели протекающую черезъ городъ рѣчку прозвали Чебоксаркой, а отъ нее въ послѣдствіи и городъ получилъ свое названіе. Городъ былъ окруженъ укрѣпленіемъ, а жители были поселены изъ разныхъ мѣстъ по повелѣнію царя Іоанна Васильевича, на другой годъ взятія Казани. Въ 1555 году первымъ архіепископомъ казанскимъ и свіязскимъ, св. Гуриемъ, принесенъ сюда образъ Владимірской Богородицы, который и нынѣ находится въ соборной церкви. Въ часовнѣ у воротъ Троицкаго Чебоксарскаго монастыря (построеннаго въ 1566 г.) поставленъ рѣзной образъ Николая Чудотворца, держащаго передъ собою мечъ, а въ лѣвой рукѣ церковь; на главѣ его архіерейская богато украшенная митра; одѣяніе серебряное, кованное и вызолоченное. Къ этому образу имѣющіе между собою ссору Чуваши, Татары, Черемисы и, какъ крещенные такъ и некрещенные приходятъ судиться, и боясь отъ него знаменія, виновные, не приступая къ присягѣ, почти всегда признаются, а чрезъ то правые удовлетворяются.

На развѣтѣ пароходъ нашъ поравнялся съ устьемъ р. Свіаги, на которой стоитъ уѣздный городъ Свіязскъ основанный въ 1551 году царемъ Іоанномъ, которому нужна была точка опоры при предстоящей осадѣ Казани. Едва видѣлись, озаренные первыми лучами восходящаго солнца, кресты и верхи церквей свіязскихъ. Мнѣ хотѣлось поклониться мощамъ святителя Германа, нетлѣнно почивающимъ въ Богородицкомъ монастырѣ, но пароходъ здѣсь не останавливается и городъ въ 7 верстахъ отъ берега Волги. Можетъ быть удастся нарочно съѣздить сюда изъ Казани.

Графъ М. Толстой.

ИЗЪ ЦЕРКОВНО-НАРОДНАГО РУССКАГО МѢСЯЦЕСЛОВА. ПРАЗДНИКЪ ПАСХИ.

Пасха называется праздникомъ праздниковъ, торжествомъ торжествъ; не даромъ поэтому наши предки, съ своей стороны, обставили этотъ праздникъ особенными вѣрованіями и обычаями, которые и доселѣ живутъ въ быту народномъ. Въ русскомъ народѣ изстари первый день Пасхи называется Свѣтлымъ Воскресеніемъ, Великоднемъ и вся свѣтлая седмица извѣстна подъ именемъ святой, великоденской, радостной (а). Въ Златой Чепи (Библиот. Троицк. Лавры) сказано: „Вся та недѣля—одинъ день; ибо когда Христосъ воскресъ, тогда солнце стояло незаходя всю ту недѣлю“ (б). Извѣстно, что противъ этого суевѣрнаго преданія съ особеннымъ обличительнымъ словомъ возставалъ въ свое время преподобн. Максимъ Грекъ, и наши предки дѣйствительно до него не иначе какъ этимъ преданіемъ объясняли себѣ названіе велико-дня (в). Между родственными намъ славянскими нарѣчіями и доселѣ велико-день употребляется въ смыслѣ Воскресенія. Въ древней Руси также, какъ видимъ изъ народныхъ сказаній, было сильно распространено вѣрованіе, что съ перваго дня Пасхи до Вознесенія по землѣ странствуютъ Христосъ и Апостолы въ нищенскихъ рубищахъ и въ видѣ бѣдняковъ. Они испытываютъ людское милосердіе, награждаютъ людей добрыхъ и караютъ злыхъ (г). Вѣрованіе въ странствование по землѣ Иисуса Христа вышло изъ Евангельскихъ сказаній, въ которыхъ именно находимъ частыя упоминанія о явленіи Иисуса Христа послѣ Его воскресенія изъ мертвыхъ своимъ ученикамъ и апостоламъ и еще многимъ изъ своихъ послѣдователей.— Въ указѣ о погребеніи усопшихъ на святую Пасху (въ Третьякахъ), въ объясненіе того,

(а) Общерусск. дневникъ Петрушевича.

(б) Православн. Собесѣдн. 1858 г. 1, 147; Историч. очерки нар. слов. и искус. Буслаева т. 1, 503.

(в) Православн. Собесѣдн. 1858 г. 1: 147.

(г) Поэтич. воззрѣн. Слав. на прир. Аван. III т. 702; Русск. Бесѣда 1858 т. 1, ст. Максимов. 78; Цебриковъ 275—7; Маякъ XI, 1843 г. матеріалы. Этимъ народнымъ вѣрованіемъ отчасти напоминается то древнее языческое понятіе, что съ началомъ весны, этого благодатнаго времени, являлись на землю свѣтлые боги и подавали ей плодородіе.

почему изъ обычнаго чина отпѣванія усопшихъ очень не многое удерживается при погребеніи ихъ во дни Пасхи,— сказано, что „въ покаяніи умершій (въ сіи дни) аще и не удовлесотворилъ есть о своихъ согрѣшеніихъ, молитвами церковными оставляется ему и отъ удержанія свободится“. Но по народному представленію, въ праздникъ Пасхи открывается свѣтлый рай для всѣхъ умирающихъ въ это время и всѣ покойники, оставляющіе этотъ свѣтъ на Пасху, безпрепятственно переходятъ въ селенія праведныхъ (д). Мысль эта, какъ видно, легко родилась въ умѣ народномъ частію подъ вліяніемъ священныхъ пѣсней, въ которыхъ возвѣщается всеобщее прощеніе, частію подъ вліяніемъ церковнаго обычая открывать въ храмахъ на всю пасхальную седмицу царскія двери. По толкованію Св. Іоанна Златоустаго отверстіе этихъ вратъ знаменуетъ отверстіе небесъ (е).—Обрядъ христосованія, въ праздникъ Пасхи, изстари пользуется въ русскомъ народѣ глубокимъ уваженіемъ и получилъ широкое приложеніе въ его жизни. Обрядъ христосованія, какъ извѣстно перенесенъ, къ намъ изъ Греціи. Обычай христосованія здѣсь былъ извѣстенъ въ древности и вотъ что замѣчаетъ о немъ одинъ изъ западныхъ писателей XVII в. Левъ Алляцій: „Подъ конецъ утрени, говоритъ онъ, священникъ во всемъ облаченіи, держа въ рукахъ Евангеліе, на верхней доскѣ коего изображено распятіе Христово, становится предъ царскими вратами, а съ нимъ и сослужители, держа каждый икону. Тогда начинаютъ пѣть тропарь: Христосъ воскресе, что продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока вся сія церемонія кончится Отличнѣйшій изъ предстоящихъ подходить и приложася къ изображенію на Св. Евангеліи, обнявъ обими руками священника, цѣлуетъ его въ плечи, говоря: Христосъ воскресе! Священникъ же цѣлуя его взаимно въ лицо отвѣтствуетъ: воистину воскресе! Послѣ такимъ же порядкомъ подходитъ другой, третій и всѣ, находящіеся въ церкви и приложася къ иконамъ, и поцѣловавъ священника лобызаютъ также и всѣхъ, подлѣ него стоящихъ сослужителей и потомъ всѣ такимъ же образомъ цѣлуются между собою. А женскій полъ взаимно лобызаясь, цѣлуютъ только одна другую, привѣтствуя тѣми же словами. Тоже дѣлаютъ и дѣти. Въ продолженіе трехъ дней и болѣе всѣ лобызаются между собою и внѣ церкви,—мущины съ мущинами, а

(д) О велик. Господск. и Богород. презд. Кіевъ 1835 г.

(е). Бесѣд. на послан. къ Ефесеямъ, III; 198.

женщины съ женщинами; дѣти же различія сего не наблюдаютъ“ (ж). Что касается самаго значенія обряда христосованія, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ, по мысли христіанской Церкви, служитъ выраженіемъ общей радости и всеобщаго прощенія, которое даровано намъ воскресеніемъ Спасителя (з). Потому-то наши предки на праздникъ Пасхи христосовались не только съ живыми, но и съ умершими. Обычай этотъ въ старину особенно наблюдали благочестивые старики и старушки, которые на Пасху ходили на кладбища, — на эту ниву Божію и христосовались съ своими покойниками, сопровождая обыкновенно этотъ обрядъ плачемъ, стонами и разными причитаніями (и). Не менѣе также уважается въ нашемъ народѣ другое благочестивое обыкновеніе, освящаемое самою Церковію, именно употребленіе на Пасху красныхъ яицъ. Въ яйцѣ, сокрывающемъ жизнь птенца, наши предки могли видѣть наглядное изображеніе живоноснаго гроба и воскресенія Христова; съ другой стороны воскресенское яйцо своимъ краснымъ цвѣтомъ легко могло напоминать ту безцѣнную кровь, которою исходатайствовано намъ вѣчное спасеніе. О началѣ обыкновенія употреблять на Пасху красныя яйца въ Греціи сохранилось цѣлое преданіе, въ которомъ виновницею этого обычая представляется Св. Марія Магдалина. Преданіе это говоритъ, что по вознесеніи Спасителя на небо Св. Марія Магдалина, пришедши въ Римъ для проповѣданія Евангелія, предстала предъ императора Тиверія и, поднесши ему красное яйцо, сказала: Христосъ воскрес! и такимъ образомъ начала свою проповѣдь. Первенствующіе христіане, узнавъ по слуху объ этомъ простосердечномъ приношеніи св. Магдалины, начали подражать оному и при воспоминаніи воскресенія Христова дарили другъ друга яйцами (і). Это обыкновеніе въ послѣдствіи времени стало всеобщимъ. Преданіе это подтверждается упоминаемою ученымъ грекомъ Константиномъ Экономидомъ въ сочиненіи его объ этомъ предметѣ рукописью X вѣка, которая хранится въ монастырѣ св. Анастасіи, находящемся недалеко отъ Фессалоники, въ которой сказано, что обыкновеніе это существуетъ отъ самыхъ временъ апостолѣ-

(ж) Thesaur. Eccles. Suiceri т. I, р. 554.

(з) О велик. Господск. и Богород. празд. Кіевъ 1835 г.

(и). Отголоски старины Любецкаго 230 стр.

(і) О велик. Господск. и Богород. празди. Кіевъ. 1835 г.

скихъ и получило начало отъ св. Маріи Магдалины (к). Впрочемъ, не умаляя значенія христіанскаго преданія о началѣ обычая употреблять на Пасху яйца, замѣтимъ, что обычай подобнаго рода былъ извѣстенъ въ глубокой дохристіанской древности. Извѣстно, что всѣ народы въ Европѣ и Азіи въ язычествѣ имѣли обыкновеніе во время празднованія новаго года, который обыкновенно начинался почти въ одно время съ христіанскою Пасхою, ставить на столъ яйца и дѣлать изъ нихъ другъ другу подарки. Въ Персіи до сихъ поръ этотъ обычай соблюдается. Такъ Брюнъ, описывая свое путешествіе, замѣчаетъ, что въ 1704 г. ему случилось быть въ Персіи въ самый праздникъ новаго солнечнаго года, во время котораго жители именно дарили другъ друга крашеными яйцами (л). Въ глазахъ древнихъ народовъ, какъ объясняетъ Плутархъ, яйцо представляло нѣкоторымъ образомъ Творца, во всемъ вселенствующаго и все въ Себѣ заключающаго; такъ по его словамъ смотрѣли на яйцо Египтяне, Персы, Римляне, Греки и другіе народы (м). Обращаясь затѣмъ ко временамъ древнерусской жизни, замѣтимъ о нѣкоторыхъ обычаяхъ, соединившихся издревле съ употребленіемъ воскресенскаго яйца. Извѣстно, что на пасхальной утренѣ цари наши, передъ тѣмъ какъ христосоваться, прикладывались къ иконамъ и христосовались съ духовенствомъ и боярами, при чемъ болѣе близкихъ изъ нихъ жаловали къ рукъ, раздавая яйца гусиные, утиные, куриные, также деревянные, расписанные по золоту яркими красками въ узоры или цвѣтными травами (н). Приготовленіемъ такихъ яицъ къ празднику Пасхи въ старину на Руси занимались пекари, иконописцы, травщики Оружейной Палаты и монахи Троицко-Сергіевой Лавры (о). Что касается простаго народа, то кромѣ употребленія яицъ при христосованіи, онъ употребляетъ ихъ какъ символы всего жизненнаго и цвѣтущаго въ природѣ. Такъ на праздникъ Пасхи наши крестьяне ставятъ на столъ кадку съ зернами пшеницы, зарывая въ нее воскресенское яйцо, и зерна эти берегутъ для посѣва. Или: отправляясь съять лень, кладутъ въ мѣшокъ наполненный сѣменами яйца и при посѣвѣ этихъ сѣмянъ разбрасываютъ по полю яичную

(к) Тамже.

(л) Поэт. возврѣн. Слав. на природ. Аенасьева т. I. 536—7.

(м) Опытъ повѣств. о древност. русск. Успенскаго. II ч. 221—2.

(н) Отголоски старин. Любецк. 219—20.

(о) Домашній бытъ Русск. царей. Забѣлина.

скорлупу, приговаривая: „роды Боже коноши были, якъ яйцо“. Также есть у нѣкоторыхъ хозяевъ обычай гладить воскресенскимъ яйцомъ домашній скотъ, особенно лошадей, въ знакъ желанія, чтобы они были гладки какъ яйцо (п). Не говоримъ уже о томъ, что изстари у русскаго народа яйцо, особенно на праздникъ Пасхи, служитъ своего рода игрушкой: оно употребляется, какъ извѣстно, для битковъ, катанья и другихъ развлеченій. Впрочемъ такого рода обращеніе съ воскресенскимъ яйцомъ не считалось у нашихъ предковъ приличнымъ и умѣстнымъ. Потому-то напр. въ монастырскихъ указахъ XVII ст., на ряду съ другими суевѣріями, запрещается крестьянамъ, какъ дѣло противное вѣрѣ и обидное для важности праздника, биться яйцами (р).— Въ древней христіанской церкви, какъ извѣстно, праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова посвящался по преимуществу дѣламъ благотворительности. Подобно тому у насъ на Пасху русскіе государи посѣщали застѣнки, больницы, богадѣльни, плѣнныхъ иностранцевъ и колодниковъ и привѣтствуя ихъ: Христосъ воскрес, надѣляли одеждою, деньгами, пищею. Вообще всю свѣтлую седмицу наши цари и царицы посвящали богомолью, путешествуя по ближнимъ и дальнимъ монастырямъ, и щедрой раздачею милостыни нищимъ и увѣчнымъ (с). Простой людъ нашъ тоже праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова встрѣчаетъ съ особеннымъ благоговѣніемъ и духовною радостью. Именно въ ночь подъ Пасху никто не ложится спать; нѣсколько человѣкъ изъ всякаго семейства идутъ къ заутренѣ, оставшіеся же молятся дома, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, пока возвратившіеся изъ церкви возвѣстятъ имъ: Христосъ воскрес! На праздникъ Пасхи у насъ по исконному обычаю священники и церковно-служители ходятъ въ городахъ и въ селахъ по домамъ съ священными иконами съ пѣніемъ праздничныхъ стиховъ, и вообще съ молитвенными благословеніями (т). Это извѣстно у насъ подъ именемъ славленія Христа, которое, еслибы было всегда и вездѣ производимо съ должнымъ благоговѣніемъ, то могло бы производить дѣйствія, подобныя тѣмъ, какія произвела вѣсть Апостоловъ о воскресеніи Христа. При этомъ во многихъ мѣстахъ Великороссіи принято за обычай отпра-

(п) Поэт. возврѣн. Слав. на прир. Аѳанасьева. I т. 537.

(р) Акт. Юридич. 357.

(с) Отголоски стар. Любецк. 220.

(т) О велик. Господ. и Богор. празд. Кіевъ. 1835 г.

ляться въ сопровожденіи священнослужителей съ иконами и хоругвями на поля засѣянные озимыми хлѣбами. Во время этого богомолья многіе соблюдаютъ строгую умѣренность въ пищѣ и питіи, а иные почти и постятся, неупотребляя во все продолженіе ношенія иконъ мяса, и при этомъ хозяева просятъ въ своихъ молитвахъ Воскресшаго, да воскреситъ Онъ и все посѣянное на полѣ (у). Въ западной и южной Руси во время обхода съ молитвою домовъ священники благословляютъ еще столы съ разнаго рода яствами, которыя обыкновенно приготовляются къ Пасхѣ въ большомъ количествѣ и разнообразіи. Замѣчательно при этомъ, что смотря на пасхальныя яства, какъ на вещи освященныя церковною молитвою, нашъ простой людъ съ особеннымъ благоговѣніемъ относится къ остаткамъ воскресенской трапезы. Такъ напр. наши поселяне стараются сберечь кости отъ пасхальнаго стола и частію зарываютъ ихъ на пашняхъ съ цѣлію предохранить нивы отъ града, частію держатъ въ домахъ и во время лѣтнихъ грозъ бросаютъ въ огонь, дабы отвратить ударъ грома и т. п. (ф).—Съ давнихъ временъ положено нашею Церковію чрезъ все продолженіе праздника Пасхи звонить во всѣ колокола. Обыкновеніе это особенно сильно въ Великой и Южной Россіи, гдѣ всегда въ это время находится весьма много охотниковъ звонить на колокольняхъ (х). Цѣлдневный звонъ знаменуетъ въ семь случаевъ духовное торжество и сердечную радость вѣрующихъ о побѣдѣ надъ врагами нашего спасенія (ц). Въ другихъ мѣстахъ на Великій день въ Великороссіи и Западной Россіи существуетъ обычай передъ пасхальной заутреней всходить на колокольню и стрѣлять оттуда изъ огнестрѣльныхъ орудій; также во время крестнаго хода на самой заутрени бить въ барабанъ. Первое изъѣтихъ обыкновеній извѣстно у Лужичанъ (ч).—Существуетъ народное повѣрье объ игрании въ Свѣтлое Воскресеніе солнца, какъбы раздѣляющаго съ христіанами радость великаго праздника; потому многіе изъ простолудиновъ нашихъ, весьма интересующихся этимъ мни-

(у) Тамже.

(ф) Маякъ XI. 1843 г. Матеріалы. Порядокъ народн. времясч. и праздн. обыч. въ сѣвер. зап. краѣ, 49.

(х) О велик. Господ. и Богор. празд. Кіевъ 1835. Отголоски стар. Любецкаго, 227.

(ц) О велик. Госп. и Богор. празд. Кіев. 1837.

(ч) Общерусскій днев. Петруш. Поэт. возвращѣн. Слав. на прир. Аѳанас. III. 702.

мымъ явленіемъ, рано, на праздникъ Пасхи, взбираются на колокольни, крыши, пригорки, чтобъ наблюдать за играніемъ солнца (ш). Наконецъ въ русскомъ быту изстари совершается въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія еще одинъ обрядъ, который несомнѣнно относится къ глубокой древности языческой; разумѣемъ такъ называемое обливаніе молодыхъ людей и дѣвицъ въ первые дни праздника Пасхи. Объ этомъ обычаѣ древнихъ Славянъ читаемъ слѣдующее замѣчаніе въ Гусситской лѣтописи: „отсихъ, т.-е. языческихъ боговъ, единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, емуже и донинѣ, по нѣкимъ странамъ память творять безумніи: въ день воскресенія Христова собравшися юніи играюще вмѣтаютъ человѣка въ воду, и бываетъ тогда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, разбиваются и умираютъ или утопаютъ; но въ иныхъ же странѣхъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою поливаютъ, но единоче тому же бѣсу сотворяютъ“ (щ). По свидѣтельству Ломоносова, въ его время въ простонародіи обливали водою въ наказаніе за небытіе у заутрени, а иногда просыпавшихъ ее бросали въ воду (ъ). Извѣстно, что у римлянъ весною въ мѣсяцъ маѣ обливали другъ друга водою и купались въ Тибрѣ въ честь богини Маіи (ы). Сербы доселѣ наблюдаютъ особенный обрядъ Додоны, который имѣетъ символическое значеніе благодѣтельнаго и плодотворнаго вліянія весенней влаги и дождя (ь). Можно полагать, что и у насъ въ обрядѣ, приуроченномъ къ важнѣйшему весеннему празднику Пасхи, наши предки выражали свои вѣрованія въ благодѣтельную и плодотворную силу весенней водной стихіи. Вѣрованіе это имѣло глубокое значеніе у нашихъ предковъ, которые даже приносили жертвы водной стихіи и приписывали цѣлебное значеніе весеннему снѣгу и дождю. Потому-то въ указѣ св. Синода, изданномъ въ 1721 г. 17 апрѣля, наряду съ другими народными суевѣріями и остатками древняго язычества, строго запрещается и обычай обливанія на Пасху, какъ остатокъ темной дохристіанской старины. Именно въ указѣ

(ш) Общерусск. днєвн. Петруш. Отголоски стар. Любецкаго 219. Преданія о нар. русск. суевѣр. повѣр. и обыч. 1861 г.

(щ) Полное собр. русск. лѣт. II 257.

(ъ) Опытъ повѣств. о Россіи Елагина 1803. 360. Опытъ повѣств. о древн. Россійск. Успенскаго. 414.

(ы) Русск. простон. празд. и суевѣр. обр. Снегирев. вып. III. 84.

(ь) Поэт. возвр. Слав. на природу Аѳанасьева II. г.

этомъ говорится: „въ россійскомъ государствѣ какъ въ городахъ, такъ и всякъ происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно во всю святую седмицу Пасхи, кто не бываетъ на утрени, такого якобы штрафуя обливаютъ водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ купаютъ. И хотя простой народъ дѣлаетъ себѣ будто забаву праздничную, однако отъ этой суетной забавы дѣлается не токмо здравію, но и животу человѣческому несчастье; ибо онымъ отъ невѣждъ купаньемъ въ глубокихъ рѣкахъ иногда людей потопляютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапно обливающе ума лишаютъ“. Извѣстно, что обряды обливанія на Пасху и доселѣ еще держатся во многихъ мѣстахъ среди нашего простонародія, какъ пустая праздничная забава, безъ всякаго представленія того отношенія, какое имѣетъ это обыкновеніе къ древнему, дохристіанскому быту нашихъ предковъ.

И. Калининскій.

НѢКОТОРЫЯ ИЗРЕЧЕНІЯ И РЕЗОЛЮЦИИ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА.

1. На экзаменѣ въ Московской Академіи высокопреосвященный Филаретъ сказалъ одному студенту: „ты, Ловцевъ, уловилъ истину.“ (Ловцевъ скончался протоіереемъ въ Москвѣ 1869 года).

2. Другой студентъ-монахъ, спрошенный на экзаменѣ въ присутствіи владыки, обнаружилъ особенную робость. Святитель подозвалъ его къ себѣ и вотъ что сказахъ ему: „мы монахи, мы должны Бога бояться.“

3. Священнику, профессору В-ой семинаріи, по возложеніи на него бархатной фіолетовой скуфьи (1862), сказалъ онъ: „желаю тебѣ получить большую награду; но служи не съ тѣмъ, чтобы получить награду, а для пользы общества.“

4. Увидя въ одной приходской церкви изображеніе Бога Отца съ развѣвающимися какъ бы отъ вѣтра волосами, архипастырь напомнилъ священнику: „надъ Богомъ стихіи не имѣютъ власти.“

5. Резолюція его отъ 21 марта 1852 года: „Иконостасъ украшается потому, что въ немъ изображенія святыхъ, и внутри его святилище. Украшать такъ же великолѣпно мѣ-

ста настоятеля и монаховъ на клиросѣ есть несообразность. Они не святые. Надобно мѣсто настоятельское и клиросы устроить простѣе.“

6. Прохаживаясь въ какомъ-то пустынномъ монастырѣ, митрополитъ взглянулъ на ограду, на которой были нарисованы окна, и спросилъ: „эти окна настоящія?“ Игуменъ отвѣчалъ, что они фальшивыя. На это святитель замѣтилъ: „фальши много и въ мірѣ, а въ монастырѣ она зачѣмъ?“

7. Златоуста монастыря іеромонахъ Іезекииль намѣревался утруждать Государя Императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о назначеніи ему іеромонаху пенсіи за шестилѣтнюю морскую службу, разстроившую его здоровье. Вотъ резолюція пр. Филарета отъ 23 апрѣля 1836 года: „Морская служба іеромонаха не велика, и за ту онъ Всемилостивѣйше награжденъ крестомъ. Теперь онъ не безъ пищи, не безъ одежды, не безъ крова, въ климатѣ, который самъ по своему здоровью избралъ. Посему хорошо бы онъ сдѣлалъ, есть ли бы благодарилъ Бога и Государя за то, что имѣетъ, и не цѣнилъ заслуги свои слишкомъ высоко.“

8. „Употреблять жребій можно только въ дѣлахъ особенной важности и необходимости, а безъ нужды употреблять жребій неразумительно и грѣшно“ (Изъ резолюціи отъ 21 окт. 1856.)

A. I'-ий

КРИВОЙ ТОЛКЪ О РЕЛИГІОЗНОМЪ ВОСПИТАНІИ.

Въ газетѣ „Голосъ“ (№ 57) по поводу отчета обер-прокурора св. Синода за 1869 г. высказано сужденіе о религіозномъ воспитаніи, возмутительное для православнаго чувства. Въ отчетѣ указано, какъ на одну изъ благотворныхъ мѣръ воспитанія, на то, что въ одной семинаріи введено было въ отчетномъ году чтеніе Апостола и Евангелія предъ литургіею въ воскресные и праздничные дни. Что же можно бы сказать противъ этой прекрасной мѣры религіознаго воспитанія? Такъ нѣтъ же. „Голосъ“ находитъ, что употреблять эту мѣру значитъ „навѣвать благочестіе и вообще религіозность *извнѣ*, такъ сказать, насилуя личное чувство человѣка“. Я не знаю, почему „Голосъ“ напечаталъ курсивомъ „извнѣ“, а не „насилуя“. Суть—въ этомъ послѣднемъ словѣ. Что благочестіе навѣвается извнѣ, тутъ ничего нѣтъ укориженного ни для благочестія, ни для религіознаго воспитанія. Что однимъ изъ

внѣшнихъ средствъ для насажденія благочестія въ сердцѣ христіанина служить чтеніе Слова Божія, тутъ нѣтъ ничего несогласнаго съ истиннымъ духомъ христіанства. *Како увѣрютъ—безъ проповѣдающаго?* (Рим. 10, 14) спрашиваетъ Ап. Павелъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, вы хотите передать воспитанникамъ духъ Евангелія, не читая самаго Евангелія? Вы говорите: надобно возбуждать благочестіе изнутри. Скажите же намъ, какъ это можно возбуждать благочестіе изнутри, не дѣйствуя извнѣ. Благочестіе дѣйствительно возбуждается и изнутри, но чѣмъ? Благодаренію Св. Духа. Внутреннее озареніе отъ Св. Духа нисколько однакожъ не исключаетъ необходимости внѣшняго слышанія слова Божія: *вѣра отъ слуха, слухъ же отъ Божіимъ* (Рим. 10, 17). Квакеры, гораздо болѣе усердные и болѣе искренніе поборники внутренняго возбужденія въ человѣкѣ религіознаго чувства, нежели газета „Голосъ“, и тѣ считаютъ нужнымъ чтеніе Слова Божія для того, чтобы вызвать это внутреннее возбужденіе. Итакъ навѣвать на воспитанниковъ религіозность извнѣ—я не знаю, почему это не угодно квакерствующему „Голосу“. Другое дѣло: „насилуя личное чувство человѣка“. Вамъ читаютъ Евангеліе, даже толкуютъ его; это значитъ, по мнѣнію „Голоса“, насиловать личное чувство человѣка. Стало быть, и Церковь, читая Евангеліе во время своего богослуженія, тоже посягаетъ на свободу вашего личнаго чувства? Давно ли, господа, Евангеліе стало оказывать такое развращающее дѣйствіе? До сихъ поръ никому не приходило и въ голову, что Евангеліе дѣйствуетъ насильственно; *имѣй уши слышати да слышишь*: вотъ девизъ Евангелія. Ученикамъ читаютъ Евангеліе и не скрываютъ цѣли—содѣйствовать развитію въ нихъ религіозности; гдѣ же тутъ насиліе свободному личному чувству? Задача педагогій—вызывать въ воспитанникахъ лично-дѣятельное отношеніе къ религіи; читать же имъ Апостоль и Евангеліе—занятіе мелочное и не ведущее къ цѣли: такъ разсуждаетъ „Голосъ“. Какъ же это можно вызывать въ воспитанникахъ лично-дѣятельное отношеніе къ религіи, не употребляя ни одного внѣшняго средства? „Цѣлюю системою воспитанія“,—говорите вы. Такъ вотъ она цѣлая система *внѣшняго* дѣйствованія на воспитанника: воспитаніе не можетъ не дѣйствовать извнѣ. А если такъ, то зачѣмъ же устранять изъ этой системы самое пригодное средство религіознаго воспитанія—чтеніе Слова Божія? Почему „Голосу“ кажется, что именно это-то наи-

лучшее и наивѣрнѣйшее изъ всѣхъ средствъ религіознаго воспитанія не приведетъ къ своей цѣли? Развѣ чтеніе Евангелія не можетъ „постепенно выработать въ воспитанникѣ честный и добросовѣстный характеръ“? Скажу еще прямо: развѣ можетъ быть какая-нибудь честность и добрая нравственность въ христіанинѣ безъ Евангелія? А христіанское воспитаніе безъ Евангелія,—это по меньшей мѣрѣ кривой толкъ о воспитаніи....

И.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ апрѣльской книжки «Душеп. Чтенія» начинаемъ помѣщать въ приложеніи къ нему, съ особымъ счетомъ страницъ, Чтенія по Умозрительной психологіи (ученію о душѣ), записанныя со словъ покойнаго профессора Москов. Духов. Академіи, протоіерея Θεодора Александровича Голубинскаго († 1854 г.), студентомъ XIV курса Владиміромъ Назаревскимъ (нынѣ московскій протоіерей) и другими. Приступая къ изданію этихъ Чтеній, мы имѣемъ въ виду не только высокую важность ихъ содержанія, силу и ясность въ раскрытіи его, но также благопотребность ихъ для нашего времени, когда съ такою беззастенчивостію и легкомысліемъ, на словахъ и въ печати, высказываются превратныя, враждебныя откровенному ученію и здравому смыслу, матеріалистическія воззрѣнія на природу души, на ея силы и свойства, на ея происхожденіе, на значеніе жизни настоящей, на загробную жизнь,—когда къ соблазну людей не утвержденныхъ въ ученіи истины провозглашается эпикурейское и саддукейское ученіе, «яко самослучайно рождени есмы, и по семъ будемъ якоже не бывше и духъ нашъ разліется яко мягкій воздухъ; приидите убо и насладимся настоящихъ благихъ, и да будетъ намъ крѣпость (насиліе) законъ правды» (Прем. 2, 2. 3. 6. 11). Въ предлагаемыхъ вниманію читателей лекціяхъ знаменитаго профессора они найдутъ не только положительное, на основаніи здраваго христіанскаго любомудрія, раскрытіе ученія о душѣ, ея богоподобной природѣ и свойствахъ, ея происхожденіи и безсмертіи, но вмѣстѣ руководство къ опроверженію превратныхъ воззрѣній на душу, идущихъ отъ древнихъ и новыхъ лжеучителей. Встрѣчающаяся по мѣстамъ отвлеченность въ раскрытіи предмета, неизбѣжная въ лекціяхъ философскихъ, читанныхъ притомъ для слушателей высшаго духовно-учебнаго заведенія,—надѣмся, не будетъ затруднять людей не чуждыхъ философскаго образованія (напримѣръ священниковъ, составляющихъ большинство нашихъ подписчиковъ), а въ людяхъ, не привыкшихъ къ высшимъ умозрѣніямъ, возбудитъ желаніе путемъ усиленнаго размышленія усвоить то, что кажется для нихъ не довольно вразумительнымъ. Чтенія по Умозрительной Психологіи, по окончаніи печатанія, могутъ составить не незначительную по объему книгу.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВЫЯ КНИГИ:

1. ТОЛКОВАНІЕ НА ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ.

Свящ. Вас. Нечаева.

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

2. ИСТОРИЯ СВ. ВСЕЛЕНСКИХЪ СОВОРОВЪ. I-й ВЫПУСКЪ.

Епископа Іоанна.

Цѣна 85 к., съ пересылкою 1 р.

Обѣ книги продаются въ редакціи «Душеп. Чтенія» въ Москвѣ, также у книгопродавцевъ Терапонтова и Соловьева—въ Москвѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„БИБЛЕЙСКАГО СЛОВАРЯ“.

Разнообразіе и обиліе данныхъ біографическихъ, географическихъ, археологическихъ и т. д., встрѣчающихся при чтеніи священныхъ книгъ, дѣлають сборникъ, въ которомъ легко и удобно было бы находить объясненія этимъ даннымъ, вполне необходимымъ. Западная богословская литература очень богата такими сборниками, принаровленными, кромѣ того, къ употребленію лицъ съ самыхъ разнообразнымъ образованіемъ и умственнымъ развитіемъ. Отсутствіе подобнаго сборника въ русской духовной литературѣ возбудило въ составитель русскаго „Библейскаго Словаря“ желаніе, по мѣрѣ силъ и способностей, восполнить этотъ недостатокъ.

Согласно съ указанною цѣлью въ составъ „Библейскаго Словора“ входятъ: 1) *Библейская пропедевтика*:—исторія образованія библейскаго текста и исторія канона священныхъ книгъ; священная библиологія; священная палеографія. 2) *Библейская исторія*; 3) *Библейская географія*; 4) *Библейская археологія*; 5) *Библейская естественная исторія*; 6) *Библейская филологія*.

Все изданіе, составленное по образцу и при пособіи лучшихъ иностранныхъ библейскихъ словарей, будетъ состоять приблизительно изъ 16 выпусковъ, каждый изъ 12 печатныхъ листовъ плотнаго, убористаго шрифта.

Цѣна перваго выпуска, содержащаго букву А и находящагося уже въ продажѣ, безъ пересылкѣ 80 коп., а съ пересылкою 1 рубль.

Выписывать можно изъ книжнаго магазина Колесова и Михина, въ С.-Петербургѣ, въ гостинномъ дворѣ, № 22, и прямо отъ издателя, въ Николаевской улицѣ, домъ № 24.

Выписывающіе 10 экземпляровъ пользуются уступкою 10 процентовъ, выписывающіе же 25 экземпляровъ получаютъ 20 процентовъ уступки.

По выходѣ перваго тома, или первыхъ восьми выпусковъ, цѣна каждаго выпуска будетъ увеличена.

ПО П Р А В К А .

Во 2-мъ отдѣлѣ мартовской книжки на 1-й страницѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи къ двумъ письмамъ М. Филарета *нанечатано*: Получены преосв. Леонидомъ отъ Е. Д. Шереметевой. *Надо читать*: получены преосв. Леонидомъ отъ баронессы Елисаветы Сергѣевны Дёллеръ, рожденной Шереметевой.

ОГЛАВЛЕНИЕ I-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1871 ГОДА.

I.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ И АПРѢЛЬ.

Стран.

1. Исторія святыхъ Вселенскихъ соборовъ. (*Въ Приложеніи*). 225—243.
2. Старый Іерусалимъ и его окрестности. Изъ записокъ инокъ-паломника 3—7, 186—206.
205—310
3. Разсказы изъ Исторіи Русской Церкви 18—39.
4. О мирѣ среди брани и о брани среди мира. Слово въ день Рождества Христова. 40—46.
5. Пареміи изъ книги Бытія 47—56, 175—188.
271—289.
6. О значеніи впечатлѣній ранняго дѣтства въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. 57—73, 112—123
234—248, 311—320
7. О покаяніи. Три поученія покойнаго протоіерея Ипполита Михайловича Богословскаго-Платонова . . . 74—88, 124—129
8. О самоиспытаніи, какъ важнѣйшемъ руководствѣ къ постепенному и неогласному преспѣванію въ христіанскомъ благочестіи 89—111, 207—233.
321—333.
9. Скоропостижная смерть. Слово въ субботу мясопустную и въ день трехъ святителей, преосвященнѣйшаго Сергія, епископа Курскаго 130—134.
10. Важнѣйшая обязанность матери. Слово еягоже въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. 135—138.
11. Строитель іеромонахъ Максимъ, настоятель Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря. 139—158.
12. Средства заглаженія грѣховъ 159—174.
13. Упоминаемыя въ св. Писаніи деревья въ Палестинѣ и въ сосѣднихъ странахъ 249—266.
14. Слово къ причастникамъ св. Таинъ преосвященнѣйшаго Леоніада, епископа Дмитровскаго 267—270.
15. Кости сухія 290—294.
16. О христіанской искренности и правдивости. Три бесѣды покойнаго протоіерея И. М. Богословскаго-Платонова. 334—350.
17. Изъ исторіи юго-славянскаго монашества XIV столѣтія. 352—368.
18. Изъясненіе тропаря священно-мученикамъ. 369—377.
19. Двѣ Рѣчи преосв. Леоніада, епископа Дмитровскаго . . . 377—386.
20. Чтенія по умозрительной психологіи (*въ приложеніи къ апр. книжкѣ*) 1—16.

(ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.)

II.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ И АПРѢЛЬ.

	<i>Стран.</i>
1. Воспоминаніе о трехъ русскихъ православныхъ священникахъ	1—12, 39—48.
2. Молчальникъ Титъ	12—21.
3. Путевыя письма съ береговъ Волги	21—32. 75—66 95—111.
4. Нѣсколько словъ о томъ, какъ глаголемые старообрядцы поповскаго и безпоповскаго согласія взаимно одни другихъ опровергаютъ.	33—36.
5. Три письма моск. митрополита Филарета.	37—38.
6. О клятвахъ собора 1667 г. и о полемическихъ книгахъ.	48—64.
7. Къ матеріаламъ для біографіи мос. митрополита Филарета	64—68.
8. Подвигъ паломничества и подвигъ челоѣколюбія.	68—70.
9. Два письма Филарета митрополита мос. къ ректору Спасо-Виоанской семинаріи.	70.
10. Два письма егоже	71—75.
11. Замѣчательная старопечатная книга—Евангеліе временъ всероссійскихъ патріарховъ Іова и Ермогена.	86—92.
12. Еще два письма Филарета митрополита московскаго.	92—94.
13. Изъ церковно-народнаго русскаго мѣсяцеслова: праздникъ Пасхи	112—119.
14. Нѣкоторыя изреченія и резолюціи митрополита московскаго Филарета	119—120.
15. Кривой толкъ о религіозномъ воспитаніи	120—122.
16. Отъ Редакціи.	122